3 1761 08106699 5

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1892.

ОКТЯБРЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе.)

XXIV.

Узнавъ, какой день назначенъ, Варнавинъ телеграфировалъ своему адресату въ Нью-Іоркъ:

„Сообщите Хлюдову. Свадьба 9 (21) января.“

Онъ сдѣлалъ это безо всякой опредѣленной цѣли, такъ, для очистки совѣсти; но нетрудно представить себѣ его удивленіе и тревогу, когда въ сочельникъ на Рождество пришелъ отвѣтъ:

„Остановите свадьбу. Ѣду съ открытіями.“

Весь вечеръ прошелъ въ нерѣшимости, которая кончилась тѣмъ, что онъ спряталъ депешу подъ ключъ и не сказалъ о ней никому. „Еслибъ открылъ что-нибудь серьезное“, думалъ онъ,— „то, конечно, не поскупился бы на слова.... Депеша отправлена изъ Нью-Іорка 20 (1) января. Если выѣхалъ въ тотъ же день, то теперь далеко уже на „Трансатлантическомъ“, и даже съ задержкой, чрезъ недѣлю, слѣдуетъ ожидать второй телеграммы изъ Лондона.... Всячески еще будетъ время остановить.“

И онъ ждалъ; но по мѣрѣ того, какъ дни проходили безъ новыхъ извѣстій, тревога его росла.

3 января пришла наконецъ и вторая депеша:

„Остановите свадьбу. Везу на свой счетъ свидѣтеля, но боюсь опоздать.“

Это звучало уже весьма серьезно; но все-таки онъ молчалъ. Только жена замѣтила, что онъ самъ не свой, и при всякомъ звонкѣ выбѣгаетъ въ прихожую.

— Ты ждешь чего-нибудь? спрашивала она, теряясь въ догадкахъ.

— Жду.

Но дальше она не добилась ни слова.

* * *

Въ Крещенье, вечеромъ, самоваръ стоялъ на столѣ, когда позвонили, и прежде чѣмъ кто-нибудь появился въ прихожей, онъ самъ отворилъ.

— А! Наконецъ-то! сказалъ онъ, увидѣвъ Хлюдова; и они обнялись.

Сотрудникъ его такъ измѣнился, что Варнавинъ съ трудомъ его узнавалъ.

— Пожалуста ни полслова женѣ, шепнулъ онъ.

Въ эту минуту вбѣжала горничная и слѣдомъ за ней Наташа.

— Игнатій Петровичъ!.. Какими судьбами?

— Да, вотъ, какъ видите, воротился.

Варнавинъ былъ, какъ на угольяхъ.

— Послѣ наговоритесь, сказалъ онъ женѣ.—У насъ есть дѣло, недопускающее отстрочки...

И быстро взявъ подъ руку Хлюдова, онъ увелъ его въ кабинетъ.

— Ну, говорите скорѣй,—женатъ?

— Въ сущности, да!

— Что̀ это значитъ въ „сущности“.

— Значитъ—не юридически.

— Уфъ! произнесъ Петръ Осиповичъ, безотчетно крестясь, и страхъ его сразу прошелъ.

— Садитесь, разсказывайте.

Но Хлюдовъ, взволнованный и иззябшій, не могъ продолжать. Лихорадка его трясла; языкъ и губы не слушались; пальцы, окоченѣвшіе на морозѣ, торчали какъ деревянные... Варнавину стало жалко его.

— Ну, не горитъ, сказалъ онъ.—Пойдемте къ женѣ, въ столовую. Чай на столѣ... согрѣйтесь и отдохните... позже успѣете разсказать.

За чаемъ Наташа, очень довольная и успокоенная, говорила почти одна; но изъ короткихъ отвѣтовъ Хлюдова все-таки можно было понять, что счастье ему улыбнулось въ Америкѣ. Не только работа его была окончена, но онъ вернулся въ Россію корреспондентомъ двухъ широко-распространенныхъ американскихъ изданій, и не съ пустымъ карманомъ.

За третьимъ стаканомъ его ударило въ потъ и у него разгорѣлось лицо.

— Ну, а теперь за дѣло... Пойдемте, сказалъ Варнавинъ.

Дверь кабинета была заперта, и они усѣлись.

— Прежде всего, позвольте узнать: свадьба отложена? сказалъ Хлюдовъ.

— Нѣтъ. Отложить не долго; было бы только изъ-за чего... Вы не сообщили мнѣ ни полслова о вашихъ открытіяхъ... разсказывайте не торопясь... Что̀ вы узнали?

— Узналъ, что миссъ Питерсъ два мѣсяца посѣщала вашего лейтенанта въ тюрьмѣ, какъ его жена, и имѣла на этотъ счетъ торжественныя, данныя ей при пасторѣ, обѣщанія. Обрядъ и метрическія формальности были отложены только до выпуска его изъ тюрьмы, но и безъ нихъ свидѣтельскихъ показаній достаточно, чтобъ установить права ея на судѣ.

— Ммъ!.. А они обращались въ судъ?

— Нѣтъ... Къ этому были препятствія... Мотивы его пятилѣтняго заключенія не допускали судебной огласки.

— Не понимаю, сказалъ Варнавинъ, — на что̀ же они разсчитываютъ?

— На совѣсть, если не жениха, у котораго ея нѣтъ, то невѣсты. Она не изъ тѣхъ, для которыхъ брачныя обязательства святы только послѣ того, какъ обрядъ совершенъ и записанъ въ приходскую книгу.

— Однако, вы привезли съ собою свидѣтеля?

— Будьте спокойны; это вполнѣ безпристрастный и уважительный человѣкъ: служитель церкви и другъ семейства, достопочтенный Маркъ Виллертъ.

Послышался ироническій свистъ, чувствительно огорчившій Хлюдова.

— Вы мнѣ не вѣрите? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, отчего же? Факты, какъ факты, довольно правдоподобны, но смыслъ, который вы имъ придаете, невѣренъ. Что̀ изъ того, что они разсчитывали на его обѣщанія, если послѣднія были вынуждены, и онъ видѣлъ въ ней не жену, а тюремщика?.. Ни одинъ порядочный человѣкъ, случайно вырвавшійся изъ западни, въ которую его заманили, не поступилъ бы иначе.

— Ну, а если вы ошибаетесь въ немъ? горячо сказалъ Хлюдовъ.—Если онъ не порядочный человѣкъ, а хлыщъ, и бѣжалъ отъ нея, какъ воръ, за которымъ гонятся по пятамъ?.. Неужели вамъ не жаль вашей свояченицы и вы не сдѣлаете ни шагу, чтобы спасти ее отъ такой фатальной ошибки, какъ этотъ бракъ?.. Вспомните, что вѣдь я только за этимъ и ѣздилъ въ Америку!.. Вспомните, что помимо васъ мнѣ не на кого разсчитывать!.. Вспомните, наконецъ, какъ мало осталось времени и какую отвѣтственность вы на себя берете!

— Голубчикъ, Игнатій Петровичъ, сказалъ Варнавинъ, тронутый его простодушіемъ,—я не отказываюсь помочь вамъ, какъ человѣку, лишенному голоса въ этомъ дѣлѣ, и передамъ добросовѣстно тестю, не говоря уже о женѣ, все что̀ я знаю о вашихъ открытіяхъ; но не скорою отъ васъ, что я лично не вѣрю вашему Виллерту ни на грошъ.

— Да вы его вовсе не знаете.

— Довольно, чтобы не довѣрять, но не довольно, чтобы вѣрить.

— Повѣрьте, по крайней мѣрѣ, хоть мнѣ. Я не даромъ привезъ его на свой счетъ; онъ знаетъ всѣ обстоятельства этой несчастной исторіи и можетъ ее разсказать лучше, чѣмъ кто-нибудь...

— За исключеніемъ главнаго дѣйствующаго лица.

— Примите и выслушайте его.

— Охотно... Куда вы его дѣвали?

— Онъ здѣсь, на Васильевскомъ; но не спалъ всю дорогу послѣ Берлина и такъ усталъ, что едва стоитъ на ногахъ... Завтра онъ будетъ у жениха, а позже, если успѣю, я привезу его къ вамъ.

— Знаете что̀, сказалъ Варнавинъ,—везите его ужь лучше прямо къ женѣ. Она говоритъ свободно по-англійски; а я, хоть и знаю языкъ, не могу объясняться на немъ безъ переводчика...

Но надо ее предупредить, потому что она не знаетъ еще ничего о вашихъ „открытіяхъ"... Всячески намъ безъ нея нельзя обойтись.

* * *

„Открытія" Хлюдова не были для Наташи такъ неожиданны, какъ это можно бы заключить изъ молчанія, установившагося въ семействѣ послѣ извѣстнаго инцидента съ письмомъ. Но у нея, какъ и у Вари, остались догадки, что между первою, неловкою попыткой Петра и поѣздкой въ Америку Хлюдова существуетъ какая-то тайная связь. Невольно ей приходило на умъ, что розыскъ не прекращенъ, а принялъ только другое, болѣе вѣрное направленіе и можетъ имѣть неожиданныя послѣдствія. Штемпель письма съ американскою маркой, полученнаго въ ноябрѣ, не ускользнулъ отъ ея вниманія. Оно было изъ Z** и адресъ написанъ знакомымъ почеркомъ. Невольно рождался вопросъ: что̀ если Степанъ не на шутку женатъ и свадьба разстроится?.. А къ этому времени, какъ на грѣхъ, подоспѣлъ сюрпризъ, такъ недогадливо сдѣланный ей сестрой. Въ старомъ гнѣздѣ зазвучали старыя, дорогія пѣсни, и звуки ихъ воскресили въ сердцѣ Наташи юношескія очарованія. Проснулись умолкшія сожалѣнія, а за ними и ревность. Преслѣдуемыя стыдомъ и укорами совѣсти, вспыхивали невольныя искушенія. Свадьба должна была положить имъ конецъ, и до нея оставалось всего два дня, какъ вдругъ словно съ неба свалился Хлюдовъ. Тревога и нетерпѣніе мужа стали ей вдругъ понятны. Конечно, онъ ждалъ его, и конечно не даромъ. Что-то давно ожиданное пріѣхало съ нимъ изъ Америки и поспѣло въ упоръ къ развязкѣ... Но что́?

* * *

— Наташа! услышала она вдругъ и, выглянувъ, увидала мужа въ дверяхъ.

— Поди къ намъ, мой другъ; намъ надо съ тобой поговорить. Игнатій Петровичъ привезъ курьезныя вѣсти, которыя онъ желаетъ самъ тебѣ сообщить.

Къ чести Варнавиной надо сказать, что въ минуту открытія ничего похожаго на безпощадное торжество соперницы не шевельнулось въ ея душѣ. Напротивъ, узнавъ о поступкѣ бывшаго

своего жениха, она закрыла руками лицо и горько заплакала. Ни тѣни сомнѣнія, что несчастный тайно женатъ и что это владетъ конецъ всѣмъ надеждамъ ея сестры. Извѣстіе, очевидно, убьетъ ее и это будетъ большое, большое несчастіе! А о томъ, что̀ дальше, она и не думала.

Но Хлюдовъ еще говорилъ, какъ одно замѣчаніе, вырвавшееся у мужа ея, заставило ее обернуться и посмотрѣть съ удивленіемъ на Петра.

— Неужели ты оправдываешь его поступокъ? спросила она, не постигая причины такого внезапнаго поворота съ его стороны.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Варнавинъ,—онъ поступилъ бы честнѣе, еслибы не поддался соблазну; но не смѣшно ли винить человѣка, который вырвался изъ тюрьмы, что онъ обманулъ надежды своихъ тюремщиковъ?.. Какое право имѣли они надѣяться, что онъ имъ заплатитъ условленный призъ, послѣ того какъ они проиграли свою мошенническую игру?.. Выигравшіе не платятъ.

— Наталья Өедоровна! обратился Хлюдовъ къ Варнавиной.— Вы, какъ женщина, я надѣюсь, заступитесь за обманутую и оскорбленную вашу сестру?

Наташа вспыхнула.

— Я не могу допустить игры такими вещами, какъ честь и вѣра любящей женщины, сказала она горячо.—Въ моихъ глазахъ человѣкъ, которому дѣвушка вѣритъ и отдается, мужъ ея; и хотя бы весь свѣтъ былъ противъ нея, ея право безспорно!

— Вотъ знамя, которому суждено побѣдить! произнесъ восторженно Хлюдовъ.

Варнавинъ, который терпѣть не могъ боеваго конька жены, не поднялъ перчатки, и дѣло окончилось мирною бесѣдой о пасторѣ, котораго она обѣщала принять и выслушать у себя.

* * *

— Постой, сказалъ Варнавинъ, выпустивъ Хлюдова и возвращаясь къ женѣ, которая собиралась уйти.—Намъ надо еще поговорить.

Наташа сѣла, тревожно поглядывая на мужа, и по лицу ея

пробѣгали нервныя вздрагиванья; но у Петра, какъ у штурмана этой изящной яхточки предъ бурей, только брови были нахмурены.

— Зачѣмъ тебѣ нужно разстраивать свадьбу? спросилъ онъ, пристально вглядываясь въ ея глаза.

— Мнѣ ничего не нужно; но я не могу утаить отъ сестры, что Степанъ въ дѣйствительности женатъ. отвѣчала она, утирая глаза.

— Почемъ ты знаешь? Такихъ вещей нельзя выдавать за истину, покуда онѣ не доказаны.

— Но нельзя же о нихъ и молчать, когда свадьба черезъ два дня.

— Не дѣлай по крайности ничего сгоряча. Поговори съ отцомъ... Ему стòитъ сказать два слова, чтобы день былъ отложенъ... А тамъ посмотримъ... Степанъ, конечно, тоже не будетъ молчать.

— Однако молчалъ. Даже послѣ письма отъ Даусона мы не слышали отъ него ни слова въ свое оправданіе. А ужь чего бы кажется проще сказать тогда же, что это ложь?

— Мой другъ, ты споришь, сама не знаешь о чемъ... Я только прошу тебя,—не спѣши. Выслушай сперва Виллерта, а я повидаюсь съ отцомъ и разспрошу у Степана.

— Нѣтъ, Варя мнѣ никогда не проститъ, если я не скажу ей первой. Она не ребенокъ и ей это нужно знать прежде всѣхъ... Почемъ ты знаешь, какъ она это приметъ? Можетъ-быть не захочетъ и слышать ни о какихъ отсрочкахъ.

Они замолкли, но на душѣ у обоихъ таилась какая-то задняя мысль.

— Только-то? вырвалось у нея съ ироническою усмѣшкой.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Варнавинъ;—есть и еще кое-что... Мнѣ что-то сдается, что ты не заплакала бы, еслибы въ концѣ концовъ Степану было отказано.

— А что же я дѣлала тутъ, при Хлюдовѣ?.. Петръ Осиповичъ, ты мнѣ подсказываешь подлыя чувства!

Онъ покраснѣлъ, но это его не уняло.

— Эй, Наташа, говорилъ онъ; — послушайся моего совѣта, брось это твое заигрыванье съ огнемъ!.. Хуже всего то, что ты и сама не смѣешь себѣ признаться въ томъ, что шевелится у тебя на душѣ; а я тебя вижу насквозь. Тебѣ скучно, что

старый романъ твой окончился такъ прозаически, и ты бы не прочь прибавить къ нему двѣ-три главы такого рода, чтобы захватывало, какъ говорится, духъ... Что жь? Случай, быть-можетъ, еще не ушелъ; только припомни мои слова: чтобъ имъ воспользоваться, надо имѣть мѣдный лобъ, а у тебя его нѣтъ. Тамъ, гдѣ другая пройдетъ, какъ кошка по верхнему краю отвѣсной стѣны, у тебя закружится голова и ты надѣлаешь бѣдъ!..

Варнавинъ стоялъ у камина, Наташа сидѣла противъ него у письменнаго стола. Она украдкой подняла на него глаза и тотчасъ же ихъ опустила. Ей стало страшно этихъ уставленныхъ на нее зрачковъ, которые словно читали у ней въ душѣ...

— Какъ это глупо! сказала она. — Приходитъ охота хоть разъ въ своей жизни соскочить съ рельсовъ, нарочно чтобы тебя наказать. Не ревнуй, когда тебѣ не даютъ къ тому никакого повода!.. И не нашептывай искушеній, которыя безъ тебя и во снѣ бы не грезились!.. Не ровенъ часъ, пожалуй и въ самомъ дѣлѣ закружится голова.

XXV.

Утромъ въ прихожей Степана послышался скромный звонокъ.

— Кого это принесло такъ рано? думалъ онъ.—Была пятница, передъ кануномъ свадьбы, и въ мысляхъ ему представлялся какой-нибудь посыльный изъ магазина или курьеръ изъ Подъяческой, съ запиской отъ невѣсты. А между тѣмъ въ прихожей знакомый голосъ два раза уже повторилъ по-англійски: „Lieftenant Potshive?“ Но взятая всего двѣ недѣли назадъ молодая горничная, смущенная незнакомымъ придаткомъ и страннымъ произношеніемъ его имени, смотрѣла на посѣтителя въ сильномъ недоумѣніи... Это былъ плотный, почтенной наружности человѣкъ, лѣтъ шестидесяти, въ поношенной долгополой бекеши съ какимъ-то женскимъ воротникомъ... Увидѣвъ его, Степанъ остолбенѣлъ.

— Боже мой!.. Мистеръ Виллертъ?.. Какими судьбами вы здѣсь? произнесъ онъ въ глубокомъ смущеніи.

— Узналъ, что вы женитесь, дорогой лейтенантъ, и торо-

пился, чтобы не опоздать на свадьбу, отвѣчалъ пасторъ, которому дѣвушка помогала въ эту минуту раскутываться.—Миссъ Мери просила меня напомнить вамъ о себѣ и передать вамъ свое удивленіе, что вы сочли излишнимъ предупредить ее о событіи такой важности.

Голосъ, которымъ сказаны были эти слова, былъ полонъ горечи и звучалъ въ ушахъ покраснѣвшаго до волосъ Степана, какъ эхо, донесшееся съ другаго конца земли.

— Войдите, прошу васъ, сказалъ онъ, указывая своему посѣтителю путь черезъ гостиную въ свой кабинетъ. Догадка, что этотъ свидѣтель прошлаго тутъ не даромъ и трудность сказать что-нибудь способное, если не обезоружить его, то хоть сколько-нибудь смягчить жестокій смыслъ предстоящаго объясненія, не допустила его прибавить къ сказанному болѣе дружескаго привѣтствія.

— Я нѣсколько разъ собирался писать миссъ Питерсъ, говорилъ онъ, усаживая пріѣзжаго:—но вы сами поймете, какъ это было трудно.

— Вѣрю и понимаю. У васъ не поднималась рука нанесть послѣдній ударъ несчастной и безъ того осужденной на смерть. Но вы упустили изъ виду, что пытка, которую вы заставляли ее терпѣть, хуже смерти... Еслибы вы видѣли ее въ день, когда мы были вынуждены ей сообщить это извѣстіе!.. Нѣтъ, не могу!.. Языкъ не поворачивается вамъ разсказать!

Степанъ сидѣлъ опустивъ глаза. Лицо его, на минуту залитое огнемъ, теперь было блѣдно отъ нестерпимой сердечной боли.

— Я вамъ писалъ предъ отъѣздомъ, сказалъ онъ:—въ тотъ самый день когда я отправилъ вамъ, черезъ Даусона, переводъ на 500 долларовъ... Писалъ о причинахъ моей рѣшимости навсегда покинуть Америку.

— Да, но письмо ваше было такъ коротко и загадочно, что я плохо понялъ его, а просить объясненія не имѣлъ возможности, потому что вы, въ торопяхъ, позабыли мнѣ сообщить вашъ русскій адресъ.

— Нѣтъ, мистеръ Виллертъ, скажите лучше, что вы не хотѣли меня понять, или не вѣрили въ неизмѣнность принятаго рѣшенія.

— Было отчасти и это, медленно отвѣчалъ пасторъ:—но это

васъ не должно удивлять... Трудно мнѣ было повѣрить, чтобы разбитая вами жизнь и отвергнутая любовь покинутой не имѣли въ вашихъ глазахъ ни малѣйшей цѣны... Она ждала и молилась... Ждала прямаго, чистосердечнаго объясненія... молилась, чтобы Богъ измѣнилъ жестокую вашу рѣшимость и воротилъ ей вашу любовь... понять не могла, чѣмъ она заслужила отъ васъ такой приговоръ.... Ужасная мысль, что вы, безъ малѣйшей ея вины, хладнокровно ее осудили на смерть, до послѣдней минуты была далека отъ нея; потому что, предъ своимъ семействомъ и Богомъ, она оставалась вѣрною, любящею, ни въ чемъ неповинною вашей женой!..

Гость говорилъ разбитымъ, дрожащимъ голосомъ, безъ претензіи на эффектъ, и старческіе его глаза едва различали Степана отъ слёзъ. Но пытка, которую выносилъ Степанъ, достигла къ этому времени до того предѣла, дальше котораго человѣкъ не владѣетъ собой, и онъ отвѣчалъ, сперва осторожно, сдержанно, выбирая слова, потомъ горячо и порывисто.

— Видитъ Богъ, говорилъ онъ, — сколько слезъ было мною пролито, прежде чѣмъ въ сердцѣ моемъ созрѣло то, что̀ вы называете хладнокровною рѣшимостью, и я призываю Его въ свидѣтели горькой правды, которую вынужденъ вамъ сказать... Я не виню ее въ томъ, что̀ я у васъ вытерпѣлъ, потому что хотя она и знала, ради чего меня томили пять лѣтъ въ заперти, но искренняя ея любовь въ моихъ глазахъ искупаетъ все... Другое дѣло вы, мистеръ Виллертъ, котораго я до послѣдняго дня моего пребыванія въ Z** считалъ своимъ другомъ и дѣятельное участіе котораго въ заговорѣ противъ меня было объяснено мнѣ только дорогой въ Уашингтонъ... Вы были организаторомъ травли, затѣянной противъ меня, съ цѣлью пристроить въ мірѣ вашу духовную дочь, и не я, а вы испортили ея жизнь. Я не оправдываюсь; я предъ ней непростительно виноватъ, но я былъ молодъ и цѣлыхъ два года лишенъ женскаго общества, а вы старикъ и вы должны были лучше знать, къ чему поведутъ мои ночныя свиданія съ ней... Кто, какъ не вы, привелъ ее первый разъ въ мою келью и, посидѣвъ съ минуту, оставилъ со мною одну?.. Кто мнѣ разсказывалъ каждый день о ея любви и готовности принести мнѣ всякія жертвы, передавалъ ея письма, стыдилъ меня за мою нерѣшимость, и позже выманивалъ у меня признанія, обѣщанія?.. допытывался, что̀ я намѣренъ дѣлать,

если ея друзьямъ удастся меня освободить?.. Свобода была почти открыто обѣщана мнѣ подъ условіемъ, что, разъ выпущенный на волю, я поведу ее въ церковь и назову публично своею женой... И надо отдать вамъ честь, разсчетъ вашъ былъ вѣренъ, насколько вѣрны вообще всѣ человѣческія соображенія... Но Богъ не захотѣлъ моей гибели, потому что, конечно, это была бы гибель!.. Вынужденная женитьба на дѣвушкѣ, которую я не любилъ, не принесла бы ни мнѣ, ни ей семейнаго счастья, а только унизила бы меня нравственно до уровня тѣхъ людей, которые окружали ее,—людей, какъ Джонъ Питерсъ и Старръ, служившихъ за деньги рабовладѣльческимъ интересамъ, и если не палачей, то слугъ и тюремщиковъ подъ командой у палачей... Я былъ бы, какъ купленая собака, — душой и тѣломъ у нихъ въ рукахъ, и свобода моя была бы только воображаемою; такъ какъ мнѣ не зачѣмъ, да и стыдно было бы послѣ этого воротиться въ Россію.

Виллертъ не возражалъ, но глаза его какъ-то сами собою просохли и выраженіе ихъ стало холодно, жестко, изъ нихъ глядѣла ненависть къ человѣку, дерзнувшему кинуть ему въ лицо подобныя обвиненія.

— Это послѣднее ваше слово? спросилъ онъ.

— У меня нѣтъ другаго.

— Ну, я безсиленъ противъ такихъ понятій и чувствъ!.. Вы каменный человѣкъ и ваше сердце осталось не тронуто Богомъ, которому мы старались его открыть... Прощайте, намъ больше не о чемъ говорить; но мнѣ остается еще узнать, какъ взглянутъ на это дѣло ваша невѣста и ваши друзья.

И онъ ушелъ, не пожавъ протянутой ему лейтенантомъ руки.

* * *

Въ нѣмецкомъ кафе, на углу, его ожидалъ остановившійся съ нимъ въ одной гостинницѣ Хлюдовъ, который былъ противъ визита его къ Степану и вмѣстѣ того совѣтовалъ ѣхать прямо къ отцу; но послѣ вчерашняго пораженія у Варнавина, на котораго Хлюдовъ больше всего разсчитывалъ, оба упали духомъ до такой степени, что у нихъ уже не хватило отваги поставить сразу на карту успѣхъ своего предпріятія... Спрашивать было не о чемъ, такъ какъ полная неудача была написана на лицѣ у Виллерта.

— Я васъ предупреждалъ, сказалъ только Хлюдовъ.

— Да, вы были правы... Сердце у этого человѣка каменное... Но что же намъ дѣлать теперь?.. Ѣхать къ невѣстѣ, которую я не имѣю чести знать, не представясь и не получивъ позволенія у отца?.. Какъ знать, какимъ ударомъ можетъ-быть для нея то, что она услышитъ?.. Ваша ошибка въ разсчетѣ на вашего друга—фатальна!.. Съ нимъ я не задумался бы явиться въ домъ; но съ вами?..

Хлюдовъ смотрѣлъ немного иначе на общественныя приличія, но выслушавъ доводы своего свидѣтеля, долженъ былъ согласиться, что онъ до извѣстной степени правъ.

Извѣстія отъ Варнавина были обѣщаны вечеромъ. Потолковавъ, рѣшили, что дѣлать покуда нечего и вернулись въ гостиницу.

* * *

Тѣмъ временемъ Варя знала уже, что могла узнать отъ сестры, и между ними происходила одна изъ тѣхъ бурныхъ сценъ, которыя никакой протоколъ не въ состояніи передать, не лишая ихъ самой ихъ характерной черты: непроходимой путаницы рѣчей, которыя говорятся разомъ, почти не слушая возраженій и не сознавая противорѣчій, въ которыя вовлекаетъ осилившая разсудокъ страсть.

— Тѣ же продѣлки, что вышли наружу предъ отъѣздомъ изъ Павловска! жаловалась невѣста въ слезахъ.—Интриги завистниковъ и враговъ, которымъ нужно разстроить свадьбу!.. Только теперь они сбросили маску и нагло идутъ на проломъ!

— Да кто такіе „они"? и почему ты не хочешь ихъ прямо назвать? горячилась сестра. — Если мужъ, то онъ только предчувствовалъ то, что теперь открылось... Тебя нельзя было образумить! Ты не повѣрила бы безъ доказательствъ, а плюнула бы на всѣ остереженія и нажаловалась бы отцу.

— Отправилъ въ Америку сыщикомъ сумашедшаго! продолжала Варя, не слушая. — Выписалъ и привезъ свидѣтеля, настоящее мѣсто котораго не между свидѣтелями, а на скамьѣ подсудимыхъ!

— А тѣ, другіе, свидѣтели въ собственномъ дѣлѣ, которые губятъ несчастныхъ, обманутыхъ ими дуръ, въ твоихъ глазахъ заслуживаютъ довѣріе?.. Или у насъ двѣ совѣсти: строгая—тамъ

гдѣ мы сами обмануты, и покладливая, гдѣ дѣло идетъ о какой-нибудь Мери Питерсъ, повѣрившей клятвеннымъ обѣщаніямъ твоего жениха?.. Какое намъ дѣло до нея? Сама виновата! Не вѣрь безъ вѣнца и контракта!.. Не вѣрь никому, хотя бы даже тому, кому мы сами вѣримъ!

Но припертая къ стѣнѣ невѣста не уступала.

— Ложь! Ложь! твердила она внѣ себя! Тебѣ нужно только отбить его у меня! Ты вспомнила старое и жалѣешь теперь, что ты отъ него отказалась; а мужъ твой совсѣмъ ослѣпъ и не видитъ твоей игры!.. Не видитъ зачѣмъ тебѣ нужно разстроить свадьбу!

— Какъ есть сумашедшая! воскликала Наташа, красная до ушей отъ стыда и обиды.—Петръ не ослѣпъ, а ты ослѣпла. Онъ и не думаетъ ничего разстроивать, потому что смотритъ на это дѣло какъ всѣ мужчины.—„Что̀ за бѣда, молъ, что обѣщалъ? Если нѣтъ метрическаго свидѣтельства, то и ступай гулять!“ Но отъ тебя нельзя было ожидать такой фарисейской морали!.. Это отступничество отъ самыхъ завѣтныхъ твоихъ убѣжденій! Измѣна дѣлу, которому ты служила со школьной скамьи!..

Дошло до того, что съ обѣихъ сторонъ перестали уже защищаться и торопились лишь нанести ударъ за ударъ. Но и удары были уже истощены... Какъ львицы, послѣ кровавой схватки мѣряющія другъ друга глазами, сестры умолкли.

Въ эту минуту вошелъ Степанъ, и его появленіе заставило обѣ стороны спрятать когти... Невѣста, бросившаяся ему навстрѣчу съ возгласомъ:—А! наконецъ-то!.. жадно его обняла. Всѣ жилки въ ней говорили: „Онъ мой, и я никому его не отдамъ!“

Но бѣдный ея герой не похожъ былъ на побѣдителя. Глаза его были измучены, какъ у больнаго послѣ безсонной ночи, и взглядъ ихъ не обѣщалъ, а просилъ опоры.

Наташа, не трогаясь съ мѣста, кивнула ему головой. Ей было неловко и стыдно. Пассивная роль не уживалась съ бурей, спрятанною внутри. Надо было сказать что-нибудь, чтобъ обезпечить себѣ приличное отступленіе.

— Вы видѣли Виллерта? якобы хладнокровно спросила она.

— Да; онъ только-что отъ меня ушелъ.

— Хлюдовъ вчера о немъ говорилъ... Они пріѣхали вмѣстѣ, но бѣдный старикъ такъ усталъ, что его невозможно было привесть... Однако, я вамъ мѣшаю... Прощайте.

* * *

— Она разсказывала? спросилъ Степанъ, когда невѣста его, проводивъ сестру, вернулась.

— Разсказывала, голубчикъ; но я ей не вѣрю и никому не повѣрю, пока не услышу отъ васъ... Безъ предисловій!.. Если ужь нужно рѣзать, то рѣжьте скорѣй... Говорите сразу... Вы были съ Мери въ связи?—Дали ей слово?

— Да.

Она смотрѣла, широко открывъ глаза и какъ бы не вѣря своимъ ушамъ. Лицо ея выражало какое-то дѣтское изумленіе.

— Такъ это правда?.. Ахъ Стёпа, Стёпа! Что̀ вы со мною сдѣлали?

Только тогда онъ понялъ, какъ глубока была ея вѣра въ него.

— Не будьте такъ строги, Варя! сказалъ онъ, протягивая къ ней руки.—Выслушайте!.. Вѣдь даже и Виллертъ выслушалъ...

Но Варя уже не слышала.. Въ головѣ у нея ходило кругомъ и ноги подкашивались. Вся молодая, полная жизни фигурка ея какъ-то сразу осунулась. Пошатываясь, она отошла и сѣла, безсильно откинувъ голову на подушку софы.

Мгновенно онъ былъ у ногъ ея.

— Вамъ дурно? говорилъ онъ, сжимая ея охолодѣвшія руки.

Отвѣта не было, но минуту спустя, когда онъ хотѣлъ идти, чтобы позвать къ ней Марью Лаврентьевну, она крѣпко вцѣпилась въ его рукавъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! шептала она, приходя въ себя и озираясь.— Не оставляйте меня одну... Мнѣ страшно... Сейчасъ, когда вы уходили...

— Да я ни на минуту не уходилъ.

— Мнѣ чудилось будто бы надо мной стоитъ чужая женщина, въ бѣломъ... Стоитъ и грозитъ мнѣ пальцемъ... Худо это, голубчикъ! Ужасно худо!.. Это она, разлучница, приходила за вами!.. Не быть нашей свадьбѣ!.. Охъ, какъ на сердцѣ жжетъ!

Она попросила воды, и послѣ нѣсколькихъ торопливыхъ глотковъ, пришла совершенно въ себя. Но какъ только онъ начиналъ говорить, въ груди у нея опять начинались схватки.

— Не нужно! шептала она, махая руками. — Не нужно!.. Я васъ не виню, но поймите, что этого рода вещей нельзя взять назадъ!

* * *

Къ обѣду у ней возобновился бредъ и ее уложили въ постель. Пріѣхалъ отецъ и послѣ тревожнаго объясненія съ женихомъ, разослалъ людей. Лакей былъ отправленъ къ домашнему доктору, а курьеръ съ запиской къ Варнавину. Послѣдній привезъ жену, и послѣ обѣда долго сидѣлъ съ Клеванскимъ наединѣ, а докторъ явился къ семи, но не нашелъ ничего, кромѣ нервнаго потрясенія и посовѣтовалъ только одно: абсолютный покой.

Свадьба была отложена, и Варнавинъ немедленно сообщилъ объ этомъ черезъ нарочнаго Хлюдову, съ поясненіемъ, что до новыхъ извѣстій — ни тесть его, ни жена, не могутъ принять никого, и съ просьбой сообщить объ этомъ пастору.

Поздно вечеромъ, въ этотъ день, оставивъ жену у больной, онъ увезъ къ себѣ жениха и долго его вразумлялъ.

* * *

— Я виноватъ предъ тобою, мой другъ, говорилъ онъ;—но не такъ непростительно, какъ ты думаешь. Поѣздка Хлюдова не моя, а его затѣя. Вотъ подлинное его письмо объ этомъ, писанное еще въ іюлѣ... Прочти.

Степанъ заглянулъ въ письмо, повертѣлъ его у себя въ рукахъ и бросилъ.

— Я виноватъ только въ томъ, что далъ ему деньги на путешествіе... Я былъ увѣренъ, что онъ не откроетъ тамъ ничего, и не ошибся;—а деньги далъ, потому что меня соблазняла его корреспонденція. Но я не предвидѣлъ, что онъ привезетъ съ собой Виллерта, безъ котораго онъ не сдѣлалъ бы тутъ ничего. Полгода тому назадъ, это дорого-стóящее дурачество было немыслимо, такъ какъ въ ту пору онъ не имѣлъ ни гроша лишняго... Всячески, дѣло твое не въ такомъ положеніи, чтобъ унывать... Ѳедоръ Лаврентьичъ не хочетъ и слышать о ихъ обвиненіяхъ.—„Одно изъ двухъ“, говоритъ:—„или женатъ, или холостъ; а полуженатыхъ нѣтъ, и я понять не могу: зачѣмъ пожаловалъ этотъ американскій гусь... Здѣсь“, говоритъ,—„не Америка, и если они затѣютъ искъ, то скандально провалятся... Такъ и скажите ему“, говоритъ:—„Скажите, что мнѣ съ нимъ не о чемъ говорить, и что я его не приму.“

Степанъ перекрестился.

— Затѣмъ, невѣста... Съ ней будутъ хлопоты, но надо оста-

вить ее „перебродить". Я говорилъ о ней Бунцевичу и онъ совершенно того же мнѣнія.—„Ее надо попридержать", говоритъ:— „въ ея экзальтированномъ состояніи она можетъ надѣлать бѣдъ".

— Петръ Осиповичъ, ты не знаешь ее, сказалъ Степанъ.

— То-есть, какъ не знаю? Я знаю, что она „съ нóровомъ", да и сестра ея тоже; но это умная дѣвушка, и если ей дать одуматься, скоро пойметъ, что ей не изъ-за чего тебя терять... Она отказала тебѣ?

— Почти... Говоритъ, что дѣло непоправимо и что есть вещи, которыхъ нельзя воротить. Но важно не то, что она это говоритъ, а то, что она тутъ вся.

— Да развѣ это бываетъ иначе, съ такими, какъ Варя?.. Всегда совершенно искренна и вся въ томъ, что̀ она тебѣ говоритъ; а пройдетъ недѣля, другая, и не припомнитъ, что̀ было говорено. Это уже натура такая: чистая, вѣрная, пламенная; но вся состоитъ изъ крайностей, и никто не пойметъ, какъ онѣ въ ней уживаются. Практически, это кончается тѣмъ, что жизнь ихъ ловитъ на чемъ-нибудь, и тогда Ундина становится положительнымъ существомъ. Но твоя Ундина ужь поймана, и если ты не смалодушничаешь, она отъ тебя не уйдетъ... Не поддавайся; стой твердо на томъ, что она не въ правѣ располагать тобой безъ твоего согласія, и что если она откажетъ тебѣ, это тебя не воротитъ къ Мери... Ручаюсь тебѣ, что сдастся.

— Твоими бы устами, да медъ пить! сказалъ Степанъ.

Онъ былъ совершенно сбитъ съ толку. Совѣты стараго друга звучали разумно, но онъ не вѣрилъ ему и его глубоко смущалъ вопросъ: откуда такая внезапная перемѣна?

XXVI.

Дней черезъ пять больная была на ногахъ, но Бунцевичъ, хорошій психологъ и опытный въ дѣлѣ дѣвичьихъ недуговъ врачъ, строжайшимъ образомъ запретилъ продолжительныя свиданія съ женихомъ.

— Не дольше какъ на пять минутъ и не иначе какъ при комъ-нибудь изъ родныхъ, сказалъ онъ, строго смотря ей въ глаза.

— Но я совершенно здорова, протестовала Варя.

— Нѣтъ, это вамъ только кажется.

— Когда же будетъ конецъ запрещеніямъ?

— Тѣмъ скорѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе вы будете исполнять мои совѣты. Сильно волнующій разговоръ уложитъ васъ снова въ постель, но уже не на пять дней, а, по крайней мѣрѣ, на мѣсяцъ.

Невѣста едва не разругала его, но онъ оставался невозмутимъ и стоялъ на своемъ.

— На что вамъ видѣться съ нимъ наединѣ, если вы не хотите съ нимъ ссориться? говорилъ онъ.—Вы можете ему сообщить что нужно и при другихъ, но при другихъ между вами не можетъ произойти нервическихъ сценъ, а этого-то мнѣ и нужно. Затѣмъ вы можете быть спокойны: я вамъ ручаюсь, что къ свадьбѣ вы будете совершенно здоровы.

— Когда же по вашему можетъ быть свадьба?

— А! это другое дѣло... Когда хотите, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Это былъ матъ, но Варя уже рѣшила въ тайнѣ души, что она не потерпитъ такого тиранства, и на другое же утро, не говоря ни слова Марьѣ Лаврентьевнѣ, убѣжала изъ-подъ ареста.

— Варя! вскрикнулъ Почаевъ, услышавъ голосъ ея въ прихожей.—Вотъ счастье!

Онъ бросился ей на встрѣчу, чтобъ ее обнять, но она рѣшительнымъ жестомъ остановила его. Лицо ея было блѣдно и говорило о долгой, непережитой еще душевной борьбѣ. Степанъ нашелъ ее похудѣвшею;—глаза казались гораздо болѣе прежняго и глядѣли какъ у испуганной... Модные туалеты ей опротивѣли, и она носила уже третій день простое темное съ незамѣтною гарнитурой платьице, о которомъ сестра отзывалась съ негодованіемъ, что оно даетъ ей видъ какой-то постницы, странствующей по монастырямъ.

— Я вырвалась къ вамъ наперекоръ строжайшему запрещенію, сказала она, тяжело опускаясь на стулъ.—Поэтому я умоляю васъ не терять ни минуты на вещи, которыя могутъ быть сказаны при другихъ... Голубчикъ, Степанъ Никитичъ, я не могу жить такъ, какъ жила эти дни, не рискуя сойти съ ума. Подумайте, съ пятницы, когда я слегла, я вижу ее каждую ночь!.. Сидитъ у меня на постели и плачетъ,—такъ плачетъ, что сердце готово выскочить у меня изъ груди!

— Варя, мой другъ, это совсѣмъ не она. Это ваша больная фантазія сидитъ возлѣ васъ... А что касается слезъ, то Петръ показывалъ мнѣ на дняхъ письмо отъ Хлюдова, видѣвшаго ее въ сентябрѣ, спокойную и веселую... Я виноватъ предъ ней, но есть люди гораздо больше меня виноватые. Ровно недѣлю тому назадъ, здѣсь сидѣлъ главный виновникъ этой несчастной исторіи.

— Знаю.

— Мнѣ больно вамъ повторять жестокую правду, которую я принужденъ былъ ему сказать, но у меня и теперь нѣтъ другой... Постойте, выслушайте... Вы можете у меня отнять мое счастье, но воротить меня Мери не можетъ никто.

— Кромѣ Бога... Ахъ, другъ мой, еслибы вы знали, какъ горячо я молилась Ему, чтобъ Онъ далъ мнѣ силу исполнить мой долгъ!.. Вспомните, чѣмъ мы оба обязаны ей!.. Вспомните, что по чести и совѣсти, вы ея мужъ!.. За что̀ же вы отнимаете у нея ваше сердце?

— Голубчикъ Варя, сказалъ Степанъ, — я не могу отнять у нея того, что̀ я ей не отдавалъ, и не могу ей дать того, что̀ съ первыхъ дней по пріѣздѣ отдано было вамъ... Вы можете сдѣлать меня несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ; но вы не можете меня уступить другой.

Крупныя слезы катились у ней по щекамъ. Ей было ужасно жалко его, но она не знала, что̀ больше сказать.

— Если вы мнѣ откажете, продолжалъ онъ, — я не останусь здѣсь дольше, чѣмъ это необходимо... Уѣду куда глаза глядятъ, и болѣе не вернусь.

— А Наташа? спросила она упавшимъ голосомъ. — Вамъ не жалко будетъ разстаться съ ней еще разъ и можетъ-быть навсегда?

Степанъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ ей въ глаза; но она опустила ихъ.

— Наташа, сказалъ онъ, — въ самомъ счастливомъ случаѣ можетъ быть для меня не болѣе какъ сестрой.

Отвѣта не было и, поплакавъ, она ушла.

* * *

Вечеромъ въ этотъ день Варнавинъ сидѣлъ у нея и что-то нашептывалъ, но она отвѣчала потупивъ глаза, неохотно и коротко.

— Послушайтесь моего совѣта, Варя, говорилъ онъ: — не требуйте отъ людей невозможнаго совершенства... Степанъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, достойнѣйшій человѣкъ и любитъ васъ горячо, но я не ручаюсь вамъ за него, если вы оттолкнете его... Берите примѣръ съ меня, цѣните и берегите, какъ глазъ, то скромное счастье, которое вамъ послала судьба, ибо какъ знать, найдете ли вы другое, лучшее.

Что-то невыразимо жалкое появилось у ней на лицѣ.

— Я не ищу другаго, сказала она: — но Стёпа можетъ его найти.

— Нѣтъ, не найдетъ... Онъ уѣдетъ отсюда и станетъ опять бездомнымъ скитальцемъ, если еще не хуже... Онъ вамъ не говорилъ, куда онъ думаетъ ѣхать?

— Нѣтъ.

— Ну, и я не знаю объ этомъ завѣрное ничего; но если догадки меня не обманываютъ, въ виду у него Женева.

Она поблѣднѣла и вытаращила большіе, испуганные глаза...

Нѣмая сцена эта не долго длилась... Въ гостиной послышались голоса, и къ нимъ вбѣжала Наташа.

— А! вотъ они гдѣ! сказала она.—Степанъ Никитичъ! идите сюда скорѣй; смотрите, какой tête â tête мы съ вами накрыли!..

Невѣста встала и, странно мѣняясь въ лицѣ, пошла навстрѣчу Степану.

— Идемте къ отцу, сказала она нетвердымъ голосомъ. — Намъ надо поговорить о дѣлахъ.

Степанъ былъ захваченъ врасплохъ, но покраснѣлъ отъ счастья и радостно подалъ ей руку.

Наташа глядѣла на уходящихъ, какъ съ неба упавшая.

— Что̀ это значитъ? спросила она дивясь.

— Хватилась за умъ, отвѣчалъ спокойно Варнавинъ. — Да и тебѣ пора.

* * *

Черезъ три дня послѣ этого Варя была обвѣнчана и никогда не жалѣла потомъ о своей рѣшимости.

Теперь это мать многочисленнаго семейства, полная, но еще цвѣтущая женщина, да и съ мужемъ ея произошли не малыя перемѣны. Онъ больше уже не бѣглецъ, вернувшійся контрабандой домой; а командиръ драгунскаго *** полка, блестящимъ

образомъ отличившійся на послѣдней войнѣ... Онъ уже сѣдъ; но усы и брови его сохранили еще свой темный цвѣтъ, а глаза смотрятъ бодро и весело.

Варнавины заплатили тоже дань времени; но счастье было къ нимъ милостиво... Журналъ ихъ и до сихъ поръ благоденствуетъ;—долгъ уплоченъ. Мало того, они не остались бездѣтны и это съ избыткомъ вознаградило Наташу за „прозаическую развязку ея романа".

О Мери были давно извѣстія, что она вышла замужъ за пожилаго, серьезнаго человѣка,—извѣстнаго миссіонера и уѣхала съ нимъ въ Австралію.

Хлюдовъ, по независящимъ обстоятельствамъ, вынужденъ былъ посѣтить нашъ дальній Востокъ, но неужившись съ его суровымъ климатомъ, перемахнулъ въ Калифорнію, и дальнѣйшая участь его намъ неизвѣстна.

Н. Ахшарумовъ.

ПО ЭЛЛАДѢ.

Изъ путевыхъ воспоминаній.

II.

Отъ Истма до Аѳинъ.

Истмъ.—Мегарида.—Скироновскій утесъ.—Мегара.—Аттика.—На мѣстѣ древняго Элевсина—Аттическая равнина.—Пріѣздъ въ Аѳины.

Оставляя Коринѳъ, двинемся далѣе, по направленію къ Аттикѣ, которая отъ насъ теперь уже недалеко. Здѣсь прежде всего останавливаетъ вниманіе путешественника Истмъ ('Ισθμός) [1], перешеекъ, раздѣляющій воды Коринѳскаго и Саронскаго заливовъ и служащій соединительнымъ звеномъ между Сѣверною и Южною Греціей. Скалистая почва, недостатокъ въ водѣ и сильные сквозные вѣтры, вредные для здоровья, были причиной того, что ни въ древнее, ни въ новое время на этомъ мѣстѣ не было построено ни одного значительнаго городскаго поселенія. Но географическое положеніе его уже въ отдаленной древности привлекало къ себѣ людей торговли и промышленности. Выше мы упоминали, что Финикіяне были издавна своими людьми на обоихъ берегахъ Истма. По одной изъ версій преданія, знаменитыя Истмійскія игры учреждены были будто бы

[1] См. *Curtius*, Peloponnesos (Gotha 1852), II, стр. 539 слѣд.; *P. Monceau*, Gazette Archéologique 1884, стр. 273 слѣд., 354 слѣд.; 1885, стр. 205 слѣд., 402 слѣд.

самимъ Посейдономъ въ честь Меликерта-Палемона, культъ котораго былъ повтореніемъ финикійскаго почитанія тирскаго Мелькарта. Впрочемъ, другое преданіе приписываетъ основаніе этого праздника Ѳесею.

Въ историческія времена эти игры [1] праздновались въ честь самого бога морей, Посейдона, и занимали третье мѣсто въ числѣ большихъ игръ древней Греціи. Онѣ справлялись разъ въ два года, по всей вѣроятности, весной во второй и въ четвертый годъ каждой олимпіады. На высшей ступени своего развитія эти игры состояли изъ трехъ главныхъ частей: гимнастическихъ состязаній, конскихъ скачекъ и литературно-музыкальнаго конкурса. Гимнастическія состязанія заключались въ бѣганіи, борьбѣ, кулачномъ бою, такъ-называемомъ пентатлѣ, заключавшемъ въ себѣ пять родовъ состязаній: бѣганіе, прыганіе, борьбу, метаніе диска, метаніе копья, и въ панкратіи, представлявшемъ собою смѣшеніе кулачнаго боя и борьбы. Предъ началомъ игръ приносилась жертва Посейдону и слѣдовало приведеніе судей къ присягѣ въ томъ, что они будутъ безпристрастны въ своихъ рѣшеніяхъ, конкурренты же клялись, что они поведутъ состязаніе честно и будутъ воздерживаться отъ умышленнаго пораненія противника.

Состязанія открывались бѣганіемъ, которое имѣло нѣсколько формъ: продолжительный бѣгъ (δόλιχος), когда необходимо было пробѣжать стадій много разъ; простой бѣгъ (στάδιον), во время котораго конкурренты пробѣгали стадій лишь одинъ разъ, но по глубокому песку, и двойной бѣгъ (δίαυλος), когда отмѣренное пространство пробѣгалось взадъ и впередъ. Въ первомъ родѣ этого состязанія конкурренты бѣжали всѣ разомъ; но въ двухъ другихъ они дѣлились жребіемъ на группы. Въ каждой группѣ были свои побѣдители, которые въ заключеніе должны были бѣжать снова—и тотъ, кто одерживалъ верхъ въ этомъ послѣднемъ конкурсѣ, получалъ пальму первенства.

По окончаніи бѣганія, начиналась борьба (πάλη). Она была двоякаго рода: или нужно было повалить противника три

---

[1] *Krause*, Hellenika II, 2, стр. 165 и слѣд.; *Schoemann*, Griech. Alterthümer II, стр. 68 и слѣд. по 3 изд.; *Unger*, Philologus 1877, стр. 1 и слѣд.; *Латышевъ*, Очеркъ Греческихъ Древностей. II, стр. 128 и слѣд.; *Stengel*, Die Griech. Kultusalterthümer стр. 147 и слѣд. (въ изд. Iw. von Müller, Handbuch der klass. Altertums-Wissenschaft. T. V.).

раза на землю (τριάζειν), или, лежа на землѣ, продолжать борьбу до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ борцовъ не объявитъ себя простираніемъ въ пространство руки побѣжденнымъ (ἀπαγορεύειν). Въ первомъ родѣ состязанія играла бо̀льшую роль ловкость, чѣмъ сила. Чтобы повалить противника, позволительны были всякія средства,—хватаніе его за ногу, вскакиваніе ему на спину и пр.

За борьбой слѣдовалъ кулачный бой (πυγμή), наиболѣе опасная форма состязанія. Руки бойцовъ обматывались ремнями, имѣвшими иногда еще и свинцовую оковку. Облагородить этотъ жестокій спортъ могло только искусство: наилучшимъ бойцомъ считался тотъ, кто ловкимъ отпарированіемъ утомлялъ въ конецъ противника, не нанося ему и самъ не получая отъ него ударовъ. Но такіе случаи были конечно рѣдки. Чаще конкурренты выходили изъ боя съ ранами на лицѣ и съ поврежденными членами. Бывали и смертные случаи. Высшую форму здѣсь составлялъ такъ-называемый панкратіонъ (παγκράτιον), представлявшій собою соединеніе борьбы и кулачнаго боя. На него рѣшались только наиболѣе сильные и особенно ловкіе въ этихъ состязаніяхъ. Здѣсь позволялось и душить противника, а потому возможенъ былъ и смертельный исходъ. Слабѣйшій могъ надѣяться на побѣду, только обладая особымъ даромъ ловкости, быстроты, хитрости и коварства.

Не столь опаснымъ былъ пентатлонъ (πένταθλον), состоявшій изъ пяти отдѣльныхъ состязаній: бѣганія, метанія диска, прыганія, бросанія копья и борьбы, хотя съ точностію и неизвѣстно, въ какомъ порядкѣ они слѣдовали здѣсь одно за другимъ. Конкурренты дѣлились на партіи (τάξεις), по три или по два человѣка въ каждой, которыя затѣмъ и бѣжали по стадію одна за другою. Судьи отмѣчали побѣдителей. Окончивъ одно состязаніе, приступали къ другому, которое открывала первая партія. Дискомъ назывался металлическій кружокъ; побѣду одерживалъ тотъ, кто заставлялъ его катиться на болѣе далекое пространство. Для успѣшнаго броска требовалась не только сила, но и большая опытность въ такого рода упражненіяхъ; нужно было, чтобы кружокъ катился прямо, въ одномъ направленіи и не сваливался возможно дольше.

Прыганье (ἅλμα) выработало обычай держать въ рукахъ родъ металлическихъ или каменныхъ гирекъ (ἁλτῆρες). Искусное приспособленіе ихъ къ различнымъ моментамъ состязанія—прижи-

маніе ихъ къ груди, быстрое откидываніе ихъ впередъ и другія эволюціи—сообщали прыжкамъ наибольшую быстроту, размахъ, силу и увѣренность.

При метаніи копья (ἀκόντιον, ἀκόντισμα) требовалось оружіе короткое, тонкое, легкое и снабженное длиннымъ остріемъ. Только такимъ можно было попадать въ цѣль и метать на далекое пространство. Каждый конкуррентъ бросалъ копье три раза.

Побѣдители каждой составной части пентатлона строго отмѣчались судьями. Награда присуждалась тому, за кѣмъ оставалось наибольшее число побѣдъ. На практикѣ рѣдко случалось, чтобы побѣдитель оказывался мастеромъ болѣе чѣмъ въ трехъ родахъ этого сложнаго состязанія. Если равное число побѣдъ оставалось за двоими, то производился новый конкурсъ между этими двумя.

Другую часть Истмійскихъ игръ составляли конскія скачки (ἱπποδρομία). Онѣ были двухъ родовъ: на колесницахъ, запряженныхъ парой или чаще четверкой, и всадническія, верховыя. Наибольшею славой пользовались скачки на колесницахъ. Чтобъ управлять четырьмя конями, стоя на низкой, открытой сзади колесницѣ и покоившейся на одной только оси, нужна была большая опытность возницы. Скакали, какъ думаютъ, всѣ конкурренты вмѣстѣ. Требовалось проскакать по ипподрому установленное количество разъ, и побѣда оставалась за тѣмъ, кто первымъ приходилъ къ цѣли въ послѣдній побѣгъ. Награда присуждалась собственникамъ лошадей, а не возницамъ или всадникамъ. Но считалось болѣе почетнымъ, когда конями управлялъ самъ владѣлецъ ихъ. Столкновенія колесницъ въ опасныхъ мѣстахъ ипподрома были нерѣдки и сопровождались печальными послѣдствіями. Воодушевленіе и соперничество достигало высшей степени и увеличивалась возможность опасности столкновеній особенно подъ конецъ состязанія, въ критическій моментъ рѣшенія спора.

Не будемъ говорить о радости побѣдителей, о почестяхъ, воздававшихся имъ родными и согражданами.

Литературно-музыкальный конкурсъ, состоявшій изъ чтенія стихотворныхъ произведеній и вокально-инструментальной музыки, явился только въ позднѣйшее время: ранѣе императорскаго періода вѣнчаніе поэтовъ, киѳаредовъ и пѣвцовъ съ точностью едва ли можетъ быть доказано.

Наградой побѣдителя на Истмійскихъ играхъ долгое время служилъ вѣнокъ изъ сельдерея (σέλινον) и едва ли не послѣ возстановленія Коринѳа вошелъ снова въ употребленіе сосновый вѣнокъ, какъ то было въ древности. Вмѣстѣ съ вѣнкомъ побѣдителю подносилась и обычная на другихъ играхъ пальмовая вѣтвь.

Игры происходили за оградой Посейдонова святилища, обнесеннаго крѣпкою стѣной, на стадіи, ипподромѣ и въ театрѣ.

Слѣды этой священной ограды, лежавшей надъ Схэнунтомъ (Σχοινοῦς), гаванью на Саронскомъ заливѣ, видны и понынѣ близь селенія Каламаки. Внутри ея стоялъ храмъ Посейдона Истмійскаго и святилище Меликерта или Палемона (Παλαιμόνιον), культъ котораго, утвердившійся здѣсь въ незапамятныя времена, не былъ вытѣсненъ позднѣйшимъ поклоненіемъ Посейдону. Напротивъ, это святилище Меликерта-Палемона осталось навсегда особо почитаемымъ мѣстомъ на всемъ Истмѣ. Здѣсь произносились торжественнѣйшія клятвы, здѣсь древніе договоры получали свое окончательное утвержденіе, когда шло дѣло о распредѣленіи границъ между государствами. Истмійское святилище заключало въ себѣ, кромѣ того, множество статуй побѣдителей на играхъ, множество различныхъ обѣтныхъ даровъ, въ особенности приносимыхъ сюда мореходами; здѣсь хранились каменные столбы и бронзовыя доски съ начертанными на нихъ договорами различныхъ греческихъ государствъ.

За священною оградой лежали театръ и стадій—мѣста состязаній на Истмійскихъ играхъ. Красивый сосновый лѣсъ разстилался вокругъ святилища. Въ этой рощѣ разсѣяны были разныя зданія и постройки, неизбѣжныя во время празднествъ: помѣщеніе для властей, предсѣдавшихъ на играхъ и собиравшихся въ другихъ случаяхъ въ святилищѣ, мѣста для упражненій атлетовъ, конюшни, гостиницы и крытыя галлереи, лавки и палатки для торговли во время большой ярмарки, совпадавшей съ Истмійскими играми, которая привлекала сюда торговый людъ со всѣхъ странъ — и Іонянъ Малой Азіи, и купцовъ съ береговъ Понта Эвксинскаго, изъ Африки и т. д., нося такимъ образомъ какъ-бы интернаціональный характеръ. Въ этой же рощѣ стояли въ римскія времена храмы и жертвенники Димитры и Коры, Діониса и Артемиды и пр.

Побѣдоносное нашествіе Луція Муммія на Ахаію разрушило вмѣстѣ съ Коринѳомъ и святилище Истма. Все, что было цѣннаго въ этой священной оградѣ и около нея, было разграблено

и унесено побѣдителемъ, все, что̀ могло быть разорено, сожжено, сломано—обратилось въ груды развалинъ. Возсоздавать святыню пришлось уже по возстановленіи Коринѳа колонистами Юлія Цезаря. Богатство новаго Коринѳа, естественно, должно было благодѣтельно отозваться и на Истмѣ. Возстановился блескъ игръ, утраченный въ періодъ завѣдыванія ими Сикіонянъ, получившихъ эту привилегію отъ Римлянъ послѣ разрушенія Коринѳа; стали опять накопляться здѣсь и новыя богатства. Это, въ свою очередь, должно было привлечь жадные взоры и варваровъ, двигавшихся этимъ путемъ съ сѣвера на югъ Греціи, и разбойниковъ, приходившихъ съ моря. Памятники искусствъ и все цѣнное было унесено отсюда въ другія мѣста. Остальное довершили частыя землетрясенія и всесокрушающее время. Оттого внутри священной ограды, стѣны которой можно прослѣдить во всѣхъ направленіяхъ, на мѣстѣ религіозныхъ сооруженій и всѣхъ монументальныхъ даровъ вѣры и признательности Грековъ и Римлянъ легли огромныя массы развалинъ, въ которыхъ могли нѣсколько лучше разобраться только усилія ученыхъ нашего времени. Въ 1883 г. Ecole Française d'Athenes послала сюда одного изъ своихъ питомцевъ, архитектора Монсо̀ (Paul Monceaux), для производства раскопокъ. [1] Эти раскопки, правда, не были значительны по размѣрамъ, и результаты ихъ не могутъ идти никоимъ образомъ даже въ слабое сравненіе съ раскопками той же Школы на островѣ Делосѣ или даже въ Беотіи. Но и онѣ принесли свою относительную долю пользы. Благодаря имъ сталъ яснѣе планъ ограды святилища Посейдона и Палемона; онѣ открыли большія тріумфальныя ворота съ тремя пролетами, выстроенныя въ самомъ началѣ Римской имперіи въ сѣверо-восточномъ углу ограды и сохранившіяся почти на треть своей высоты между засыпавшими ихъ руинами; онѣ расчистили мостовую, ведшую отъ этихъ тріумфальныхъ воротъ во внутренность святилища; онѣ открыли двое другихъ воротъ въ священной оградѣ, а также нѣсколько надписей и скульптуръ, вмѣстѣ съ значительнымъ количествомъ архитектурныхъ обломковъ, дающихъ возможность составить хотя нѣкоторое понятіе о тѣхъ разрушенныхъ зданіяхъ, которымъ эти обломки принадлежали, и въ особенности о главныхъ святыняхъ этого мѣста, храмахъ Посейдона

---

[1] Отчеты Монсо о раскопкахъ указаны выше, стр. 521.

и Палемона. Онѣ внесли новый взглядъ на протяженіе такъ-называемаго Діолка и пр.

Знаменитое святилище Истма не отличалось большими размѣрами. Оно имѣло видъ пяти-угольника, и самая большая длина его не превышала 290 метровъ. Лежало святилище на возвышеніи. Какъ и военная поперечная стѣна Истма, эта ограда была уставлена башнями, которыхъ насчитываютъ до 19. Несомнѣнно, исполняя военное назначеніе уже въ римскія времена, эта ограда въ послѣдующіе вѣка служила крѣпостью Византійцамъ, Венеціанцамъ и Туркамъ; послѣдніе удалились отсюда только съ побѣдой Грековъ въ войнѣ за независимость. Раскопки французскаго археолога даютъ возможность опредѣлить первоначальное мѣсто главнаго входа въ священную ограду на западной сторонѣ ея и разрѣшаютъ другіе топографическіе вопросы какъ древнѣйшаго періода, такъ и римской поры. Эти же изысканія подтвердили мысль, что храмъ Посейдона былъ дорическаго стиля, храмъ Палемона, напротивъ, іоническаго: отъ того и другаго святилища нашлись остатки колоннъ и другихъ строительныхъ частей. Дорическій храмъ былъ построенъ въ VI ст., по предположенію Монсо, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ церковь св. Іоанна. Что касается до „Палемонія", то онъ имѣлъ вѣроятно круглую форму: такъ изображался онъ на монетахъ, то же свойство доказываютъ и найденные во время раскопокъ куски архитравовъ и карнизовъ.

Путешественникъ II ст. нашей эры, Павсаній, кромѣ этихъ двухъ храмовъ съ памятниками скульптуры изъ бронзы, золота, слоновой кости, упоминаетъ о жертвенникѣ Киклоповъ, о священномъ гротѣ (Ἄδυτον), гдѣ, по одному изводу преданія, скрылся подъ землей Палемонъ. Французскій археологъ полагаетъ, что священная ограда заключала въ себѣ много и другихъ памятниковъ религіознаго характера: остатки открытыхъ имъ колоннъ представляютъ до 15 разновидностей; эти алтари, часовни и иныя постройки были всѣхъ трехъ греческихъ стилей, дорическаго, іоническаго и коринѳскаго. Предположеніе—весьма правдоподобное, такъ какъ одна греческая надпись, давно найденная въ этихъ мѣстахъ, упоминаетъ о жертвенникахъ божественныхъ предковъ, о мѣстѣ погребальныхъ церемоній, какъ принадлежностяхъ храма Палемона.

Внѣ священной ограды и доселѣ обращаютъ вниманіе руины стадія и театра. Стадій находился на югъ отъ святи-

лища. При устройствѣ его, Коринѳяне воспользовались долиной, лежавшею между двухъ параллельно тянувшихся холмовъ. На склонахъ ихъ высѣчены были мѣста для публики и обшиты бѣлымъ мраморомъ. По крайней мѣрѣ, бѣло-мраморнымъ былъ стадій во II ст. нашей эры, когда посѣтилъ это мѣсто Павсаній. При расчисткѣ нѣкоторой части арены, найдены лишь безформенные фрагменты мраморныхъ статуй.

Что касается театра, то онъ выстроенъ былъ на западъ отъ вышеназванной ограды. Наиболѣе видные остатки его съ легко распознаваемою сценой и сидѣньями для зрителей принадлежатъ римскимъ временамъ. Это зданіе выстроено было, очевидно, по возобновленіи Коринѳа Юліемъ Цезаремъ, взамѣнъ прежняго греческаго театра, пришедшаго въ ветхость и уже неудовлетворявшаго новыхъ насельниковъ. Слѣды послѣдняго виднѣются нѣсколько выше римскаго театра, на той же горѣ.

Но не одно святилище Посейдона составляло достопримѣчательность Истма; кромѣ него возбуждали вниманіе путешественниковъ древности еще три сооруженія необычайнаго порядка, сообщавшія этому перешейку особую физіономію. Мы разумѣемъ такъ-называемый Діолкъ, поперечную стѣну и попытки устройства канала черезъ Истмъ.

Діолкъ (δίολκος) былъ особымъ приспособленіемъ для переправы сухимъ путемъ мелкихъ торговыхъ судовъ изъ одного залива въ другой и для транзита грузовъ большихъ кораблей. Узость перешейка, раздѣлявшаго заливы, опасности плаванія около мысовъ Лаконіи, потеря времени, требовавшагося для объѣзда кругомъ всего Пелопоннеса, и соединенная съ этимъ дороговизна доставки товаровъ, подали Грекамъ мысль устроить въ наиболѣе низкой части Истма особую широкую и удобную дорогу, по которой небольшія суда могли бы на колесныхъ подставкахъ безпрепятственно передвигаться съ одного берега на другой. Ширина этого спеціальнаго пути и объемъ перевозочныхъ средствъ должны были естественно отражаться на устройствѣ судовъ, предназначенныхъ для плаванія по заливамъ и у береговъ полуострова. Но этотъ перекатъ приносилъ пользу и большимъ кораблямъ; ихъ грузы снимались на одномъ его концѣ и перекладывались на другія суда. Этотъ путь транзита былъ самымъ короткимъ и наиболѣе легкимъ, оттого въ хорошую пору года здѣсь кипѣла непрерывная работа, доставлявшая большія выгоды Коринѳянамъ. Слѣды этой оригинальной

постройки археологи усматриваютъ по мѣстамъ и доселѣ, хотя между ними и нѣтъ согласія относительно конечныхъ ея пунктовъ. [1]

Новую достопримѣчательность Истма составляла его знаменитая стѣна, пересѣкавшая его на восточной границѣ отъ одного моря до другаго. Если Діолкъ вытянутъ былъ, для сокращенія времени и пути, по прямой линіи, то эта поперечная стѣна шла значительными изгибами, слѣдуя въ своемъ направленіи, насколько то было возможно, краямъ овраговъ и глубокихъ ложбинъ, бороздившихъ перешеекъ и служившихъ въ данномъ случаѣ какъ бы крѣпостными рвами со стороны Мегары. Эта стѣна шла въ двѣ линіи, изъ которыхъ восточная отстоитъ шаговъ на сто отъ западной. На различныхъ разстояніяхъ стояли здѣсь четвероугольныя башни; тамъ и сямъ встрѣчаются указанія на существованіе большихъ водяныхъ резервуаровъ. Время первоначальнаго построенія стѣнъ неизвѣстно; но спеціалисты, на основаніи сравненія разныхъ частей этого строенія, думаютъ, что это случилось задолго до персидскаго нашествія, когда жители Пелопоннеса, въ большой поспѣшности, возвели здѣсь нѣсколько укрѣпленій. Не имѣя военнаго значенія въ мирныя времена, эта стѣна играла роль важной преграды въ эпоху передвиженія народовъ. Императоръ Валеріанъ возобновилъ ее въ половинѣ III столѣтія по Р. X., Юстиніанъ къ концу VI вѣка. Не разъ она была возстановляема съ военными цѣлями и потомъ Византійцами, Венеціанцами и Турками. Большая часть нынѣ видныхъ остатковъ принадлежитъ порѣ этихъ подновленій, начиная съ Валеріана.

Выше мы сказали, что устройство переката, Діолка, въ значительной степени облегчало переправу судовъ и товаровъ съ одного залива на другой. Но эти удобства были все-таки невелики въ сравненіи съ каналомъ, еслибы здѣсь таковой прорыть въ мѣстѣ наиболѣе узкомъ. Тогда сообщеніе двухъ морей было бы непосредственное, тогда не нужно было бы тратить времени ни на трудную и медленную перегрузку большихъ судовъ, ни на перевозъ мелкихъ, соединенный со значительными хлопотами, затратой силъ и денегъ. Оттого мысль о проведеніи канала чрезъ Истмъ не только являлась въ древности, но и была

---

[1] Большинство держится предположенія, что перекатъ шелъ отъ Схѳнунта до Коринѳской гавани Лехея; но Герстеръ и Монсо отстаиваютъ направленіе его отъ Кенхрей къ тому же порту. *Gazette Archéol.* 1885 г. Стр. 406 слѣд.

сдѣлана серьезная попытка къ ея осуществленію. Періандръ Коринѳскій, Димитрій Поліоркетъ, Цезарь и Иродъ Аттикъ занимались этимъ вопросомъ, Калигула посылалъ сюда инженеровъ для съемки мѣстности и приготовленій къ работамъ. А Неронъ сдѣлалъ уже и попытку осуществленія мысли, родившейся задолго до него. Земляныя работы начаты были тогда одновременно съ обоихъ концовъ и ведены были на всемъ поперечномъ протяженіи перешейка. Со стороны Коринѳскаго залива слѣды канала видны на 2.500 метровъ и со стороны Саронскаго на 1.500. Ширина канала имѣла приблизительно 40 метровъ, тогда какъ новый каналъ имѣетъ всего 22 метра. На работу употреблены были Нерономъ рабы, солдаты и политическіе преступники. Веспасіанъ послалъ ему для этого дѣла также 6.000 Евреевъ, содержавшихся въ тюрьмахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это предпріятіе имъ было бы доведено до благополучнаго конца, еслибы не помѣшала тому его ранняя и насильственная смерть. [1]

Но чего не удалось сдѣлать римскому властителю, то совершается на нашихъ глазахъ. Французская компанія получила въ 1881 г. концессію греческаго правительства на прорытіе канала и съ тѣхъ поръ дѣятельно работаетъ надъ этимъ предпріятіемъ. Весной 1889 года, когда намъ приходилось быть въ этихъ мѣстахъ, наибольшая часть была уже прорыта, и выведенъ былъ желѣзно-дорожный мостъ, значительная высота котораго позволитъ проходить самымъ большимъ мачтамъ. Каналъ этотъ имѣетъ 22 метра ширины и тянется на 10 километровъ. По концамъ выстроены два порта, съ высокимъ маякомъ близь каждаго. Третій маякъ будетъ находиться по срединѣ канала. Ожиданіе заработковъ въ этихъ гаваняхъ вызвало уже возникновеніе двухъ новыхъ небольшихъ городковъ или слободъ—П о с и д о н і и, на берегу Коринѳскаго залива, и И с т м і и вблизи ограды Истмійскаго святилища. Каналъ будетъ, какъ думаютъ, имѣть не только мѣстное значеніе, но и международное, сокращая путь между западнымъ и восточнымъ бассейнами Средиземнаго моря. Насколько значителенъ будетъ выигрышъ времени, ясно изъ того, что если нынѣ требуется для переѣзда изъ Мессины до Пирея около 58 часовъ, то съ открытіемъ Коринѳскаго канала, этотъ путь

---

[1] См. объ этомъ предпріятіи Нерона *Gerster*, Bulletin de Correspondance Hellénique 1884, стр. 225 и слѣд. pl. VIII.

будетъ сокращаться вдвое; точно также переѣздъ отъ Мессины до Константинополя сократится на цѣлыхъ два дня.

Но оставимъ Истмъ и продолжаемъ нашъ путь.

За Истмомъ мы изъ Пелопоннеса вступаемъ въ Среднюю Грецію. Первая область на этомъ пути будетъ Мегарида, съ главнымъ городомъ Мегарой. И за перешейкомъ желѣзная дорога идетъ также по берегу моря; но впечатлѣніе отъ этого близкаго сосѣдства совершенно иное, чѣмъ по ту сторону Истма. Тамъ берегъ все время—низкій; желѣзнодорожные рельсы пролегаютъ у подножія невысокихъ холмовъ и горъ, тогда какъ здѣсь, при встрѣчѣ съ Саронскими водами, путь идетъ по очень высокому карнизу часто совершенно отвѣсныхъ, голыхъ, выжженныхъ солнцемъ скалъ. Эта дорога пользовалась дурною славой уже въ миѳической древности. На этомъ высокомъ, до крайности узкомъ и опасномъ трактѣ жилъ страшный Скиронъ, по народной легендѣ, грабившій путешественниковъ и при этомъ имѣвшій обычай заставлять свои жертвы мыть себѣ ноги, и когда тѣ въ страхѣ нагибались исполнить его жестокое требованіе, онъ сталкивалъ ихъ съ отвѣсной высоты въ море, гдѣ огромная черепаха пожирала ихъ трупы. Такъ дѣло продолжалось, пока не выросъ Ѳесей и не открылъ ряда своихъ благодѣтельныхъ для человѣчества подвиговъ, въ средѣ которыхъ занимаетъ свое мѣсто побѣда надъ Скирономъ и спускъ его въ морскую пучину на томъ же самомъ мѣстѣ. Это преданіе о Скиронѣ въ греческомъ народѣ жило и въ классическія времена: моментъ побѣды Ѳесея надъ Скирономъ, напримѣръ, изображенъ былъ на одной изъ метопъ извѣстнаго храма въ Аѳинахъ, обыкновенно называемаго „Ѳесейономъ“. Здѣсь, въ высокомъ рельефѣ, бородатый и съ цѣлою шапкой волосъ на головѣ Скиронъ представленъ уже потерявшимъ равновѣсіе и наклонившимся со скалы къ морю. Ѳесей, стоящій тутъ во всей силѣ молодости и мужественной красоты, привелъ его въ такое безнадежное положеніе, схвативъ врага за шиворотъ и нанося ему копьемъ смертельный ударъ. Близость моря на метопѣ обозначена символически изображеніемъ большаго крабба подъ скалой. [1] Дорога считается опасною

[1] *Brunn-Bruckmann*, Denkmäler der griech. und röm. Sculptur № 153; Monum. Inediti dell'Instit. di Corrisp. Archeol. X, tav. 44; *И. Цвѣтаевъ*, Учебный Атласъ антич. ваянія. Москва. 1892, т. II, таб. VI № 3.

и до нынѣ, причемъ наиболѣе критическое мѣсто удерживаетъ за собою и теперь въ устахъ народа спеціальное названіе Κακὴ Σκάλα. Отвѣсъ здѣсь дѣйствительно настолько крутъ, узкая тропинка и желѣзнодорожное полотно лежатъ такъ близко къ краю и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ высоко надъ моремъ, что чувство страха и опасенія за себя является невольно у самаго отважнаго путешественника.

Нынѣшняя Мегара стоитъ на мѣстѣ древняго города. Долина или πλατία, раздѣляющая двѣ возвышенности, на которыхъ раскинулся городъ, соотвѣтствуетъ древней главной площади, (ἀγορά). Въ этомъ городкѣ, съ 5.000 населеніемъ, мы въ первый разъ на нашемъ пути встрѣчаемся съ музеемъ древностей, заботливо собираемыхъ общественнымъ управленіемъ. Не стерты здѣсь и слѣды далекой старины въ такой степени, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ и селеніяхъ нынѣшней Греціи. Археологъ находитъ классическій матеріалъ въ надписяхъ и камняхъ, нерѣдко украшенныхъ скульптурною работой, хотя, конечно, все это является теперь большею частію простымъ строительнымъ матеріаломъ въ стѣнахъ часовень, церквей и частныхъ домовъ. Древняя Мегара не была приморскимъ городомъ, а имѣла городокъ Нисею (Νίσαια) своимъ особымъ портомъ; но нынѣ отъ этого города-гавани нѣтъ никакого слѣда. Точно также прежній скалистый островокъ Миноя (Μινόα), который въ древнія времена соединялся съ материкомъ посредствомъ моста, нынѣ имѣетъ видъ небольшой круглой возвышенности, болѣе не омываемой водою.

Скалы и пустынные горные ландшафты не оставляютъ насъ въ дальнѣйшемъ пути вплоть до самой Аттики. Между Мегарой и Аѳинами единственнымъ примѣчательнымъ пунктомъ на желѣзной дорогѣ является небольшое село Левсина (Λευσίνα, древній Ἐλευσίς, Ἐλευσίν). Трудно представить бо́льшій контрастъ нынѣшнихъ и древнихъ судебъ этого мѣста. Великая святыня съ незапамятныхъ временъ для гречесаго міра, пользовавшаяся глубокимъ почитаніемъ и лучшихъ умовъ высшаго римскаго общества, сзывавшая къ себѣ поклонниковъ со всѣхъ концовъ тогдашняго свѣта, теперешній Элевсинъ—убогая, страдающая отъ лихорадокъ деревня, населенная Албанцами, которые, несмотря на окружающую ихъ греческую стихію и близкое сосѣдство съ Аѳинами, удерживаютъ доселѣ свой языкъ, обычаи, одежду и при

своей бѣдности и умственной неразвитости, конечно, всего менѣе заботятся объ исторіи великаго мѣста, занимаемаго ими. Только недавнія археологическія раскопки, отразившіяся прежде всего сломкой ихъ жилищъ и перенесеніемъ ихъ въ сторону отъ священной ограды, которую они заселяли прежде, заставляютъ этотъ темный людъ старательнѣе подбирать случайно попадающіеся куски мрамора, бронзы, кости, глиняной черепицы съ признаками какихъ-либо греческихъ начертаній, живописныхъ или скульптурныхъ изображеній, въ надеждѣ на контрабандную продажу этихъ находокъ заѣзжему иностранцу или аѳинскимъ антикваріямъ, промышляющимъ тѣмъ же.

Впрочемъ, не будемъ винить простыхъ и бѣдныхъ сельчанъ, къ тому же народности, которой не коснулся свѣтъ науки, за ихъ небреженіе исторіей Элевсина и его мистерій, когда и люди научнаго знанія, ставящіе цѣлію своей жизни изученіе античнаго міра, вѣдаютъ объ Элевсинѣ и его давно замолкшихъ священнодѣйствіяхъ очень немногое, сравнительно съ тѣмъ, что̀ нужно и что̀ хотѣлось бы знать имъ и что̀, по всей вѣроятности, останется для нихъ вѣчною загадкой. Тѣмъ гуще, тѣмъ сильнѣе застилаетъ дымка таинственнаго значеніе древней элевсинской святыни въ глазахъ большинства изъ насъ. Поэтому, можетъ-быть, читатели простятъ намъ желаніе припомнить здѣсь, по крайней мѣрѣ, существенно важное изъ исторіи Элевсина и его таинствъ [1].

Имя и значеніе этого города, основаннаго въ незапамятныя времена, впервые ясно выступаютъ въ слѣдующемъ поэтическомъ преданіи Грековъ. Кора (или Персефона), дочь Димитры, плѣнила собою сердце бога подземнаго царства, мрачнаго Плутона, который рѣшилъ похитить ее и сдѣлать своею супругой. Получивъ на это согласіе царя боговъ Зевса, онъ воспользовался тою минутой, когда Персефона, безпечно играя съ дочерьми

---

[1] *Н. И. Новосадскій.* „Елевсинскія Мистеріи“. С.-Пб. 1887; *А. Н. Деревицкій*, „Гомерическіе гимны“. Харьковъ. 1889. Эти два сочиненія введутъ желающаго въ обширную литературу предмета. Нижеслѣдующее преданіе о Корѣ и Димитрѣ составляетъ сюжетъ большаго Гомеровскаго гимна «Къ Димитрѣ», Εἰς τὴν Δήμητραν. Этотъ гимнъ открытъ въ одной изъ рукописей Московской Синодальной библіотеки въ концѣ прошлаго столѣтія (1777 г.) профессоромъ Московскаго университета, именитымъ филологомъ своего времени, Фридрихомъ Маттэи. Пересланная имъ за границу, эта рукопись соста-

Океана, собирала цвѣты на Нисейскихъ лугахъ. Прельстившись видомъ нарцисса, Персефона простерла къ нему обѣ руки, но въ эту минуту разступилась земля, и изъ ея глубинъ появился могучій царь подземнаго міра, схватилъ оцѣпенѣвшую отъ ужаса дѣву и на своихъ безсмертныхъ коняхъ увлекъ ее въ свои далекіе и никому невѣдомые чертоги. Напрасно несчастная плакала и громко взывала о помощи. Ея воплей и стенаній никто не слыхалъ изъ людей, а изъ безсмертныхъ слышала его только Геката, да не укрылось это похищеніе отъ очей Геліоса-всевидца. Долетѣлъ отчаянный плачъ дочери и до слуха Димитры. Въ ужасѣ бросается она на ея поиски; цѣлыя девять дней носится она съ факеломъ въ рукахъ по сушѣ и морю, разспрашивая повсюду о предметѣ своего горя, но никто, ни люди, ни боги, не облегчаютъ ея страданій. Только на десятый день повстрѣчавшаяся съ нею Геката открываетъ, что она слышала голосъ Персефоны, но не знаетъ, былъ ли похитителемъ ея какой-либо богъ, или простой смертный. Затѣмъ обѣ богини устремляются къ Геліосу, созерцателю и людей и боговъ, и здѣсь Димитра узнаетъ не только имя похитителя ея дочери, но и то, что такъ поступилъ Плутонъ съ согласія Зевса.

Напрасны были утѣшенія Геліоса. Опечаленная и разгнѣванная Димитра, избѣгая сообщества боговъ, оставляетъ Олимпъ и, принявъ на себя видъ старухи, начинаетъ свои долгія блужданія по землѣ. Такъ она приходитъ въ Элевсинъ, царство Келея. Усѣвшись здѣсь у дороги, подлѣ колодца, она встрѣчается тутъ съ царскими дочерьми, пришедшими сюда за водой. На ихъ разспросы о родинѣ и причинѣ ея печальнаго вида, она называетъ себя именемъ Дэо (по другому чтенію Досъ), уроженкою острова Крита, попавшеюся въ плѣнъ къ разбойникамъ, отъ которыхъ ей удалось, однако, спастись, и проситъ ихъ дать ей пріютъ и гдѣ-нибудь работу няни, домоправительницы, служанки или наставницы служанокъ въ рукодѣльяхъ. Обѣщаютъ ей царскія дочери содѣйствіе, идутъ къ матери и разсказываютъ все, что̀ онѣ видѣли и

вляетъ недавна собственность библіотеки Лейденскаго университета. Объ элевсинскихъ мистеріяхъ см. также *Schoemann*, Griech. Alterthüm. II, стр. 337 и слѣд. по 3 изд.; *Латышевъ*, Очеркъ Греч. Древ. II, стр. 204 и слѣд.; *Stengel*, Griech. Kultusaltert. стр. 115 и слѣд. (въ изд. Iw. von Müller, Handbuch des klass. Altert. Wiss. T. V.)

слышали. Мать ихъ, Метанира, призываетъ старуху къ себѣ, оказываетъ ей ласку и привѣтъ и поручаетъ ей кормленіе своего новорожденнаго сына, Демофонта. Ревностно принялась Димитра за воспитаніе младенца: не давая ему пищи и молока, она ростила его какъ бога; смазывала его амброзіей, а на ночь клала его въ огонь, какъ головню. Дивились родители необычайному росту и божественному виду Демофонта. И Димитра сдѣлала бы его недоступнымъ старости и безсмертнымъ, еслибы не явилась помѣхой тому сама Метанира. Подстрекаемая любопытствомъ, она захотѣла тайно подсмотрѣть за дѣйствіями кормилицы; увидѣвъ свое дитя въ огнѣ, она пришла въ ужасъ и закричала, боясь за участь ребенка.

Вознегодовала на это Димитра и открыла ей свою божественную природу. Она даетъ Метанирѣ повелѣніе, чтобы народъ поставилъ ей храмъ на ближайшемъ холмѣ, у самаго города и воздавалъ отнынѣ подобающія ей почести, обѣщая, со своей стороны, научить его особымъ обрядамъ богослуженія, которые теперь должны совершаться въ честь ея. Внезапно при этомъ убогая старуха преобразилась въ святую богиню. Сверкая своею красотой и величіемъ, Димитра оставила домъ Келея.

Подкосились, при видѣ такого зрѣлища, колѣна царицы, онѣмѣлъ ея языкъ и только на слѣдующее утро Келей могъ узнать о событіи ночи. Сейчасъ же онъ созываетъ свой народъ и отдаетъ повелѣніе строить немедленно пышный храмъ богинѣ на ближайшемъ возвышеніи. Спорилась и кипѣла работа у элевсинскаго народа. Храмъ скоро былъ оконченъ, и поселилась въ немъ богиня со своею неутѣшною печалью въ сердцѣ о потерянной дочери.

Печаль Димитры и удаленіе ея изъ сонма боговъ, между тѣмъ, тяжко отразились на всей природѣ. Земля не давала плодовъ, поля не возвращали сѣмянъ. Настал̆ъ голодный годъ, грозившій гибелью всему человѣческому роду, а Олимпійцамъ лишеніемъ подобающихъ имъ жертвоприношеній. Тогда Зевсъ посылаетъ Ириду къ Димитрѣ звать ее на Олимпъ. Но напрасно эта вѣстница божеской воли держала рѣчь предъ нею въ ея элевсинскомъ храмѣ; напрасно Зевсъ посылалъ затѣмъ и остальныхъ боговъ съ тою же просьбой о возвращеніи. Оскорбленная въ своихъ правахъ и опечаленная богиня отвѣчала всѣмъ одно и то же, что она не поднимется въ

чертоги Олимпа и не дастъ землѣ плодородія, пока не увидитъ своей дочери снова. Зевсъ рѣшилъ исполнить желаніе Димитры. Онъ отправляетъ Гермеса въ подземное царство уговорить Плутона возвратить свою супругу ея матери. Аидоней исполняетъ волю Зевса, отпускаетъ нѣжно любимую Персефону; но, чтобы заставить ее воротиться къ себѣ снова, онъ даетъ ей отвѣдать зерна гранатоваго плода. Вкусила его радостная Персефона и съ тѣхъ поръ должна была вѣчно спускаться на цѣлую треть года къ своему супругу въ его подземное царство.

На быстрыхъ коняхъ Плутона она вмѣстѣ съ Гермесомъ донеслась до Элевсина. Сладко было свиданіе Димитры съ возвратившеюся дочерью. Забыты были прежнія страданія, настали изліянія взаимныхъ радостей. Довольная тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, двѣ трети года она будетъ наслаждаться присутствіемъ дочери, Димитра послѣдовала за присланною къ ней отъ Зевса Реей принять почести, обѣщанныя ей царемъ боговъ.

Но прежде своего возвращенія на Олимпъ, она посѣтила сосѣднее съ Элевсиномъ Рарійское поле, страдавшее тогда безплодіемъ, и благословила его на будущія времена. Ожило поле и зазеленѣла вся земля, и нива понесла людямъ свой обильный плодъ. Покидая Элевсинъ, богиня наставила чину своего служенія царей Триптолема, Діокла, Эвмолпа, Келея, давъ имъ при этомъ строгую заповѣдь хранить эту тайну мистерій отъ людей и не разглашать ее непосвященнымъ. Но, во истину, нѣтъ счастья выше для человѣка, какъ, получивъ посвященіе, видѣть эти тайны, нѣтъ ни въ здѣшней жизни, ни по смерти.

Окончивъ свои наставленія, Димитра вмѣстѣ съ Персефоной возвращаются на Олимпъ, въ сонмъ остальныхъ боговъ. Счастливъ тотъ изъ смертныхъ, къ кому эти богини благосклонны: на домъ его ниспосылаются тогда всѣ благословенія изобилія и богатства.

Съ тѣхъ миѳическихъ поръ, о которыхъ повѣствуетъ это преданіе, Элевсинъ сталъ священнымъ мѣстомъ, полнымъ всевозможныхъ напоминаній о богинѣ, даровавшей людямъ благословенія земледѣлія и наставившей ихъ таинствамъ своего поклоненія. Здѣсь возникли храмы не только Димитрѣ, но и Триптолему, Артемидѣ, Посейдону, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано еще для II ст. нашей эры Павсаніемъ; каждое урочище не только города, но и ближайшихъ окрестно-

стей поставлены въ связь съ началомъ таинственнаго культа. Такъ, колодезь, носившій имя „каллихоросъ“, названъ будто бы потому, что здѣсь „элевсинскія женщины впервые составили священную пляску и привѣтствовали богиню“. А по сосѣдству Рарійское поле преданіе считало первымъ, которое было засѣяно и возрастило плодъ. Тамъ же показывались токъ Триптолема и его жертвенникъ, фиговое дерево, возлѣ котораго Плутонъ похитилъ Персефону, и проч., не говоря уже о священной оградѣ богини и святыняхъ, заключавшихся здѣсь.

Культъ Димитры и Персефоны, рано проникшій сюда и утвердившійся въ этомъ мѣстѣ, впослѣдствіи выработался въ стройную систему. Въ историческія времена мы встрѣчаемъ въ Элевсинѣ опредѣленный и весьма значительный по числу жреческій персоналъ, свое особое управленіе и свои знаменитыя празднества, совершавшіяся по правиламъ строго установленнаго ритуала. Священный городъ украшается въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ новыми сооруженіями значительныхъ размѣровъ и большой матеріальной цѣнности.

Въ средѣ элевсинскихъ жрецовъ было два древнѣйшіе и привилегированные рода, Эвмолпиды и Кирики, изъ которыхъ выбирались важнѣйшіе чины жреческой іерархіи, весьма обширной и сложной. Во главѣ ея стоялъ іерофантъ (ἱεροφάντης). Обязательно Эвмолпидъ по происхожденію, это должностное лицо получало свою власть посредствомъ избранія и путемъ особаго посвященія, съ возведеніемъ его на тронъ и возложеніемъ вѣнца. При этой церемоніи іерофанту давалось другое мистическое, имя, которое, впрочемъ, должно было оставаться тайной для всѣхъ и, какъ таковое, будучи, вѣроятно, написаннымъ на дощечкѣ, погружалось въ море. Санъ Элевсинскихъ іерофантовъ былъ пожизненнымъ. Онъ требовалъ безбрачія и цѣломудрія (іерофантъ, если не былъ женатъ ранѣе или, если терялъ жену, не могъ вступить въ бракъ), обстоятельство, заставлявшее іерофантовъ иногда прибѣгать къ кастраціи, для уничтоженія половыхъ влеченій. Какъ высшій жрецъ, іерофантъ былъ главнымъ вершителемъ церемоній и руководителемъ посвященныхъ и готовившихся вступить въ число таковыхъ. Ему, какъ думаютъ, были извѣстны и стороны мистерій, невѣдомыя другимъ элевсинскимъ жрецамъ. Внѣшнимъ отличіемъ его была роскошная пурпуровая одежда и миртовый вѣнокъ на головѣ.

За іерофантомъ въ элевсинской жреческой іерархіи слѣдовали дадухъ (δᾳδοῦχος), кирикъ (κῆρυξ, глашатай), эпибомій (ἐπιβώμιος, ὁ ἐπὶ βωμῷ,) особый жрецъ двухъ богинь Димитры и Коры (ἱερεὺς τοῖν θεοῖν, ἱερεὺς Δήμητρος καὶ Κόρης и пр.) и другія должностныя лица, не говоря о многочисленномъ штатѣ низшаго клира.

Наряду съ высшими жрецами стояли и жрицы соотвѣтственныхъ наименованій: іерофантида (ἱερόφαντις), дадухиня (δᾳδουχοῦσα), жрица Димитры и Коры, и др., за исключеніемъ кирика. Ото всѣхъ жрицъ требовалось безупречное цѣломудріе. Права іерофантиды были, повидимому, очень широки: она посвящала въ мистеріи не только женщинъ, но и мужчинъ. Отъ іерофантиды получили посвященіе, между прочимъ, императоръ Адріанъ, Маркъ Аврелій, Коммодъ.

Жрецы Элевсина составляли совѣтъ (ἱερὰ βουλή) для обсужденія и рѣшенія дѣлъ особой важности, какъ суда надъ оскорбителями святыни. Членами совѣта были только Эвмолпиды и Кирики. Предсѣдательство въ совѣтѣ принадлежало аѳинскому архонту-царю, въ спеціальномъ вѣдѣніи котораго находились и самыя мистеріи. Роль его здѣсь была весьма значительна: онъ приносилъ въ извѣстные дни мистерій жертвы за народъ и сенатъ аѳинскій, онъ дѣлалъ разъясненія народу предъ началомъ мистерій на счетъ условій, которымъ должны были удовлетворять желавшіе принять посвященіе. При немъ состоялъ цѣлый штатъ помощниковъ и чиновъ: товарищъ—паредръ (πάρεδρος), эпимелеты (ἐπιμεληταί), іеропіи (ἱεροποιοί) и др.

Матеріальное положеніе жреческой коллегіи Элевсина было въ лучшія времена существованія святилища вполнѣ обезпеченное. Іерофантъ, дадухъ, кирикъ, эпибомій и нѣкоторые другіе, даже низшіе чины пользовались готовымъ столомъ въ пританеѣ. Элевсинскіе жрецы получали опредѣленное количество хлѣба натурой изъ доходовъ со священнаго поля Рара; ихъ собственность составлялъ уловъ рыбы въ лиманахъ, посвященныхъ Димитрѣ и Корѣ. Жрецы главнѣйшихъ родовъ имѣли особые дома для безплатнаго жительства. Въ готовыхъ помѣщеніяхъ жили и жрицы.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о самихъ мистеріяхъ. Этотъ наиболѣе интересный предметъ въ вопросѣ объ Элевсинѣ извѣстенъ въ весьма слабой степени. Требованіе глубокой тайны, предъявлявшееся къ желавшимъ поступить въ число мистовъ,

соблюдалось въ языческой древности со всею строгостью. Разглашеніе тайнъ ученія и богослуженія считалось величайшимъ преступленіемъ, влекшимъ за собою высшую кару закона, смертную казнь. И эта мѣра наказанія была присуждаема не разъ. Опуская другіе случаи, вспомнимъ, что на смерть осужденъ былъ Алкивіадъ за пародированіе мистерій Димитры въ пріятельскомъ домѣ, когда самъ онъ игралъ роль іерофанта, одинъ его товарищъ дадуха, другой кирика, а остальная компанія изображала собой мистовъ. Только бѣгство изъ Аѳинъ спасло его отъ смерти; но имущество его было конфисковано и продано, имя его было предано проклятію. Подчиняясь этому строгому требованію тайны, уклонился отъ разсказа о священной оградѣ Элевсина и Павсаній, этотъ иначе весьма подробный и словоохотливый повѣствователь [1]. Главныя свѣдѣнія о занимающемъ насъ предметѣ дошли до новаго міра въ значительной степени чрезъ отцовъ церкви, апологетовъ христіанства, которые въ своемъ рвеніи доказать ложность и безсмысліе языческихъ вѣрованій и обрядовъ собрали нѣкоторый матеріалъ и для характеристики Элевсинскихъ Мистерій.

Къ посвященію въ таинства элевсинскихъ богинь допускался не всякій и не сразу.

Элевсинскій культъ, въ первоначальную пору исключительно мѣстный, былъ принятъ Аѳинянами въ число своихъ культовъ, и потому посвященія въ мистеріи могъ искать только Грекъ аттическаго происхожденія. Но послѣ кругъ посвященныхъ сталъ пополняться уроженцами и другихъ областей Греціи. Для этого сначала лишь требовалось принять аѳинское гражданство, приписавшись къ какому-нибудь аттическому семейству. Современемъ доступъ къ таинствамъ Элевсина сдѣлался открытымъ даже иностранцамъ не эллинскаго происхожденія. Многіе изъ знатныхъ Римлянъ, со времени ихъ близкаго знакомства съ Греціей, принимали элевсинское посвященіе; его искали и получили нѣкоторые изъ римскихъ императоровъ, какъ Августъ, Адріанъ и др.

Но не одно происхожденіе было принимаемо въ разсчетъ при посвященіи, а также и образъ жизни тѣхъ, кто искалъ его. Къ общенію въ таинствахъ Димитры не допускались лица, запятнавшія себя преступленіями, заговорщики противъ обществен-

---

[1] Pausan. I, 38, 5 слѣд.

наго порядка, люди, терпѣвшіе какія-либо особенныя несчастія, въ которыхъ можно было бы предполагать божественную кару, лица состоявшія подъ судомъ и пр. Всѣ эти ограничительныя условія публично читались или произносились архонтомъ-царемъ, іерофантомъ и другими высшими жрецами въ самомъ началѣ праздника Мистерій.

Происхожденіемъ и безупречностію [1] жизни не исчерпывались всѣ права на доступъ къ мистеріямъ Димитры. Необходима была для этого еще спеціальная подготовка. Она получалась подъ руководствомъ наставника-мистагога (μυσταγωγός). Такими руководителями естественно были элевсинскіе жрецы, болѣе другихъ знакомые съ таинствами богини, хотя могъ быть имъ и всякій членъ рода Эвмолпидовъ и Кириковъ. Приготовленіе состояло въ изученіи обрядовой стороны мистерій, можетъ-быть, и въ усвоеніи главнѣйшихъ догматовъ ученія, хотя на этотъ счетъ нѣтъ положительныхъ указаній, а также въ постѣ или, по крайней мѣрѣ, въ воздержаніи отъ нѣкоторыхъ родовъ пищи; такъ запрещено было употребленіе куръ, рыбы, бобовъ и яблокъ. На готовившихся къ посвященію налагался обѣтъ молчанія; какъ кажется, будущіе мисты, въ этотъ періодъ искуса, должны были воздерживаться вообще отъ какихъ бы то ни было разговоровъ и бесѣдъ.

Какъ продолжителенъ былъ срокъ подготовленія, мы не знаемъ; но когда искусъ оканчивался, приступали къ посвященію, которое имѣло три степени.

Первое, или низшее, посвященіе (μύησις) происходило въ Аграхъ, на берегу рѣки Илисса, или въ аѳинскомъ Элевсиніи, въ началѣ весны. Второе посвященіе (τελετή) имѣло мѣсто въ Элевсинѣ во время Великихъ Мистерій и получалось черезъ полгода или чрезъ семь мѣсяцевъ послѣ перваго. Третья и послѣдняя степень посвященія (ἐποπτεία), открывавшая уже всѣ тайны вѣроученія, давалась также въ Элевсинѣ и также въ праздникъ Великихъ Мистерій. Самымъ краткимъ промежуткомъ между второю и послѣднею степенями былъ такимъ образомъ годъ, но могли

[1] Понятіе безупречности на практикѣ было впрочемъ весьма растяжимо, такъ какъ въ число посвященныхъ попадали и гетеры. Присутствіе рабовъ въ числѣ мистовъ говоритъ за ослабленіе требованій относительно происхожденія и гражданской правоспособности. Считается невыясненнымъ, требовалось ли въ позднѣйшія времена пріобрѣтеніе аѳинскаго гражданства.

проходить два и три года; съ распространеніемъ христіанства случалось, что требовался даже пятилѣтній промежутокъ.

У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ для разграниченія обрядовъ, отличавшихъ одну степень посвященія отъ другой. Весьма вѣроятно, что торжественность церемоній возрастала по мѣрѣ возвышенія степеней. При настоящемъ же количествѣ извѣстій древнихъ, можно лишь до нѣкоторой степени представить себѣ общую, да и то очень блѣдную и несовершенную, картину этихъ посвященій, безъ точнаго разграниченія ихъ видовъ.

Оно начиналось и происходило во мракѣ ночи. Принеся жертву въ священной оградѣ храма, посвящаемые вступали въ храмъ такой же темный, какъ и сама ночь, и здѣсь, подъ предводительствомъ жрецовъ, совершали переходы изъ одной части святилища въ другую. Таинственная тишина царила кругомъ и лишь эхо ихъ шаговъ тихо отдавалось подъ кровлей храма. Но вотъ среди непроницаемаго мрака возгарался ослѣпительный блескъ и озарялъ какія-то грозныя и отвратительныя чудовища, встававшія въ устрашенныхъ очахъ посвящаемыхъ: то, быть-можетъ, были образы тѣхъ отвратительныхъ змѣй и страшилищъ, которыя, по вѣрованію древнихъ, окружали входъ въ подземное царство. Или среди невозмутимаго безмолвія и мрака внезапно раздавались раскаты грома и сверкали молніи, наводя священный ужасъ на людей и безъ того нервно настроенныхъ мистагогами и ожиданіемъ чудесныхъ явленій, которыя встрѣтятъ ихъ впереди. Вся эта обстановка была такъ необычайна и иногда дѣйствовала такимъ подавляющимъ образомъ, что болѣе впечатлительные и слабые теряли при этомъ внутреннее равновѣсіе и лишались чувствъ. Но приходилъ этимъ таинственнымъ и страшнымъ минутамъ конецъ. Храмъ озарялся ласкающимъ свѣтомъ факеловъ; предъ взорами неофитовъ вставали статуи боговъ, разукрашенныя въ пышныя одежды и своимъ видомъ внушавшія имъ надежду и успокоеніе. Посвящаемыхъ разсаживали затѣмъ на стульяхъ и начинался вокругъ нихъ мистическій танецъ.

Были затѣмъ и другія священнодѣйствія, носившія символическій характеръ, но, къ сожалѣнію, въ своихъ подробностяхъ до насъ не дошедшія. Лишь изрѣдка попадаются кое-какія изображенія въ живописи греческихъ глиняныхъ сосудовъ, относящіяся къ чину элевсинскаго посвященія. Такъ, на одной

вазѣ представленъ посвящаемый стоящимъ передъ жрецомъ въ смиренной позѣ, съ львиною кожей на плечахъ, съ жертвеннымъ поросенкомъ въ правой рукѣ и жертвеннымъ пирогомъ въ лѣвой. Жрецъ поливаетъ голову поросенка водой. Это—сцена приготовленія. Другая относится уже къ самому посвященію. Неофитъ сидитъ на стулѣ, голова и верхняя часть тѣла его покрыты одеждой, въ одной рукѣ у него свѣтильникъ. Позади него стоитъ женщина, очевидно іерофандита, совершающая эту религіозную церемонію, держа зерновую вѣялку (λίκνος) надъ головой посвящаемаго: то несомнѣнно—символъ очищенія и просвѣтлѣнія. На той же картинѣ есть третья сцена, можетъ-быть изображающая уже высшую и послѣднюю степень посвященія въ таинства Димитры: здѣсь представлена сама богиня ведущей ласковую бесѣду съ только-что произведеннымъ въ эпопты. Сидитъ она на тронѣ, въ лѣвой рукѣ ея факелъ, обвитый змѣей. [1]

Нечего прибавлять, что требовалось отъ новопоступавшихъ тѣлесное очищеніе, что при этомъ надѣвались новыя одежды, которыя потомъ или хранили на день похоронъ, или изнашивали ихъ до конца, не перемѣняя. Посвященіе могли принимать не только мужчины, но и женщины и даже, по желанію старшихъ, дѣти того и другаго пола. Само собою разумѣется, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ обряды должны были имѣть свои особыя формы.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ Элевсинскихъ Мистеріяхъ, какъ религіозныхъ праздникахъ, совершавшихся ежегодно въ опредѣленный срокъ и дѣлавшихъ изъ маленькаго Элевсина мѣсто всеобщаго вниманія и благоговѣйнаго почитанія всѣхъ посвященныхъ.

Въ историческую пору Мистеріи праздновались два раза въ году, въ февралѣ и въ сентябрѣ. Первый праздникъ носилъ названіе Малыхъ Мистерій и совершался въ Аграхъ, южномъ пригородѣ Аѳинъ. Преданіе относило установленіе и этого празднованія къ древней миѳической порѣ. Когда разъ пожелалъ получить посвященіе въ таинства Димитры Гераклъ, то до срока Элевсинскихъ Мистерій было еще далеко. Ради него было будто бы устроено особое празднество, но не въ Элевсинѣ, а подъ

[1] См. *Ers. Lovatelli*, Bullettino della Commis. archeol. comun. di Roma 1879, стр. 5 слѣд. tav. IV, 3.

Аѳинами, въ Аграхъ, на берегу рѣки Илисса; во время этого праздника онъ и получилъ свое посвященіе [1].

Съ тѣхъ поръ стали ежегодно здѣсь справляться Малыя Мистеріи въ мѣсяцѣ, соотвѣтствующемъ нашему февралю (Ἀνθεστηριών). Свѣдѣнія о внѣшней сторонѣ этого празднованія, которыми располагаетъ наука, весьма кратки и недостаточно опредѣленны. Несомнѣнно только, что предъ наступленіемъ его объявлялось время священнаго мира, продолжавшееся пятьдесятъ пять дней. Даже начатыя войны должны были прекращаться на все это время. Въ началѣ праздника совершали очищеніе надъ лицами, которыя желали вступить въ общесто мистовъ, и затѣмъ получали здѣсь первое, малое, посвященіе.

Обрядъ очищенія начинался омовеніемъ въ водахъ рѣки Илисса. За этимъ слѣдовали жертвы частныя и общественныя о благополучіи народа аѳинскаго и его сената. Существенную сторону праздника составляли драматическія представленія или живыя картины, имѣвшія своимъ содержаніемъ священныя легенды. Любопытно, что Персефона играла здѣсь болѣе значительную роль, чѣмъ сама великая богиня. Въ тѣсной связи стоялъ съ этимъ праздникомъ и культъ Діониса, также служившій сюжетомъ этихъ мистическихъ драмъ. Третьимъ дѣйствующимъ лицомъ являлся здѣсь Гераклъ, съ миѳомъ о его посвященіи. Особый сюжетъ могли доставлять такъ-называемые черные дни (μιαραὶ ἡμέραι), приходившіеся, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, на праздникъ Малыхъ Мистерій. По вѣрованію Грековъ, въ это время души умершихъ подымались изъ царства тѣней въ область свѣта—сюжетъ вполнѣ родственный характеру этого праздника Персефоны, которая возвращалась тогда изъ мрачной преисподней на свѣтлый Олимпъ.

Нѣсколько болѣе данныхъ для сужденія о Великихъ Мистеріяхъ, хотя и здѣсь многое остается загадочнымъ и темнымъ, или по отсутствію свидѣтельствъ древнихъ или по неопредѣленности ихъ. Онѣ праздновались осенью, въ половинѣ сентября (Βοηδρομιών). Предъ наступленіемъ ихъ вѣстники объявляли

[1] Таково было народное воззрѣніе на древность Малыхъ Мистерій. Наука же смотритъ на этотъ миѳъ о дорическомъ героѣ Гераклѣ, какъ на олицетвореніе допущенія къ таинствамъ Димитры иноземцевъ, то-есть лицъ не аттическаго происхожденія, что̀ должно было случиться уже въ историческую пору, такъ какъ и пріобщеніе Аѳинянъ къ элевсинскому культу принято относить къ VII ст. до Р. Хр.

священное перемиріе, продолжавшееся такое же количесво дней какъ и во время Малыхъ Мистерій. Въ теченіе этого срока каждый Эллинъ могъ спокойно отправляться въ Аѳины и Элевсинъ, принимать участіе въ праздновании и получать посвященіе. Праздникъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ одна происходила въ Аѳинахъ, другая въ Элевсинѣ. Уже наканунѣ перваго дня вечеромъ всѣ участники собирались въ Аѳинахъ. Въ первый день происходило очищеніе мистовъ, для чего совершался ходъ къ морю, и потому самый день носилъ особое, сюда относящееся названіе (ἅλαδε μύσται). Запоздавшій иноземецъ, не поспѣвшій къ первому дню, и всякій другой, почему-либо не имѣвшій возможности получить очищеніе въ этотъ день, долженъ былъ подвергнуться таковому до переселенія мистовъ въ Элевсинъ. Дни Мистерій, назначенные для Аѳинъ, проходили въ торжественныхъ процессіяхъ къ святилищамъ и наполнялись жертвоприношеніями различнымъ божествамъ.

20 числа этого мѣсяца праздникъ переносился въ Элевсинъ. Въ этотъ день совершалась знаменитая процессія мистовъ въ тотъ городъ, гдѣ впервые установленъ былъ таинственный культъ Димитры. Въ бѣлыхъ одеждахъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, съ миртовыми вѣнками на головахъ, съ вѣтвями деревьевъ и факелами въ рукахъ, двигались десятки тысячъ посвященныхъ съ торжественными возгласами и пѣніемъ гимновъ. Впереди процессіи несли увѣнчанную миртомъ статую Іакха и его игрушки и вещи: игральныя кости, мячъ, волчекъ, яблоки, ромбъ, зеркало и гребень. Этотъ богъ [1], преданіемъ называвшійся то сыномъ Димитры, или Персефоны, то мужемъ Димитры, то сыномъ Діониса и Семелы, то самимъ Діонисомъ, вообще туманный и не имѣющій одного яснаго образа, былъ существомъ родственнымъ богу вина и веселья и рано получилъ значеніе руководителя Мистерій въ элевсинскомъ культѣ; онъ, по вѣрованіямъ древнихъ, водилъ чрезъ тьму и мракъ къ свѣту, онъ сопровождалъ къ жилищу блаженныхъ и къ безсмертію. Несеніе его изображенія въ челѣ процессіи и частые возгласы его имени сообщали всему этому большому ходу видъ торжественнаго шествія Іакха.

Процессія отправлялась отъ Элевсинія, стоявшаго подъ аѳинскимъ акрополемъ, и чрезъ главную площадь города проходила

[1] *Roscher*, Ausführliches Lexicon der griech. und röm. Mythologie s. v.

на улицу Гончаровъ (Κεραμεικός) и, окончательно сформировавшись у храма Іакха, взявъ здѣсь его статую, выступала на священную дорогу (ἱερὰ ὁδός). Такъ назывался путь отъ Аѳинъ до Элевсина, который обыкновенно требовалъ четырехъ часовъ ходьбы, но въ этотъ торжественный праздникъ, благодаря частымъ остановкамъ, жертвоприношеніямъ, пляскамъ и пѣнію гимновъ подъ звуки инструментовъ, его проходили въ теченіе цѣлаго дня. Торжественность и блескъ процессіи увеличивались колесницами съ сидѣвшими на нихъ женщинами, пока законъ Ликурга не положилъ конца или, по крайней мѣрѣ, значительнаго ограниченія этому обычаю, и отрядами вооруженныхъ юношей, получившими здѣсь мѣсто, какъ думаютъ, послѣ того, какъ Алкивіадъ со своимъ войскомъ провелъ здѣсь мистовъ во время Пелопоннесской войны. Этотъ священный путь былъ украшенъ множествомъ надгробныхъ памятниковъ; по направленію его находилось много различныхъ храмовъ и священныхъ урочищъ. А потому остановки процессіи были нерѣдки, въ такомъ же мѣстѣ, какъ возлѣ храма Димитры-Гефирійской; эта остановка сопровождалась и необычайно шумными сценами характера чисто вакхическаго, необузданность котораго далеко выходила за предѣлы нашихъ понятій о приличіи.

Разнообразныхъ впечатлѣній этого богатаго содержаніемъ дня было совершенно достаточно, чтобы наполнить вниманіе и даже утомить силы участниковъ многотысячнаго хода. На слѣдующій день [1] приносилась жертва и въ ближайшую ночь начинались различныя священнодѣйствія, составлявшія сущность праздника: посвященіе мистовъ во вторую степень и въ третью, высшую, степень эпоптовъ и т. д.

Но главную притягательную силу этихъ празднествъ составляли ночныя представленія въ храмѣ Мистерій, особо для этой цѣли выстроенномъ и, какъ увидимъ немного ниже, являющемъ собою единственный доселѣ образецъ зодчества во всемъ классическомъ мірѣ. Содержаніемъ этихъ драматическихъ картинъ (τὰ δρώμενα) служилъ кругъ миѳовъ о божествахъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ элевсинскому культу: Димитрѣ, Персефонѣ, Плутону, Іакху. Въ какомъ порядкѣ слѣдо-

[1] Касательно распредѣленія священнодѣйствій по днямъ и ночамъ нѣтъ согласія ученыхъ изслѣдователей. Одни относятъ начало Мистерій на первую же ночь, по прибытіи процессіи; другіе соединяютъ его со вторымъ днемъ.

вали одно представленіе за другимъ, на это нѣтъ у насъ положительныхъ извѣстій; оттого и ученые, спеціально занимавшіеся элевсинскими мистеріями, не могли придти въ этомъ частномъ вопросѣ, какъ, впрочемъ, и во многомъ другомъ, къ одному, опредѣленному рѣшенію. Каждый изъ нихъ излагаетъ дѣло въ той послѣдовательности, какая представляется ему наиболѣе раціональною. Не увеличивая этихъ разновидностей, зиждущихся на исключительно субъективномъ основаніи, мы ограничимся здѣсь лишь перечисленіемъ сюжетовъ тѣхъ драмъ, безо всякой попытки на установленіе преемственной связи между ними.

Одно изъ этихъ представленій имѣло своимъ содержаніемъ похищеніе Коры (Персефоны) Плутономъ и блужданія Димитры въ поискахъ за дочерью. Дѣйствующими лицами здѣсь являлись жрицы, жрецы и, можетъ-быть, нѣкоторые изъ мистовъ, наиболѣе способные къ сценической дѣятельности. Вопли женщины, представлявшей собою увлекаемую и зовущую о помощи Кору, были заглушаемы ударами въ мѣдные инструменты. Миѳическое сказаніе о томъ, что похищеніе совершилось во время собиранія Персефоною цвѣтовъ выражали здѣсь цвѣточныя корзины въ рукахъ мистовъ и ихъ вѣнки на головахъ. Димитру, снѣдаемую горемъ и гнѣвомъ, олицетворяла іерофантида. Есть указанія на то, что мисты издавали здѣсь стоны, подражая этимъ богинѣ, тоскующей о своей потерѣ, и устраивали процессію къ морю, съ факелами въ рукахъ, изображая тѣмъ Димитру во время ея поисковъ; а танцовщики мимикой и пляской представляли ея блужданія, ея прибытіе въ Элевсинъ, гостепріимство Келея, распространеніе Триптолемомъ земледѣлія по всему міру и пр.

Не пропускалась при этомъ, повидимому, ни одна подробность миѳа. Въ гомеровскомъ гимнѣ къ Димитрѣ разсказывается о томъ [1], какъ тоскующая Димитра сначала не принимала въ домѣ Келея ни пищи, ни питья, не открывала устъ, пока остроумными шутками не развеселила ее служанка Метаниры Іамба (Ἰάμβη). Позднѣе, въ орфической поэзіи, значительно видоизмѣнившей сказаніе о Димитрѣ и Персефонѣ, утѣшительницей, которая заставила разсмѣяться Димитру своими непристойными и неожиданными тѣлодвиженіями, является Баубо (Βαυβώ), супруга Дисавла, царя Элевсина (= Келея гомеровскаго гимна), отца Триптолема и

[1] Hymn. Homerici IV (Εἰς Δήμητραν), ст. 192 и слѣд.

Эвбулея[1]. Миѳъ объ этой Баубо составлялъ непремѣнную часть элевсинскихъ „дѣйствій". На сцену выступала женщина съ такими вольными шутками, жестами и тѣлодвиженіями, что впослѣдствіи апологеты христіанства видѣли въ нихъ верхъ вопіющей безнравственности. Но не такими казались они конечно самимъ мистамъ, которые въ этомъ обнаженіи самыхъ сокровенныхъ частей женскаго тѣла усматривали лишь символическій образъ раскрытія тайнъ природы, которое сообщалось здѣсь посвященнымъ.

Въ новыхъ картинахъ представлялось возвращеніе Коры изъ преисподней, примиреніе Димитры съ жителями Олимпа, установленіе ею мистерій и посылка Триптолема для распространенія земледѣлія. Въ заключеніе дѣйствія іерофантъ поднималъ предъ очами всѣхъ срѣзанный колосъ, считавшійся въ пониманіи мистовъ символомъ смѣны жизни, смерти и возрожденія къ новой жизни.

Третій сюжетъ въ элевсинскихъ мистеріяхъ составляла любовь Зевса къ Димитрѣ, имѣвшая своимъ плодомъ рожденіе Іакка. Царя боговъ и великую богиню изображали здѣсь іерофантъ и іерофантида. Въ должный моментъ они удалялись отъ остальныхъ въ какую-то особую часть храма, изображавшую собою брачный чертогъ. Слѣдовали затѣмъ объявленіе о рожденіи младенца, возліянія, пѣсни и пляски въ честь новорожденнаго; другія дѣйствія изображали уходъ за младенцемъ и т. д.

Мистеріи заканчивались, какъ думаютъ, 23 Боэдромія (= сентября). Послѣдній день ихъ носилъ названіе плимохои (πλημοχόη) отъ возліянія воды изъ глиняныхъ сосудовъ на землю. То былъ особый обрядъ, изображавшій собою творческія силы природы и именно оплодотворяющее дѣйствіе влаги на землю. По словамъ одного писателя[2], „жрецы во время Элевсинскихъ Мистерій, глядя на небо, взывали: ὕε (орошай, поливай), затѣмъ, обративъ свой взоръ къ землѣ, произносили: κύε (зачинай)".

Къ этимъ священнымъ представленіямъ, имѣвшимъ своимъ содержаніемъ событія изъ жизни боговъ-покровителей культа, присоединились игры (ἀγῶνες). Въ своей наиболѣе полной и болѣе поздней формы онѣ были четырехъ родовъ: 1) гимнастическія

---

[1] Есть и другія версіи относительно Βαυβώ: см. *Roscher*. Ausführl. Lexicon d. griech. und röm. Mythologie s. v.

[2] См. объ этомъ *Новосадскаго* указ. соч. стр. 134, примѣч. 3.

состязанія, 2) конскія ристанія, 3) загадочный для ученыхъ, такъ-называемый πάτριος ἀγών, 4) музыкально-сценическія состязанія. Сколько дней онѣ продолжались, на это нѣтъ свидѣтельствъ. Въ числѣ другихъ публичныхъ игръ Греціи Элевсинскія, впрочемъ, не пользовались особымъ значеніемъ. Побѣдители на нихъ получали извѣстное количество зерна, снятаго со священнаго поля Рара.

Празднества заканчивались засѣданіемъ священнаго совѣта въ Элевсинѣ, въ Аѳинахъ; такъ было по крайней мѣрѣ послѣ законодательства Солона. Совѣтъ постановлялъ награды лицамъ, заявившимъ себя во время мистерій особыми выдающимися заслугами, и наказанія оскорбителямъ святыни своимъ недостойнымъ поведеніемъ.

Съ завершеніемъ праздниковъ, многіе десятки тысячъ поклонниковъ расходились по домамъ, и въ маленькомъ Элевсинѣ водворялось обычное спокойствіе на цѣлый годъ, до новой осени. Лишь въ установленные сроки совершались здѣсь жертвы и возносились молитвы различнымъ божествамъ, имѣвшимъ въ этихъ мѣстахъ свои храмы и святилища. Но эти пѣснопѣнія, молитвы и обряды, эти частные праздники не имѣли ничего общаго съ торжественностью и таинственностью Великихъ Мистерій.

Наши припоминанія обрядовъ Великихъ Мистерій кратки, блѣдны, отрывочны, и сами по себѣ не въ состояніи дать даже слабаго представленія о воздѣйствіи этихъ церемоній на души вѣровавшихъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе элевсинскаго вѣроученія и элевсинскихъ священнодѣйствій было сильнѣе догматовъ другихъ религіозныхъ сектъ и обществъ греческой древности. Въ высокомъ почтеніи къ таинствамъ Димитры сходились величайшіе умы греческаго и римскаго міра, считая для себя и для другихъ великою честью получить къ нимъ доступъ путемъ формальнаго посвященія. Люди всѣхъ общественныхъ положеній и всѣхъ степеней умственнаго развитія благоговѣйно отправлялись на этотъ таинственный праздникъ, и каждый здѣсь получалъ удовлетвореніе, вполнѣ соотвѣтствовавшее его природнымъ наклонностямъ и его образу мыслей. И если простолюдиновъ манила сюда внѣшняя, обрядовая сторона праздника со всѣми ея искусственными, театральными пріемами, разсчитанными на сильный, часто ослѣпительный эффектъ, то уже основанія высшаго порядка должны были существовать для философовъ, государственныхъ людей, ораторовъ, поэтовъ и историковъ древности, свидѣтельствовавшихъ высокое уваженіе къ культу Элевсина.

Ихъ должны были привлекать сюда эти символы загробной жизни, это ученіе о безсмертіи, раскрывавшееся для нихъ въ сценическихъ представленіяхъ съ мрачнымъ адомъ и сіяющимъ Олимпомъ, и о путяхъ жизни, ведущихъ въ свѣтлыя обители блаженныхъ. Только при этомъ соображеніи дѣлаются понятными слова одного древняго писателя, что „участники мистерій становятся болѣе благочестивы, болѣе честны и лучшими во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ они были прежде". Философская и нравственная сторона таинствъ Элевсина и должна была ставить такъ высоко это религіозное общество въ ряду другихъ.

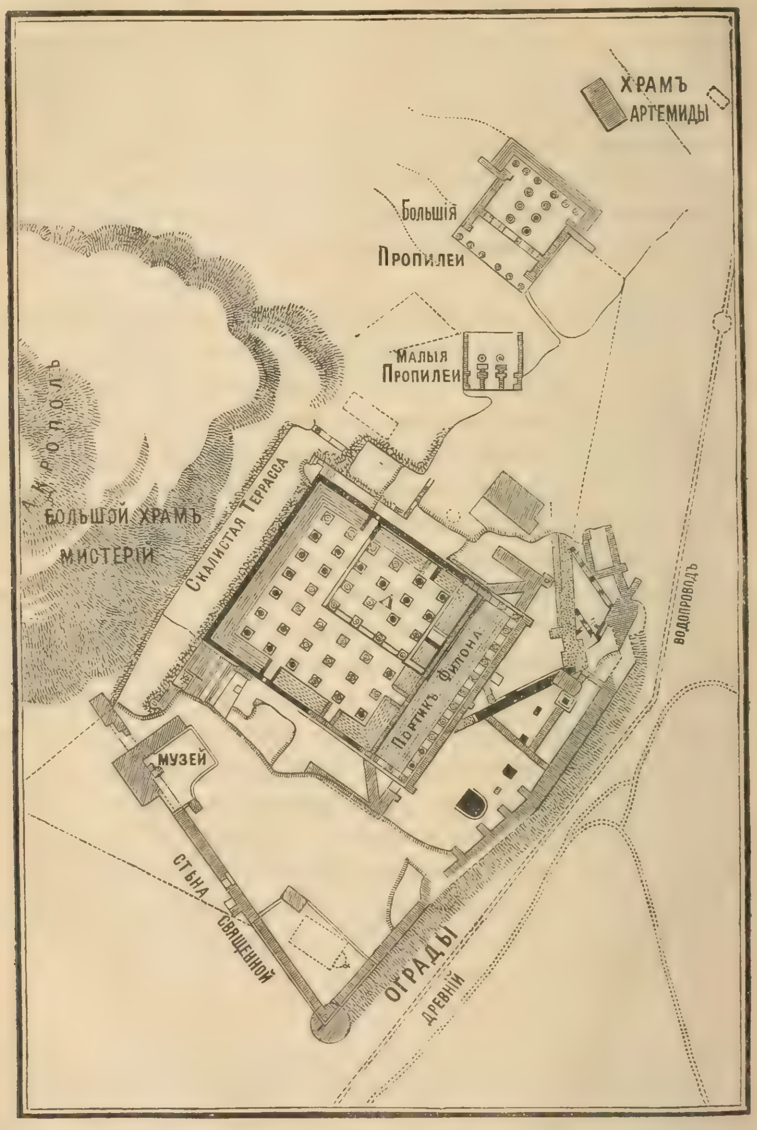
Но возвратимся къ нынѣшней Левсинѣ, жалкій видъ которой и вызвалъ въ насъ вышеизложенныя воспоминанія. Вниманіе къ этому мѣсту въ нашемъ столѣтіи ранѣе другихъ осязательнымъ образомъ выказали Англичане, въ 1811 году произведшіе здѣсь, въ лицѣ лондонскаго антикварнаго общества Society of Dilettanti, археологическія раскопки [1]. Несомнѣнно полезныя, даже и при многихъ ошибочныхъ заключеніяхъ, выведенныхъ ихъ руководителями и другими учеными, на основаніи ихъ показаній, эти раскопки не могли быть обширны, потому что какъ разъ мѣсто священной ограды занимала албанская деревня, снести которую отсюда стало возможно только въ наши дни. Въ 1860 и 1861 годахъ здѣсь производилъ нѣкоторые опыты развѣдокъ Франсуа Ленорманъ [2]; но лишь самимъ Грекамъ выпала счастливая доля раскрыть главныя святыни Элевсина во всемъ ихъ объемѣ. Эта честь принадлежитъ Аѳинскому Археологическому Обществу (Ἡ ἐν Ἀθήναις Ἀρχαιολογικὴ Ἑταιρία), открывшему здѣсь свои дѣйствія въ 1882 году. Работы, предпринятыя имъ, были ведены въ широкихъ размѣрахъ и стоили къ 1889 году уже 190.000 франковъ, изъ коихъ 100.000 выданы были изъ государственнаго казначейства.

---

[1] Society of Dilettanti посылала сюда своихъ членовъ дѣлать первыя развѣдки еще въ 1764 г.; но тогдашнія обстоятельства не позволили имъ здѣсь работать много. Гораздо удовлетворительнѣе была другая попытка того же Общества въ нынѣшнемъ столѣтіи. Результаты раскопокъ этой экспедиціи см. Inedited Antiquities of Attica, comprising the architectur remains of Eleusis, Rhamnus etc. Ранѣе этого Общества развалины Элевсина описывали Desmonceaux 1668, Spon, Wheler, Chandler и др.

[2] *Fr. Lenormant*, Recherches archéologiques à Eleusis. Paris 1862. *Его же* Monographie de la voie sacrée Eleusinienne. Paris 1864.

Ознакомимся въ краткихъ чертахъ сначала съ архитектурными результатами этихъ раскопокъ.[1] Прилагаемый здѣсь планъ



дастъ намъ возможность до нѣкоторой степени оріентироваться какъ съ мѣстностью, такъ и съ главнѣйшими зданіями, основанія

[1] Главные отчеты о раскопкахъ Элевсина см. въ Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογική 1883 и слѣд. и въ Πρακτικά Аѳинскаго Археологическаго Общества 1882 и слѣд.; существуетъ нѣсколько статей въ Bull. de Correspondance Hellénique

которыхъ выступили наконецъ изъ-подъ вѣковыхъ наслоеній земли, песку и щебня.

Храмъ Артемиды (Προπυλαίας Ἀρτέμιδος Павсанія), [1] Большія Пропилеи, ведшія въ священный округъ элевсинскихъ богинь, и Малыя Пропилеи были старательно описаны и реконструированы уже англійскими археологами, такъ что новѣйшимъ раскопкамъ не пришлось прибавить здѣсь ничего существеннаго. Да это было бы и тѣмъ труднѣе, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія названныя сооруженія находились въ большей сохранности, чѣмъ теперь, когда большинство камней растащено жителями и употреблено ими на собственныя постройки или обожжено на известку.

Храмъ Артемиды, выложенный изъ пентелійскаго мрамора, представлялъ собою типъ целлы съ выступами на передней и задней сторонахъ, извѣстнымъ подъ техническимъ именемъ антъ (templum in antis) и съ двумя колоннами между ними. Целла и прилегающія къ ней галлереи (πρόναος, anticum и ὀπισθόδομος, posticum) покоились на террасѣ, поднимавшейся на шесть ступеней.

Большія Пропилеи, дававшія доступъ къ священному участку и выстроенныя изъ того же матеріала, какъ и храмъ Артемиды, въ своемъ планѣ обнаруживаютъ подражаніе Пропилеямъ аѳинскаго Акрополя. И здѣсь было также пять входовъ въ центральной стѣнѣ ихъ; также главный, широкій путь, проложенный къ большимъ вратамъ, обставленъ былъ іоническими колоннами по бокамъ, по три на каждой сторонѣ, дѣлившими все пространство, заключенное между стѣнъ, на три нефа; тѣ же шесть дорическихъ колоннъ стояли вдоль главнаго фасада и то же соот-

---

1883 и слѣд., принадлежащихъ Блавветту и Фукару (Blavette, Foucart); въ Athen. Mittheilungen 1886 и др. На русскомъ языкѣ о началѣ раскопокъ писалъ *Д. Н. Корольковъ*, Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1884, кн. IV, отд. класс. филол., стр. 88 и слѣд. Ср. также *Sal. Reinach*, Chroniques d'Orient. Paris 1891, стр. 43 и слѣд., 340 и слѣд., 399 и слѣд. и въ др. мѣстахъ книги: *Diehl*. Excursions Archéologiques en Grèce. Paris 1890, стр. 277 и слѣд.; *А. Н. Щукарева* Филологическое Обозрѣніе I. стр. 155 и слѣд. Планъ заимствованъ нами изъ *Bädecker*, Greece. Hanbook for travellers. Leipsic 1889 (есть тотъ же путеводитель и на нѣмецкомъ языкѣ), ради его доступности по размѣрамъ. Путеводитель Бедеккера составленъ коллективно многими учеными Германіи, изъ которыхъ достаточно указать на такіе авторитеты, какъ Дёрпфельдъ (Dörpfeld), Пургольдъ, Лоллингъ; очеркъ исторіи греческаго искусства, находящійся здѣсь, принадлежитъ блестящему перу проф. Кекуле́.

[1] Pausan. I, 38, 6.

вѣтствіе имъ на задней, внутренней сторонѣ зданія. Поднимались къ Пропилеямъ шестью ступенями.

Этими вратами вступали въ священную ограду. Раскопки подали нѣкоторымъ поводъ къ заключенію, что въ элевсинскомъ святилищѣ было двѣ ограды: одна бо́льшаго размѣра, та, въ которую входили Большими Пропилеями—эта ограда сравнительно позднѣйшаго происхожденія—и другая, меньшая, внутренняя, болѣе древняя, въ которую проникали Малыми Пропилеями. Большія Пропилеи были построены послѣ Александра Великаго. Что касается Малыхъ Пропилей, то постройка ихъ относится ко второй половинѣ IV ст. до Р. Хр. Но пришедшія въ ветхость къ I ст. до нашей эры, онѣ были возстановлены Аппіемъ Клавдіемъ Красивымъ (Appius Claudius Pulcher).

Стѣны ограды поправлялись не разъ; оттого рядомъ съ частями, несомнѣнно принадлежащими лучшей порѣ греческаго зодчества, укладываются участки не только римскихъ временъ, но и эпохи византійской. Существованіе башенъ въ различныхъ пунктахъ стѣнъ указываетъ на военное ихъ значеніе.

Подвигаясь отъ Малыхъ Пропилей внутрь храмоваго участка, мы встрѣчаемъ слѣды нѣсколькихъ святилищъ, нѣкогда здѣсь стоявшихъ; всѣ они находятся вправо отъ насъ; межъ нихъ одно своими гротами и характеромъ вещей, найденныхъ здѣсь при раскопкахъ, указываетъ на принадлежность подземному богу, Плутону. Труднѣе разобраться тутъ въ другихъ храмахъ и постройкахъ религіознаго назначенія.

Впрочемъ, не эти второстепенныя постройки привлекаютъ главное вниманіе путешественниковъ; оно всецѣло принадлежитъ руинамъ храма Мистерій (Μυστικὸς Σηκός) или храма Димитры. На это даютъ имъ право и ихъ обширные размѣры, и ихъ небывалая на греческой и римской почвѣ архитектура, и великое значеніе этого святилища въ элевсинскомъ культѣ.

По своей формѣ это сооруженіе, въ извѣстныхъ доселѣ остаткахъ, рѣзко отличается отъ обычнаго типа греческихъ храмовъ. Построенный послѣ Персидскаго разгрома подъ высшимъ руководствомъ знаменитаго Иктина, архитектора, воздвигавшаго Парѳенонъ, этотъ храмъ имѣетъ почти квадратную форму (54,15 × 51,80 метр.) и усѣянъ цѣлымъ лѣсомъ колоннъ внутри. На вышеобозначенномъ пространствѣ 54 метровъ въ длину и почти 52 метровъ въ ширину стояли 42 колонны, расположенныя шестью

рядами, по шести колоннъ въ длину и по семи въ ширину зданія, на приблизительно равномъ разстояніи другъ отъ друга— архитектурная особенность, не встрѣчаемая нами ни въ одномъ греческомъ, ни римскомъ храмѣ. Такое внутреннее устройство объясняется особыми цѣлями зданія, нижній этажъ котораго и не имѣлъ значенія храма въ собственномъ смыслѣ. Какъ мѣсто мистическихъ представителей, эта часть выстроена была по какому-то своему, для насъ мало понятному, архитектурному плану. Интересно, что храмъ Иктина лишь только значительно расширилъ размѣры прежняго храма, разрушеннаго Персами, какъ это доказали раскопки, открывшія основанія и того древняго сооруженія. И тамъ было 16 колоннъ внутри, которыя стояли четырьмя параллельными рядами; и тамъ, такъ же какъ и въ храмѣ Иктина, нельзя найти мѣста для божеской статуи, которой, можетъ-быть, здѣсь и не было (см. планъ А).

Своею западною стѣной и сѣверо-и юго-западными углами храмъ врѣзывался въ скалистую гору, которая внутри зданія была утилизирована для трехъ террасъ, съ восьмью рядами сидѣній на каждой. Террасамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, соотвѣтствовали по остальнымъ стѣнамъ искусственныя, нарочито для этого сдѣланныя. Эти сидѣнья, очевидно служившія для многочисленныхъ членовъ братства — также новая характерная черта зданія, совершенно чуждая античнымъ храмамъ. Свою особенность представляютъ здѣсь и двери, которыхъ было тутъ цѣлыхъ шесть: двѣ на восточной сторонѣ и по двѣ на боковыхъ сторонахъ зданія, сѣверной и южной.

Колонны храма стояли не прямо на полу, но вслѣдствіе неровности почвы, онѣ покоились на особыхъ четыреугольныхъ основаніяхъ. Базы колоннъ, уже своимъ существованіемъ говорящія за принадлежность ихъ не къ дорическому ордену, высѣчены были изъ мѣстнаго элевсинскаго камня, стержни же ихъ изъ простаго известняка, который послѣ былъ каннелированъ, отчищенъ, покрытъ стуккомъ и выкрашенъ. По матеріалу главный элевсинскій храмъ, такимъ образомъ, много уступалъ храмамъ Аѳинъ, пентелійскій мраморъ которыхъ и понынѣ хранитъ ихъ отъ разрушенія.

Открытіе здѣсь двухъ новыхъ поперечныхъ рядовъ колоннъ, которые занимаютъ центральное положеніе между остальными рядами этого направленія, достигнутое новѣйшими раскопками, совершенно разрушало прежнее ученіе археологовъ, что

этотъ храмъ былъ раздѣленъ на пять нефовъ, съ широкимъ нефомъ по срединѣ. При такомъ представленіи, не трудно было тогда найти мѣсто для храмовой статуи, хотя бы и не противъ входа, какъ того требовала обычная практика античныхъ храмовъ. Никакого широкаго, свободнаго отъ колоннъ мѣста въ нижней части занимающаго насъ сооруженія, очевидно, не существовало. Этимъ открытіемъ еще болѣе затемнился вопросъ объ архитектурномъ типѣ храма Мистерій. Едва ли особенно помогаетъ дѣлу и соображеніе, что столь большое количество колоннъ и распорядокъ ихъ почти на равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ требовались для подпоры верхняго этажа, существовавшаго въ этомъ зданіи. Видъ этихъ колоннъ остается такою же для насъ тайной, какъ и многое въ происходившихъ здѣсь мистеріяхъ.

Новѣйшія раскопки разрушили и прежнее предположеніе о существованіи подземелья подъ этимъ храмомъ, считавшагося необходимымъ для элевсинскихъ представленій: именно для сокрытія машинъ и разныхъ театральныхъ приспособленій. Этого желательнаго тайника не оказалось, а считать такою криптою самое помѣщеніе съ колоннами, какъ то представляли себѣ прежде англійскіе археологи, теперь уже нѣтъ никакой возможности. Зрители ночныхъ церемоній цѣлыми тысячами сидѣли здѣсь, на вышеобозначенныхъ террасахъ.

Мы упомянули, что это зданіе было двухъэтажнымъ. Утвержденіе это основывается на свидѣтельствѣ Плутарха, [1] называющаго трехъ архитекторовъ, послѣдовательно строившихъ (подъ высшимъ руководствомъ Иктина [2] этотъ храмъ: изъ нихъ одинъ (Κόροιβος) ставилъ стѣны и нижнія колонны, другой, за смертію перваго (Μεταγένης), вывелъ діазому и верхнія колонны и третій (Ξενοκλῆς) строилъ кровлю и отверстіе въ ней для освѣщенія, очевидно, верхняго этажа зданія. Нижній же этажъ освѣщался чрезъ свои двери. Верхній этажъ, отъ котораго до насъ впрочемъ не сохранилось никакихъ слѣдовъ, могъ имѣть обычную форму храма, со статуей Димитры. [3]

Храмъ Иктина былъ безъ портика и колоннъ снаружи. Такимъ

[1] Plut. Pericl. 13.

[2] Strab. IX, 395.

[3] Этотъ верхній храмъ и былъ ’ανάκτορον Плутарха (Pericl. 13) или τὸ τῆς Δήμητρος ἱερόν Страбона (IX, 395), строго различающаго его отъ ὁ μυστικὸς σηκός, собственнаго помѣщенія мистерій.

онъ оставался приблизительно до 311 г. до Р. Хр., когда, въ управленіе Димитрія Фалерейскаго, выведенъ былъ портикъ архитекторомъ Филономъ съ восточной стороны, заключавшій въ себѣ 12 дорическихъ колоннъ пентелійскаго мрамора по фасаду и по колоннѣ съ боковъ передъ антами. Глубина его до стѣны целлы имѣетъ 11,50 метровъ; высоту его колоннъ предположительно опредѣляютъ въ 10,80 метровъ. Крыша портика, при такой глубинѣ его и одномъ рядѣ колоннъ, не могла быть каменною.

Кромѣ этого главнаго зданія, раскопки вскрыли основанія и нѣсколькихъ другихъ второстепенныхъ построекъ, стоявшихъ на этомъ священномъ участкѣ.

Исторія скульптуры и архаическаго и классическаго періодовъ, какъ отъ послѣднихъ раскопокъ, такъ и отъ случайныхъ находокъ обогатилась хотя немногими, но весьма цѣнными памятниками. Изъ нихъ слѣдуетъ особенно указать на такъ-называемый „большой элевсинскій барельефъ“ и на бюстъ „Эвбулея“.

Барельефъ, случайно открытый въ 1859 году, сдѣлался съ тѣхъ поръ однимъ изъ драгоцѣнныхъ образцовъ рельефнаго стиля аттической школы скульпторовъ начала Фидіева вѣка. Помѣщенный въ аѳинскомъ Національномъ Музеѣ, онъ составляетъ и доселѣ одно изъ лучшихъ его украшеній; а снятые съ него гипсовые слѣпки распространились по музеямъ античнаго ваянія по всей Западной Европѣ. Во время нашихъ путешествій мы встрѣчали гипсовые отливы съ него въ Берлинѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ и Дрезденѣ. Главная форма, служащая для такихъ копій, недавно изъ Аѳинъ перевезена въ Римъ.

Содержаніе барельефа заимствовано изъ цикла элевсинскихъ миѳовъ. На большой мраморной плоскости представлены здѣсь три лица: двѣ женскія фигуры и стоящій между ними мальчикъ лѣтъ четырнадцати-пятнадцати. Одна изъ этихъ женщинъ, очевидно,—сама Димитра: на это указываютъ и ея высокій ростъ, и ея старшій, матрональный возрастъ, и скипетръ въ ея лѣвой рукѣ, этотъ символъ царицы-богини Элевсина. Обративъ свой взоръ къ благоговѣйно взирающему на нее мальчику, она подаетъ ему какой-то, невыраженный ясно въ скульптурѣ, маленькій предметъ: то — вѣроятно, небольшой пучекъ хлѣбныхъ колосьевъ, который первоначально былъ здѣсь написанъ краской, впослѣдствіи совершенно выцвѣтшею. Мальчикъ этотъ—Триптолемъ, разными изводами элевсинскихъ сказаній называемый

сыномъ то царя Дисавла, то Келея. Это его наставляетъ великая богиня тайнамъ земледѣлія, которое онъ, по тѣмъ же легендамъ, потомъ на крылатой колесницѣ полетитъ распространять по всему міру. Позади его на барельефѣ стоитъ другая женская фигура, которая значительно моложе первой. Молодость ея выражается стройностію стана, щегольскою прической, особенно выступающею на видъ, при сравненіи съ простымъ, какъ бы мужскимъ укладомъ волосъ Димитры, пышными формами ея груди, прикрытой лишь тонкимъ и мягкимъ хитономъ; за то же говорятъ разнообразіе и богатство изящныхъ складокъ ея мягкаго верхняго платья и разныя металлическія украшенія, именно, бывшіе здѣсь прежде браслеты, ожерелье и серьги. Правая рука ея поднята надъ головой Триптолема и держитъ какую-то вещь, которая также въ мраморѣ не была выражена, а сдѣлана была изъ другаго матеріала; лѣвая рука ея покоится на факелѣ, обращенномъ горящимъ концомъ вверхъ. Относительно исчезнувшаго изображенія предмета ея правой руки выставлено предположеніе, что то былъ металлическій вѣнокъ. Если первая женская фигура—Димитра, то эта вторая — ея дочь Персефона или Кора [1].

Содержаніе барельефа, такимъ образомъ, мистически-религіозное и притомъ оно выражено здѣсь въ такой строгой формѣ, въ стилѣ настолько высокомъ, что и доселѣ, несмотря на необычайно обильную художественную жатву археологическихъ раскопокъ послѣднихъ десятилѣтій, трудно указать другой памятникъ греческой пластики, гдѣ бы благоговѣйное настроеніе скульптора выступало съ такою замѣчательною силой. Этотъ рельефъ является наилучшимъ образцомъ истинно - религіознаго направленія въ греческомъ искусствѣ V в. Въ этомъ отношеніи божескія сцены на восточномъ фризѣ Парѳенона стоятъ уже значительно ниже, потому что онѣ болѣе очеловѣчены; тонъ ихъ — не этотъ возвышенный, глубоко-благоговѣйный, какъ въ нашемъ барельефѣ.

Разсматривая этотъ памятникъ съ точки зрѣнія художественнаго стиля, нельзя не замѣтить здѣсь еще извѣстной доли архаизма, хотя и стоящаго уже на своей послѣдней ступени. Схематически-строгія, правильно - перпендикулярныя складки верхней одежды Димитры напоминаютъ намъ подобный же укладъ платья такъ-

---

[1] Относительно опредѣленія этихъ двухъ женскихъ фигуръ нѣтъ согласія между учеными. Вышеизложенное толкованіе, на нашъ взглядъ, единственно вѣрное, при всѣхъ возраженіяхъ, которыя можно здѣсь представить.

называемой „Гестіп Джустиніани" [1] или одной изъ двухъ главныхъ женскихъ фигуръ восточнаго фронтона храма Зевса въ Олимпіи [2]. Архаизмъ выступаетъ въ постановкѣ ногъ, обѣими ступнями плотно опирающихся на землю; его мы замѣчаемъ въ моделировкѣ спины Триптолема съ ея глубоко вогнутымъ крестцомъ. Эти и нѣкоторыя другія черты—все это еще дань со стороны художника пріемамъ стараго времени. Но рядомъ съ указанными особенностями въ этихъ фигурахъ уже много другихъ свойствъ, которыя даютъ ученымъ несомнѣнное право относить этотъ барельефъ къ эпохѣ Фидія, по крайней мѣрѣ, къ ея началу.

Что касается до бюста такъ-называемаго „Эвбулея", [3] открытаго во время послѣднихъ раскопокъ, то превосходныя свойства его работы и нѣкоторыя обстоятельства, заставляющія думать, что статуя этого элевсинскаго божества была дѣлана Праксителемъ, подаютъ поводъ нѣсколькимъ спеціалистамъ относить найденный бюстъ къ рѣзцу этого знаменитаго художника. На этотъ счетъ создалась цѣлая литература. Не раздѣляя всѣхъ увлеченій, высказываемыхъ здѣсь, мы лично склонны видѣть въ этомъ памятникѣ лишь прекрасную работу времени Скопаса и Праксителя, и сказать въ данномъ случаѣ что-нибудь болѣе опредѣленное пока преждевременно.

Есть и другія произведенія скульптуры между открытыми въ Элевсинѣ, вполнѣ достойныя внимательнаго изученія спеціалистовъ. Лучшія изъ нихъ находятся въ Аѳинахъ, въ ихъ Національномъ Музеѣ.

Существуетъ небольшой музей и въ Элевсинѣ; изученіе его въ особенности эпиграфическихъ и архитектоническихъ матеріаловъ весьма полезно для археолога.

Несмотря на приливъ иностранцевъ, стекающихся сюда посмотрѣть на мѣсто когда-то знаменитыхъ священнодѣйствій, деревня Левсина нисколько не поправляется. Она остается такою

---

[1] *Baumeister*, Denkmäler der klass. Altert-Wiss. I, стр. 689: *И. Цвѣтаевъ*, Учебный Атласъ античн. ваянія. II, табл. V, № 4.

[2] Ausgrabungen zu Olympia. T. I, Taf. XIII—XIV, T. V, Taf. XVI; *Laloux* et *Monceaux*, La Restauration d'Olympie. Paris 1889, стр. 75; *Мазуринъ*, Олимпія. Москва 1892, таб. I.; *И. Цвѣтаевъ*, указ. изд. Москва 1890. I, табл. XXXVIII, № 1.

[3] Antike Denkmäler, herausgegeb. von Kais. Deutsch. Archäol. Institut I, Taf. 34; *И. Цвѣтаевъ*, Учеб. Атласъ антич. ваянія. III, табл. XVIII, № 4.

же бѣдною и грязною, какъ и въ былые годы. Причина того— близость Аѳинъ, отстоящихъ отсюда всего на одинъ часъ желѣзнодорожнаго пути и на два съ половиною часа ѣзды на лошадяхъ. Иностранцы обыкновенно пріѣзжаютъ сюда изъ Аѳинъ и, пробывъ здѣсь нѣсколько часовъ, на ночь возвращаются снова въ городъ.

Колесный путь совпадаетъ съ древнею священною дорогой. Долина Аттики въ значительной степени цвѣтуща и богата оливковыми деревьями, которыя растутъ здѣсь и въ видѣ небольшихъ рощъ и отдѣльными группами. Уже издалека на голубомъ небосклонѣ гордо вздымается предъ нами Аѳинскій Акрополь,—этотъ гигантъ строительнаго искусства, переживш1й всѣ превратности перемѣнчивой судьбы: сожженный, разрушенный, не разъ ограбленный и варварами и высшими представителями цивилизаціи XIX в., и все же великій и чудный въ своихъ недосягаемыхъ развалинахъ.

У подножія этой невысокой, но великой исторической горы, въ созерцаніи ея неувядаемыхъ красотъ мы на этотъ разъ и остановимъ нашу, и безъ того затянувшуюся, рѣчь.

И. Цвѣтаевъ.

РОЗА ЦЕТИНЬИ.[1]

Романъ Е. Вальдъ-Зедвица.

(Переводъ съ нѣмецкаго.)

IX.

Какая тишина настала въ усадьбѣ принчипесы! Сама она сидѣла, углубившись въ себя, на окаймленной цвѣтами верандѣ и, покачиваясь въ качалкѣ, старалась принудить свои нѣжныя руки управлять иголкой.

Но это ей плохо удавалось; выходила ошибка на ошибкѣ. Наконецъ она сдалась и покорно сложила свои руки на колѣняхъ.

Габріэлла сидѣла противъ нея; подъ глазами у нея были синіе круги, выраженіе лица кислое. Это выраженіе дѣлалось еще рѣзче, когда ея тетка— будущая свекровь—заводила разговоръ о будущемъ.

Принчипеса тщетно пробовала расшевелить свою племянницу и заставить высказать ясно свои взгляды на устройство ея домашняго очага съ Гиги. Сознавая себя безкорыстнѣйшею свекровью въ свѣтѣ, охотно предоставляла она новобрачнымъ право избрать себѣ помѣщеніе въ ея городскомъ дворцѣ, или ея загородномъ домѣ, или же въ одномъ изъ ея помѣстій.

Точно также мечтала она о возможности жить съ молодыми въ ея собственномъ помѣщеніи на кастель St.-Pietro, въ Вѣнѣ или Парижѣ, еслибы только графиня на это посмотрѣла благосклонно.

[1] См. №№ 4, 5 и 6 *Русскаго Обозрѣнія*, 1892 г.

Съ материнскою нѣжностью углублялась она въ житейскія мелочи и во всемъ этомъ сказывалось, съ какимъ удовольствіемъ она поступается своими желаніями для счастья и удобства своихъ дѣтей!

Габріэлла слушала все это съ принужденіемъ и мало выражала откровеннаго участія ко всѣмъ хлопотамъ принчипесы.

— Милая тетя, зачѣмъ уже теперь ломать себѣ голову надъ этимъ? Гиги стоитъ теперь въ Катарро, затѣмъ онъ думаетъ предпринять кругосвѣтное путешествіе; такимъ образомъ у насъ слишкомъ много времени впереди.

Принчипеса опустила вѣки вопросительно глядѣвшихъ на Габріэллу глазъ и, въ недоумѣніи къ равнодушію невѣсты ея сына, откинула нѣжными руками серебристые локоны со свѣжаго лица.

— Если стоянка въ Катарро продолжится, сказала она, повидимому, равнодушно,—то можно было бы съ общаго согласія пріобрѣсти въ окрестностяхъ города уютное помѣщеніе, гдѣ вы могли бы провести медовый мѣсяцъ. Мнѣ доставило бы особое удовольствіе самой устроить вамъ помѣщеніе на сколько возможно удобнѣе.

— Въ Катарро! воскликнула Габріэлла испуганно.—Не пересаливай, тетя, у тебя слишкомъ много рвенія!

Принчипесу больно укололи слова племянницы; она мрачно поглядѣла вдаль и покачала головой. Куда бы только она не послѣдовала за своимъ Гиги! Была бы стоянка его въ Аравіи, и она естественно отправилась бы туда за нимъ; а Габріэлла даже не хотѣла сопровождать его въ цвѣтущее Катарро.

Вошелъ Флагіолетто. Принчипеса увидала по его сіяющему лицу, что письмо, которое лежало на серебряномъ подносѣ, было отъ Гиги.

— Отъ сына! воскликнула она радостно и схватила письмо дрожащею рукой.

Флагіолетто вздернулъ брови надъ маленькими выразительно блестѣвшими глазками и сложилъ ротъ въ счастливую улыбку.

Габріэлла сидѣла между тѣмъ совершенно безучастно, что̀ снова болѣзненно подѣйствовало на принчипесу.

— Отъ Гиги, сказала многозначительно Эришета, бросивъ при этомъ взглядъ на графиню.

— Я знаю, раздраженно отвѣтила та;—если ее и не связывала горячая любовь съ женихомъ, однако она находила болѣе

естественнымъ, чтобы первое его письмо было къ ней, а не къ матери.

По крайней мѣрѣ, могла она думать, что одновременно онъ и ей подастъ какіе-либо признаки жизни. Одинъ разъ въ жизни она его невѣста и могла бы, какъ невѣста, требовать хотя бы на волосъ къ себѣ уваженія!

Нѣжная мать между тѣмъ вскрыла письмо и съ крикомъ ужаса опустила его.

— Флагіолетто! Габріэлла! Флагіолетто,—онъ въ пограничной стражѣ! Онъ стоитъ противъ дикихъ шаекъ Черногорцевъ, и съ этими разбойничьими ордами онъ долженъ каждый день встрѣчаться!.. О, быть бѣдѣ!

Принчипеса закрыла лицо обѣими руками, передавъ, дрожа, графинѣ записочку, предназначенную ей. Брови Флагіолетто, поднявшіяся въ минуту радости до бѣлоснѣжной шевелюры, теперь опустились до переносицы. Лицо Габріэллы болѣзненно передернулось; она почувствовала себя глубоко оскорбленною за Іесто, соотечественниковъ котораго тетка назвала дикими ордами. Свѣтлый образъ Черногорца ясно всталъ въ ея воображеніи, и она почувствовала невыразимое желаніе снова увидать его.

Шумно встала графиня и направилась въ свою комнату. Долго ходила она здѣсь погруженная въ свои мысли. Давно надоѣли ей сердечныя изліянія нѣжной матери; теперь она совсѣмъ увѣрилась, что переносить ихъ болѣе не въ силахъ и рѣшилась отправиться на родину.

Въ тотъ же день она велѣла Маудъ уложить свои сундуки и объявила принчипесѣ, что присутствіе ея въ имѣніяхъ необходимо.

— Но такъ внезапно, Габріэлла! и теперь, съ моимъ горемъ, ты меня хочешь оставить одну?

Габріэлла холодно улыбнулась и возразила, что сообщенія ея главноуправляющаго вынуждаютъ ее къ этому.

И дѣйствительно, на слѣдующій день Габріэлла уѣхала въ Санъ-Пьетро вмѣстѣ съ Маудъ, мопсами и попугаемъ.

* * *

Солнце высоко стояло надъ конфинскими Альпами, главная вершина которыхъ Конфиншпице, давшая названіе всему хребту, блестѣла серебромъ вѣчныхъ льдовъ глетчеровъ.

Мечтательно смотрѣлъ на нихъ Іоганъ фонъ-Шарренштейнъ. Изъ окна его комнаты можно было видѣть великолѣпную цѣпь Альповъ, тогда какъ ближе глазъ обнималъ всѣ виноградники и волнующіяся хлѣбныя поля.

Какъ безумный бѣжалъ онъ изъ Тріеста. Наконецъ суета торговаго города осталась позади, и здѣсь нашелъ онъ то, чего искалъ: покойную хижину, миръ, тишину и отсутствіе людей. Этихъ прилежныхъ, трудолюбивыхъ обитателей Верхней Италіи, съ помощью которыхъ онъ отдѣлалъ свое помѣщеніе, онъ не считалъ за людей, которыхъ долженъ былъ избѣгать. Онъ рѣзко порвалъ все со свѣтомъ. Здѣсь дышалось ему широко и свободно; воспоминанія о прошломъ, еслибъ они вздумали вернуться въ его воображеніе, онъ отброситъ силой воли! Хижина была невелика, но все-таки представляла достаточно мѣста для него и старой Фаншеты, которую онъ получилъ отъ своего предшественника вмѣстѣ съ помѣщеніемъ, для веденія его маленькаго хозяйства. Изъ мебели можно было тамъ найти едва самое необходимое, но это вполнѣ удовлетворяло Іогана. Дома онъ бывалъ только ночью; все остальное время онъ проводилъ почти одинъ, восхищаясь чудною природой своего новаго мѣстопребыванія. Сколько можно было охватить взоромъ, тянулись виноградникъ за виноградникомъ; тутовыя и персиковыя деревья возвышались надъ ихъ зеленью, которая съ вѣтки на вѣтку красиво переплетала древесные сучья. Между виноградными лозами подъ тѣнистыми купами деревьевъ, листва которыхъ не могла закрыть массу фруктовъ, вызрѣвали крупные арбузы. Тальяменто показывало свою серебристую линію, и изъ безчисленныхъ ручейковъ и ближайшихъ рѣчекъ видно было въ данную минуту, какъ солнце отражается въ водѣ.

Казалось, что природа особенно внимательно относилась къ Шарренштейну, потому что обыкновенно въ это время года русла рѣкъ и потоковъ бываютъ пусты, и зрителю представляется одно сухое каменистое дно. Но зима была снѣжная, весна довольно прохладная, лѣто дождливо такъ, что Тальяменто и его малые собратья отличались на этотъ разъ особенною многоводностью.

Среди волнующихся нивъ глубокой долины виднѣлись во множествѣ разбросанныя отдѣльныя хижины, которыя подъ чрезмѣрною тяжестью виноградныхъ лозъ грозили рухнуть. Изрѣдка соединялись эти хижины въ цѣлую деревушку; а надъ ними

возвышался по уступамъ горъ рядъ прелестныхъ живописныхъ городковъ. Шарренштейну казались эти мѣста непринадлежащими нашему времени; исторія придала имъ характеръ совершенно отличный отъ новомодныхъ городовъ. Тамъ и сямъ виднѣлись памятники старины въ видѣ странной Кампаниллы, или церковнаго купола съ золоченымъ крестомъ, рядомъ со старинными сѣрыми развалинами венеціанскаго дворца, полуразвалившіяся стѣны котораго удерживалъ отъ паденія только плющъ. Что за превосходное зрѣлище представляли эти, стремящіяся къ небу, развалины! Съ какою благодарностью лѣпятся хижины къ стѣнамъ могучаго зáмка, которыя не разъ спасали ихъ отъ бѣды! Теперь онѣ уже никого болѣе не защищаютъ и, столь крѣпкія когда-то, теперь сами нуждаются въ защитѣ. Оберегаютъ ихъ теперь единственно для того, чтобъ усилить очарованіе, охватывающее каждаго при взглядѣ на нихъ. Сегодня особенно хороши онѣ при безупречно чистомъ небѣ. Еслибы Принчипе могъ видѣть своего друга Іогана фонъ-Шарренштейнъ, который шелъ словно горный духъ! Темно-желтый плащъ падалъ складками: панталоны и блуза, сдѣланныя неискусными руками деревенскаго портнаго, казалось, совершенно поглощали всю фигуру художника. Голову его покрывала шляпа необычайныхъ размѣровъ. Въ такомъ видѣ стоялъ онъ среди виноградниковъ и разговаривалъ съ рабочимъ, выслушивая его совѣтъ, чтобы тутъ же передать его въ формѣ приказанія, что ему очень льстило. Когда мѣстный викарій проходилъ мимо, Шарренштейнъ заговорилъ съ нимъ и узналъ, что священникъ былъ очень озабоченъ внезапною болѣзнью сельскаго учителя, лишившею дѣтей занятій, а самъ онъ не имѣлъ достаточно времени замѣнить больнаго. Шарренштейна осѣнила мысль: какъ хорошо было бы хотя разъ въ жизни быть полезнымъ! До этого ему рѣдко, или, вѣрнѣе, никогда не приходилось дѣлать ничего подобнаго.

— Ваше преподобіе, позвольте мнѣ заступить мѣсто учителя. Вы смотрите на меня съ удивленіемъ, но даю вамъ слово, я берусь за это съ удовольствіемъ.

Въ дѣйствительности, священникъ былъ этимъ болѣе чѣмъ удивленъ, но когда онъ увидалъ, что Шарренштейнъ говоритъ совершенно серьезно, онъ съ благодарностью согласился на его предложеніе и попросилъ его начать немедленно занятія, такъ какъ дѣти, получившія приказаніе заняться съ кирками въ виноградникѣ, еще не разошлись. Іоганъ, возбужденный, слѣдуя

своему первому побужденію, быстро пошелъ вдоль пыльной улицы къ одиноко стоящей церкви и примыкавшему къ ней дому священника, гдѣ помѣщалась школа. Безъ труда достигъ онъ церковнаго виноградника, гдѣ полунагія, прикрытыя только живописными лохмотьями, дѣти копошились, какъ муравьи.

Ребятишки остолбенѣли при появленіи Шарренштейна и прыснули со смѣху, когда онъ имъ объявилъ, что онъ ихъ новый учитель, котораго теперь должны они уважать и слушаться.

Только съ трудомъ удалось ему убѣдить ихъ войти въ школу и, водворивъ тишину, начать занятія.

Доброта и ласковое обращеніе Шарренштейна оказали понемногу свое благодѣтельное вліяніе на буйную толпу, и дѣти охотно стали списывать буквы, которыя онъ писалъ имъ на черной классной доскѣ...

Вдругъ вниманіе одного маленькаго ученика было нарушено чѣмъ-то происходившимъ на улицѣ. Мальчуганъ вытаращилъ глаза, толкнулъ своего сосѣда; этотъ въ свою очередь тоже началъ смотрѣть туда; потомъ одинъ за другимъ всѣ ученики вытянули шеи и впились глазами по тому же направленію.

— Что съ вами, дѣти? что вы тамъ видите? спросилъ Іоганъ и подошелъ къ окну.

Въ то же время онъ услыхалъ топотъ удалявшейся лошади, увидѣлъ золотистые локоны, развѣвающуюся амазонку и вуаль дамы, тотчасъ же исчезнувшей за кустами.

Дама верхомъ, здѣсь, въ этой сторонѣ? рѣдкость способная возбудить любопытство не одного Шарренштейна! Пока онъ добѣжалъ до двери, ея и слѣдъ простылъ...

— Знаете вы, кто эта барыня? возвратясь на мѣсто, спросилъ онъ дѣтей.

Единогласное „нѣтъ“ было отвѣтомъ.

Между тѣмъ вернувшійся викарій позвонилъ къ обѣду. Молитва была прочтена, и Шарренштейнъ закончилъ свои занятія.

Надвинувъ свою широкополую шляпу и, вооружившись большимъ краснымъ дождевымъ зонтомъ, отправился онъ домой въ пріятномъ сознаніи совершеннаго добраго дѣла. По дорогѣ встрѣтилъ онъ извощика, который привозилъ его вещи съ ближайшей станціи желѣзной дороги, высланныя изъ Тріеста.

Шарренштейнъ расчувствовался; это былъ, какъ бы привѣтъ изъ того міра, который, казалось ему, онъ давно покинулъ!

Торопливо открылъ онъ ящикъ и нетерпѣливо вынулъ свер-

токъ картинъ, изъ которыхъ ему улыбнулось сіяющее лицо Габріеллы. Какъ больно и сладко стало ему на сердцѣ!.. Несмотря на всѣ усилія, его непреодолимо влекло все больше и больше смотрѣть на нее! Онъ поставилъ мольбертъ, натянулъ полотно на раму и остановился, какъ очарованный, предъ изображеніемъ Габріеллы. Его жилище показалось ему освященнымъ. Его рабочіе могли работать или дѣлать что̀ имъ угодно; онъ бродилъ между ними: когда слѣдовало распоряжаться, онъ счастливо улыбался и раздавалъ имъ *скуди* одно за другимъ.

„Пейте, ѣшьте, добрые друзья, и будьте порядочными людьми", и затѣмъ онъ снова исчезалъ; такъ неодолимо влекло его къ мольберту.

Ночь провелъ онъ безпокойно. Первый разъ за его пребываніе здѣсь освѣжающій сонъ объялъ его. На слѣдующій день онъ отправился аккуратно въ школу и встрѣтилъ въ ученикахъ нетерпѣливое желаніе скорѣе учиться.

И опять, какъ и вчера, ихъ вниманіе было нарушено, и Шарренштейнъ увидѣлъ наѣздницу, блеснувшую своими золотистыми локонами на солнцѣ, и тотчасъ же исчезнувшую.

Такой ужасъ и счастье охватили художника, что онъ не придумалъ ничего лучшаго, какъ послѣдовать за уносившимся видѣніемъ, и, сопровождаемый шумящею толпой дѣтей, онъ какъ безумный бросился на улицу.

Вдругъ изъ-за кустовъ раздался серебристый смѣхъ, и, съ прерывавшимся дыханіемъ, безмолвно очутился онъ предъ Габріеллой, которая не могла совсѣмъ удержаться отъ смѣха.

Растерявшійся художникъ, окруженный дѣтьми, представлялъ черезчуръ смѣшную картину. „Графиня, графиня, вы здѣсь? какъ попали вы сюда?"

— Я думаю, уважаемый другъ, съ удивленіемъ глядя на него, сказала Габріелла,—что я имѣю болѣе правъ предложить вамъ этотъ вопросъ, такъ какъ я теперь въ моихъ собственныхъ владѣніяхъ. Вы кажется не очень сильны въ географіи, иначе вы бы знали, что Санъ-Піетро отсюда очень недалеко. Да, да, господинъ Шарренштейнъ, никому не извѣстно, что̀ съ нами можетъ быть; вы, вѣроятно, и не помышляли быть учителемъ въ одной изъ школъ въ моемъ имѣніи?

Шарренштейнъ все еще не могъ найтись что̀ отвѣчать; онъ повернулся къ дѣтямъ и уговаривалъ ихъ возвратиться домой.

Дѣти весело послѣдовали приказанію новаго учителя, уваженіе къ которому, послѣ того, какъ онъ говорилъ съ такою знатною дамой, значительно увеличилось.

— Однако, гдѣ же вы живете, господинъ Шарренштейнъ, выѣзжая изъ кустовъ спросила Габріелла такимъ тономъ, какъ будто они встрѣтились на улицѣ Тріеста.

— Моя хижина тамъ, графиня, сказалъ онъ и указалъ при этомъ рукой въ ту сторону, гдѣ стоялъ его домикъ, окруженный зеленью.

— Да? очень поэтично; такимъ ли только окажется все это вблизи?

Она медленно поѣхала по тому же направленію, откуда пріѣхала.

Нѣкоторое время Іоганъ шелъ молча около нея; она же испытующе разсматривала его нарядъ.

— Что подѣлываетъ Гиги? спросилъ наконецъ Шарренштейнъ. Она равнодушно отвѣчала:

— Вѣроятно все хорошее, потому что старается, по возможности, какъ можно меньше давать о себѣ знать.

Іоганъ опустилъ глаза и такъ углубился въ себя, что почти пропустилъ тропинку ведущую къ его жилищу.

Наконецъ они остановились предъ его домикомъ.

Іоганъ былъ такъ смущенъ, что даже забылъ помочь графинѣ сойти съ лошади.

— Прошу васъ, господинъ Шарренштейнъ, — при этотъ она взяла поводья въ правую руку, лѣвою оперлась на плечо своего спутника и соскочила съ сѣдла.

При соприкосновеніи съ Габріеллой точно электрическій токъ пробѣжалъ по Шарренштейну. Онъ невольно схватилъ ее съ сѣдла, причемъ ея волосы коснулись его щеки; кровь бросилась ему въ голову, потомъ опять отлила къ сердцу!

Габріелла замѣтила это. Будто тѣнь пробѣжала по ея лицу, и тихое торжество выразилось на немъ

— Гедо, Петръ, Яковъ, Михаилъ, или какъ васъ тамъ? возьмите лошадь.—закричала она работнику, и затѣмъ ласково обратилась къ художнику:

— Простите, что я позволяю себѣ проникнуть въ ваше жилище, ха, ха, ха!..

Онъ отвѣтилъ извиненіемъ за невниманіе, что Габріелла врядъ ли даже замѣтила, такъ какъ, поднявъ тренъ амазонки, она

перешагнула порогъ и очутилась предъ собственнымъ изображеніемъ въ натуральную величину.

Впечатлѣніе было необычайное! Даже болтливость Габріеллы исчезла, точно что̀ ее схватило за сердце. Безмолвно смотрѣла она на Шарренштейна, который съ измѣнившимся лицомъ стоялъ у дома и глядѣлъ въ даль.

Все у него вертѣлось предъ глазами: какъ тогда, въ лунную ночь, въ саду принцессы, когда онъ стоялъ со своею возлюбленною, онъ крѣпко схватился за мраморныя перила, такъ и теперь крѣпко держался онъ за подоконникъ, чтобы не упасть.

Габріеллу невыразимо повлекло къ нему. Нѣжное слово рождалось у нея на устахъ; сладкое сознаніе, что Іоганъ ее очень любитъ, заставило ея сердце биться сильнѣе. Ее какъ-будто что̀ тянуло упасть къ нему на грудь. Вдругъ какъ тѣнь всталъ предъ ней блестящій образъ Іесто Пресаевича: въ вискахъ у нея застучало, сердце забилось еще сильнѣе, и ей стало ясно, что ея чувство къ Шарренштейну не болѣе, какъ дружба: все ея внутреннее „я" принадлежитъ Черногорцу, а вся ея будущность нелюбимому Гигѣ...

Страшная злоба охватила ее; со скрежетомъ зубовъ стояла она предъ Шарренштейномъ, съ выраженіемъ лица, какъ у головы Медузы!

— Вы мило здѣсь устроились, господинъ Шарренштейнъ! и съ этими словами она направилась къ двери.

Іоганъ, блѣдный, съ темными кругами около глазъ, слѣдилъ, какъ она вышла, сѣла на лошадь и медленно, съ поникшею головой, спустилась съ горы. Ея локоны блеснули на солнцѣ, и она постепенно исчезла въ кустарникахъ. Все очарованіе, которое еще сегодня утромъ всюду преслѣдовало его, унесла она съ собой... На слѣдующій день ученики напрасно ждали своего учителя; домикъ на горѣ стоялъ пустой. Іоганъ Шарренштейнъ снова пустился бродить по свѣту.

X.

Михаилъ зарядилъ свое ружье, покинулъ Цетинью и пошелъ по направленію къ Кулѣ. Дорожку, пролегавшую мимо дома Аѳины, онъ не пропустилъ, но его надежды были тщетны; она не подарила его ни однимъ взглядомъ. Аѳина полоскала бѣлье на дворѣ вмѣстѣ съ Натальей; однако, какъ только она его замѣ-

тила, подъ пустымъ предлогомъ скользнула въ домъ. Онъ долженъ почувствовать, что выходка его не останется безнаказанною.

Когда онъ проходилъ мимо забора, Наталья крикнула ему насмѣшливо:

— Голубка замѣтила коршуна и улетѣла! Счастливый вамъ путь!

Размолвка между влюбленными утѣшала ея злобное сердце. Михаилъ гордо взглянулъ на нее и, не удостоивъ ни однимъ словомъ, безъ поклона пошелъ дальше.

Скоро дошелъ онъ до Кулы; никакого страха не чувствовалъ онъ при взглядѣ на таинственную башню; наоборотъ, онъ разсматривалъ ее съ такою злобой, какъ будто поросшіе мохомъ камни давали пищу его гнѣву. Блестящія верхушки зубцовъ, какъ бѣльмо на глазу, возбуждали въ немъ желаніе повѣсить рядомъ съ ними голову охотника, поцѣловавшаго Аѳину, и сторожеваго офицера, такъ привѣтливо съ ней говорившаго. Раздражившись еще болѣе, продолжалъ онъ свой путь. Дорога была покрыта булыжникомъ, но Михаилъ не чувствовалъ острыхъ камней и почти не видѣлъ, куда онъ ступалъ.

Цѣлый часъ шелъ онъ такимъ образомъ, затѣмъ свернулъ въ сторону, исчезъ между скалами Цетиньи. Многочисленные рабочіе-бродяги, которымъ ничего лучшаго нельзя было довѣрить, занимались ломкой камня. Разбойники по виду, они вяло исполняли свою работу и, казалось, гораздо охотнѣе, съ ружьемъ за плечами и кинжаломъ за поясомъ, занялись бы разбоемъ на большихъ дорогахъ. Но голодъ не свой братъ, а въ нынѣшнія времена кровавымъ промысломъ многаго не заработаешь; и вотъ они поневолѣ занимаются честнымъ трудомъ. Михаилъ подсѣлъ къ нимъ на обломокъ камня и завязалъ разговоръ, во время котораго рабочіе перестали работать и внимательно его слушали.

Онъ сообщилъ имъ, какимъ образомъ было возвращено стадо и какъ Аѳина спасла много благородной крови, окончивъ дѣло поединкомъ. Не забылъ онъ также упомянуть о вмѣшательствѣ королевскаго начальника стражи; но когда коснулся этого событія, лицо его омрачилось и проклятія сорвались съ языка. Онъ разсказалъ, какъ одинъ малый осмѣлился поцѣловать дѣвушку, а офицеръ это допустилъ и даже позволилъ себѣ съ ней пошутить.

— Это требуетъ кровавой мести, хрипло зарычали бродяги, причемъ ихъ дикіе взгляды какъ бы подтверждали эти ужасныя слова.

Михаилъ какъ будто помедлилъ высказать свое мнѣніе, но быстро вынулъ изъ своего мѣшка бутылку водки, табакъ, сало, хлѣбъ и сухую баранину съ нѣсколькими головками чесноку и передалъ имъ все это.

— Вотъ кое-что чтобъ утолить вашъ голодъ и жажду.

При этомъ онъ уронилъ золотую монету и всталъ, чтобы возвратиться домой.

Какъ голодные вороны набросились рабочіе.

— Мы понимаемъ, Михаилъ!

— Хорошо, хорошо! отвѣтилъ этотъ,—завтра я къ вамъ опять приду, чтобъ узнать, не хотите ли вы снова позавтракать.

Рабочіе громко расхохотались.

— Золото лучше, оно затыкаетъ глотку! возразилъ одинъ.

Михаилъ ушелъ улыбаясь.

Во время ѣды разбойники стали совѣщаться. Послѣ долгихъ преній, они пришли къ одному рѣшенію: когда стемнѣло, они покинули каменоломню, взявъ хорошій запасъ взрывчатаго вещества, которое они хотѣли употребить въ дѣло, обошли Цетинью и разошлись по одиночкѣ разными дорогами въ Каттаро, чтобы сойтись вблизи блокгауза въ скрытной пещерѣ.

Михаилъ съ ружьемъ за плечами отправился стрѣлять какихъ-то хищныхъ птицъ.

* * *

Принцъ Гиги наконецъ соскучился въ одиночествѣ. Такъ какъ онъ замѣтилъ, что каждый вечеръ показывались волки, которые подкрадывались къ стадамъ овецъ около блокгауза, то рѣшился ихъ подкараулить съ восходомъ луны, чтобъ одного изъ нихъ уложить на мѣстѣ. Съ этою цѣлью онъ вооружился и отправился вмѣстѣ съ Цисселакомъ.

Уже стемнѣло, когда они покинули крѣпость. Наступила полная темнота, когда они подошли къ стаду. Пастухъ утверждалъ, что почти каждую ночь, несмотря на его величайшую бдительность, одна овца дѣлалась жертвой хищниковъ, и былъ мысленно обрадованъ, что Гиги избавитъ его отъ волковъ. Ночь была темная; наконецъ, взошелъ мѣсяцъ и ярко освѣтилъ скалы и равнины. Ничто не шевелилось. Волки, казалось, занялись сегодня чѣмъ-то другимъ и до сихъ поръ не показывались; но Гиги не терялъ надежды и былъ съ Цисселакомъ наготовѣ. Имъ не пришлось долго ждать; какъ ни осторожно подкрадывался волкъ,

но черезъ минуту раздался выстрѣлъ, и мертвый хищникъ палъ обливаясь кровью. Одна добыча не удовлетворила Гиги; онъ остался еще и уложилъ одного за другимъ двухъ огромныхъ животныхъ.

Михаилу также посчастливилось. Убивъ большаго ягнятника, онъ возвратился съ зарей въ Цетинью, гордо показывая каждому встрѣчному свою добычу; потомъ зашелъ онъ въ шинокъ и выпилъ съ товарищами.

А въ это время бандиты обсуждали въ пещерѣ свой планъ. Одинъ изъ нихъ, самый сильный, беззаботно бродилъ около блокгауза, обмѣнялся съ ходившимъ часовымъ ласковымъ привѣтствіемъ и завязалъ съ нимъ разговоръ, который овладѣлъ всѣмъ вниманіемъ послѣдняго. Блокгаузъ былъ построенъ на скалѣ и имѣлъ въ своемъ фундаментѣ отдушины, которыя, по возможности, устраняли сырость. Этимъ хотѣли воспользоваться бандиты, чтобы помѣстить въ нихъ порохъ, и такимъ образомъ взорвать зданіе и все что̀ въ немъ находилось.

Младшій изъ каменьщиковъ, худощавый мальчикъ, едва достигшій пятнадцати лѣтъ, влѣзъ туда, наблюдая за часовымъ и его товарищами, и тихо свистнулъ; въ эту минуту бандитъ вонзилъ кинжалъ въ сердце ничего не подозрѣвавшаго солдата, который упалъ, не издавъ ни одного звука. Затѣмъ онъ сбросилъ судорожно бившееся тѣло въ ближавшую пропасть. „Теперь не будемъ терять даромъ времени!“ Отдушина была наполнена порохомъ, фитиль подложенъ и зажженъ, послѣ чего бандиты поспѣшно удалились, чтобы въ болѣе безопасномъ мѣстѣ наблюдать за результатомъ своего злодѣянія.

Гиги направлялся домой; Цисселакъ несъ шутя тяжелыя туши звѣрей. Когда они издали увидѣли блокгаузъ, отъ взгляда Гиги не ускользнуло, что на посту не было часоваго. Онъ остановился и наблюдалъ, предполагая, что часовой былъ по другую сторону зданія и скоро появится.

Гиги пошелъ такъ быстро къ блокгаузу, что Цисселакъ, у котораго отвязалась ноша, не могъ также спѣшно слѣдовать, не приладивъ ее.

Вдругъ скалы дрогнули отъ громоваго удара. Цисселакъ увидѣлъ пламя и замѣтилъ, что оттуда, гдѣ стоялъ блокгаузъ, темныя массы взлетали кверху; больше онъ ничего не увидѣлъ, потому что его глаза были засорены пылью и щепой; онъ почувствовалъ ударъ въ голову и лишился сознанія...

* * *

Іесто Пресаевичъ, прежде чѣмъ уѣхать въ Цетинью, посѣтилъ дворецъ; затѣмъ онъ воспользовался ближайшимъ пароходомъ, чтобъ отправиться въ Каттаро, а оттуда на родину. Все знакомѣе и знакомѣе становились ему берега, мимо которыхъ шло судно; все болѣе радовали его города, въ которыхъ они останавливались; все довѣрчивѣе казались ему лица, проходившія мимо, и все пріятнѣе щекотали его слухъ милые звуки родной рѣчи.

Какъ стремился онъ ко всему этому! Какъ часто въ суетѣ міроваго города мечталъ онъ взглянуть хоть разъ на родныя горы. Чего бы онъ ни отдалъ за взглядъ на итальянское небо и на голубую плескающуюся Адріатику! Теперь стоялъ онъ передъ скалами Черногоріи; южное небо простиралось надъ головой; Адріатика волновалась вокругъ корабля, бухта показывала всѣ свои прелести, и все-таки онъ былъ печаленъ.

Іесто Пресаевичъ, уѣхавъ юношей, полнымъ радостныхъ надеждъ, возвращался домой статнымъ мужчиной, но сердце его осталось далеко. Совершенно иначе представлялъ онъ себѣ возвращеніе домой.

Пароходъ присталъ въ Каттаро. Этотъ городъ, прежде бывшій въ его глазахъ олицетвореніемъ всего прекраснаго и казавшійся такимъ большимъ и великолѣпнымъ, представился ему теперь мрачнымъ, пустыннымъ и жалкимъ. Съ сердечною болью почувствовалъ онъ, что, бросившись въ свѣтъ, потерялъ юношескія грезы.

Прелестный деревенскій домъ вставалъ въ его воображеніи, и вмѣстѣ чудился „ея“ взглядъ.

— Прочь! прочь! умоляюще взмолился Іесто къ небу, какъ бы прося силы забвенія!!

Онъ сошелъ съ парохода и рѣшилъ узнать, гдѣ живетъ Гиги. Насколько онъ любилъ друга, настолько больно томила его мысль, что это онъ, счастливецъ, которому достанется любовь и рука Габріеллы. Однако онъ думалъ быть гуманнымъ и прогнать мрачныя мысли. Родина предъявляла къ нему свои права: здоровымъ она отпустила его и здоровымъ же требовала его обратно, чтобы все пріобрѣтенное внѣ употребить на пользу отечества.

Послѣ полудня онъ достигъ Каттаро. Тамъ скоро онъ узналъ, что принцъ Гиги выбылъ уже давно въ блокгаузъ. Это извѣстіе обрадовало Іесто. Онъ могъ увидать его на возвратномъ пути и посѣщать его изрѣдка изъ Цетиньи. Онъ разсчитывалъ

пробыть не долго въ Каттаро и стремился какъ можно скорѣе на родину.

Экипажъ скоро былъ найденъ, и Іесто быстро покатилъ въ Порто-Марино. Какъ много измѣнилось въ его отсутствіе; когда онъ отправлялся мальчикомъ изъ Цетиньи въ Каттаро, онъ долженъ былъ ѣхать верхомъ по узкой, крутой, каменистой дорожкѣ, идущей по краямъ пропасти; а теперь онъ ѣхалъ по прекрасной дорогѣ въ самомъ удобномъ экипажѣ.

Пріятное сознаніе близости родины охватило его съ невообразимою силой; свѣжій воздухъ его родныхъ горъ живительно дѣйствовалъ на его угнетенное состояніе духа. Однако ему казалось, что, путешествуя съ такими удобствами, онъ не наслаждается такъ полно, какъ прежде, когда онъ твердою поступью взбирался на Черную Гору.

Онъ велѣлъ кучеру остановиться, вышелъ изъ экипажа и весело пошелъ впередъ.

О, какъ легко дышется, какъ блестятъ глаза, какъ привычная нога преодолѣваетъ всѣ препятствія!

Наконецъ онъ остановилъ свой опьяненный взоръ на бухтѣ, которая отливала пурпурно-золотистымъ свѣтомъ. Заходящее солнце бросало кроваво-красные лучи на воду и землю и какъ будто бы ихъ воспламеняло. Іесто молитвенно поднялъ руки, спокойная радость наполнила его сердце. Счастливъ, безконечно счастливъ былъ бы онъ, еслибъ „она“ была около него, „она“, къ которой онъ такъ страстно стремился, среди этой невыразимой красоты.

Какъ бы красиво выдѣлялись ея золотистые волосы въ этой величественной рамѣ высокихъ горъ, въ которой природа-мать создала единственную въ своемъ родѣ картину, которую въ данную минуту заходящее дневное свѣтило окрасило въ волшебныя краски.

Но сердечное горе уравновѣшивалось другимъ горемъ. Прирожденное чувство Черногорца быстро наполняло его, и онъ при первомъ взглядѣ на родныя горы и на розовую, полную жизни Адріатику не могъ забыть, что онѣ еще разъединены, между тѣмъ, какъ должны бы неразрывно принадлежать другъ другу!

Да, придетъ время, когда Черногорія спустится до самыхъ голубыхъ волнъ, гдѣ скипетръ князя повелѣвалъ бы кораблямъ, ходящимъ по всему свѣту.

Стихи князя Николая пришли ему въ голову, и сильнымъ прочувствованнымъ голосомъ онъ сталъ декламировать ихъ, глядя съ болѣзненнымъ чувствомъ вдаль. Каждый камень скалы, каждая волна моря при вечернемъ вѣтрѣ Лепанта вызывали въ немъ то чувство, которое необходимо для Черногорца, чтобы защищать свое отечество.

Привѣтъ тебѣ, могучее море!
Какъ катятся твои волны
Ты безконечно, и въ то же время,
Пока мы дышемъ, ты предметъ нашихъ желаній.

Привѣтъ тебѣ въ твоей красѣ!
Сердце бьется отъ блаженства,
Но твой видъ напоминаетъ мнѣ,
Чѣмъ виновенъ свѣтъ предъ нами.

Онъ держитъ разъединенно
То, что̀ поднимаетъ духъ свободныхъ;
И то и другое великолѣпно и величественно:
И мои горы, и твои волны.

Я умоляю, будь моимъ...
Пусть твой господинъ-владыка тебя питаетъ,
Съ твоими жемчугами въ глубинѣ,
Съ твоими рыбками, скользящими въ глубинѣ.

Будь моимъ, несмотря на всю твою глубину,
Моимъ во всемъ твоемъ сіяньѣ,
Моимъ въ твоей бѣшеной пляскѣ,
Моимъ—съ твоимъ сердцемъ, гнѣвомъ и злобой.

Будь моимъ и съ кораблемъ,
Съ моряками, которыхъ ты укачиваешь,
Моимъ со всѣми твоими красками,
Которыя ты въ себѣ отражаешь.

Будь моимъ, грозное море!
Пѣнься мнѣ въ утѣшенье,
Моимъ будь до конца свѣта,
Моимъ—пока стоитъ солнце! [1]

---

[1]тСихи князя Николая Черногорскаго, въ подстрочномъ переводѣ.

Онъ сѣлъ въ экипажъ и почувствовалъ себя готовымъ переступить границу родины. Солнце скрылось. Ночь какъ бы стерегла эту минуту, чтобы накинуть свой покровъ на Черногорію. Это продолжалось не долго, скоро взошла луна.

Тихую радость почувствовалъ Іесто, когда, покрытая серебромъ, предстала предъ нимъ страна его дѣтства.

— Привѣтъ тебѣ, привѣтъ тебѣ! воскликнулъ онъ нѣсколько разъ.

Іесто хорошо зналъ мѣстность: онъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ границы. Налѣво отъ него находилась скала, напоминавшая своею формой окаменѣвшую монахиню. Какъ часто въ дѣтствѣ, возвращаясь по этой дорогѣ, восхищался онъ ею. Въ то время тутъ вилась одна тропинка, опасная для пѣшехода, а теперь ея мѣсто заняла прекрасная большая дорога. Стоило обогнуть скалу, чтобъ увидать пробитую бомбами крышу блокгауза.

Іесто приподнялся, началъ смотрѣть, но пока не было видно никакого признака постройки. Онъ обратился къ Веттурино.

— А что̀ блокгаузъ разоренъ?

Кучеръ провелъ рукой по глазамъ и, посмотрѣвъ вокругъ, сказалъ:

— Я не знаю, баринъ; онъ долженъ быть теперь уже виденъ, а то и окаменѣлой монахини не было бы видно, а она здѣсь! Іисусъ, Марія!

Іесто не могъ ошибиться; онъ слишкомъ хорошо помнилъ картину родныхъ горъ.

Онъ велѣлъ ѣхать дальше. Вдругъ лошади испугались и попятились въ сторону такъ быстро, что экипажъ чуть не перевернулся.

Что-то ужасное лежало у ихъ ногъ: до неузнаваемости изуродованное, покрытое ранами тѣло!

Іесто вышелъ опять изъ экипажа, кучеръ взялъ лошадей подъ уздцы и повелъ ихъ, но скоро ѣхать дальше было невозможно: камни, балки, изломанная домашняя утварь, страшно обезображенныя человѣческія тѣла загораживали имъ дорогу. Іесто и возница съ ужасомъ смотрѣли на это опустошеніе — здѣсь произошло что-то необычайное; они выпрягли лошадей и подошли къ мѣсту несчастія.

Что̀ они увидѣли — было ужасно: прежній блокгаузъ представлялъ дымящуюся груду развалинъ, усѣянную остатками изуродованныхъ труповъ. Глубокое молчаніе царило надъ этою картиной,

ничто не шевелилось, все казалось было мертво. Вдругъ Іесто услыхалъ рыданія и увидалъ солдата, который старался привести въ чувство безжизненное тѣло, но самъ, обезсилѣвъ, повалился на него.

— Цисселакъ, это Цисселакъ? и Гиги? мой милый дорогой Гиги!

Онъ наклонился надъ казавшимся безжизненнымъ Гиги и поцѣловалъ облитое кровью мертвенно-блѣдное лицо. Тяжелое горе—смерть друга—волновало его сердце. И въ то же время, хотя онъ называлъ себя внутренно ничего не стóящимъ бездѣльникомъ и боролся всячески со своими чувствами, однако одна струна его сердца звучала радостно. Онъ вскочилъ и закрылъ лицо руками. Ему хотѣлось скрыть свои ужасныя мысли отъ яркаго сіянія мѣсяца на блестящихъ вершинахъ горъ, отъ безжизненнаго друга, отъ Бога тамъ въ небесахъ, и отъ себя самого!

И все-таки, все-таки образъ Габріэллы воскресъ невольно въ его душѣ,—тихо всплывалъ онъ, безъ слезъ стоялъ предъ трупомъ жениха, и единственный взглядъ ея выразительныхъ глазъ упалъ на него.

„Теперь я твоя, мой Іесто: любовь побѣдила смерть!“ стояло тамъ огненными буквами, которыя согнали кровь съ лица Черногорца. Онъ задрожалъ; зубы его стучали, ему казалось будто мертвый другъ взывалъ къ нему блѣдными губами: „Іесто, ты единственный Черногорецъ, который когда-либо сталъ измѣнникомъ въ дружбѣ, закрѣпленной кровью!“ Размахивая руками, онъ, какъ въ припадкѣ сумасшествія, отмахивался отъ этого призрака.

Судорожное рыданіе Цисселака привело его къ дѣйствительности. Здѣсь не было возможности разсуждать, можетъ-быть пламя жизни еще не совсѣмъ угасло. Тѣло еще не похолодѣло и члены были подвижны. Все, чтò зналъ солдатъ, онъ разсказалъ ему! По его счету это происшествіе случилось часъ тому назадъ; онъ самъ былъ слегка задѣтъ камнемъ и потерянное на минуту сознаніе къ нему вернулось.

Іесто посовѣтовался съ кучеромъ, чтò предпринять: вернуться ли съ Гиги въ Каттаро, или продолжать свое путешествіе въ Цетинью. Рѣшено было ѣхать въ Цетинью, потому что столица Черногоріи была ближе. Но были свои трудности: дорога была загорожена, и надо было сперва устранить обломки. Геркулесова сила Цисселака оказалась полезною, и скорѣе чѣмъ можно было ожидать, они уже находились на дорогѣ на родину

Іесто. Изъ гарнизона никто болѣе не спасся. Гиги, поддерживаемый Іесто, лежалъ въ экипажѣ. Заливавшійся слезами Цисселакъ шелъ рядомъ.

— Онъ живъ, онъ живъ! вскричалъ Пресаевичъ. Богемецъ недовѣрчиво вытаращилъ глаза, но радостно заревѣлъ, когда самъ замѣтилъ слабое дыханіе Гиги.

Цетинья раскинулась въ утреннемъ туманѣ пустынно и безцвѣтно. Сердце Іесто затрепетало радостно при видѣ роднаго города, вдали отъ котораго онъ былъ такъ долго и къ которому онъ такъ страстно стремился.

Этотъ жестокій случай, который онъ считалъ за месть своего народа или сосѣдей изъ-за Вогезовъ, вызвалъ въ немъ нехорошее чувство. На чужбинѣ, между благовоспитанными людьми, онъ научился иначе думать нежели его соотечественники и съ отвращеніемъ отвертывался отъ подобнаго звѣрства, которое здѣсь чтили, какъ геройскій подвигъ. Съ какимъ почтеніемъ мальчикомъ еще смотрѣлъ онъ на мрачную Кулу. Съ какимъ благоговѣніемъ прислушивался онъ къ словамъ отца, когда тотъ оживленно разсказывалъ, сколько головъ прикрѣпилъ онъ къ зубцамъ. Тогда его юношескіе глаза блестѣли, и поднимая дѣтскую ручонку, онъ давалъ священную клятву подражать отцу. А теперь, — теперь этотъ взглядъ на башню наполнилъ его ужасомъ—его отецъ?—его семья?—онъ опустилъ глаза. Съ твердою рѣшимостью и страшною болью въ сердцѣ сидѣлъ онъ въ экипажѣ; весь міръ, сыны его отечества, ничто вокругъ не измѣнилось, но онъ, онъ сталъ инымъ. Онъ почти сердился на отца за то, что тотъ уступилъ его просьбамъ и отпустилъ его на Западъ, чтобъ изучать чужіе нравы и обычаи. Теперь онъ получилъ образованіе, но научился презирать то, что̀ раньше уважалъ и предъ чѣмъ преклонялся. Но нѣтъ, это его не должно печалить—напротивъ, это должно ему дать силу, чтобы научить свой народъ уважать человѣчество.

Они достигли первыхъ домовъ Цетиньи, и экипажъ медленно катился по единственной улицѣ города.

Вотъ домъ его отца — мѣсто его юности; онъ долженъ былъ собраться съ духомъ, чтобы взяться за ручку и открыть небольшую дверь. Согнувшись вошелъ онъ и медленно вдохнулъ дымъ, такъ часто преслѣдовавшій его воображеніе даже въ Парижѣ, во снѣ и на яву и привѣтствовавшій его здѣсь прежде всѣхъ.

Вотъ онъ и въ комнатѣ. На лежанкѣ спитъ его отецъ, большой,

величественный, какъ дубъ. Его громадное тѣло было прикрыто черною овчиной, которая сползла на половину и открыла могучую грудь.

Розовый отблескъ дня освѣщалъ его загорѣлыя черты. Іесто расчувствовался и долженъ былъ собрать всѣ силы, чтобы не броситься обнимать его. Рука воеводы лежала на груди! Какъ сильно она загорѣла, и невольно взглянулъ Іесто на свою бѣлую изнѣженную руку.

Фигура, спавшая у очага, была Наталья.

Но такою некрасивою и старою онъ не представлялъ ее себѣ. Юность смотритъ на все своими глазами!

Тамъ, за притворенною дверью, слышалось тихое дыханіе; осторожно, на цыпочкахъ подошелъ онъ и сталъ смотрѣть въ скважину.

— Какъ хороша—„роза Цетиньи“! мягко сказалъ онъ и любовно взглянулъ на розовое личико своей сестры.

Здоровый сонъ окрасилъ розовымъ цвѣтомъ ея смуглое личико. Черные волосы раскинулись по ея обнаженной груди. Онъ окинулъ взоромъ все окружающее. Все было по старому — но какъ все измѣнилось!

Какъ будто, чтобъ удостовѣриться, что это дѣйствительно та хижина, гдѣ онъ родился, дотронулся онъ до головы. Ужасъ охватилъ его.

Цѣлая пропасть лежала между настоящимъ и прошедшимъ. На стѣнѣ висѣли гусли, на которыхъ онъ ребенкомъ еще игралъ. Нѣжное чувство наполнило его. Давно умершая мать учила его играть на нихъ. Онъ подошелъ, съ любовью дотронулся до струнъ, и тихіе, заунывные звуки раздались въ комнатѣ.

Аѳина подняла длинныя, шелковистыя рѣсницы, открыла глаза,—мужчина въ ея святилищѣ? Схвативъ со стѣны кинжалъ, она приготовилась къ защитѣ.

— Какая ты большая, стройная, моя сестрица! Опусти же свой мечъ, цвѣтущая роза Цетиньи: я—Іесто, твой братъ!

Аѳина покраснѣла; привѣтствіе брата сразу напомнило ей офицера, образъ котораго ясно всталъ предъ ней.

Аязитаосъ тоже открылъ глаза, пристально посмотрѣлъ на чужаго, быстро отогналъ сонъ и бросился къ Іесто.

— Кто вы такой, и что̀ вамъ нужно?

Іесто горько усмѣхнулся, — родной отецъ не узналъ его, но

неожиданно обняли его двѣ костлявыя руки. Проснувшаяся Наталья съ рыданьями повисла у него на шеѣ.

— Іесто! мой Іесто!

— Отецъ, отецъ, вы видите предъ собой вашего сына! сказалъ юноша.

Сѣдой Черногорецъ отступилъ и радостно глядѣлъ на стройную фигуру мужчины, который покинулъ его мальчикомъ, а теперь стоялъ предъ нимъ вполнѣ сложившимся человѣкомъ.

— Сынъ мой, сынъ мой! вырвалось у него.

Іесто упалъ къ нему въ объятія.

Аязитаосъ любовался на своихъ дѣтей. Отцовская гордость наполняла его сердце, но онъ вспомнилъ, что сынъ не долженъ забывать, что стоитъ предъ своимъ отцомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что ему много будетъ труда заставить чувствовать власть отца, который былъ главой дома и слова котораго были законъ.

Онъ рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ показать свою власть.

— Наталья, приготовь завтракъ, обратился онъ къ старухѣ,— а ты, мой другъ, садись около меня и разскажи о себѣ.

— Я къ твоимъ услугамъ, отецъ, но я не одинъ, прошу тебя о гостепріимствѣ другу, котораго я нашелъ на дорогѣ въ ужасномъ видѣ.

Коротко разсказалъ Іесто все съ нимъ случившееся, не скрывая своего отвращенія къ злодѣйскому поступку.

Лицо главы дома сдѣлалось серьезнымъ, ледянымъ. Внимательно посматривалъ онъ на Іесто, какъ бы желая прочесть его сокровенныя мысли. Изъ немногихъ словъ понялъ онъ, какъ различны ихъ взгляды.

Аѳина затаила дыханіе, покраснѣла, съежилась и не вымолвила ни слова.

— Не безъ основанія приготовили они погибель врагамъ нашего отечества, которые получили только должное. Я подозрѣваю, кто это сдѣлалъ. Это Михаилъ, будущій мужъ твоей сестры!

Аѳина прижала руку къ сердцу и закусила губы.

— Конечно, это справедливая кара охотнику, осмѣлившемуся поцѣловать Аѳину. Они получили должное; я хвалю Михаила!

Онъ говорилъ твердо и рѣшительно. Аѳина стояла съ широко открытыми глазами, а Іесто не проронилъ ни слова.

— Возможно ли это, отецъ, возразилъ наконецъ онъ:—сегодня же я предамъ суду этого негодяя!

— Молчи, молокососъ, когда говоритъ твой повелитель! Не забывай, что каждое твое слово защиты есть умаленіе отцовской власти! прогремѣлъ воевода.

Случай показать свою власть представился ранѣе, чѣмъ ожидалъ Аязитаосъ.

Іесто умолкъ и закрылъ глаза рукой; у него потемнѣло въ глазахъ и, казалось, желѣзные тиски сжимали его больное сердце.

Такова-то была встрѣча на родинѣ! — О, о! простоналъ онъ. Вдругъ онъ почувствовалъ ласковую руку Аѳины.

Однако воевода остался доволенъ; онъ желалъ послушанія и получилъ его.

— Но гостепріимство священно для Черногорца, продолжалъ онъ,—ты это на чужбинѣ, конечно, не забылъ? Ты просилъ о немъ для друга,—пусть же онъ будетъ желаннымъ гостемъ.

Онъ пріостановился у двери, какъ будто ожидая что Іесто будетъ непочтителенъ и пройдетъ первый; но Іесто, съ убитымъ видомъ, стоялъ на порогѣ и пропустилъ отца впередъ. Аѳина проскользнула ранѣе и стояла теперь около экипажа, смачивая голову лежащаго безъ сознанія холодною водой. Много пролитой крови видѣла она, много молодыхъ жизней отлетѣло на ея глазахъ, и это не трогало ее раньше, но эта кровь жгла ея сердце, и она молила Небо о спасеніи жизни своему врагу!

Гиги лежалъ съ закрытыми глазами: сознаніе еще не возвратилось; около него въ нѣмомъ отчаяніи стоялъ Цисселакъ, переводя глаза со своего господина на молодую дѣвушку, съ такою любовью ухаживавшую за нимъ.

Воевода узналъ въ принцѣ офицера, съ которымъ онъ разговаривалъ, и, несмотря на ненависть ко всему, что носило австрійскій мундиръ, участіе его къ молодому человѣку было таково, какое только было возможно въ немъ къ королевскому солдату.

— Очисти свою комнату, Аѳина, обратился онъ къ своей дочери, а Натальи, стоявшей съ любопытнымъ видомъ въ дверяхъ, онъ закричалъ:—не лупи глаза и не болтайся безъ дѣла; готовь постель, старая корга!

Наталья исчезла, но вскорѣ возвратилась, объявивъ, что все готово. Заботливо покрыла она постель Аѳины изъ морской травы одѣяломъ изъ мягкихъ овчинъ и такое же другое положила около, чтобы покрыть больнаго. Единственное окошко, выходившее въ садъ, она завѣсила.

Волкъ, сидѣвшій на цѣпи подъ окномъ Аѳины, съ любопыт-

ствомъ поднялъ голову, уперся передними лапами въ подоконникъ и смотрѣлъ. Это былъ обычный часъ, когда его госпожа подымала оконную раму и гладила его пушистую шерсть. Наталья погрозила ему кулакомъ, а онъ, отвѣтивъ ей злобнымъ взглядомъ, соскочилъ внизъ.

Воевода помогъ внести безсознательнаго Гиги и положить его на постель. Когда Іесто предложилъ немедленно послать за докторомъ, отецъ посмотрѣлъ на него съ такимъ упрекомъ, какъ будто хотѣлъ сказать, что здѣсь въ Цетиньѣ не привыкли къ такому нѣжному обращенію, которое онъ встрѣчалъ на Западѣ.

— Ты кажется забылъ, мой сынъ, что мы Черногорцы знаемъ сами, что̀ полезно нашему тѣлу. Съ учеными докторами, обирающими карманы довѣрчивыхъ людей тамъ въ Каттаро, мы не знаемся. Намъ достаточно знахарокъ, которыя помогаютъ намъ въ нашихъ болѣзняхъ. Наталья, осмотри рану!

Наталья отдернула занавѣску и яркій дневной свѣтъ упалъ на блѣдное лицо Гиги; затѣмъ она опустилась на колѣни, раздвинула широкій рубецъ надъ вискомъ, нагнулась надъ нимъ, пробормотала нѣсколько заклинаній и наконецъ сказала:

— Рана глубока, повреждена кость, но самое главное—сотрясеніе; холодная вода съ лимоннымъ сокомъ поможетъ, да я знаю еще святые заговоры!

Воевода выразилъ согласіе, а Іесто замѣтилъ:

— Вода дѣйствительно необходима, а всякія нашептыванія можно было бы оставить.

Наталья бросила на него взглядъ полный презрѣнія, а отецъ сказалъ съ укоризной:

— Ты забылъ на чужбинѣ, что̀ для насъ священно и неприкосновенно! Однако самое лучшее, мой сынъ, что ты все-таки вернулся домой.

Холодная улыбка пробѣжала по губамъ Іесто, однако онъ предоставилъ Натальѣ продолжать своими костлявыми руками поднимать и опускать сосудъ съ водой и дѣлать крестообразныя движенія надъ больнымъ, причемъ она бормотала что-то въ полголоса. Наконецъ она намочила полотняную тряпку и туго прижала ее ко лбу Гиги.

Онъ пріоткрылъ глаза; безсмысленно устремились они въ пространство. Торжествующимъ взглядомъ окинула Наталья Іесто. Воевода качалъ головой.

— Ну, самъ теперь ты видишь, сказалъ онъ своему сыну,— пойдемъ, время завтракать, солдатъ также голоденъ. Аѳина, ты останься при больномъ.

Всѣ вышли; даже и Цисселакъ, повинуясь требованіямъ своего желудка, рѣшился наконецъ покинуть комнату. Аѳина осталась одна, присѣла у постели, перемѣнила примочку и залюбовалась при этомъ тонкими, благородными чертами лица больнаго. О, это блѣдное, прекрасное лицо! Принцъ имѣлъ видъ совершенно другой, чѣмъ тѣ, которыхъ она привыкла видѣть.

Какъ бы случайно дотронулась она до его холодной руки. Рука его выскользнула, тогда она взяла ее въ обѣ свои, причемъ пальцы Гиги едва дрогнули. Аѳина испугалась и поспѣшно положила руку опять на одѣяло.

Въ окнѣ опять показался волкъ. Наталья забыла задернуть занавѣску, и звѣрь, заглянувъ въ окно, узналъ свою госпожу. Громкое рычаніе, выражающее нетерпѣніе, огласило воздухъ. Аѳина, сознавая, что онъ не успокоится, пока его не отвяжутъ и боясь, что онъ безпокоитъ раненаго, тихо поднялась со своего мѣста, открыла окно и отвязала цѣпь. Въ одинъ прыжокъ очутилось дикое животное въ комнатѣ и положило свои лапы на плечи Аѳины. Она его погладила, протянула руку, которую онъ нѣжно началъ лизать, потомъ она снова сѣла около офицера, а волкъ довѣрчиво терся около нея.

Гиги вздохнулъ и открылъ глаза. Его блуждающій взоръ окинулъ комнату и остановился на дѣвушкѣ и ея лохматомъ товарищѣ. Аѳинѣ показалось, что стеклянный взглядъ понемногу оживляется, и чтобы выразить свою радость, она кивнула головой. Она не обманывалась; на устахъ его блуждала улыбка, хотя слабая, едва замѣтная, но все-таки улыбка.

Аѳина радостно замѣтила это и въ то же мгновеніе почувствовала какъ бы упрекъ за чувство радости при выздоровленіи врага; она старалась увѣрить себя, что только приказаніе отца удерживаетъ ее у постели больнаго, тогда какъ она съ большимъ бы удовольствіемъ слушала разсказы Іесто. Любопытно узнать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ: однако она не предполагала, что отецъ можетъ ее позвать послушать.

Пока она тихо сидѣла около раненаго и мѣняла ему повязки, предъ ней невольно вставали волшебныя картины большаго, широкаго свѣта. Ея живое воображеніе строило воздушные за̀мки, что̀ ее постепенно возбуждало. Какъ въ туманѣ представлялось ей

что-то неизвѣстное, нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ ея скалистая родина.

Тотъ, который лежитъ теперь около нея, пришелъ тоже изъ незнакомой ей дали, и снова углубилась она въ разсматриваніе его лица, чтобы хотя по немъ узнать о томъ невѣдомомъ ей мірѣ.

И тутъ-то увидѣла она, что Гиги былъ прекрасенъ!

Наталья босыми ногами беззвучно прокралась въ комнату. Она замѣтила, какъ ея питомица близко наклонилась къ лицу офицера и какъ она откинулась при ея появленіи.

Злая усмѣшка обезобразила ея и безъ того некрасивое лицо, коварный замыселъ пришелъ ей въ голову.

— А вѣдь хорошенькій жучокъ,—не правда ли, моя голубка, Аѳина? Остренькій носикъ, мой ангелъ! Вглядись еще получше; побьюсь объ закладъ,—Михаилъ дорого бы далъ, чтобъ онъ висѣлъ у него на поясѣ! О, хо—не пугайся, роза Цетиньи, тебѣ нечего блѣднѣть — нѣтъ, нѣтъ, не бойся, звѣздочка моей угасающей жизни!

Она хотѣла ее поцѣловать, но Аѳина отвернулась, чтобы скрыть румянецъ.

— Какъ можно такъ говорить, Наталья, невольно проронила она.

Нянька засмѣялась и погладила Аѳину по головѣ, но волкъ почувствовалъ фальшь и зарычалъ.

— Бестія, воскликнула старуха, которая ненавидѣла его ужь потому, что онъ былъ пойманъ въ горахъ Михаиломъ, когда онъ былъ еще щенкомъ, и подаренъ Аѳинѣ.

— Наталья! позвалъ воевода.

— Береги его, пробурчала она уходя.—Когда онъ встанетъ на ноги, это будетъ красивый молодчикъ.

Аязитаосъ стоялъ, прислонившись къ очагу.

Цисселакъ спалъ въ сторонѣ на скамейкѣ, усталый отъ ночныхъ похожденій, и храпѣлъ.

Іесто только-что сѣлъ за столъ. Старику показалось, что онъ нарочно занялъ почетное мѣсто.

— Подожди, сынъ мой, еще рано: я еще не садился.

Молодой Черногорецъ вскочилъ и пробормоталъ нѣсколько извиненій. Наконецъ Аязитаосъ сѣлъ, посадилъ Іесто по правую сторону и толкнулъ Цисселака. Нужно было нѣсколько сильныхъ толчковъ, чтобы тотъ проснулся.

Продравъ глаза, сѣлъ онъ на деревянную скамейку. Наталья

сняла съ очага котелъ, вылила содержимое въ глиняную чашку, поставила ее на средину стола и положила въ кучу деревянныя ложки.

Воевода нарѣзалъ черстваго чернаго хлѣба, положилъ каждому по ломтю, взялъ ложку, какъ бы давая знакъ начинать завтракъ.

Цисселакъ съ жадностью глоталъ мелкіе куски баранины, закусывая чернымъ хлѣбомъ.

Глава дома ѣлъ покойно и благородно, какъ Турокъ. Наталья возилась у очага и безпрестанно подливала изъ чугуна. Іесто вертѣлъ деревянную ложку въ своихъ рукахъ, разсматривалъ скатерть и не рѣшался попробовать мутной похлебки, въ которой плавали куски мяса.

— Развѣ ты не голоденъ? спросилъ строго Аязитаосъ.

Эти слова принудили Іесто измѣнить рѣшеніе. Испуганно взглянулъ онъ и опустилъ деревянную ложку въ мало-соблазнительный супъ. Невольно вспомнилъ онъ недавніе свои завтраки въ парижскихъ ресторанахъ, и хотя увѣрялъ себя, что ко всему можно привыкнуть, чувствовалъ, что это будетъ ему стоить страшной борьбы.

Глава дома былъ упрямъ; замѣтивъ все это, онъ ни на волосъ не измѣнилъ домашняго порядка. На счастье Іесто завтракъ былъ конченъ, посуда была пуста. Цисселакъ доѣдалъ остатки. Кость, лежавшая на днѣ посуды, серьезно занимала его. Къ его горю на ней не было мяса. Великанъ-Богемецъ кончилъ; былъ ли онъ сытъ — сомнительно! Онъ сталъ вытирать ложку о скатерть, за что̀ получилъ толчокъ отъ Натальи, и положилъ ложку на блюдо.

— Поди теперь къ своему господину и пошли ко мнѣ мою дочь, приказалъ воевода солдату, который тяжело поднялся, чтобъ исполнить приказаніе.

Аѳина вошла и взяла съ очага свой завтракъ.

Волкъ также получилъ свою часть. Іесто закурилъ.

— Ты забылъ, что сынъ въ присутствіи отца не смѣетъ курить безъ позволенія.

Іесто бросилъ закуренную папиросу въ огонь, поднялся со своего мѣста и вышелъ.

Спертый воздухъ хижины давилъ ему горло. Въ саду, благоухающемъ массой цвѣтовъ, ходилъ онъ взадъ и впередъ; въ немъ подымалось что-то, что̀ онъ тщетно хотѣлъ побороть. Желаніе скорѣй покинуть это мѣсто охватило его; онъ съ трудомъ удерживался отъ слезъ.

Аѳина догадывалась, что его волновало, потому что она вышла за нимъ, взяла его за руку и взглянула ему въ глаза. Какъ привѣтъ дорогаго друга тронулъ его этотъ взглядъ! Онъ ее нѣжно привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ въ дѣвственный лобъ.

— Отецъ добръ и благороденъ сердцемъ, но совсѣмъ иначе, чѣмъ ты, братъ; тебѣ будетъ тяжело привыкать къ намъ.

Сердечныя слова дѣвушки успокоили возвратившагося сына, какъ прохладительный напитокъ освѣжаетъ томимаго жаждой.

Она опустилась на каменную волчью конуру и заглянула черезъ окно на принца. Въ эту минуту тотъ зашевелился.

— Выздоровѣетъ ли онъ? спросила она Іесто, присѣвшаго рядомъ съ ней.

— Будемъ надѣяться, возразилъ онъ.—Еслибъ я только могъ уговорить отца пригласить доктора изъ Каттаро!

Аѳина покачала головой.

— Онъ этого не допуститъ.

— О, какъ меня возмущаетъ, что столько храбрыхъ солдатъ сдѣлались жертвой такого ужаснаго злодѣянія!

Аѳина посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Развѣ Михаилъ не былъ въ правѣ? Развѣ онъ не былъ обязанъ отомстить тому дерзкому охотнику, который осмѣлился меня поцѣловать?

Іесто схватилъ ее за руку.

— Конечно, это было дерзко и дурно со стороны парня, но онъ не ушелъ бы отъ справедливаго наказанія австрійскаго военнаго суда.

Сестра все еще его не понимала, хотя и старалась вникнуть въ смыслъ его словъ; ея собственное, ничѣмъ необъяснимое, чувство убѣждало ее въ томъ же; она чувствовала сожалѣніе не только къ Гиги и его товарищамъ, но испытывала его и къ другимъ врагамъ.

— Но жажда мести Михаила не была бы удовлетворена, еслибы случилось, что виновникъ не получилъ бы должнаго наказанія?

Слова Аѳины съ болью отозвались въ сердцѣ Іесто.

— Нѣтъ, ты подумай, сестра, сколько невинныхъ пострадало при этомъ; а развѣ преступленіе, сдѣланное солдатомъ, было такъ велико? Долженъ ли онъ былъ за это заплатить своею жизнью? Не жестоко ли за одинъ поцѣлуй отдать жизнь?

Аѳина вскочила.

— Братъ, братъ, что̀ съ тобой сдѣлалось?!

Она хотѣла убѣжать, но Іесто ее крѣпко удержалъ.

— Останься, сестра!

— Если ты такъ говоришь, я не должна тебя слушать. Перестанемъ объ этомъ. Въ томъ, что̀ случилось, ничего не измѣнишь. Мнѣ вотъ хотѣлось бы знать, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, который ты видѣлъ... Но если ты... Она умолкла и задумалась.

Іесто остался мраченъ. Сестра тоже не раздѣляла его понятій о человѣколюбіи, привитыхъ ему на Западѣ. Онъ все-таки началъ ей разсказывать о томъ, что̀ его такъ долго окружало и что̀ онъ привыкъ уважать и любить. Аѳина охотно слушала, но этотъ разсказъ ей не доставлялъ того удовольствія, о которомъ она прежде мечтала. Ея мысли были только полны тѣхъ новыхъ словъ, такъ противоположныхъ ея понятіямъ. Внезапно она прервала рѣчь брата и начала съ того, на чемъ они остановились. Словно испугавшись своихъ мыслей, она отодвинулась отъ Іесто и боязливо спросила:

— Ты оправдываешь того охотника; можетъ-быть ты самъ способенъ сдѣлать подобное и поцѣловать невѣсту другаго?

Іесто задрожалъ; совѣсть его не была чиста: если онъ не цѣловалъ невѣсту Гиги въ губы, то въ душѣ онъ тысячу разъ прижималъ ее къ своему сердцу, а это уже казалось ему преступленіемъ противъ десятой заповѣди.

Онъ обрадовался поэтому, когда Цисселакъ въ ту же минуту постучалъ въ окно, маня Аѳину къ себѣ.

Радостное удивленіе охватило дѣвушку, когда она вошла въ комнату и увидѣла перемѣну, происшедшую съ Гиги.

Глаза его были открыты и сознаніе, казалось, возвратилось.

— Онъ говоритъ, онъ говоритъ! шепнулъ ей радостно Богемецъ, невозможно коверкая слова,—проситъ пить.

Аѳина не понимала ни слова. Цисселакъ сдѣлалъ печальное лицо и старался движеніями объяснить, что̀ онъ сказалъ. Аѳина наконецъ поняла, выбѣжала изъ комнаты, быстро приготовила стаканъ лимонаду и возвратилась съ нимъ. Цисселакъ приподнялъ голову Гиги, и Аѳина влила ему ложкой въ ротъ нѣсколько капель.

Богемецъ взвылъ отъ радости, когда замѣтилъ, что принцъ проглотилъ напитокъ.

Взглядъ Гиги осмысленно остановился на Аѳинѣ; ея рука

немного дрожала; ей, казалось, что онъ ее узналъ и его блѣдныя губы шепчутъ ей слова благодарности, что̀ заставило радостно забиться ея сердце. Она подала еще ему лимонада и на этотъ разъ держала сосудъ:—раненый могъ теперь самъ сдѣлать изъ него глотокъ.

— Уснуть, уснуть! простоналъ онъ.

Цисселакъ опустилъ его голову на подушку, и живительный сонъ сомкнулъ его вѣжды.

* * *

Совершивъ дьявольскій поступокъ надъ гарнизономъ блокгауза, возвратились каменьщики ночью въ Каменоломню и мирно болтали о совершенномъ ими злодѣяніи. Наконецъ покойно заснули. Никакого намека на угрызеніе совѣсти они не чувствовали. Выспавшись отлично, они принялись утромъ за свои обычныя занятія. Какъ было обѣщано, Михаилъ принесъ имъ завтракъ и вручилъ нѣсколько червонцевъ. Само собой подразумѣвалось, что они будутъ молчать о совершенномъ ими и не потребуютъ отъ Михаила вторично вознагражденія.

Теперь онъ возвращался въ городъ, гдѣ извѣстіе о страшномъ происшествіи распространилось черезъ извощика, привезшаго Гиги и Іесто. Кровь бросилась Михаилу въ голову, когда онъ узналъ, что офицеръ спасенъ и находится въ домѣ воеводы; но онъ долженъ былъ быть очень остороженъ, чтобы скрыть свое участіе въ этомъ дѣлѣ. Онъ былъ увѣренъ, что въ родномъ городѣ не стали бы судить его за это, но королевскій судъ велитъ произвести розыскъ и принудитъ Черногорцевъ подвергнуть виновныхъ изгнанію. Чтобъ удостовѣриться, онъ направился въ домъ воеводы. Проклятіе!—въ дверяхъ стоялъ ненавистный охотникъ съ трубкой въ зубахъ.

Михаилъ попробовалъ заговорить съ нимъ, но солдатъ покачалъ головой,—онъ ни слова не понималъ изъ того, что̀ говорилъ Черногорецъ. Въ эту минуту вышелъ изъ дома Іесто, очень довольный, что оба написанныя имъ письма были не въ рукахъ у него, а въ карманѣ его кафтана, такъ что Михаилъ не могъ ихъ видѣть.

Одно изъ писемъ было адресовано принчипесѣ; въ немъ онъ осторожно сообщалъ ей о случившемся и говорилъ, что выѣдетъ ее встрѣтить къ первому пароходу изъ Тріеста въ Каттаро, чтобы проводить къ больному сыну, если она пожелаетъ его навѣстить. Второе было къ коменданту Каттаро; въ немъ онъ

обстоятельно излагалъ происшедшій случай, умалчивая однако имя злодѣя, такъ какъ не имѣлъ достаточныхъ доказательствъ. Зная, какъ легко возбудить месть своихъ земляковъ, онъ просилъ скрыть имя автора письма. Веттурино долженъ былъ отвезти оба эти письма въ городъ. Еслибы Михаилъ ихъ увидалъ, у него закралось бы подозрѣніе, и онъ силой взялъ бы ихъ у возницы на улицѣ.

Іесто не узналъ бы Михаила, котораго онъ оставилъ маленькимъ мальчикомъ, еслибы Наталья не назвала его, не скрывая своей нелюбви и къ нему и ко всей его роднѣ. Іесто пріятно было узнать, что старуха ненавидѣла Михаила; съ ея помощью онъ мечталъ убѣдить сестру отказаться отъ грубаго парня. Михаилъ, привѣтствуя его, протянулъ руку, которую Іесто, чтобы не обнаружить своей враждебности, принудилъ себя взять.

— Э, вотъ не ожидалъ, Іесто Пресаевичъ?! воскликнулъ Михаилъ,—добро пожаловать на родину. Когда ты вернулся?

Онъ притворился, что не знаетъ ничего о случившемся. Іесто разсматривалъ его.

— Я прибылъ въ Цетинье съ восходомъ солнца, спокойно отвѣчалъ онъ.

— Ха, ха, засмѣялся Михаилъ.—Такъ ты, вѣроятно, видѣлъ, какъ взорвали до высоты каменной монахини стадо австрійскихъ козловъ,—да, да, ты видишь братъ, Іесто Пресаевичъ, что мы живемъ все еще по пословицѣ: „Австрійскія козы летаютъ по воздуху!“

Іесто проницательно посмотрѣлъ на него; дерзкое поведеніе парня такъ его возмущало, что онъ не въ состояніи былъ скрывать свое отвращеніе.

— Да, я отлично разглядѣлъ мерзкій поступокъ мстительнаго парня; пусть же вся тяжесть злодѣянія падетъ на его голову!

Михаилу казалось, что онъ ослышался; но когда онъ собрался отвѣтить, Іесто уже исчезъ.

Съ досадой смотрѣлъ онъ въ окно; ничего подобнаго нельзя было ожидать отъ свободнаго Черногорца, но насмѣшливое лицо Натальи отогнало его, такъ что онъ ушелъ не видѣвъ Аѳины. Когда онъ скрылся изъ вида, Іесто отправился къ Веттурино, вручилъ ему оба письма, строго приказавъ держать ихъ скрытно. Возница обѣщалъ и отправился въ Каттаро.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КАКЪ ВЪ НАШЕ ВРЕМЯ БОРЮТСЯ ЗА РУССКУЮ ПРАВДУ И РЕВНУЮТЪ О БЛАГѢ РУССКАГО НАРОДА?

Нѣсколько словъ о русско-болгарскихъ отношеніяхъ.
(По поводу писаній г. Татищева.)

I.

Οὐδὲν' ἀδικεῖν δεῖ μή τί γε δὴ τοὺς φίλους.

Нашимъ друзьямъ въ славянскихъ земляхъ большею частію живется плохо. Въ Галиціи ихъ гонятъ Поляки, въ Венгріи Мадьяры, въ Австріи Нѣмцы, въ Турціи Турки; даже въ Болгаріи нашихъ друзей преслѣдуютъ сами же Болгары, находящіеся у власти, съ содѣйствіемъ нѣмецкаго принца. И въ Болгаріи друзьямъ Россіи всего хуже: многіе изъ нихъ разстрѣляны, другіе умерли въ тюрьмахъ, по всей вѣроятности не безъ посторонняго содѣйствія; многіе подвергались истязаніямъ, пыткамъ; вслѣдствіе недавняго процесса, этой пародіи на отправленіе правосудія, четверо повѣшены, другіе присуждены къ многолѣтнему заключенію и т. п. Счастливы, разумѣется сравнительно, тѣ, которые, разгадавъ хорошо характеръ нынѣшняго болгарскаго правительства, заранѣе оставили родину и поселились, кто гдѣ могъ, большею частію въ Россіи, въ надеждѣ, что Россія, принесшая столько жертвъ для освобожденія Болгарскаго народа, не покинетъ въ бѣдѣ тѣхъ изъ среды его, которые въ особенности преданы ей и идеѣ славянскаго братства вообще.

Разсчеты болгарскихъ эмигрантовъ, удалившихся въ Россію, не обманули ихъ. Здѣсь они встрѣчены всеобщимъ вниманіемъ,

какъ общества, такъ и правительства, нашедшаго для нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣло, которое они могутъ дѣлать съ пользой для Россіи: другимъ правительство оказываетъ вообще нравственную и даже матеріальную поддержку, потому что они оказались въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, именно преслѣдуя тѣ самыя цѣли, которыя преслѣдовала и Россія, освобождая Болгарію и раньше того Сербію, Грецію, Румынію отъ турецкаго ига.

И въ этомъ случаѣ мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выразить наше полное сочувствіе и уваженіе дѣйствіямъ тѣхъ лицъ въ средѣ правительства, отъ которыхъ зависѣло это оказаніе вниманія и поддержки болгарскимъ эмигрантамъ. Это не что̀ иное, какъ зерно брошенное въ землю, которое по милости Божіей не пропадетъ, а возродится и возвратится къ сѣятелю сторицей.

Но не такъ смотрятъ на эту поддержку эмигрантовъ со стороны нашего правительства враги Россіи и славянства. Ни Англичанамъ, ни Австрійцамъ, ни Мадьярамъ, а тѣмъ болѣе нынѣшнимъ болгарскимъ правителямъ она не только не нравится, но и возбуждаетъ въ нихъ нѣкоторыя опасенія. Въ особенности опасаются болгарскіе правители. Зная, подобно кошкѣ, чье они съѣли мясо, видятъ они, что не миновать имъ отвѣта за это дѣло. И отвѣтъ придется имъ давать не предъ Англіей, Австріей или Венгріей, а все предъ тою же Россіей, исконною покровительницей Славянъ Балканскаго полуострова, и можетъ-быть еще раньше этого предъ самимъ Болгарскимъ народомъ, который, несмотря на разстрѣливанія, истязанія, тюрьму и ссылку, все-таки не забылъ свою благодѣтельницу Россію и до сихъ поръ обращаетъ на нее свои взоры съ благодарностью за покровительство, оказываемое эмигрантамъ, выразителямъ чувствъ и стремленій, общихъ громадному большинству народа, и съ надеждой, что Россія такъ или иначе избавитъ его отъ правителей, которые покушаются свести къ нулю великій освободительный подвигъ Россіи.

И вотъ, какъ въ Англіи и Австро-Венгріи, такъ и въ Болгаріи въ средѣ правителей и ихъ сателлитовъ стали раздаваться голоса, что покровительство болгарскимъ эмигрантамъ Россія оказываетъ не спроста, а за тѣмъ, чтобы поддерживать смуту въ Болгаріи, которую она хочетъ поработить; и эмигранты играютъ при этомъ роль орудія, посредствомъ котораго Россія стремится достигнуть этой цѣли.

Подобныя рѣчи мы слыхали и прежде отъ австрійскихъ Нѣмцевъ, Мадьяръ и Поляковъ. Во всякомъ проявленіи неудовольствія порабощенныхъ ими народовъ, Сербовъ, Хорватовъ, Карпаторусовъ, Словаковъ и пр. они видѣли или лучше только указывали дѣйствіе русскаго рубля; а на эмигрантовъ, которые искали убѣжища въ Россіи, смотрѣли, какъ на бездѣльниковъ, неспособныхъ ни на что хорошее и честное, готовыхъ за деньги на всякія мерзости.

Все это понятно и въ порядкѣ вещей. Софійскіе правители, измѣнившіе вообще дѣлу славянства, продавшись исконнымъ врагамъ его, должны были и говорить однимъ языкомъ съ ними, должны были и свои злодѣянія оправдывать одинаковыми выдумками.—Все это, разумѣется, очень печально. И Нѣмцы, въ особенности австрійскіе вмѣстѣ съ Мадьярами, уже втихомолку потираютъ руки и подсмѣиваются надъ славянскою глупостью и политическою неспособностью. А въ Россіи противники національной политики внѣшней и внутренней говорятъ, что пора намъ убѣдиться въ несостоятельности этой политики, что война за освобожденіе Болгаріи была большою ошибкой, что Болгарія не стоила тѣхъ жертвъ, которыя Россія принесла за нее.—Мы думаемъ, что нѣмецко-мадьярское ликованіе и мрачные выводы нашихъ антинаціоналистовъ, всѣхъ этихъ полоно-юдо и германофиловъ, по крайней мѣрѣ, преждевременны: rira bien, qui rira le dernier.

Что въ Болгаріи нашлось нѣсколько предателей, которые по науськиванію Нѣмцевъ и Мадьяръ и съ ихъ поддержкой, посредствомъ обмана и насилія захвативъ власть и нашедши себѣ подходящаго князя. удерживаютъ ее посредствомъ террора, это не дѣлаетъ ей безчестья; это бывало и въ средѣ народовъ гораздо болѣе зрѣлыхъ въ политическомъ отношеніи. Наполеонъ III почти двадцать лѣтъ господствовалъ подобнымъ образомъ во Франціи. Испанскіе Стамбуловы подобнымъ же образомъ нашли себѣ государя между итальянскими принцами; но герцогъ Аостскій былъ умнѣе и честнѣе принца Фердинанда и, видя, что большинство народа его не желаетъ, заблаговременно ушелъ домой. А австрійскій принцъ Максимиліанъ, который при подобныхъ обстоятельствахъ не хотѣлъ уходить, а подобно принцу Фердинанду съ легкимъ сердцемъ подписывалъ смертные приговоры мексиканскимъ патріотамъ, окончилъ гораздо хуже. Мы не желаемъ принцу Фердинанду судьбы эрцгерцога Максимиліана; но

думаемъ, что это будетъ зависѣть только отъ него самого. Ему самому предстоитъ сдѣлать выборъ между участью герцога Аостскаго и участью эрцгерцога Максимиліана.[1] А чтобъ онъ противъ воли Болгарскаго народа удержался на княжескомъ престолѣ, это былъ бы случай не имѣющій примѣровъ въ исторіи, и въ особенности въ исторіи XIX вѣка; почти на нашихъ глазахъ рухнули подобные троны во Франціи (Наполеонъ III), въ Греціи (Оѳонъ), въ Испаніи (герцогъ Аостскій), въ Мексикѣ (Максимиліанъ) и пр. Будто же для Фердинанда Кобургскаго законы исторіи измѣнятся?

Итакъ, за Болгарію мы можемъ быть спокойны, и Россіи нечего стыдиться того, что̀ она сдѣлала и что̀ продолжаетъ дѣлать. Все это ей приноситъ честь, завоевываетъ ей все больше и больше симпатіи самыхъ образованныхъ народовъ міра и, главнымъ образомъ, такихъ, которые имѣютъ наиболѣе свободныя политическія учрежденія. Соединенные Штаты и республиканская Франція показываютъ все болѣе и болѣе сердечности въ своихъ отношеніяхъ къ монархической Россіи, освободительницѣ Болгаръ.

Очень вѣроятно, что тутъ res agitur, становится на карту будущность—совсѣмъ не Болгаріи или Россіи, а будущность политическихъ сіамскихъ близнецовъ, Австріи и Венгріи. Австрія, прикарманивъ Боснію и Герцеговину, весьма плотояднымъ окомъ посматриваетъ на Черногорію, Сербію и Болгарію. Не ошиблась бы! Желая прихватить чужаго, не растеряла бы своего. Изъ Галиціи бѣгутъ въ Россію не только тамошніе Русскіе, но даже и Поляки! Въ Семиградьѣ въ такомъ же положеніи находятся Румыны. Венгрія, какъ езопова лягушка, увидавшая вола, все стремится изобразить изъ себя что-то великое и важное и изо всей мочи раздувается, чтобы сравняться съ воломъ. Не лопнула бы! Угрорусы, Словаки, Хорваты—всѣ тянутъ врозь, а трансильванскіе Румыны громко говорятъ, что они завидуютъ своимъ единоплеменникамъ, находящимся подъ властью Россіи.—Правда, Мадьяры извѣстны своею храбростью; но они обнаруживаютъ ее, главнымъ образомъ, тогда, когда имѣютъ предъ собою противни-

[1] Г. Стамбуловъ также можетъ въ исторіи найти уроки полезные для себя. Пусть онъ хорошенько познакомится съ карьерой Сеяна и ея окончаніемъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбу не его одного, а и всѣхъ лицъ близкихъ къ нему. Въ русской исторіи пусть онъ познакомится съ карьерой Гетмана Брюховецкаго, который подобно ему устранялъ своихъ соперниковъ: Самка, Золотаренка и др.

ковъ безоружныхъ и притомъ въ меньшинствѣ. Четверо гонведовъ храбро нападаютъ на одного Добрянскаго и наносятъ ему тяжелое пораженіе. Цѣлый эскадронъ гусаръ нападаетъ на французское посольство, возвращающееся съ Раштадскаго конгресса, и посольство разбито на-голову: двое убиты, двое тяжело ранены. Сраженіе окончилось за недостаткомъ непріятелей. Россія также знакома съ храбростью Мадьяръ; она видѣла ее не разъ на равнинахъ Венгріи въ 1849 году, въ особенности на поляхъ Вилагоша. И во вниманіе къ этой храбрости она позволяетъ и Мадьярамъ, и Австрійцамъ интриговать въ Болгаріи, сколько имъ угодно. Но когда придетъ время, она противопоставитъ имъ русскую храбростъ и не допуститъ, чтобы посредствомъ Стамбулова и Фердинанда они свели къ нулю великій освободительный подвигъ, славное историческое дѣло, совершенное всѣмъ Русскимъ народомъ въ совокупности, начиная отъ царя, его дѣтей и сродниковъ до послѣдняго рядоваго, полгода назадъ оставившаго соху и борону.

И... Кто знаетъ? Можетъ-быть, всѣ эти обстоятельства приведутъ Россію къ убѣжденію, что наконецъ пора ей исполнить свой долгъ относительно значительной части Русскаго народа, вырваннаго судьбой изъ материнскихъ объятій,—что Русскому народу, освободившему своихъ единоплеменниковъ—двоюродныхъ братьевъ, пора подумать о своихъ родныхъ братьяхъ, тѣхъ, которые составляютъ плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, которые до сихъ поръ стонутъ подъ игомъ наиболѣе злыхъ враговъ Россіи: польской шляхты, Мадьяръ и австрійскихъ Нѣмцевъ. Можетъ-быть въ то время Россія вспомнитъ и о другихъ своихъ двоюродныхъ братьяхъ, обитающихъ въ бассейнѣ средняго Дуная, по теченію Савы и Дравы, по Адріатическому поморью, въ бассейнѣ Влтавы и даже на верховьяхъ Вислы. Тогда разсыплется эта бочка съ перегнившими обручами, которая называется Австріей, и езопова лягушка перестанетъ изображать изъ себя вола, или, употребляя другое сравненіе, степной шакалъ перестанетъ стремиться къ тому, чтобъ играть роль льва, пойметъ, что онъ только шакалъ и перестанетъ кусаться; а если не перестанетъ, то ему будетъ надѣтъ намордникъ покрѣпче того, который былъ надѣтъ въ сорокъ девятомъ году послѣ подвиговъ блистательной храбрости, оказанной при Вилагошѣ.—Русскій человѣкъ для подобныхъ случаевъ имѣетъ отличную пословицу, указывающую ему образъ дѣйствія: „ѣду, ѣду—не свищу, а наѣду не

спущу". Русскіе не задорны, не крикливы, свое дѣло дѣлаютъ спокойно и до времени не всякое лыко ставятъ въ строку. Но когда придетъ время, они свое дѣло сдѣлаютъ, свой долгъ исполнятъ. Пусть этого не забываютъ Австрійцы и въ особенности Мадьяры. Со времени 1849 г. Россія значительно выросла въ политическомъ отношеніи. Однако, возвращаясь къ прежнему, повторимъ, что касательно будущей судьбы Болгаріи мы можемъ быть спокойны: не удастся принцу Фердинанду основать здѣсь новую династію, а Нѣмцамъ и Мадьярамъ посредствомъ передоваго укрѣпленія, созидаемаго для нихъ софійскими правителями, наложить руку на христіанъ Балканскаго полуострова. Равнымъ образомъ честь и достоинство Россіи не пострадали и не пострадаютъ въ исторіи русско-болгарскихъ отношеній.

II.

Но во всей этой исторіи есть одна подробность, къ которой мы не можемъ относиться столь благодушно, которая должна дѣйствительно привести въ стыдъ всякаго Русскаго, если она останется безъ протеста. Мы разумѣемъ то отношеніе, въ которое наша soi disant патріотическая печать стала къ нынѣшнимъ болгарскимъ правителямъ и въ особенности къ болгарскимъ эмигрантамъ. Впрочемъ, тутъ почти исключительную роль играютъ произведенія одного „одушевленнаго любовью къ родинѣ, ревнующаго о ея благѣ русскаго независимаго писателя", котораго „всюду занимаетъ, озабочиваетъ, волнуетъ польза Россіи", который уже нѣсколько лѣтъ ведетъ „неустанную борьбу за русскую правду". Такъ характеризуетъ самъ себя этотъ писатель, г. Татищевъ, который, однако, не просто писатель, а вмѣстѣ съ тѣмъ дипломатъ; впрочемъ, дипломатъ не въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, не дипломатъ въ родѣ Талейрана или Меттерниха, то-есть лица, принадлежащаго къ дипломатическому корпусу какой-нибудь страны, но дипломатъ также независимый и самобытный. Онъ и въ печати является не просто писателемъ, а писателемъ-дипломатомъ, и свои бесѣды съ читателями называетъ не просто бесѣдами, а бесѣдами дипломатическими. [1]

[1] И, подписываясь подъ своими произведеніями съ обозначеніемъ времени, г. Татищевъ всегда употребляетъ два календаря—Юліанскій и Григоріанскій, напримѣръ, 1 (13) января, 20 декабря 1888 г. (1 января 1889), 28 февраля (12 марта) 1890 г.

Какъ дипломатъ, г. Татищевъ главнымъ образомъ поглощенъ проектомъ о завоеваніи Константинополя, который, впрочемъ, онъ намѣренъ завоевать не для себя, какъ когда-то сдѣлалъ это Балдуинъ Фландрскій, а для Россіи, чѣмъ безспорно доказывается его любовь къ отечеству и ревность о благѣ его, о которыхъ самъ онъ такъ много и такъ часто говорилъ въ печати.—Вопросъ о завоеваніи Константинополя, поднятый въ нашей литературѣ, имѣетъ весьма важное значеніе для характеристики образованія, политической зрѣлости и политической нравственности нашей такъ-называемой „интеллигенціи“ и, прежде всего, soi disant патріотической печати. Чрезвычайно любопытно, какъ эта идея изъ здравой и свѣтлой, какою она была въ умѣ Екатерины II и Потемкина, черезъ посредство писаній архинелѣпаго соціалиста Фурье и его русскихъ почитателей, воображавшихъ, что можно соединить въ одну систему славянофильство и фурьеризмъ, перешла въ антинаціональную идею „патріотовъ“ и славянофиловъ послѣдней формаціи, воображающихъ, что можно соединить славянофильство и русскій патріотизмъ съ маккіавелизмомъ и политическимъ бреттерствомъ въ бонапартовскомъ вкусѣ, а подчасъ даже съ нигилизмомъ и пройдошествомъ. Но вопроса о завоеваніи Константинополя нашими якобы патріотическими публицистами и журналами мы здѣсь не коснемся, хотя онъ представляетъ первую [1] причину, отъ которой произошли дальнѣйшія оригинальныя отношенія г. Татищева къ представителямъ болгарскихъ партій. Константинополь завоевать трудно, если Болгарія не будетъ съ нами заодно, а въ особенности, если она намъ будетъ враждебна. Итакъ, надобно прежде всего обезпечить себѣ содѣйствіе Болгаріи. Только какъ сдѣлать это? Нравственными мѣрами, политикой доброжелательства къ Болгаріи? Но Россія уже сдѣлала для Болгаріи такъ много добра, какъ она не дѣлала ни для кого. И, несмотря на то, нынѣшняя оффиціальная Болгарія измѣнила Россіи и очевиднымъ образомъ не просто тяготѣетъ къ Нѣмцамъ и Мадьярамъ, но предалась, или точнѣе, продалась имъ духомъ и тѣломъ.

А между тѣмъ, по ученію славянофиловъ новѣйшей формаціи и независимыхъ дипломатовъ, въ числѣ которыхъ г. Татищевъ

[1] Первую причину, собственно объективную. Дальше мы увидимъ еще одну причину, субъективную, можетъ-быть, болѣе важную, по крайней мѣрѣ, болѣе интенсивную.

занимаетъ видное мѣсто, намъ предстоитъ столкновеніе съ враждебною намъ Европой. Это ученіе принадлежитъ собственно Данилевскому, основателю одного изъ согласій неославянофильства, и вошло въ общую часть катехизиса неославянофиловъ, которые вслѣдствіе этого не только не стараются какъ-нибудь отклонить это столкновеніе, сдѣлать его невозможнымъ, уничтожить причины, которыя могли бы повести къ нему, но очевиднымъ образомъ накликаютъ его. Это имъ нужно для доказательства ихъ теоріи „неославянофильства", по которой непремѣнно должна быть война между Россіей и Европой всею въ совокупности, или въ „цѣлокупности", выраженіе, которое они находятъ и ученѣе и патріотичнѣе.

Итакъ, какимъ же образомъ можно навѣрное заручиться содѣйствіемъ Болгаръ, какъ для завоеванія Константинополя, такъ и для войны съ „цѣлокупною Европой"? Доброжелательная политика не помогаетъ: такъ надобно занять Болгарію, оккупировать ее? Нѣтъ; это метода австрійская. А г. Татищевъ славянофилъ; Австрійцевъ онъ не любитъ. И кромѣ того, онъ—дипломатъ самобытный не только по положенію, но и по отношенію къ наукѣ. Общепризнаваемой науки международнаго права онъ не признаетъ. Гроцій, Пуфендорфъ, Ватель и др. для него не существуютъ. У него своя оригинальная система международнаго права, въ которую входитъ, какъ часть, теорія исключительнаго значенія „матеріальныхъ гарантій". Эта теорія требуетъ, чтобы Россія овладѣла двумя важнѣйшими позиціями въ Болгаріи; и выборъ его становится на Варнѣ и Бургасѣ. И вотъ онъ, не много думая, поѣхалъ въ Болгарію, надѣясь убѣдить гг. Стамбулова и его консортовъ примириться съ Россіей, заплативъ предварительно за миръ Варной и Бургасомъ. Что Россію онъ облагодѣтельствовалъ бы этою конвенціей, въ этомъ онъ не сомнѣвался; вѣроятно предъ его умственными очами уже носилось представленіе о томъ, какъ онъ, подобно Ермаку Тимоѳеевичу, билъ бы челомъ, если не Москвѣ, то Петербургу двумя крѣпостями и Болгаріей, приведенною имъ подъ высокую руку Русскаго царя. Можетъ-быть, въ умѣ онъ сравнивалъ себя уже съ Колумбомъ, Фернандомъ Кортесомъ и Пизарромъ, которые также били челомъ испанскимъ государямъ новыми землями, добытыми посредствомъ открытія или завоеванія. Но тонкимъ дипломатическимъ соображеніямъ г. Татищева не суждено было осуществиться. Софійскіе правители оказались не податливыми,

и представленіе, которое составилъ себѣ нашъ независимый дипломатъ о положеніи дѣлъ и о расположеніяхъ людей, оказалось неправильнымъ, хотя, впрочемъ, какую-то часть программы г. Татищева болгарскій диктаторъ одобрилъ, какъ увѣряетъ самъ г. Татищевъ, вѣроятно ту часть, которая касается завоеванія Россіей Константинополя. Стамбулову, очевидно, не жаль было поступиться въ пользу г. Татищева чужимъ добромъ. И это, повидимому, еще увеличило довѣріе г. Татищева къ узурпатору и недовѣріе къ его противникамъ.

По крайней мѣрѣ, публикуя о своей экспедиціи въ Болгарію, г. Татищевъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣды со Стамбуловымъ, нашелъ возможнымъ подвергнуть усиленному [1] порицанію болгарскихъ эмигрантовъ, представляя ихъ какими-то проходимцами, для которыхъ нѣтъ ничего святаго. За это, равно какъ за поѣздку къ Стамбулову, его самого многіе не похвалили; общество было изумлено, что въ средѣ его объявился новый потентатъ и началъ переговоры съ иностраннымъ государствомъ объ интересахъ Россіи. Другіе говорили даже, что онъ предъ лицомъ болгарскихъ правителей выдавалъ себя за конфиденціальнаго повѣреннаго русскаго правительства, что впослѣдствіи было подтверждено и стамбуловскимъ журналомъ *Свободой*. Если это справедливо въ какой бы то ни было мѣрѣ, то порицаніе, котораго достоинъ г. Татищевъ, должно быть очень велико. Самъ г. Татищевъ увѣряетъ, что онъ выдавалъ себя только за представителя мысли всего общества; но и въ этомъ случаѣ вина его едва ли значительно уменьшается, потому что общество не давало ему никакихъ полномочій и не раздѣляло и не можетъ раздѣлять его воззрѣній

Но, какъ бы то ни было, въ неудачѣ, постигшей г. Татищева, платить за разбитую посуду онъ заставилъ болгарскихъ эмигрантовъ. Причина тутъ состояла въ томъ, что ему нужно было какъ-нибудь оправдаться въ начатіи дипломатическихъ сношеній съ г. Стамбуловымъ, который къ тому времени уже вполнѣ достаточно обнаружилъ свои политическія отношенія, начавъ систему террора по отношенію къ своимъ согражданамъ и допустивъ массами русскихъ революціонеровъ въ Болгарію и даже въ болгарскую службу и не препятствуя имъ даже въ Рущук-

---

[1] Нѣсколько раньше этого г. Татищевъ нападалъ на нихъ въ сочиненіи «Россія и Болгарія».

скомъ казенномъ арсеналѣ выдѣлывать динамитныя бомбы.—Все это могло бы открыть глаза г. Татищеву, разъяснить ему, что русскому дипломату не приходится хлопотать о сближеніи со Стамбуловымъ. Да съ кѣмъ же изъ предводителей болгарскихъ партій намъ искать сближенія, оправдывается г. Татищевъ, не съ эмигрантами же, которые увѣряютъ, что они полагаютъ спасеніе Болгаріи въ покровительствѣ и въ дружбѣ Россіи? „Я не вѣрю, говоритъ г. Татищевъ, ихъ увѣреніямъ“.

Вотъ въ чемъ сущность дѣла: г. Татищевъ не вѣритъ эмигрантамъ, не вѣритъ и во всеуслышаніе заявляетъ объ этомъ. Причинъ, почему г. Татищевъ не вѣритъ, онъ не разъясняетъ. Въ общихъ выраженіяхъ онъ намекаетъ на какія-то неодобряемыя имъ отношенія къ Россіи наиболѣе видныхъ изъ эмигрантовъ, но тутъ же допускаетъ, что эти отношенія можно понимать и иначе. А ихъ именно нужно понимать иначе; тѣ факты, на которые онъ намекаетъ, именно доказываютъ только одно, что старшина болгарскихъ эмигрантовъ, г. Цанковъ, прежде всего служа Болгаріи, въ то же время служилъ Россіи не только честнымъ, но и въ высшей степени предусмотрительнымъ и дальновиднымъ образомъ; и при этомъ оказывалъ столько гражданскаго мужества, сколько не часто приходится видѣть въ жизни. Мы разумѣемъ здѣсь то гражданское мужество, съ которымъ сначала онъ противился отмѣнѣ Тырновской конституціи, а впослѣдствіи употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобъ она была возстановлена. Здѣсь именно онъ показалъ себя предусмотрительнымъ государственнымъ человѣкомъ и честнымъ, прямымъ приверженцемъ Россіи. Еслибъ его мнѣнія были въ свое время приняты во вниманіе, то положеніе Болгаріи теперь было бы совсѣмъ другое. Ни князя Фердинанда, ни г. Стамбулова тамъ во главѣ правительства не было бы, и Болгары не имѣли бы причины съ сожалѣніемъ вспоминать о турецкомъ владычествѣ. Эту его предусмотрительность и гражданское мужество помянетъ, какъ слѣдуетъ, исторія. Но у него не эта одна заслуга; вся его жизнь была непрерывнымъ подвигомъ службы на пользу своего народа и, слѣдовательно, всего славянства еще въ то время, когда г. Татищевъ худо различалъ Черногорцевъ отъ Мадегассовъ и Караибовъ, что̀, впрочемъ, было не въ періодѣ его дѣтства, а въ то время, когда онъ началъ уже свою общественную дѣятельность, какъ онъ самъ когда-то заявилъ. И это не была служба чиновника, аккуратно являющагося ежедневно

на службу и еще аккуратнѣе являющагося ежемѣсячно къ казначею за полученіемъ жалованья; это была служба, сопряженная съ опасностями, съ рискомъ попасть не только въ тюрьму, но и на висѣлицу, куда дѣйствительно и угодили многіе изъ его сотрудниковъ.

Вотъ въ чемъ заключается право всѣхъ этихъ людей на то, чтобъ имъ вѣрили, чтобы никто, уважающій самъ себя, не посмѣлъ сказать: я имъ не вѣрю, какъ сдѣлалъ г. Татищевъ.

Вы имъ не вѣрите, а почему же мы или кто-нибудь другой будетъ вѣрить вамъ самимъ, когда вы, даже не находя нужнымъ хоть какъ-нибудь маскировать свое хвастовство, во всеуслышаніе возглашаете, что въ основѣ вашихъ независимыхъ дипломатическихъ сношеній, а также вашихъ писаній, лежитъ то, что васъ будто бы „въ Болгаріи, какъ и всюду, занимаетъ, озабочиваетъ и волнуетъ польза Россіи“, что вы, „одушевленный любовью къ родинѣ, ревнующій о ея благѣ русскій независимый писатель“, и будто бы уже давно ведете „неустанную борьбу за русскую правду“. Мы не знаемъ другаго примѣра подобнаго ничѣмъ не прикрытаго хвастовства; и всякій согласится, что подобное хвастовство не вызываетъ довѣрія, тѣмъ болѣе, что политику нравственныхъ началъ г. Татищевъ не одобряетъ и называетъ разумнымъ въ международной политикѣ то, что̀ другіе не менѣе независимые русскіе публицисты называютъ безнравственнымъ, такъ что въ международной политикѣ онъ отказывается „различать добро отъ зла, добродѣтель отъ порока“, и т. д.

Ну, что̀, если, въ самомъ дѣлѣ, въ своихъ отношеніяхъ какъ къ Стамбулову, такъ и къ эмигрантамъ г. Татищевъ руководится этими принципами, слѣдуя Маккіавелли, котораго слава, очевидно, отнимаетъ у него сонъ, именно здѣсь, не различая добра отъ зла, добродѣтели отъ порока, нравственнаго отъ безнравственнаго? Мы очень склонны думать, что все это такъ именно и есть. Здѣсь именно область „международной политики“, для которой г. Татищевъ проектируетъ свою методу, независимую отъ предписаній чести и совѣсти.

III.

Есть и другія причины болѣе настоятельныя, которыя не позволяютъ намъ вѣрить въ патріотизмъ г. Татищева. Прежде всего бросается въ глаза его отношеніе къ болгарскимъ партіямъ. Уже давно для всѣхъ ясно, которая изъ нихъ тянетъ въ ту или

другую сторону. Что Стамбуловъ другъ не Россіи, а Австріи—это обнаружилось съ самаго начала его диктаторства, обнаружилось самымъ несомнѣннымъ образомъ; это поняла вся Европа, не только дипломаты, но и вся большая публика и журналистика. Потому враждебныя Россіи и Болгаріи газеты въ Австріи, Венгріи, Германіи и Англіи, лишь только Стамбуловъ вступилъ въ управленіе, всѣ сразу, какъ будто по командѣ, повернули фронтъ и стали высказывать симпатіи болгарскому правительству. Не могъ не понять этого и г. Татищевъ.

Съ другой стороны, что противники Стамбулова не принадлежатъ къ друзьямъ Австро-Венгріи и ея союзниковъ, а принадлежатъ къ друзьямъ Россіи, въ этомъ также невозможно никакое сомнѣніе. И если г. Татищевъ позволилъ себѣ во всеуслышаніе утверждать, что ихъ преданность началась только съ того времени, какъ они потеряли власть, то этого онъ не подтвердилъ ни однимъ фактомъ; напротивъ, ему самому извѣстны факты противуположные; такъ, Цанковъ еще въ 1880 г. при князѣ Александрѣ, будучи первымъ министромъ, не поколебался противодѣйствовать политикѣ князя, враждебной Россіи и благопріятной для Австріи, и вслѣдствіе этого потерялъ власть, такъ что утвержденіе г. Татищева находится въ полномъ и очевидномъ противорѣчіи съ фактами. Самъ г. Татищевъ признается, что болгарскіе народники, то-есть та партія, во главѣ которой стоитъ Цанковъ, „признавали великія услуги, оказанныя Россіей ихъ отечеству, понимали, что и въ будущемъ осуществленіе народныхъ желаній зависитъ отъ благорасположенія державы-освободительницы“.—Въ другомъ мѣстѣ онъ самъ называетъ ихъ „исконными приверженцами Россіи“. Если г. Татищевъ нашелъ, что прежде онъ ошибался, то онъ долженъ былъ высказать это и привести причины, вслѣдствіе которыхъ онъ перемѣнилъ мнѣніе; но этого онъ не сдѣлалъ въ надеждѣ, что у насъ въ печати все сойдетъ!—Дѣло представляется весьма неблаговиднымъ!

Также смотрѣли на народниковъ и на главу ихъ всѣ здравомыслящіе и дѣйствительно оберегавшіе интересы Россіи наши дипломатическіе агенты, какъ г. Кумани; а позднѣйшій взглядъ г. Татищева на эмигрантовъ, взглядъ тенденціозный, противорѣчащій и взгляду, раньше высказанному, и фактамъ, раздѣляютъ только такіе фатальные наши уполномоченные, какъ генералъ Эрнротъ, или австрійскій агентъ Бурьянъ и его коллеги въ Софіи, представители державъ тройственнаго союза и,

разумѣется, всѣ враждебные Россіи органы печати въ Австріи, Венгріи, Англіи, Германіи и т. д. Что Цанковъ никогда непереставалъ быть приверженцемъ Россіи, это доказывается тѣмъ, что, когда вскорѣ послѣ переворота 1881 г., князь Александръ, самымъ наглымъ образомъ обманывая русское правительство, увѣряя его въ преданности, началъ вполнѣ открыто дѣйствовать въ пользу Австро-Венгріи, изъ друзей которой составилъ министерство, въ то время онъ сослалъ Цанкова въ ссылку за то, что Цанковъ усиленно старался раскрыть русскому агенту глаза на характеръ дѣйствій князя.

Не только дипломатъ, но и самый простой, частный человѣкъ, ἰδιώτης, пойметъ, что въ этомъ случаѣ былъ сосланъ не другъ князя и Австріи, а другъ Россіи.

Между тѣмъ, г. Татищевъ не находитъ достаточно словъ для того, чтобы чернить г. Цанкова, — повторяемъ, не приводя ни одного факта, который давалъ бы ему это право.

Одинаковую участь съ Цанковымъ раздѣляютъ и всѣ другіе эмигранты, между прочимъ, тѣ, которые въ 1886 году низвергли князя Александра. Это событіе всякому извѣстно. Князь былъ низвергнутъ тогда, когда для всѣхъ стало ясно, что онъ ведетъ политику враждебную Россіи.

Стало-быть, низверженіе это сдѣлано никакъ не друзьями Австріи и врагами Россіи, а совсѣмъ наоборотъ. И виновниками этого дѣла были не люди, находившіеся не у дѣлъ, а люди, занимавшіе видныя мѣста,—несмотря на свою молодость имѣвшіе впереди блестящую будущность, такъ какъ князь очень цѣнилъ ихъ, признавая ихъ за лучшихъ офицеровъ болгарской арміи. Очевидно, ихъ дѣйствіями руководили не личные разсчеты, а дѣйствительно здоровый патріотизмъ, ясный какъ солнечный свѣтъ, патріотизмъ, которымъ и хвастаться, который выставлять наружу они, подобно г. Татищеву, не имѣли надобности, такъ какъ и безъ того его всѣ видѣли, въ немъ никто не сомнѣвался.

Вотъ каковы тѣ эмигранты, къ которымъ г. Татищевъ относится непріязненно, которыхъ онъ порицаетъ голословно, на которыхъ онъ *клевещетъ*. Мы должны употребить это слово потому, что утвержденія г. Татищева заключаютъ въ себѣ именно клевету, которая тѣмъ гнуснѣе, что она относится къ людямъ не только безкорыстно, но и самоотверженно служившимъ своей родинѣ, которая теперь, подобно евангельскому путнику, „впаде въ разбойники“. Русское правительство къ этому путнику, котораго

личность воплотили въ себѣ болгарскіе эмигранты, отнеслось какъ добродѣтельный Самарянинъ, а г. Татищевъ покушается отнять у нихъ послѣднее, чего не могли отнять и разбойники,— честь и доброе имя.

Не мудрено, что къ этимъ разбойникамъ и въ особенности къ ихъ атаману г. Татищевъ обнаруживаетъ чувства противоположныя, — полное сочувствіе. Они, по его мнѣнію, нисколько не узурпаторы, они законные правители Болгаріи, они *представители большинства* (!)—избранники его; а атаманъ ихъ, „вождь Болгарскаго народа"; такъ называетъ его г. Татищевъ. Говорятъ, что они удерживаютъ власть съ помощію террора; это только такъ кажется, возражаетъ г. Татищевъ, съ точки зрѣнія Страстнаго бульвара, то-есть редакціи *Московскихъ Вѣдомостей.*

Но это утверждаютъ не однѣ *Московскія Вѣдомости;* это утверждаетъ вся Европа, не только газеты французскія, но и австрійскія и даже германскія, а русскія періодическія изданія почти всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, въ которыхъ находятъ себѣ мѣсто писанія г. Татищева. Даже *Новое Время*, служащее главною ареной его дипломатически-литературныхъ подвиговъ, въ послѣдніе дни, послѣ недавнихъ казней въ Софіи, Стамбулову не даетъ другаго имени, какъ разбойникъ, какъ Равашоль, грабитель-убійца престарѣлыхъ стариковъ и старухъ. Но послѣднія казни не представляютъ какого-нибудь измѣненія въ отношеніяхъ г. Стамбулова къ его согражданамъ. Все его управленіе отъ самаго начала сопровождается казнями, которыхъ столько не было и при Туркахъ. Не даромъ Болгары при Стамбуловѣ жалѣютъ о турецкомъ владычествѣ; и это говорятъ не эмигранты, и не дипломаты наши, bête noire г. Татищева, а французскія газеты, а за ними газеты всего міра.

Стамбуловъ, по словамъ г. Татищева, не только не террористъ, не узурпаторъ, не только законный правитель Болгаріи, но, кромѣ того, человѣкъ умный, на что̀ г. Татищевъ въ особенности напираетъ.

Г. Татищеву извѣстны равашолевскіе подвиги г. Стамбулова и компаніи, но онъ старается касаться ихъ какъ можно меньше, что̀ называется, глаза отводитъ читателю, внушая ему, что все это междуусобныя распри болгарскихъ партій, это ихъ „внутреннія дѣла", въ которыя Россія не должна де мѣшаться, забывая, что во время турецкаго владычества именно такія же самыя

„внутреннія дѣла“ были причиной начатія войны Россіи съ Турціей въ 1877 г.

Кромѣ указанныхъ выше добродѣтелей, Стамбуловъ отличается еще искренностью и неустанною заботливостью о благѣ Болгаріи; это патріотъ, котораго, какъ г. Татищева, всюду „занимаетъ, озабочиваетъ, волнуетъ“ польза отечества. И приглашая принца Кобургскаго княжить въ Софіи, онъ чистосердечно думалъ послужить ему на пользу и „пригласитъ принца удалиться, когда убѣдится, что этого требуетъ благо Болгаріи“.

Просто Стамбуловъ—министръ необыкновенный; не знаемъ, съ кѣмъ сравнить его: съ Сюлли, Кольберомъ или Тюрго. Повидимому, онъ даже превзошелъ ихъ всѣхъ, или въ одной своей личности соединяетъ качества всѣхъ этихъ министровъ. По словамъ г. Татищева, Стамбуловъ со своими сотрудниками въ четыре года управленія страной уже достигъ блестящихъ результатовъ: „финансы въ удовлетворительномъ состояніи“; въ странѣ замѣчается „всеобщее довольство и быстрое возрастаніе и развитіе производительныхъ силъ“. Во всемъ этомъ убѣдился г. Татищевъ, проживъ два или три дня въ софійской гостиницѣ и получая свѣдѣнія исключительно отъ г. Стамбулова и компаніи, да отъ дипломатическихъ агентовъ тройственнаго союза!

Такова честь, которую воздаетъ г. Татищевъ Стамбулову, такова оцѣнка дѣятельности болгарскаго Кольбера-Равашоля со стороны русскаго независимаго публициста-дипломата.

Въ особенности поразительною представляется эта характеристика и эта оцѣнка, если сопоставить ее съ характеристикой болгарскихъ эмигрантовъ, этихъ „исконныхъ приверженцевъ Россіи“, которыхъ товарищи и соучастники „кровью своею мужественно запечатлѣли вѣрность Россіи“ (все это выраженія самого г. Татищева), которые и сами рисковали такимъ же или подобнымъ окончаніемъ своей политической карьеры. О Цанковѣ уже начато слѣдственное дѣло въ софійской прокуратурѣ и отложено въ сторону только потому, что онъ живетъ въ Россіи; а если онъ попадется въ руки стамбуловской компаніи, подобно Каравелову, то она не поколеблется распорядиться съ нимъ, какъ распорядилась съ подсудимыми недавняго процесса.

Совершенно непостижимо, какимъ образомъ русскій человѣкъ могъ подобнымъ образомъ характеризовать болгарскихъ дѣятелей. Врагъ Россіи, клеветникъ ея и ея правительства, другъ и покровитель русскихъ революціонеровъ-динамитчиковъ, оказывается

одареннымъ всѣми добродѣтелями, оказавшимъ неоцѣненныя заслуги родинѣ, умнымъ, честнымъ и искреннимъ; а „исконные приверженцы Россіи", изъ которыхъ одни свою преданность Россіи запечатлѣли кровью, а другіе заключеніемъ въ тюрьмѣ, ссылкой и, наконецъ, изгнаніемъ, оказываются сосудомъ всякихъ пороковъ, своекорыстны, лживы и т. п. Чѣмъ подкупили въ свою пользу г. Татищева Стамбуловъ и соучастники его преступленій и чѣмъ вооружили его противъ себя г. Цанковъ и соучастники его трудовъ?

Но... мы еще не окончили съ нападеніями г. Татищева на нашихъ „исконныхъ" друзей; приведенною выше характеристикой болгарскихъ эмигрантовъ онъ не довольствуется. Немного помѣшкавъ и подумавъ, онъ выступаетъ противъ нихъ съ новыми клеветами, усиленными. На этотъ разъ они уже не просто лжецы, а убійцы; бывшіе министры, начальники учебныхъ заведеній, лучшіе офицеры болгарской арміи, превратились одни въ убійцъ изъ-за угла, другіе въ организаторовъ убійствъ и, что̀ всего характернѣе, этими убійцами пользуется русское правительство, какъ козырями въ своей дипломатической игрѣ. Г. Татищевъ дипломатъ и старается выражаться осторожно, хотя совсѣмъ не двусмыленно. Но у него нашелся послѣдователь въ петербургской журналистикѣ, проф. Трачевскій. Гдѣ профессорствуетъ г. Трачевскій, мы не знаемъ. Но печатаетъ онъ свои произведенія въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ*, журналѣ направленія космополитическаго и радикальнаго, въ то время, какъ г. Татищевъ печатаетъ исключительно въ журналахъ умѣренныхъ, аккуратныхъ и архипатріотическихъ. Крайности сошлись, космополитъ профессоръ говоритъ то же самое, что̀ „патріотъ" дипломатъ, но говоритъ прямымъ и откровеннымъ способомъ. Онъ даже не старается маскировать своей мысли, что непосредственная организація убійствъ принадлежитъ эмигрантамъ, а первое возбужденіе ихъ принадлежитъ русскому правительству; прямо высказываетъ, что какъ только русское правительство получило съ Болгаріи 10 милліоновъ, тотчасъ же организаторы убійствъ усилили свою дѣятельность.— Къ подобнымъ писаніямъ нашихъ профессоровъ мы привыкли.

Но г. Татищевъ единственный изъ русскихъ дипломатовъ, оказывающій такую горячую преданность и содѣйствіе всѣмъ врагамъ Россіи, въ виды которыхъ входятъ клеветы противъ болгарскихъ эмигрантовъ и противъ русскаго правительства. Появленіе его писаній совершенно непонятно безъ дѣйствія какой-нибудь посторонней причины. И причина эта уже указана.

IV.

Болгарскіе эмигранты, вынужденные опровергать клеветы г. Татищева, совершенно логически приведены были къ тому, что должны были указать истинный ихъ источникъ, который состоитъ въ ненависти г. Татищева къ тѣмъ высшимъ представителямъ нашей администраціи, отъ которыхъ зависитъ отношеніе нашего правительства къ эмигрантамъ. Это указаніе было сдѣлано не въ видѣ предположенія, а въ видѣ факта заподлинно извѣстнаго лицу, писавшему опроверженіе. Это былъ самъ старшина эмигрантовъ г. Цанковъ, которому ни одинъ честный человѣкъ не можетъ отказать въ самомъ безусловномъ довѣріи.—Но кто захочетъ познакомиться съ этимъ дѣломъ au fond, тотъ и самъ неизбѣжнымъ образомъ придетъ къ тому же самому убѣжденію.

Журнальныя писанія, въ которыхъ г. Татищевъ высказывалъ свои клеветы противъ болгарскихъ эмигрантовъ, напечатаны отдѣльными изданіями, и читатель ихъ съ первой страницы приходитъ къ мысли, что авторомъ *борцомъ за русскую правду* руководитъ не истина, не раскрытіе и доказательство ея, а что-то другое, желаніе кого-то уколоть, осмѣять, унизить, представить въ худомъ свѣтѣ. Съ каждою страницей мысль г. Татищева уясняется, все болѣе и болѣе демаскируется, и, наконецъ, становится вполнѣ ясною, неотразимою, категорически-императивною. И почти съ самого начала видно, что мишенью всѣхъ этихъ дипломатическихъ выстрѣловъ служитъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ, „наша дипломатія“, какъ онъ выражается. Изрѣдка вмѣсто „наша дипломатія“ г. Татищевъ говоритъ прямо: „Азіятскій департаментъ“; изъ персонала центральнаго управленія, сколько мы помнимъ, онъ называетъ только г. Гирса. Вотъ кто составляетъ предметъ его нападеній, которыя онъ дѣлаетъ едва ни на каждой страницѣ съ помощію всякаго рода инсинуацій, остротъ, оскорбительныхъ выраженій и т. п. — Русская дипломатія, говоритъ, напримѣръ, г. Татищевъ, не принимая никакихъ мѣръ, смотрѣла на эти событія *меланхолически;* или въ другомъ мѣстѣ: наша дипломатія ограничилась въ этомъ случаѣ нотами *въ элегическомъ* тонѣ. Другой разъ чувство гнѣва къ дипломатіи у него беретъ верхъ надъ стремленіемъ къ ироніи; и являются такія выраженія, какъ „допотопные дипломаты“, „политиче-

скіе ремесленники" и т. п., иногда министерство иностранныхъ дѣлъ лишается своего названія и называется „Посольскимъ приказомъ". Такъ чиновнику, котораго желаютъ уколоть, даютъ названіе приказнаго или подьячаго.

Чтобы лучше оттѣнить допотопныя свойства дѣятелей „Посольскаго приказа", г. Татищевъ нарочно сопоставляетъ съ ними новонародившійся типъ дипломата, именно кн. Бисмарка, который счастливымъ образомъ соединяетъ въ себѣ свойство выдающагося дипломата и выдающагося публициста. Бисмаркъ, по словамъ г. Татищева, былъ будто бы первымъ государственнымъ человѣкомъ, постигшимъ ту пользу, которую дипломатія можетъ извлечь изъ печатнаго слова! Все это въ высокой степени курьезно! И, безъ сомнѣнія, всѣ эти прямыя и косвенныя нападенія на „Посольскій приказъ" г. Татищевъ считаетъ критикой. Мы отнеслись бы къ писанію г. Татищева съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ, еслибы въ немъ была дѣйствительная критика. Наши законы даютъ всякому право печатно обсуждать дѣйствія правительства, не только хвалить ихъ, но и порицать. Такое отношеніе печати къ дѣятельности правительства могло бы имѣть послѣдствія весьма благотворныя. Но у г. Татищева никакой критики нѣтъ; у него есть только, какъ мы сказали, покушенія острить, инсинуаціи, оскорбительныя выраженія и, кромѣ того, постоянное самовозвеличеніе, хвастовство своею службой русской правдѣ, преданностью интересамъ отечества и добросовѣстностью своихъ литературныхъ трудовъ, имѣющихъ цѣлью указать направленіе для дѣятельности нашего дипломатическаго вѣдомства, нынѣшніе представители котораго, по словамъ г. Татищева, будто бы, способны только на ошибки и заблужденія.

Было бы тутъ отъ чего русскому патріоту придти въ отчаяніе, еслибы г. Татищевъ не бросилъ ему лучъ надежды на то, что состояніе нашей дипломатіи легко можетъ измѣниться, что, „закоренѣлые въ своихъ ошибкахъ", политическіе ремесленники могутъ уступить мѣсто дипломатамъ новаго типа, первымъ представителемъ котораго явился Бисмаркъ. — Кто другіе представители этого типа, объ этомъ г. Татищевъ не говоритъ и, разумѣется, въ средѣ нашего „Посольскаго приказа" ихъ искать нечего. Ихъ нужно искать тамъ, гдѣ народился и Бисмаркъ,— въ средѣ дипломатовъ-публицистовъ, и именно такихъ, которые раздѣляютъ его идеи, высокій полетъ его мысли. Таковымъ точно представляется прежде всего и исключительно нашъ независимый

дипломатъ-публицистъ, г. Татищевъ. Эта мысль носится надо всею совокупностью его дипломатическихъ писаній. Г. Татищевъ дѣйствительно не безъ дипломатическаго искусства проводитъ ее, даетъ читателю понять, что только два человѣка въ мірѣ служатъ сосудами всѣхъ качествъ, необходимыхъ для истиннаго дипломата: Бисмаркъ и онъ — г. Татищевъ, и что кромѣ него некому замѣстить нашихъ политическихъ ремесленниковъ. А замѣстить ихъ необходимо, потому что они „никогда не повинятся въ своихъ заблужденіяхъ“, несмотря на всѣ старанія г. Татищева вразумить ихъ.—Старанія эти проявляются въ его „Историческихъ изслѣдованіяхъ“, имѣющихъ задачей разъяснить нашимъ дипломатамъ, какъ общіе принципы дипломатіи, такъ сущность и способы рѣшенія стоящихъ на очереди отдѣльныхъ вопросовъ. Все это высказываетъ самъ г. Татищевъ. И во всемъ этомъ онъ слѣдуетъ своему первообразу кн. Бисмарку, который также раньше вступленія на дипломатическое поприще, посредствомъ своего участія въ періодической печати, старался руководить политикой правительства, направлять ее на правильную дорогу.

Такимъ путемъ и самъ онъ выработалъ изъ себя выдающагося дипломата, достигъ размѣровъ перваго изъ государственныхъ людей Пруссіи. Такимъ же путемъ и къ тому же пришелъ и г. Татищевъ.— Онъ не только сравнялся съ Бисмаркомъ, но превзошелъ его, конечно, сначала только въ историческихъ трудахъ, въ теоріи, въ добытыхъ теоретическихъ истинахъ. Бисмаркъ говорилъ, что дипломатія должна преслѣдовать законные интересы государства; и г. Татищевъ считаетъ это даже какимъ-то открытіемъ Бисмарка, хотя всѣ знаменитые дипломаты, начиная отъ Сюжее до Вольсея, Ришелье, Питтовъ, Талейрана и Меттерниха, не только ясно понимали это правило, но и слѣдовали ему, проводили его въ практику. Также поступали и римскій сенатъ, и спартанская γερουσία, и аѳинская ἐκκλησία, и всѣ эти πρέσβεις и legati, о которыхъ такъ много свѣдѣній находится у древнихъ писателей.

Превзошелъ Бисмарка г. Татищевъ тѣмъ, что онъ совсѣмъ не хочетъ знать никакихъ ограниченій для интересовъ, преслѣдуемыхъ дипломатіей, требуетъ, чтобы дипломатія не обращала вниманія на принципы законности, справедливости, нравственности, гуманности и т. д. Увы! не онъ изобрѣлъ эту дипломатическую систему; раньше его понимали и практиковали ее — perfida

Carthago, Цезарь Борджіа, систематизаторъ его ученій Макіавелли и многіе другіе, которые однако большею частію скрывали свои задушевныя мысли объ этомъ дѣлѣ. Открыто ихъ исповѣдуютъ только Макіавелли и нашъ дипломатъ-публицистъ; и хотя его исповѣданіе не одобрено ни какимъ-нибудь соборомъ, ни наукой, ни дипломатическою практикой, тѣмъ не менѣе непринятіе его онъ ставитъ въ большую вину нашей дипломатіи и подвергаетъ ее преслѣдованію съ озлобленіемъ, которымъ вполнѣ подтверждается и дополняется свѣдѣніе о ненависти г. Татищева къ высшимъ представителямъ администраціи, отъ которыхъ зависитъ участь эмигрантовъ. Этими представителями администраціи оказываются лица, принадлежащія къ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, высшія должностныя лица этого министерства. Озлобленіе противъ нихъ обнаруживается едва ли не на каждой страницѣ нѣкоторыхъ сочиненій г. Татищева. — А откуда происходитъ это озлобленіе, гдѣ первая причина его? И этотъ вопросъ рѣшается самымъ удовлетворительнымъ образомъ также изъ сочиненій г. Татищева.

V.

Дѣло въ томъ, что въ своихъ писаніяхъ онъ даетъ много данныхъ касательно собственной своей личности, даже такихъ, которыя относительно всякой другой личности не имѣли бы никакого значенія; но относительно его личности имѣютъ большой смыслъ; такъ онъ сообщаетъ, что онъ имѣетъ въ Штиріи помѣстье, которое называется Тейфенбергъ. Вполнѣ понятно желаніе Бисмарка Младшаго, чтобъ его помѣстье всѣ знали такъ же хорошо, какъ всѣ знаютъ помѣстье Бисмарка Старшаго, Фридрихсру. Отсюда, изъ Тейфенберга Бисмаркъ Младшій отправился въ Болгарію, чтобы вести со Стамбуловымъ переговоры о примиреніи Болгаріи съ Россіей. Такъ это исторія и запишетъ, и будущіе изслѣдователи ея поблагодарятъ г. Татищева за то, что онъ избавилъ ихъ отъ изысканій касательно вопроса о томъ, откуда онъ отправился въ Болгарію въ 1890 г. Между прочимъ, изъ данныхъ сообщаемыхъ г. Татищевымъ узнаемъ, что онъ служилъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ,—именно передъ началомъ войны 1877—78 года; принималъ тогда въ качествѣ второстепеннаго чиновника участіе въ переговорахъ съ Австріей относительно оккупаціи Босніи; раньше былъ въ

качествѣ низшаго дипломатическаго агента въ Черногоріи. Когда онъ вышелъ въ отставку, этого въ его сочиненіяхъ мы не нашли; но несомнѣнно то, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ состоитъ въ отставкѣ и самъ говоритъ о чиновникахъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ о своихъ бывшихъ товарищахъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, хорошо понялъ, къ чему все это мы говоримъ. Выясненныя обстоятельства сразу даютъ особое, вполнѣ ясное и удовлетворительное освѣщеніе непріязненнымъ отношеніямъ г. Татищева къ вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. — Отношенія эти не могли возникнуть путемъ самозарожденія въ то время, какъ г. Татищевъ былъ уже въ отставкѣ. Стало-быть они возникли тогда, когда онъ былъ еще на службѣ или когда выходилъ въ отставку; значитъ, г. Татищевъ не просто отставной чиновникъ, а такой, который вышелъ въ отставку съ непріятностями, что̀ впрочемъ не представляетъ исключенія для подобныхъ случаевъ. Очень рѣдко чиновники безвременно выходятъ въ отставку безъ непріятностей, отъ какой бы причины онѣ ни происходили. Подобнымъ образомъ выходятъ въ отставку какъ люди очень достойные, порядочные, такъ и люди непорядочные. Подобнымъ образомъ оставилъ службу гр. Арнимъ, бывшій прусскій посолъ въ Парижѣ. И это бываетъ не въ одномъ дипломатическомъ вѣдомствѣ; у насъ долго былъ въ отставкѣ такого же рода извѣстный заслуженный генералъ М. Г. Ч—въ;— кажется, въ такомъ же положеніи былъ генералъ, славянофилъ и публицистъ Ѳ—въ.

Но всякій согласится, что въ подобныхъ случаяхъ, больше нежели когда-нибудь, καλοκἀγαθία требуетъ осторожности въ отношеніи къ персоналу оставленнаго вѣдомства, и, можетъ-быть, больше нежели гдѣ-нибудь это нужно въ дипломатіи. Генералы Ч—въ и Ѳ—въ, равно какъ очень многіе другіе, исполнили это требованіе добропорядочности; а г. Татищевъ не исполнилъ; свои служебныя непріятности онъ перенесъ въ литературу и сталъ съ озлобленіемъ нападать на дѣятельность своихъ бывшихъ коллегъ и начальниковъ, сталъ осыпать ихъ насмѣшками и оскорбительными выраженіями; и этимъ даже не удовольствовался, а не отступилъ и предъ клеветой, хотя не могъ не понимать, что въ этомъ случаѣ клевета не ограничивается тѣми лицами, на кого она направлена непосредственно; а переходитъ на всю совокупность правительства, — разумѣемъ это слово въ самомъ

широкомъ смыслѣ, не исключая изъ него никого. [1]—Но и это не все; а есть тутъ нѣчто гораздо болѣе предосудительное.

Чтобы представить дѣйствія непріятныхъ ему лицъ неправильными, нераціональными, непатріотическими, онъ сталъ искажать событія и перетолковывать дѣйствія лицъ, къ которымъ имѣло отношеніе Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, которое совершенно правильно поняло характеръ нынѣшнихъ правителей Болгаріи, видя въ нихъ искателей приключеній, агитаторовъ самаго низкаго разбора, для которыхъ нѣтъ ничего святаго,—узурпаторовъ, которые для достиженія своихъ гнусныхъ цѣлей готовы по колѣна ходить въ крови своихъ согражданъ.

И вотъ г. Татищевъ не жалѣетъ красокъ чтобы нарисовать не просто сочувственный, а очаровательный портретъ Стамбулова, который является у него образцомъ правителя, заботящагося о благѣ народа, правителя, достигшаго въ короткое время замѣчательныхъ результатовъ, однимъ словомъ — отца отечества, pater patriae. [2]

Эти результаты были бы еще значительнѣе, еслибы Стамбулову не мѣшали болгарскіе эмигранты, которыми пользуется Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, какъ козырями въ своей дипломатической игрѣ, съ каковою цѣлью даетъ имъ деньги, употребляемыя ими для организаціи политическихъ убійствъ. — Въ этомъ утвержденіи г. Татищева содержатся двѣ клеветы: противъ нашего Министерства Иностранныхъ Дѣлъ и противъ болгарскихъ эмигрантовъ. Первая клевета не возбуждаетъ особаго вниманія, потому что Министерство Иностранныхъ Дѣлъ имѣетъ возможность воспользоваться всею полнотой средствъ для своей защиты, и если оно не захочетъ употребить ни одного изъ этихъ средствъ, ограничится однимъ презрѣніемъ, то и это средство будетъ вполнѣ удовлетворительно и достаточно.—Не въ такомъ

---

[1] Вотъ чѣмъ онъ увлекъ за собою архирадикальнаго профессора Трачевскаго, въ послѣдніе дни повторившаго свою вылазку противъ русскаго правительства и болгарскихъ эмигрантовъ въ газетѣ, которая помѣщеніемъ подобныхъ статей подтверждаетъ высказанные ей не разъ упреки, что она служитъ негласнымъ органомъ еврейскихъ интересовъ. Статья г. Трачевскаго не подписана; но выдаетъ его и содержаніемъ, и духомъ, и даже выраженіями; такъ что въ своемъ діагнозѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

[2] По словамъ г. Татищева, съ теченіемъ времени можетъ быть такой случай, что Стамбуловъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, въ засѣданіи Славянскаго Благотворительнаго Общества займетъ мѣсто на почетной эстрадѣ рядомъ съ наиболѣе почетными членами Общества.

положеніи находятся эмигранты. Всею полнотой средствъ защиты они пользоваться не могутъ. А между тѣмъ честное имя для нихъ имѣетъ не меньше значенія, чѣмъ для кого-нибудь, а въ извѣстныхъ отношеніяхъ даже гораздо больше. Это ихъ почти единственный капиталъ.

Тѣмъ гнуснѣе клевета на нихъ [1].

Она направлена на людей не только почти беззащитныхъ, но, кромѣ того, на людей честно и самоотверженно исполнявшихъ свой долгъ по отношенію къ родинѣ и къ Россіи, ихъ освободительницѣ, пострадавшихъ за это и пришедшихъ искать убѣжища у своихъ друзей, съ которыми рядомъ они стремились къ одной и той же цѣли. — Гость, а въ особенности, невольный, изгнанникъ, эмигрантъ—лицо священное, persona sacra et inviolabilis. Г. Татищевъ не признаетъ этого, и чтобъ еще болѣе представить въ несимпатичномъ видѣ болгарскихъ эмигрантовъ, нашъ дипломатъ, а вслѣдъ за нимъ профессоръ Трачевскій, сравниваютъ ихъ съ французскими эмигрантами конца XVIII вѣка, которые удалились изъ отечества еще въ 1789 году, чтобы защищать застарѣлыя злоупотребленія и привилегіи, къ уничтоженію которыхъ стремилось національное собраніе въ полномъ согласіи съ королемъ Людовикомъ XVI.—Это были тѣ эмигранты, которые были plus royalistes que roi. — Сравненіе сдѣланное г. Татищевымъ доказываетъ только, что нашъ дипломатъ худо знаетъ и еще хуже понимаетъ исторію какъ XVIII, такъ и XIX вѣка, – а г. профессоръ исторіи преподаетъ такой научный предметъ, о которомъ онъ имѣетъ самыя недостаточныя и смутныя понятія, что̀, къ сожалѣнію, составляетъ явленіе совсѣмъ нерѣдкое у насъ.

Въ исторіи очень нетрудно найти обстоятельства, весьма сходныя съ тѣми, въ которыхъ находятся болгарскіе эмигранты. Такъ, послѣ извѣстнаго coup d'état 2 декабря 1851 года,

[1] Есть еще одна причина, почему клевета г. Татищева на эмигрантовъ представляется въ особенности антипатичною.—Объяснимъ это притчей.—Два сосѣда поссорились, между ними непріятность. И вотъ одинъ изъ нихъ, не имѣя возможности повредить сосѣду лично, бросилъ камнемъ въ голову его малолѣтняго сына, понимая, что врагъ его тоже почувствуетъ этотъ ударъ.— Это и есть субъективная причина нападеній г. Татищева на болгарскихъ эмигрантовъ; онъ клевещетъ на нихъ, чтобы сдѣлать непріятность Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, которое имъ покровительствуетъ, понимая, что эту клевету почувствуютъ и лица, стоящія на верхнихъ ступеняхъ іерархической лѣстницы этого вѣдомства.

наиболѣе видные изъ противниковъ узурпатора волей или неволей должны были удалиться изъ Франціи (Шангарнье, Викторъ Гюго и пр.) въ то время, какъ другіе были заключены въ тюрьмы (Каваньякъ), а нѣкоторые погибли на улицахъ и въ тюрьмахъ Парижа.

Даже въ древней исторіи есть подобные и очень краснорѣчивые примѣры. Когда Аѳины подпали подъ власть 30 тирановъ, лучшіе люди съ Тразибуломъ во главѣ удалились въ Ѳивы и при наступившихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ ниспровергли правленіе узурпаторовъ.—Подобнымъ образомъ, когда въ Ѳивахъ тамошніе Стамбуловы захватили власть, вошедши въ предательскій союзъ со Спартанцами, какъ нынѣшніе болгарскіе узурпаторы вошли въ такой же союзъ съ Австрійцами, Пелопидъ, удалившись въ изгнаніе, при благопріятныхъ обстоятельствахъ освободилъ свою родину отъ узурпаторовъ и ихъ покровителей.

И эти люди, Тразибулъ и Пелопидъ, принадлежатъ къ наиболѣе заслуженымъ и симпатичнымъ личностямъ исторіи, какъ г. Цанковъ и его юные сотрудники принадлежатъ къ наиболѣе заслуженымъ и симпатичнымъ личностямъ въ средѣ Болгарскаго народа. — И надобно надѣяться, что ихъ время тоже придетъ, несмотря на то, что своими клеветами г. Татищевъ очевидно старается играть на руку Стамбулову и противодѣйствовать усиліямъ русской дипломатіи — освободить Болгарскій народъ отъ шайки злодѣевъ, расточающихъ экономическія средства страны и поддерживающихъ свою власть посредствомъ дѣйствительно разбойническихъ убійствъ.

Такія ли дѣянія, какъ изложенныя нами дѣянія г. Татищева, называются борьбой за правду? — И въ правѣ ли г. Татищевъ послѣ всего этого хвастаться своимъ патріотизмомъ и добросовѣстностью? [1]

VI.

Его бывшіе товарищи уже упрекали его въ отсутствіи безпристрастія и добросовѣстности, не вѣрили честности побужденій, бывшихъ источникомъ его писаній, нѣкоторые даже

[1] Хвастовство г. Татищева представляетъ нѣчто невиданное и неслыханное. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о себѣ такъ: «я пламенно, даже страстно люблю два предмета: отечество и истину». Ну слыханное ли, возможное ли дѣло, чтобы человѣкъ серьезный и дѣйствительный патріотъ хвастался столь гасконскимъ, столь пошехонскимъ образомъ?

признали его труды вредными для государственныхъ интересовъ Россіи. Самъ г. Татищевъ сообщаетъ объ этомъ, самъ жалуется на своихъ бывшихъ сослуживцевъ.—Но его жалобы не найдутъ себѣ отголоска въ сердцахъ честныхъ русскихъ людей, дѣйствительно небезучастныхъ къ судьбѣ отечества. Напротивъ, къ упрекамъ сослуживцевъ г. Татищева всякій, мало-мальски умѣющій со смысломъ сближать и группировать факты, долженъ прибавить дополненія еще менѣе лестныя для г. Татищева. Его очевидное пристрастіе и его очевидная недобросовѣстность направлены неуклонно во вредъ русскому правительству и въ пользу враговъ Россіи, и притомъ людей, возбуждающихъ омерзеніе всего образованнаго міра. Не даромъ многія изъ статей г. Татищева были перепечатаны въ стамбуловской газетѣ *Свобода* съ неизмѣннымъ выраженіемъ сочувствія и уваженія къ нему за тѣ именно мѣста, въ которыхъ онъ бросаетъ грязью въ русское правительство.—Повидимому, между двумя потентатами, г. Татищевымъ и г. Стамбуловымъ, заключенъ секретный оборонительный и наступательный союзъ, и обѣ договаривающіяся стороны усердно исполняютъ свои взаимныя обязательства.—По крайней мѣрѣ, можно признать несомнѣннымъ то, что г. Татищевъ bene meritus est передъ г. Стамбуловымъ и принцемъ Фердинандомъ, равно какъ передъ всѣми ихъ союзниками, передъ всѣми врагами Россіи.—Ничего лучшаго болгарскіе узурпаторы и ожидать не могли отъ русской журналистики. Это имъ кладъ достался по милости какой-то благодѣтельной феи, покровительницы принца Фердинанда и его перваго министра. И несомнѣнно, что г. Татищевъ прибавилъ имъ много духу, въ особенности, когда выдавалъ себя за представителя общественной мысли.—Если общественное мнѣніе въ Россіи, разсуждали они совершенно справедливо, благопріятно намъ и относится несочувственно къ политикѣ русскаго правительства по отношенію къ Болгаріи, то такъ или иначе правительство должно будетъ сдѣлать нѣкоторую уступку общественному мнѣнію, стало-быть мы можемъ не обращать особеннаго вниманія на его желанія и дѣйствовать съ прежнею *твердостью* относительно нашихъ внутреннихъ враговъ.

Въ газетахъ неоднократно высказано, что подделки Якобсона, то-есть тѣ якобы документы, которые онъ представилъ Стамбулову, имѣли фатальное вліяніе на участь лицъ, которыя были судимы послѣднимъ военнымъ судомъ въ Софіи. Мысль,

болѣе чѣмъ правдоподобная. Но Якобсонъ не былъ самъ изобрѣтателемъ системы поддѣлокъ. Раньше его взялся за нее г. Татищевъ, поддѣлывая факты, которые раньше онъ самъ излагалъ въ другомъ видѣ. Что касается до содержанія поддѣлокъ г. Якобсона, главная мысль ихъ, что русское правительство употребляетъ эмигрантовъ, какъ организаторовъ политическихъ убійствъ, высказана и г. Татищевымъ; слѣдовательно оба они оказали вліяніе на печальную участь повѣшенныхъ злодѣями. И кажется бо́льшая доля вліянія принадлежитъ г. Татищеву, потому что на поддѣлки Якобсона не могли смотрѣть серьозно въ Софіи, а о г. Татищевѣ думали, что онъ своими глазами видѣлъ то, о чемъ говоритъ. Во всякомъ случаѣ, тенденціи гг. Татищева и Якобсона и вліяніе ихъ въ этомъ случаѣ однородны и согласны одни съ другими.—И что̀ всего характеристичнѣе, что̀ еще болѣе усиливаетъ аналогію между дѣяніями г. Татищева и дѣяніями г. Якобсона, это то, что оба они—чиновники Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, оставившіе службу. И даже со стороны г. Якобсона его образъ дѣйствій понятнѣе и извинительнѣе; онъ Еврей, для него ibi patria, ubi bene. А г. Татищевъ хвастается своимъ патріотизмомъ, своими постоянными заботами о благѣ Россіи. Думаетъ ли онъ, что для блага Россіи нужно, чтобы враги Россіи усиливались, а друзья ослабѣвали? Думаетъ ли неустанный ревнитель русской правды, что русская правда обязываетъ своихъ ревнителей подводить подъ висѣлицу тѣхъ изъ друзей Россіи, которые, будучи болѣе нетерпѣливы, чѣмъ другіе, составляли планы для освобожденія своей родины отъ шайки злодѣевъ? А вѣдь едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что не будь поддѣлокъ г. Татищева, не было бы поддѣлокъ и Якобсона, и софійскіе правители не дерзнули бы къ прежнимъ злодѣяніямъ прибавить новыя.

Кромѣ клеветъ, къ тѣмъ же самымъ послѣдствіямъ вели и дипломатическіе проекты нашего Бисмарка, именно его требованіе уступки со стороны Болгаріи двухъ позицій.

Г. Татищевъ, очевидно, не понималъ, что это требованіе служитъ окончательнымъ подтвержденіемъ того положенія, на которомъ основана вся система Стамбулова. Стамбуловъ потому противодѣйствуетъ Россіи, что Россія хочетъ будто бы поработить Болгарію; и только поэтому въ Болгарахъ, преданныхъ Россіи, онъ видитъ предателей отечества. Русская дипломатія не разъ заявляла, что Россія весьма далека даже отъ мысли о

порабощенія Болгаріи. Но Стамбуловъ и его клевреты доказываютъ, что дипломатія хитритъ, обманываетъ, — чтобы тѣмъ легче достигнуть цѣли; Болгары, изъ которыхъ всѣ совершеннолѣтніе хорошо помнятъ, какъ Русскіе умирали за ихъ свободу, не вѣрятъ, и остаются попрежнему друзьями Россіи. Болѣе легковѣрные колеблются. Но является г. Татищевъ сначала со своими писаніями, потомъ съ личнымъ требованіемъ двухъ крѣпостей. Стамбуловъ радъ, торжествуетъ. Смотрите и берегитесь, говоритъ онъ Болгарамъ; вотъ онъ, первый приступъ къ нашему порабощенію. Россія на первое время хочетъ держать насъ на привязи, какъ Франція держала на привязи Римскую область, занимая въ ней также два пункта: Римъ и Остію. Болгарскіе патріоты смущены и наиболѣе легковѣрные переходятъ на сторону Стамбулова. Въ другихъ странахъ славянскихъ, въ Греціи, въ Румыніи патріоты также встревожены: если Россія хочетъ такимъ образомъ оккупировать Болгарію, думаютъ они, то, очевидно, и намъ она готовитъ то же самое. Но это не все; г. Татищевъ не довольствуется дипломатіей мирною. Онъ начинаетъ грозить, какъ когда-то герцогъ Брауншвейгскій грозилъ Французамъ и въ частности Парижанамъ, а Наполеонъ грозилъ Испанцамъ. „Камня на камнѣ не останется отъ Парижа", говорилъ герцогъ.—„Я выгоню изъ Испаніи Англичанъ, писалъ Наполеонъ и горе тѣмъ, кто возлагаетъ на нихъ надежды". — Не отсталъ г. Татищевъ отъ Бисмарка; не хочетъ отстать и отъ Наполеона, не говоря о герцогѣ Брауншвейгскомъ. „Если Болгарія не уступитъ намъ крѣпостей, грозитъ онъ, то мы вычеркнемъ ее изъ списка европейскихъ государствъ, сотремъ съ лица земли, разчленимъ ее, раздѣлимъ между сосѣдями; а себѣ возьмемъ все болгарское поморье не только съ Варной и съ Бургасомъ, а прибавимъ сюда и Шумлу, и Силистрію, да пожалуй и Адріанополь.

За что же такая страшная участь? думаетъ изумленный читатель.—Г. Татищевъ предвидѣлъ это возраженіе и заранѣе приготовилъ на него отвѣтъ. Всякая страна, говоритъ онъ,— отвѣчаетъ за свое правительство, никакихъ исключеній изъ этого правила мы не допускаемъ.—Но, позвольте, возражаетъ читатель, вѣдь вы сами говорили, что болгарскіе правители съ г. Стамбуловымъ во главѣ отличаются всѣми добрыми качествами необходимыми правителямъ, такъ что вполнѣ достойны имени отцовъ отечества. Будто одно то, что они не уступаютъ

вамъ Бургаса и Варны, до такой степени измѣнило ихъ, изъ отцовъ отечества превратило въ какихъ-то содомитянъ, изъ-за которыхъ вся страна должна погибнуть?—Да; упорство Стамбулова въ удержаніи за собой Варны и Бургаса убѣдило насъ „въ предательствѣ и измѣнѣ Болгаръ": теперь мы признаемъ въ васъ „заклятыхъ враговъ своихъ", и соотвѣтственно этому поступаемъ съ вами. Тутъ вступаетъ въ разговоръ читатель Болгаринъ.—Помилуйте насъ, г. Татищевъ, проситъ онъ;—если и дѣйствительно отношенія между Россіей и Болгаріей такъ обострились, то не одна же Болгарія въ этомъ виновата. Вы сами усиленно доказывали, что ваши допотопные дипломаты своими ошибками, своею неумѣстною меланхоліей, своими элегическими нотами дѣло все более и болѣе портили; дѣйствія нашихъ правителей составляютъ не что иное, какъ результатъ дѣйствій вашей дипломатіи.—Ну что тутъ толковать? отвѣчаетъ г. Татищевъ.—Мы „въ правѣ стереть Болгарію съ лица земли, въ назиданіе всѣмъ прочимъ племенамъ, населяющимъ Востокъ, въ доказательство того, что позорный и бѣдственный конецъ ждетъ всякій славянскій народъ, что дерзнетъ поднять руку на великую Россію".

О, тѣнь Дмитрія Юрьевича Шемяки! Возликуй въ Елисейскихъ поляхъ. Ты нашла себѣ достойнаго послѣдователя въ лицѣ русскаго независимаго дипломата-публициста; но не гордись, а напротивъ, приготовься смирить свой гордый видъ: потому что, хотя князю Дмитрію Юрьевичу безспорно принадлежитъ честь изобрѣтенія его остроумной юриспруденціи; но нашъ дипломатъ-публицистъ имѣетъ заслугу возстановить эту юриспруденцію въ XIX вѣкѣ и при этомъ дать ей болѣе широкое поле, распространить ее на область международныхъ отношеній. А, впрочемъ, въ Елисейскихъ поляхъ есть кому разсудить князя Дмитрія Юрьевича съ г. Татищевымъ, рѣшить вопросъ, кто изъ нихъ лучше понимаетъ идею права. Извѣстно, что этимъ издавна занимаются Діогенъ и въ особенности Мениппъ, которымъ предстоитъ еще другое дѣло, возникающее изъ дипломатической экспедиціи г. Татищева. Проектируя стереть Болгарію съ лица земли, онъ, по всей вѣроятности, не хотѣлъ отстать отъ Александра Македонскаго, который когда-то стеръ съ лица земли Ѳивы. Сравнявшись съ героемъ нашего вѣка, г. Татищевъ не хотѣлъ уступить и герою міра античнаго. Такъ, Діогену и Мениппу предстоитъ еще рѣшить вопросъ о томъ: кто изъ

двоихъ—Александръ или г. Татищевъ способенъ къ лучшему назиданію племенъ Востока, дерзающихъ поднимать на нихъ руку, посредствомъ стиранія ихъ съ лица земли?

Однако, оставимъ Елисейскія поля и возвратимся на землю.

Намъ-то, Русскимъ, было не только стыдно, но и больно читать изложеніе проектовъ г. Татищева къ примиренію Россіи съ Болгаріей. Каково же было читать это Болгарамъ, судьбой которыхъ съ такимъ легкимъ сердцемъ распоряжался г. Татищевъ, выдававшій себя за представителя общественнаго мнѣнія и даже, какъ увѣрялъ Стамбуловъ, за конфиденціальнаго посланца нашего правительства? Но тяжелое чувство Болгаръ опять должно было отозваться и у Грековъ, и у Сербовъ, у Румынъ и у всѣхъ австрійскихъ Славянъ, въ тѣхъ политическихъ кружкахъ, гдѣ сразу не поняли интеллектуальнаго ничтожества и нравственной черноты писаній г. Татищева, ихъ полной невмѣняемости.

Да, тутъ дѣйствительно нужно говорить о невмѣняемости. Болгарскіе правители оскорбляютъ наше правительство и народъ, всю Россію, которая освободила ихъ отъ турецкаго ига; они преслѣдуютъ въ Болгаріи всѣхъ приверженцевъ Россіи; они продались Нѣмцамъ и Мадьярамъ, и своимъ управленіемъ привели въ такое состояніе народъ, что онъ сожалѣетъ о турецкомъ господствѣ; несмотря на все это, г. Татищевъ возвеличиваетъ ихъ, какъ отцовъ отечества.—Вслѣдъ за тѣмъ эти отцы отечества отказываются принять сумасбродное предложеніе объ уступкѣ двухъ крѣпостей, сдѣланное самозваннымъ дипломатомъ; и вслѣдствіе этого они оказываются такими чудовищами, что всю Болгарію изъ-за нихъ нужно стереть съ лица земли. Если эти строки не писаны въ домѣ призрѣнія душевно-больныхъ, то онѣ представляютъ преступленіе предъ Россіей столь же важное, какъ и клеветы г. Татищева. И то, и другое, будучи принимаемо за нѣчто серьезное, писанное въ здравомъ умѣ и твердой памяти, компрометтируетъ и Русскій народъ, и русское правительство, и внутри государства, и внѣ его подтверждая ежедневныя инсинуаціи радикальныхъ органовъ печати, будто бы Русскій народъ и русское правительство способны только на одно худое,—и тѣмъ самымъ поддерживая нашу внутреннюю смуту, а за границей отдаляя отъ насъ нашихъ друзей или отнимая у нихъ силу въ борьбѣ съ нашими врагами, а врагамъ прибавляя ея.

VII.

Замѣтка эта писана прежде всего подъ вліяніемъ чувства глубокаго негодованія, возбужденнаго въ авторѣ писаніями г. Татищева, его оскорбленіями и клеветами противъ невольныхъ гостей Русскаго народа, болгарскихъ эмигрантовъ, не встрѣтившими, сколько я знаю, никакого отпора со стороны нашихъ органовъ печати: такъ что наши уважаемые гости вынуждены были сами протестовать противъ оскорбленій и клеветъ г. Татищева. И что̀ всего постыднѣе для нашей печати, они для своихъ протестовъ даже не нашли мѣста въ тѣхъ якобы патріотическихъ органахъ, въ которыхъ были помѣщены оскорбленія и клеветы, и должны были обратиться въ газеты относящіяся несочувственно къ принципу національностей, которыя однако показали несравненно болѣе нравственной добропорядочности, чѣмъ органы печати soi disant патріотической. [1] Привѣтъ и благодарность людямъ, съ которыми мы расходимся въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ, за сочувственный и честный образъ дѣйствія относительно оклеветанныхъ исконныхъ друзей Россіи!

Такимъ образомъ, ближайшею цѣлью автора было высказать хоть свой единичный протестъ противъ оскорбленій и клеветъ г. Татищева, направленныхъ противъ лицъ, не только не заслужившихъ этого, но имѣющихъ по многимъ причинамъ право на особое уваженіе всякаго сколько-нибудь образованнаго и порядочнаго человѣка, а въ особенности русскаго человѣка, достойнаго этого имени, для котораго обязанности гостепріимства, честь и интересы родины не пустое слово,—не предлогъ только къ самовосхваленію. Къ чести русскаго имени и къ успокоенію людей дорожащихъ ею, необходимо прибавить, что русское общество, относясь съ презрѣніемъ къ клеветамъ г. Татищева,

[1] Невольно вспоминаются слова притчи о человѣкѣ, впавшемъ въ разбойники, въ которомъ не приняли участія ни священникъ, ни левитъ, а принялъ самарянинъ, предъ которымъ оба они кичились своею чистотой вѣры. Вѣра безъ дѣлъ мертва. И патріотизмъ безъ дѣлъ патріотическихъ также мертвъ; это не патріотизмъ, а лжепатріотизмъ, патріотизмъ лицемѣрный, промышленный.

высказываетъ нашимъ почтеннымъ гостямъ всю полноту сочувствія и уваженія, которой они заслуживаютъ.

Симпатіи автора этой замѣтки къ достоуважаемымъ болгарскимъ эмигрантамъ однако не случайныя; не клеветами г. Татищева онѣ вызваны; авторъ уже много лѣтъ имѣетъ сношенія и личныя, и письменныя, какъ съ Болгарами, такъ и съ лицами, принадлежащими къ другимъ славянскимъ и вообще христіанскимъ народамъ Балканскаго полуострова, равно какъ съ Славянами австрійскими. И не могла не возникнуть въ его умѣ мысль о томъ, какое впечатлѣніе должны были произвести писанія г. Татищева на тѣхъ Славянъ, преданныхъ Россіи, которыхъ авторъ знаетъ, и на тѣхъ изъ нихъ соотечественниковъ, которые раздѣляютъ ихъ чувства по отношенію къ Россіи и которымъ имя больше, чѣмъ легіонъ. Именно на нихъ-то должны были имѣть удручающее дѣйствіе писанія г. Татищева, выдающаго себя за выразителя общественнаго мнѣнія Россіи.

Вотъ во всѣхъ этихъ людяхъ желательно уничтожить впечатлѣніе произведенное его писаніями. Желательно и необходимо обличить его самозванство, какъ представителя общественной мысли, съ которою его писанія не имѣютъ ничего общаго. Пусть наши заграничные друзья не думаютъ, что мысли и симпатіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ понятія о чести въ русскомъ образованномъ обществѣ и народѣ измѣнились. Они остаются тѣ же, что̀ были раньше, двадцать пять лѣтъ назадъ, въ эпоху московской этнографической выставки, и пятнадцать лѣтъ назадъ, во время Сербско-Турецкой и потомъ Русско-Турецкой, или лучше союзно-турецкой войны. Смотря на софійскихъ правителей, какъ на узурпаторовъ и злодѣевъ, съ которыми если можно вести переговоры, то не посредствомъ дипломатическихъ агентовъ, а посредствомъ судебныхъ слѣдователей и прокуроровъ полеваго суда, русское правительство теперь, какъ и пятнадцать лѣтъ назадъ, имѣетъ за собою безграничную поддержку народныхъ симпатій. И писанія г. Татищева могли увидѣть свѣтъ только благодаря общепризнаваемому, [1] интеллектуальному, научному, а, быть-можетъ, всего больше моральному упадку журналистики, въ которой получили неподобающее имъ мѣсто литературные

[1] Недавно въ одной газетѣ было напечатано: „издательство стало *промысломъ*, не требующимъ ничего, кромѣ оборотнаго капитала“. И если промышленникъ „открываетъ газету, а не портерную“, то только потому, что „газета даетъ больше барыша, чѣмъ портерная“.

промышленники, солидарные съ нравственными воззрѣніями г. Татищева, которые могутъ скомпрометтировать всякое святое дѣло, всякое честное знамя, которое они возьмутъ въ свои грязныя руки.

Но ни писанія г. Татищева, ни журнальные органы, издаваемые промышленниками, благодаря Бога, не имѣютъ никакого вліянія не только на рѣшенія правительства, но и на общественное мнѣніе. Правительство не намѣрено присвоивать себѣ по двѣ крѣпости въ каждой изъ освобожденныхъ нами странъ на Балканскомъ полуостровѣ, не намѣрено и возобновить грабительскіе походы Аскольда и Дира, Ольга и Игоря на Константинополь. До сихъ поръ нигилизмъ, по милости Божіей, еще не занялъ мѣсто православной вѣры въ Россіи: а пока Россія держится православія, она, если Θεοῦ διδόντος овладѣетъ Константинополемъ, не присвоитъ его себѣ; русскіе люди, а еще лучше, русскіе дипломаты знаютъ, кѣмъ, какимъ народомъ онъ былъ основанъ, кому принадлежалъ въ теченіе 2.000 лѣтъ, и у кого былъ отнятъ Турками. Если Россія и ея правительство не относились безъ участія къ итальянскому „Roma o morte“, то они не отнесутся безъ сочувствія, когда Греки громко заговорятъ: „Κωνσταντινόπολις ἢ θάνατος“; и не согласится православная Россія замѣнить Турокъ въ Константинополѣ въ качествѣ угнетателей греческой народности, имѣющей такія большія заслуги предо всѣмъ образованнымъ міромъ, а передъ Россіей въ особенности. И прибавимъ кстати: наше правительство не разъ заявляло, что завоеваніе Константинополя не входитъ и не можетъ входить въ виды Россіи: и только такіе ученые дипломаты, какъ г. Татищевъ, не знаютъ, что стремленіе Россіи къ овладѣнію Константинополемъ есть выдумка враговъ Россіи, связанная съ другою подобною выдумкой о завѣщаніи Петра I; этими выдумками пользуются западные дипломаты, когда нужно возбудить общественное мнѣніе Западной Европы противъ Россіи, какъ было въ 1853 году. — И теперь заграничныя газеты, соединяющія враждебность къ Россіи съ лицемѣріемъ, разсчитывая на русское невѣжество, съ коварною злобой и оскорбительною ироніей науськиваютъ насъ на Константинополь въ видахъ ослабленія вліянія Россіи на Балканскомъ полуостровѣ и въ Западной Европѣ и въ видахъ ослабленія Франко-Русскаго союза. А наши независимые дипломаты и

литературные промышленники давай кричать: „намъ нуженъ Константинополь, намъ нужны проливы!“ [1]

Пусть знаютъ народы Балканскаго полуострова, что эти крикуны не имѣютъ ничего общаго со стремленіями русскаго правительства и съ идеалами и симпатіями Русскаго православнаго народа. Къ этому заключенію они и сами могутъ придти, если примутъ во вниманіе всю совокупность политики русскаго правительства въ послѣдніе годы. Для всѣхъ совершенно очевидно, что она болѣе и болѣе проникается исконными, честными народными понятіями.

Россія не измѣнила своей политики относительно Славянъ и христіанъ Балканскаго полуострова. Какъ прежде она не старалась заручиться никакими матеріальными гарантіями того, что балканскіе народы, освобожденные ею, останутся ей вѣрны, будутъ ея союзниками во внѣшней политикѣ, такъ и теперь она объ этомъ не думаетъ. И безъ матеріальныхъ гарантій всѣ балканскіе народы соединили свои вооруженныя силы съ вооруженными силами Россіи въ войну 1877—78 г., побуждаемые только чувствомъ своей солидарности нравственной и матеріальной съ Россіей. На то же и ни на что̀ другое разсчитываетъ Россія и теперь. И это есть разсчетъ наиболѣе вѣрный. Ни на шагъ не отступая отъ принципа строгой справедливости, даже вводя въ

[1] Проливы не были нужны намъ, когда Россія не имѣла другихъ путей для вывоза своихъ произведеній, кромѣ морскихъ.—и къ приморскимъ портамъ они были подвозимы почти исключительно водяными сообщеніями. А теперь, когда едва ли не десять желѣзныхъ дорогъ соединяютъ Россію съ сосѣдними государствами, когда Россія имѣетъ 30 тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, когда она освободилась отъ убыточныхъ владѣній въ Америкѣ, когда энергически строится желѣзная дорога, имѣющая соединить Петербургъ съ Владивостокомъ, теперь нашимъ независимымъ дипломатамъ проливы стали нужны! Что не самое дѣло, а только одни разговоры о немъ возбуждаютъ противъ насъ всѣ народы Европы и въ особенности Балканскаго полуострова, и все чаще и чаще слышатся извѣстія о попыткахъ составить балканскую федерацію, направленную противъ завоевательныхъ замысловъ Россіи, до этого независимымъ дипломатамъ нѣтъ никакого дѣла. Лишь бы имъ было хорошо, лишь бы одни изъ нихъ могли хвастаться своимъ патріотизмомъ и заботами о пользахъ государства, а другіе набивать карманы.—Для болѣе вѣрнаго достиженія этихъ цѣлей независимые дипломаты не ограничиваются Босфоромъ и Дарданеллами, а завели рѣчь уже... о Зундѣ!—Невѣроятно, тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно.—Если не случится чуда, то заговорятъ какъ о Па-де-Кале, такъ и о Гибралтарскомъ проливѣ; то-есть и ихъ также пожелаютъ присоединить къ Россіи. Такъ необъятны ихъ патріотическія чувства!

политику принципъ любви, принципъ евангельскаго Самарянина, Россія, которую и наши домашніе и заграничные порицатели такъ часто упрекаютъ въ отсталости, подъ вліяніемъ своего болѣе искренняго и послѣдовательнаго христіанства, то-есть подъ вліяніемъ православія, далеко опередила въ этомъ отношеніи хвастливую Европу, ничего при этомъ не потерявъ, а много выигравъ, такъ какъ именно этою политикой она пріобрѣла себѣ симпатію 25 милліоновъ заграничныхъ Славянъ, и пяти милліоновъ Грековъ, которой не поколеблятъ даже соединенныя усилія Нѣмцевъ, Мадьяръ, г. Стамбулова съ компаніей, и гг. Татищева, Трачевскаго и ихъ милостивцевъ. А на дальнемъ планѣ, кромѣ того, еще оказываются также весьма неплшенныя политической цѣнности симпатіи христіански и философски-прогрессивной Франціи, и христіански-прогрессивной великой американской республики!

VIII.

Наши многоуважаемые гости, болгарскіе эмигранты, протестуя противъ клеветы г. Татищева, нашли возможнымъ характеризовать его личность выраженіями, которыя, если не составляютъ условной формы вѣжливости, въ родѣ стереотипнаго „достопочтенный“ или англійскаго „honourable“, то вызываютъ на возраженія. Въ одномъ отвѣтѣ г. Татищевъ былъ названъ патріотомъ, въ другомъ авторитетнымъ русскимъ писателемъ.

Татищевъ патріотъ?—Отставной чиновникъ, который въ жертву своему озлобленію противъ бывшихъ начальниковъ и товарищей принесъ интересы Россіи въ земляхъ славянскихъ, который, забывъ разницу между добродѣтелью и порокомъ, возвеличиваетъ злодѣевъ и вѣдомыхъ враговъ Россіи и унижаетъ самоотверженныхъ патріотовъ и вѣдомыхъ друзей ея, который не поколебался вмѣстѣ съ врагами отечества противодѣйствовать его политикѣ и клеветать на него... Да развѣ такіе люди называются патріотами?—такія дѣянія признаются патріотическими?

Татищевъ патріотъ... Да эта мысль не стóитъ и опроверженія!—И мы не сомнѣваемся, что если она высказана не въ видѣ стереотипной фразы и даже ироніи, [1] то только по той причинѣ,

[1] Г. Татищева нерѣдко называютъ иронически историкомъ; также въ ироническомъ смыслѣ приписываютъ ему „ученость“ и патріотическія намѣренія. — Онъ умѣетъ такіе случаи обратить въ свою пользу: отвѣчая противни-

что тому, кто высказалъ ее, какъ литературные, такъ и дипломатическіе подвиги г. Татищева были извѣстны только въ самомъ общемъ, смутномъ видѣ; что ему совсѣмъ были неизвѣстны предыдущія служебныя отношенія г. Татищева къ представителямъ нашей дипломатіи, равно какъ генетическая связь между тѣмъ и другимъ.

Что̀ касается до того, что г. Татищевъ будто бы могъ имѣть какой-нибудь авторитетъ, какъ писатель, это опять-таки или недоразумѣніе или реторическая фигура уступленія.

Болгарскіе эмигранты признаютъ, что г. Татищевъ не могъ разобраться „въ дебряхъ болгарскаго вопроса".—Это совершенно справедливо. Но въ болгарскомъ вопросѣ онъ находился сравнительно въ лучшемъ положеніи; тутъ изученію дѣла по книгамъ много помогало знакомство съ нимъ въ жизни. Въ особенности это знакомство могло быть плодотворнымъ для г. Татищева, который во время войны служилъ по дипломатическому вѣдомству и притомъ по близости къ главному театру событій. Если и при этихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ онъ не понялъ ни смысла событій, ни характера дѣйствующихъ лицъ, ни ихъ стремленій, симпатій и антипатій, то чего же можно отъ него ожидать при изученіи событій болѣе или менѣе отдаленныхъ по времени и пространству.—Вѣдь логика-то у него была одна и та же, способы изученія предмета и разработки его также одни и тѣ же. Дальше я постараюсь кратко познакомить читателя съ методой его „историческихъ изслѣдованій" на одномъ примѣрѣ.—Теперь замѣчу еще, что эти его quasi историческія изслѣдованія, независимо отъ его логики и методы изслѣдованія, а также и научнаго образованія, о чемъ будетъ рѣчь ниже, должны были оказаться не лучезарными свѣточами, а издающими чадъ головешками, потому что они служатъ для достиженія цѣлей внѣнаучныхъ, которыя намѣтилъ себѣ г. Татищевъ.

Цѣлей этихъ, какъ мы уже видѣли, двѣ: первая—показать, что онъ соединяетъ въ себѣ качество совершеннѣйшаго дипломата, вооруженнаго всеоружіемъ науки и потому свободнаго отъ предразсудковъ „допотопныхъ дипломатовъ",—который на практикѣ уже не повторитъ тѣхъ ошибокъ, которыхъ они натворили; да

камъ, обыкновенно повторитъ всѣ эти лестныя для него выраженія, не упоминая объ ироническомъ характерѣ ихъ. И читатель думаетъ: вотъ какой всѣми признаваемый ученый человѣкъ!—Авторитетный писатель! И патріотъ!

еще и не хотятъ сознаться въ этомъ. То же самое, то-есть доказать свои необычайныя дипломатическія способности, имѣлъ онъ въ виду, когда предпринималъ поѣздку въ Болгарію. Но, увы! скажемъ, какъ говорятъ дипломаты: дальнѣйшій ходъ событій не оправдалъ предположеній г. Татищева. Вторая цѣль г. Татищева состоитъ въ томъ, чтобы представить отчасти въ смѣшномъ, отчасти въ ненавистномъ свѣтѣ всѣхъ этихъ „допотопныхъ дипломатовъ“. Мы не просимъ извиненія у тѣхъ дипломатовъ, къ которымъ относятся бранныя выраженія г. Татищева въ томъ, что повторяемъ ихъ; мы имѣемъ твердую увѣренность, что у нихъ нашлось вполнѣ достаточно презрѣнія къ этимъ „подвохамъ“ нашего непризнаннаго Бисмарка. — Мы не знаемъ, къ кому именно они относятся, но не сомнѣваемся, что между ними есть лица не русскаго, а нѣмецкаго происхожденія; это заключеніе мы выводимъ изо всѣхъ писаній г. Татищева, въ которыхъ онъ якобы разрабатываетъ исторію русской дипломатіи, потому что въ нихъ онъ всего болѣе нападаетъ на дипломатовъ иностраннаго происхожденія, какъ прежнихъ, такъ и современныхъ. У него для нихъ придуманы и особыя оскорбительныя названія — дипломатовъ „наемниковъ“, или дипломатовъ „внѣземельныхъ“, [1] вообще „дипломатіи внѣземельной“. Почему г. Татищевъ нападаетъ въ особенности на внѣземельную дипломатію? — На Берлинскомъ конгрессѣ „внѣземельная дипломатія“ не была, а была дипломатія *внутриземельная;* болгарское же дѣло было испорчено еще тамъ, а можетъ-быть еще и раньше, тамъ, гдѣ внѣземельная дипломатія также не была. Причина, очевидно, заключается въ личныхъ отношеніяхъ; когда г. Татищевъ выходилъ въ отставку, непріятныя отношенія существовали между нимъ и кѣмъ-нибудь изъ „внѣземельной дипломатіи“;—вотъ психологическое объясненіе факта. Другая причина состоитъ въ особой его писательской тактикѣ, въ нѣкоторомъ соединеніи писательства съ дипломатіей, не международною, а, такъ сказать, субъективною. Г. Татищевъ примазывается ко всякимъ обстоятельствамъ, ко всякимъ вопросамъ и даже личностямъ, съ помощію которыхъ онъ можетъ значеніе своей персоны раздуть, а „допотопныхъ дипломатовъ“, „дипломатовъ наемниковъ“ унизить,

---

[1] Г. Татищевъ весьма плодовитъ въ изобрѣтеніи оскорбительныхъ названій для внѣземельныхъ дипломатовъ. Иногда они являются у него подъ именемъ „наемныхъ пришлецовъ“, иногда даже подъ именемъ „искателей приключеній изо всѣхъ концовъ Востока и Запада“.

главнымъ образомъ во мнѣніи толпы, той полуобразованной части публики, которая, ничего хорошо не зная, ни о чемъ не разсуждая и не будучи способна къ разсужденію, горланитъ обо всякихъ важныхъ матеріяхъ, между прочимъ, о политикѣ, съ голоса газетъ и журналовъ, которые ей по плечу и которые сами печатно горланятъ точно такъ же, какъ и ихъ читатели, будучи облечены во всеоружіе невѣжества и пустозвонства.—Эта часть публики, та самая, которая называетъ себя интеллигенціей, въ настоящее время распадается на двѣ группы: одна горланитъ въ направленіи радикально-соціально-космополитическомъ, другая въ консервативно-національно-славянофильскомъ. Но большой исключительности и системности у тѣхъ и другихъ нѣтъ; своими сокровищами они взаимно дѣлятся; такъ что есть радикалы и соціалисты, которые вмѣстѣ съ тѣмъ націоналисты, народники и славянофилы; есть консерваторы и славянофилы, которые съ славянофильствомъ совмѣщаютъ фурьеризмъ, политическое бреттерство и нигилизмъ, въ той или другой его части.

Г. Татищевъ старается угодить и той и другой группѣ. И такъ какъ обѣ онѣ строгостью нравственнаго принципа и сколько-нибудь достаточнымъ образованіемъ не отличаются, то онъ, отчасти выходя изъ своей личной нравственной системы, слушая голосъ своей совѣсти, отчасти съ цѣлью captare benevolentiam своихъ читателей, начинаетъ говорить языкомъ пріятнымъ для нихъ, провозглашаетъ, что дипломатъ въ нравственности и добродѣтели не имѣетъ надобности, что ему нужна только польза, одна польза, и больше ничего, и что это составляетъ будто бы послѣднее слово науки, къ которому пришла и теорія, и здравая практическая дипломатія. И надобно отдать ему справедливость: въ своей дѣятельности онъ вполнѣ вѣренъ своему принципу: бѣлое подъ его перомъ является чернымъ, а черное бѣлымъ, когда въ этомъ онъ видитъ для себя пользу.

Мы не можемъ допустить, что Стамбулова и компанію онъ считаетъ такими, какими ихъ представляетъ, чтобы Равашоль могъ казаться ему Кольберомъ и Тюрго, чтобъ узурпацію власти и злодѣйства узурпаторовъ онъ считалъ внутренними дѣлами Болгаріи, не подлежащими вмѣшательству державы-освободительницы. Въ этихъ своихъ сравненіяхъ онъ не такъ простъ, какъ кажется. Простота его заключается въ другомъ—въ томъ, что онъ надѣялся обморочитъ публику всѣми этими нелѣпыми сказками, и не одну публику, а и всю совокупность русскаго правительства.

Онъ надѣялся, что вотъ „сейчасъ допотопные дипломаты", не только Азіятскій департаментъ, но и все Министерство Иностран- Дѣлъ съ начальникомъ своимъ во главѣ, расточатся, какъ враги Божіи, и растаютъ какъ воскъ отъ лица огня, вслѣдствіе громовъ, бросаемыхъ на нихъ г. Татищевымъ, и уступятъ мѣсто Бисмарку Младшему и состоящимъ подъ его руководствомъ дипломатамъ втораго порядка, подобно Бисмарку, подвизающимся въ журналистикѣ, въ особенности, если онъ, посредствомъ дипломатическихъ переговоровъ со Стамбуловымъ, присоединитъ къ Россіи цѣлое Болгарское княжество, которымъ безуспѣшно старался овладѣть великій князь Кіевскій Святославъ.

Г. Татищевъ такъ увѣренъ въ непогрѣшимости и торжествѣ своей дипломатіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ окончательномъ пораженіи дипломатіи допотопной и внеземельной, что, безъ сомнѣнія, съ часу на часъ ожидалъ посольства, въ родѣ того, которое когда-то Новгородцы отправили къ Рюрику: вѣдомство наше большое и очень важное, но порядка у насъ нѣтъ; такъ пожалуйте, Сергѣй Спиридонычъ, [1] департаментомъ управлять, конечно, только на время, а вслѣдъ за тѣмъ цѣлымъ министерствомъ. Судя по всему, именно въ виду этого нетерпѣливаго ожиданія, онъ не находитъ нужнымъ оставлять свое счисленіе времени по двумъ календарямъ, чтобы не оказаться въ затрудненіи, когда придется вести переписку съ иностранными государственными людьми. [2]

Въ виду всѣхъ этихъ столь важныхъ интересовъ, въ виду этого своего рода raison d'état, великую ли важность составляютъ какіе-нибудь эмигранты, бывшіе когда-то во власти, а теперь потерявшіе ее и пришедшіе въ Россію искать убѣжища?—Съ ними можно и не церемониться, и именно на нихъ практиковать эту дипломатію, страдающую нравственнымъ дальтонизмомъ, не отличающую бѣлаго отъ чернаго.

Такъ точно поступаетъ и мудрый, достойный подражанія правитель Болгаріи, знаменитый Кольберъ-Равашоль. Въ виду своихъ

---

[1] Сергѣй Спиридоновичъ это имя г. Татищева, какъ оказывается изъ напечатанныхъ писемъ къ нему болгарскихъ эмигрантовъ, протестовавшихъ противъ его клеветъ.

[2] По всей вѣроятности, въ тѣхъ же видахъ онъ заранѣе публиковалъ свой адресъ, въ которомъ обозначилъ свое постоянное мѣстопребываніе (Тейфенбергъ въ Штиріи), чтобъ избавить отъ напраснаго труда тѣхъ, которые будутъ посланы звать его на высшую должность по дипломатическому вѣдомству.

raisons d'état онъ попавшихся ему въ руки эмигрантовъ подвергаетъ истязаніямъ и казнямъ, τιτρώσκει τῷ ξίφῳ; а г. Татищевъ ищущихъ у насъ убѣжища и гостепріимства нашихъ исконныхъ друзей подвергаетъ грубымъ оскорбленіямъ и гнуснымъ клеветамъ, τιτρώσκει τῷ λόγῳ.—Raison d'état въ томъ и въ другомъ случаѣ!

IX.

Г. Татищеву не останавливаться же на полдорогѣ. Нѣсколько станцій въ этомъ направленіи имъ уже пройдено: къ нѣсколькимъ недавнимъ фактамъ изъ области нашихъ международныхъ отношеній и къ нѣсколькимъ выдающимся личностямъ онъ уже примазался не безъ успѣха, какъ онъ воображаетъ.

Извѣстны отличныя отношенія между Россіей и Черногоріей, именно такія, какихъ нужно желать между Россіей и всѣми другими славянскими землями, основанныя не на занятіи крѣпостей, а на взаимномъ доброжелательствѣ, на общемъ славянскомъ добродушіи, на христіанскомъ братолюбіи и, разумѣется, на общемъ интересѣ защиты отъ покушеній правителей и дипломатовъ, главнымъ образомъ, австрійскихъ и мадьярскихъ, не различающихъ въ политикѣ чернаго отъ бѣлаго.

Знаетъ ли читатель, что эти вожделѣнныя отношенія обязаны своимъ существованіемъ г. Татищеву? Именно ему, Сергѣю Спиридоновичу Татищеву. Не удивляйтесь. Мало ли какія бываютъ на свѣтѣ чудеса, которыхъ мы не знаемъ! О своей заслугѣ въ дѣлѣ сближенія Россіи съ Черногоріей свидѣтельствуетъ *самъ г. Татищевъ* въ своихъ *Дипломатическихъ Бесѣдахъ*; повѣдавъ читателямъ объ этомъ, г. Татищевъ, между прочимъ, для подтвержденія своего увѣренія, пользуется случаемъ, чтобы путемъ печати предъ лицомъ всей читающей Россіи отправить къ князю Черногорскому „поздравительный привѣтъ“ по случаю радостнаго событія въ его семьѣ (выдачи замужъ дочери). Вотъ онъ каковъ, г. Татищевъ! „Водился онъ всегда съ князьями“ и до сихъ поръ водится, да не съ простыми, а съ владѣтельными. Ну ему ли не по-плечу управленіе Азіятскимъ департаментомъ и даже цѣлымъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ! Такими средствами раздуваетъ г. Татищевъ значеніе своей персоны! Пусть обратятъ на это вниманіе тѣ изъ нашихъ почтенныхъ гостей, которые наклонны видѣть въ немъ патріота и вліятельнаго

писателя. Не знаемъ, какимъ путемъ благодарилъ его Черногорскій князь,—кажется только не путемъ печати. Ничего подобнаго мы не помнимъ.

Это примазываніе г. Татищева къ князю Николаю и его семейнымъ радостямъ имѣетъ характеръ, такъ сказать, международный или, пожалуй, „внѣземельный“, а вотъ примазываніе домашнее, „внутриземельное“. Умеръ Катковъ: его похоронили съ большою помпой, при громадномъ стеченіи народа. Деруледъ пріѣхалъ изъ Парижа, чтобы возложить на его могилу вѣнокъ. Газеты въ Россіи и въ Западной Европѣ заговорили о покойникѣ, о его журнальной дѣятельности, его патріотизмѣ и т. д. Короче, оставилъ земную юдоль человѣкъ крупныхъ размѣровъ. Послѣ него не осталось между публицистами человѣка, который достигъ бы хоть половинной доли того значенія, какое имѣлъ покойникъ. Вакансія оставалась незамѣщенною. А между тѣмъ, г. Татищева все болѣе и болѣе „занимала, озабочивала и волновала польза Россіи“, ревность о русской правдѣ лишала его покоя, и, замышляя въ 1890 году открыто выступить на поприще служенія отечеству въ качествѣ независимаго дипломата, то-есть замышляя свою экспедицію въ Болгарію, онъ нашелъ цѣлесообразнымъ предпослать ей маленькую автобіографическую замѣтку, въ тѣхъ видахъ, чтобы показать несообразительнымъ согражданамъ преемственную связь своей дѣятельности съ дѣятельностью Каткова.

Сдѣлавъ предварительный очеркъ заслугъ Каткова, какъ публициста-патріота, г. Татищевъ продолжаетъ: „съ первыхъ моихъ шаговъ въ печати я имѣлъ честь быть принятымъ въ число ближайшихъ сотрудниковъ М. Н. Каткова, въ изданіяхъ котораго появились начальные опыты мои по отечественной исторіи и политикѣ. Всею силой разума и чувства усвоилъ я совокупность завѣтовъ этого мужественнаго и самоотверженнаго борца за русскую правду“. Вникните, читатель, въ смыслъ этихъ строкъ. Не ясно ли, что г. Татищевъ есть преемникъ и продолжатель дѣла Каткова? Ужь если при первыхъ шагахъ въ печати онъ могъ быть ближайшимъ сотрудникомъ Каткова, то какое значеніе имѣетъ онъ теперь, послѣ того какъ онъ всею силой разума и чувства усвоилъ совокупность завѣтовъ самоотверженнаго борца за русскую правду? Не очевидно ли, что преемникъ Бисмарка въ дипломатіи есть въ то же время преемникъ Каткова, какъ писатель, какъ патріотъ, какъ борецъ за правду? Вотъ

какъ примазывается г. Татищевъ къ памяти Каткова. Вотъ откуда идетъ представленіе о немъ, какъ о патріотѣ и авторитетномъ писателѣ! Изъ его собственнаго самохвальства и изъ его способности примазываться.

Всю Россію, и наше правительство и общество, занимаетъ вопросъ о союзѣ съ Франціей. Союзъ уже заключенъ, если не формально, то морально, если не на бумагѣ, то во взаимныхъ чувствахъ и правительствъ и народовъ. А извѣстно ли читателю, что и тутъ не обошлось безъ г. Татищева? Такъ самъ онъ говорилъ во время своихъ, теперь уже вошедшихъ въ область исторіи, конференцій со Стамбуловымъ. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей въ этомъ историческомъ событіи. „C'est lui qui a ramené le roi". Такъ сообщаетъ объ этомъ Стамбуловъ. Г. Татищевъ отвергаетъ это; утверждаетъ, что ничего подобнаго Стамбулову онъ не говорилъ. Но... мы не вѣримъ ему; не такъ не вѣримъ, какъ онъ не вѣрилъ болгарскимъ эмигрантамъ, то-есть безъ причины и вопреки прежнимъ своимъ утвержденіямъ, а не вѣримъ на основаніи вполнѣ достаточныхъ причинъ, которыя читатель послѣ всего вышесказаннаго, надѣемся, и самъ сознаетъ вполнѣ ясно. А вѣримъ мы въ этомъ случаѣ, вопреки обязанностямъ патріотизма, больше Стамбулову, потому что, во-первыхъ, употребляя выраженіе Бисмарка Старшаго, la vérité prime le patriotisme, вовторыхъ, такія вещи не выдумываются, и онѣ строго соотвѣтствуютъ всегдашнимъ пріемамъ г. Татищева, его безпримѣрному и безстыдному хвастовству, которое отлично выражается народнымъ словомъ „бахвальство", а его отпирательство необходимымъ образомъ вытекаетъ изъ принциповъ его философіи.

Наконецъ, что̀ всего удивительнѣе, г. Татищевъ гораздо раньше говорилъ то же самое не съ глазу на глазъ съ кѣмъ-нибудь, а предъ лицомъ всей Европы, въ печати, въ статьѣ напечатанной въ *Nouvelle Revue* еще въ 1887 году, которую самъ же г. Татищевъ на русскомъ языкѣ напечаталъ въ книгѣ *Изъ прошлаго русской дипломатіи*, гдѣ сказано, что франко-русскій союзъ обязанъ своимъ бытіемъ Каткову и *группѣ патріотовъ, которыхъ онъ сплотилъ вокругъ себя.* Въ той же книгѣ онъ повѣдалъ Россіи, что именно онъ былъ въ числѣ ближайшихъ сотрудниковъ Каткова. Нужны ли тутъ какіе еще комментаріи?

Но этимъ дипломатическимъ участіемъ въ созданіи русско-фран-

цузскаго союза г. Татищевъ не ограничился. Онъ не примину́лъ примазаться къ нему съ другой стороны, какъ писатель, посредствомъ „историческаго изслѣдованія“ о Міровомъ раздѣлѣ.

X.

Это очень любопытное „изслѣдованіе“. Въ началѣ XIX вѣка, послѣ такого колоссальнаго опыта реформы, какъ французская революція, послѣ вѣка философіи, вѣка Вольтера, Руссо, Монтескье, Адама Смита, Беккаріи, Лессинга, Канта и др., явился человѣкъ, который задумалъ политическую систему государствъ Европы превратить... ни болѣе и не менѣе, какъ въ имперію Великаго Могола. Въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ онъ слѣдовалъ ученію г. Татищева о безразличіи между добродѣтелью и порокомъ; въ борьбѣ съ политическими противниками... Стамбуловъ-Равашоль еще не дошелъ до его пріемовъ (казнь герцога ангіенскаго).

Онъ обманулъ всѣхъ, кого можно было обмануть, Французовъ и иностранцевъ, республиканцевъ и монархистовъ, народы и царей! Въ исторіи мало лицъ, которыя и при жизни возбуждали бы къ себѣ столько самой справедливой ненависти, какъ онъ, и послѣ смерти столько осужденій и даже все-таки ненависти, не погасшей почти въ теченіе столѣтія. И чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ болѣе гнусною и чуждою всему священному оказывается эта фигура. Франціи господство Наполеона I и потомъ продолжателя его дѣлъ Наполеона III стоило десятковъ милліардовъ денегъ, потери едва ли не четверти территоріи, которую она имѣла раньше 1804 года, и больше двухъ милліоновъ солдатъ, погибшихъ въ войнахъ. Въ политикѣ Наполеонъ I слѣдовалъ той самой системѣ, которую теперь рекомендуетъ для православной Россіи г. Татищевъ, слѣдовалъ не только въ совокупности и въ духѣ, но и въ подробностяхъ. Бывшій прихвостень обоихъ Робеспьеровъ, потомъ прихвостень Баррера, до конца жизни оставшійся интеллектуальнымъприхво стнемъ Баррера, [1] овладѣвъ посредствомъ

[1] Извѣстно, что идея континентальной системы заимствована Наполеономъ у Баррера, извѣстнаго террориста, одного изъ «трехъ великихъ злодѣевъ», присужденныхъ въ 1795 году къ ссылкѣ въ Кайенну. Наполеоново участіе въ этомъ дѣлѣ состоитъ только въ томъ, что онъ клубскую болтовню, для оцѣнки которой онъ не имѣлъ достаточно средствъ, перенесъ въ область міровой политики, что̀ и послужило послѣднею и неотразимою причиной его погибели.

обмана и насилія правленіемъ во Франціи, средства, наслѣдованныя имъ отъ республики, употребилъ на то, чтобъ основать имперію Великаго Могола, окружилъ себя преданными и подчиненными правителями: раджами, субабами, субадарами, набобами, овладѣлъ Римомъ, Амстердамомъ, Гамбургомъ, держалъ гарнизонъ даже въ Данцигѣ! Кажется ужь вполнѣ обезпечилъ себя всѣми матеріальными гарантіями, которыя такъ цѣнитъ г. Татищевъ; и хотя никогда ни о чемъ больше не помышлялъ, какъ о своей пользѣ, и все честное, возвышенное отрицалъ, считалъ никуда негодною, пустою „идеологіей", тѣмъ не менѣе, судьбы своей не избѣжалъ; обманувъ людей, не успѣлъ обмануть Немезиду и получилъ вполнѣ заслуженную мзду за свои дѣянія на островѣ Св. Елены.

Несмотря на все это, г. Татищевъ посредствомъ своего „изслѣдованія" пришелъ къ мысли, что императоръ Александръ I сдѣлалъ большую политическую ошибку, не подороживъ союзомъ съ Наполеономъ, возникшимъ послѣ Тильзитскаго мира, не захотѣвъ раздѣлить со всеобщимъ врагомъ ненависть и проклятія міра. Мы не отказали бы въ уваженіи всякому научному выводу, какимъ бы страннымъ онъ ни казался; но у г. Татищева нѣтъ научныхъ выводовъ, потому что у него нѣтъ научныхъ изслѣдованій. Его „изслѣдованія" такія же самозванныя изслѣдованія, какъ самъ онъ самозванный дипломатъ, самозванный патріотъ, самозванный историкъ. „Изслѣдованіе" г. Татищева *Міровой раздѣлъ* очень объемисто; оно было напечатано въ нѣсколькихъ книжкахъ *Русскаго Вѣстника*; тѣмъ не менѣе, ни изслѣдованіемъ, ни ученымъ трудомъ оно названо быть не можетъ. Это genus scripturae, непредвидѣнный теоріей словесности и до сихъ поръ невстрѣчавшійся въ литературахъ цивилизованныхъ народовъ.—Объ этой эпохѣ, о времени Наполеона I, о его войнахъ, дипломатическихъ сношеніяхъ, о его отношеніяхъ къ друзьямъ, ко врагамъ, напечатаны цѣлыя горы всякаго рода изданій на разныхъ языкахъ: исторій политическихъ, военныхъ, дипломатическихъ, общихъ и частныхъ, въ книгахъ, въ журнальныхъ статьяхъ; изданы десятки томовъ всякаго рода документовъ, дипломатической переписки, мемуаровъ, дневниковъ и т. п. Г. Татищевъ запасся нѣкоторымъ количествомъ этого рода изданій и давай писать „изслѣдованіе": возьметъ нѣсколько страницъ изъ одной книги, нѣсколько изъ другой, напечатаетъ въ переводѣ или въ вольномъ изложеніи какой-нибудь политическій документъ

ни на что̀ не нужный, донесеніе, записку и пр. и все это, связавъ механически, безъ цѣли, безъ отношенія къ какой-нибудь мысли, задачѣ, напечатаетъ одно за другимъ, и потомъ приклеитъ свою мысль, не вытекающую изъ того, что̀ напечатано выше.

Послѣдуемъ за авторомъ въ его работѣ. Онъ излагаетъ очеркъ войны Россіи съ Франціей въ 1806—7 году. Замѣтьте, изслѣдованіе называется *Міровой раздѣлъ. Отъ Тильзита до Эрфурта.* Зачѣмъ бы тутъ, кажется, толковать о войнѣ бывшей раньше, давно хорошо обслѣдованной и описанной? Вотъ то-то намъ и нужно, что она изслѣдована, то-то и хорошо, что она уже описана. Г. Татищевъ въ заголовкѣ статей о міровомъ раздѣлѣ неизмѣнно ставитъ: „по неизданнымъ источникамъ“, а между тѣмъ эти неизданные источники суть не что̀ иное, какъ описаніе войны 1806—7 года въ сочиненіяхъ Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича; это новый видъ хвастовства и самозванства г. Татищева. И заимствованія свои онъ дѣлаетъ чрезвычайно оригинальнымъ образомъ. Оба названные писателя, какъ писатели военные, интересуются главнымъ образомъ военною стороной исторіи, не пренебрегая и никакою другой; потому естественно сочиненія ихъ изобилуютъ военными подробностями. Прежде чѣмъ описывать сраженія, они сообщаютъ подробныя свѣдѣнія о силахъ воюющихъ сторонъ, о частяхъ, на которыя онѣ дѣлятся, о движеніи ихъ къ пунктамъ встрѣчи съ непріятелемъ и потомъ уже описываютъ самыя сраженія, разсказываютъ какое участіе какая часть принимала въ битвѣ, какъ она была введена въ дѣло, причемъ важную роль должно было играть предыдущее расположеніе ея относительно другихъ силъ и мѣста встрѣчи съ непріятелемъ. Г. Татищевъ, пользуясь этимъ „неизданнымъ источникомъ“, то-есть напечатанными 25—40 лѣтъ назадъ сочиненіями Данилевскаго и Богдановича, несмотря на то, что пишетъ не военную исторію, также сообщаетъ подробныя свѣдѣнія о непріятельскихъ силахъ, о частяхъ, на которыя онѣ дѣлятся, перечисляетъ корпуса, дивизіи и даже полки нашей и французской арміи, сообщаетъ имена командировъ, сообщаетъ даже о частяхъ, которыя не были на театрѣ войны, а только формировались. Короче, вполнѣ военная исторія и читатель ждетъ, что авторъ вслѣдъ за симъ раскроетъ предъ нимъ картину сраженія, гдѣ всѣ эти корпуса и дивизіи явятся предъ нимъ въ дѣйствіи. Ничуть не бывало. Сраженіе совсѣмъ не описывается; о немъ говорится въ нѣсколькихъ строкахъ, собственно только о резуль-

татѣ сраженія; именно такъ говоритъ г. Татищевъ о важнѣйшихъ дѣлахъ въ этой войнѣ, при Пултускѣ и Прейсишъ-Эйлау. Корпуса, дивизіи, полки и батареи, даже піонерныя и понтонныя роты ходили-ходили въ разныхъ направленіяхъ предъ глазами читателя; вмѣстѣ съ ними, какъ на смотру, парадировали маршалы Наполеона, русскіе начальники корпусовъ, дивизій и даже полковъ, а какъ дошло до сраженія, то всѣ они куда-то исчезли, точно дезертировали съ театра войны. То, что̀ находится у Богдановича, которому преимущественно слѣдовалъ г. Татищевъ, представляетъ логическое, систематическое цѣлое, полное смысла. Въ войнѣ самое главное—сраженія, особенно генеральныя. Битвѣ при Прейсишъ-Эйлау у Богдановича посвящено около двадцати страницъ; и нѣсколько страницъ посвящены предыдущимъ движеніямъ и аріергарднымъ стычкамъ. Это, такъ-сказать, вступленіе къ главному предмету, предисловіе при сочиненіи, подъѣздъ при дворцѣ. Г. Татищевъ вмѣсто изданія книги ограничился однимъ предисловіемъ, вмѣсто постройки дворца ограничился однимъ подъѣздомъ. Такъ понимаетъ онъ сущность историческаго изслѣдованія! Изо всего, что̀ написано имъ о войнѣ 1806—7 года, отъ начала ея до битвы при Прейсишъ-Эйлау, къ дѣлу относятся только десять или двадцать строкъ, а онъ написалъ страницъ двадцать или тридцать неизвѣстно съ какою цѣлью, только потому, что нашелъ то же самое у Богдановича въ его сочиненіи, гдѣ Богдановичъ описываетъ эту войну главнымъ образомъ съ военной точки зрѣнія; и дѣлая это подражаніе, г. Татищевъ не отличилъ существенныхъ частей отъ несущественныхъ, главныхъ отъ второстепенныхъ; такъ что его „изслѣдованіе по неизданнымъ источникамъ“ является не только плагіатомъ, но дѣйствительною пародіей на изслѣдованіе, на ученый трудъ.

Чрезвычайно любопытны его разсужденія о причинахъ совершавшихся событій. Александру I совѣтовали раньше начала военныхъ дѣйствій попытаться еще разъ покончить дѣло миромъ и начать переговоры. Императоръ не согласился. Почему?—Ему не позволило этого, по словамъ г. Татищева, „неудержимое влеченіе къ прусской королевской четѣ, состраданіе внушенное несчастіемъ, великодушная рѣшимость во что̀ бы то ни стало возстановить ее на низверженномъ Наполеономъ престолѣ“. Но это причина не самостоятельная; она могла имѣть дѣйствіе только въ такомъ случаѣ, если Александръ надѣялся на побѣду. Только побѣдивъ, онъ могъ помочь серьезнымъ образомъ Прусскому

королю, а будучи побѣжденъ, онъ могъ сдѣлать гораздо меньше, чѣмъ не воюя, а имѣя наготовѣ сильную армію. Что же давало ему надежду на побѣду? Въ этомъ сущность дѣла. А на нее-то и не обратилъ никакого вниманія г. Татищевъ. Въ то время, къ концу 1806 года, уже набралось довольно признаковъ, неблагопріятныхъ для судьбы Наполеона, несмотря на внѣшніе его успѣхи. Князья Рейнскаго союза пресмыкались предъ нимъ, а Нѣмецкій народъ, какъ пробуждающійся левъ, уже начиналъ рычать, и книгопродавецъ Пальмъ былъ уже разстрѣлянъ, что возмутило Европу почти такъ же, какъ и казнь герцога Ангіенскаго. Въ Калабріи началась народная война противъ силой навязаннаго ей короля Іосифа Бонапарта. Англичане начинаютъ дѣлать высадки въ странахъ покоренныхъ Наполеономъ и нападать на его войска въ открытомъ бою, и даже побѣждать ихъ. Въ Испаніи весь народъ, и знатные, и незнатные, раздражены противъ Князя Мира и даже противъ короля за ихъ угодничество предъ Наполеономъ. Адріатическіе Славяне ожесточены противъ Французовъ больше, чѣмъ противъ Турокъ. Англія послѣ декрета о континентальной системѣ удвоила свою энергію. Наконецъ, и во Франціи дѣло дошло уже до того, что конскрипція оказывается недостаточною, и національная гвардія получаетъ приказъ о приготовленіи къ дѣйствительной службѣ, а непобѣдимый императоръ, превращаясь въ Великаго Могола, начинаетъ уже впередъ забирать у народа солдатъ. Конскрипты 1807 года призываются уже въ 1806. Неудовольствіе народа растетъ; къ англійскимъ министрамъ являются Французы, которые просятъ средствъ для того, чтобы привести въ исполненіе замыселъ убить Наполеона, а государственныя тюрьмы Франціи оказываются тѣсны для помѣщенія политическихъ преступниковъ! Вотъ на что, между прочимъ, надѣялся Александръ I, не уклоняясь въ 1806 году отъ войны съ Наполеономъ, который къ этому времени уже вполнѣ вошелъ въ роль Великаго Могола, нисколько несогласную ни съ матеріальными, ни съ правительственными интересами Россіи, какъ ея правительства, такъ и народа. А г. Татищевъ знать этого не хочетъ; или, будемъ говорить прямѣе и откровеннѣе, г. Татищевъ не знаетъ этого, никогда не слыхалъ объ этомъ и не воображалъ. Начавъ экспромтомъ свои „историческія изслѣдованія", онъ думаетъ, что для этого достаточно одной смѣлости, что изученіе предмета и извѣстный уровень образованія тутъ не играютъ никакой роли. И императоръ Александръ, воюя съ

Наполеономъ, является у него какимъ-то трубадуромъ Блонделемъ, который, будучи побуждаемъ чувствомъ преданности, отправляется выручать короля Ричарда, или Миликтрисою Кирбитьевною, которая, будучи побуждаема неудержимымъ влеченіемъ къ Еруслану Лазаревичу, приноситъ величайшія жертвы, чтобы спасти его.

Что исторія превращается въ сказку, это необходимый результатъ того положенія вещей, когда люди, не имѣющіе ничего общаго съ наукой, вмѣсто того, чтобъ изучать ее, учиться, начинаютъ писать „изслѣдованія" о томъ, чего они не знаютъ и не понимаютъ. [1] Что при этомъ страдаетъ исторія, истина, экая важность! Г. Татищеву до этого никакого дѣла нѣтъ. Его задача состоитъ въ томъ, чтобы примазаться къ франко-русскому союзу самымъ крѣпкимъ образомъ, не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, и въ будущемъ. Время идетъ; франко-русскій союзъ крѣпнетъ, а допотопные дипломаты продолжаютъ руководить политикой Россіи. Тутъ нуженъ дипломатъ новаго типа, бисмарковскаго, который при этомъ отличался бы безграничною преданностью франко-русскому союзу. — Все это нужно поставить на видъ кому слѣдуетъ и время напрасно не тратить.

XI.

Въ другихъ произведеніяхъ г. Татищева такъ же, какъ и въ Міровомъ раздѣлѣ, его „занимаетъ, озабочиваетъ, волнуетъ" все то же неизмѣнное стремленіе примазаться къ какому-нибудь популярному вопросу.

Еще въ концѣ царствованія императора Николая и общество и правительство сознали, что меттерниховская политика, которой слѣдовала наша дипломатія до половины XIX вѣка, вполнѣ противорѣчитъ нашимъ интересамъ матеріальнымъ и моральнымъ. Грановскимъ было написано изслѣдованіе, содержавшее въ себѣ весьма остроумную и основательную критику принци-

[1] Нашъ историкъ войска, съ которыми Наполеонъ велъ войну противъ Русскихъ въ 1806—7 году, называетъ Великою арміей, перенося на нихъ названіе, которое появилось только пять лѣтъ спустя, когда Наполеонъ дѣйствительно сформировалъ противъ Россіи Великую армію, какой Европа не видала со временъ Аттилы. Ей только и принадлежитъ названіе La Grande armée. Она сформирована въ 1812 году и почти вся погибла въ Россіи въ томъ же году. И потому, что это была армія единственная, ея имя стало именемъ собственнымъ и пишется съ большой буквы.

повъ и дѣйствій нашей дипломатіи, руководимой графомъ Нессельроде. Погодинъ написалъ объ этомъ предметѣ особую записку для императора Николая, въ которой также доказывалъ непригодность для Россіи политики Меттерниха. Кромѣ того, и въ нашей литературѣ и въ иностранныхъ было напечатано множество сочиненій и изданій касательно того же предмета, весьма неблагопріятныхъ для меттерниховскихъ идей. Вообще система потеряла кредитъ. Но г. Татищевъ, примазываясь къ патріотическому направленію правительственной политики и къ патріотической настроенности общества въ послѣднее десятилѣтіе, нашелъ полезнымъ—для себя,—тряхнуть стариной и понадергавъ изъ этой кучи изданій то, что подвернулось подъ руку, все это неперемытое и неразсортированное тряпье преподнесъ русской публикѣ подъ именемъ историческихъ изслѣдованій, пришивъ къ нимъ съ одной стороны теорію ненадобности нравственности и вообще принциповъ въ дипломатіи, съ другой—цѣлые десятки страницъ съ инсинуаціями и прямыми обвиненіями, направленными противъ современныхъ дипломатовъ нерусскаго происхожденія и ихъ предшественниковъ. Они, эти „наемные пришлецы“ и „искатели приключеній“, — „завладѣли русскимъ дипломатическимъ поприщемъ, какъ наслѣдственною вотчиной“.—„Они, по словамъ г. Татищева, со своими сродниками и потомками, чадами и домочадцами крѣпко засѣли въ немъ, окопались и укрѣпились такъ, что на долгіе годы затруднили въ него доступъ природнымъ Русскимъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ, что поступались имъ въ дахъ (?) своими національными думами, завѣтами, вѣрованіями.“ — Они „старались и отчасти успѣли, *въ союзѣ съ враждебными нашей государственности и народности силами по ту сторону отечественнаго рубежа*“,—затормозить развитіе Россіи.—Они стремились сдѣлать Россіи гораздо больше вреда, но „всѣмъ этимъ пигмеямъ *не удалось подточить въ корнѣ государственный ростъ Россіи*“.

Въ настоящее время „наемные пришлецы“ усиливаются *вмѣстѣ съ иностранными державами* не дать Россіи одержать великую нравственную побѣду надъ Болгаріей и Стамбуловымъ, еслибъ они и захотѣли склонить голову предъ Россіей.—И при всѣхъ этихъ дѣйствительно капитальныхъ, уголовныхъ обвиненіяхъ, у г. Татищева никакихъ доказательствъ, никакого подобія ихъ!—Мы съ намѣреніемъ выписали эти строки, чтобы какъ читатели вообще, такъ и болгарскіе эмигранты въ частности,

могли сами придти къ убѣжденію, что озлобленіе г. Татищева противъ тѣхъ, кому онъ расточаетъ оскорбительныя названія, достигло высокой степени. Взводить на кого бы то ни было столь тяжкія обвиненія безъ доказательствъ—возможно исключительно при этомъ условіи. И подобныя задачи, обличая озлобленіе обвинителя, ни въ какомъ случаѣ не могутъ достигнуть предположенной цѣли, въ особености если обвиненія направлены не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ цѣлой группы.

Не проще ли и не лучше ли было бы, еслибы г. Татищевъ вмѣсто общихъ обвиненій прямо указалъ лица, которыя въ союзѣ съ иностранными державами стараются воспрепятствовать Россіи одержать великую нравственную побѣду надъ Болгаріей и Стамбуловымъ, и показалъ въ какихъ дѣйствіяхъ это выразилось?—Равнымъ образомъ было бы сообразнѣе съ цѣлью указать тѣхъ наемныхъ пришельцевъ, которые раньше этого вмѣстѣ съ враждебными Россіи державами старались задержать развитіе Россіи и даже въ корнѣ подточить ростъ ея,—и къ этому слѣдовало присоединить точный списокъ тѣхъ природныхъ Русскихъ, которые продали свои „національныя думы, завѣты и вѣрованія“ за хорошія мѣста по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ. Списокъ русскихъ дипломатовъ, еще при Нессельроде занимавшихъ видныя мѣста и получавшихъ важныя дипломатическія порученія, или начавшихъ при немъ службу и проходившихъ ее не безъ успѣха, или, наконецъ, получившихъ мѣста вслѣдствіе связей, завязанныхъ въ то время, довольно великъ, и въ немъ есть много именъ весьма почтенныхъ. Начнемъ съ Грибоѣдова; много ли именъ въ нашей исторіи болѣе достойныхъ уваженія, чѣмъ это? — Затѣмъ слѣдуютъ кн. Орловъ, Меншиковъ, Воронцовъ, два Киселевыхъ, другой Орловъ, Горчаковъ, Балабинъ, Новиковъ, Бутеневъ, Титовъ и др. Кто же именно изъ нихъ продалъ свою совѣсть за хорошее мѣсто?—Вотъ еслибы показалъ и доказалъ все это г. Татищевъ, тогда слова его о предательскомъ отношеніи „наемныхъ пришельцовъ“ къ Россіи были бы убѣдительны.

А еще бóльшую убѣдительность они получили бы въ томъ случаѣ, еслибы г. Татищевъ разъяснилъ, какія причины повлекли за собою его выходъ изъ службы, еслибъ онъ показалъ, что онъ подалъ въ отставку возмущенный предательскою политикой своего начальства, или что начальство, изъ бывшихъ чадъ и домочадцевъ, изъ сродниковъ и потомковъ прежнихъ

искателей приключеній, само уволило его за его нежеланіе содѣйствовать антинаціональной и предательской политикѣ, проводимой вопреки общимъ видамъ правительства сообразно со своими личными выгодами; еслибы г. Татищевъ показалъ все это и доказалъ, тогда никто не сталъ бы сомнѣваться въ томъ, что онъ пламенно и страстно любитъ Россію, что польза отечества всегда и всюду занимаетъ, озабочиваетъ и волнуетъ его, а его противники, допотопные дипломаты, а въ особенности наемные пришельцы, честью и интересами Россіи жертвуютъ въ пользу враждебныхъ намъ державъ. А теперь слова г. Татищева никакой убѣдительности не имѣютъ, обличаютъ только его озлобленіе и прямо приводятъ къ цѣли противоположной, т.-е. его собственныя дѣйствія, цѣли, пріемы представляютъ въ свѣтѣ самомъ неблагопріятномъ. Авторъ этихъ строкъ самъ принадлежитъ къ числу „самобытниковъ", какъ насъ называютъ на смѣхъ, и вполнѣ признаетъ правильность и законность стремленій, выражаемыхъ въ поговоркахъ: l'Amérique aux américains, la Russie aux russes, такъ же какъ безо всякаго ограниченія признаетъ законность афоризма: Болгарія за себе-си. Но иное дѣло принципъ и честное, нравственно-благопристойное стремленіе къ его осуществленію, иное дѣло инсинуаціи, бранныя выраженія и всякаго другаго рода подвохи чиновника, вышедшаго въ отставку вслѣдствіе непріятностей. Иностранцевъ у насъ слишкомъ много не въ одномъ дипломатическомъ вѣдомствѣ, а и въ другихъ: въ военномъ, учебномъ, въ путяхъ сообщенія, въ медицинскомъ управленіи и т. д. Въ одномъ университетѣ нѣсколько лѣтъ назадъ оказалось до 50% Нѣмцевъ въ средѣ учащаго персонала. Въ Академіи Наукъ процентъ Нѣмцевъ еще больше. Но нельзя же смѣшивать принципы и личности и обращать принципы въ средства для сведенія личныхъ счетовъ.

Такой образъ дѣйствія можетъ имѣть только одинъ несомнѣнный результатъ, — профанацію принциповъ, подрывъ къ нимъ довѣрія [1], и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіе уровня литера-

[1] Этого не могъ не понимать и г. Татищевъ. И если, несмотря на это, онъ не отступилъ предъ пристегиваніемъ принциповъ къ своимъ личнымъ счетамъ, то, очевидно, принципами онъ не дорожитъ. И его самого никакъ нельзя причислить къ сторонникамъ какой бы то ни было идеи и въ особенности идеи національности, идеи патріотической и идеи истины. Чтò общаго могутъ имѣть эти идеи съ личными счетами г. Татищева или съ его устраненіемъ идеи добра и нравственности изъ области международнаго права?

туры. Во что̀ обратится литература и какую цѣну будетъ имѣть она, если каждый вышедшій въ отставку капитанъ русскаго происхожденія въ пику бывшимъ своимъ начальникамъ нѣмецкой національности начнетъ печатно перемывать по косточкамъ всѣхъ служившихъ въ русской арміи иностранцевъ, начиная отъ Гордона и Лефорта до нашего современника достопочтеннаго г. Тавастшерна, [1] не обходя ни Миниха, ни рано погибшаго Вейсмана, ни optime meriti de nostra patria Барклая де-Толли, ни Тотлебена и др., да еще при этомъ не отличая чернаго отъ бѣлаго? Во что̀ обратится литература, если всякій вышедшій въ отставку докторъ также поступитъ съ Нѣмцами-докторами, начиная отъ архіятера Блюментроста до всѣми уважаемаго г. Здекауэра, и къ этому оба они, и г. капитанъ, и г. докторъ, присоединятъ всякаго рода неблагопристойныя выходки противъ своихъ бывшихъ начальниковъ и товарищей, въ родѣ тѣхъ, до которыхъ унизился г. Татищевъ?

А еще г. Татищевъ даетъ понять своему читателю, что онъ не всякому чета, что онъ вращается въ *высшемъ обществѣ*, гдѣ якобы раздѣляютъ его взгляды. Не сомнѣваемся, что эти сообщенія г. Татищева такъ же достовѣрны, какъ его увѣренія о томъ, что онъ въ Болгарію явился, какъ представитель общественнаго мнѣнія, что онъ ревнуетъ о благѣ и славѣ Россіи и т. п. Высшее общество, которое достойно этого названія, которое превосходитъ другіе слои общества не роскошью, распущенностью нравовъ и спѣсью, а болѣе усердною службой отечеству и образованіемъ, сумѣло бы оцѣнить творенія г. Татищева, отличить научныя изслѣдованія отъ озлобленныхъ писаній отставнаго чиновника.

Такого рода писанія имѣютъ свое собственное, вполнѣ приличествующее имъ названіе—пасквиль. И авторы такого рода писаній не бываютъ вліятельными писателями.

---

[1] Г. Тавастшернъ въ восьмидесятыхъ годахъ служилъ въ одномъ изъ полковъ расположенныхъ на югѣ Россіи. Его фамилія дала поводъ къ весьма оригинальному осмысленію иностраннаго слова при передѣлкѣ его на русскій ладъ. Русскому солдатику, надо согласиться, трудновато произнести его въ подлинномъ видѣ, и потому солдаты его передѣлали въ «Кашеваринъ». Такъ и пошло это названіе по всему полку. И даже товарищи, и начальники, говоря съ солдатами, волей-неволей, во избѣжаніе путаницы или замедленія, напримѣръ, посылая вѣстоваго къ г. Тавастшерну, должны были называть его Кашеваринымъ.

XII.

А на что-нибудь другое, на дѣйствительное историческое изслѣдованіе, г. Татищева и недостало бы. Для изслѣдованія нужно знаніе, нужно образованіе; а много ли его у г. Татищева?

На основаніи разсѣянныхъ въ этой замѣткѣ данныхъ читатель самъ легко рѣшитъ этотъ вопросъ. Укажемъ еще нѣсколько данныхъ того же характера. Г. Татищевъ воображаетъ, что императоръ Николай, отказывая Л. Наполеону въ условномъ названіи „mon frère", тѣмъ самымъ будто бы отказался признать его въ качествѣ императора Французовъ!

„Политикѣ нравственныхъ началъ", пишетъ онъ, „мы обязаны севастопольскимъ разгромомъ,—*послѣ чего намъ все-таки пришлось признать* избраннаго императора Французовъ". Что Людовикъ Наполеонъ былъ признанъ въ качествѣ императора раньше севастопольскаго *разгрома*, вскорѣ послѣ провозглашенія имперіи, т.-е. послѣ 2 декабря 1852 года, это знаютъ дѣти, и это есть одинъ изъ самыхъ крупныхъ фактовъ въ исторіи дипломатіи XIX вѣка, самый первый по своему значенію и послѣдствіямъ. А г. Татищевъ былъ старшимъ секретаремъ посольства въ Вѣнѣ. Да еще написалъ цѣлое „историческое изслѣдованіе" о дипломатіи въ царствованіе императора Николая. Вотъ какія познанія лежатъ въ основѣ этого изслѣдованія. Можетъ ли писать ученыя работы по математикѣ тотъ, кто не знаетъ, что въ геометрической пропорціи произведеніе крайнихъ равно произведенію среднихъ?—Ему, г. Татищеву, нужно не изслѣдованія дѣлать, а учиться, сѣсть за книжку, за элементарный учебникъ.

Въ другомъ мѣстѣ онъ пишетъ: „государственный переворотъ былъ совершенъ президентомъ *съ одобренія* великихъ державъ материка".—Такъ президентъ велъ переговоры съ великими державами о переворотѣ? И г. Татищевъ не знаетъ того, что раньше переворота о немъ знали только три-четыре человѣка изъ самыхъ интимныхъ совѣтниковъ президента?—Тутъ онъ смѣшалъ двѣ вещи, которыя въ особенности долженъ хорошо различать дипломатъ: событія происшедшія во Франціи 2 декабря 1851 года и событія происшедшія 2 декабря 1852 г. Переворотъ, coup d'état, былъ совершенъ 2 декабря 1851 года, а

2 декабря 1852 года никакого переворота совершено не было. Была только введена новая конституція, мирно выработанная представителями народа, на основаніи которой фактическій глава государства Л. Н. Бонапартъ становился наслѣдственнымъ государемъ Франціи съ титуломъ императора. Относительно принятія императорскаго титула или признанія его со стороны иностранныхъ державъ не только Наполеонъ III, но и Наполеонъ I входилъ въ предварительныя конфиденціальныя сношенія съ правительствами Европы. А coup d'état по сущности своей требовалъ секрета и принадлежалъ именно ко внутреннимъ дѣламъ и въ силу принциповъ французскаго государственнаго права нуждался только въ одобреніи народа посредствомъ представителей или посредствомъ непосредственнаго голосованія въ комиціяхъ. Вотъ какихъ элементарныхъ свѣдѣній лишенъ нашъ Бисмаркъ Младшій.

Далѣе: въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ находились между собою императоръ Николай и Фридрихъ Вильгельмъ IV?—Г. Татищевъ называетъ Фридриха Вильгельма зятемъ императора Николая. На комъ же онъ былъ женатъ: на сестрѣ или на дочери императора? Увы! г-ну бывшему старшему секретарю посольства неизвѣстно, что, напротивъ, императрица Александра Ѳеодоровна была сестрой Фридриха Вильгельма. Хорошо, что нынѣшній Германскій императоръ не есть прямой потомокъ Фридриха Вильгельма IV и что г. Татищевъ вышелъ въ отставку. А то на какомъ-нибудь торжественномъ обѣдѣ или дипломатическомъ конгрессѣ, обращаясь къ императору Вильгельму II, онъ бухнулъ бы: ваше величество сами принадлежите по женской линіи къ числу потомковъ Петра I.—Вѣдь насмѣшилъ бы всю Европу.

Могъ бы насмѣшить онъ Европу и своими географическими познаніями. Вдругъ на какомъ-нибудь конгрессѣ, развивая свои мысли о международныхъ отношеніяхъ Европы, онъ замѣтилъ бы, что Македонія, находясь на берегу Адріатическаго моря, имѣетъ много общихъ интересовъ съ Италіей и Австріей. Да! онъ представляетъ себѣ, что Македонія отдѣляется отъ Болгаріи водораздѣломъ между Чернымъ и Адріатическимъ морями!

Обратимъ теперь вниманіе на прагматизмъ г. Татищева, на его пониманіе историческихъ явленій, ихъ свойствъ, причинъ и т. д.—Что̀ значитъ, какой смыслъ имѣетъ это сравненіе болгарскихъ эмигрантовъ съ эмигрантами, изъ которыхъ состави-

лась такъ-называемая армія Конде? Болгарскіе эмигранты служатъ представителями партіи народниковъ; это знаетъ и г. Татищевъ; и до сихъ поръ за ними остаются симпатіи народной массы, сельскаго населенія и даже простыхъ солдатъ въ арміи. Они оставили родину только тогда, когда шайка негодяевъ, овладѣвъ властью, посредствомъ стачки съ политическимъ проходимцемъ кн. Александромъ Баттенбергомъ, стала пользоваться властью такъ, что Болгарія начала сожалѣть о времени турецкаго владычества. А эмигранты арміи Конде оставили Францію еще въ 1789 году, когда вся Франція съ королемъ во главѣ помышляла только объ упорядоченіи финансовъ, объ облегченіи низшихъ классовъ народа, этихъ taillables et corvéables, которыхъ эмигранты называли не иначе, какъ canaille (отъ canis собака) и roture, roturiers (отъ roter рыгать). Это стóитъ польскаго „быдла"! Эмигрантамъ было обидно, что ихъ имущество хотѣли обложить налогомъ наравнѣ съ имуществомъ канальи и ротюры. Хорошее, правильное сравненіе сдѣлалъ г. Татищевъ! И трудно ли было понять все это въ подлинномъ смыслѣ, пойти немножко дальше названія въ уразумѣніи сущности той и другой эмиграціи,—которыя, дѣйствительно, кромѣ названія ничего не имѣютъ общаго?

Но что̀ представляетъ перлъ, въ которомъ выразилось философско-историческое пониманіе г. Татищева, это его сравненіе политики Стамбулова съ политикой Бранденбургскаго и потомъ Савойскаго дома. Стыдно доказывать нелѣпость или невѣжество этого сравненія. Стамбуловъ, къ которому уже теперь все, что̀ есть честнаго въ мірѣ, относится съ омерзѣніемъ, видя въ немъ Каина по отношенію къ Болгарамъ и Іуду по отношенію къ Славянамъ,—особенно къ Россіи — Стамбуловъ ставится на одной высотѣ съ Фридрихомъ II, лучшимъ государемъ не только своего времени, но и всего XVIII вѣка, съ Карломъ Альбертомъ, который соединилъ самоотверженіе патріота, храбрость героя съ мудростью правителя и искреннимъ благочестіемъ христіанина, наконецъ съ Викторомъ Эммануиломъ, который составляетъ своего рода unicum въ новой исторіи Западной Европы, заслуживъ названіе честнаго человѣка, il re galanthuomo.—Очевидно, въ этомъ случаѣ г. Татищевъ судитъ такъ, какъ слѣпые судятъ о цвѣтахъ, глухіе о звукахъ.

Вообще, когда дѣло доходитъ до разсужденія о предметѣ серьезномъ, о предметѣ науки, тамъ онъ оказывается вполнѣ

безпомощнымъ и приходитъ къ поражающимъ абсурдамъ, которые составляютъ самую сущность его „изслѣдованій“, то, что принадлежитъ ему вполнѣ и безспорно. Международное право допускаетъ законность эгоизма въ дипломатіи. Это всѣ и всегда знали. Сентиментализмъ и донкихотство не пользуются уваженіемъ въ средѣ здравомыслящихъ дипломатовъ. Но эгоизмъ не безусловно допускается въ международныхъ отношеніяхъ. Всякое правительство имѣетъ право стремиться къ осуществленію своихъ интересовъ, но только тогда, когда они законны и справедливы, когда они не противорѣчатъ законнымъ интересамъ другихъ. Кромѣ сентиментализма, есть еще честность, благородство и разумная уступка чувству. Г. Татищевъ не хочетъ знать всего этого, этихъ ограниченій, опредѣленій, требующихъ знанія, умѣлой и нѣсколько усиленной работы ума, и рубитъ съ плеча: пусть въ политикѣ господствуетъ эгоизмъ, прочь сентиментализмъ, не надо добродѣтели, не надо политики нравственныхъ началъ.

Въ этой „политикѣ нравственныхъ началъ“, въ пониманіи ея г. Татищевъ опять ограничился однимъ именемъ, не вникая въ сущность ея. Этимъ именемъ прикрывалась политика, которая имѣла очень мало общаго съ нравственными началами, со справедливостью, заботливостью о благѣ народномъ и т. п. Это все та же фальшивая политика времени Священнаго союза и конгрессовъ, которая по справедливости не пользовалась сочувствіемъ народовъ Европы, когда государи, члены Священнаго союза, всякое стремленіе народовъ къ улучшенію внутреннихъ порядковъ, къ искорененію административныхъ злоупотребленій и продажности, къ разумной внутренней свободѣ клеймили названіемъ революціи и считали себя обязанными подавлять силой оружія со взаимною порукой, такъ что народы Европы, которые съ проклятіями только-что проводили Наполеона на островъ св. Елены, стали сожалѣть о его времени, и искра революціи стала вновь разгораться.

Къ сожалѣнію, Россія оставалась всѣхъ долѣе на этой дорогѣ; императоръ Николай открыто заявилъ себя защитникомъ идей Священнаго союза и, спасая въ 1849 году Австрію, руководился только этими идеями, забывая законные, какъ матеріальные, такъ и нравственные интересы своего народа, и возвративъ Австріи лежавшую у ногъ его Венгрію, не только не вознаградилъ Россію возсоединеніемъ съ нею той части Русскаго народа, которая

была подъ властью Австріи, но и не позаботился о томъ, чтобы сколько-нибудь облегчить ея участь, такъ что въ непродолжительномъ времени она сдѣлалась тяжелѣе, чѣмъ была прежде.[1] И народы Западной Европы были такъ возбуждены противъ политики императора Николая, что Наполеонъ III, начиная войну противъ Россіи, чтобъ отмстить за свою личную обиду, вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялся поднять свою популярность именно тѣмъ, что онъ поднималъ оружіе на самаго непопулярнаго государя Европы; и въ этомъ успѣлъ; ему апплодировали населенія всей Западной Европы. Во Франціи сочувствіе этой войнѣ высказали даже такіе неукротимые революціонеры, какъ Барбесъ. Вотъ почему политика императора Николая въ концѣ его царствованія потерпѣла такое серьезное пораженіе.

Но это не была политика нравственныхъ началъ; никакихъ нравственныхъ началъ она не имѣла въ виду; она имѣла въ виду насильственное поддержаніе въ Западной Европѣ порядковъ несогласныхъ ни съ преданіями, ни съ современными стремленіями ея народовъ. Съ другой стороны, отказывая Наполеону III въ условномъ названіи „брата", императоръ Николай слѣдовалъ также не какому-нибудь „началу нравственному", а увлекся началомъ суетности, представляя себѣ, что тотъ, кто получилъ императорское достоинство par la grace de Dieu et par la volonté nationale, не можетъ претендовать на равенство съ тѣмъ, кто получалъ его только par la grace de Dieu, хотя такой взглядъ противорѣчилъ исторіи русской дипломатіи.

Но не всегда и не вездѣ слѣдовалъ императоръ Николай этой

---

[1] Положеніе нашихъ единокровныхъ и единоутробныхъ братьевъ, т.-е. Карпаторуссовъ въ Австріи, составляетъ самое больное мѣсто нашихъ международныхъ отношеній. Австрія знаетъ это и старается отвлечь вниманіе Россіи въ другую сторону, съ какою цѣлью и дѣлаетъ Русскому правительству затрудненія на Балканскомъ полуостровѣ, главнымъ образомъ въ Болгаріи.— А наши дипломаты, какъ „ревнующіе о пользахъ отечества, вмѣстѣ съ г. Татищевымъ", такъ и ревнующіе о пользахъ своихъ литературныхъ промысловъ, усердно стараются содѣйствовать ей, бахвальствуя о завоеваніи Константинополя и проливовъ.—Намъ кажется, что затрудненія, существующія въ Болгаріи, благодаря поддержкѣ Австріи, всего легче могутъ быть разрѣшены на Карпатахъ. Австрія въ 1863 году писала намъ ноты по поводу польскихъ дѣлъ; Россія имѣетъ не только не меньше, но несравненно больше права обратить свое вниманіе на *дѣла русскія* въ Австріи, то-есть на положеніе тамошнихъ Русскихъ. И кажется, что уже вопросъ назрѣлъ; пора его поставить на международную арену и вести къ желаемому окончанію.

политикѣ. Иногда онъ слѣдовалъ дѣйствительной политикѣ нравственныхъ началъ, достойной этого названія. Это было именно тогда, когда онъ оставался вполнѣ вѣренъ національнымъ русскимъ началамъ преимущественно въ первую половину своего царствованія, въ своихъ отношеніяхъ къ балканскимъ народамъ. И даже не онъ одинъ слѣдовалъ этимъ началамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и тогдашнія правительства Франціи и Англіи, когда вмѣстѣ съ Россіей онѣ посылали свои эскадры въ Іоническое море, гдѣ онѣ уничтожили турецкій флотъ при Наваринѣ. Франція, кромѣ того, слѣдовала этой политикѣ, когда посылала свои войска въ Морею, къ стѣнамъ Анвера, въ устья рѣки Тага. Англія слѣдовала ей, когда писала Фердинанду II ноты по поводу его жестокостей противъ политическихъ преступниковъ, когда требовала отъ Турціи болѣе гуманнаго отношенія къ Болгарамъ и когда стремилась къ уничтоженію торговли невольниками, съ какою цѣлью входила въ договоры съ державами всего міра и потратила много денегъ на выкупъ невольниковъ.

Съ наибольшею же послѣдовательностью и искренностью слѣдовала этой политикѣ Россія и достигла замѣчательныхъ результатовъ, освободивъ всѣ христіанскіе народы Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига и черезъ это пріобрѣтя себѣ значительныя выгоды, и матеріальныя и моральныя, которыхъ не имѣетъ никакое другое государство Европы.

А нашъ дипломатъ, независимый отъ международнаго права, исторіи, географіи и другихъ наукъ, именно за это и подвергаетъ русскую дипломатію порицанію, громитъ политику нравственныхъ началъ, политику справедливости, чести и добродѣтели, и вмѣсто ея рекомендуетъ политику эгоизма, ничѣмъ неограниченнаго. — Повторяемъ: вся эта не только недопеченая, но совсѣмъ не печеная философія г. Татищева могла увидѣть свѣтъ только благодаря крайнему упадку журналистики, благодаря всѣми признаваемой ея невѣжественности и малограмотности.

Въ малограмотности г. Татищевъ не уступитъ никому изъ представителей періодической печати,—тѣхъ которые не знаютъ, гдѣ надо поставить одну согласную, гдѣ двѣ, и пишутъ: Ст. Ру*сса*, И*лл*аріонъ, приви*лл*егія, ру*сс*ины, и наоборотъ инте*л*иген ція, пара*л*ельный и т. д.,—которые въ своемъ стремленіи ни въ чемъ не отстать отъ Нѣмца и Француза не склоняютъ Гатчино, Колпино, Бологое (живетъ въ Гатчино, выѣхалъ изъ Бологое)

Относительно грамматики г. Татищевъ столько же независимъ, какъ и относительно всѣхъ другихъ наукъ. Ни въ чемъ не уступая самымъ малограмотнымъ представителямъ печати, не склоняя, подобно имъ, ни Гродно, ни Ковно, онъ во многомъ превосходитъ ихъ. Разумѣется, — глаголъ „выглядѣть“ въ смыслѣ глагола несовершеннаго вида у него въ большомъ почетѣ. Вмѣстѣ съ самыми малограмотными писаками для него „владыко“ именительный падежъ; звательный на о, остатокъ старославянскаго, ему неизвѣстенъ. У него встрѣчаются такія фразы: царство, *иже* раздѣлится—погибнетъ. Г. Татищевъ не знаетъ, что *иже* есть только форма мужескаго рода, а форма средняго рода *еже*. Это обязаны знать ученики 4-го класса гимназіи, безъ чего они не могутъ перейти въ 5-й классъ [1]. Такого ли рода люди могутъ быть писателями авторитетными?

Послѣднее слово уважаемымъ гостямъ Русскаго народа, болгарскимъ эмигрантамъ.—Пусть они не смущаются оскорбленіями и клеветами г. Татищева. Всякій понимаетъ, что они находятся не въ такомъ положеніи, чтобы судиться съ нимъ или вызывать его на дуэль. Вѣроятно, г. Татищевъ на это и разсчитывалъ; и этотъ разсчетъ его долженъ былъ оправдаться. Но другія соображенія обманули его. Ненавистные ему дипломаты продолжаютъ дѣлать свое дѣло, и при этомъ совсѣмъ не думаютъ руководиться его указаніями: къ Стамбулову уполномоченныхъ для заключенія мира не посылали и не думаютъ посылать; но болгарскихъ дѣлъ

---

[1] Всѣхъ сокровищъ независимой грамматики г. Татищева мы, разумѣется, далеко не исчерпали, какъ не исчерпали его дипломатическаго философствованія, котораго проявленія и оригинальнѣе и интереснѣе.—Такъ, мы видѣли, что Россіи онъ рекомендуетъ въ дипломатіи ничѣмъ неограниченный эгоизмъ; а между тѣмъ Австрію и Пруссію осуждаетъ за него. Почему для однихъ одни законы, для другихъ другіе? — Неизвѣстно.—Австрію онъ осуждаетъ за оккупацію Босніи и Герцеговины.—Почему же желаетъ, чтобы Россія посредствомъ занятія двухъ крѣпостей стала въ эти самыя отношенія къ Болгаріи?—Опять неизвѣстно.—Мы видѣли, что Стамбулову г. Татищевъ цѣны не знаетъ; онъ и Кольберъ и Тюрго, онъ представитель большинства, законный правитель, вождь Болгарскаго народа. А между тѣмъ онъ, по словамъ того же г. Татищева, до сихъ поръ сохраняетъ осадное положеніе въ странѣ со всѣми характеристичными подробностями: нѣтъ свободы мнѣній, нѣтъ неприкосновенности личности: оппозиціонныя газеты подъ цензурой, выборы въ народное собраніе производятся подъ давленіемъ правительства и т. д. И всѣ эти права Болгарскаго народа конфискованы исключительно въ пользу Стамбулова.—Пусть кто-нибудь другой согласитъ эти противуположныя сужденія; мы этого сдѣлать не можемъ.

не забываютъ, а продолжаютъ стремиться къ избавленію Болгаріи отъ шайки злодѣевъ, и очевидно подвигаются впередъ, приближаются къ намѣченной цѣли.

На общество писанія г. Татищева также не произвели ожидаемаго имъ дѣйствія. Имя Стамбулова въ средѣ его произносится все болѣе и болѣе съ омерзѣніемъ, съ присоединеніемъ такихъ эпитетовъ, какъ палачъ, разбойникъ, негодяй и т. п. Что̀ касается до Славянскаго Благотворительнаго Общества, оно совсѣмъ и не помышляло о томъ, чтобы послать ему билетъ на званіе почетнаго члена.

Въ журналистикѣ г. Татищевъ пріобрѣлъ себѣ только одного единомышленника, профессора Трачевскаго. И вдвоемъ они запачкали своими писаніями нѣсколько органовъ печати. Къ чести остальной журналистики нужно замѣтить, что, каковы бы ни были ея недостатки, она не стала на сторону палачей и убійцъ, не вооружилась оскорбленіями и клеветами противъ ихъ жертвъ, а единогласно осуждаетъ разбойническое правительство,—служащее позоромъ нашего времени.

Мы не сомнѣваемся, что совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ не позволитъ болгарскимъ эмигрантамъ чувства, возбуждаемыя въ нихъ писаніями г. Татищева, перенести на весь благодушный и братолюбивый Русскій народъ, какъ и мы чувствъ, возбуждаемыхъ въ насъ дѣяніями Стамбулова, направленными противъ Россіи, не переносимъ на родственный намъ и симпатичный народъ Болгарскій, а сохраняемъ къ нему тѣ же чувства, которыя питали во время войны за его освобожденіе, и не только уповаемъ, но и не сомнѣваемся, что время вторичнаго его освобожденія не за горами, что оно уже приближается, ἐγγύς ἐστιν, ἐπὶ θύραις.

Д. Щегловъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

VII.

Таня шла не оглядываясь, вся охваченная одною болѣзненною, тягостною думой. Внѣшній міръ какъ бы пересталъ для нея существовать; она не обращала вниманія на двигавшуюся вокругъ нея пеструю толпу, да и къ чему ей было всматриваться въ эти, попадавшіяся ей навстрѣчу, равнодушныя лица? Она слишкомъ была увѣрена, что ей не увидать ни одного дружескаго, сочувственнаго взгляда. Никогда еще такъ жестоко она не чувствовала своего полнаго безпомощнаго одиночества. Оно сказалось ей даже ощущеніемъ физическаго холода, и то и дѣло она вздрагивала подъ своею шубкой, хотя въ воздухѣ стояла оттепель. Безсознательно она свернула въ другую улицу, гдѣ было совершенное безлюдье; но хотя рѣзко умолкли вдругъ шаги и голоса прохожихъ, она не примѣтила и этого; тогда только она опомнилась отъ своего забытья, когда кто-то ее остановилъ, преградивъ ей дорогу. Таня подняла голову и узнала при свѣтѣ фонаря глуповатыя, хоть и красивыя черты г. Леона Дюшана, перваго любовника труппы, съ которымъ она играла еще такъ недавно. Онъ самоувѣренно улыбался ей своими наглыми выпученными глазами.

— Eh, ma petite camarade d'un soir, засмѣялся онъ, схвативъ ее за руку,—что̀ это вы такъ бѣжите по улицѣ безъ оглядки? Вы чуть меня не сбили съ ногъ, право. Не годится для хорошенькой дѣвушки быть такою разсѣянною.

Ей хотѣлось пойти дальше, не отвѣчая ему, но г. Дюшанъ крѣпко держалъ ее за руку, упорно вглядываясь въ ея смущенные глаза.

— Что̀, какъ будто меня даже испугались! продолжалъ онъ смѣяться.—Какъ можно быть такою дикаркой, когда обладаешь такими обворожительными глазками и такимъ умѣньемъ плѣнять сердца.

— Оставьте меня, я спѣшу, нашлась она только отвѣтить; но онъ и тутъ не пустилъ ее.

— Полноте, куда вамъ спѣшить. Разскажите-ка лучше, что̀ съ вами было послѣ вашего перваго и, къ сожалѣнію, кратковременнаго успѣха. Со мной, какъ съ товарищемъ, вы можете быть откровенны.

— Вы мнѣ не товарищъ, потому что я больше не на сценѣ, и... и... говорю вамъ, пустите меня.

Она отдернула руку, но онъ продолжалъ заслонять ей дорогу.

— Та, та, та! Что̀ за недотрога! Точно я, право... Уморительно! Чуть не съ пеленокъ въ театрѣ, и такая пугливая. Слушайте, m-lle Таня:—я вѣдь знаю ваше настоящее имя,—смотрите на меня лучше, какъ на добраго пріятеля. Я вѣдь могу вамъ быть полезенъ, чортъ возьми! Или вы успѣли уже забрать въ свои хорошенькія ручки этого толстаго жидовскаго барона и во мнѣ не нуждаетесь? Только, признаюсь, судя по вашему костюму, я въ этомъ сомнѣваюсь...

И онъ съ презрительною усмѣшкой оглянулъ ея болѣе чѣмъ скромный нарядъ. Она вспыхнула вся отъ этихъ словъ и увидѣла вдругъ молодаго господина въ изящномъ пальто, выходившаго въ эту самую минуту изъ дверей какого-то очень большаго, должно-быть казеннаго, зданія. Онъ поравнялся съ ней, и она тотчасъ узнала Струйскаго. Краска на ея лицѣ еще усилилась при мысли, какъ странно онъ могъ истолковать то, что видитъ ее въ обществѣ этого Француза, обращающагося съ ней такъ фамильярно. Она чуть было не подозвала его къ себѣ на помощь, но крикъ, готовый у нея вырваться, замеръ на губахъ и только быстрый взглядъ, брошенный на молодаго человѣка, краснорѣчиво просилъ не осуждать ее и за нее заступиться. Струйскій понялъ этотъ взглядъ,— онъ тоже узналъ Таню,—и, не долго думая, подошелъ къ Французу.

— Эта молодая дама, сказалъ онъ,—моя знакомая. Извольте не безпокоить ее, такъ какъ она очевидно не желаетъ разговаривать съ вами.

Ничего особенно внушительнаго не было въ фигурѣ Евгенія Борисовича, не обличавшей ни большой физической силы, ни особой отваги. Голосъ его даже чуть-чуть задрожалъ, когда онъ обратился къ актеру, увлеченный внезапнымъ желаніемъ по-рыцарски помочь молодой дѣвушкѣ. Плечистый и рослый Французъ однако спасовалъ предъ нимъ и, неловко извинившись, поспѣшилъ отретироваться,—театральные успѣхи научили его нахальству, но не храбрости.

— Простите меня, робко заговорилъ Струйскій, слегка краснѣя,—если я счелъ долгомъ заступиться. Я не имѣлъ, конечно, на то права, но... вы испугались кажется, мнѣ показалось... что этотъ господинъ...

Онъ проговорилъ это нерѣшительно, путаясь и сбиваясь, внутренно даже стыдясь чего-то, быть-можетъ того, что ему попадались на языкъ такія неловкія, пошлыя слова. А между тѣмъ надо было сказать что-нибудь, надо было воспользоваться нежданнымъ случаемъ... Вѣдь ужь столько времени онъ каждый день мысленно призывалъ такой случай, чтобы познакомиться съ дѣвушкой, образъ которой такъ глубоко засѣлъ къ нему въ сердце, и въ глазахъ Тани, не рѣшавшейся заговорить, онъ ясно вѣдь читалъ откровенную благодарность.

— Онъ навязывалъ вамъ свое общество, этотъ господинъ, продолжалъ Евгеній, все болѣе краснѣя.—Какъ я радъ, что мнѣ довелось попасть вамъ навстрѣчу въ такую минуту.

Это выходило уже совсѣмъ нелѣпымъ, и Струйскій это чувствовалъ. Но Танѣ и въ голову не пришло надъ нимъ посмѣяться, и на губкахъ ея показалась самая ласковая, самая ободряющая улыбка. Она видѣла, что онъ робѣетъ, что робѣетъ предъ ней тотъ самый человѣкъ, который выказалъ столько смѣлости, защищая ее.

— Ну, что жь, пойдемте, улыбнулся онъ ей тоже, самъ удивляясь, какъ онъ рѣшился ей это сказать. — Вы мнѣ позволите васъ проводить?.. вы идете къ себѣ домой?

— Да, кивнула она головой,—пойдемте.

Она сказала это совершенно просто, не задумываясь, точно не было ничего страннаго въ ихъ неожиданномъ знакомствѣ. Первые шаги однако они прошли молча. Два раза только Таня украдкой вскидывала на него глаза, какъ бы желая убѣдиться въ вѣрности своего перваго впечатлѣнія, подсказавшаго ей, что

Евгенію довѣриться можно, что у него такіе добрые, честные, прямые глаза.

— Отчего, заговорилъ онъ первый,—не появлялись вы больше на сценѣ? Каждое утро я схватывалъ афиши въ надеждѣ увидать тамъ ваше имя, разспрашивалъ знакомыхъ, когда же, наконецъ, вашъ второй дебютъ, и до сихъ поръ ничего...

— Вы меня на сценѣ больше не увидите, тихо проговорила Таня, и въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ рушились ея надежды она могла заговорить объ этомъ спокойно. Такимъ искреннимъ ей показалось изумленное восклицаніе Струйскаго, что она тутъ же повѣдала ему всю свою грустную исторію, а лицо молодаго человѣка такъ и отзывалось на каждое слово негодующимъ сочувствіемъ. Нѣтъ, онъ не допуститъ, чтобы восторжествовала низкая интрига, чтобы дали заглохнуть ея дарованію... У него есть связи, или вѣрнѣе, есть онѣ у его матери. Онъ скажетъ ей, и она, конечно, приметъ участіе въ судьбѣ Тани, она заступится за нее и добьется, чтобъ ей дали роль...

Все это было очень искренно, и молодо, и неопытно, и Таня это чувствовала отлично, хоть и была въ душѣ очень благодарна за самую эту горячую неопытность.

— Нѣтъ, покачала она головой,—сдѣлать тутъ ничего нельзя, никакія связи не помогутъ... Вы не знаете, какое заколдованное царство нашъ театръ.

Но, слушая ее, Струйскій переходилъ уже къ совершенно иному ряду мыслей. Впечатлительное воображеніе ему вдругъ живо нарисовало, сколько нехорошаго въ театральномъ мірѣ, сколько опасностей тамъ поджидаетъ на каждомъ шагу молодую дѣвушку.

— Пожалуй для васъ самихъ лучше, что такъ вышло. Горько, конечно, разставаться съ мечтой славы...

— Полноте! Какая слава! перебила Таня, разсмѣявшись.— Мнѣ, такой маленькой, никому незнакомой, до славы какъ до звѣздъ небесныхъ.

— Ну что жь, надо къ нимъ тянуться, къ звѣздамъ. Молодость тѣмъ и хороша, что она удержу не знаетъ... И кто же вамъ сказалъ, что вы не созданы для славы, вы такая...

Его восторженные глаза говорили за него, а на лицѣ опять показался румянецъ.

— Впрочемъ, что я это... перебилъ онъ себя. — Я совсѣмъ вѣдь не то хотѣлъ сказать. Есть вѣдь на свѣтѣ много такого,

что̀ гораздо лучше славы и чего на театрѣ кажется не найти. Можно ли развѣ вашу настоящую, нетронутую молодость отдавать на показъ толпѣ?.. Приберегите для себя это сокровище, оно пригодится вамъ, повѣрьте, и, кто знаетъ, можетъ-быть, отвернувшись отъ славы, и найдете вы истинное счастіе...

Онъ долго, увлекшись самъ, говорилъ на эту тему, и Таня слушала его, слушала внимательно, покорно, слегка поникнувъ головой, но съ какою-то невыразимою сладкою радостью на сердцѣ. И слова, хоть это были въ сущности очень заурядныя, быть-можетъ гдѣ-нибудь вычитанныя слова, звучали въ ея ушахъ какъ глубоко-прочувствованныя истины. Она долго запоминала ихъ потомъ. „Да, да, счастье лучше славы, говорила она себѣ, и можетъ-быть счастье мнѣ попадется на пути, можетъ-быть даже"... Она не смѣла досказать себѣ мелькнувшую у нея мысль. Но такимъ искреннимъ и добрымъ казался ей голосъ Евгенія, столько правды она читала въ его блестящихъ глазахъ, что полное довѣріе къ нему, къ этому совсѣмъ незнакомому ей человѣку, какъ-то само собой охватило ее, незамѣтно влившись въ ея душу. И то особенно ей нравилось въ словахъ Евгенія, что совѣты его отзывались такою наивностью. Ей, гораздо лучше его вѣдь знавшей театръ, весело было слушать какъ онъ предостерегалъ ее. Разъ она въ отвѣтъ даже громко разсмѣялась. Онъ откликнулся на это тѣмъ же, и этотъ общій молодой смѣхъ ихъ сблизилъ еще болѣе. Вы живете здѣсь? спросилъ онъ, увидавъ, что она остановилась предъ воротами. — Ну, до свиданія, m-lle Анна, добавилъ онъ, не совсѣмъ рѣшительно протягивая ей руку; но она, за то не обинуясь, подала ему свою.

— Меня зовутъ не Анна, а просто Таня, сказала она, засмѣявшись опять.—Я вѣдь Русская.

— А мы-то съ вами все время болтали по-французски! И вдобавокъ, какъ видите, я по этой части не особенно силенъ. Такъ вотъ какъ? Вы Русская?.. Это открытіе его какъ будто необыкновенно обрадовало. — А мы увидимся еще, да, не правда ли? спросилъ онъ вдругъ, крѣпче пожимая ея тонкіе пальчики.— Ну да, я увѣренъ, что да, нечего и спрашивать, тѣмъ болѣе, что вы, конечно, вѣдь прямо не отвѣтите. — И на прощаніе опять они звонко засмѣялись оба.

VIII.

А дома ее ждала все та же знакомая картина. Мать сидѣла въ уголкѣ и тщательно раскладывала на столѣ засаленную колоду картъ, по временамъ тяжело вздыхая. Отецъ, съ вѣчною, зловонною трубкой въ зубахъ, крупными, неровными шагами расхаживалъ по комнатѣ, и его раскраснѣвшееся лицо ясно говорило, что онъ опорожнилъ лишнюю бутылку своего любимаго баварскаго пива. Оба они будто общимъ движеніемъ глазъ уставились на Таню, на мигъ отрываясь отъ картъ и отъ трубки.

— Гдѣ пропадала опять такъ долго? хрипло, сквозь зубы спросила у дочери Прасковья Карповна.

Она словно и не ждала отвѣта и тотчасъ опять принялась за свою колоду. Прасковья Карповна чувствовала, что главенство въ семьѣ принадлежитъ ея мужу, и вполнѣ подчинялась этому главенству; допрашивать Таню было не ея дѣло.

— Вѣдь не къ портнихѣ своей ходила, насмѣшливо произнесъ Карлъ Ивановичъ.—Сегодня воскресенье.

— Я брала урокъ, спокойно отвѣтила Таня, хоть и застыдилась, внутренно сознавая, что въ этомъ отвѣтѣ было на чуточку лжи.

— Такъ долго? Видно ему дѣлать нечего, что по цѣлымъ днямъ тобой занимается.

Таня промолчала и хотѣла пройти въ другую комнату.

— Нѣтъ, постой, яростно окликнулъ ее Карлъ Ивановичъ, сильно покачнувшись на мѣстѣ,—ты должна слушать, когда съ тобой говоритъ отецъ. Я не хочу, чтобъ это было такъ дальше, понимаешь, не хочу...

Она теперь только примѣтила нетрезвость отца, и невыразимое гадливое чувство охватило ее. Невольно она даже слегка зажмурилась, какъ бы желая укрыться отъ этой противной ей обстановки, мысленно уйти куда-нибудь, гдѣ легче и чище дышалось бы.

— Что жь ты молчишь? Карлъ Ивановичъ подошелъ къ дочери и схватилъ ее за плечо.—Слушай и смотри прямо мнѣ въ глаза... я не хочу, чтобы продолжались эти глупости.

Онъ закашлялъ, говоря это, и налитые кровью глаза дико и безсмысленно устремились на дочь. Невольнымъ движеніемъ она отстранилась отъ него.

— Чего же вы отъ меня требуете? спросила она попрежнему спокойно, дѣлая усиліе надъ собою, чтобы подавить въ себѣ чувство отвращенія къ отцу.

— Что̀ требую? Ха ха! Она и не знаетъ, что̀ я требую, Прасковья Карповна, вы слышите? хриплымъ голосомъ обратился онъ къ женѣ.—Я требую, вопервыхъ, и говоря это, онъ размахнулся трубкой,— чтобы ты цѣлые дни не пропадала, какъ сегодня, а то когда-нибудь утащатъ тебя у меня изъ-подъ носу, ха! ха! а этого я не хочу... понимаешь. А вовторыхъ, и на этотъ разъ онъ замахалъ трубкой на дочь, почти коснувшись ея лица,— вовторыхъ, когда господинъ баронъ намъ дѣлаетъ честь у насъ бывать, ты должна быть съ нимъ, какъ слѣдуетъ образованной дѣвицѣ, ласковою и любезною...

Глаза у Тани вспыхнули.

— Этого вы отъ меня никогда не добьетесь, сказала она.

— Никогда?! вспылилъ Карлъ Ивановичъ. — Посмотримъ... Такъ я тебя заставлю! Или ты думаешь, я буду такой дуракъ, что дамъ тебя увезти какому-нибудь пустому мальчишкѣ... и значитъ должны пропасть всѣ мои деньги, что̀ я тебя кормилъ и воспиталъ съ дѣтства?

— Я этого слушать не стану, вся вспыхнувъ, перебила его Таня, схватившись за ручку двери.

— Ну, такъ знай же, размахивая руками, прокричалъ Карлъ Ивановичъ,—что если ты не хочешь быть какъ покорная дочь, я тебя запру на ключъ въ этой самой комнатѣ и продержу тебя на хлѣбѣ и на водѣ, пока ты станешь послушна... Хороша дочка, Прасковья Карповна, хороша? обратился онъ къ женѣ, когда Таня молча скрылась за дверью, точно отъ Прасковьи Карповны онъ могъ ожидать какого-нибудь совѣта или объясненія.

И долго еще потомъ Танѣ слышались его нервные шаги, его сердитый кашель и крикливое брюжжанье.

Но мѣры строгости у него были только на языкѣ. Долгое общеніе съ театромъ придало ему какую-то странную наклонность разыгрывать дома маленькія драматическія сценки, но привести угрозу въ исполненіе у него не хватало рѣшимости. Онъ какъ-то любовался собой, когда въ присутствіи дочери прикидывался разгнѣваннымъ отцомъ и пускалъ въ ходъ актерскія замашки, чтобы скрасить ими грубость своего цинизма. А въ сущности онъ былъ хоть и не добрый, но довольно мягкій, а главное, слабый человѣкъ и втайнѣ даже немного побаивался дочери съ тѣхъ

поръ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ ея кратковременнаго успѣха. Вдобавокъ онъ сознавалъ, хоть можетъ-быть и смутно, что силою отъ Тани онъ ничего не добьется. И въ тотъ же вечеръ, когда наступилъ часъ ужина, онъ вошелъ къ ней въ комнату, чтобы позвать ее, стараясь загладить впечатлѣніе недавней сцены. Таню это не удивило и не обрадовало даже. Она давно привыкла къ рѣзкимъ перемѣнамъ въ его обращеніи и давно перестали ее трогать отцовскія ласки, какъ не пугали ее отцовскія угрозы.

И въ слѣдующіе дни все пошло по старому. Карлъ Ивановичъ не мѣшалъ ей ходить каждое утро на свою работу, только у старика-режиссера она болѣе не показывалась. Грустно ей было немножко, что порвалась и эта связь съ человѣкомъ, котораго она привыкла считать такимъ добрымъ; почему-то у нея было теперь какъ-то легко на душѣ. Что-то непонятное ей самой, что-то нѣжное, почти радостное, просилось въ ея молодое сердце. И когда она шла къ своей мастерицѣ, часто ей случалось оглядываться по сторонамъ, въ надеждѣ увидѣть Струйскаго, хоть она сама не отдавала себѣ отчета въ этой надеждѣ. Разъ ея товарки по мастерской сообщили ей, что хозяйка обѣщалась на-дняхъ—дѣло было наканунѣ Масляницы—всѣмъ имъ дать билеты на одно изъ представленій въ Михайловскомъ театрѣ. Это была великая радость для бѣдныхъ дѣвушекъ, и очень ихъ удивило, что Таня сперва наотрѣзъ отказалась пойти съ ними въ театръ. Недавнее разочарованіе было еще такъ свѣжо въ ея памяти, что ей тяжело было увидѣть знакомую обстановку, услышать рукоплесканія публики, такъ недавно еще сладкимъ трепетомъ прельщавшія ея слухъ. И въ тотъ вечеръ, на который хозяйка имъ подарила билеты, шла какъ разъ та самая пьеса, въ которой два мѣсяца тому назадъ играла Таня. Какъ ей придется увидѣть другую въ своей роли, пройти снова черезъ рядъ ощущеній, когда-то наполнявшихъ ее такимъ возбуждающимъ очарованіемъ?.. Нѣтъ, ни за что̀, ни за что̀!..

Когда она сказала товаркамъ, почему она не хочетъ идти съ ними въ театръ, онѣ осыпали ее насмѣшками. Напротивъ, твердили онѣ ей,—это будетъ такъ интересно, такъ восхитительно! Въ ея отказѣ одно малодушіе; ей придется сравнить игру опытной артистки съ ея собственною игрой, и сравненіе будетъ, конечно, въ ея пользу. Одна изъ товарокъ присутствовала на первомъ представленіи и хорошо помнитъ, какъ дружно хлопали

Танѣ. Неужели ее не подстрекаетъ любопытство посмотрѣть, какъ справляется теперь съ ея ролью г-жа Соланжъ?

Всѣ эти доводы, однако, нисколько не подѣйствовали бы на Таню. Переубѣдило ее одно только—упрекъ въ малодушіи. Чего ей въ самомъ дѣлѣ робѣть и стыдиться? Надо побѣдить въ себѣ навязчивое воспоминаніе о несбывшейся надеждѣ.

И Таня пошла въ театръ, пріодѣвшись въ свое шелковое платье. Краска оживленія горѣла на ея личикѣ, когда она усѣлась на свое мѣсто въ одномъ изъ заднихъ рядовъ, и тревожное нетерпѣніе охватило ее предъ началомъ пьесы, нетерпѣніе узнать разъ навсегда, есть ли у нея въ самомъ дѣлѣ настоящій талантъ. Внутреннее чувство подскажетъ ей, вѣрно ли она понимала свою роль, какъ скоро она увидитъ въ этой роли другую. Къ себѣ она отнесется съ справедливою строгостью, въ этомъ она не сомнѣвалась. И вотъ, настала трепетно ожидаемая минута. Г-жа Соланжъ появилась на сценѣ, одѣтая совершенно молоденькою дѣвушкой, до того искусно загримированная, что, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, она сумѣла придать себѣ обманчивый обликъ поддѣльной юности. Г-жа Соланжъ видимо старалась побѣдить свою бывшую соперницу, не подозрѣвая, конечно, что эта соперница трепетнымъ взглядомъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, вся исполненная боязни и недоумѣнія. Но отъ того, должно-быть, что артистка слишкомъ уже старалась, черезчуръ нервно вела коротенькую сцену, въ которой Таня вызвала такой неудержимый взрывъ удивленія, ея игра вышла не совсѣмъ естественною, и раза два крикливыя, совсѣмъ уже не молодыя нотки послышались въ ея немного взволнованномъ голосѣ, и Таня не могла не сказать себѣ, что ей удалось проще и вѣрнѣе передать смущеніе неопытной дѣвушки, въ первый разъ столкнувшейся съ грозною жизненною драмой. Публика должно-быть раздѣляла ея впечатлѣніе. Она, видимо, осталась холодною, и ни одного вызова, ни одного рукоплесканія даже не досталось испытанной актрисѣ. Бѣдная Таня могла торжествовать вполнѣ. На своемъ скромномъ мѣстѣ, изгнанная со сцены происками соперницы, она одержала побѣду.

Но вотъ публика стала выходить изъ партера, скучающая и равнодушная, какъ показалось Танѣ, и въ толпѣ, медленно пробиравшейся между кресел, она вдругъ увидѣла Струйскаго. Она тоже хотѣла было подняться со своего мѣста, но узнавъ его, она осталась неподвижною, вся охваченная тревогой. Онъ могъ

бы случайно встрѣтить ее тамъ, въ корридорахъ театра, а теперь она почему-то боялась этой встрѣчи. Что̀, если онъ не раздѣляетъ общаго мнѣнія, если въ его глазахъ она все-таки не болѣе какъ неопытная дѣвочка, осмѣлившаяся выступить въ непосильной ей роли? Она поняла вдругъ, что среди всей этой толпы она дорожитъ только однимъ его судомъ, и внутренно испугалась этого, внезапно охватившаго ее, сознанія. Нѣтъ, первой этой пробы недостаточно, ей надо увидѣть сперва, какъ пойдетъ слѣдующій актъ, гдѣ происходила ея большая сцена съ героемъ пьесы, сцена, всего больше ей удавшаяся. Тогда только разсѣются всѣ ея сомнѣнія, и ей можно будетъ гордо поднять голову, вполнѣ повѣрить въ свое призваніе.

Таня лихорадочно дожидалась этой сцены. И когда г-жа Соланжъ, такъ превосходно усвоившая себѣ внѣшніе пріемы, которыми создается на театрѣ иллюзія молодости, принялась своимъ невиннымъ голоскомъ вести длинную и трудную сцену, ощущеніе чего-то поддѣльнаго, неискренняго въ игрѣ артистки разомъ сказалось всей публикѣ. Какъ ни мастерски отдѣляла актриса каждое произносимое ею слово, какъ ни скромно опускались ея рѣсницы и вспыхивали неожиданно ея глазки, несомнѣнная ложь всего этого тѣмъ яснѣе чувствовалась всѣми, что такимъ живымъ въ ихъ памяти сохранился безыскусственный образъ неподдѣльной молодой невинности Тани. Ясно доносились до ушей дѣвушки отрывки фразъ и восклицаній, недвусмысленно говорившихъ, что публика какъ нельзя лучше понимала это различіе, и все ея сочувствіе было на сторонѣ бѣдной неопытной дѣвушки.

Теперь она уже не боялась встрѣчи съ Евгеніемъ Борисовичемъ. Она взяла подъ руку сидѣвшую возлѣ нея подругу и прошла съ нею въ фойэ.

— Ты можешь быть довольна собою, говорила ей товарка;— помнишь, какъ тебѣ бѣшено хлопали послѣ этой сцены?

Но Таня ея не слушала, какъ не замѣчала она быстрыхъ, восхищенныхъ взглядовъ, какіе то и дѣло вызывало ея миловидное личико въ глазахъ попадавшихся ей навстрѣчу людей. Она вся отдалась чувству тайной благодарности кому-то, благодарности за то, что надежда ее не обманула, что у нея въ самомъ дѣлѣ настоящій талантъ. И пусть не дадутъ этому таланту разцвѣсти и доставить ей поклоненіе толпы, съ нея было довольно теперь этого безмолвнаго, безкорыстнаго торжества. Она забыла даже о Струйскомъ въ эту минуту. Антрактъ близился къ концу,

зала понемногу пустѣла, и дѣвушки уже направлялись къ выходу, какъ въ дверяхъ неожиданно показался Евгеній Борисовичъ. Увидѣвъ Таню, онъ быстрымъ движеніемъ, съ засіявшими глазами подошелъ къ ней, протягивая руку.

— Видите, заговорилъ онъ весело,—какъ скоро сбылось мое пророчество, и какъ я радъ, что здѣсь, именно здѣсь намъ пришлось свидѣться.

Онъ провелъ ее въ другую, сосѣднюю комнату, не выпуская ея руки изъ своей, и помѣстился съ нею на маленькій бархатный диванъ, стоявшій у стѣны. Таня ему подчинялась какъ-то безсознательно. Бывшая съ нею подруга тотчасъ отошла прочь, не преминувъ двусмысленно улыбнуться.

— Вѣдь пришла же мнѣ счастливая мысль, оживленно продолжалъ Евгеній Борисовичъ,—взять билетъ на сегодняшнее представленіе... А знаете, зачѣмъ я это сдѣлалъ? Мнѣ хотѣлось провѣрить свое первое впечатлѣніе, убѣдиться до какой степени ваша игра выше и лучше игры этой искусной комедіантки. Она только ловкая поддѣлка подъ молодость, а вы, вы сама правда, сама жизнь, само очарованіе! Сегодня я это еще полнѣе увидѣлъ, чѣмъ тогда. У васъ не только большой талантъ, вы переносите съ собой на сцену самую дѣйствительность, дѣйствительность такую поэтическую, такую чарующую, что всѣмъ, я думаю, хотѣлось бы, какъ мнѣ вотъ теперь, ее встрѣтить съ глазу на глазъ.

Онъ говорилъ съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, не взвѣшивая словъ; обычная его робость куда-то исчезла, и въ блестящихъ его глазахъ отражался какъ бы прежній восторгъ, вызванный ея игрой.

А Таня, вмѣсто отвѣта, слегка только опустила головку. Непривычное смущеніе овладѣло ею, заливая румянцемъ ея личико. Странное дѣло, она, такъ давно привыкшая слышать языкъ любви и на сценѣ, и за кулисами, вся застыдилась отъ горячихъ словъ молодаго человѣка, отъ того, должно-быть, что съ такими словами впервые обращались къ ней самой. Бѣдная дѣвушка, выросшая среди грубой неприглядной обстановки, вдругъ словно преобразилась вся отъ перваго трепета любви, какъ отъ легкаго весенняго вѣтерка пробуждаются и зеленѣютъ молодые побѣги. А Струйскій, какъ бы не замѣчая ея тревоги, наклонился къ ней еще ближе и чуть слышнымъ шопотомъ донеслось до ея ушей:

— Да, въ тотъ вечеръ, когда вы въ первый разъ играли эту сцену, я невольно ставилъ себя на мѣсто того, кто игралъ съ вами и думалъ про себя, какое это было бы счастье услышать все это отъ васъ, только не въ пьесѣ, а на самомъ дѣлѣ. И теперь, когда васъ замѣнила другая, это впечатлѣніе стало еще сильнѣе. Ничего подобнаго я до сихъ поръ не ощущалъ въ театрѣ. Никогда то, что̀ я видѣлъ на сценѣ, не внушало мнѣ такого страстнаго желанія самому пережить это въ жизни.

— Съ госпожой Соланжъ? съ шутливымъ лукавствомъ спросила Таня, хотя ей совсѣмъ было не дошутокъ, и она тотчасъ же раскаялась въ своемъ вопросѣ.

Но Струйскій засмѣялся въ отвѣтъ и съ такою искреннею молодою веселостью, что минутное смущеніе дѣвушки тотчасъ прошло.

— Да, да, вы угадали, именно съ нею,— твердилъ онъ, говоря ей восхищенными глазами отъ кого ему хотѣлось вторично услышать эти очаровавшія его слова.

— Послушайте, заговорилъ онъ вдругъ серьезно,—вы должны теперь разсказать мнѣ что-нибудь о себѣ. Я покамѣстъ знаю только про ваше театральное призваніе, а это, согласитесь, довольно мало.

— Да бо́льшаго, пожалуй, и разсказывать нечего, совершенно просто отвѣтила Таня.—Въ моей жизни до сихъ поръ ничего, рѣшительно ничего не было, кромѣ театра.

— Какъ, а семья ваша, родные?

Таня молча покачала головой.

— Вы, стало-быть, продолжалъ онъ, — выросли въ театрѣ, среди кулисъ, вы, такая милая, такая чистая? Быть не можетъ!

— И все-таки оно такъ. Иной школы, иныхъ впечатлѣній у меня не было.

— Да откуда же взяли вы тогда этотъ чудный лучъ поэзіи и правды, который такъ и свѣтится въ вашихъ глазахъ, которымъ вы такъ очаровали всѣхъ, когда появились на сценѣ?...

Онъ не успѣлъ это проговорить, какъ лицо Тани сразу измѣнилось. Предъ нею въ широкомъ зеркалѣ, занимавшемъ всю стѣну, отразилась знакомая фигура барона Габлера, остановившагося въ дверяхъ. Что-то похожее на испугъ выразилось въ ея глазахъ. Струйскій тотчасъ замѣтилъ перемѣну на ея лицѣ и хотѣлъ уже спросить, что̀ ее такъ неожиданно смутило, какъ

фигура барона, выдвинувшись впередъ, грузными шагами подошла къ нимъ.

— Здравствуйте, m-lle Anna, сказалъ онъ, ухмыляясь и съ насмѣшливымъ удивленіемъ оглядывая молодаго человѣка.— Здравствуйте. Вотъ ужь не ждалъ, не гадалъ, что застану васъ здѣсь.

Струйскій хотѣлъ было встать и удалиться, но умоляющій взглядъ дѣвушки его удержалъ. На слова барона она отвѣтила лишь холоднымъ кивкомъ головы и не коснулась его протянутой руки.

— Долго вы однако здѣсь засидѣлись, продолжалъ Габлеръ, ничуть не смущенный этимъ пріемомъ.—Антрактъ кончился давно.

Струйскій вспыхнулъ, до того очевиденъ былъ грубый намекъ въ назойливыхъ словахъ барона. Молодой человѣкъ однако промолчалъ.

— Такъ что̀ же вы сами не идете слушать пьесу? спросила Таня, оправившаяся отъ своего испуга.

— Пьесу я знаю наизустъ и пришелъ только убѣдиться, какъ справляется съ вашею ролью m-me Соланжъ. Что̀ жь, честь вамъ и слава, вы побѣдили блистательно.

— Не правда ли? вмѣшался Струйскій.—Я только-что говорилъ то же.

Похвала игрѣ Тани будто расположила его въ пользу барона.

Габлеръ оглянулъ его опять съ прежнею насмѣшливостью и снова обратился къ дѣвушкѣ.

— А вамъ развѣ не любопытно въ этомъ убѣдиться? Я думаю, большая сцена объясненія начнется сейчасъ.

— Такъ идите же, идите, съ явнымъ нетерпѣніемъ отвѣтила Таня.

Габлеръ иронически поклонился, еще разъ двусмысленно взглянулъ на молодыхъ людей и вышелъ все тою же грузною походкой.

Танѣ хотѣлось возобновить прерванный разговоръ, но въ глазахъ Струйскаго она уловила какой-то нѣмой, укоряющій вопросъ, и то восхищеніе, которое еще за минуту предъ тѣмъ читалось на его чертахъ, смѣнилось теперь чѣмъ-то недовѣрчивымъ, почти холоднымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Танѣ, и охватившее ее, было, чувство близости къ молодому человѣку исчезло мгновенно.

— Этотъ господинъ вашъ хорошій знакомый? спросилъ Евгеній Борисовичъ.

— Вы, кажется, успѣли убѣдиться, что нѣтъ, отвѣтила она съ достоинствомъ.—И знаю я его только по неволѣ.

— По неволѣ? Вотъ какъ. Я къ счастью даже и этой чести не имѣю. Но лицо его знаетъ весь Петербургъ, и репутаціей онъ пользуется не блестящею; предупреждаю васъ объ этомъ. Кстати, отчего онъ зоветъ васъ m-lle Anna?

— Это просто мое театральное имя. Нашли, что Таня для французской афиши не годится. Она проговорила это почти съ раздраженіемъ въ голосѣ. — Однако пойдемте, добавила она мигъ спустя,—коли хотите еще увидѣть знаменитую сцену.

— Пойдемте.

Они поднялись со своихъ мѣстъ и направились къ выходу.

— Сцена эта теперь для меня не представляетъ никакого интереса. Я предпочелъ бы весь актъ проболтать съ вами здѣсь. Но коли вы этого не хотите... Онъ остановился на первой ступени лѣстницы и внимательно посмотрѣлъ на нее. Въ его глазахъ было опять прежнее очарованіе, прежняя нѣжность, но Таня не поддалась искушенію съ нимъ остаться наединѣ. Чувство оскорбленной гордости въ ней заговорило.

— Меня сцена эта интересуетъ, отвѣтила она, продолжая спускаться;—это вамъ должно быть понятно.

— Ну, я такъ просто уѣду, чтобъ унести съ собой впечатлѣніе, которое для меня дороже всего, что̀ можно видѣть въ театрѣ.

Онъ опять пристально на нее посмотрѣлъ, всмотрѣлся, но она не отвѣтила на его взглядъ.

— Прощайте, Таня или, вѣрнѣе, до свиданія. Вѣдь до свиданія, не правда ли?

Она молча кивнула головой, протягивая руку.

— А вы мнѣ не скажете, онъ удержалъ дѣвушку еще на минуту,—какъ вы познакомились съ этимъ барономъ?

Странное дѣло, этотъ вопросъ ее не оскорбилъ нисколько. Опять ей послышалось въ немъ что-то довѣрчиво-задушевное и пожалуй еще нѣчто иное, нѣчто похожее на ревность, и она отвѣтила смѣясь:—вотъ еще, сто̀итъ разсказывать! Говорятъ вамъ, познакомилась съ нимъ не по своей волѣ. Не вѣрьте, пожалуй, коли не хотите. И она проскользнула въ партеръ. Но пьесы она больше не слушала и зачастую улыбка, вызванная

конечно не тѣмъ, что̀ происходило на сценѣ, забѣгала на ея личико, и сидѣвшая возлѣ нея товарка, удивленная ея долгимъ отсутствіемъ, вглядывалась въ нее съ худо скрытою насмѣшливостью. Но Танѣ и это было все равно, и едва кончился актъ, она объявила подругѣ, что не досидитъ до конца, потому что у нея голова заболѣла.

— Знаю, догадываюсь, отвѣтила она.—Ну, скоро у васъ дѣла дѣлаются.

Таня не захотѣла понять намека и поспѣшила отыскать свой бурнусъ, чтобъ освѣжить на ночномъ воздухѣ свое пылавшее лицо. И всю эту ночь золотые сны навѣщали ее, и какіе-то сладкіе, сладкіе голоса напѣвали ей на ухо чарующія пѣсни.

IX.

Таня проснулась поздно. Ее разбудилъ первый солнечный лучъ, заглянувшій въ ея комнату, а рано заглядывать туда солнцу не давали высокія стѣны. Таня протерла глаза и, догадавшись по яркому освѣщенію своей каморки, что заспалась необыкновенно долго, живо соскочила съ кровати. Она чувствовала себя въ какомъ-то непривычномъ праздничномъ настроеніи, вторившемъ радостному сіянію безоблачнаго мартовскаго утра. Что-то въ ней звучало, готовое откликнуться на призывъ къ свѣту и счастью. На стѣнѣ у ней висѣло маленькое зеркальце, передъ которымъ она всегда расчесывала волосы. До сихъ поръ она оставалась совершенно равнодушною къ тому, что̀ ей говорило это зеркальце. Но теперь она взглянулась въ него совершенно иными глазами чѣмъ прежде, невольно любуясь собой, пока она убирала свои мягкія, волнистыя кудри Она не могла понять, откуда взялось въ ея глазахъ совсѣмъ новое выраженіе, какой-то небывалый прежде, влажный блескъ, и отчего, пока она глядѣла на себя, краска такъ часто набѣгала на ея щеки. Таня не спѣшила одѣться, медленно заплетая свою темную косу, и смѣясь тому, что одна непослушная прядь упорно спадала къ ней на грудь, оттѣняя такъ отчетливо нѣжную бѣлизну кожи. Но вдругъ она застыдилась чего-то и поспѣшила одѣться на этотъ разъ тщательнѣе обыкновеннаго. Работая въ модномъ магазинѣ, она могла теперь нѣсколько разнообразить свои очень скромные наряды, тѣмъ болѣе, что хозяйка не скупилась на маленькіе

подарки, да и сама Таня научилась всякую бездѣлку превращать въ изящную вещицу.

Напившись второпяхъ холоднаго чаю,—дома не было никого,—она поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы, боясь опоздать въ свой магазинъ. Передъ самыми воротами, къ своему немалому удивленію, она увидѣла отца, въ оживленной бесѣдѣ съ барономъ Габлеромъ. Замѣтивъ ее, оба разомъ умолкли, косясь на нее исподлобья; баронъ при этомъ поклонился ей съ преувеличенною вѣжливостью, а въ глазахъ его Таня прочла довольно-таки злобную усмѣшку. Таня почуяла недоброе, но у нея на сердцѣ было слишкомъ много безпричинной радости, чтобъ ей захотѣлось раздумывать о странномъ разговорѣ ея отца съ финансовымъ тузомъ. И едва она свернула на Невскій, одинъ изъ первыхъ, попавшихся ей навстрѣчу, былъ Евгеній Борисовичъ.

— Что̀ за счастливая встрѣча! воскликнулъ онъ, останавливая ее, и затѣмъ принимаясь идти съ ней рядомъ. — А я вѣдь предчувствовалъ, что мы встрѣтимся, даю вамъ слово. Вы вѣдь позволите васъ проводить?

— Позволяю, тѣмъ болѣе, что это очень близко. Только пожалуста не задерживайте меня, она замѣтила, что онъ намѣренно убавляетъ ходъ,—вы видите, я спѣшу.

— А я вотъ нарочно постараюсь заставить васъ опоздать, право.

Струйскому чутье подсказывало, что Таня въ какомъ-то особомъ, безудержно веселомъ, школьническомъ настроеніи, и что этотъ товарищескій, шутливый тонъ ей въ сущности очень нравится, хотя она и прикидывается серьезною и разсерженною, и ему удалось такъ ее завлечь своею болтовней, что она совсѣмъ позабыла о своемъ магазинѣ, вспомнивъ о немъ тогда только, когда онъ остался далеко позади. Она тотчасъ повернула обратно, но тѣмъ временемъ успѣла разсказать Струйскому то самое, чего онъ такъ добивался наканунѣ—исторію ея знакомства съ барономъ. Ее прямо даже потянуло объ этомъ повѣдать молодому человѣку, словно ей надо было очиститься предъ нимъ отъ какихъ-то подозрѣній. Конечно, она не передала ему про тайные замыслы барона, и въ особенности про увѣщанія отца. Ей надо было только убѣдить его, разъ навсегда убѣдить, какъ ненавистенъ ей этотъ навязчивый Еврей. Струйскій, впрочемъ, догадался обо всемъ какъ нельзя лучше и впервые получилъ ясное представленіе о тяжелой домашней жизни дѣвушки. Него-

дованіе свое по адресу барона и Карла Иваныча онъ выразилъ съ такою горячностью, что Таня почти засмѣялась его запальчивымъ словамъ, хоть и въ глазахъ ея блеснула теплая, благодарная улыбка. Когда они разстались передъ дверями магазина, оба почувствовали разомъ, что въ это утро узнали другъ друга совсѣмъ близко и стали съ этой минуты настоящими друзьями.

Предчувствіе, охватившее Таню, когда она увидѣла отца вдвоемъ съ еврейскимъ барономъ, не замедлило сбыться. Когда подъ вечеръ она вернулась домой, отецъ встрѣтилъ ее не съ крикомъ и бранью, какъ дѣлалъ онъ это прежде, а съ какою-то холодною злобой на лицѣ.

— Ага! захихикалъ онъ сердито, — за моею спиной интриги, шашни вздумала заводить, молодымъ людямъ свиданія назначать? Хорошо, душенька, хорошо. Не оправдывайся пожалуста, я вѣдь все знаю.

Таня и не думала оправдываться. Несмотря на свое театральное воспитаніе, лгать она не выучилась. Она по обыкновенію только слушала, молча выжидая, чтобы миновала гроза. Карлъ Иванычъ на этотъ разъ выражалъ свой гнѣвъ съ необычною сдержанностью. Онъ объявилъ дочери, что не дастъ себя болѣе водить за носъ, что отнынѣ не будетъ пускать ее изъ дому безъ себя, и что къ своей хозяйкѣ она ходила сегодня въ послѣдній разъ. Онъ сломитъ ея упрямство и продержитъ ее подъ замкомъ, пока она не смирится.

И теперь это были уже не пустыя слова. Таня осталась взаперти чуть не цѣлыхъ шесть дней, и суровое обращеніе съ нею Карла Иваныча уже не смѣнялось притворными ласками. Онъ только намекнулъ ей раза два, что отъ нея зависитъ возвратить себѣ полную свободу: ей стóитъ лишь высказать барону нѣкоторую предупредительность. Видно Карла Иваныча баронъ вышколилъ хорошо. Въ его распоряженіи имѣлись, впрочемъ, доводы самаго убѣдительнаго свойства для голоднаго корыстолюбія достойнаго папеньки. Конечно, вымещая такимъ образомъ на бѣдной Танѣ свои неудачи, Габлеръ не могъ надѣяться расположить ее въ свою пользу. На этотъ счетъ онъ, впрочемъ, иллюзій себѣ не дѣлалъ и разсчитывалъ лишь на всесильное дѣйствіе золотыхъ приманокъ, которыми не разъ уже онъ побѣждалъ женскую строптивость. Чѣмъ тяжелѣе будетъ Танѣ, думалъ онъ,—тѣмъ скорѣе поддастся она искушенію.

И разсчетъ его почти оправдался. Когда на шестой день ея

затворничества баронъ появился въ скромной квартирѣ супруговъ Мейеръ,—онъ не бывалъ тамъ уже давно,—Таня вышла къ нему тотчасъ, и въ обращеніи ея онъ не могъ не замѣтить перемѣны. Она, правда, оставалась холодною и молчаливою, какъ прежде, но уже не высказывала ему прямаго отвращенія и говорила съ нимъ просто и непринужденно. Таня сказала себѣ, что ей нечего болѣе упрямиться, коли свободу она можетъ себѣ возвратить однимъ только притворствомъ. Пусть вина за этотъ невольный обманъ падетъ на ея притѣснителей; и въ сущности она вѣдь ничѣмъ не рискуетъ, польстивъ немного тупому самолюбію барона. И когда Габлеръ подъ конецъ своего посѣщенія вновь прибѣгнулъ къ обычному средству и досталъ изъ кармана футляръ съ новымъ цѣннымъ приношеніемъ, она приняла изъ рукъ его подарокъ, поблагодаривъ его двумя-тремя равнодушными словами. Ее какъ будто подзадоривало убѣдиться, какою ничтожною цѣной баронъ сочтетъ себя вознагражденнымъ за свою щедрость. Карлъ Иванычъ вздумалъ, было, опять пожурить дочь за ея неблагодарность, но баронъ поспѣшилъ заступиться за Таню.

— Оставьте ее, оставьте, сказалъ онъ, дѣлая рукой благородный жестъ.—Я вѣдь не требую, чтобы ваша дочь бросилась ко мнѣ на шею. Пусть я только увижу когда-нибудь на ней эти бриліанты, съ меня и этого довольно.

Черезъ нѣсколько минутъ Габлеръ всталъ и простился, болѣе разсчитывая, конечно, на искушающій блескъ своихъ бриліантовъ, чѣмъ на убѣдительную силу своей любезности. Карлъ Иванычъ проводилъ его съ сіяющимъ лицомъ и потомъ долго еще потиралъ себѣ руки отъ удовольствія.

— Молодецъ дочка, молодецъ, похвалилъ онъ Таню, трепля ее по щекѣ.—Ты изъ него... какъ это говорится... завивать веревочки будешь. Онъ неизмѣнно путался каждый разъ, что ему попадалась на языкъ русская поговорка.

А Таня стояла вся задумчивая и сумрачная, упрекая себя за свою удавшуюся хитрость. Какъ ни твердила она себѣ, что вѣдь дурнаго она не сдѣлала ничего, ее мучило сознаніе этого перваго своего, хоть и крошечнаго, обмана. Похвалы отца еще разжигали упреки совѣсти. Она поспѣшила воспользоваться пріобрѣтенною вновь свободой, чтобъ уйти куда-нибудь изъ этой душившей ее обстановки, уйти на просторъ вольнаго, свѣтлаго дня. Она жадно подставляла свѣжему воздуху свое горѣвшее

отъ стыда лицо, радуясь тому, что она опять подъ чистымъ небомъ, подъ яркими лучами весенняго солнца. И видъ этого сіяющаго мартовскаго дня, этой шумной, весело глядѣвшей уличной толпы мало-по-малу разсѣялъ ея тревогу. Не такимъ уже дурнымъ казался ей только-что совершенный поступокъ. Вѣдь это была только самая невинная и къ тому же вынужденная ложь... Совѣсть умолкала понемногу, подкупленная этими доводами и еще болѣе, можетъ-быть, прелестью этого яснаго дня, говорившаго, казалось, о свободѣ, о счастьѣ, о любви...

— Таня, вдругъ послышался ей сзади знакомый голосъ. — Таня, куда вы такъ спѣшите?

Она не обернулась, но слегка убавила шагъ, и тогда только, когда Струйскій былъ рядомъ съ нею, она обратила къ нему свое запылавшее счастливое лицо.

— Что̀ это васъ такъ давно не видно? спросилъ онъ, наклоняясь къ ней. — Я каждый день, разсчитывая васъ встрѣтить, тщетно прогуливался здѣсь по цѣлымъ часамъ.

— Каждый день и по цѣлымъ часамъ? спросила она, теперь только вспомнивъ, что сама въ ихъ послѣднюю встрѣчу почти невольно сказала ему, въ какіе часы она возвращается домой отъ своей хозяйки. — Будто ужь по цѣлымъ часамъ? лукаво добавила она. - И нѣтъ у васъ другаго дѣла поважнѣе?

Вся ея прежняя робость исчезла. Она не старалась предъ нимъ скрывать радость его увидѣть снова, и тутъ же она сказала ему, почему всѣ эти шесть дней онъ не могъ ее встрѣтить, и какъ ее продержали все это время подъ замкомъ.

— Какъ! воскликнулъ онъ, — и все это изъ-за меня? Изъ-за меня вы подверглись, такъ-сказать, одиночному заключенію? Бѣдная моя, бѣдная Таня!

Но эти слова участія вырвались у него какъ-то удивительно весело. Съ загорѣвшимся взглядомъ онъ всматривался въ ея розовое личико, еще болѣе прежняго любуясь его нѣжными очертаніями, глубокою синевой ея глазъ, опущенныхъ длинною бахромой рѣсницъ, любовался тонкимъ изгибомъ шеи и крошечными завитками волосъ, золотившихся на солнцѣ. Ея признаніе наполняло его откровеннымъ счастьемъ, такъ и просившимся наружу. Онъ сознавалъ, что въ эту минуту она счастлива тоже, что совсѣмъ позабыта ею скучная тяжесть затворничества, что всею своею молодою, нераспустившеюся душой она готова льнуть къ нему, какъ лѣтнимъ утромъ льнетъ цвѣтокъ къ радостному

солнцу. У него тоже отъ прежней застѣнчивости и слѣда не оставалось. Таня перестала быть для него сказочнымъ явленіемъ изъ волшебнаго міра, какимъ она впервые показалась ему на сценѣ. Она была для него теперь земнымъ, совсѣмъ близкимъ существомъ и отъ того сдѣлалась еще милѣе, и когда онъ узналъ про ея маленькую хитрость, онъ живо похвалилъ ее за это.

— Вы это хорошо сдѣлали, такъ и надо. Пусть онъ мечтаетъ себѣ о побѣдѣ, этотъ грубый, толстый баронъ. Воображаю, какимъ онъ козыремъ выходилъ отъ васъ. Мы его съ вами проучимъ еще; вотъ увидите.

И долго онъ хохоталъ надъ барономъ, совсѣмъ даже позабывъ о вспышкѣ ревности, охватившей его наканунѣ. И въ сердцѣ Тани его смѣхъ разогналъ послѣднія угрызенія совѣсти, не привыкшей ко лжи. И когда они разстались, на лицѣ Струйскаго долго еще играла счастливая, сіяющая улыбка.

— Скажи пожалуста, вдругъ остановилъ его попавшійся ему навстрѣчу товарищъ; это былъ Бубновъ, тотъ самый угрюмый офицеръ, взявшійся научить его уму-разуму въ тотъ вечеръ, когда онъ въ первый разъ восхищался игрой Тани,—скажи пожалуста, Струйскій, съ кѣмъ ты это изволилъ такъ долго расхаживать? Не та ли ужь это дѣвица, которою мы разъ любовались въ Михайловскомъ театрѣ?

Струйскій вспыхнулъ и смѣшался.

— Пожалуста ты не воображай... началъ было онъ нетвердымъ голосомъ.

— Ну, ну, что̀ тутъ воображать. Дѣло и безъ того ясно. У тебя завелся сентиментальный романъ и вдобавокъ романъ преглупый. Совсѣмъ не такъ, мой милый, эти дѣла дѣлаются. Надо втихомолку, чтобы было шито да крыто; а то среди бѣла дня себя на показъ выставлять... И навѣрно ты ничего до сихъ поръ не добился.

— Перестань, пожалуста, робкимъ, хоть и негодующимъ тономъ остановилъ его Струйскій.—Она совсѣмъ не то, что̀ ты думаешь.

— Ба, ба, разсказывай. Всѣ, разумѣется, такъ думаютъ, кому въ первый разъ случалось такія интрижки заводить. Только предупреждаю тебя, любезный мой, берегись; этимъ путемъ какъ разъ на удочку попадешь. Такія дѣвицы, которыя изъ себя невинность разыгрываютъ, всего опаснѣе. Ты вѣдь не жениться на ней, я думаю, собираешься?

— Вотъ еще! Конечно нѣтъ...

Струйскій былъ сперва глубоко оскорбленъ словами товарища и хотѣлъ остановить его, но когда тотъ упомянулъ о женитьбѣ, уже не гнѣвъ, а совсѣмъ иное чувство,—стыдъ, нехорошій стыдъ предъ насмѣшками заговорилъ въ молодомъ человѣкѣ, побуждая его громко отречься отъ такой сентиментальной глупости.

— Ну, коли нѣтъ, братецъ мой, было отвѣтомъ офицера,—такъ либо сдай это дѣло въ архивъ поскорѣе, либо поведи его совсѣмъ иначе. А всего лучше, конечно, сдать въ архивъ, потому что такіе птенцы, какъ ты, вотъ на этомъ молокѣ обжигаются.

И добрый совѣтчикъ пространно изложилъ, какъ надо повести дѣло по настоящему. Струйскій негодовалъ на его цинизмъ—совѣсть въ немъ зачерствѣть не успѣла—но все-таки выслушалъ его, не перебивая, до конца.

X.

Евгеній былъ единственнымъ сыномъ рано овдовѣвшей матери и, благодаря этому, до своего 26-лѣтняго возраста не успѣлъ выйти изъ-подъ маменькинаго крылышка. Обстоятельство это сильно на немъ отозвалось. Екатерина Алексѣевна Струйская, женщина властолюбивая, хоть и по-своему добрая, лишилась въ своемъ мужѣ не только предмета супружеской привязанности, но и постоянной жертвы своего деспотизма, жертвы, впрочемъ, счастливой, какъ оно всегда бываетъ съ послушными мужьями. Само собой разумѣется, что весь свободный запасъ нѣжности, но въ то же время и всю наклонность къ неограниченной власти она сосредоточила на сынѣ. Своего Женю она воспитала самымъ тщательнымъ образомъ, увѣренная, что изъ него непремѣнно выйдетъ человѣкъ замѣчательный. Съ этою цѣлью она его не выпускала изъ дома, не скупясь на дорогихъ учителей и всячески оберегала отъ дурныхъ вліяній, снабдивъ его, конечно, при этомъ достаточнымъ запасомъ строгихъ нравственныхъ правилъ. Этихъ дурныхъ вліяній она особенно боялась со стороны товарищей, твердо увѣренная, что сверстники ея Жени воспитаны не въ примѣръ хуже, и едва мальчику минуло двѣнадцать лѣтъ, она намѣренно порвала всѣ прежнія связи съ тѣми домами, гдѣ

были дѣти одинаковаго возраста. Этою системой воспитанія она достигла того, что въ мальчикѣ, отъ природы способномъ, она подорвала всѣ пружины воли, къ тому же не особенно сильной.

Усвоенныя отъ матери нравоученія засѣли у него въ головѣ, какъ что-то навязанное извнѣ, чему онъ охотно подчинялся, но къ чему не влекло его твердое сознаніе, вышколенное жизнью. Охрана отъ дурныхъ вліяній сдѣлала первые годы его юности совершенно одинокими, и бурный восемнадцатилѣтній возрастъ засталъ его безо всякихъ товарищей, непривыкшаго къ людямъ и совсѣмъ не знакомаго съ жизнью. Не имѣя къ тому же ни сестеръ, ни кузинъ, онъ въ ранніе годы не зналъ женскаго общества и на долго сохранилъ какую-то странную застѣнчивость предъ женщинами. Тайное чувство влекло его къ нимъ, вызывая порой безпокойную краску на его лицѣ, и въ то же время упрямая робость мучительно удерживала юношу ото всякой попытки къ сближенію. Женщины и дѣвушки его круга остались для него какими-то загадочными существами и прелестными, и страшными въ то же время, и видалъ онъ ихъ только въ искусственной атмосферѣ гостиныхъ.

А между тѣмъ оберегать его отъ внѣшняго міра, когда онъ переступилъ черезъ порогъ университета, стало для Екатерины Алексѣевны уже невозможно. Скрѣпя сердце она помирилась съ этою роковою необходимостью, призывая на голову своего Жени всесильную охрану неба и заранѣе пугаясь обольщеній, которыя ждали его въ ненавистной ей товарищеской средѣ. И долгое одиночество въ привольномъ, но скучноватомъ, родномъ домѣ привело къ тому, что Евгеній впервые сошелся лишь съ такими женщинами, которыя могли всего хуже повліять на его развитіе. Насмѣшки товарищей еще болѣе, чѣмъ природное влеченіе заставили его броситься почти зажмуря глаза отъ гадливости въ разгаръ грубыхъ удовольствій, и въ сердцѣ молодаго человѣка осталась неудовлетворенною тоскливая жажда по чистой женской любви и рядомъ съ этою жаждой продолжала владѣть имъ прежняя нелѣпая робость. Онъ лелѣялъ мечту о какомъ-то небываломъ идеальномъ романѣ, на который должна же наконецъ его натолкнуть жизнь, онъ рисовалъ себѣ обольстительный, божественный кумиръ, и въ то же время привычка имѣть дѣло съ падшими женщинами и покупною любовью подрывала въ немъ уваженіе къ этому самому кумиру, заставляя его втайнѣ

стыдиться своего долгаго и глупаго цѣломудрія. Странное было въ немъ смѣшеніе молодаго, даже черезчуръ наивнаго, идеализма съ затаенною безсознательною испорченностью. Онъ походилъ на тѣ недозрѣлые плоды, въ которыхъ подъ блестящею, гладкою оболочкой незамѣтно прокрадывается гніеніе.

И вотъ его давнишняя мечта осуществилась. Когда онъ увидѣлъ Таню на сценѣ, вѣрное чутье ему тотчасъ подсказало, что она не походила на окружавшую ее среду, что ея чистоты не коснулась зараженная атмосфера кулисъ. Онъ одинъ, быть-можетъ, среди всей театральной публики это понялъ, и никакой скоромной мысли не примѣшивалось къ его восхищенію, такому же искреннему и чистому, какъ и она сама. Онъ самъ не зналъ, зачѣмъ стремится познакомиться съ нею и долго потомъ носилъ въ себѣ ея образъ, неотвязчиво овладѣвшій его воображеніемъ. И при его первой, неожиданной встрѣчѣ съ ней онъ смотрѣлъ на нее все такими же очарованными глазами, и въ его обращеніи съ ней былъ какой-то оттѣнокъ робкой почтительности. Знакомство съ Таней свѣтлымъ лучомъ озарило его тусклую жизнь, которую до сихъ поръ ничто не могло пополнить: ни свѣтскія удовольствія, ни служебные интересы, ни слишкомъ ужь привычная любовь матери. Для него это было не однимъ изъ тѣхъ заурядныхъ пошлыхъ знакомствъ, которыми предъ нимъ такъ часто хвастались товарищи, и лишь мало-помалу, привыкнувъ къ ея обществу, узнавъ про ея домашнюю обстановку, онъ сталъ понимать, сколько безсознательной чувственности примѣшивалось къ его восхищенію ей. Грубоватыя слова угрюмаго Бубнова впервые пробудили Струйскаго отъ его грезъ, разсѣяли поэтическій призракъ его любви, какъ прикосновеніе неловкой руки стираетъ нѣжную пыль съ крыла бабочки.

И Струйскій призадумался надъ своимъ чувствомъ къ Танѣ, увидѣвъ его наконецъ въ неумолимомъ свѣтѣ будничной правды. Онъ сказалъ себѣ, что, продолжая свой полудѣтскій романъ, казавшійся ему такимъ невиннымъ, онъ навѣрно сдѣлается посмѣшищемъ для товарищей. Вѣчно скрывать такую идиллію въ большомъ городѣ вѣдь нельзя. Но чѣмъ же тогда кончить? Неужели взаправду надо кончать, непремѣнно надо? У него морозъ пошелъ по кожѣ отъ этой мысли. О, еслибъ онъ могъ куда-нибудь скрыться вмѣстѣ съ ней, зажить блаженною жизнью вдвоемъ, что̀ это было бы за счастье!

И какъ всѣ нерѣшительные люди онъ не могъ заставить себя додуматься до послѣдняго слова. Вопервыхъ, его мать стояла предъ нимъ неодолимымъ препятствіемъ. Что̀ сказала, что̀ сдѣлала бы она, еслибъ онъ въ самомъ дѣлѣ вздумалъ уйти отъ нея со своею Таней? Да и средства у него были очень ограниченныя. Мать баловала его очень, но изъ предосторожности большихъ денегъ ему не давала на руки. Такъ что̀ же тогда, наконецъ? Неужели поступить такъ, какъ сдѣлали бы на его мѣстѣ многіе изъ его товарищей. Добиться обычной и пошлой развязки и потомъ разстаться? Это значило бы поступить, какъ безчестный человѣкъ, и, говоря себѣ это, любуясь даже негодованіемъ, охватившимъ его при этой мысли, Струйскій почти не сознавалъ, какъ сладкія мурашки забѣгали по всѣмъ его нервамъ, когда онъ представлялъ себѣ Таню отдававшеюся ему безраздѣльно.

И Струйскій продолжалъ исподволь, украдкой встрѣчаться съ Таней на улицѣ, счастливый тѣмъ, что она все откровеннѣе довѣрялась ему, и во взглядѣ ея глазъ, лучистомъ и мягкомъ, онъ такъ недвусмысленно читалъ ея любовь. Одно только его смущало,—какъ бы не попался ему навстрѣчу кто-либо изъ знакомыхъ и его романъ не разгласился по городу. И онъ намѣренно выбиралъ теперь болѣе отдаленныя улицы, гдѣ опасность была не такъ велика. А мало-по-малу препятствія, какія онъ создавалъ себѣ самъ, все болѣе распаляли его воображеніе, зажигали въ немъ нетерпѣливую жажду узнать наконецъ ту полную, истинную любовь, страстную, необузданную, и въ то же время озаренную поэтическимъ лучомъ, о которой онъ такъ долго и тщетно мечталъ.

А Таня покорно отдавалась подъ его власть, не задумываясь надъ какою-нибудь возможною опасностью. Ее слѣпо, неудержимо влекла къ нему живая благодарность за то, что отъ него одного ей довелось услышать ласковое слово, и за одно съ этимъ она поддавалась невольно обаянію его изящной наружности, его ласкающаго, вкрадчиваго голоса, и весь онъ казался ей проникнутымъ чѣмъ-то искреннимъ и сердечнымъ, такъ и вкрадывавшимся къ ней въ душу. Природное чутье подсказывало ей, что онъ совсѣмъ не походилъ на другихъ, съ кѣмъ она встрѣчалась до сихъ поръ, что во всей его натурѣ было что-то высшее, болѣе тонкое, почти художественное. И въ самомъ дѣлѣ, и природа, и, быть-можетъ, женское воспитаніе

положили на Струйскаго печать чего-то мягкаго и привлекательнаго. И въ этомъ не сказывалось вовсе лицемѣріе; онъ въ самомъ дѣлѣ былъ доступенъ хорошимъ, сердечнымъ порывамъ, готовъ на каждое доброе слово откликнуться сочувствіемъ. Правда, открытое любому вліянію извнѣ, его сердце не проникалось глубоко никакимъ чувствомъ. Легкою зыбью только волновалось оно, и зыбь эта утихала скоро, неспособная надолго его увлечь. Но Таня объ этомъ, конечно, догадываться не могла; она искренно вѣрила, что онъ стоялъ неизмѣримо выше ея, и никакихъ сомнѣній на его счетъ ей не западало на душу. Какъ всякая женщина, она не потому его любила, что онъ привлекъ ее къ себѣ своимъ умственнымъ превосходствомъ, а, наоборотъ, ея молодое воображеніе украсило его всѣми качествами сердца и ума отъ того, что она его полюбила. Ее даже то не смущало, что онъ поощрялъ ее пользоваться легковѣрнымъ увлеченіемъ барона и скрывать отъ него до поры до времени свое отвращеніе. Это было вѣрнымъ средствомъ отводить глаза Карлу Ивановичу, и Струйскій беззастѣнчиво имъ пользовался, наталкивая дѣвушку на легко удававшійся обманъ. И Таня слушалась этихъ совѣтовъ тѣмъ охотнѣе, что своею уступчивостью она освободилась отъ преслѣдованій отца. Карлъ Ивановичъ не разъ уже обращался къ щедрости барона, щедрости, правда, не слишкомъ тароватой, но вполнѣ достаточной, чтобы временно облегчить вѣчныя финансовыя затрудненія супруговъ Мейеръ. И къ дочери онъ становился все ласковѣе. Никогда прежде онъ не выказывалъ ей такой заботливости, истрачивая на нее добрую часть изъ приношеній барона. Таня и этому не противилась, и когда, принаряженная отцомъ, совсѣмъ уже не похожая на прежнюю бѣдную замарашку, она при встрѣчѣ съ бывшими товарками замѣчала у нихъ на лицѣ двусмысленную улыбку, Таня и этого не стыдилась. Втайнѣ она говорила себѣ, надѣвая какое-нибудь новое платье, что дѣлаетъ это для Евгенія, что ей теперь не стыдно будетъ показаться съ нимъ рядомъ на улицѣ. И безсознательное женское тщеславіе помогало ей позабыть, какою не совсѣмъ чистою цѣной она пріобрѣтала средство ему нравиться еще болѣе прежняго.

Разъ — это было уже весной — Струйскій предложилъ Танѣ повезти ее въ оперу. Давали *Фауста*, и онъ заранѣе взялъ литерную ложу, гдѣ имъ будетъ такъ хорошо вдвоемъ и гдѣ ихъ никто не увидитъ. Таня, никогда не бывавшая въ оперѣ и за-

ранѣе очарованная *Фаустомъ* по наслышкѣ, обрадовалась этому несказанно. Она съ дѣтства любила музыку страстно и согласилась не задумываясь. Въ условленный часъ Евгеній поджидалъ ее съ наемною каретой на углу Невскаго. И вотъ онъ слышитъ ея легкіе, торопливые шаги по тротуару и видитъ приближающуюся стройную фигуру. Радостно онъ пожимаетъ ей руку, она прыгнула въ карету, и они очутились рядомъ, въ первый разъ такъ непосредственно близко, въ такомъ тѣсномъ пространствѣ. Она обратила къ нему свое взволнованное счастливое лицо и снова невольнымъ движеніемъ пожала ему руку. При свѣтѣ фонаря онъ видѣлъ ея блестящіе, радостные глаза и, крѣпко сжимая ея пальчики, поднесъ ея руку къ своимъ губамъ. Едва она почувствовала ихъ прикосновеніе, какой-то странный испугъ обжегъ ее мгновенно. Руки своей она, однако, не отняла.

— Таня, милая, спасибо вамъ, спасибо, что пришла! повторялъ онъ нѣсколько разъ, слегка путаясь отъ охватившаго его волненія.

Много было смѣха, много безсвязныхъ, почти дѣтскихъ рѣчей, пока извощичья карета довезла ихъ до подъѣзда Маріинскаго театра. Евгеній бережно высадилъ Таню, еще бережнѣе помогъ ей раздѣться и поднялся съ ней въ третій ярусъ, гдѣ была ихъ ложа. Таня удивленно раскрыла глаза, увидѣвъ огромные размѣры Маріинской залы и богатую драпировку широкой ложи, гдѣ такъ легко можно было укрыться и откуда такъ хорошо все было видно.

Все первое дѣйствіе она не отрывала глазъ отъ сцены, боясь почему-то взглянуть на Евгенія, но она чувствовала его близость и то, что взглядъ его обращенъ къ ней и не перестаетъ ею любоваться.

Когда занавѣсъ опустился послѣ бравурнаго дуэта помолодѣвшаго Фауста съ Мефистофелемъ, она оставалась неподвижною и нѣмою, какъ бы все еще прислушиваясь къ умолкнувшимъ звукамъ. Вопросъ Струйскаго пробудилъ ее отъ этого оцѣпенѣнія.

— Что̀, вы довольны, Таня? онъ ласково улыбался, говоря ей это. Она обернула къ нему сіявшее дѣтскимъ восторгомъ лицо.

— Ахъ, какъ хорошо! проговорила она, устремивъ на него свой блестѣвшій взглядъ. — Я не могла себѣ представить, что

это будетъ такъ чудесно. Мнѣ, я думаю, никогда еще, никогда такъ хорошо не было.

— Ну вотъ увидите, дальше еще лучше будетъ... А теперь пойдемте; куда хотите?

Она послѣдовала за нимъ въ глубь ложи, и они опустились вдвоемъ на узенькій диванъ. Ея оживленное, разгорѣвшееся лицо было еще лучше и еще милѣе обыкновеннаго, и онъ сказалъ ей это, принимаясь опять тихо пожимать ея маленькую ручку.

— Вотъ я тоже, хоть я знаю *Фауста* наизустъ, никогда еще такъ не наслаждался имъ, какъ сегодня. Отчего это, какъ вы думаете? Я тоже чувствую, какъ Фаустъ, полную неограниченную радость жизни, точно и я помолодѣлъ... Да, право, увѣряю васъ.

Онъ наклонился къ ней, всматриваясь въ ея счастливые, восхищенные глаза, и никогда еще сознаніе ея прелести не сказывалось въ немъ такъ живо. И совершенно по-дѣтски, непринужденно потекли ихъ молодыя рѣчи, въ которыхъ слова не значили сами по себѣ ничего, но былъ какой-то затаенный внутренній смыслъ, недосказанный и въ то же время понятный.

Второе дѣйствіе еще усилило восхищеніе Тани. Пестрый, точно весь сотканный изъ музыкальныхъ узоровъ, праздничный хоръ, потомъ арія Мефистофеля, злобная и вызывающая, потомъ знаменитая сцена съ мечами, наконецъ этотъ дивный вальсъ, весь полный сладострастія, и среди этого вальса первая встрѣча Фауста съ Маргаритой, первое слабое еще дрожаніе чувства, вызванное у него словами искусителя—все это вливало въ душу Тани какое-то сладкое опьянѣніе, отъ котораго у нея кружилась голова и быстрѣе стучала молодая кровь. И когда снова начался антрактъ, ей уже какъ-то не хотѣлось говорить и, молча опустившись на диванъ, она съ полузакрытыми глазами внимала не то вкрадчивому голосу Евгенія, не то лелѣющей музыкѣ Гуно, все еще вливавшей въ ея уши мягкія, нѣжныя струи. Да ему отвѣта и не надо было — онъ ясно читалъ его въ смущенныхъ опущенныхъ глазахъ, въ сладкомъ трепетѣ ея взволнованнаго личика.

— Но однако васъ побаловать надо, Таня, весело сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста. Антрактъ на этотъ разъ продолжался долго, артисты были утомлены, а на сценѣ шла возня съ постановкой декорацій. Евгеній вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся съ коробкой конфетъ.

— Вотъ вамъ, Таня; будемъ совершенными дѣтьми, сказалъ онъ входя.

Очарованіе какъ-то сразу исчезло и, пока она грызла конфеты своими острыми зубками, ея веселый дѣвическій смѣхъ задорно и живо отвѣчалъ на его шутливыя слова, а онъ все сильнѣе и все откровеннѣе любовался ею, каждымъ ея движеніемъ, каждою искрой, зажигавшеюся въ ея глазкахъ. И запылавшій его взглядъ словно цѣплялся теперь за каждую черту ея измѣнчиваго личика, за каждую складку ея одежды.

Но вотъ со сцены раздались первыя ноты аріи Зибеля. Они поспѣшили къ своимъ мѣстамъ. Артистка, исполнявшая роль вѣрнаго, но неудачливаго поклонника Маргариты, пѣла хорошо, но казалась очень неуклюжею въ своемъ мужскомъ костюмѣ, неловко сидѣвшемъ на ея полномъ станѣ. И хотя ей апплодировали дружно, было что-то необыкновенно жалкое въ ея наружности и въ самомъ усердіи, съ которымъ бѣдный Зибель приносилъ любимой дѣвушкѣ свой скромный и ненужный подарокъ. Таня невольно засмѣялась.

— Что̀, Таня, спросилъ Евгеній,—понимаете видно, что одной преданности мало, что не того любишь, кто этого больше заслуживаетъ. Этихъ бѣдныхъ, преданныхъ Зибелей, никогда не любятъ, хоть они обыкновенно и прекрасные люди. Что̀, какъ бы вы поступили на мѣстѣ Маргариты, а?

— Не мѣшайте мнѣ слушать, Евгеній Борисовичъ, шопотомъ, съ лукавою улыбкой вымолвила Таня.

— То-то, не признаетесь! А случись вамъ тоже встрѣтить какого-нибудь Фауста, вы бы поступили такъ же, какъ она.

Таня отвернулась, чтобы скрыть отъ него смущенное личико, но мигъ спустя украдкой глянула на него и какая-то невыразимая, сіяющая нѣжность была въ этомъ бѣгломъ взглядѣ. Невольнымъ движеніемъ онъ ближе къ ней пододвинулъ свой стулъ, такъ что платье ея теперь касалось его ногъ. Но она не замѣтила этого; она вся сосредоточилась на Маргаритѣ, только-что нашедшей у себя на окнѣ шкатулку съ богатымъ подаркомъ Фауста. До конца дѣйствія она такъ и оставалась прикованною къ сценѣ. Взволнованная краска на ея лицѣ все усиливалась, и молодая грудь замѣтно колыхалась подъ складками лифа.

— Что̀, виновата она по-вашему? спросилъ онъ, когда въ сценѣ дуэта Маргарита, упоенная словами возлюбленнаго, без-

защитно упадаетъ къ нему на грудь, и впервые ихъ уста сливаются въ поцѣлуй.

Таня ему не отвѣтила, она не разслышала даже, вся нагнувшаяся впередъ, вся ушедшая въ тревожный, очарованный слухъ.

— Таня, кончено, пойдемте... Евгеній слегка коснулся ея плеча, говоря это.

— Что̀ кончено?.. Какъ, вся опера? спросила она.

— Нѣтъ, разумѣется нѣтъ, хотя все, что̀ будетъ послѣ, откровенно говоря, мнѣ уже нравится гораздо меньше. Но знаете что̀, я никогда еще не видалъ никого, кто бы такъ заслушался *Фаустомъ*, какъ вы, на кого бы онъ производилъ такое сильное впечатлѣніе...

— Въ самомъ дѣлѣ? разсѣянно сказала она, машинально проводя рукой по волосамъ, чуть-чуть спустившимся къ ней на лобъ. Она медленно поднялась и почти безсознательно направилась въ глубь ложи. Струйскій послѣдовалъ за ней и молча остановился предъ диваномъ. Его била лихорадка, и что-то алчное, хищное было въ его глазахъ, а она словно поджидала чего-то, и какой-то ознобъ, испуганный и сладостный, игралъ по всему ея тѣлу. Истома овладѣла ею, и еслибъ она захотѣла встать въ эту минуту, ноги бы ей не повиновались.

— Таня, хриплымъ, неестественнымъ голосомъ проговорилъ онъ, пододвигаясь къ ней ближе. Она будто не слышала.

— Таня, повторилъ онъ едва внятно и дрожа отъ волненія. И вдругъ, словно повинуясь посторонней, неодолимой силѣ, онъ нагнулся къ ней и, взявъ ее за обѣ руки, страстнымъ движеніемъ привлекъ къ себѣ. Она не противилась, и безсознательная, трепещущая, безсильная пала къ нему на грудь.

— Таня, продолжалъ онъ шептать, покрывая ея лицо жгучими поцѣлуями,—Таня, я люблю тебя, какъ Фаустъ любилъ Маргариту. Понимаешь?

Невольно они опустились оба на диванъ, и его руки продолжали крѣпко обвивать ее, и жадные глаза просили и требовали чего-то еще бо̀льшаго, и жадныя губы искали ея губъ. Она откинула голову назадъ и, увидѣвъ странное, почти дикое выраженіе его глазъ, разомъ очнулась. Страхъ и что-то похожее на негодованіе овладѣли ею. Мигомъ она вскочила на ноги.

— Евгеній Борисовичъ, проговорили ея дрожащія, поблѣднѣвшія губы,—вы... вы... О, какъ могли вы... развѣ вы думали...

И съ какимъ-то отчаяніемъ она покрыла лицо руками, отво-

рачиваясь отъ Евгенія. Онъ подошелъ опять, хотѣлъ заговорить съ ней, успокоить ее, но едва онъ коснулся до нея, она вырвалась съ неудержимою силой, и въ лицѣ ея онъ прочелъ такую глубокую скорбь, столько обиженнаго стыда, что онъ не посмѣлъ уже повторить свою попытку. Съ минуту они простояли молча другъ предъ другомъ, смущенные и растерянные. Струйскій опомнился первый.

— Таня, опять началъ онъ едва слышно, — Таня, простите, забудьте; вы вѣдь тоже меня любите; любите, я знаю.

Въ первый мигъ ласковые и молящіе звуки его голоса смягчили ея оскорбленное чувство, и ея глаза невольно отвѣтили на слова Евгенія, говоря ему о любви и прощеніи, но когда ободренный этимъ онъ снова подошелъ къ ней, снова взялъ ее за руки, чтобы прильнуть къ нимъ горячими губами, испугъ овладѣлъ ею опять. Онъ не выпускалъ ея, крѣпко стиснувъ ея пальцы, и новая волна неудержимой страсти поднялась въ немъ.

— Таня, милая, шепталъ онъ, наклоняясь къ ней, и руки его протянулись впередъ, обнимая ея станъ, но въ ея глазахъ онъ прочелъ такую горестную мольбу, такой неподдѣльный ужасъ отразился на ея поблѣднѣвшемъ личикѣ, что его жадныя руки опустились и весь пристыженный онъ выпустилъ ее снова. Таня отшатнулась отъ него и опрометью бросилась вонъ изъ ложи. Сама не зная, что дѣлаетъ, она почти бѣгомъ кинулась къ лѣстницѣ и минуту спустя была уже на улицѣ, все охваченная безсознательнымъ страхомъ. Она спѣшила укрыться куда-то и отъ людскихъ глазъ, и отъ себя самой, а прозрачная весенняя ночь неумолимо обступала ее своимъ назойливымъ свѣтомъ. Ей некуда было уйти; вѣдь и дома ее ждало все то же знакомое злое, и полное роковое одиночество никогда еще не сказывалось ей съ такою холодною отчетливостью. И все-таки среди ея непрогляднаго горя въ ней не поднималось озлобленнаго чувства противъ Струйскаго и, упрекая себя за свою слабость, она невольно прощала ему нанесенныя ей обиды.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

К. Орловскій.

ДРУЗЬЯМЪ.

Други! впередъ, осѣнивши́сь крестомъ!...
Гдѣ онъ, осмѣянный стягъ идеала?..
Ясная зорька вдали запылала...
Други! вставайте, пойдемъ!

Русское сердце съ собой понесемъ,
Крѣпкую вѣру, горячее слово,
Правдѣ служить будемъ честно, сурово...
Други! вставайте, пойдемъ!

Ждетъ насъ борьба съ отрицанія зломъ...
Будетъ трудна и терниста дорога...
Съ вѣрою въ родину, съ вѣрою въ Бога,
Други! вставайте, пойдемъ!

Анатолій Александровъ.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

XI.

Бейтъ-Джала. Горняя. Крестный монастырь. Хевронъ.

Изъ Виѳлеема мы поѣхали въ Бейтъ-Джалу. Въ историческомъ отношеніи это многолюдное арабское селеніе не представляетъ интереса. Въ настоящее время оно служитъ ареной упорной борьбы между православными, латинянами и протестантами. До сороковыхъ годовъ населеніе Бейтъ-Джалы было исключительно православное. Въ настоящее время изъ 4.000 душъ осталось въ православіи не болѣе 1.500, остальные совратились въ латинство и лютеранство. По довольно порядочной дорогѣ мы прибыли къ подножію холма, по которому безпорядочно и тѣсно расположились каменныя хижины поселянъ, подавляемыя обширными, массивными постройками латинской семинаріи, и сѣтью извилистыхъ и узкихъ улицъ добрались до небольшаго, двухъэтажнаго дома русскаго женскаго пансіона, составлявшаго цѣль нашей поѣздки. У подножія холма стоитъ и православная церковь Св. Николая. Намъ случилось быть тамъ у обѣдни въ одно изъ воскресеній. Церковь стоитъ среди широкаго двора и содержится чисто внутри и снаружи. Она была полна народа. Ученицы нашихъ школъ, опрятно и красиво одѣтыя въ мѣстный сельскій нарядъ, стояли всѣ вмѣстѣ правильными рядами. Богослуженіе совершалось на арабскомъ языкѣ. Красная перегородка, на которой были помѣщены иконы въ одинъ рядъ, замѣняла иконо-

стасъ. Своеобразные греческіе напѣвы, конечно, не могли понравиться намъ, но прихожане стояли чинно и внимательно. Священникъ-Арабъ говоритъ порядочно по-русски. Онъ завѣдуетъ мужскою школой, получая субсидію отъ православнаго Палестинскаго Общества; сынъ его обучается въ Кіевской духовной семинаріи, а Греки не упускаютъ случая дѣлать ему всякія непріятности за его склонность къ Россіи. Православная школа учреждена патріархомъ и послѣднія извѣстія о ней крайне неутѣшительны: ни русская, ни арабская грамотность не процвѣтаютъ; учебныя пособія крайне недостаточны; помѣщеніе, особенно въ сырое зимнее время, никуда не годится: комнаты тѣсны, окна безъ рамъ, объ отопленіи нѣтъ и помину. Въ лѣтнее время, даже въ началѣ октября, ученики еще не собирались послѣ вакаціи и ученья не было. Патріаршія школы, нехотя учреждаемыя святогробскимъ братствомъ, не имѣютъ никакого значенія въ образовательномъ отношеніи, да едва ли не то же самое можно сказать, за немногими исключеніями, и о франкскихъ школахъ. Пропаганда между взрослыми должна была остановиться, когда, по настояніямъ Россіи, святогробское братство снизошло до вниманія къ отпаденію отъ православія своей арабской паствы. Но умѣривъ свой натискъ на взрослыхъ, латиняне и протестанты раскинули свои сѣти для уловленія протестантовъ въ видѣ учебныхъ заведній для дѣтей, начиная съ самыхъ маленькихъ. Родителямъ показалось чрезвычайно удобнымъ сдавать малютокъ на цѣлый почти день подъ внимательный надзоръ пропагандистовъ, въ школы, гдѣ не только чему-то научатъ, но иногда и покормятъ, а къ праздникамъ и одарятъ. Главный же предметъ этихъ школъ составляетъ пріученіе дѣтей къ латинскому или протестантскому богослуженію. Какъ бы ни мала была школа, тамъ всегда есть и алтарикъ, и образа, и учитель въ ней всегда прежде всего катихизаторъ. Сообразно этому и греческая мужская школа имѣетъ одну цѣль—удержать православныхъ дѣтей отъ посѣщенія латинскихъ и лютеранскихъ школъ. Просвѣтительныя задачи такихъ школъ—дѣло будущаго. Для этого прежде всего нужно подготовить учителей, а никакой учительской семинаріи, или чего-нибудь подобнаго Греки до сихъ поръ не надумались учредить. Учительскій персоналъ у нихъ самый мелкій. Все, сколько-нибудь приближающееся къ понятію объ учителѣ, они берутъ изъ воспитанниковъ латинскихъ и протестантскихъ училищъ, да и такихъ найти трудно за нищенское вознагражденіе,

которое отпускается изъ патріаршей казны. Назаретскій учительскій институтъ, не выпустившій еще ни одного учителя, основанъ православнымъ Палестинскимъ Обществомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что патріархія рѣшительно воспротивилась учрежденію мужскихъ сельскихъ училищъ со стороны русскаго Палестинскаго Общества. Она предпочла бы получать деньги на содержаніе такихъ заведеній и управлять школами совершенно независимо. Понятно, что Палестинское Общество не могло, наученное опытомъ, поддаться такому искушенію. Ограничившись пособіемъ для мужскихъ школъ въ Іудеѣ и приступивъ къ учрежденію такихъ учебныхъ заведеній въ Галилеѣ, благодаря болѣе благосклонному отношенію Назаретскаго митрополита, православное Палестинское Общество могло самостоятельно приступить только къ учрежденію женскихъ сельскихъ училищъ въ предѣлахъ Іерусалимской епархіи: здѣсь женскихъ училищъ не существовало даже и на бумагѣ, потому патріархія не могла найти благовидныхъ предлоговъ противодѣйствовать русской иниціативѣ. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ народнаго образованія у русскаго Палестинскаго Общества два противника: Греки и Франки, и который опаснѣе—сказать трудно. Наравнѣ съ Нѣмцами, Англичанами и латинянами, Русскіе, конечно, могли бы имѣть отъ турецкаго правительства такую же свободу дѣйствій по отношенію къ учрежденію сельскихъ училищъ, но мы стоимъ на ложномъ пути: мы, соблюдая подобающее уваженіе къ древней патріаршей каѳедрѣ Св. Града, не рѣшаемся отдѣлить интересы горсти своекорыстныхъ греческихъ пришельцевъ, сплотившихся подъ сѣнью патріаршаго престола въ солидарное святогробское братство для устройства дѣлишекъ, ничего общаго съ православіемъ не имѣющихъ, отъ истинныхъ нуждъ православія въ Святой Землѣ, и довѣрчиво шлемъ пожертвованія и деньги непосредственно въ распоряженіе этихъ господъ, не контролируемъ употребленія пожертвованій и, въ концѣ концовъ, только поощряемъ появленіе такихъ святокупцевъ, такихъ скандаловъ, какіе на нашихъ глазахъ всплываютъ въ прискорбныхъ судьбахъ первопрестольной Антіохійской патріархіи.

Въ Бейтъ-Джалѣ существуетъ женскій пансіонъ и школа для приходящихъ дѣвочекъ. Обѣ помѣщаются въ красивомъ двухъэтажномъ домѣ. Въ пансіонѣ всего десять дѣвочекъ, въ школу собирается отъ 60 до 100. Серьезное учебное значеніе имѣетъ, конечно, покамѣстъ пансіонъ. Въ этихъ заведеніяхъ дѣйствуютъ

три русскія учительницы, одна изъ нихъ—старшая и управляетъ ими—и одна или двѣ Арабки-помощницы, обучавшіяся въ нѣмецкой протестантской школѣ. Начальница пансіона, г-жа Тараканова, любезно показала намъ весь домъ. Въ классѣ пансіона, свѣтломъ и просторномъ, стояли въ три ряда учебные столы и за каждымъ сидѣли три дѣвочки. Ихъ личики были темны, какъ лики на византійскихъ иконахъ, и казались еще темнѣе отъ бѣлыхъ повязокъ и ослѣпительно яркихъ бѣлковъ, сверкавшихъ изъ-подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ и бровей. Одна изъ нихъ, дочь Араба-священника, была, впрочемъ, бѣлолица, съ мягкими, не арабскими, чертами полнаго лица. Всѣ были одѣты въ легкія темносинія платья и пестрые нагрудники, расшитые разноцвѣтною шерстью. Въ два года дѣвочки (отъ 10—13 лѣтъ) сдѣлали большіе успѣхи въ русскомъ языкѣ. Онѣ сносно читали и переводили съ русскаго языка на арабскій, бойко считали и знали очень много русскихъ словъ. Ученіе идетъ здѣсь толковѣе и прочнѣе, чѣмъ въ Бейрутской школѣ. Конечно, всѣ знаютъ русскій гимнъ и поютъ главныя молитвы. Съ особеннымъ любопытствомъ выслушалъ я одну хоровую арабскую пѣсню. Содержаніе ея мнѣ неизвѣстно, но напѣвъ, протяжный и заунывный, былъ не лишенъ оригинальной прелести. Голоса постепенно повышались до середины строчки пѣсни и потомъ шли книзу. При насъ онѣ пошли обѣдать. Имъ дали похлебку изъ помидоровъ съ рисомъ и кисель изъ абрикосовой кожицы; небольшіе хлѣбцы были изъ полубѣлой муки. Дѣвочки ѣли замѣчательно мало, хотя съ утренняго завтрака прошло уже нѣсколько часовъ. Мяса употребляется, вообще, очень мало. Имъ даютъ также овечій сыръ и сушеные плоды. Видъ у всѣхъ дѣвочекъ цвѣтущій. Чай и кофе не отпускается; первый оказывается даже вреднымъ. При пансіонѣ имѣется корова, и молоко также дается дѣвочкамъ. Учительницы получаютъ то же продовольствіе, какъ и воспитанницы и, вообще, не жалуются на недостатокъ въ пищѣ. На продовольствіе одной воспитанницы отпускается 15 фр. въ мѣсяцъ; на учительницу 20 фр. Провизія закупается въ Іерусалимѣ. Всѣ три учительницы изъ сѣверной Россіи и могутъ въ три года одинъ разъ побывать на родинѣ насчетъ Палестинскаго Общества. Жизнь въ Бейтъ-Джалѣ монотонна и уединенна. Русскіе заглядываютъ рѣдко и мимоходомъ. Администрація іерусалимскаго подворья—единственное общество, съ которымъ установлены не частыя сношенія. Ни съ латинянами, ни съ протестантами наша школа не имѣетъ ничего

общаго, равно какъ и съ Арабами. Нѣтъ ни библіотеки, ни инструмента; впрочемъ, зимой въ школу поставили фисгармонику, необходимую при обученіи пѣнію. Конечно, нужно имѣть много твердости и самоотверженія, чтобы жить въ такомъ уединеніи какъ Бейтъ-Джала, среди совершенно чуждаго народа, невполнѣ владѣя арабскимъ языкомъ. Нерѣдко, должно-быть, тоска по родинѣ овладѣваетъ ими, хотя и цѣлый день поглощенъ уходомъ за дѣтьми въ пансіонѣ. Трудность положенія увеличивается вслѣдствіе того, что трудъ этихъ добрыхъ отшельницъ совершенно добровольный, монахинѣ управиться съ такимъ дѣломъ легче, такъ какъ она трудится во имя послушанія, отрекшись отъ личной свободы, предавъ себя и свою волю монастырской или духовной власти. Посланная на послушаніе монахиня не можетъ по произволу оставить свое служеніе, искать лучшаго, послушаться внушенія личныхъ разсчетовъ, и потому вся предается дѣлу, устроивается на мѣстѣ такъ, какъ на постоянномъ своемъ пребываніи до смерти. Оттого такою домовитостью и любовью къ своему дому отличаются латинскія женскія обители. У насъ въ Палестинѣ такихъ нѣтъ. Палестинское Общество съ величайшимъ трудомъ достигаетъ образованія настоящаго учебнаго персонала и, кажется, вполнѣ удачнымъ образомъ онъ устроился только въ Бейтъ-Джалѣ.

Будущность бейтъ-джальскихъ воспитанницъ загадочна. Изъ десяти воспитанницъ немногія найдутъ мѣсто учительницъ, такъ какъ и школъ-то для дѣвочекъ нѣтъ въ Іудеѣ нигдѣ, кромѣ Бейтъ-Джалъ, да и по возрасту онѣ, окончивъ положенный курсъ наукъ, едва ли будутъ въ состояніи занять такія мѣста. При всей скромности обстановки, пансіонская жизнь настолько лучше жизни мѣстныхъ поселянъ, что возвращеніе въ семью, выходъ замужъ сопряжены будутъ для нихъ съ большими лишеніями. Въ пансіонѣ и въ школѣ на первыхъ порахъ много времени уходитъ на пріученіе дѣвочекъ къ порядку и опрятности, къ ежедневному умыванію, причесыванію волосъ, къ чистотѣ и починкѣ платья. Отъ неопрятности, напримѣръ, многія страдаютъ глазными болѣзнями, проявляя при этомъ замѣчательную нечувствительность: мухи, напримѣръ, облѣпятъ загноившіеся глаза, а дѣвочка и не думаетъ согнать ихъ! Но, тѣмъ не менѣе, новенькія освоиваются съ училищными порядками и родители очень довольны этимъ. Жизнь въ школѣ дѣвочкамъ нравится. Желающихъ попасть въ пансіонъ всегда очень много. Нерѣдко воспи-

танницы приходятъ въ школу въ вакаціонное время, поживутъ нѣсколько дней и потомъ опять домой, пасти козьи стада или помогать роднымъ въ виноградникахъ. Всѣ онѣ изъ окрестныхъ селеній, иногда верстъ за семь отъ школы. Между ними я видѣлъ преуморительныхъ негритянокъ.

Въ Бейтъ-Джалу школа для дѣвочекъ переведена изъ Іерусалима, гдѣ она была устроена при Архангельскомъ монастырѣ русскою паломницей (г-жой Бобровой). Земля была куплена почтеннымъ архимандритомъ Антониномъ, а постройки возникли благодаря пожертвованіямъ покойной императрицы и добрыхъ людей. Пансіонъ устроенъ былъ Православнымъ Палестинскимъ Обществомъ уже позже. Въ послѣднее время турецкое правительство внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобъ училища не строились и не учреждались безъ его разрѣшенія. Нашъ Бейтъ-Джальскій домъ оказался сырымъ и потребовалъ капитальнаго ремонта; когда приступили къ работамъ, іерусалимскій паша остановилъ ихъ и потребовалъ предъявленія разрѣшенія на открытіе школы. Консульство такой бумаги у себя въ архивѣ не нашло. Въ настоящее время затрудненія устранены. Случаи закрытія протестантскихъ школъ въ Сиріи, однако, уже были. По отношенію къ Бейтъ-Джалѣ едва ли не слѣдуетъ предположить скрытыхъ интригъ латинскаго, а можетъ-быть и греческаго духовенства. Съ нынѣшняго года пансіонъ расширенъ. Число воспитанницъ доведено до 24; каждая обходится Обществу около 400 р., а на содержаніе всего пансіона расходовалось болѣе 6.000 рублей.

Мы уже упомянули, что земля подъ Бейтъ-Джальскимъ заведеніемъ принадлежитъ начальнику іерусалимской миссіи, отцу архимандриту Антонину. Этому же крѣпкому подвижнику за русское дѣло въ Палестинѣ принадлежатъ участки земли въ Іерихонѣ, Яффѣ, Хевронѣ и Горней. Въ настоящее время иностранные подданные имѣютъ право пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имѣнія въ турецкихъ областяхъ. Конечно, земли, купленныя отцомъ архимандритомъ, занятыя разными учрежденіями, не могли составлять частной собственности его наслѣдниковъ. Озабоченный будущностью своихъ пріобрѣтеній, начальникъ миссіи, однако, не нашелъ почему-то возможнымъ передать ихъ хотя бы въ будущемъ, послѣ своей смерти, въ распоряженіе Палестинскаго Общества. Вмѣсто сего всѣ земли эти были обращены въ *вакуфъ*, составили фондъ, имѣющій благотворительное назначеніе для призрѣнія и нуждъ православныхъ поклонниковъ и

ввѣренный управленію Святѣйшаго Синода въ лицѣ особаго уполномоченнаго. Въ юридической опредѣленности учрежденіе вакуфа, быть-можетъ, представляетъ нѣкоторыя преимущества, нежели владѣльскія права Русскаго Палестинскаго Общества, но такъ какъ послѣднія составляютъ твердо установленный фактъ, что̀ чрезвычайно важно въ нынѣшней *слабой* Турціи, то, кажется, скрупулезная осторожность отца архимандрита была излишнею. Можно предположить, что имъ руководила не одна заботливость о неприкосновенности пріобрѣтеннаго, которая никѣмъ не оспаривалась, но и нѣкоторая непріязнь къ Палестинскому Русскому Обществу, принявшему на себя имущественную и хозяйственную часть дѣла, возложеннаго на представителей Россіи въ Святой Землѣ. Къ сожалѣнію, полнаго и задушевнаго согласія между русскими дѣятелями въ Палестинѣ не существуетъ, о чемъ скажемъ подробнѣе впослѣдствіи.

Почти въ такомъ разстояніи, какъ Іерусалимъ лежитъ на сѣверъ отъ Бейтъ-Джалы и на западъ отъ Іерусалима, лежитъ селеніе Айнъ-Каримъ на высокомъ скалистомъ холмѣ надъ долиной Кулоніи, отдѣляющей его отъ Бейтъ-Джальской возвышенности. Съ XIV столѣтія совершается къ этому мѣсту непрерывное паломничество, какъ мѣсту дома пр. Елисаветы, матери Іоанна Предтечи. Здѣсь находится Горній градъ Іудовъ, въ которомъ праведная Елисавета была почтена посѣщеніемъ Пречистой Дѣвы, пребывшей тутъ три мѣсяца. Предполагаютъ, что Айнъ-Каримъ соотвѣтствуетъ городу Карему, упомянутому въ книгѣ Іисуса Навина въ числѣ городовъ колѣна Іудина. Въ этой книгѣ однако упоминается (XV, 55—60; XXI, 16) городъ Юта, въ числѣ городовъ, раздѣленныхъ въ томъ же колѣнѣ между священниками. Нынѣшнее селеніе Ютта̀, лежащее въ двухъ часахъ пути на югъ отъ Хеврона, считается древнею Ютой и въ настоящее время нѣкоторыми признается за подлинный городъ Іудовъ. Послѣднее мнѣніе въ особенности горячо защищается аббатомъ Рабуасономъ въ пику Францисканцамъ, владѣющимъ развалинами дома и пещерой пр. Елисаветы въ Айнъ-Каримѣ. Любопытно, что въ дисциплинированной арміи папизма усердное служеніе латинству сочетается мудренымъ образомъ со внутренними распрями національностей. Начало положилъ латинскій патріархъ Валерга, призвавшій въ Палестину французскія мужскія и женскія конгрегаціи. Французы, дающіе ежегодно крупнѣйшія суммы на нужды палестинскаго латинства, возроптали,

что всѣми святыми мѣстами завѣдуютъ Итальянцы, составляющіе большинство въ орденѣ Франциска Ассизскаго. Къ этому настроенію присоединилось вступленіе Италіи въ тройственный союзъ. Теперь французскіе миссіонеры выдумываютъ новоявленныя святыни. Они открыли домъ прав. Іосифа въ Виѳлеемѣ, Эммаусъ въ Амуслѣ, Горній Градъ Іудовъ въ Юттѣ, какой-то новый богородичный источникъ въ Назаретѣ и т. д. Францисканцамъ такіе подвиги пришлись не по душѣ. Послѣднимъ вѣяніемъ умершаго нынѣ предсѣдателя коллегіи пропаганды было воспрещеніе оспаривать подлинность древле-почитаемыхъ святыхъ мѣстъ, то-есть тѣхъ, которыми владѣютъ Францисканцы.

Чтобы принять древнюю Юту за Іуду, нужно допустить, что съ теченіемъ времени Іуда опять превратилась въ Ютту. Во всякомъ случаѣ противъ Ютты, какъ горняго града Іуда, говоритъ то, что въ эпоху Спасителя мѣстность къ югу отъ Хеврона принадлежала не къ Іудеѣ, а къ Идумеѣ, а Евреи и въ особенности священники не обитали въ этой мѣстности со временъ плѣна Вавилонскаго. Ни одно преданіе не указываетъ жительства родителей Предтечи въ окрестностяхъ Хеврона.

Остатки древне-христіанскихъ памятниковъ находятся во владѣніи латинянъ. Они заключаются въ домѣ прав. Елисаветы, находящемся на южномъ склонѣ холма. Уже въ глубокой древности склонъ былъ выровненъ, такъ что образовались двѣ террасы. Нѣкогда онѣ были заняты обширнымъ сооруженіемъ, которое съ востока и юга прислонялось къ углу, между скалами, а съ запада и сѣвера имѣло толстыя стѣны изъ грубо обдѣланныхъ камней. Входъ и окна были съ западной стороны; внутри огромные столбы поддерживали сводъ, нынѣ отчасти обрушившійся. Съ лѣвой стороны къ этому сооруженію примыкаетъ небольшое зданіе, вмѣщающее двѣ церкви: верхнюю на верхней террасѣ, и нижнюю. Въ восточной стѣнѣ церкви находятся двѣ полукруглыя апсиды; верхняя церковь была длиннѣе нижней, въ ней была одна апсида. Въ нижней церкви, по францисканскому сказанію, скрывалась пр. Елисавета отъ Иродовыхъ дѣтоубійцъ, а въ верхней Захарія, получивъ обратно даръ слова, воспѣлъ хвалу Господу. Около этой церкви на сѣверѣ внизу, въ скалѣ, находится небольшая келья, гдѣ будто бы погребена прав. Елисавета. Эти развалины относятся еще къ древнехристіанской эпохѣ. При раскопкахъ въ 1866 году противъ помоста нынѣшней церкви Іоанна Предтечи найденъ былъ на

глубинѣ 6½ футовъ мозаичный полъ изъ кубиковъ бѣлаго, чернаго и краснаго мрамора. Рисунокъ состоялъ изъ четырехъ бѣлыхъ ромбовъ съ цвѣтами и павлинами внѣ ромбовъ. Въ одномъ изъ ромбовъ была греческая надпись: „Радуйтесь, мученики Божіи“. Предполагаютъ, что эти мученики—монахи, избіенные Хозроевыми Персами въ VII вѣкѣ. Францисканцы застали въ развалинахъ храма—конюшню. Францисканскій монастырь существуетъ тамъ съ конца XVII вѣка и выстроенъ Лудовикомъ XIV. Мы были только въ нижней церкви и прикладывались къ стѣнѣ пещеры, нарочито оставленной безъ мраморной обшивки. Предъ церковью порядочный дворъ, осѣненный двумя развѣсистыми старыми оливами.

Но наиболѣе интереснымъ въ Айнъ-Каримѣ являются учрежденія Ротисбона. Въ 1860 году Сіонскія сестры, привезенныя въ Іерусалимъ, стали тяжко хворать отъ дурнаго помѣщенія. Пока отстраивался новый домъ, Ротисбонъ перевезъ ихъ въ Айнъ-Каримъ, гдѣ былъ нанятъ домъ, принадлежавшій драгоману французскаго консульства. Въ 1860 году начались безпорядки въ Сиріи, рѣзня Маронитовъ. Ротисбонъ предложилъ сиротамъ пріютъ въ Горней. Домъ оказался тѣснымъ, а владѣлецъ запросилъ за весь участокъ земли несообразную цѣну 200 т. фр. Ротисбонъ отложилъ покупку, драгоманъ же, раздраженный противъ него, продалъ свой участокъ начальнику русской духовной миссіи за 70.000 фр. На другой день послѣ продажи драгоманъ былъ найденъ въ своемъ домѣ мертвымъ... Черезъ нѣсколько времени Ротисбонъ купилъ смежные участки земли и образовалось владѣніе въ 10 десятинъ (гектаровъ). Теперь въ пріютѣ до 40 дѣвочекъ изъ ливанскихъ горъ, есть и православныя въ томъ числѣ. Каменистый склонъ горы, покрытый до того времени колючками, обращенъ въ террасы, засаженныя лозой, фруктовыми деревьями и маслинами. При домѣ Сіонскихъ сестеръ устроены: прачешная, которая работаетъ на всѣ заведенія сестеръ и на ризницу Францисканцевъ; перегоночная, гдѣ изготовляютъ бальзамъ для аптекъ, гонятъ фруктовую водку и спиртъ, и мельница для выжиманія оливковаго масла. Выжимки идутъ на удобреніе и на кормъ скоту. Теперь тамъ разводятъ шелковицу и червей и устроено пчеловодство. Кромѣ пріюта, имѣется школа для приходящихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, латинскаго вѣроисповѣданія, въ которой преподаетъ сестра Арабка, и амбулаторная для латинянъ и мусульманъ.

Русское владѣніе лежитъ выше латинскаго и занимаетъ верхъ горы. Даже обстоятельный Бедекеръ не упоминаетъ объ оригинальномъ русскомъ поселкѣ, бѣлые домики котораго привѣтливо свѣтятся издалека среди темной растительности, покрывающей, не въ примѣръ прочимъ, гору Айнъ-Карима. Купивъ значительный участокъ земли у драгомана, начальникъ миссіи позволилъ паломницамъ, осѣвшимъ въ Іерусалимѣ, строить тамъ жилища. Возникло десятка два крошечныхъ домиковъ съ микроскопическими садиками, засаженными благовонною травой, кустами и маслинами. Единственною повинностью положенъ былъ уходъ за масличнымъ садомъ архимандрита, гдѣ посажено до 300 деревьевъ (у Францисканцевъ — 400 маслинъ). Желающая поселиться должна имѣть до 400 рублей наличными, необходимыми для постройки отдѣльнаго помѣщенія. На выдолбленныя въ скалѣ крошечныя террасы монахини корзинами носятъ землю и на этой почвѣ разводятъ свои садики. Женскій монастырь въ видѣ древней лавры фактически уже существуетъ. Къ сожалѣнію, настоящее время не благопріятствуетъ развитію русскаго монашества въ Святой Землѣ, подобно тому, что̀ мы видимъ на Аѳонѣ. Когда мы были, въ этой своеобразной женской лаврѣ находилось до шестидесяти монахинь. На маковкѣ горы среди деревьевъ выстроена прелестная церковь византійскаго стиля во имя Казанской Божіей Матери. Постояннаго священника тамъ нѣтъ, и мы пришли на вечернія пѣснопѣнія. Предъ алтаремъ пѣли низкими голосами четыре клирошанки. Остальныя, въ своихъ черныхъ одѣяніяхъ, стояли вдоль стѣнъ, въ „формахъ“. Лучи заходящаго солнца, тихіе и желтые, какъ свѣтъ восковыхъ свѣчей, горящихъ предъ иконами, необыкновенно гармонировали съ вечерними пѣснопѣніями инокинь и послушницъ, которыхъ жажда душевнаго успокоенія отъ житейскихъ бурь привела изъ далекой родины въ захолустье Палестины. — Мы всѣ поддались примиряющему настроенію, царившему въ этой женской общинѣ, съ отрадой выстояли службу и сохранимъ на долго сладкое воспоминаніе о минутахъ, проведенныхъ у Казанской Божіей Матери въ Горней.

Превосходно устроенный пріютъ для богомольцевъ уже ожидалъ насъ съ самоваромъ и радушною начальницей общины, матерью Рахилью. На французской монахинѣ, водившей насъ по Сіонской обители, лежалъ сильный отпечатокъ аскетическаго мистицизма; она и лицомъ своимъ какъ будто бы уже не принад-

лежала землѣ; вся жизнь ея, повидимому, держалась только въ набожности и волѣ. Для насъ такіе типы любопытны, какъ экзотическія растенія. Мать Рахиль, высокая, стройная и сильная, съ красивыми и добрыми чертами лица, освѣщенными умными и проницательными глазами, принадлежала къ знакомымъ типамъ игуменьи-хозяйки и строительницы. Она изъѣздила всю Палестину и вдвоемъ съ другою старицей побывала на Синаѣ, совершивъ странствіе съ проводникомъ мусульманиномъ, на верблюдахъ, не зная по-арабски въ то время, когда полуостровъ былъ наполненъ междуусобіями арабскихъ племенъ и путешественникамъ-Европейцамъ запрещено было ѣздить на священную гору. Разсказъ бывалой странницы былъ чрезвычайно занимателенъ. Слушая живую, народно-русскую рѣчь, я вспоминалъ и воочію видѣлъ нашихъ стародавнихъ паломниковъ: та же сжатость рѣчи, та же наивная вѣра, создающая полные образы по одному намеку монаха-путеводителя. Наши двѣ странницы видѣли, конечно, многое такое, чего намъ не увидать уже во вѣки.

Холерное время остановило обычный приливъ русскихъ поклонниковъ, обыкновенно посѣщающихъ Горнюю, и, стало-быть, изсякъ главный источникъ доходовъ общины. Горнія старицы существуютъ заработкомъ, бѣлошвейнымъ и золотошвейнымъ мастерствомъ, и продажей четокъ, ароматическихъ травъ и т. п. сувениров. Многія выстроили свои кельи въ долгъ; многія должны ремонтировать свои постройки, а средствъ нѣтъ.

Прекрасный воздухъ Горней привлекаетъ туда въ лѣтній зной посѣтителей изъ Іерусалима. Паша безцеремонно пріѣзжаетъ въ пріютъ гостить недѣли на двѣ и считаетъ возможнымъ ничего не платить за постой. Пріемныя комнаты съ прекраснымъ видомъ на долину обставлены диванами и украшены портретами Августѣйшихъ посѣтителей съ чрезвычайно благосклонными надписями въ честь начальника миссіи.

Возвратный путь въ Іерусалимъ мы проѣхали уже по захожденіи солнца. Октябрьскій вечеръ былъ прохладенъ. Вдали слышны были выстрѣлы, скоро объяснившіеся: на встрѣчу намъ двигалась въ Айнъ-Каримъ толпа всадниковъ и пѣшихъ, и въ срединѣ процессіи на рословъ конѣ ѣхала невѣста, плотно закутанная въ темнокрасное покрывало: это былъ свадебный поѣздъ, обыкновенно сопровождаемый выстрѣлами изъ ружей и пистолетовъ.

Крестный монастырь лежитъ немного въ сторону отъ виѳлеем-

ской дороги, въ получасѣ ѣзды отъ Іерусалима. Проѣхавъ обширныя масличныя плантаціи Никифоріи, загороднаго жилища патріарха, мы скоро увидѣли въ глубокой долинѣ высокія стѣны монастыря, надъ которыми высился круглый куполъ собора; узкія ворота, окованныя желѣзомъ, были на запорѣ, но намъ скоро отперли. Крошечные дворики были окружены многоэтажными постройками, въ которыхъ помѣщаются кельи и аудиторіи бывшей богословской семинаріи. Она была основана патріархомъ Кирилломъ для подготовки священниковъ, но патріархъ Никодимъ нашелъ это излишнимъ и закрылъ училище. Преемникъ его, патріархъ Герасимъ, не спѣшитъ возстановить учрежденіе патріарха Кирилла, хотя и самъ получилъ въ этомъ заведеніи образованіе, докончивъ его въ аѳинскомъ и нѣмецкомъ университетахъ. Нынѣшній настоятель монастыря, архимандритъ Фотій Старшій, былъ ректоромъ Крестнаго училища. Явились откудато три молодые черноризца и отперли соборъ. Мы были пріятно удивлены его православнымъ, *русскимъ* видомъ, напоминавшимъ наши старинные соборы. Соборная церковь, единственная въ монастырѣ, представляетъ продолговатый прямоугольникъ съ тремя апсидами на востокъ, но полукружія устроены внутри и не выступаютъ наружу: восточная стѣна—гладкая, какъ во многихъ древнихъ соборахъ Грузіи. Внутри длина 11 саж. 2 арш., ширина $6^1/_2$ саж. Четыре столба, по два въ рядъ, раздѣляютъ церковь на три нефа, изъ нихъ средній вдвое шире боковыхъ. У втораго праваго столба стоитъ патріаршій тронъ. Въ лѣвомъ, сѣверномъ придѣлѣ, за жертвенникомъ пещера, гдѣ росло крестное древо. Предъ входомъ въ церковь находится крытая паперть, нарѳиксъ, по сторонамъ котораго два помѣщенія выступаютъ за линію стѣнъ храма, пристроенныя позже. Внутри храмъ высокъ и свѣтелъ. На четырехъ массивныхъ столбахъ поднимаются высокія, *островерхія* арки, а на нихъ большой куполъ, барабанъ котораго прорѣзанъ окнами, а въ сводѣ изображенъ Господь Саваоѳъ, Старецъ ветхій денми; вокругъ Него ангелы. Островерхія арки похожи на раннія готическія, но на Востокѣ онѣ были извѣстны съ незапамятныхъ временъ. Византійское искусство, воспріявъ въ себя много элементовъ древне-азіятскихъ, не усвоило себѣ такихъ арокъ, но ими широко воспользовались армяно-грузинская, персидская и арабская архитектура. Внутри церковь покрыта живописью сверху до низу. Высокая алтарная апсида отдѣлена отъ церкви низенькимъ

каменнымъ средостѣніемъ, на которомъ устроенъ иконостасъ. По сторонамъ иконостаса, выше его, на стѣнѣ изображены слѣва Христосъ, справа — Богоматерь въ колоссальныхъ размѣрахъ. Обѣ иконы могутъ служить образцомъ превосходнаго византійскаго стиля и для современныхъ иконописцевъ. Эти величавые образы владычествуютъ надо всею церковью и составляютъ ея лучшее украшеніе. Каменный иконостасъ похожъ на древніе иконостасы Грузіи въ церкви св. Нины и соборѣ въ Мцхетѣ, въ Сіонскомъ тифлисскомъ соборѣ и въ Гелатскомъ монастырѣ близъ Кутаиса. На немъ утверждены два ряда иконъ, не различающіяся по содержанію, но только по размѣру; всѣ онѣ — древняго письма. Система размѣщенія иконъ въ иконостасѣ, установившаяся въ Россіи въ концѣ XVII вѣка, здѣсь не соблюдается. Среди мѣстныхъ образовъ замѣчательна икона Іоанна Крестителя: онъ изображенъ въ молебномъ положеніи, съ золотыми крыльями и у ногъ его лежитъ отрубленная голова его. По сводамъ и въ верхней части сѣверной и южной стѣнъ изображены чудеса Христовы. Западная стѣна занята картиной Страшнаго Суда. Нижній ярусъ наполненъ изображеніемъ святыхъ: эта иконопись, по справедливому замѣчанію архимандрита Леонида, „составляетъ цѣлую живописную лѣтопись изъ исторіи многострадальной и вмѣстѣ вѣрной православной грузинской церкви“. На стѣнѣ при входѣ изображены: Миріанъ (265—342 г.), первый христіанскій царь Грузіи; воинственный Вахтангъ Горгасалъ (446—499 г.), строитель многихъ грузинскихъ монастырей въ Святой Землѣ; Багратъ IV Купалатъ (XI вѣка), возстановитель монастыря въ половинѣ XI вѣка, послѣ мусульманскаго разоренія; всѣ въ длинныхъ двойныхъ одеждахъ, въ коронахъ, а Миріанъ съ лоромъ (амофоромъ). Надъ входомъ изображеніе строителя монастыря, игумена Прохора (XI вѣка). Внутри храма: Карталинская царица Маріамъ (1680 года), извѣстная своею красотой и благотворительностью, Шота Руставели, авторъ знаменитой поэмы „Барсова кожа“, придворный поэтъ и казначей прославленной царицы Тамары, который расписалъ и обновилъ соборную церковь въ XII вѣкѣ: поэтъ, одѣтый въ богатые платы, изображенъ на колѣняхъ предъ Іоанномъ Дамаскинымъ, величайшимъ изъ церковныхъ поэтовъ. Преданіе гласитъ, что безнадежно влюбленный въ прекрасную царицу, Шота Руставели искалъ забвенія своей страсти въ иноческихъ подвигахъ и скончался въ Лаврѣ Саввы Освященнаго.

Дадіанъ Левъ и супруга его Нестанъ-Дареджана (XVII в.), написанные на стѣнахъ, были обновителями собора въ 1643 году: исполнителемъ ихъ воли былъ игуменъ метехскій (зáмокъ въ Тифлисѣ, нынѣ военная тюрьма) Никифоръ; онъ изображенъ здѣсь же рядомъ съ преосвященнымъ Ѳеодосіемъ Манглисскимъ. Тринадцать сирскихъ отцовъ, устроившихъ грузинскую церковь въ VI вѣкѣ и пользующихся великимъ уваженіемъ въ Грузіи, изображены также тутъ: пр. Іоаннъ, Сисой, Давидъ Гареджійскій, и другіе, равно какъ и нѣкоторые изъ настоятелей монастырей, достойные особой памяти. Многіе грузинскіе иноки въ Палестинѣ запечатлѣли кровью мученичества свое исповѣданіе вѣры во Христа. Таковъ, напримѣръ, настоятель обители, священномученикъ Лука изъ рода князей Абашидзе. Привлеченный по какому-то маловажному событію, случившемуся въ монастырѣ, къ турецкому суду, Лука отказался перейти въ мусульманство и принять за это почести, богатство и званіе эмира и послѣ многихъ истязаній былъ обезглавленъ. На стѣнахъ собора изображено сказаніе о крестномъ древѣ, на мѣстѣ котораго воздвигнутъ монастырь. Это сказаніе, поэтому, идетъ изъ глубины первыхъ вѣковъ христіанства и въ теченіе столѣтій до того обросло различными подробностями, что первоначальная основа его едва ли можетъ быть выдѣлена изъ разнообразныхъ редакцій. Съ воспоминаніемъ о крестной смерти Богочеловѣка соединяются нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ святынь Грузіи.

Мцхетскій соборъ выстроенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ воины-Грузины, стоявшіе на стражѣ у креста, передали нетлѣнный хитонъ Спасителя. Мантія Іисуса Христа, по преданію, до сихъ поръ хранится въ Грузіи въ недоступномъ тайникѣ подъ какимъ-то соборомъ. Крестное древо выросло изъ зеренъ райскихъ деревьевъ, данныхъ ангелами Сиѳу для исцѣленія Адама. Изъ нихъ выросли пальма, кедръ и кипарисъ, сросшіеся въ одно дерево. Корнями оно охватило черепъ праотца и во время потопа носилось съ нимъ по водамъ, остановилось въ Палестинѣ и росло до временъ Соломона. Премудрый царь, укрывшись отъ непогоды въ пещерѣ подъ деревомъ, срубилъ его для храма, а черепъ закопалъ на лобномъ мѣстѣ, Голгоѳѣ. Дерево однако не годилось для храма и было брошено въ купель Овчую. Царица савская предсказала, что на этомъ деревѣ долженъ умереть Богъ. Ради этого дерева ангелъ возмущалъ воду купели. Евреи откопали его какъ наиболѣе тяжкое для усугубленія мученій Христа. По другому сказанію,

крестное дерево было вынесено изъ рая рѣкой Тигромъ и лежало на пескѣ. По указанію ангела, Сиѳъ зажегъ его въ память объ Адамѣ при рѣкѣ Вавилонѣ, и оно горѣло неугасимо, горитъ и теперь, и стерегутъ его лютые звѣри. Когда Лотъ согрѣшилъ и поклялся Аврааму, послѣдній ужаснулся и во искупленіе смертнаго грѣха повелѣлъ грѣшнику достать огня у рѣки Вавилона. Лотъ нашелъ звѣрей спящими и принесъ Аврааму три головни. Удивился Авраамъ такому чуду и заповѣдалъ Лоту посадить головни и поливать водой, пока не взойдутъ. Вода была далеко, а демоны, желая воспрепятствовать искупленію, встрѣчали Лота съ водой и, принявъ видъ прохожихъ, выпивали у лота всю воду, такъ что онъ не могъ поливать головни болѣе трехъ разъ въ день. Тѣмъ не менѣе, Лотъ все преодолѣлъ своимъ добродушнымъ незлобіемъ, и плодомъ послушанія и терпѣнія было то, что головни пустили корни и выросло дерево пречудное и прекрасное [1]. Эта легенда изображена въ соборѣ и, вѣроятно, составляетъ древнѣйшую редакцію сказанія. Мѣсто, на которомъ росло дерево, находится на сѣверной сторонѣ алтарной апсиды, въ пещерѣ, которую, впрочемъ, можно видѣть сверху.

Въ началѣ XII вѣка игуменъ Даніилъ говоритъ, что церковь велика и „исписана есть добрѣ вся". Реставраціи живописи происходили въ половинѣ XII в. и въ 1643—1646 г. Конечно, отъ иконнаго украшенія до XVII в. уцѣлѣло очень мало. Проф. Цагарели сомнѣвается, чтобы подъ новою живописью можно было найти болѣе древнія изображенія, тѣмъ не менѣе, можно различить двѣ эпохи, какъ, напримѣръ, и въ Гелатскомъ монастырѣ. Старѣйшіе остатки отличаются теплымъ, желтоватымъ колоритомъ тѣлесныхъ частей, строгимъ и правильнымъ рисункомъ, гармоничнымъ, скромнымъ подборомъ красокъ и плоскою раскраской, безъ сильнаго рельефа; лучшій фрагментъ этой иконописи виденъ въ упомянутыхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери; позднѣйшая живопись мутна, бѣловата, плохаго рисунка и очень близка къ живописи армянскаго собора на Сіонѣ.

Иконное расписаніе въ упадкѣ и обветшало, какъ все, попадающее въ руки святогробскихъ Грековъ. Проф. Цагарели подробно изслѣдовалъ Крестный монастырь и снялъ кальки съ

[1] *Архіепископъ Леонидъ:* Старый Іерусалимъ, стр. 315, сл.

изображеній и надписей. [1] Греки указываютъ на состояніе орнаментаціи русскимъ богомольцамъ и говорятъ, что если кто-нибудь изъ „могущихъ“ не возобновитъ попорченную живопись, то они будутъ вынуждены ее закрасить. Такъ было тридцать лѣтъ тому назадъ: желающихъ дать имъ деньги на обновленіе живописи не оказалось: можетъ-быть, къ лучшему: греческіе иконописцы такъ поправили бы живопись, что ее и совсѣмъ нельзя было бы узнать, а, вѣрнѣе, совсѣмъ бы не поправили. Въ сѣверномъ придѣлѣ многія изображенія исчезли, оставивъ только контуры, начерченные гвоздемъ на сырой известкѣ. Осыпается и живопись главной церкви. Тамъ, гдѣ фигуры цѣлы, видны греческія надписи, процарапанныя по иконѣ до штукатурки, насколько могла достать рука. Никто изъ провожатыхъ не могъ прочесть грузинскихъ надписей, помѣщенныхъ надъ изображеніями. Повидимому, служба происходитъ рѣдко, такъ въ алтарѣ у престола мы нашли цѣлый складъ художественныхъ издѣлій современныхъ живописцевъ, можетъ-быть, живущихъ въ монастырѣ. Эти распятія и образа свидѣтельствовали о глубокомъ паденіи искусства. Отставъ отъ условнаго древняго стиля, новогреческіе иконописцы попали на удочку западнаго натурализма и, не пройдя западной школы, не зная анатоміи, лишенные всякаго идеалистическаго порыва, творятъ нѣчто невообразимое. Наши сельскіе иконописцы, снабжающіе всѣ наши деревенскія ярмарки, при всей фабричности своихъ издѣлій пишутъ, не мудрствуя, по старымъ образцамъ и сохраняютъ въ своихъ иконахъ тѣнь важности и достоинства лучшихъ образцовъ. Отступи они отъ этого, народъ, съ чуткою набожностью, пересталъ бы покупать ихъ. Увы! Нѣтъ этого въ Святой Землѣ, гдѣ народъ и духовенство не имѣютъ ничего общаго между собою!

Между прочимъ, въ корридорѣ сѣвернаго придѣла я нашелъ интересное, полуизглаженное изображеніе св. Христофора. На Западѣ онъ обыкновенно изображается въ видѣ гиганта, который, опираясь на цѣлое дерево, переноситъ Младенца Христа, возсѣдающаго на его плечѣ, черезъ бурный потокъ; но иногда онъ изображается также со звѣриною головой. Въ данцигскомъ биржевомъ залѣ, такъ-называемомъ Артуровомъ дворѣ (Arthushof) я видѣлъ колоссальную деревянную статую св. Христофора съ

---

[1] Ал. *Цагарели:* Памятники грузинской старины въ Святой Землѣ на Синаѣ. *Палестинскій Сборникъ*, т. IV, выпускъ I. Спб. 1888 г.

оленьею головой и огромными вѣтвистыми рогами. Вѣроятно съ Запада пришло къ намъ изображеніе св. Христофора съ песьею головой. Такая икона находится въ христіанскомъ музеѣ, который основанъ княземъ Гр. Гр. Гагаринымъ при Императорской Академіи Художествъ; другая издана въ описаніи Карабановскаго музея. Въ 1890 году я видѣлъ въ ризницѣ псковскаго Троицкаго собора мѣдный запрестольный крестъ, на нижнемъ концѣ коего было вырѣзано изображеніе св. Христофора также съ песьею головой. Крестъ не моложе XV вѣка. Въ *Четьи-Минеяхъ* находятся житія трехъ св. Христофоровъ и ни въ одномъ нѣтъ даже намека на легенду о св. Христофорѣ-гигантѣ, носящемъ Христа черезъ рѣку или имѣющемъ звѣриную голову. Въ Крестномъ монастырѣ палестинскій преподобный Христофоръ изображенъ съ Христомъ-Младенцемъ, сидящемъ на лѣвомъ плечѣ. Руководился ли иконописецъ значеніемъ имени Христофоръ (Христоносецъ), или имѣлъ въ виду какое-то сказаніе, не вошедшее въ житіе, сказать не берусь, тѣмъ болѣе, что знаю житіе пр. Христофора только по сокращенной редакціи нашихъ *Четьи-Миней.*

При Крестномъ монастырѣ имѣлась въ обычномъ небреженіи большая библіотека рукописей, грузинскихъ и греческихъ, изслѣдованныхъ професоромъ Цагарели, который нашелъ тамъ много цѣннаго въ художественномъ и научномъ отношеніяхъ. Часть ея перенесена въ патріархію, и здѣсь русская экспедиція 1891—92 годовъ сдѣлала много фотографическихъ снимковъ съ иллюстрированныхъ манускриптовъ. Греческія рукописи описаны въ каталогѣ г. Попандопуло Керамевса, издаваемомъ на средства Православнаго Палестинскаго Общества.

Крестный монастырь составляетъ самый крупный памятникъ дѣятельности Грузинскаго народа въ Святой Землѣ. Просвѣтительница Грузіи, равноапостольная Нина изъ Іерусалима была послана проповѣдывать язычникамъ-Грузинамъ Св. Евангеліе, но легенды указываютъ на слѣды христіанства и ранѣе св. Нины. Съ тѣхъ поръ тѣсныя связи Грузіи съ Палестиной и Сиріей не прекращались. Уже въ V вѣкѣ житіе Ѳеодосія Великаго говоритъ объ основаніи этимъ преподобнымъ отцомъ новой обители для Иверовъ, чтобъ они могли отправлять богослуженіе на своемъ языкѣ. Около этого времени на архіерейскомъ престолѣ Маюма (Газы) является грузинъ-епископъ Петръ-Мурванòсъ. Царь Вахтангъ Горгасалъ приходитъ на поклоненіе св. мѣстамъ, и это событіе изображено на стѣнахъ Крестнаго монастыря въ 1643 г.

Для охраны монастыря царь Вахтангъ образуетъ колонію изъ грузинскихъ воиновъ, которая до сихъ поръ существуетъ въ селеніи Малхи, но жители, отправляя нѣкоторыя повинности въ пользу монастыря, перешли въ мусульманство и говорятъ уже по-арабски; окрестные Арабы, однако, считаютъ ихъ иноплеменниками. Число грузинскихъ обителей и монаховъ въ другихъ монастыряхъ постоянно возрастало. Въ самое тяжелое и темное время Палестины, VII—XI в., Грузія всячески поддерживала православіе. Въ одномъ Іерусалимѣ исключительно Грузинамъ принадлежало 12 монастырей; нѣкоторые изъ нихъ разрушены; монастыри: Іоанна Богослова и Св. Анны перешли въ руки латинянъ, св. Іакова—принадлежитъ Армянамъ, девятью овладѣли Греки. Въ XVI вѣкѣ на Голгоѳѣ и у Св. Гроба Грузины имѣли право совершать литургію и пользовались большимъ уваженіемъ у мусульманскихъ властей. Въ XVII вѣкѣ, наиболѣе бѣдственномъ для Грузіи, раздробившейся на удѣлы и угнетаемой Персами, Турками и разбойничьими горскими племенами, значеніе Грузинъ въ Палестинѣ падаетъ, сношенія становятся затруднительными: монастыри, не получая своевременно доходовъ изъ Грузіи, обременяются долгами. Греки, овладѣвшіе въ половинѣ XVI в. іерусалимскимъ патріархатомъ, пользовались стѣсненнымъ положеніемъ Грузинъ и постепенно овладѣвали ихъ обителями. Грузинскимъ царямъ они описывали грузинскихъ настоятелей черными красками. „Видно—замѣчаетъ проф. Цагарели—что почтенная іерусалимская патріархія смотрѣла на Грузію, какъ на дойную корову, а на Грузинъ—какъ на овецъ, которыхъ можно было только стричь.“ Настойчивыми ходатайствами патріархи вымогали у царей деньги на уплату долговъ, но сколько ни посылалось денегъ, ихъ все-таки не хватало. Особенно много извѣстій о денежныхъ операціяхъ сохранилось относительно Крестнаго монастыря, пришедшаго въ упадокъ въ XVIII вѣкѣ. Въ 1706 г. патріархъ Досиѳей пишетъ: „Мы возвращаемъ монастырь Честнаго Креста, св. Николая, свв. Ѳеодоровъ, св. Василія, св. Анны, св. Георгія Еврейскаго безъ долговъ и свободные во всѣхъ отношеніяхъ — да будутъ въ нихъ дѣйствительными полными хозяевами христолюбивые Иверійцы. А когда Богъ благоволитъ и изъ Иверіи придетъ игуменъ, тогда онъ пусть приметъ въ свою власть всѣ монастыри попрежнему“... Но, повидимому, игуменъ изъ Грузіи не приходилъ, а въ XVIII вѣкѣ грузинскіе иноки по одиночкѣ ютятся въ монастыряхъ грече-

скихъ. Нынѣ въ Крестномъ монастырѣ нѣтъ ни одного Грузина, хотя въ сороковыхъ годахъ тамъ игуменствовалъ Грузинъ Григорій († 1864 г.). Учрежденіе богословскаго училища окончательно изгладило грузинскій элементъ въ этомъ лучшемъ, послѣ св. Саввы, монастырѣ Палестины.

Хевронъ былъ послѣднимъ мѣстомъ, которое пришлось посѣтить въ Іудеѣ. Единственный остатокъ древности, Хевронскій харамъ, до сихъ поръ недоступенъ для христіанъ. Только по особому повелѣнію султана двери завѣтнаго святилища раскрылись предъ принцемъ Вельскимъ въ 1881 году, и съ тѣхъ поръ мы знаемъ, что̀ заключается въ стѣнахъ харама. Византійская базилика, поправленная крестоносцами, сохранилась благодаря тому, что при Саладинѣ, въ 1187 г., ее обратили въ мечеть. При крестоносцахъ Хевронъ былъ посѣщенъ игуменомъ Даніиломъ, и его описаніе близко сходится съ сообщеніемъ доктора Розена, бывшаго внутри харамы съ принцемъ Вельскимъ. Такъ какъ снаружи харамъ не представляетъ ничего особеннаго, то мнѣ и не особенно хотѣлось ѣхать за сорокъ верстъ. Но начальникъ нашей духовной миссіи не одобрялъ моихъ соображеній: какъ не побывать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Святая Троица явилась Аврааму — въ дубравѣ Мамврійской? Аргументъ былъ настолько важенъ, что наканунѣ отъѣзда изъ Іерусалима мы собрались посвятить день на поѣздку въ Хевронъ.

Теперь до самаго Хеврона идетъ хорошая экипажная дорога. Мѣстность очень гориста, и путь проложенъ по долинамъ и довольно крутымъ склонамъ каменистыхъ холмовъ. На картѣ вся эта мѣстность наполнена развалинами, свидѣтельствующими о значительномъ населеніи, но теперь все пустынно вокругъ, изрѣдка встрѣчаются верблюды съ шерстью и какими-то кореньями, вѣроятно, дубильными, идущіе изъ Хеврона въ Виѳлеемъ, да еще встрѣтился дилижансъ, наполненный красивыми испанскими Евреями и Еврейками, также направлявшійся къ Хеврону. Часа черезъ два мы остановились посмотрѣть три обширные водоема, вырубленные отчасти въ скалѣ, извѣстные подъ названіемъ Соломоновыхъ прудовъ. Они расположены уступами и собираютъ въ себя воду изъ окрестныхъ источниковъ. Турецкое правительство реставрировало ихъ въ 1865 году. Хотя многіе родники уже засорились или исчезли, въ прудахъ даже послѣ знойнаго лѣта вода еще держалась, и кругомъ виднѣлась зеленая растительность, среди травы еще цвѣли лиловые тюльпаны,

луковицы сидѣли очень глубоко въ каменистой почвѣ, но мы все-таки успѣли выкопать нѣсколько этихъ красивыхъ растеній, чтобы посадить ихъ въ садикѣ русскаго подворья. Точно такіе цвѣты растутъ на Яйлѣ, надъ водопадомъ Учансу, близь Ялты. Каменная кладка Соломоновыхъ водоемовъ сохранилась очень хорошо. Близь большой дороги у прудовъ выстроено въ XVII в. небольшое укрѣпленіе для турецкаго гарнизона. Арабскія постройки, вообще, имѣютъ очень мизерный видъ, когда сравнишь мелкіе, дурно пригнанные камни, стѣны, сложенныя неряшливо и наспѣхъ и покрытыя трещинами съ остатками древнихъ сооруженій или даже съ постройками крестоносцевъ. Около этихъ прудовъ были сады Соломона. Здѣсь начинался водопроводъ, дававшій главную массу воды для Іерусалима. Водопроводъ шелъ зигзагами, иногда открытый, иногда заключенный подъ крышу: ключъ запечатлѣнный. Мы всѣ припомнили чудное переложеніе Пушкина изъ пѣсни пѣсней:

Вертоградъ моей сестры —
Вертоградъ уединенный...

Напрасно было бы искать здѣсь теперь нардъ, алой и киннамонъ, богатые благовоніями: одни камни бросаютъ тѣнь въ скалистой, сѣрой пустынѣ. Черезъ часъ далѣе оттуда находится единственная кофейня между Іерусалимомъ и Хевраномъ, то-есть грязный навѣсъ съ нѣкоторымъ подобіемъ стола и скамейками. Здѣсь лошадямъ даютъ отдохнуть, а путники пьютъ турецкій кофе и завтракаютъ, если запаслись провизіей. Мы оставили слѣва Райскую гору, Джебель Ферѣдисъ, которая называется также горой Франковъ, а въ древности называлась Иродіонъ. До сихъ поръ тамъ стоятъ развалины укрѣпленнаго дворца Ирода, гдѣ онъ былъ и погребенъ; южнѣе находится лабиринтъ подземныхъ пещеръ Адулламскихъ, въ которыхъ скрывался Давидъ, и гдѣ онъ отрѣзалъ край мантіи у спящаго Саула, преслѣдовавшаго его въ этихъ мѣстахъ. Нынѣ пещеры носятъ названіе Харейтунъ по имени разрушенной знаменитой лавры преподобнаго Харитона. Изъ долины Аррубъ, въ которой былъ намъ привалъ, мы поднялись на плоскую возвышенность, не прерываемую оврагами до самаго Хеврона. Тропинки разбѣгались по сторонамъ дороги, ведя въ какія-нибудь селенія, но съ дороги ихъ не видно. Далеко за Хеврономъ съ сѣвера начинаются его сады, самые обширные во всей Іудеѣ. Послѣ сѣроватыхъ скалъ зелень фруктовыхъ деревьевъ

пріятно успокоиваетъ глаза. По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся невысокія стѣны изъ булыжника, сложенныя безъ цемента. Дорога идетъ внизу оврага, оба ската котораго обращены въ террасы. Виноградъ былъ уже снятъ. Длинныя лозы съ желтѣющими листьями лежали по землѣ безо всякихъ подпорокъ. Хевронскій виноградъ родится большими гроздьями и славится доброкачественностью. Мусульмане, составляющіе главную часть населенія, приготовляютъ изъ него изюмъ и сиропъ, отправляемые въ Египетъ. Евреи дѣлаютъ вино. Кромѣ содержателя нѣмецкой гостинницы и нѣмецкаго врача—миссіонера изъ секты храмовниковъ, въ городѣ живетъ десятка три православныхъ Арабовъ, не имѣющихъ церкви, и протестанты учредили миссію спеціально для уловленія этихъ православныхъ. Богослуженія пока нѣтъ, но чтеніе Библіи и проповѣдь съ пѣніемъ псалмовъ уже начались. До сихъ поръ попытки англійскихъ и нѣмецкихъ протестантовъ утвердиться въ Хевронѣ оставались безплодными. Мусульмане, наиболѣе фанатичные здѣсь, чѣмъ въ остальной Палестинѣ, не терпѣли въ городѣ христіанскаго богослуженія. Описывать ужасныя восточныя улицы Хеврона и наружныя стѣны харама, сложенныя изъ огромныхъ тесаныхъ камней, прежде бѣлыхъ, теперь бурыхъ, я не стану. Желающіе могутъ прочитать прекрасное археологическое изслѣдованіе о харамѣ въ книгѣ проф. Олесницкаго „Святая Земля“, т. II, стр. 105—124. Здѣсь достаточно упомянуть, что русскій археологъ относитъ построеніе харама ко временамъ царя Езекіи и пророка Исаіи. Главною цѣлью нашей поѣздки былъ дубъ Мамврійскій и русскій пріютъ. Не въѣзжая въ Хевронъ, мы вышли изъ экипажей и затѣмъ узкими проходами между садовъ, сопровождаемые толпой дерзкихъ и наглыхъ мусульманскихъ мальчишекъ, пошли въ гору, къ бѣлому зданію съ башней, издалека видной съ дороги. Эти зданія занимаютъ верхъ холма, по южному склону котораго расположенъ обширный садъ, принадлежащій къ вакуфу, учрежденному начальникомъ миссіи. Значительный участокъ земли является первымъ христіанскимъ владѣніемъ въ окрестностяхъ Хеврона, первою брешью, пробитою въ этой фантастической странѣ христіанами. Дорога, ведущая къ нему, въ ужасномъ состояніи. Горныя тропинки Іудейской пустыни болѣе удобны для передвиженій, нежели эти улицы значительнаго города. По рытвинамъ и глыбамъ камня, поднимаясь все вверхъ, мы прошли версты двѣ, подъ горячими лучами полуденнаго солнца и ради-раде-

хоньки, наконецъ, прибыли къ высокой оградѣ и воротамъ съ русскою надписью. Предъ домомъ, на террасѣ, подпертой камнями, широко раскидывалъ свои три ствола почтенный патріархъ всѣхъ палестинскихъ деревьевъ, маститый дубъ Мамврійскій. Нѣтъ дерева старше, выше и больше во всей Палестинѣ. По сю сторону Іордана, по увѣренію Бедекера, дубъ растетъ только въ видѣ кустарника, но это не вѣрно: около нашего дуба подростаетъ цѣлая небольшая рощица дубковъ, возобновляющая древнюю дубраву. Было бы, конечно, рискованно признавать этотъ именно дубъ тѣмъ деревомъ, подъ которымъ Авраамъ чествовалъ Господа. Сколько мнѣ извѣстно, дубъ не живетъ болѣе 700 лѣтъ, да притомъ и въ Библіи говорится о дубравѣ, а не объ одномъ деревѣ. Извѣстно также, что при Константинѣ Великомъ дубрава была мѣстомъ языческаго богослуженія. Императоръ приказалъ низвергнуть идоловъ, а святая Елена воздвигла здѣсь обширный храмъ. Проф. Олесницкій полагаетъ, что развалины, находящіяся въ 20 минутахъ ходьбы на сѣверъ отъ русскаго дома, составляютъ остатки этой базилики. Арабы называютъ ихъ Хирберы Нассара̀, то-есть христіанскія развалины. По мнѣнію нашего палестиновѣда, дубрава была вырублена по приказанію императора, и остался одинъ дубъ.

Извѣстія, сообщаемыя древними паломниками, а также стойкія мѣстныя традиціи, связанныя съ этимъ дубомъ, могутъ служить указаніемъ, что земля отца архимандрита находится дѣйствительно на мѣстѣ рощи, простиравшейся до базилики, и что дубъ — прямой потомокъ Авраамовой дубравы. Еще покрытый густою зеленью, дубъ, видимо, доживаетъ свой вѣкъ. Огромное дупло уже образовалось въ нижней части дерева, и, хотя оно и замазано глиной, однако зеленѣющіе стволы, не получая достаточно соковъ, подсохнутъ и обрушатся въ непродолжительномъ времени. Сухіе сучья тщательно распиливаются на дощечки, которыя составляютъ цѣнный подарокъ, получаемый на память отъ отца архимандрита очень немногими паломниками. Жолудей дубъ болѣе не даетъ, или очень мало.

Русскій пріютъ выстроенъ въ два этажа. Въ верхнемъ — общая зала, направо—дамская, налѣво—мужская половина, каждая изъ нѣсколькихъ комнатъ. Въ нижнемъ этажѣ—двѣ большія палаты, особо для мужчинъ, особо для женщинъ. Надъ входомъ просторный балконъ. Особо отъ дома стоитъ на гребнѣ холма четырехъэтажная башня. Такъ какъ мѣсто ея гораздо выше

Елеонской горы, то съ верхней площадки видно Средиземное море и желтая полоска прибрежья. Мои спутники видѣли даже Яффу, но мой бинокль не достигалъ такъ далеко. Съ другихъ сторонъ на далекое пространство разстилался обычный пустынный палестинскій видъ—ряды сѣроватыхъ и голубоватыхъ круглыхъ холмовъ, не оживляемыхъ селеніями и теряющимися въ дымчатой дали. Конечно, не для любителей пустынныхъ видовъ выстроена эта башня: она и теперь приспособлена быть колокольней будущаго храма, но пройдетъ еще немало времени, когда колокольный звонъ *впервые* съ утвержденія христіанства огласитъ пещеру Махпелу съ почивающими въ ней патріархами! За Русскими, все-таки, остается первенство прочной христіанской осѣдлости въ окрестностяхъ Хеврона.

Православная Арабка Сарра завѣдуетъ пріютомъ со своею сестрой. Обѣ онѣ носятъ черное монашеское платье. За пребываніе не установлено никакой опредѣленной платы. Книга свидѣтельствуетъ, что всѣ путешественники ѣдутъ въ нашъ домъ и остаются въ высшей степени признательны за гостепріимство. Она наполнена выраженіями благодарности на всѣхъ языкахъ Европы. Мы застали цѣлое англійское семейство, уже третій день живущее тамъ. Конечно, въ городѣ такое помѣщеніе немыслимо. Было нѣсколько русскихъ поклонниковъ. Одинъ уже два года ходитъ по Святой Землѣ и раньше года не думаетъ возвращаться на родину. Мы взяли его съ собою въ Іерусалимъ. Въ поклонническій періодъ подъ сѣнью дуба происходитъ богослуженіе. Однажды самъ патріархъ Никодимъ служилъ тамъ обѣдню; обыкновенно же ограничиваются всенощной. При насъ въ пріютѣ не было священника, и потому пришлось ограничиться отдыхомъ и осмотромъ. Кромѣ строеній, дуба, обширныхъ подземелій, въ которыхъ хранится вино русскихъ виноградниковъ, да древняго каменнаго точила обширныхъ размѣровъ, смотрѣть было нечего.

Хевронъ составляетъ самое южное мѣсто Палестины, до котораго доходятъ наши поклонники. Далѣе къ югу начинается Идумейская пустыня, къ юго-востоку дикія горы идутъ до пустыни Энгадди и развалинъ Масады у Мертваго Моря, а къ западу одичалая равнина простирается до моря. Здѣсь много развалинъ, недостаточно изслѣдованныхъ, и въ этихъ мѣстахъ протекла подвижническая дѣятельность Иларіона Великаго.

Была уже половина октября. По утрамъ густой туманъ заволакивалъ Святой городъ, а днемъ похаживали и облака. Нужно было спѣшить поспѣть къ ночи домой. Темнота наступила очень скоро. Собрались тучи, слышались далекіе раскаты грома, изрѣдка сверкала молнія и накрапывалъ всѣми желаемый дождь; въ воздухѣ почувствовалась свѣжесть, заставившая насъ пожалѣть о пальто и пледахъ, оставленныхъ въ Іерусалимѣ. Однако, все обошлось благополучно, и къ полуночи мы были уже дома за ужиномъ и горячимъ кофе.

М. Соловьевъ.

АГАСФЕРЪ.

Разсказъ.

I.

Былъ сентябрь мѣсяцъ. Я ѣхалъ въ Петербургъ на службу послѣ непродолжительнаго отпуска, который бралъ, чтобы повидаться съ моимъ братомъ. Я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, занимая мѣсто въ вагонѣ третьяго класса. На одной изъ станцій, привлеченный шумомъ, происходившимъ на платформѣ, я выглянулъ въ окно. Прибывающихъ пассажировъ было очень много. Они тѣснились къ поѣзду, какъ будто хотѣли взять его приступомъ. Въ этой толпѣ взглядъ мой случайно упалъ на стройную фигуру еще очень молодой дѣвушки, которая въ сопровожденіи артельщика, несшаго ея вещи, спокойно и неторопливо пробиралась къ вагону. Необыкновенно красивый профиль и пара черныхъ выразительныхъ глазъ остановили на себѣ мое вниманіе; я даже высунулъ немного голову въ окошко, чтобы посмотрѣть въ какой вагонъ сядетъ интересная пассажирка, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что она направлялась именно къ тому вагону, гдѣ я сидѣлъ. Черезъ минуту она вошла, но, войдя, остановилась, какъ человѣкъ, въ первый разъ вступившій въ непривычное и непріятное для него мѣсто. Съ выраженіемъ нѣкоторой гадливости и отвращенія посмотрѣла она вокругъ: на голыя стѣны, на деревянныя скамьи, на пассажировъ. Все, казалось, было ей крайне непріятно; затѣмъ, какъ бы собравшись съ духомъ, она

быстро подошла къ незанятой еще скамьѣ напротивъ меня и расположилась на ней со своими вещами. Ловкимъ и граціознымъ движеніемъ размѣстила она вещи, и когда при помощи артельщика все было улажено такъ, какъ она хотѣла, и послѣдній, получивъ на водку, откланялся и вышелъ, моя прекрасная сосѣдка съ облегченіемъ вздохнула, какъ будто совершила трудный, непривычный для нея, подвигъ. Я внимательно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Ей казалось лѣтъ семнадцать не больше. Одѣта она была въ простой дорожный костюмъ, который плотно обхватывалъ ея стройную граціозную фигуру. Все въ ея наружности носило отпечатокъ простоты и изящества, того утонченнаго изящества, которое кладетъ жизнь въ высшемъ аристократическомъ кругѣ общества. Ея цвѣтущее личико было прелестно. Оно дышало жизнью, здоровьемъ, энергіей и отличалось такимъ торжествующимъ блескомъ юности и красоты, что не хотѣлось отвести отъ него взгляда. Обстановка третьяго класса, казалось, стѣсняла ее. Она упорно смотрѣла въ окно и только изрѣдка бросала не то робкій, не то пытливый взглядъ вокругъ, какъ будто хотѣла удостовѣриться въ томъ, вполнѣ ли благонадежна та обстановка, въ которую она попала. Не желая, чтобъ она замѣтила мой слишкомъ пристально устремленный на нее взглядъ, я тоже сталъ смотрѣть въ окошко.

Мѣстность, по которой мы проѣзжали, была мнѣ знакома. Это былъ N***скій уѣздъ Тульской губерніи. Будучи студентомъ, я живалъ на лѣтнихъ кондиціяхъ у одного помѣщика по фамиліи Волынцева, мимо усадьбы котораго мы должны были теперь проѣхать. Не въ дальнемъ разстояніи отъ полотна желѣзной дороги открылся вскорѣ большой прудъ. Отъ его береговъ, подымаясь террасами, раскинулся на горѣ роскошный паркъ съ темными вѣковыми деревьями, а черезъ минуту, выплывая изъ зелени этого парка, бѣлѣясь на солнцѣ стройными колоннами фасада, показался господскій домъ. Я помнилъ и этотъ домъ, и этотъ паркъ, и ихъ радушнаго владѣльца, чье гостепріимство и хлѣбосольство было извѣстно всей губерніи. Волынцевъ былъ вдовецъ, богачъ, изъ мѣстныхъ аристократовъ и жилъ, что̀ называется, на широкую ногу.

Въ Москвѣ у него было много родныхъ и знакомыхъ, которые лѣтомъ наѣзжали къ нему въ имѣніе и для пріема которыхъ онъ не щадилъ ни стараній, ни издержекъ. Онъ любилъ, чтобъ о его гостепріимствѣ говорили, и потому всевозможныя увеселенія,

празднества, пикники чередовались цѣлое лѣто. У него было двое дѣтей: мальчикъ и дѣвочка. Первый былъ подъ вѣдѣніемъ Француза-гувернера, а вторая подъ строгою ферулой чопорной миссъ, выписанной изъ Лондона. Я былъ приглашаемъ на лѣтніе мѣсяцы для преподаванія обоимъ дѣтямъ русскаго языка.

Взоръ моей сосѣдки, такъ же, какъ и мой, былъ устремленъ на усадьбу, мимо которой мы проѣзжали, и этотъ взоръ поразилъ меня: такой онъ вдругъ сдѣлался задумчивый и печальный.

Молодая дѣвушка долго провожала глазами большой съ бѣлыми колоннами домъ. Когда же онъ сталъ теряться изъ виду, она порывисто встала со своего мѣста и, ухватившись обѣими руками за край окна, слегка высунувшись въ него, все продолжала смотрѣть въ даль, на исчезавшую усадьбу. Когда же эта послѣдняя совсѣмъ потерялась изъ виду, когда даже верхушки старыхъ деревьевъ перестали виднѣться на горизонтѣ, она опустилась на скамью и на мгновеніе закрыла глаза.

„Чтò это, неужели она плачетъ?“ подумалъ я. Она дѣйствительно плакала. Губы ея дрожали. Она поспѣшно отвернулась къ окну, скрывая слезы. „Какая была причина этихъ слезъ? Чтò было общаго между этою неизвѣстною мнѣ дѣвушкой и тою знакомою мнѣ усадьбой?“ Этотъ вопросъ до такой степени занялъ меня, что я наконецъ не выдержалъ и, давъ время моей сосѣдкѣ оправиться отъ овладѣвшаго ею волненія, рѣшился обратиться къ ней.

— Простите, пожалуста, не безъ робости проговорилъ я,— мнѣ показалось, что та усадьба, мимо которой мы проѣхали, вамъ знакома?

Мое неожиданное обращеніе, повидимому, очень непріятно поразило молодую дѣвушку. Она медленно обернулась ко мнѣ, смѣрила меня съ головы до ногъ надменнымъ негодующимъ взглядомъ и, отвѣтивъ короткимъ „да“, тотчасъ отвернулась отъ меня къ окну. Я понялъ, что сдѣлалъ неловкость, рѣшившись заговорить съ ней.

— Мнѣ былъ знакомъ владѣлецъ этого имѣнія — Александръ Петровичъ Волынцевъ, прибавилъ я, однако, въ видѣ поясненія.

На этотъ разъ молодая дѣвушка быстро обернулась.

— Вы знакомы съ моимъ отцомъ? Вы знаете Волынцева! произнесла она съ живостью и устремила на меня свои прекрасные, еще влажные отъ недавнихъ слезъ глаза.

— Вашего отца? съ изумленіемъ повторилъ я.—Такъ вы Наташа... Наталья Александровна, поспҍшилъ я поправиться.

Глаза молодой дҍвушки выразили недоумҍніе.

— Я былъ учителемъ вашего брата, напомнилъ я—и вашимъ отчасти.

— Ахъ, я васъ узнаю теперь! вы — Иванъ Ивановичъ, проговорила молодая дҍвушка, но въ голосҍ ея мнҍ почудилось легкое разочарованіе, какъ будто даже пренебреженіе.—Очень рада васъ встрҍтить, прибавила она тотчасъ со снисходительною улыбкой, слегка прищуривъ свои выразительные черные глаза. Потомъ она сдҍлала движеніе, какъ бы желая протянуть мнҍ руку, но руки, однакоже, не протянула.

— Какъ вы измҍнились, Наталья Александровна, я бы не узналъ васъ, проговорилъ я.—Пять лҍтъ тому назадъ, когда я видҍлъ васъ въ послҍдній разъ, вамъ было лҍтъ одиннадцать, двҍнадцать, не больше.

— Да, я еще тогда въ лошадки играла... помните, съ моимъ братомъ? прибавила она съ веселою улыбкой.

Я смотрҍлъ на молодую дҍвушку, стараясь найти въ ней хотя отдаленное сходство съ тою маленькою рҍзвушкой-Наташей, которую нҍкогда обучалъ грамотҍ и баловалъ, исполняя ея дҍтскіе капризы и причуды. Единственная дочь и любимица отца, она была кумиромъ всҍхъ въ домҍ: и родныхъ и знакомыхъ. Ея прелестная наружность, живость, не по лҍтамъ развитой умъ привлекали къ ней всҍ сердца. Мнҍ живо припомнилась дҍтская головка съ развивающимися кольцами непокорныхъ кудрей, быстрые, вҍчно смҍющіеся дҍтскіе глазки, говорившіе о большой склонности ихъ обладательницы къ шалостямъ и рҍзвости. Припомнилась постоянная борьба, которая возникала по этому поводу съ суровою воспитательницей-Англичанкой, борьба, всегда оканчивавшаяся полнымъ торжествомъ своенравной, но обожаемой воспитанницы. Достаточно было малҍйшей ласки, простой улыбки со стороны послҍдней, и суровое сердце чопорной миссъ мгновенно таяло, а тонкія, сухія, англійскія губы прижимались въ знакъ примиренія къ цвҍтущему личику ребенка, которому сфера баловства казалась единственно возможнымъ условіемъ существованія. И этотъ прелестный ребенокъ обратился въ неменҍе прелестную молодую дҍвушку, которая теперь сидҍла предо мной.

Эта неожиданная встрҍча чрезвычайно обрадовала меня. Тысяча вопросовъ просилось на мой языкъ. О многомъ хотҍлось

мнѣ разспросить молодую дѣвушку — свою бывшую ученицу. Но боязнь встрѣтить опять негодующій взглядъ горделивыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ чарующихъ глазъ удерживала меня отъ разспросовъ, которые могли показаться нескромными. Что̀ было мнѣ особенно интересно узнать, это то, почему она ѣхала одна и въ такой непривычной для нея обстановкѣ. Я зналъ строгій этикетъ, котораго придерживались въ домѣ Волынцевыхъ, вслѣдствіе котораго путешествіе молодой дѣвушки одной, да еще въ третьемъ классѣ, могло считаться не только верхомъ неприличія, но даже потерей хорошей репутаціи. Что̀ же означало это явное нарушеніе семейныхъ традицій? Я однако воздержался отъ разспросовъ. „Можетъ-быть это выяснится само собой въ теченіе разговора“, подумалъ я, и дѣйствительно не ошибся въ своемъ предположеніи.

— Какъ здоровье вашего батюшки? освѣдомился я, желая поддержать разговоръ.

— Благодарю васъ. Онъ здоровъ.

— А миссъ Флинчъ—ваша гувернантка? она жива еще?

— Миссъ Флинчъ? Не знаю. Ея нѣтъ съ нами. Она уѣхала въ Англію.

Легкое облако задумчивости пробѣжало по лицу молодой дѣвушки. Она посмотрѣла на меня, какъ бы желая прочесть что-то на моемъ лицѣ, и потомъ продолжала нерѣшительно съ легкою запинкой:

— Я не знаю... но теперь всюду такъ много говорятъ, что и до васъ дошло, вѣроятно, это извѣстіе... Папа лишился своего состоянія... Мы совсѣмъ разорились.

Я изумился. Я ничего не зналъ объ этомъ и въ первую минуту не нашелся, что̀ отвѣтить.

— Ахъ, вы ничего не знали, должно-быть! воскликнула Наталья Александровна, и по тону ея голоса я догадался, что она сожалѣетъ, что упомянула о фактѣ, о которомъ легко могла умолчать.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я отъ кого-то слышалъ объ этомъ, но отъ кого, не помню, поспѣшилъ я замѣтить, чтобы не усилить въ ней непріятное впечатлѣніе.

— Наше Волынцево продано, продолжала Наталья Александровна,—оно перешло въ другія руки, кажется, къ купцамъ какимъ-то. И она презрительно сжала свои хорошенькія губки.

Я съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на молодую дѣвушку. Такъ вотъ

почему она была такъ взволнована и плакала, когда провожала глазами усадьбу, въ которой родилась и выросла и которую ей, быть-можетъ, не суждено больше увидать. Вотъ почему эта перемѣна, этотъ вагонъ третьяго, а не перваго класса, эта вынужденная и непривычная самостоятельность. Что же намѣревалась теперь дѣлать эта семнадцатилѣтняя дѣвушка, почти ребенокъ, послѣ постигшаго ее несчастія? Не ѣхала ли она теперь въ Москву, гдѣ у нея было много богатыхъ родственниковъ, которые могли придти ей на помощь?

— Вы ѣдете къ вашимъ роднымъ, Наталья Александровна? спросилъ я ее съ участіемъ.

— Къ роднымъ! Нѣтъ, отвѣчала она, слегка покраснѣвъ,— я ѣду въ Москву и буду тамъ трудиться, работать, прибавила она какъ нѣчто такое, что казалось ей весьма естественнымъ въ ея положеніи.

Но это „трудиться" въ устахъ этой барышни, изнѣженной и избалованной съ самаго дѣтства, прозвучало какъ-то странно.

— Трудиться, повторилъ я,—но для васъ это будетъ тяжело...

— Почему же? возразила она съ неудовольствіемъ, — вѣдь трудятся же другія.

— Но кто эти другія?

— Очень многія. Мнѣ говорили, что многія трудятся: избираютъ себѣ какое-нибудь занятіе, профессію и устраиваютъ себѣ самостоятельную жизнь. Что касается меня, я буду жить вмѣстѣ съ отцомъ. О, разстаться съ нимъ я бы не могла. Это было бы слишкомъ тяжело для меня.

И въ голосѣ ея прозвучало искреннее, глубокое чувство.

— Я изберу себѣ занятіе, которое позволило бы жить своимъ домомъ, буду, напримѣръ, давать уроки.

— О, на это трудно разсчитывать, возразилъ я,—уроки такъ плохо оплачиваются.

— Не разочаровывайте меня, пожалуста, прежде времени! воскликнула Волынцева. — Я, напротивъ, увѣрена въ томъ, что все пойдетъ хорошо. Я и папа будемъ жить вмѣстѣ. Мы займемъ квартирку, конечно, маленькую, гдѣ-нибудь подальше отъ центра. Папа не будетъ служить: онъ слишкомъ старъ для этого. Я же найду какъ можно больше уроковъ и буду зарабатывать деньги.

Она говорила съ одушевленіемъ. Глаза ея блестѣли. На щекахъ горѣлъ румянецъ. Въ эту минуту она напоминала прежнюю

маленькую Наташу, всегда оживлявшуюся подъ вліяніемъ какой-нибудь новой мысли, новой затѣи. Бѣдная дѣвочка! Ея дѣтски оживленная рѣчь возбуждала во мнѣ и состраданіе и сочувствіе. Сколько молодыхъ, еще нетронутыхъ силъ, сколько энергіи и готовности безстрашно встрѣтить новую, быть-можетъ, суровую судьбу и вмѣстѣ съ тѣмъ какое отсутствіе опыта, какое незнаніе жизни! Я постарался указать моей юной спутницѣ чисто практическую и часто весьма непривлекательную сторону женскаго труда, въ особенности педагогическаго, сторону, которая, очевидно, была ей незнакома и могла готовить въ будущемъ не мало разочарованій. При этомъ я коснулся женскаго вопроса вообще.

— Женскій вопросъ? Я не знаю, что̀ это такое. Я вижу только изъ вашихъ словъ, что вы очень мрачно смотрите на предстоящую мнѣ дѣятельность. Поэтому лучше оставимъ этотъ разговоръ. Мы съ вами не сходимся во взглядахъ. Я знаю, что я должна измѣнить свою жизнь потому, что такъ сложились обстоятельства.

— Но, чтобъ измѣнить жизнь и такъ радикально, нуженъ характеръ, замѣтилъ я.

— Характеръ? Онъ у меня есть, отвѣчала Волынцева, и на этотъ разъ въ ея голосѣ прозвучала сильная, совсѣмъ не дѣтская нотка. Я посмотрѣлъ на нее и почему-то повѣрилъ ея заявленію. Ея лицо, за минуту предъ тѣмъ дѣтски-оживленное, сдѣлалось серьезно; глаза не блестѣли больше, а между бровей легла глубокая, строгая морщинка, которую я замѣтилъ раньше. Я невольно замолчалъ и задумался. Дорòгой я старался оказывать моей сосѣдкѣ всевозможныя маленькія услуги: на станціяхъ хлопоталъ о томъ, чтобы прислать ей въ вагонъ чаю или то, что̀ она требовала, доставалъ ея вещи, поднималъ и опускалъ окно, словомъ, угождалъ насколько возможно. Всѣ эти знаки вниманія съ моей стороны она принимала свободно и равнодушно, какъ особа, привыкшая ко всеобщей услужливости и постоянному угожденію. Въ нашемъ послѣдующемъ разговорѣ я опять старался коснуться цѣли ея путешествія въ Москву, но на всѣ мои пессимистическія замѣчанія она отвѣчала улыбкой или просьбой не разочаровывать ее относительно ея будущей дѣятельности.

— Вы меня не убѣдили, проговорила она, весело улыбаясь,

когда поѣздъ, медленно задерживая ходъ, остановился предъ большимъ вокзаломъ.

Я съ огорченіемъ увидалъ, что это былъ Московскій вокзалъ и что здѣсь я долженъ буду разстаться съ моею интересною и хорошенькою спутницей.

— Вы такъ много напророчили мнѣ дурнаго на моемъ поприщѣ, сказала она, — между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно началось для меня очень удобно и пріятно, благодаря тому случаю, что я повстрѣчалась съ вами.

Эта простая любезность заставила меня смутиться. Я почему-то покраснѣлъ и не нашелся, что̀ отвѣтить. А между тѣмъ какъ много хотѣлось мнѣ сказать этой весело улыбавшейся мнѣ дѣвушкѣ! Мнѣ хотѣлось выразить ей то участіе, которое возбуждало во мнѣ ея положеніе, пожелать ей успѣха и, если возможно, счастья въ ея новой жизни, выразить надежду, хотя когда-нибудь снова встрѣтиться съ нею. Но благопріятный для этого моментъ былъ пропущенъ. Одинъ изъ вошедшихъ въ вагонъ артельщиковъ уже собралъ ея вещи и сквозь толпу засуетившихся вокругъ насъ пассажировъ сталъ пробираться къ двери. Наталья Александровна взглянула на меня и, видя мое замѣшательство, улыбнулась, потомъ кивнула мнѣ головой въ знакъ прощанія и тоже направилась къ выходу. Моя ненаходчивость ей, какъ свѣтской барышнѣ, показалась, вѣроятно, забавною. Я подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть на нее еще разъ. На платформѣ ее никто не встрѣтилъ. „Вѣроятно, никому не дала знать о своемъ пріѣздѣ“, подумалъ я.—Ея прелестное личико мелькнуло предо мной въ толпѣ и потомъ исчезло, унося съ собой впечатлѣніе чего-то свѣтлаго, радостнаго и въ высшей степени симпатичнаго.

Дорога отъ Москвы до Петербурга показалась мнѣ необыкновенно скучною, мои сосѣди-пассажиры очень неинтересными, а ихъ разговоры нестерпимыми. Я не переставалъ сожалѣть о томъ, что со мной не было моей прекрасной сосѣдки. Ея образъ постоянно возникалъ въ моемъ воображеніи, и я мысленно останавливался на моемъ разговорѣ съ нею. Я задавался вопросомъ, что̀ могло въ будущемъ ожидать эту избалованную, изнѣженную свѣтскимъ воспитаніемъ барышню. „Нѣтъ, не для нея трудовая жизнь, о которой она отзывалась такъ легко и къ которой повидимому такъ охотно готовилась. Впрочемъ, что̀ мнѣ за дѣло до нея, до этой барышни? Я, кажется, уже черезчуръ заинтересовался ею.“ Этотъ упрекъ я сдѣлалъ себѣ, проѣхавъ уже

половину пути до Петербурга. На дворѣ была ночь. Надо лечь и заснуть, и постараться забыть случайную встрѣчу, которой, вѣроятно, не суждено болѣе повториться. Я завернулся съ головой въ пледъ и постарался заснуть, но безуспѣшно.

II.

Прошелъ годъ послѣ описанной мною встрѣчи. Я былъ однажды въ Москвѣ, гдѣ остановился по дѣламъ на нѣсколько дней. На дворѣ стояла глубокая осень, конецъ октября. Въ одно ненастное утро сильный дождь засталъ меня на одной изъ большихъ улицъ города. Чтобъ укрыться отъ дождя, я поспѣшилъ къ проѣзжавшей мимо меня конкѣ и вошелъ въ вагонъ. Онъ былъ полонъ народу. Прижавъ съ одной стороны какого-то тучнаго купца, а съ другой—тощую фигуру въ чуйкѣ, я насилу могъ помѣститься. Занявъ мѣсто, я, по свойственной мнѣ привычкѣ наблюденія, принялся тотчасъ осматривать всѣхъ ѣхавшихъ со мною. То былъ по большей части народъ служащій или торгующій. Два, три купца съ солиднымъ дѣловымъ выраженіемъ въ лицѣ. Они, казалось, ѣхали съ твердымъ сознаніемъ того, что платятъ за проѣздъ дешево, всего пятакъ, и потому только рѣшаются пользоваться этимъ способомъ передвиженія. Между купцами помѣщалось нѣсколько чиновниковъ съ портфелями подъ мышкой. Они угрюмо смотрѣли на дождь, застилавшій окна вагона, на грязь тротуаровъ и мостовыхъ. По угламъ жались двѣ, три фигуры въ шляпкахъ, съ зонтиками въ рукахъ. Каждая изъ нихъ держала на колѣняхъ книги и тетради, и я тотчасъ рѣшилъ, что это были учительницы, спѣшившія на утренній урокъ. Одна изъ нихъ сидѣла поодаль отъ меня, на противоположной скамьѣ. Она была послѣдняя, на которую я обратилъ вниманіе, но увидавъ ее, я уже не смотрѣлъ ни на кого болѣе: въ ней я узналъ Наталью Александровну Волынцеву, съ которой повстрѣчался годъ тому назадъ. Но какъ она перемѣнилась за это время! Это не было прежнее дышавшее веселостью и оживленіемъ лицо. Глаза не блистѣли, какъ прежде; они смотрѣли задумчиво и печально. Маленькая складка между бровей обозначилась рѣзче, какъ бы отъ постоянной напряженной думы надъ какою-нибудь трудною неразрѣшимою задачей. Одѣта она была въ легкую накидку, слишкомъ легкую для той

суровой погоды, которая стояла на дворѣ. Въ ея осанкѣ и движеніяхъ была замѣтна какая-то неувѣренность, какая-то робость, словно она боялась чего-то, боялась быть узнанною, замѣченною. Все говорило о томъ, что ея энергія и сила воли, о которыхъ она такъ смѣло заявляла годъ тому назадъ, подвергались теперь тяжелому, быть-можетъ, непосильному испытанію. Какъ мнѣ стало жаль ее! Какъ хотѣлось въ эту минуту подойти къ ней, заговорить, постараться вызвать на ея грустномъ лицѣ прежнюю дѣтски-безпечную улыбку. Вѣроятно, подъ вліяніемъ моего пристально устремленнаго на нее взгляда, Наталья Александровна обернулась въ мою сторону и подняла на меня свои прекрасные, задумчивые глаза. Она быстро выпрямилась, какъ бы подобралась. Въ ней мгновенно проснулась прежняя Волынцева, въ ея осанкѣ, движеніи, въ томъ взглядѣ, который она бросила на меня. Но это было только мгновеніе. Она тотчасъ сдѣлала видъ, что не узнаетъ меня, медленно отвела въ сторону свои задумчивые, какъ бы утомленные, глаза и уже не обращала ихъ болѣе въ мою сторону. Конка вскорѣ остановилась. Всѣ двинулись къ выходу. Я нарочно остался сидѣть на своемъ мѣстѣ, такъ какъ Наталья Александровна должна была пройти мимо меня. Дойдя до того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, она остановилась и мелькомъ взглянула на меня. Я приподнялъ шляпу. Она быстро кивнула головой и исчезла за дверью. Я посмотрѣлъ ей во слѣдъ, когда она переходила черезъ улицу. Ея осанка была все та же, прежняя, аристократическая. Но какъ не гармонировала съ нею вся окружавшая ее обстановка: это раннее сырое утро, утро трудящихся людей, этотъ проливной дождь, сбѣгавшій ручьями съ ея зонтика, эти лужи и грязь, по которымъ она боязливо ступала своими миніатюрными ножками. „Бѣдная!“ проговорилъ я со вздохомъ, глядя ей во слѣдъ, и отправился въ свою очередь шагать по лужамъ.

III.

Прошло года три. Я получилъ извѣстіе отъ моего брата, жившаго съ семьей въ одной изъ южныхъ губерній Россіи, о смерти нашего дальняго родственника. Этотъ родственникъ дѣлалъ меня наслѣдникомъ своего небольшаго имѣнія, лежавшаго верстахъ въ пятидесяти отъ уѣзднаго города, гдѣ служилъ мой братъ. Вслѣдствіе полученнаго извѣстія я рѣшился оставить службу и, полу-

чивъ отставку, отправился въ свое новое помѣстье. Для совершенія нѣкоторыхъ формальностей по полученію наслѣдства я долженъ былъ предварительно остановиться въ губернскомъ городѣ N***. Въ этомъ городѣ знакомыхъ у меня никого не было. Употребивъ весь день на разъѣзды по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, я не зналъ, куда дѣвать вечера и скучалъ страшно, сидя въ своемъ нумерѣ въ городской гостиницѣ.

— Скажи, пожалуста, братецъ, обратился я въ одинъ изъ такихъ вечеровъ къ лакею, прислуживавшему въ нумерѣ. Онъ только-что убралъ со стола самоваръ и стоялъ предо мною съ очевиднымъ намѣреніемъ завести бесѣду.

— Скажи, пожалуста, какія въ городѣ у васъ развлеченія? Есть тутъ театры, собранія?

— Развлеченіевъ у насъ даже очень много, словоохотливо и не безъ гордости отвѣчалъ лакей. — Первое дѣло—клубъ. Братъ мой въ клубѣ буфетчикомъ служитъ. Много, сказываетъ, господъ бываетъ, въ карты играютъ: предводитель нашъ дворянскій, начальникъ станціи, Прокофій Прокофьевичъ... Изволите знать Прокофія Прокофьевича?

— Нѣтъ, не знаю. Я не здѣшній, пріѣзжій...

— Такъ-съ. Вотъ эти да еще другіе съ ними господа почесть кажинный вечеръ до самыхъ пѣтуховъ играютъ, все винтятъ больше. Можетъ-быть, изволите знать, игра такая есть, винтомъ прозывается?

— Какъ же, знаю. Только я не любитель картъ. Ты лучше мнѣ скажи, нѣтъ ли у васъ тутъ театра?

— Какже съ, имѣется. Въ прошломъ году у насъ купецъ Лоскутинъ содержалъ и хорошія приставленія публикѣ показывалъ, буфа называлась.

— А, театръ-буффъ.

— Такъ точно.

— Ну, а теперь?

— Таперь не могу вамъ доподлинно доложить: камедь либо что̀ другое приставляютъ. Потому антрепренеръ нонче у насъ другой. Лоскутинъ въ Одесту отъ насъ переѣхалъ, тамъ буфой занялся, а на мѣсто его театеръ ахтеръ Прайдохинъ снялъ. Ну, у этого куда меньше публики супротивъ прежняго стало бывать, потому вновѣ онъ еще, не притрафился.

— По твоему, значитъ, идти въ театръ не сто̀итъ? спросилъ я.

Лакей состроилъ глубокомысленную физіономію и потомъ,

подумавъ: — вотъ что̀ могу посовѣтовать для васъ, произнесъ онъ рѣшительно,—намедни фокусникъ въ городъ пріѣхалъ. Ужъ у него, нечего сказать, есть что̀ поглядѣть. Братъ въ клубѣ видѣлъ. Очення, говоритъ, занятно, и господа одобряютъ.

Я, въ свою очередь, тоже задумался.

„Нѣтъ, ужь лучше посижу дома", рѣшилъ я мысленно и велѣлъ еще разъ поставить самоваръ. Лакей посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ, однако отправился исполнить приказаніе. Я выпилъ стакановъ шесть чаю, походилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, услыхалъ, какъ въ корридорѣ на часахъ пробило десять, но мнѣ все еще не хотѣлось спать. Съ досады надѣлъ я шубу и шапку и отправился безъ опредѣленной цѣли шагать по городу. Пройдя главную улицу, я вышелъ на городскую площадь. Она была пуста. Только у подъѣзда того зданія, мимо котораго я шелъ, стояло нѣсколько извощиковъ и горѣлъ фонарь. По приклеенной на стѣнѣ афишѣ я догадался, что то былъ городской театръ, исторію котораго мнѣ только-что разсказывалъ въ нумерѣ лакей. Я полюбопытствовалъ взглянуть на афишу. На ней огромными, чуть ли не аршинными, буквами было напечатано заглавіе пьесы: *Судьба*, а затѣмъ слѣдовало болѣе умѣреннымъ шрифтомъ слѣдующее: „драма въ пяти дѣйствіяхъ, переводъ съ французскаго. Эта пьеса выдержала пятьсотъ представленій въ Парижѣ и давалась съ небывалымъ успѣхомъ на всѣхъ европейскихъ сценахъ. Первый дебютъ г-жи Волынской—знаменитой трагической актрисы, производившей фуроръ по всей Россіи и за границей. Роль Элеонары исполнитъ г-жа Волынская." „Реклама хоть куда", подумалъ я, съ невольною улыбкой пробѣгая афишу. Новый антрепренеръ былъ, очевидно, мастеръ своего дѣла и старался изо всѣхъ силъ потрафиться къ публикѣ, по выраженію бесѣдовавшаго со мною лакея. „Не заглянуть ли и мнѣ въ театръ скуки ради?" подумалъ я. Можетъ-быть, эту *Судьбу* посылаетъ мнѣ сама судьба? И довольный своимъ каламбуромъ я отворилъ дверь театра.

— Идетъ еще представленіе? спросилъ я человѣка въ чуйкѣ, стоявшаго за дверью.

— Такъ точно, пятую акту зачинаютъ, отвѣчала чуйка,—пожалуйте.

Кассиръ поспѣшно и даже радостно вручилъ мнѣ билетъ. Я заключилъ, что дѣла театра, вѣроятно, не процвѣтали, несмотря на рекламу. Дѣйствительно, публики въ театрѣ оказалось очень

мало. Десятка два зрителей сидѣло въ партерѣ, столько же наверху, въ райкѣ. Ложи, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были пусты. Но что̀ поразило меня при входѣ въ зрительную залу, это было то сосредоточенное молчаніе, которое царило среди зрителей. Глаза всѣхъ были жадно устремлены на сцену. Я занялъ мѣсто въ партерѣ и взглянулъ на подмостки. Толстая очень некрасивая актриса, одѣтая маркизой, въ напудренномъ парикѣ и фижмахъ, которые шли къ ней такъ же, какъ къ коровѣ сѣдло, металась и вопила на сценѣ. Она, повидимому, находилась въ пароксизмѣ сильнѣйшихъ душевныхъ движеній, которыя обыкновенно достигаются только въ концѣ пятаго акта. Но не на эту актрису обращено было вниманіе публики. Всѣ взоры были устремлены на фигуру молодой дѣвушки, стоявшей подлѣ нея Жестомъ, наполненнымъ неподдѣльной глубокой скорби, эта дѣвушка закрыла себѣ обѣими руками лицо и казалась вся изображеніемъ страданія и печали. Она стояла неподвижно, какъ статуя, и мнѣ казалось, что эти прижатыя къ лицу руки, эта склоненная голова, эта стройная исполненная изящества фигура могли бы послужить образцомъ для самаго взыскательнаго художника. Молодая актриса тоже была одѣта маркизой, и этотъ костюмъ необыкновенно шелъ къ ней. Красивыми складками облегалъ онъ ея стройную фигуру, заканчиваясь позади длиннымъ шлейфомъ. На головѣ ея была высокая, старинной моды, прическа, сквозь пудру которой пробился природный темный цвѣтъ ея волосъ. Эти волосы роскошными локонами падали на ея обнаженныя, словно изваянныя плечи. Костюмъ и наружность молодой дѣвушки составляли такую иллюзію, что въ эту минуту я нисколько не усомнился въ томъ, что вижу предъ собой настоящую маркизу, маркизу королевскаго французскаго двора. Я забылъ, что нахожусь въ стѣнахъ зданія, въ которомъ годъ тому назадъ купецъ Лоскутинъ показывалъ буфу и что возлѣ меня сидитъ житель губернскаго города N***, случайно, какъ и я, забредшій въ театръ, привлеченный помпой, чуть ли не балаганною рекламой. Я видѣлъ предъ собою страдающую убитую горемъ дѣвушку и всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ ей. Изъ словъ ея крикливой маменьки (молодая актриса играла роль Элеоноры) я понялъ, что сюжетъ драмы взятъ изъ временъ французской революціи и что обѣимъ женщинамъ угрожаетъ эшафотъ. Относительно старой актрисы смерть отъ гильотины не казалась мнѣ неумѣстною: такъ она была нестерпима своими криками и крив-

ляньемъ; я всѣмъ сердцемъ желалъ одного: чтобъ она какъ можно скорѣе убралась, если не на эшафотъ, то, по крайней мѣрѣ, за кулисы. Мое желаніе исполнилось. Она испустила послѣдній вопль отчаянія и оставила сцену. Молодая дѣвушка одна. Я съ нетерпѣніемъ жду, чтобъ она открыла свое лицо и дала бы мнѣ возможность взглянуть на него. Она медленно опускаетъ руки, и въ яркомъ свѣтѣ горящей рампы рисуется предо мною античной безукоризненной красоты профиль. Затаивъ дыханіе, я слѣжу за малѣйшимъ движеніемъ актрисы. Она кажется взволнованною. Она дрожитъ. Грудь ея порывисто дышетъ. Ея руки ищутъ и не находятъ подходящихъ жестовъ. Несмотря на прочитанную рекламу, я убѣждаюсь, что предо мной дебютантка очень неопытная, которая мало и, быть-можетъ, совсѣмъ еще не играла на сценѣ. Но вотъ она начинаетъ трепетнымъ, взволнованнымъ голосомъ, и звукъ этого голоса отдается въ моей душѣ, какъ что-то знакомое, далекое, милое. Взоръ молодой дѣвушки устремленъ мимо публики, куда-то вдаль. Она, повидимому, ничего не замѣчаетъ вокругъ себя и вся отдается овладѣвшимъ ею скорбнымъ чувствамъ. Ея голосъ, усиливаясь, изливается въ грустныхъ проникающихъ душу звукахъ. Она вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ, о томъ далекомъ роскошномъ зàмкѣ, въ которомъ она родилась, гдѣ протекли ея беззаботные счастливые годы. Ее ожидаетъ смерть. И она прощается теперь съ этимъ міромъ, прощается съ жизнью. Слова и тонъ голоса, которымъ она ихъ произноситъ, охватываютъ мое сердце невыразимою жалостью. Я слышу, сосѣдъ мой всхлипываетъ подлѣ меня, вижу, какъ рука его поспѣшно опускается въ карманъ и достаетъ носовой платокъ. Я чувствую, что слезы начинаютъ застилать мнѣ глаза.

— Смерть! продолжаетъ между тѣмъ голосъ дѣвушки, переходя въ болѣе энергичный, полный отчаянія тонъ.—Я ее призываю. Къ чему мнѣ жить, когда кругомъ все гибнетъ, все мнѣ близкое, дорогое и милое?

Я смахиваю съ глазъ слезы, чтобы лучше разсмотрѣть выраженіе лица артистки. На немъ уже не прежнее выраженіе грусти; лицо ея полно тоски и отчаянія. Скорбно сжались тонкія, прекрасныя брови и между ними рѣзко обозначилась глубокая трагическая морщинка. Вдругъ по этой самой морщинкѣ я узнаю молодую актрису-дебютантку. „Волынцева!“ чуть-чуть не вскрикиваю я среди мертваго молчанія всей залы. Я упрекаю себя за то, что не узналъ ее тотчасъ при первомъ взглядѣ на нее. Впро-

чемъ, была ли какая-нибудь возможность узнать ее въ этомъ костюмѣ, подъ этою гримировкой, среди всей этой театральной обстановки? Сцена между тѣмъ наполняется актерами. Они пришли арестовать молодую актрису, вести ее на казнь. „На казнь!“ вырывается изъ груди ея крикъ, полный ужаса, и потомъ, какъ бы совладавъ съ собой, „я готова“, произноситъ она съ горделивою отвагой и порывистымъ движеніемъ устремляется впередъ, навстрѣчу грозящей судьбѣ, навстрѣчу смерти. Занавѣсъ падаетъ. Мой сосѣдъ-старичокъ въ восторгѣ машетъ рукой, въ которой держитъ свернутый носовой платокъ. Онъ только-что утиралъ имъ слезы. Онъ хочетъ вызывать актрису, но у него нѣтъ афиши, онъ не знаетъ, какъ назвать ее.

„Элеонора!“ пищитъ онъ слезливымъ, отчаяннымъ голосомъ.—Въ ложахъ дружно и восторженно апплодируютъ. Наверху стучатъ каблуками. „Волынскую!“ кричитъ публика и усиленными вызовами какъ-будто хочетъ загладить свою малочисленность.

— „Элеонора!“ вопитъ старичокъ, изо всей силы стуча объ полъ двумя стоящими подлѣ него стульями.—Занавѣсъ медленно подымается. Артистка появляется на сценѣ утомленная, словно разбитая. Она не раскланивается предъ публикой. Она обводитъ только усталымъ безучастнымъ взглядомъ залу и исчезаетъ за кулисами.

— „Элеонора!“ продолжаетъ неистовствовать старичокъ, потрясая стульями.—„Волынскую!“ кричитъ толпа.—Но молодая дѣвушка не показывается болѣе на подмосткахъ. Публика въ концѣ-концовъ принуждена разойтись. Я рѣшаюсь во что бы то ни стало дождаться Волынцеву при выходѣ ея изъ театра и съ этою цѣлью отправляюсь на подъѣздъ для артистовъ. Тамъ собралась уже порядочная кучка любопытныхъ,—почти всѣ сидѣвшіе въ театрѣ. Между этими лицами я тотчасъ замѣтилъ моего сосѣда-старичка.

— Вотъ, поджидаемъ-съ, обратился онъ ко мнѣ, указывая взглядомъ на собравшихся поклонниковъ.

— Кого ждете-то? обратился къ намъ человѣкъ въ чуйкѣ, котораго я принялъ за сторожа.

— Госпожу Волынскую, отвѣчалъ старичокъ.

— Она уѣхала.

— Какъ уѣхала? Куда? воскликнулъ я невольно.

— Къ себѣ въ нумеръ, въ гостиницу, отвѣчала чуйка.

— А въ какой гостиницѣ остановилась госпожа Волынская? освѣдомился я съ поспѣшностью.—Сторожъ назвалъ одну изъ гостиницъ города. Это была не та гостиница, въ которой я стоялъ.

„Впрочемъ, не все ли равно?“ успокоилъ я себя.—„Во всякомъ случаѣ я бы не могъ сегодня увидать ее. А завтра утромъ я непремѣнно отправлюсь къ ней съ визитомъ. Она вспомнитъ и навѣрное меня приметъ.“

Я отправился къ себѣ и всю дорогу упрекалъ себя въ томъ, что не пошелъ въ театръ раньше. Въ то время, какъ я глупымъ образомъ пилъ чай, сидя за вторымъ самоваромъ, она играла. Весь вечеръ я бы могъ ее слушать и смотрѣть на нее. Въ антрактѣ я бы могъ пойти къ ней за кулисы и напомнить ей о себѣ. Придя въ гостиницу, я долго не могъ успокоиться. Я дурно спалъ ночь: мнѣ все снились какіе то эшафоты и дѣвушки, ведомыя на казнь.

На другое утро я проснулся рано. Какъ только наступилъ часъ, въ который, по моему мнѣнію, можно было совершить не слишкомъ ранній утренній визитъ, я облекся въ свое лучшее платье и отправился въ гостиницу, гдѣ стояла Волынцева.

— Въ которомъ нумерѣ остановилась Наталья Александровна Волынцева? не безъ волненія спросилъ я швейцара, отворившаго мнѣ дверь.

— Волынцева? Здѣсь нѣтъ такой, отвѣчалъ швейцаръ.

— Та барышня, которая играетъ въ театрѣ, пояснилъ я.

— Такъ это Волынская барышня, а не Волынцева, отвѣчалъ швейцаръ,—онѣ тутъ дѣйствительно стояли.

— А теперь! Она у себя въ нумерѣ? спрашиваю я съ возрастающимъ волненіемъ.—Доложи имъ, пожалуста... что...

— Нѣтъ ихъ теперь.

— Какъ нѣтъ! Она не могла выѣхать такъ рано.

— Совсѣмъ уѣхали, пояснилъ швейцаръ;—расплатились по счету и поѣхали на поѣздъ.

— Что̀ ты? Не можетъ этого быть. Ты мнѣ не про ту говоришь, воскликнулъ я.

— Какъ не про ту? Про ту самую, отвѣчалъ швейцаръ и усмѣхнулся.

Мое волненіе, повидимому, казалось ему забавно.

— Предъ вами старичокъ одинъ тутъ былъ, пукетъ привозилъ, тоже про нихъ спрашивалъ. „Нѣтъ, молъ“, говорю, „уѣхали“. Онъ какъ запечалится, даже пукетъ свой забылъ.

И швейцаръ указалъ на маленькій засаленный столикъ, на которомъ красовался забытый букетъ изъ прекрасныхъ бѣлыхъ розъ.

— Что жь, нечего сказать, барышня хорошая и на актерку не похожа, прибавилъ онъ отъ себя сочувственно;—ужь такая великатная, какъ есть настоящая барышня.

„Она, она самая“, подтвердилъ я мысленно.

— Можешь ты мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, куда она уѣхала? Вѣдь она должна была играть здѣсь на театрѣ? обратился я снова къ швейцару.

— Въ кіятрѣ и спросите. А мы почемъ знаемъ? Мы знать не можемъ, отвѣчалъ швейцаръ.—Въ кіятрѣ узнайте.

„Онъ правъ, подумалъ я.—Попытаюсь. Можетъ-быть и узнаю что-нибудь. И я направился къ выходу. Мнѣ навстрѣчу къ дверямъ гостиницы подходило трое молодыхъ людей: двое военныхъ и одинъ статскій. „Госпожа Волынская у себя въ номерѣ?“ спросили они въ одинъ голосъ. - Я вышелъ на улицу, но до моего слуха донесся негодующій возгласъ трехъ посѣтителей: „ты врешь, врешь, она навѣрное у себя“.

„Ея отъѣздъ произвелъ сенсацію“, подумалъ я.—Что касалось меня, я былъ глубоко опечаленъ этимъ отъѣздомъ. Что могъ онъ означать послѣ такого успѣшнаго дебюта и восторженнаго пріема, который ей былъ сдѣланъ вчера? Я старался вызвать въ своей памяти ея мимику, голосъ, каждое ея движеніе. Да, у нея несомнѣнный талантъ; но она еще неопытная начинающая актриса. Такое впечатлѣніе вынесъ я послѣ ея игры. Къ тому же она держалась не такъ, какъ держатся настоящія актрисы. Она такъ неохотно вышла на апплодисменты публики, такъ безучастно внимала имъ. Я вспомнилъ, что она даже какъ-то пренебрежительно кланялась этой шумно рукоплескавшей ей публикѣ.

Войдя въ театръ, я направился къ кассѣ. Она оказалась запертою. Я заглянулъ въ корридоръ—тамъ тоже никого не было. Отворивъ дверь въ зрительную залу, я посмотрѣлъ и туда. Тамъ царствовалъ полумракъ и то же безлюдье. Я уже собирался уйти, какъ вдругъ со сцены послышался чей-то громкій возгласъ:

„И я любилъ ее, какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ.“ Вглядѣвшись попристальнѣе, я увидалъ на авансценѣ, возлѣ самой рампы, стройную мужскую фигуру, задрапированную

въ длинный плащъ. „О, другъ Горацiо, приблизься!“ продекламировалъ незнакомецъ, замѣтивъ меня и принимая, вѣроятно, за кого-нибудь изъ товарищей по сценѣ. И такъ какъ я не двигался: „Да ну, иди что ли, чортъ тебя возьми!“ прибавилъ онъ потомъ тономъ обыкновеннаго смертнаго. „Полѣзай ко мнѣ сюда на сцену!“ И онъ указалъ на двѣ дощечки, перекинутыя черезъ оркестръ на подмостки.

„Будь, что будетъ“, проговорилъ я мысленно и въ два прыжка очутился на сценѣ. -- „Можетъ-быть, я узнаю что-нибудь отъ этого таинственнаго незнакомца“.

Я увидалъ предъ собой молодаго человѣка очень недурной наружности. Лицо его было нѣсколько подмалевано и одѣтъ онъ былъ довольно странно. На головѣ вмѣсто шляпы красовался черный бархатный беретъ съ помятымъ страусовымъ перомъ. а на плечи былъ накинутъ средневѣковый плащъ, изъ-подъ котораго виднѣлся пестрый очень поношенный жилетъ. Я догадался, что нахожусь въ присутствiи самого принца Гамлета и притомъ застаю его въ утреннемъ неглиже—случай не всегда доступный. Я раскланялся и объяснилъ причину моего посѣщенiя, причемъ извинился, что прерываю занятiя артиста.

— Вы спрашиваете про Волынскую? повторилъ молодой человѣкъ.—О, я ее знаю! Красота.

Психеи ликъ
И кудри Купидона!

продекламировалъ онъ, пародируя извѣстныя слова Гамлета.

„Онъ однако не разстается со своею декламацiей“, подумалъ я съ досадой;—„пожалуй, отъ него ничего не добьешься“.

Молодой человѣкъ замѣтилъ мое неудовольствiе.

— Я всегда декламирую. Не смущайтесь этимъ. Это моя привычка. Она у меня вошла въ плоть и кровь. Каждый часъ, каждая минута моей жизни принадлежатъ искусству. Впрочемъ, я могу удѣлить вамъ нѣсколько минутъ. Итакъ, вы желаете?..

Я повторилъ свой вопросъ. Принцъ Гамлетъ пристально, изподлобья посмотрѣлъ на меня, какъ смотрятъ драматическiе любовники на своихъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ соперниковъ.

— Уѣхала! произнесъ онъ мрачно, и голосъ его слегка дрогнулъ.

Я бы не могъ опредѣлить, была ли эта дрожь натуральная

или только сценическая. Но я тоже довольно пристально посмотрѣлъ на своего собесѣдника. А онъ стоялъ предо мной, театрально опустивъ голову. Мрачное выраженіе на его лицѣ смѣнилось какою-то мечтательною грустью.

„Ужь не съ тайнымъ ли вздыхателемъ или поклонникомъ прекрасной артистки я имѣю дѣло?“ подумалъ я, но тотчасъ отбросилъ отъ себя эту мысль.

— Объ отъѣздѣ госпожи Волынской я уже слышалъ, замѣтилъ я. — Но мнѣ хотѣлось бы знать, почему она уѣхала и куда.

Актеръ поднялъ голову, какъ бы пробуждаясь изъ своей задумчивости.

„На свѣтѣ есть много вещей, другъ Гораціо...“ задекламировалъ онъ опять, но я тотчасъ же перебилъ его:

— Надѣюсь, что принцъ Гамлетъ будетъ настолько любезенъ, что объяснитъ все для меня непонятное, отвѣчалъ я ему въ тонъ.

Онъ улыбнулся.

— Хорошо, но прежде скажите, на что̀ понадобилось вамъ разузнавать о Волынской. Что̀ она вамъ? „Что̀ она ему?“ прибавилъ онъ тутъ же свое a parte:—„Что̀ ему Гекуба?“

Я вынужденъ былъ удовлетворить любопытство моего собесѣдника и вкратцѣ разсказалъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ я состоялъ прежде съ семьей Волынцевыхъ, объ ихъ положеніи и о томъ участіи, которое внушала мнѣ судьба молодой дѣвушки, которую я зналъ съ дѣтства.

— Я былъ очень изумленъ, прибавилъ я,—когда въ молодой дебютанткѣ узналъ вчера свою старую знакомую.

Молодой человѣкъ выслушалъ меня очень внимательно.

— О, благодарю васъ! съ чувствомъ воскликнулъ онъ,—благодарю. Наконецъ-то я узналъ, кто она. Я всегда предполагалъ, что она не какая-нибудь простая актриса, а кто-нибудь этакъ высшаго полета. И онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ вверхъ.— Это сейчасъ было видно: эта гордая красота, взглядъ богини, поступь королевы...

— Но гдѣ, гдѣ она теперь?

Онъ развелъ руками.

— Увы! Я ничего не знаю. Она промелькнула, какъ метеоръ: явилась, блеснула и исчезла. Я вамъ скажу только, прибавилъ

онъ потомъ, понижая голосъ,—что ея отъѣздъ поразилъ меня и—быть-можетъ, мое признаніе васъ удивитъ—заставилъ меня страдать, глубоко страдать. Но, какъ я уже сказалъ вамъ, я принадлежу искусству. На алтарь его я приношу свое страданіе и любовь. Эти чувства внушили мнѣ новую интонацію, которую я напрасно искалъ до сихъ поръ. Подобной интонаціи еще никто никогда не слыхалъ съ театральныхъ подмостокъ. Она составитъ мою славу. Слушайте! Вотъ она эта новая интонація:

„И я любилъ ее“, завопилъ онъ совершенно неистовымъ голосомъ,—„какъ сорокъ тысячъ братьевъ любить не могутъ“, и при этомъ, схвативъ меня за воротникъ шубы, сталъ трясти изо всей мочи. Я съ робостью сталъ озираться кругомъ, ища средства, чтобы какъ-нибудь унять расходившагося трагика. Приходя все въ бо́льшій азартъ, онъ незамѣтно придвинулъ меня къ самой рампѣ такъ, что я рисковалъ ежеминутно свалиться внизъ, въ помѣщеніе оркестра. Но вдругъ сама судьба пришла мнѣ на помощь.

— Пѣночкинъ, Пѣночкинъ! послышался за стѣной чей-то гнѣвный, громовый голосъ, заглушившій собой даже новоизобрѣтенную неистовую интонацію влюбленнаго Гамлета. На лицѣ послѣдняго отразился испугъ.

— Это Пройдохинъ, нашъ антрепренеръ, проговорилъ онъ съ смущеніемъ.—Онъ теперь золъ, какъ собака, по случаю отъѣзда Волынской,—съ утра напился и драться лѣзетъ, ко всѣмъ придирается. Ишь, вѣдь, какъ оретъ.

Между тѣмъ дверь съ шумомъ распахнулась, и въ залу, какъ ураганъ, влетѣлъ дородный, коренастый мужчина въ енотовой шубѣ.

— Пѣночкинъ, иди! загремѣлъ онъ грознымъ раскатистымъ басомъ.

— Меня ищетъ, пролепеталъ Гамлетъ-Пѣночкинъ, мгновенно превращаясь изъ влюбленнаго принца въ трусливаго зайца, и не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ юркнулъ за кулису.

— Не говорите, что я тутъ, прошепталъ онъ, съ уморительно жалобною миной выглядывая изъ-за декораціи. Декорація, за которою онъ притаился, изображала тронъ королей датскихъ. Я кивнулъ ему головой, давая понять, что не выдамъ его.

„Бѣдный Гамлетъ!“ подумалъ я съ невольною улыбкой и перешагнулъ черезъ рампу. Надъ оркестромъ мнѣ снова пришлось пробалансировать на импровизированномъ мостикѣ, сложенномъ

изъ двухъ дощечекъ, и я благополучно достигъ уже выходной двери, какъ вдругъ надъ моимъ ухомъ раздался свирѣпый торжествующій возгласъ: „Ага, шельма Пѣночкинъ!“ И двѣ сильныя руки схватили меня за плечи.

— Позвольте, позвольте, милостивый государь! воскликнулъ я съ негодованіемъ, чувствуя, что кто-то держитъ меня, какъ въ тискахъ.

Услыхавъ незнакомый голосъ, антрепренеръ Пройдохинъ (это былъ онъ) хотя и былъ очень пьянъ, но тотчасъ же предоставилъ меня самому себѣ.

— Ахъ, чортъ возьми! Извините, пардонъ, проговорилъ онъ еще неуспокоившимся голосомъ,—я думалъ—это свои.

— Ну, народецъ! проворчалъ я.—Нужно особую снаровку, чтобы ладить съ ними. И я поспѣшилъ направиться къ выходу. Въ самыхъ дверяхъ я столкнулся съ маленькимъ старичкомъ, несшимъ огромный букетъ цвѣтовъ. Это былъ тотъ самый старичокъ, который наканунѣ сидѣлъ рядомъ со мною въ театрѣ. Букетъ тоже мнѣ показался знакомымъ: я видѣлъ его у швейцара въ гостиницѣ.

— Скажите, гдѣ же наша очаровательная Элеонора? послышался мнѣ слащавый голосъ вошедшаго.—Я два раза былъ въ гостиницѣ и не засталъ ея.

— Прокофій Прокофьевичъ, вы видите предъ собой убитаго человѣка, проговорилъ въ отвѣтъ антрепренеръ Пройдохинъ: „она уѣхала“.

На этотъ разъ голосъ Пройдохина не былъ громовый, какъ за минуту предъ тѣмъ, а, напротивъ, очень жалобный, даже трогательный. Я не сталъ слушать продолженіе разговора и вышелъ на улицу. Мои мысли невольно остановились опять на Волынцевой. Хотя мнѣ ничего не удалось узнать о ней, но я пересталъ почему-то удивляться тому обстоятельству, что она, едва выступивъ на сцену, бросила эту непривлекательную театральную обстановку. „Но если она не найдетъ ничего лучшаго, что̀ будетъ она дѣлать, бѣдняжка?“ подумалъ я съ невольною грустью.

IV.

Пріѣхавъ въ деревню, я тотчасъ принялся за устройство маленькаго имѣнія, которое досталось мнѣ въ очень запущенномъ видѣ. Но среди моихъ хозяйственныхъ заботъ меня не

переставалъ преслѣдовать образъ молодой, прекрасной дѣвушки. То видилась она мнѣ такою, какою я ее повстрѣчалъ въ Москвѣ четыре года тому назадъ, грустною, словно подавленною. То она представлялась мнѣ стоящая на подмосткахъ театра, трепетная и блѣдная. На устахъ ея мнѣ слышалась скорбная рѣчь, которая, казалось, гармонировала съ дѣйствительнымъ состояніемъ ея духа. Вскорѣ непривычная для меня жизнь въ деревнѣ донельзя мнѣ прискучила, и я рѣшилъ проѣхаться въ Москву, чтобы, какъ говорится, немного провѣтриться. Предъ отъѣздомъ я побывалъ у брата, который жилъ въ уѣздномъ городѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ меня. При прощаньи я получилъ отъ него цѣлую кучу порученій, которыя долженъ былъ сдѣлать въ Москвѣ для него и его жены. Несмотря на мою нелюбовь къ такого рода коммиссіямъ, я однакоже принялся за ихъ исполненіе тотчасъ по пріѣздѣ въ городъ. Долгое время пришлось мнѣ употребить на разъѣзды по различнымъ магазинамъ. Только на третій день я вздохнулъ съ облегченіемъ: „Ну, кажется, теперь все исполнено“, и я сталъ пробѣгать глазами врученный мнѣ на дорогу списокъ. „Вопервыхъ“, читалъ я въ этомъ спискѣ,—„купить три фунта берлинской шерсти цвѣта марронъ“. Куплено. Я карандашомъ вычеркиваю этотъ параграфъ. „Вовторыхъ,—отдать перекрасить старое платье изъ зеленаго цвѣта въ кофейный“. Отдано. Я съ удовольствіемъ зачеркиваю одинъ параграфъ за другимъ и такимъ образомъ дохожу до нумера семнадцатаго. Но тутъ я впадаю въ глубокое уныніе: о порученіи подъ № 17 я забылъ совершенно. Нанять дѣтямъ Нѣмку-бонну. Нѣтъ, ужь извините, за это я не возьмусь: пріискивать имъ бонну. Никогда въ жизни не приходилось мнѣ имѣть дѣло ни съ боннами, ни съ гувернантками. Пусть поручаютъ это кому угодно, только не мнѣ. И я рѣшаюсь оставить этотъ параграфъ безъ исполненія. Но вечеромъ того же дня получаю отъ брата длиннѣйшее письмо, въ которомъ онъ убѣдительно просилъ меня взять на себя эту коммиссію и давалъ относительно ея подробныя наставленія. Я долженъ былъ найти именно такую бонну, какую желала его жена: работящую, безъ претензій, которая могла бы и постирать, и дѣтей поняньчить, словомъ, какъ онъ выражался въ письмѣ, бонну невысокаго калибра, а главное, чтобы была не дорогая, не дороже семи рублей въ мѣсяцъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое! проворчалъ я, бросая съ досадой письмо, но на другое утро однакоже смирился и отправился

на поиски за дешевою бонной. Я вошелъ въ первую попавшуюся мнѣ контору рекомендацій, вывѣску которой прочелъ съ улицы.

— Есть у васъ Нѣмки-бонны? обратился я съ вопросомъ къ молодой особѣ, сидѣвшей за бюро и принимавшей посѣтителей. Молодая особа отвѣчала утвердительно.

— Нельзя ли мнѣ переговорить съ одною изъ нихъ?

— Можно. Только не угодно ли вамъ предварительно написать ваши условія? Я ихъ передамъ кому слѣдуетъ. А завтра вы можете условиться окончательно.

— Но нельзя ли сдѣлать это сегодня? Я тороплюсь, замѣтилъ я.—Мнѣ дѣйствительно хотѣлось, какъ можно скорѣе развязаться со всею этою скучною исторіей.

— Въ такомъ случаѣ я посовѣтывала бы вамъ обратиться прямо къ мадамъ Пфейферъ.

— А кто это мадамъ Пфейферъ?

Барышня слегка изумилась.

— Вы не знаете мадамъ Пфейферъ? У мадамъ Пфейферъ всегда есть Нѣмки. Она рекомендуетъ боннъ и гувернантокъ и даетъ содержаніе тѣмъ, которыя остаются безъ мѣста. Въ настоящее время вы многихъ можете найти у нея. Спросите фрейлейнъ Каролину Зильберманъ или фрейлейнъ Шварцкопфъ, или фрау Штархъ...

— Очень вамъ благодаренъ за это свѣдѣніе. Въ такомъ случаѣ я попрошу у васъ адресъ г-жи Пфейферъ.

Получивъ адресъ и заплативъ за него предварительно рубль серебромъ, я отправился разыскивать рекомендованный мнѣ разсадникъ Нѣмокъ. Вскорѣ я отыскалъ его по небольшой уже выцвѣтшей отъ времени вывѣскѣ, на которой значилось, что г-жа Амалія Пфейферъ съ 1835 года снабжаетъ желающихъ и Нѣмками-боннами, и Нѣмками-гувернантками на разную цѣну и на разныхъ условіяхъ. Изображеніе руки съ указательнымъ перстомъ показывало, что надо войти въ ворота и повернуть направо. Во дворѣ другой указательный перстъ показывалъ налѣво. Слѣдуя этимъ указаніямъ, я сдѣлалъ нѣсколько зигзаговъ и очутился въ грязномъ, маленькомъ дворикѣ.

— Гдѣ тутъ живетъ г-жа Пфейферъ? спросилъ я мастероваго, выходившаго изъ подвальнаго этажа. Мастеровой, молча, указалъ на деревянную лѣстницу, ведшую во второй этажъ стараго, очень невзрачнаго зданія. Эта лѣстница была тоже грязная и вонючая и притомъ полутемная. Кое-какъ взобравшись по ней, я

дошелъ до двери, на которой, такъ же, какъ и на вывѣскѣ, красовалась фамилія г-жи Пфейферъ. Отворивъ эту дверь, я сразу очутился въ совершенной темнотѣ. Ощупью дѣлаю я нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ впередъ, боясь при этомъ задавить кого-нибудь въ потемкахъ. Я дѣйствительно наталкиваюсь на кого-то, причемъ раздается испуганный женскій крикъ: „Mein Gott! здѣсь есть какой-то мужчинъ“.

— Простите, пожалуста! въ свою очередь вскрикиваю я, отступая назадъ.—Здѣсь такая темнота. Мнѣ сказали: я могу найти здѣсь мадамъ Пфейферъ.

Испуганная Нѣмка тотчасъ пріотворила дверь въ сосѣднюю комнату и впустила немного свѣту. Я оглянулся кругомъ и увидалъ, что нахожусь въ узкомъ пространствѣ, похожемъ на корридорчикъ, сплошь заставленномъ сундуками, корзинками, ящиками и прочею домашнею рухлядью.

— Пожальста, войдите въ этотъ комнатъ, привѣтливо пригласила меня оправившаяся отъ своего испуга Нѣмка.—Эта комнатъ мадамъ Пфейферъ. Мадамъ Пфейферъ уходилъ на конторъ и сейтасъ приходилъ опять назадъ.

— Очень вамъ благодаренъ. Я подожду ее здѣсь.

И я сажусь на кончикъ стараго, очень грязнаго дивана. Дверь въ комнатѣ остается отворенною. Я вижу, что моя Нѣмка исчезаетъ за другою дверью, находящеюся черезъ корридорчикъ напротивъ. Вскорѣ въ этой двери показывается нѣсколько женскихъ фигуръ, которыя съ любопытствомъ начинаютъ на меня посматривать. Я догадываюсь, что это и есть тѣ самыя Нѣмки, о которыхъ мнѣ говорила барышня въ конторѣ—пансіонерки г-жи Пфейферъ, ищущія мѣстъ. Я, со своей стороны, тоже не безъ интереса осматриваю ихъ, стараясь заранѣе предугадать, которая изъ нихъ фрейлинъ Каролина или фрау Шторхъ, съ которыми мнѣ суждено вступить въ переговоры. Я съ грустью замѣчаю, что всѣ онѣ чрезвычайно невзрачны на видъ. Лица у нихъ какія-то поблеклыя, словно выцвѣтшія, а выраженіе этихъ лицъ непривѣтливое, угрюмое и какъ бы озлобленное.

Я вскорѣ перестаю возбуждать интересъ этихъ представительницъ германской націи, пересаженныхъ на россійскую почву. Онѣ начинаютъ перебрасываться между собой нѣмецкими и по большей части коверканными русскими фразами.

— Пожальста, не говорите мнѣ объ этихъ мѣстъ! рѣшительно заявила одна изъ нихъ.

Я взглянулъ на нее. Это была высокая, мужественная особа съ зеленоватымъ обрюзглымъ лицомъ и злыми ястребиными глазами.

— Я хочу забить объ этихъ скверныхъ мѣстъ и дышать хоть одну капельку чистій волній воздухъ.

И она при этомъ указала вокругъ себя на грязныя стѣны и закоптѣлый потолокъ комнаты. Эта комната поражала своими малыми размѣрами и при большомъ числѣ засѣдавшихъ тамъ лицъ заставляла предполагать существованіе чистаго вольнаго воздуха по малой мѣрѣ сомнительнымъ.

— Такъ мало сталь теперь хорошій мѣстъ и такъ много сталь паганій мѣстъ, прибавила Нѣмка еще болѣе рѣшительно.

Марья Ивановна утвердительно киваетъ головой и въ подтвержденіе разсказываетъ о томъ мѣстѣ, которое она принуждена была оставить. Тамъ ее въ видахъ экономіи морили съ голоду, угощая исключительно одними вареными макаронами. При взглядѣ на Марью Ивановну я убѣждаюсь въ возможности такого факта. Вся ея фигура отзывается чѣмъ-то до крайности постнымъ, что̀, вѣроятно, могло произойти отъ продолжительнаго сухоядѣнія. Между тѣмъ разговоръ мало-по-малу оживляется. Всѣ начинаютъ высказывать свои неудовольствія и выставлять на видъ тѣ непріятности, которымъ подвергались, будучи на разныхъ мѣстахъ. Одна жаловалась на то, что къ Рождеству ей подарили на платье не шерстяной матеріи, какъ она разсчитывала, а бумажной и, будучи такимъ образомъ, награждена ниже своихъ заслугъ, бросила мѣсто, сшивъ себѣ предварительно изъ бумажной матеріи утренній капотъ. Другая, а именно любительница чистаго воздуха и сильныхъ русскихъ выраженій, повѣствовала о крайней избалованности тѣхъ дѣтей, къ которымъ была приставлена. Дѣти, разсердившись, пускали въ ходъ кулаки и преисправно угощали ими свою бонну, тогда какъ послѣдняя по распоряженію родителей не имѣла права употреблять никакихъ исправительныхъ мѣръ по отношенію къ своимъ воспитанникамъ.

— А я всегда жилалъ, такъ сильно жилалъ задавать этимъ дитямъ хорошаго трепака за волоса, съ озлобленіемъ проговорила Нѣмка, нервно сжимая и разжимая свои костлявые пальцы, какъ-будто чувствовала подъ ними волосы провинившихся малютокъ. Такая Танталова мука ей оказалась не подъ силу. Она оставила мѣсто, предварительно нагрубивъ родителямъ этихъ дѣтей

— Да, и я сказалъ этимъ каспадинамъ, што ихній ребонокъ шортъ! воскликнула она, ударивъ по столу кулакомъ. Кругомъ засмѣялись. Но одна изъ болѣе чопорныхъ собесѣдницъ возмутилась.

— Фи, какой выраженій, фрау Шторхъ! воскликнула она.

„Какъ, неужели эта та самая фрау Шторхъ, съ которой мнѣ предстоитъ имѣть дѣло?“ съ ужасомъ подумалъ я.

— Ви говорите, какой виражень? съ азартомъ накинулась фрау Шторхъ на свою собесѣдницу.—Што за серемонь съ этими русскими ферфлухтенъ каспадинами? Я хочу наплевать на ихъ поганій русскій мордъ. Вотъ и все!

— Meine Damen, я жилаю висказывать свой мнѣній, вмѣшалась въ разговоръ тощая потребительница макаронъ, та, которую звали Марьей Ивановной.—Давайте мнѣ висказывать мой мнѣній. Ежели при всякій мѣстъ zum Mittagessen менѣ будутъ давать одинъ хорошій мясной жареній, тогда я могу все переносить, все могу исполнить и могу жить. Но ежели только одинъ макаронъ, тогда я не могу переносить и не могу жить, добавила она печально и съ тоской опустила голову.

Я прислушиваюсь къ странному для меня разговору, и мной мало-по-малу овладѣваетъ чувство какой-то глубокой жалости къ этимъ несчастнымъ существамъ, которыхъ судьба обрекла на вѣчное скитанье по чужимъ угламъ изъ-за куска насущнаго хлѣба. Я смотрю на этихъ женщинъ, скученныхъ въ этой душной, тѣсной каморкѣ, и мнѣ чудится, что я присутствую на какомъ-то торжищѣ несчастныхъ невольницъ. Вотъ, вотъ появится покупатель на этотъ живой товаръ, который за возможно меньшую цѣну надѣнетъ на любую изъ нихъ тяжелое педагогическое ярмо, причемъ постарается извлечь изъ этого обстоятельства какъ можно болѣе пользы для себя, часто въ ущербъ справедливости и человѣколюбію. Я уже, было, началъ проводить весьма возможную параллель между этими невольницами странъ цивилизованныхъ и таковыми же въ странахъ нецивилизованныхъ, какъ вдругъ мои размышленія были прерваны появленіемъ самой мадамъ Пфейферъ.

Это была уже старая, но тѣмъ не менѣе бойкая особа съ нѣмецкою физіономіей и въ пестромъ платьѣ. Я немедленно вступаю съ ней въ переговоры и объясняю ей суть дѣла.

— Ходить за дѣтями, шить, стирать и за все на мѣсяцъ только

семь рублей? быстро проговорила мадамъ Пфейферъ.—Я вамъ сешасъ узнавать и давать вамъ отвѣтъ.

И съ этими словами мадамъ Пфейферъ исчезаетъ за дверью. Въ той комнатѣ, гдѣ раздавались голоса Нѣмокъ, все мгновенно стихаетъ. Тамъ, очевидно, идетъ совѣщаніе по поводу предложенныхъ мною условій. Совѣщаніе продолжалось не долго. Черезъ минуту бойкая мадамъ Пфейферъ появилась снова.

— Никто не жилаетъ соглашаться, объявила она,—такой маленькій жаловень. Вамъ надо прибавлять.

— Эти условія назначены моимъ братомъ. Я не могу ихъ измѣнить, отвѣчалъ я.

— Никто не жилаетъ, мосье.

— Въ такомъ случаѣ извините, что обезпокоилъ васъ.

И я поднялся было со своего мѣста.

— Постойте, постойте одинъ минутъ, какъ будто о чемъ-то вспомнивъ, быстро проговорила Нѣмка и, принудивъ меня опять занять прежнее мѣсто на диванѣ, вторично скрылась за дверью.

— Войдите въ мой комнатъ, мосье сидятъ въ мой комнатъ, послышался ея голосъ въ корридорчикѣ.

Очевидно, она уже направляла ко мнѣ одну изъ своихъ пансіонерокъ, согласившуюся взять предложенное мною мѣсто. Я почувствовалъ нѣкоторое смущеніе при мысли о томъ, что согласившаяся никто иная, какъ Марья Ивановна, разсчитывающая на что-нибудь болѣе существенное, нежели ежедневная порція вареныхъ макаронъ или, что̀ еще хуже, сама фрау Шторхъ— ужасная фрау Шторхъ, которая такъ храбро воюетъ съ русскими господами и такъ охотно бранитъ ихъ по-русски и по-нѣмецки. Между тѣмъ шаги приближаются. Я, подъ вліяніемъ овладѣвшей мною боязни, не рѣшаюсь въ первую минуту взглянуть на вошедшую, потомъ медленно и робко поднимаю глаза и въ то же мгновеніе вскакиваю со своего мѣста, какъ обожженный,—такъ велика была неожиданность: предо мной стояла Наталья Александровна Волынцева.

„Вы, вы здѣсь!“ хочу я воскликнуть, но языкъ не повинуется мнѣ. Смущеніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, радость отнимаютъ у меня на время способность говорить. По лицу Волынцевой тоже промелькнуло изумленіе.

— Ахъ, это вы! Какая неожиданная встрѣча, проговорила она.

И видя, что я стою, продолжая хранить молчаніе, она указала мнѣ на мое прежнее мѣсто на диванѣ, а сама опустилась

на стулъ противъ меня. Я смутно сознавалъ, что очутился по отношенію къ ней въ тяжеломъ положеніи нанимателя, что вотъ, вотъ сейчасъ начнутся переговоры о мѣстѣ, взаимныхъ условіяхъ, жалованьи и т. д., и эта мысль окончательно подавляла меня.

„—Что же это такое?“ думалось мнѣ,—„какая превратность судьбы! Я—Иванъ Ивановичъ Снигиревъ, бывшій подчиненный въ домѣ Волынцевыхъ, всегда смотрѣвшій на эту барышню, какъ на существо высшее, недосягаемое, существо другаго міра, теперь собираюсь нанимать ее въ няньки къ своимъ маловоспитаннымъ племянникамъ, да еще на такихъ мизерныхъ условіяхъ.“ Наталья Александровна замѣтила мое замѣшательство. Оно сообщилось и ей. Но она тотчасъ же овладѣла собой и проговорила сухимъ, дѣловымъ тономъ:

— Госпожа Пфейферъ передала мнѣ условія вашего брата. Я принимаю ихъ. Они для меня подходящи. При этомъ словѣ: „подходящи“, легкая усмѣшка промелькнула по лицу Волынцевой — Что же касается того обстоятельства, что вашъ братъ желаетъ имѣть бонной Нѣмку, то мнѣ кажется, что я могла бы замѣнить эту послѣднюю, такъ какъ вполнѣ свободно владѣю нѣмецкимъ языкомъ.

Она посмотрѣла на меня, ожидая моего отвѣта. Ко мнѣ вдругъ вернулся даръ слова.

— Такъ вы, дѣйствительно, рѣшитесь взять... это мѣсто? проговорилъ я со смущеніемъ.

— Почему же мнѣ не взять его? съ тою же усмѣшкой отвѣчала Волынцева.

— Но мнѣ кажется, Наталья Александровна... простите меня, но оно для васъ не подходяще, съ вашимъ образованіемъ, воспитаніемъ... Наконецъ, мой братъ ставитъ не вѣсть какія условія· няньчить дѣтей, стирать...

И я внутренно посылаю по адресу брата самыя нелегкія пожеланія.

— Что же, буду няньчить дѣтей, буду стирать, снова подтвердила Волынцева.

Ея безстрастный тонъ поразилъ меня. „Боже мой, подумалъ я,—что должна была пережить эта дѣвушка, чтобы съ такимъ спокойствіемъ, такъ безучастно относиться къ собственной судьбѣ?“ Я взглянулъ на нее. Нѣтъ, она относилась не безучастно. Это спокойствіе было напускное. Она только хорошо владѣла собой.

Ея лицо было особенно блѣдно. Тонкія ноздри слегка вздрагивали, губы кривились въ насмѣшливую улыбку, а холодные глаза хотя смотрѣли безстрастно, но вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно, какъ будто хотѣли глубоко затаить то, что̀ мучительно шевелилось въ душѣ. Она, видимо, страдала.

— Наталья Александровна, голубушка! вырвалось у меня невольно.

При этомъ словѣ „голубушка" слабый румянецъ вспыхнулъ на блѣдномъ лицѣ Волынцевой. Она быстрымъ движеніемъ наклонила голову къ столу и принялась чертить по немъ своими бѣлыми, прозрачными пальцами. Эти пальцы дрожали. Мое восклицаніе обидѣло ее, быть-можетъ, оскорбило.

— Ради Бога, простите, Наталья Александровна, проговорилъ я.—Но я считаю себя старымъ другомъ вашей семьи. Я такъ сочувствую вамъ. Все, что̀ я слышу теперь отъ васъ, меня глубоко огорчаетъ. Мнѣ больно за васъ, повѣрьте мнѣ.

Вѣроятно, искренній, задушевный тонъ моихъ словъ тронулъ Волынцеву.

— Я вамъ вѣрю и благодарю васъ за участіе, произнесла она медленно, вдумчиво, словно взвѣшивая свои слова.—Вы знавали меня прежде и при такихъ условіяхъ, когда такая перспектива, какъ это мѣсто бонны, казалась невозможною для меня. Но чего не бываетъ на свѣтѣ! Обстоятельства такъ сложились теперь, что я вынуждена взять предлагаемое вами мѣсто.

— Но ваши занятія прежде были, вѣроятно, иныя?

— Вы желаете знать, какого рода были мои занятія до сихъ поръ? спросила Волынцева.—Пе-да-го-ги-ческія. Она презрительно протянула послѣднее слово.—Впрочемъ, я занималась одно время и на телеграфѣ, но эта должность съ ея ночными дежурствами оказалась мнѣ не подъ силу. Я должна была оставить ее. Что же касается педагогики, то я пришла къ убѣжденію, что жить исключительно одними уроками стало немыслимо. Въ настоящее время такъ много лицъ, желающихъ давать уроки, плата за уроки сдѣлалась такъ ничтожна... Я не вижу для себя иного исхода, какъ взять частное мѣсто, идти въ домъ.

— Это, мнѣ кажется, труднѣе всего, замѣтилъ я.

— Что̀ дѣлать? Прежде я бы не рѣшилась: мысль объ отцѣ...

— Вашъ батюшка...

— Онъ умеръ, отвѣчала Волынцева,—нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Она замолчала, словно подавленная тяжелымъ

воспоминаніемъ.—Онъ часто хворалъ, продолжала она потомъ дрожащимъ голосомъ,—онъ никакъ не могъ примириться съ перемѣной, происшедшею въ нашемъ положеніи, съ нашимъ разореньемъ. Это убило его.

Она сжала свои тонкія брови, какъ бы подавляя внутреннюю боль, поднявшіяся слезы.

— Боже мой, и когда я подумаю, что онъ могъ умереть безъ меня! Я пріѣхала въ Москву къ его послѣднимъ минутамъ.

— Вы были въ отсутствіи въ то время? спросилъ я.

— Да, я была въ N***.

И Наталья Александровна назвала тотъ городъ, гдѣ я случайно увидалъ ее на сценѣ театра.

— Я имѣлъ удовольствіе видѣть васъ въ N***, сказалъ я.

Волынцева быстро и пытливо взглянула на меня.

— Вы меня видѣли, гдѣ? произнесла она съ оттѣнкомъ безпокойства въ голосѣ.

— Въ театрѣ, на сценѣ, отвѣчалъ я.

Лицо ея вспыхнуло и выразило тягостное, суровое замѣшательство. Очевидно это напоминаніе было ей крайне непріятно.

— Этотъ дебютъ былъ актомъ отчаянія съ моей стороны, проговорила она съ поспѣшностью, словно въ чемъ-то оправдываясь.—Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ мною въ напрасныхъ поискахъ за уроками, безо всякихъ средствъ къ существованію, съ больнымъ отцомъ на рукахъ, я рѣшилась на этотъ шагъ только ради отца. Болѣзнь его доктора находили хронической. Она могла продлиться годы. Я рѣшилась дебютировать и въ случаѣ удачи имѣла намѣреніе подписать ангажементъ и переѣхать съ отцомъ въ городъ N***. Но вышло иначе: тотчасъ послѣ моего перваго дебюта я получила изъ Москвы извѣстіе, что отцу стало хуже и поспѣшила вернуться къ нему.

— И не имѣете намѣренія снова поступить на сцену?

— О, нѣтъ, быстро отвѣчала молодая дѣвушка, и щеки ея снова зажглись румянцемъ.—Я могла рѣшиться на этотъ шагъ, какъ на жертву ради человѣка мнѣ близкаго и дорогаго. Но быть актрисой... о, нѣтъ! произнесла она съ нескрываемымъ отвращеніемъ.—Нѣтъ, никогда! Я предпочту всякое мѣсто, мѣсто бонны, которое вы мнѣ предлагаете, предпочту все, только не сцену, не званіе актрисы — это вѣчное несмываемое клеймо. И она прижала руки къ лицу, какъ будто почувствовала на немъ прикосновеніе этого клейма.

„Да, она права. Карьера актрисы не для нея", невольно подумалъ я, глядя на строгую, горделивую осанку молодой дѣвушки. Она никогда не примирилась бы съ темною закулисною стороной театральной жизни, съ ея мелкими и пошлыми интригами. Я перемѣнилъ разговоръ, чтобъ отвлечь Наталью Александровну отъ взволновавшихъ ее мыслей. Я напомнилъ ей о нашей первой встрѣчѣ съ нею въ вагонѣ желѣзной дороги, шесть лѣтъ тому назадъ.

— Съ тѣхъ поръ мнѣ нѣсколько разъ случалось встрѣчаться съ вами и совершенно неожиданно, то здѣсь, то тамъ...

— И вы подумали въ концѣ концовъ, что я обратилась въ настоящаго странствующаго жида.

— Нѣтъ, эта мысль не приходила мнѣ въ голову.

— А мнѣ очень часто. Я чувствую себя въ положеніи Агасфера—вѣчнаго жида, котораго судьба бросаетъ изъ стороны въ сторону, а онъ долженъ идти, идти, не видя предъ собой цѣли, не имѣя надежды когда-нибудь найти себѣ пристанище. Вотъ скоро шесть лѣтъ, какъ я выступила на это, такъ-называемое, самостоятельное поприще женскаго труда, а между тѣмъ до сихъ поръ мнѣ не удалось прочно основаться, найти для себя постоянную, разумную дѣятельность. Можетъ-быть, въ этомъ моя вина. Но мнѣ вообще кажется, что этотъ скитальческій элементъ въ большинствѣ случаевъ—необходимая принадлежность женской дѣятельности, я разумѣю, педагогической.

Наталья Александровна говорила съ возбужденіемъ, которое напрасно старалась скрыть.

— Впрочемъ, прибавила она съ полупечальною, полунасмѣшливою улыбкой, — эти разсужденія такъ неутѣшительны и такъ мало интересны, что лучше ихъ не касаться. Обращусь къ нашему дѣлу. Если вы лично ничего не имѣете противъ моего рѣшенія, то передайте, пожалуста, вашему брату, что я согласна поступить къ нему въ домъ на предложенныхъ имъ условіяхъ, а затѣмъ я попрошу васъ сообщить мнѣ его отвѣтъ.

И она поднялась со своего мѣста, желая положить конецъ нашему разговору. Какъ ни было во мнѣ сильно желаніе продлить это хотя и грустное, но давно желанное для меня свиданіе, я тоже долженъ былъ встать со своего мѣста и сказать послѣднее слово относительно своего дѣла.

— Въ согласіи брата вы можете быть увѣрены, Наталья Александровна. Но позвольте мнѣ говорить не въ его интересахъ,

а въ вашихъ собственныхъ. Мнѣ кажется, вамъ необходимо подумать хорошенько прежде, чѣмъ принять эти условія. Они далеко не завидныя, а для васъ прямо невозможны. Вамъ можетъ представиться мѣсто хорошее, подходящее и въ смыслѣ гонорара, и въ смыслѣ занятій.

— А пока не представилось это мѣсто, сидѣть здѣсь, въ этихъ стѣнахъ! проговорила молодая дѣвушка какъ бы противъ воли.

Я оглянулся кругомъ. Эта маленькая, грязная коморка, въ которой мы находились, темный корридорчикъ, визгливые голоса Нѣмокъ, долетавшіе изъ другой грязной коморки—все это показалось мнѣ теперь еще противнѣе, чѣмъ въ первую минуту. Я съ ужасомъ подумалъ о тѣхъ лишеніяхъ, какія должна была испытывать бѣдная дѣвушка, живя въ такихъ условіяхъ, при такой обстановкѣ.

— Впрочемъ, все относительно, замѣтила Волынцева.—Вы удивитесь, если я вамъ скажу, что три мѣсяца тому назадъ я была счастлива, найдя это помѣщеніе. Лишившись уроковъ, я оказалась въ безвыходномъ положеніи и была безконечно благодарна мадамъ Пфейферъ за то, что она, вопреки своему правилу брать исключительно однѣхъ иностранокъ, дала мнѣ у себя убѣжище. Вы видите отсюда эту маленькую комнатку? Въ ней всего шесть аршинъ длины и столько же ширины. Между тѣмъ, тамъ помѣщаются десять представительницъ женскаго труда, а я одиннадцатая. Впрочемъ, можетъ-быть, эта маленькая иллюстрація изъ области женской педагогической дѣятельности вамъ покажется мало интересною...

— Ахъ, все это ужасно, ужасно! воскликнулъ я.—Жить въ такой тѣснотѣ! Чего только стóитъ вамъ видѣть предъ собой этихъ Нѣмокъ. Чтò это за народъ, Боже мой! Чтò за лица!

— Пожалуста, не критикуйте такъ моихъ сотоварóкъ! возразила Волынцева.—Я, напротивъ, усердно занимаюсь ихъ изученіемъ, такъ какъ это мой портретъ въ недалекомъ будущемъ.

— Кто, это Нѣмки?

— Да, васъ удивляетъ это? Но я увѣрена, что пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и я сдѣлаюсь похожа на нихъ, какъ двѣ капли воды.

Я взглянулъ на молодую дѣвушку и, мысленно сопоставивъ съ нею фигуры только-что видѣнныхъ мною боннъ, не могъ удержаться отъ улыбки.

— Вы смѣетесь. Не вѣрите? Право такъ. Мнѣ кажется, я уже теперь стала походить на нихъ.

И она сама невольно разсмѣялась. Но въ ея смѣхѣ слышалась грусть.

— Фрейлейнъ-Волпнзевъ! раздался въ эту минуту изъ корридорчика голосъ мадамъ Пфейферъ.—Васъ тутъ кто-нибудь спросиль. Можетъ ви приходить сюда на одинъ минутъ?

— Я задерживаю васъ, Наталья Александровна, проговорилъ я.—Относительно нашего дѣла могу я надѣяться, что вы подумаете, прежде чѣмъ согласиться?

— Да, я подумаю, отвѣчала она,—и завтра дамъ вамъ отвѣтъ. Если можно, зайдите, пожалуста, завтра. Въ это время я всегда бываю дома, то-есть здѣсь. И она, слегка прищурившись, презрительнымъ взглядомъ указала по направленію той комнатки, откуда доносились голоса Нѣмокъ. Это приглашеніе Натальи Александровны придти опять меня чрезвычайно обрадовало и, откланявшись, я вышелъ изъ комнаты.

Я не помнилъ, какъ оставилъ заведеніе госпожи Пфейферъ и пришелъ къ себѣ домой. Всѣ мои мысли были сосредоточены на одномъ: на моемъ неожиданномъ свиданіи съ Волынцевой и разговорѣ съ нею. Несчастное положеніе молодой дѣвушки возбуждало во мнѣ глубокое къ ней сочувствіе. Я винилъ судьбу, такъ неравномѣрно распредѣляющую свои блага. „Съ такою красотой, думалъ я, съ такимъ умомъ, способностями, образованіемъ, — и какая жалкая доля!“ Я рѣшилъ, что ни за что̀ не допущу ее взять мѣсто бонны, которое предлагалъ братъ. Я не могъ ее представить себѣ, исполняющую ту грязную и тяжелую работу, которую на нее хотѣли возложить, да къ тому же за такое ничтожное вознагражденіе. Нѣтъ, нѣтъ, ни за что̀ не допущу ее до этого. Это была бы эксплуатація съ моей стороны. И я началъ строить разныя предположенія, вслѣдствіе которыхъ жизнь молодой дѣвушки могла бы измѣниться къ лучшему. Я мысленно давалъ ей всевозможные совѣты, предлагалъ то одно, то другое занятіе, которое упрочивало ей самостоятельное существованіе. Но чѣмъ болѣе строилъ я такіе планы, тѣмъ менѣе они мнѣ казались выполнимы. Неужели же ей не предстоитъ ничего больше, какъ это скитанье по чужимъ угламъ? „Вѣчное странствіе... Агасферъ“, вспомнились мнѣ ея слова. Послѣ долгихъ и мучительныхъ размышленій я пришелъ къ заключенію, что только замужество могло быть наилучшимъ исходомъ въ ея положеніи;

разумѣется, замужество съ человѣкомъ порядочнымъ. Этого порядочнаго человѣка, сознаюсь, я искалъ не долго. Но, поразмысливъ еще немного, отбросилъ и эту мысль. „Нѣтъ, не о такой судьбѣ можетъ мечтать эта дѣвушка“, невольно думалъ я. И мнѣ живо представилось прекрасное, строгое лицо, горделиво сжатыя губы, которыя такъ легко складывались въ презрительную усмѣшку. Да, эта усмѣшка навѣрное появилась бы на этомъ лицѣ, едва я заикнулся бы о моемъ предложеніи, намекнулъ о своихъ чувствахъ. Тѣмъ не менѣе, на другой день я съ большимъ нетерпѣніемъ сталъ ожидать часъ, назначенный мнѣ Натальей Александровной, и не безъ волненія направился опять къ заведенію госпожи Пфейферт. Долго не рѣшался я отворить дверь той комнаты, гдѣ наканунѣ я бесѣдовалъ съ молодою дѣвушкой. Дверь наконецъ отворилась сама собой, и на порогѣ ея появилась сама... г-жа Пфейферъ.

— Это ви, мосье? проговорила эта во всѣхъ отношеніяхъ почтенная, но не желанная особа. — Фрейлейнъ Волинзевъ поручаль мнѣ передавать вамъ вотъ это. И она подала мнѣ маленькую визитную карточку. На ней крупнымъ славянскимъ шрифтомъ стояло: Наталья Александровна Волынцева. А внизу торопливымъ, но тонкимъ, красивымъ почеркомъ было приписано: „благодаритъ Ивана Ивановича за участіе“. Я вопросительно посмотрѣлъ на подательницу карточки.

— Гдѣ же сама Наталья Александровна Волынцева? спросилъ я.

— Фрейлейнъ Волинзевъ уѣзжаль, объявила мадамъ Пфейферъ.—Она не успѣваль вамъ все написать. Фрейлейнъ Волинзевъ взяль мѣстъ у своихъ богатій родственникъ, которій вчера за нимъ пріѣзжаль и уѣхаль зъ нимъ.

— Мѣсто у родственника? Какого рода мѣсто? Почему такъ скоро? Она хотѣла дать мнѣ сегодня отвѣтъ, проговорилъ я растерянно, упавшимъ голосомъ.

— Мѣстъ у своей ошенъ богатій родственникъ, повторила Нѣмка,—мѣстъ гувернантъ къ ошенъ молоденкой фрейлейнъ. Нуженъ биль сейшасъ гувернантъ, и фрейлейнъ Волинзевъ сейшасъ собирался въ одинъ минутъ и зъ ними уѣзжаль. Она просиль передавать вамъ поклонъ и просиль передавать своя извиненья.

— Куда же она поѣхала съ этими родственниками? спросилъ я съ уныніемъ, вертя въ рукѣ полученную карточку.

— Навѣрное не могу вамъ говорить, отвѣчала госпожа Пфейферъ,—кажется за границъ, кажется въ Москва.

— Скажите, по крайней мѣрѣ, какъ фамилія этихъ родственниковъ?

— Навѣрное не могу вамъ говорить...

— Отчего же вы не спросили? съ нетерпѣніемъ перебилъ я.

— Никакъ не можно било узнавайть: такой важній бариня пріѣзжаль, такой грандамъ, такой строгій. И мадамъ Пфейферъ изобразила на лицѣ своемъ нѣкоторую важность и строгость.

— Вы говорили, что пріѣзжалъ мужчина родственникъ?

— Я не говориль—мущинъ. Пріѣзжаль дамъ. Я говориль: дамъ.

Я почувствовалъ облегченіе. Мнѣ почему-то была непріятна мысль, что Наталья Александровна уѣхала съ какимъ-то родственникомъ или живетъ съ нимъ гдѣ-нибудь здѣсь, въ Москвѣ. Что̀ за несносная эта Нѣмка! Ничего не могла узнать. Съ минуту я постоялъ молча предъ своею собесѣдницей, потомъ машинально опустилъ въ карманъ руку, въ которой держалъ карточку и, примирившись съ мыслію, что ничего не узнаю здѣсь, направился къ выходу. Но уныніе овладѣло мной съ новою силой, когда я вернулся назадъ въ свою квартиру. Увижу ли я когда-нибудь Волынцеву? Буду ли я имѣть возможность когда-нибудь высказать ей мои робкія надежды, мое глубокое чувство къ ней? Потомъ мнѣ опять съ необыкновенною ясностью представилось, какимъ негодованіемъ загорѣлись бы прекрасные глаза молодой дѣвушки при моемъ неожиданномъ признаніи, какъ вспыхнуло бы ея лицо, какъ надменно сжались бы ея тонкія, красивыя брови; въ моихъ ушахъ ясно прозвучалъ ея полный презрѣнія отказъ.—Да, мое намѣреніе было безумно, рѣшилъ я. Но, несмотря на такое рѣшеніе, я многіе и многіе дни употребилъ на то, чтобъ открыть мѣстопребываніе Волынцевой. Поиски мои, къ величайшему моему сожалѣнію, не увѣнчались успѣхомъ, и я принужденъ былъ ихъ прекратить. На меня напала хандра. Мнѣ не хотѣлось оставлять Москву. Мнѣ почему-то казалось, что если мнѣ суждено снова увидѣть Наталью Александровну, то это случится именно здѣсь, въ Москвѣ. Что касается порученія моего брата, я все-таки его исполнилъ и для этой цѣли еще разъ посѣтилъ госпожу Пфейферъ. Я выбралъ самую страшную изо всѣхъ имѣвшихся у нея Нѣмокъ, а именно фрау Шторхъ, и послалъ ее брату. Правда, она одна только и согласилась на предложенныя мной условія.

Въ скоромъ времени братъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жестоко упрекалъ меня за сдѣланный выборъ. Но мое душевное состояніе было таково, что я остался совершенно нечувствителенъ и глухъ къ его упрекамъ. Лѣтомъ я не поѣхалъ къ себѣ въ деревню, а остался въ Москвѣ. Я провелъ въ ней также и осень, и всю зиму. Братъ неоднократно убѣждалъ меня въ письмахъ пріѣхать къ нему и никакъ не могъ объяснить себѣ причину моего долгаго отсутствія. Я упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи не покидать Москвы. Увидѣть Волынцеву сдѣлалось для меня единственною мечтой. Мнѣ все казалось, что я потеряю послѣднюю возможность встрѣтиться съ нею, если выѣду изъ Москвы. Что-то говорило мнѣ, что я увижусь съ нею именно здѣсь.

V.

Наступила весна. Однажды. идя по улицѣ, я повстрѣчался съ однимъ изъ моихъ бывшихъ товарищей по университету.

— Снигиревъ, ты ли это? воскликнулъ онъ.

— Воробьевъ, какими судьбами?

И мы обнялись.

— А я не вдругъ тебя призналъ, — ты перемѣнился, похудѣлъ, ужь не успѣлъ ли нажить себѣ катарръ какой-нибудь? спросилъ мой товарищъ. Онъ былъ медикъ.

Я слегка смутился и отвѣчалъ отрицательно.

— Слышалъ я, будто ты службу бросилъ, помѣщикомъ сдѣлался, продолжалъ Воробьевъ.

— Да, досталось мнѣ небольшое имѣньице. А ты какими судьбами здѣсь?

— Служба, братецъ. Я здѣсь въ Москвѣ мѣсто получилъ при больницѣ. Хочу на лѣто отпускъ взять. Тогда вези меня къ себѣ въ деревню,—охота тебѣ здѣсь киснуть въ городѣ, когда есть свое имѣніе.

Я отвѣчалъ уклончиво и сталъ разспрашивать о его занятіяхъ въ больницѣ. Мы вскорѣ подошли къ этой послѣдней, и онъ предложилъ мнѣ зайти вмѣстѣ съ нимъ, на что̀ я и согласился. Мы уединились въ дежурной комнатѣ и, закуривъ папиросы, продолжали бесѣду. Разговоръ нашъ вскорѣ былъ прерванъ появленіемъ маленькой, кругленькой женщины.

— Петръ Ивановичъ, обратилась она къ Воробьеву, — больная № 8-й проситъ льду; очень мечется: жаръ.

— Я сказалъ вамъ, не давать, отвѣчалъ Воробьевъ, и лицо его тотчасъ приняло строго-докторское выраженіе.

Женщина направилась, было, къ двери, но опять возвратилась.

— Больная проситъ, нерѣшительно проговорила она, — перевести ее изъ общей въ отдѣльную палату.

— Гдѣ я найду для нея отдѣльную палату? съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Воробьевъ,—ступайте, скажите ей, что нѣтъ отдѣльныхъ палатъ: всѣ заняты. Да смотрите, ни подъ какимъ видомъ не давать ей льду, прибавилъ онъ вслѣдъ уходившей.

— Вотъ, съ досадой обратился онъ ко мнѣ,—ладу нѣтъ мнѣ съ этою сидѣлкой; то и дѣло выпрашиваетъ разныя льготы для своей больной. Лѣчить мѣшаетъ. Я хочу тутъ вылѣчить одну трудно больную.

— А ты по выбору лѣчишь? спросилъ я.

Онъ улыбнулся.

— Паціентка-то очень интересная, пояснилъ онъ,—и такая, братецъ мой, красавица, что я и не видывалъ такой.

— Что̀ же съ ней, съ этою красавицей? Чѣмъ она больна?

— Да, какъ тебѣ сказать? Всѣмъ больна; полное истощеніе организма. А тутъ еще простуду схватила, которая, того гляди, перейдетъ въ чахотку, и нервы не въ порядкѣ. Словомъ, все приходится подклеивать. Нашелъ-то я ее, когда болѣзнь сильно разыгралась. Приходитъ ко мнѣ на квартиру прислуга изъ какихъ-то нумеровъ и ведетъ къ ней. Отправляюсь. Обстановку нахожу ужасную: въ нумерѣ сырость, темнота, холодъ, и лежитъ эта больная одна безо всякой помощи, безъ ухода. Съ первыхъ же словъ объявляетъ мнѣ, что лѣчиться не будетъ, такъ какъ не имѣетъ для этого средствъ и что прислуга пригласила меня къ ней противъ ея желанія. Насилу уговорилъ ее переѣхать въ больницу и начать лѣченіе, сказавъ, что здѣсь лѣчатъ даромъ. Вотъ она и лежитъ здѣсь у насъ подъ № 8-мъ.

— Какъ фамилія этой больной? спросилъ я. У меня вдругъ шевельнулось въ душѣ какое-то тяжелое предчувствіе.

— Фамилія? Вотъ ужь и не помню, отвѣчалъ Воробьевъ, — мы больше по имени зовемъ больныхъ.

— Въ такомъ случаѣ, ея имя?

— Наталья Александровна.

Я схватилъ его за руку.

— Ея фамилія не Волынцева ли? спросилъ я его съ страстнымъ желаніемъ услыхать другую, не знакомую мнѣ фамилію.

— Да, кажется, такъ.

Сердце во мнѣ упало.

— Ты развѣ знакомъ съ ней? спросилъ мой товарищъ.

— Веди меня къ ней! проговорилъ я вмѣсто отвѣта.

— Теперь, братецъ, нельзя. Сейчасъ будетъ обходъ. Главный докторъ пріѣдетъ. Теперь никакъ нельзя.

— На минуту, только на минуту, пока докторъ не пріѣхалъ.

— Да съ ней и говорить нельзя: у нея жаръ, она забывается.

— Я не буду говорить. Мнѣ только посмотрѣть на нее, хотя издали. „Можетъ-быть, окажется, что это не она", старался я между тѣмъ успокоить себя.

— Ну, что съ тобой дѣлать? Пойдемъ, согласился наконецъ Воробьевъ. Мы пошли по корридору и остановились у входа въ одну изъ женскихъ палатъ. Двери палаты были открыты, и моему взору представились ряды симметрично разставленныхъ кроватей съ лежащими на нихъ фигурами больныхъ.

— Вотъ она! шепнулъ мнѣ товарищъ, движеніемъ головы указывая на первую отъ двери постель.—Я взглянулъ на больную, лежавшую на ней, и тотчасъ узналъ въ ней Волынцеву. Она лежала навзничь, смотря куда-то въ даль широко раскрытыми горящими глазами. Въ этихъ глазахъ не было видно сознанія. На щекахъ ея игралъ лихорадочный румянецъ. И съ этимъ румянцемъ въ лицѣ, съ темными прядями разметавшихся волосъ, которые волной падали на ея плечи и грудь она была поразительно хороша, но въ ея красотѣ было что-то такое, что заставило меня содрогнуться. „Она умретъ", сказалъ я себѣ и, готовый упасть, прислонился къ притолокѣ двери.

— Ну, идемъ, проговорилъ мой спутникъ, дергая меня за рукавъ, и направился снова въ дежурную.

Я машинально послѣдовалъ за нимъ.

— Ну, что жь, это и есть твоя знакомая? спросилъ Воробьевъ, когда мы остались одни:—разсказывай, кто она такая. Но взглянувъ на меня, прибавилъ:

— Однако, тебѣ, кажется, не до разсказовъ, нá вотъ, выпей.

И онъ подалъ мнѣ стаканъ воды. Черезъ нѣсколько минутъ, немного успокоившись, я разсказалъ ему все, что зналъ о Волынцевой.

— Ты не можешь себѣ представить, какъ она мнѣ жалка, какъ жалка, сказалъ я, едва удерживая слезы.

— Ничего, ничего, братецъ, полѣчимъ. Можетъ-быть, и вылѣчимъ, успокоительно проговорилъ Воробьевъ, слегка трепля меня по плечу.

— Нѣтъ, скажи мнѣ серьезно. Какъ ты находишь ея положеніе? Можетъ она выздоровѣть? спросилъ я.

Онъ съ минуту подумалъ.

— Ручаться нельзя, проговорилъ онъ наконецъ,—но и отчаиваться не слѣдъ. Вообще говоря, она принадлежитъ къ тому разряду больныхъ, которыми я наименѣе люблю заниматься, для которыхъ не лѣченіе всего важнѣе, а гигіена, которымъ бы слѣдовало предписывать здоровую пищу, хорошее помѣщеніе, побольше отдыха, поменьше занятій и такъ далѣе. Все это, конечно, легко предписывать, но возможно ли исполнить на самомъ дѣлѣ? Вотъ вопросъ. Положимъ, твоя знакомая поправится, выпишется изъ больницы; будетъ ли для нея возможность слѣдовать потомъ моимъ предписаніямъ?

— Только бы выздоровѣла, отвѣчалъ я.—Я бы постарался тогда найти для нея мѣсто, и такое, гдѣ бы занятія были не утомительны для нея и она могла бы вполнѣ поправиться.

Воробьевъ съ сомнѣніемъ покачалъ головой.

— Охъ, ужь эти мнѣ трудящіяся барышни! продолжалъ онъ.—Не мало приходилось мнѣ имѣть съ ними дѣло: самый неподатливый народъ для лѣченія. Бѣгаетъ это какая-нибудь по урокамъ каждый день изъ одного конца города въ другой, во всякую погоду. Занятій у нея по восьми, десяти часовъ въ день, а сидитъ на плохомъ столѣ изъ какой-нибудь скверной кухмистерской; что жь мудренаго, что черезъ три, четыре года такой жизни, глядишь, и разстройство нервовъ, и катарръ желудка, и малокровіе наживетъ. А ты поди, поправляй все это! Легкое ли дѣло, когда весь организмъ расшатанъ, истощенъ! Жалость беретъ смотрѣть на эту молодежь. Положимъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ судьба измѣнится, выйдутъ, положимъ, замужъ. Какое поколѣніе онѣ намъ дадутъ? Какихъ дѣтей произведутъ на свѣтъ эти истощенныя трудомъ и нуждой женщины?

Мой товарищъ былъ, повидимому, расположенъ долго еще говорить въ этомъ родѣ, но я перебилъ его.

— Объ одномъ попрошу тебя: устрой такъ, чтобы Наталья Александровна ни въ чемъ не нуждалась, чтобъ ей было

покойно, удобно. Она, кажется, желала перейти въ отдѣльную палату. Не найдется ли свободной?

— Есть, да только плата велика: семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ.

— Я за все заплачу. Только, Бога ради, не говори ей объ этомъ. Увѣрь ее, что перемѣщеніе предписано главнымъ докторомъ и что за это ничего не платятъ.

— Хорошо, хорошо, все сдѣлаю.

— Могу я придти навѣстить ее?

— Конечно.

Въ эту минуту раздался звонокъ, возвѣстившій о пріѣздѣ старшаго врача, и мы разстались.

— Приходи завтра,—завтра пріемный день, прокричалъ мнѣ вслѣдъ Воробьевъ.

На другое утро я отправился въ больницу.

— Ну, что̀ Наталья Александровна? спросилъ я товарища, повстрѣчавшагося со мной на лѣстницѣ.

— Все тоже. Впрочемъ, нѣтъ. Сегодня будто немного хуже, отвѣчалъ онъ, не глядя на меня и отворачиваясь въ сторону.— Вчера я перевелъ ее въ отдѣльную палату, какъ ты просилъ меня, и предупредилъ о твоемъ приходѣ. Ступай къ ней.

И онъ сказалъ мнѣ, какъ къ ней пройти.

Я хотѣлъ подробнѣе разспросить его о томъ, какъ чувствовала себя сегодня больная, но онъ махнулъ рукой, заторопился, сказалъ, что ему некогда и прошелъ дальше.

„Ей плохо. Онъ не хочетъ сказать мнѣ правду“, подумалъ я, и съ стѣсненнымъ сердцемъ направился къ той палатѣ, гдѣ находилась Волынцева. Я постучался въ дверь. „Войдите!“ послышался голосъ изъ комнаты.

— Очень рада... спасибо вамъ, что зашли, проговорила больная, какъ только я вошелъ и, протянувъ руку, указала мнѣ на стулъ, стоявшій возлѣ постели. Голосъ ея былъ какой-то металлическій, звонкій.

„Совсѣмъ не ея голосъ“, подумалъ я, и робко взглянулъ ей въ лицо, боясь еще разъ увидать въ немъ ту страшную перемѣну, которая наканунѣ бросилась мнѣ въ глаза. Въ лицѣ ея не было, однако, того возбужденія, которое я замѣтилъ вчера. Глаза не горѣли лихорадочнымъ блескомъ. На щекахъ не было видно румянца. Напротивъ, лицо ея было блѣдно и спокойно. Но это спокойствіе показалось мнѣ еще страшнѣе, нежели

вчерашнее возбужденіе. Широко раскрытые, словно увеличившіеся глаза смотрѣли остро и напряженно, и взглядъ этихъ настойчивыхъ, словно вопрошающихъ, глазъ смутилъ меня. Я хотѣлъ заговорить въ томъ принужденно шутливомъ тонѣ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ больнымъ, но мнѣ совсѣмъ не удалось это.

— Не хорошо, не хорошо, Наталья Александровна: стыдно такъ хворать въ ваши годы, проговорилъ я, но мой голосъ вдругъ задрожалъ и оборвался.

Наталья Александровна съ грустью посмотрѣла на меня и этимъ взглядомъ какъ-будто отвѣтила на мою тайную мысль, на мое тайное опасеніе.

— Это продлится не долго, проговорила она.

— О чемъ, что̀ вы говорите? воскликнулъ я.

— Что мнѣ уже не выйти отсюда, отвѣчала больная.

— Что̀ вы, что̀ вы! Какъ можно такъ говорить? Вы молоды. Вся жизнь еще для васъ впереди, возразилъ я съ поспѣшностью, стараясь скрыть овладѣвшее мною волненіе.

Она отрицательно покачала головой.

— Жизнь, повторила она,—я уже давно перестала понимать это слово въ его настоящемъ значеніи. Эти послѣдніе годы моей жизни я существовала только, прозябала, а не жила.

Она помолчала съ минуту.

— Если жить для существа разумнаго, значитъ находить хотя какую-нибудь связь между внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ, то-есть вседневною дѣйствительностью, то для меня эта связь нарушилась давно и безвозвратно.

Она проговорила это спокойно, но въ этомъ спокойствіи слышалось отчаяніе, чувствовался цѣлый міръ погибшихъ надеждъ, молодыхъ безвозвратно утраченныхъ грезъ, горячихъ стремленій, подавленныхъ гнетомъ суровой, неумолимой дѣйствительности.

— Но какъ быть? Что̀ дѣлать? продолжалъ я съ возрастающимъ волненіемъ.—Желать смерти грѣшно. Какъ ни тяжко, а нужно, должно жить...

— Жить, то-есть быть телеграфисткой, бонной, гувернанткой, актрисой... въ голосѣ больной послышалось раздраженіе.— Эти вопросы для меня уже исчерпаны. Ихъ достаточно выпало на мою долю. Все болѣе или менѣе испробовано, испытано, и я оказалась ни къ чему не пригодною. Нѣсколькихъ лѣтъ этой пробы было достаточно, чтобъ истощить мои физическія и нрав-

ственныя силы и лишить даже желанія жить. Прежде, когда-то я была только Наталья Александровна Волынцева, молодая, довольная, счастливая, жившая въ родной семьѣ, въ той средѣ, въ которой родилась, любимая и любящая, которой жизнь улыбалась и обѣщала такъ много. Но судьба захотѣла сдѣлать изъ меня что-то другое, мнѣ чуждое и несвойственное. Сдѣлать это она не могла. Она могла только убить во мнѣ ту прежнюю, которая жила во мнѣ,—свободную и гордую, протестующую противъ насилія, противъ гнета обстоятельствъ, и убила ее. А эта, которую вы видите теперь предъ собой, эта—тѣнь прежней. Мнѣ ея не жаль.

Съ невыразимою грустью слушалъ я молодую дѣвушку.

— У васъ родные, Наталья Александровна, тихо произнесъ я, подавляя слезы,—подумайте, какъ имъ будетъ тяжело потерять васъ.

— Этотъ годъ я жила у родныхъ, отвѣчала она.—Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ разорился и мы обѣднялп, наши родственники стали отъ насъ отстраняться и даже совсѣмъ забыли. Эти, о которыхъ я говорю, вспомнили обо мнѣ тогда, когда имъ понадобилась гувернантка и при томъ дешевая. Когда же черезъ годъ спустя мои услуги оказались не нужны имъ, они мнѣ отказали, и все было опять кончено между нами. Что имъ за дѣло до какой-то несчастной родственницы, которая тамъ гдѣ-то бѣгаетъ по урокамъ, зарабатывая гроши? Близость съ нею не можетъ принести много чести людямъ богатымъ и знатнымъ. Нѣтъ, я умираю одна, покинутая, оставленная. У меня нѣтъ родныхъ, мысль о которыхъ могла бы привязывать меня къ жизни.

Въ словахъ больной слышалось оскорбленіе и горечь, которыя она напрасно старалась скрыть. Страшная жалость охватила мое сердце. Я хотѣлъ сказать этой бѣдной, покинутой дѣвушкѣ, что она не была забыта всѣми, какъ думала, что на свѣтѣ былъ одинъ человѣкъ, который глубоко сострадалъ ей, постоянно слѣдя съ безпокойнымъ и горячимъ участіемъ за всѣми превратностями ея тяжелой судьбы и который въ настоящую минуту готовъ сдѣлать все на свѣтѣ, чтобы только вернуть ее къ жизни, улучшить ея положеніе. Я хотѣлъ это сказать, но побоялся выдать мое настоящее къ ней чувство. Я взглянулъ еще разъ на изможденное, изстрадавшееся, но все еще горделиво прекрасное лицо, лежавшее предо мной на этомъ ложѣ страданія и, быть-можетъ, близкой смерти, и не сказалъ ничего. Въ эту

минуту, такъ же, какъ и годъ назадъ, я чувствовалъ, что мое признаніе могло причинить оскорбленіе, что предо мной была все та же Наталья Александровна Волынцева, для которой выраженіе моей любви къ ней могло быть только лишнею каплей въ той чашѣ униженія, которую ей приходилось испить. Я молчалъ, употребляя всѣ усилія, чтобы сдерживать накипавшія въ груди слезы.

— Не жалѣйте обо мнѣ, продолжала между тѣмъ больная,—и не желайте для меня продленія этой жизни. Вотъ вы смотрите теперь на меня и думаете: бѣдная! Въ какомъ она ужасномъ положеніи: одна, въ больницѣ! А между тѣмъ, если я выздоровлю, мое положеніе будетъ несравненно ужаснѣе. Я не могу выздоровѣть совершенно. Мои силы надорваны. Куда я дѣнусь? Куда я пойду? Я какъ-то говорила вамъ, шутя, что не съумѣла себя пристроить, что жизнь обратила меня въ странствующаго жида. Я не гожусь теперь даже для этой роли. Вѣчный жидъ оказался по счастью не долговѣченъ—бѣдный Агасферъ умираетъ, утомившись своимъ недолгимъ странствованіемъ. Это лучшее, что̀ ему остается сдѣлать.

И она какъ-то слабо и безпомощно улыбнулась.

— О, не говорите, не говорите такъ! вскричалъ я, готовый разразиться рыданіями.

— Смерть меня не страшитъ, увѣряю васъ, а жизнь не манитъ нисколько. Я увѣрена—не я одна, а многія, очень многія, мнѣ подобныя, такъ же, какъ и я, оторванныя отъ родной семьи, отъ роднаго очага, выброшенныя на этотъ путь самостоятельнаго труда, ни къ чему не подготовленныя, не пріученныя ни къ какой серьезной дѣятельности, погибаютъ въ этой безплодной борьбѣ, убивая здоровье, силы, молодость, жизнь. Чѣмъ я лучше другихъ?

— Но за что̀ все это, за что̀?

— Вы хотите знать, за что̀? повторила Волынцева съ какою-то настойчивостью и вмѣстѣ съ тѣмъ искренностью глядя мнѣ въ лицо.

Она немного помолчала, какъ-будто ей стоило усилія высказать то, что̀ она хотѣла. Она, повидимому, боролась сама съ собой.

— Хотите знать почему я гибну? Я скажу вамъ. Потому, что я не хотѣла, не умѣла или, можетъ-быть, не могла смириться, прибавила она упавшимъ голосомъ.—Потому, что все

во мнѣ протестовало всегда противъ новыхъ условій моей жизни: мои вкусы, привычки, воззрѣнія, принципы, все привитое во мнѣ воспитаніемъ, вынесенное изъ той среды, въ которой я родилась, считавшей всякій трудъ для женщины моего круга униженіемъ, плату за него позоромъ. Потому, что все заставляло меня страдать, начиная съ тѣхъ денегъ, которыя мнѣ платили и которыя, какъ раскаленное желѣзо, жгли мои руки, бросали въ лицо мое краску стыда. Нѣтъ, я вамъ говорила неправду, утверждая, что Наталья Александровна Волынцева умерла. Нѣтъ, она не могла умереть во мнѣ, и въ этомъ была моя казнь. Ко всему этому присоединилось многое другое: кончина отца, котораго я обожала, отчужденіе лицъ мнѣ близкихъ, одиночество, нужда и лишенія... И вотъ я здѣсь, въ этой больницѣ, куда меня привезли изъ состраданія, гдѣ лѣчатъ изъ милости, откуда меня увезутъ и...

Она пріостановилась, вопросительно и съ боязнью глядя мнѣ въ лицо.

— Скажите, когда я умру, меня будутъ хоронить, какъ простую, какъ нищую! Да! Похоронитъ, можетъ-быть, полиція? Мнѣ говорили, что такъ хоронятъ нищихъ.

И ея блѣдное лицо выразило въ эту минуту столько страданія, такой мучительный ужасъ и отвращеніе, что я готовъ былъ сдѣлать все на свѣтѣ, отдать жизнь, чтобы только избавить ее отъ терзавшихъ ее мыслей.

— Бога ради, успокойтесь, не разстраивайте себя! Вѣдь вы можете убить себя. Развѣ можно такъ мучиться и волноваться въ вашемъ положеніи? Бога ради, поберегите себя! Я вижу, что своимъ посѣщеніемъ я только растревожилъ васъ, вмѣсто того, чтобы развлечь... Умоляю васъ, отгоните отъ себя эти черныя мысли!

И я бережно взялъ въ обѣ руки ея блѣдную исхудалую прозрачную ручку и все продолжалъ говорить, повторяя все тѣ же слова, тѣ же фразы, успокаивая ее, какъ успокаиваютъ встревоженнаго, испуганнаго ребенка.

— Нѣтъ, не думайте, что меня всегда преслѣдуютъ однѣ мрачныя мысли, заговорила больная, когда подъ вліяніемъ моихъ словъ она нѣсколько успокоилась:—съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, на меня нападаютъ иногда свѣтлыя, почти радостныя минуты, отчего, не знаю. Я не чувствую, подчасъ, ни физическихъ, ни нравственныхъ мукъ. Тогда тяжелые годы моей жизни исчезаютъ

изъ моей памяти, ихъ какъ будто не было вовсе. Я люблю тогда мысленно перенестись въ болѣе отдаленное и милое для меня время, когда я жила съ отцомъ въ нашемъ имѣніи. Мнѣ видится опять нашъ домъ, наше милое Волынцево. Я опять любимая, единственная, балованная дочь. Кругомъ меня все опять улыбается и я улыбаюсь всѣмъ и всему. Мнѣ только пятнадцать или шестнадцать лѣтъ. Вотъ я убѣжала отъ строгой миссъ Флинчъ, чтобы погулять и помечтать на свободѣ. Вотъ я въ аллеѣ—самой дальней аллеѣ нашего парка. Помните вы ту таинственную и темную, съ высокими елями, которая вела отъ балкона къ самому пруду? Это была моя любимая аллея. Тамъ, въ концѣ ея, стояла и, вѣроятно, до сихъ поръ стоитъ старая, вся поросшая мохомъ, скамейка. На этой скамейкѣ я любила мечтать. Боже мой! Эти мечты, эти блаженныя грезы о жизни, о будущемъ! Какъ много ихъ было! Какія онѣ были всѣ свѣтлыя, радужныя! Онѣ вставали предо мной въ этой темной аллеѣ, какъ волшебные, блестящіе призраки, и манили, и звали меня. И я стремилась къ нимъ. Я имъ вѣрила, вѣрила тому, что̀ онѣ сулили мнѣ въ будущемъ. Между этими призраками я не видала только одного—того страшнаго призрака, который дѣйствительно ждалъ меня въ нѐдалекомъ будущемъ. Я не видала этой постели, на которой умирала дѣвушка въ двадцать три года, похоронивъ свои мечты, не извѣдавъ въ своей жизни ничего, кромѣ горя, слезъ, униженія и отчаянія. Но человѣкъ такъ слабъ. Такъ сильно въ немъ желаніе жить. Повѣрите ли, что въ спокойныя минуты, когда я обращаюсь мысленно къ моимъ единственнымъ свѣтлымъ воспоминаніямъ, мнѣ не хочется умирать. Жизнь опять зоветъ меня. Мнѣ хочется жить, жить!.. Мнѣ дѣлается такъ жалко себя... Иванъ Ивановичъ...

Она протянула впередъ руки, потомъ съ какимъ-то безпомощнымъ выраженіемъ быстро зажала ими лицо. Глухое рыданіе вырвалось изъ ея груди. Она быстро приподнялась, отвернулась и скрыла лицо въ подушкахъ. Все тѣло ея трепетало отъ плача. Потомъ она закашлялась сильнымъ, рѣзкимъ кашлемъ. Внутри нея какъ будто все разрывалось отъ этого кашля.

— Си-дѣлку! проговорила она хрипло, задыхаясь, съ трудомъ отрывая отъ подушки свое искаженное отъ боли лицо.

Я, какъ безумный, выбѣжалъ изъ комнаты, зовя сидѣлку. Я столкнулся съ ней въ корридорѣ и послалъ къ больной. Это была та самая сидѣлка, которую я видѣлъ въ дежурной нака-

нунѣ. Самъ я остался въ корридорѣ, боясь своимъ присутствіемъ стѣснить больную.

Черезъ нѣсколько времени сидѣлка вышла изъ палаты. Лицо у ней было взволновано, и она утирала его концомъ передника.

— Что̀ она? Что̀ Наталья Александровна? проговорилъ я, быстро подходя къ ней.

Она сквозь слезы взглянула на меня и махнула рукой.

— Священника проситъ, отвѣчала она,—а теперь успокоилась немного, заснула.

— Священника? Развѣ ей такъ плохо?

— Все лучше причастившись.

И, не глядя на меня, она направилась дальше, въ другія комнаты.

Я нагналъ ее, сунулъ нѣсколько бумажекъ, умоляя ее не оставлять больную, дѣлать все, что̀ понадобится, что̀ докторъ найдетъ нужнымъ. Сидѣлка съ изумленіемъ стала перебирать въ рукѣ деньги.

— А вы сродственникъ будете? проговорила она вопросительно.—Покорнѣйше благодаримъ. Что̀ жь, я и такъ стараюсь, по душѣ. Вотъ ужь болѣзная барышня и красавица. Жить бы только, а тутъ...

Я не сталъ слушать ее и съ отчаяніемъ въ душѣ побрелъ къ себѣ домой.

На другое утро, придя въ больницу, я тотчасъ отыскалъ Воробьева. Онъ сидѣлъ у себя въ дежурной. Увидавъ меня, онъ быстро подошелъ ко мнѣ, крѣпко сжалъ мою руку и усадилъ на диванъ рядомъ съ собою. Я не рѣшился тотчасъ начать свои разспросы.

— Побудь здѣсь со мной, сказалъ онъ,—посиди здѣсь!

— Что̀, развѣ худо?

— Ты не знаешь? Тебѣ не сказали. Онъ помолчалъ.—Что̀ дѣлать? Надо крѣпиться: она...

— Она умираетъ! вскричалъ я, быстро вскочивъ со своего мѣста.—Я пойду туда.

Но товарищъ удержалъ меня.

— Она сегодня ночью скончалась, тихо проговорилъ онъ.—Не думалъ я, чтобъ это кончилось такъ скоро.

Черезъ нѣсколько минутъ я уже стоялъ въ больничной часовнѣ, гдѣ было положено тѣло Волынцевой.

Два дня спустя мы хоронили ее. Я взялъ на себя всѣ траты и хлопоты по погребенію и въ этихъ заботахъ нашелъ для себя какое-то печальное утѣшеніе. Я старался устроить такъ, чтобы всѣ подробности этой печальной церемоніи составляли совершенную противоположность тому тяжелому, странному представленію, которое создавало воображеніе больной, умирающей дѣвушки.

Я позаботился о томъ, чтобъ отыскать на одномъ изъ московскихъ кладбищъ могилу старика Волынцева. Возлѣ этой могилы я откупилъ мѣсто для его обожаемой, такъ рано погибшей дочери. Я былъ увѣренъ въ томъ, что еслибы Наталья Александровна могла при жизни выбрать мѣсто для своей могилы, то не выбрала бы для себя иного. Во время отпѣванія она лежала въ гробу вся въ бѣломъ, покрытая живыми цвѣтами. Она такъ любила цвѣты! Цвѣты украшали и всю часовню.

Выздоравливающіе больные, отчасти изъ любопытства, отчасти изъ желанія помолиться надъ прахомъ безвременно умершей, собрались въ большомъ числѣ и во время службы наполнили маленькую церковь.

Взявъ на себя заботу о погребеніи, я не счелъ себя въ правѣ не извѣстить о смерти Натальи Александровны и послалъ это извѣщеніе наканунѣ въ одну изъ городскихъ газетъ. Въ день похоронъ мнѣ отрадно было увидѣть въ числѣ молящихся нѣсколько знакомыхъ лицъ, знавшихъ покойную и пришедшихъ проститься съ ней, отдать ей послѣдній долгъ.

Прежде всего я замѣтилъ мадамъ Пфейферъ, а рядомъ съ ней блѣдное, сморщенное лицо одной изъ ея пансіонерокъ. Обѣ онѣ плакали. Добрыя женщины! Какъ тронуло меня это вниманіе съ ихъ стороны, эти непритворныя слезы!

Подлѣ нихъ, немного поодаль, стоялъ маленькій старичокъ въ мундирѣ телеграфнаго вѣдомства. Онъ былъ мнѣ не знакомъ. Я узналъ потомъ, что это былъ одинъ изъ сослуживцевъ Натальи Александровны, одно время занимавшейся на телеграфѣ. Мой товарищъ Воробьевъ тоже присутствовалъ въ церкви. Всѣ эти лица были въ свое время невольными свидѣтелями болѣе или менѣе краткихъ и скорбныхъ періодовъ изъ жизни покойной, и хотя всѣ они олицетворяли для меня тяжелую борьбу угасившую дорогую для меня жизнь, тѣмъ не менѣе присутствіе ихъ было для меня отрадно: оно доказывало мнѣ, что въ сердцѣ всѣхъ ее знавшихъ молодая дѣвушка оставила искру глубокой къ себѣ симпатіи. Я только не видѣлъ у ея гроба ея родныхъ

и до послѣдней минуты ожидалъ ихъ появленія. Но мои ожиданія оказались тщетными. По окончаніи отпѣванія гробъ вынесли на рукахъ и поставили на катафалкъ. Въ эту минуту къ крыльцу больницы подъѣхала коляска, запряженная парой рьяныхъ рысаковъ въ шорахъ. Изъ нея вышла нарядно одѣтая дама, которая, нерѣшительно оглянувъ всѣхъ стоявшихъ, направилась ко мнѣ.

— Скажите, пожалуста, кого это хоронятъ: Наталью Александровну Волынцеву? спросила она и въ то же время устремила на меня взглядъ, исполненный любопытства.

Я, молча, кивнулъ головой. Мнѣ почему-то казалось, что эта дама должна имѣть что-нибудь общее съ тѣми родственниками, о которыхъ съ такою горечью упоминала покойная.

— Меня прислала генеральша Волынцева—тетушка Натальи Александровны. Сама генеральша не совсѣмъ здорова и не могла пріѣхать на похороны. Я—довѣренное лицо ея. Очень сожалѣю, что опоздала, кажется, къ отпѣванію. Генеральша изъ газетъ узнала о кончинѣ Натальи Александровны. Ей не было извѣстно о томъ, что она такъ больна и лежитъ въ больницѣ. Наталья Александровна годъ тому назадъ была у насъ въ домѣ гувернанткой, потомъ, вѣроятно, впала въ бѣдственное положеніе... Несчастная! Умереть такою молодою! Вы, кажется, хороните ее!.. Генеральша, какъ родственница, поручила мнѣ передать, кому будетъ нужно, на расходы... позвольте вамъ предложить!..

И нарядная дама старалась вложить въ мою руку конвертъ съ заключавшеюся въ немъ пачкой кредитокъ.

— Я вполнѣ увѣренъ, что исполняю волю покойной, вручая вамъ обратно эти деньги, проговорилъ я по возможности спокойно.—Я попрошу васъ передать генеральшѣ Волынцевой, что Наталья Александровна и при жизни не желала обращаться къ ней за помощью и, вѣроятно, имѣла на то свои причины. Я считаю своимъ долгомъ отказаться отъ этихъ денегъ и въ настоящую минуту.

— Но вы посторонній человѣкъ. Вы не имѣете права...

— Я былъ только учителемъ госпожи Волынцевой и готовъ былъ по мѣрѣ возможности придти ей на помощь во всѣ трудныя для нея минуты, которыхъ было не мало и которыми повидимому совсѣмъ не интересовалась генеральша Волынцева въ качествѣ ея родственницы. Не имѣю ничего прибавить. Мое почтеніе!

Я поклонился и поспѣшилъ отойти, чтобы не наговорить грубостей. Лицо нарядной дамы все вспыхнуло отъ гнѣва. Она быстро направилась обратно къ коляскѣ и послѣ нѣкотораго колебанія слѣдовать ей или нѣтъ за поѣздомъ, велѣла кучеру ѣхать въ противуположную сторону.

Я подалъ знакъ двинуться въ путь, и печальная процессія направилась къ кладбищу.

Я дошелъ до кладбища пѣшкомъ. Прочіе ѣхали въ наемныхъ экипажахъ, слѣдовавшихъ за катафалкомъ. Въ послѣдній моментъ, когда гробъ стали уже опускать въ могилу, я былъ изумленъ появленіемъ еще одного знакомаго лица. Это былъ актеръ Пѣночкинъ, съ которымъ я познакомился въ N—скомъ театрѣ. Онъ держалъ въ рукахъ огромный вѣнокъ изъ живыхъ розъ.

— Цвѣты цвѣтку! произнесъ онъ взволнованнымъ голосомъ, опуская этотъ вѣнокъ въ могилу.

Въ голосѣ Пѣночкина слышалась на этотъ разъ неподдѣльная скорбь.

Могилу забросали землей, поставили надъ ней крестъ, обложили ее заранѣе приготовленнымъ дерномъ, украсили привезенными вѣнками, насадили вокругъ весенніе цвѣтки. И все было кончено.

Я предложилъ присутствующимъ воспользоваться экипажами, чтобы доѣхать въ нихъ куда кому было нужно. Воробьевъ воротился въ больницу, гдѣ его ожидали паціенты. Пѣночкинъ спѣшилъ на репетицію въ какой-то частный театръ. Мадамъ Пфейферъ должна была вернуться въ свое заведеніе.

— А ви, Марья Ивань? обратилась она къ своей компаньонкѣ.

— Мене нужно на мѣстъ, отозвалась та.

— Ви взяль новій мѣстъ, хорошій мѣстъ? съ участіемъ освѣдомилась мадамъ Пфейферъ.

— Нѣтъ, не хорошій, совсѣмъ не хорошій мѣстъ, не новій, а старій. Помните, гдѣ дурной Mittagessen — одинъ макаронъ?

И Марья Ивановна со вздохомъ стала усаживаться въ карету, въ которой ей, вѣроятно, приходилось ѣхать въ первый разъ въ жизни. Другіе послѣдовали ея примѣру. Я остался одинъ на кладбищѣ, возлѣ свѣжей могилы, намѣреваясь возвратиться въ городъ пѣшкомъ. У другихъ могли быть свои заботы, дѣла, призывавшія ихъ къ себѣ. У меня же не было ничего. У меня оставалась только эта могила.

Е. Вельяминовъ.

ФИЛОСОФСКІЕ ВЗГЛЯДЫ ЭРНЕСТА РЕНАНА.

(Окончаніе.)

II.

Допустивъ возможность бытія Божія, хотя бы за предѣлами нашей вселенной, Ренанъ рисковалъ стать въ противорѣчіе съ выставленнымъ имъ выше принципомъ, что нельзя разсуждать какъ о возможномъ о томъ, предположеніе о чемъ не вызывается никакимъ признакомъ. Чтобъ избѣжать этого противорѣчія, ему предстояло опредѣлить тѣ признаки, коими бытіе Божіе обнаруживается для насъ, жителей „міра конечнаго“. Разрѣшенію этой задачи Ренанъ посвящаетъ вторую главу своей статьи.

„Безчисленныя индивидуальныя сознанія, говоритъ Ренанъ, произведенныя планетой землей, тѣ, которыя могли бы быть произведены другими планетами, другими солнцами, другими вселенными, должны, по всей видимости, оставаться заключенными какъ въ оболочкѣ во вселенной, къ которой они принадлежатъ. Возвращеніе этихъ сознаній къ жизни было бы чудомъ, какъ думали богословы, утверждавшіе, что душа человѣка безсмертна не по своей природѣ, а по особой волѣ Божіей. Въ средѣ, подлежащей нашему опыту, не совершается чудесъ, но съ точки зрѣнія безконечности ничто не невозможно. Весьма любопытно, что Евреи, которые, отнюдь не вѣря въ безсмертную душу, всего болѣе содѣйствовали распространенію идеи о будущихъ наградахъ въ формѣ вѣрованія въ царство Божіе и въ воскресеніе, что Евреи составляли себѣ аналогичное представленіе, воображая себѣ

проявленія божественной справедливости какъ бы перемежающимися и пробужденіе праведныхъ какъ чудо, непосредственно совершенное Богомъ. Такое представленіе имѣло, конечно, бо̀льшую цѣну чѣмъ софизмы Федона. Въ безконечности будущаго тонутъ многія затрудненія. Если Богъ существуетъ, Онъ долженъ быть благъ, въ концѣ-концовъ Онъ будетъ справедливъ. Человѣкъ будетъ такимъ образомъ безсмертенъ въ безконечности и до безконечности. Два великіе постулата человѣческой жизни: Богъ и безсмертіе души, будучи произвольными съ точки зрѣнія бытія конечнаго, могутъ быть истинными на границѣ безконечности.

„Въ дѣйствительности, такъ какъ время существуетъ только весьма относительно, то сонъ, длящійся децильонъ лѣтъ, не болѣе продолжителенъ, чѣмъ сонъ въ теченіе одного часа. Рай не существуетъ; но чрезъ децильонъ лѣтъ онъ, быть-можетъ, будетъ существовать. Тѣ, кого запоздалое правосудіе помѣститъ въ него, будутъ думать, что они умерли наканунѣ. Какъ въ средневѣковой легендѣ, ощупывая свой смертный одръ, они найдутъ его еще теплымъ. Быть бывшимъ—значитъ быть. Послѣдовательность есть абсолютное условіе нашего ума, но въ объектѣ послѣдовательность и одновременность сливаются. Съ этой точки зрѣнія фейерверкъ вѣченъ; мой пятилѣтній внукъ такъ веселится въ деревнѣ, что у него только одна скорбь—ложиться спать. Мама, спрашиваетъ онъ свою мать,– ночь сегодня будетъ длинная? Когда въ присутствіи смерти мы спрашиваемъ себя, будетъ ли длинна эта ночь,—мы не менѣе наивны.“

Итакъ, за предѣлами нашей вселенной, „на границѣ безконечности“, Ренанъ допускаетъ не только бытіе Божіе, но и безсмертіе человѣка. Мы видѣли выше, какое смутное понятіе о пространствѣ лежитъ въ основѣ Ренановскаго представленія о предѣлахъ вселенной и о безконечности. Здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ же смутнымъ понятіемъ о времени. Въ предѣлахъ нашей вселенной децильонъ лѣтъ конечно длиннѣе одного часа; но за предѣлами вселенной (въ томъ правильномъ смыслѣ, который имѣетъ это выраженіе) нѣтъ ни децильона вѣковъ ни одного мгновенія. Тамъ иной порядокъ бытія. Когда христіанская эсхатологія говоритъ о воскресеніи мертвыхъ какъ о событіи, имѣющемъ совершиться въ концѣ вѣковъ, то при этомъ предполагается измѣненіе извѣстнаго намъ и наступленіе новаго порядка бытія. „Всѣ не уснемъ — но всѣ измѣнимся“; явятся „новое небо и новая земля“. ибо „прежнее миновало“ и „вре-

мени больше не будетъ". Если Ренанъ допускаетъ возможность такого именно измѣненія [1], то ему нѣтъ никакой надобности возставать противъ „софизмовъ Федона". Не все ли равно, почему человѣкъ безсмертенъ, по природѣ или по благодати? Если для усопшихъ возможно пробужденіе черезъ децильонъ лѣтъ,— оно возможно и чрезъ мгновеніе, и вопросъ о томъ, продолжителенъ ли будетъ смертный сонъ, есть дѣйствительно вопросъ наивный и праздный. Но Ренану, какъ и самъ онъ даетъ понять, нужна безконечность, чтобы потопить въ ней многія затрудненія, а одно изъ нихъ состоитъ конечно въ томъ, что „быть бывшимъ", для того, что есть только *явленіе*, вовсе не значитъ „быть". Для мыслителя, ограничившаго свое разсужденіе міромъ феноменальнымъ, вопросы бытія, къ нимъ же принадлежитъ вопросъ о безсмертіи человѣка, останутся навсегда непреодолимымъ затрудненіемъ и непроницаемою тайной. Ренанъ вынужденъ въ этомъ сознаться.

„Здѣсь, говоритъ онъ — безусловная тайна; мы отлично чувствуемъ въ себѣ голосъ другаго міра, но мы не знаемъ, какой это міръ. Что̀ говоритъ намъ этотъ голосъ? Вещи довольно ясныя. Откуда идетъ этотъ голосъ? Нѣтъ ничего болѣе темнаго. Въ этомъ голосѣ слышится намъ необъяснимая привлекательность, неосязаемыя наслажденія, какія-то аріи маленькихъ духовъ, быстролетныя, неуловимыя; онѣ внушаютъ намъ преданность, дѣлаютъ насъ способными исполнить долгъ, возбуждаютъ въ насъ мужество, заставляютъ насъ испытывать очарованіе красоты. Особенно громко раздается этотъ голосъ въ тѣхъ возвышенныхъ нелѣпостяхъ, которымъ мы поддаемся, зная отлично, что попадаемся въ просакъ, въ четырехъ великихъ безумствахъ человѣка: въ любви, въ религіи, въ поэзіи, въ добродѣтели,— въ этихъ промыслительныхъ безполезностяхъ, которыя человѣкъ-эгоистъ отрицаетъ и которыя помимо него руководятъ міромъ. Тогда именно, когда мы внимаемъ этимъ божественнымъ голосамъ, мы слышимъ гармонію небесныхъ сферъ, музыку безконечности. Praestet fides suplementum sensuum defectui."

Сколь не велико, слѣдовательно, разстояніе между нашею вселенной—атомомъ, затеряннымъ въ необъятности мірозданія—и

---

[1]) А не химическаго эксперимента, продѣланнаго надъ нашимъ міромъ трансцендентальнымъ ученымъ чрезъ децильонъ вѣковъ, причемъ однако сохранился бы пространственно-временный характеръ нашего міра. *Прим. авт.*

границами безконечности, за которыми, по мнѣнію Ренана, находится область дѣйствія „живаго Бога“; но и до нашей юдоли достигаютъ звуки небесной гармоніи. Если есть Богъ, то есть и откровеніе.

„Любовь, по словамъ Ренана, есть первый изъ этихъ великихъ инстинктовъ откровенія, которые господствуютъ надо всѣмъ созданіемъ и кажутся законоположенными высшею волей [1]. Великое его преимущество то, что всѣ существа ему причастны и что связь его съ цѣлями вселенной очевидна. Первое гнѣздо его сито, повидимому, при самыхъ первоисточникахъ жизни—въ клѣточкѣ. Начало двойственности половъ опредѣлило собою направленіе, которое съ тѣхъ поръ не измѣнялось и породило удивительный разцвѣтъ. Диссонансъ двухъ половъ, разрѣшающійся на извѣстной высотѣ въ божественное созвучіе, изъ коего рождается совершенный аккордъ творенія, есть основной законъ міра. Въ царствѣ растительномъ эти таинственные порывы резюмируются въ цвѣткѣ, въ этой ни съ чѣмъ не сравнимой загадкѣ, мимо которой наше легкомысліе проходитъ съ глупымъ невниманіемъ, въ цвѣткѣ, этомъ великолѣпномъ или чарующемъ языкѣ, который, поистинѣ, кажется актомъ обожанія землей невидимаго любовника, по одному и тому же неизмѣнному обряду. Дѣйствительно, маленькій цвѣтокъ, едва видимый человѣкомъ, столь же совершененъ, какъ и большой. Природа влагаетъ въ него одинаковое изящество, одно и то же существо видитъ свое изображеніе и въ томъ и въ этомъ.

„Въ средѣ царства животнаго равнозначуще цвѣтку — опья-

[1] „Поразительно, что наука и философія, усвоивъ себѣ легкомысленное предубѣжденіе свѣтскихъ людей, судятъ о вещи по преимуществу таинственной, просто какъ о родѣ забавы, не сдѣлали любовь главнымъ предметомъ своихъ наблюденій и своего умозрѣнія. Это самый необыкновенный и самый внушительный (suggestif) фактъ во вселенной. Вслѣдствіе щепетильности, которая не имѣетъ смысла въ порядкѣ философскаго размышленія, о любви не говорятъ или ограничиваются нѣсколькими глупыми пошлостями. Не хотятъ видѣть, что находятся предъ „узломъ вещей“, предъ самою глубокою міровою тайной. Страхъ предъ глупцами не долженъ однако мѣшать судить серьезно о томъ, что̀ серьезно. Физіологи не желаютъ видѣть ничего, кромѣ того, что̀ связано съ отправленіями органовъ. Я говорилъ однажды Клодъ Бернару о томъ, сколько универсальный фактъ половаго влеченія заключаетъ въ себѣ глубокаго, онъ отвѣчалъ мнѣ послѣ мгновенія размышленія: „Нѣтъ, это функція ясная, это послѣдствіе питанія“. Прекрасно, но пусть основываютъ тогда науку, которая занималась бы темными послѣдствіями ясныхъ функцій. Почему, напримѣръ, цвѣтокъ издаетъ благоуханіе“? *Прим. Ренана.*

нѣніе радостью младенца, красота молодой дѣвушки—этотъ проблескъ дня, это лучезарное сіяніе, которое, какъ фосфоренценція свѣтляка, показываетъ лихорадочный пылъ жизни, жаждущей разцвѣта. Какъ цвѣтокъ, такъ и красота безличны, усилія личности въ нихъ не при чемъ. Она раждается, показывается на мгновеніе, исчезаетъ какъ естественное явленіе. Вся природа есть сама большой цвѣтокъ, полный гармоніи. Въ ней нельзя найти ни одной ошибки противъ рисунка. Говорятъ, что мы сами вносимъ въ нее эту стройность ритма. Тогда какимъ же образомъ человѣкъ такъ часто портитъ природу? Міръ прекрасенъ, доколѣ человѣкъ его не коснулся; все смѣшное, неуклюжее, дурной вкусъ, невѣрныя краски, рѣзкости, пошлость, грязь начинаются вмѣстѣ съ появленіемъ человѣка въ этомъ первоначально нехорошемъ раю.

„У животнаго любовь была принципомъ красоты. Именно потому, что въ это мгновеніе самецъ дѣлаетъ великое усиліе, чтобы нравиться, краски его всего живѣе, формы всего лучше очерчены [1]. У человѣка любовь была школой изящества и любезности, прибавлю религіи и нравственности. Часъ, въ который самое злое существо бываетъ движимо нѣжностью, когда существо самое ограниченное чувствуетъ свое тѣсное общеніе со вселенной, есть, конечно, часъ божественный. Потому именно, что человѣкъ въ это мгновеніе слышитъ голосъ природы, принимаетъ на себя высокія обязанности, даетъ священныя клятвы, испытываетъ высшія радости или готовитъ себѣ жгучія угрызенія совѣсти. Во всякомъ случаѣ въ этотъ часъ своей временной жизни человѣкъ бываетъ наилучшимъ. Неизмѣримость ощущенія, которое онъ испытываетъ, когда онъ такимъ образомъ въ нѣкоторомъ смыслѣ выходитъ изъ самого себя, показываетъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ соприкасается съ безконечнымъ. Любовь, разсматриваемая съ возвышенной точки зрѣнія, есть нѣчто религіозное или скорѣе составляетъ часть религіи. Можно ли подумать, что легкомыслію и глупости удалось провести взглядъ на этотъ древній остатокъ родства съ природой, какъ на постыдный остатокъ животности? Возможно ли, что столь святая цѣль, какъ продолженіе рода, была бы связана съ дѣйствіями

[1] „Вещи были переиначены человѣчествомъ. Истинная аналогія красоты мужчины есть цѣломудренная застѣнчивость женщины. Нѣкоторый видъ сдержанности, робости, трогательнаго подчиненія сталъ въ концѣ концовъ для человѣка чѣмъ-то болѣе привлекательнымъ, чѣмъ красота.“ *Прим. Ренана.*

преступными или смѣшными. Это значитъ приписывать Предвѣчному уродливыя намѣренія, сущее чудачество.“

Въ приведенномъ отрывкѣ много поэтическаго, отчасти вѣрнаго, но есть ошибка, которая отнимаетъ цѣну у всей краснорѣчивой страницы. Дѣло въ томъ, что Ренанъ разсматриваетъ любовь исключительно какъ естественный феноменъ и притомъ въ самомъ узкомъ смыслѣ половаго влеченія. Съ этой точки зрѣнія Клодъ Бернаръ имѣлъ полное право сказать, что любовь есть только послѣдствіе питанія. Можно прибавить даже, что любовь есть извѣстный видъ питанія, ибо, какъ посредствомъ принятія пищи поддерживается жизнь индивидуума, такъ посредствомъ половаго влеченія поддерживается жизнь рода. Разсматриваемая такимъ образомъ любовь приравниваетъ человѣка къ животному, а вовсе не возвышаетъ надъ нимъ — даже въ качествѣ школы изящества, котораго на тетеревиномъ току пожалуй не меньше, чѣмъ въ бальной залѣ. Ошибочность взгляда Ренана выясняется также изъ противорѣчія, въ которое онъ впадаетъ, называя любовь сперва одною изъ „промыслительныхъ безполезностей“, и потомъ приписывая ей утилитарный характеръ; послѣдній, дѣйствительно, свойственъ любви какъ природному явленію, вотъ почему въ природной любви такъ много эгоизма, и еще большой вопросъ, какое чувство преобладаетъ у влюбленнаго, желаніе пожертвовать собою для любимаго существа или стремленіе во что̀ бы то ни стало побѣдить соперника. Между тѣмъ, любовь возвышается до степени религіознаго принципа, или, какъ говоритъ Ренанъ, „составляетъ часть религіи“ только когда она становится синонимомъ самоотреченія. Впрочемъ, надо отдать справедливость Ренану, что хотя онъ и приписываетъ любви „святую цѣль“ и часъ ея называетъ „божественнымъ“, онъ придаетъ ей все же значеніе второстепенное въ сравненіи съ чувствомъ долга.

„Серьезный характеръ любви искажается легкомысліемъ. Долгъ есть, конечно, нѣчто болѣе высокое, ибо онъ не сопровождается никакимъ удовольствіемъ и часто влечетъ за собою суровыя жертвы. И, несмотря на это, человѣкъ стоитъ за него почти такъ же, какъ за любовь, человѣкъ благодаренъ, когда ему даютъ основаніе вѣрить въ преданность; доказать ему долгъ, значитъ возстановить его права на благородство. Весьма некстати явились къ нему съ предложеніемъ освободить его отъ долга. Попеченіе животнаго о своемъ потомствѣ, множество фактовъ, которые

показываютъ намъ потребность въ жертвѣ у существъ съ наиболѣе эгоистичною, повидимому, совѣстью, доказываютъ, что очень мало существъ уклоняется отъ исполненія заповѣдей, данныхъ природой въ виду цѣлей, о которыхъ сами они очень мало заботятся.

„Долгъ и инстинкты гнѣздованія и высиживанія яицъ у птицъ имѣютъ то же промыслительное происхожденіе. Даже въ самой вульгарной жизни, доля того, что̀ дѣлается для Бога—громадна. Самое низкое существо предпочитаетъ быть справедливымъ, чѣмъ несправедливымъ, всѣ мы поклоняемся, молимся много разъ въ день, сами того не зная.

„Откуда же, спрашиваетъ Ренанъ,—идутъ эти голоса, то нѣжные, то суровые? Они идутъ отъ вселенной, или, если угодно, отъ Бога. Вселенная, съ которою мы связаны какъ бы пуповиной, хочетъ преданности, долга, добродѣтели, она пользуется для достиженія своихъ цѣлей религіей, поэзіей, любовью, удовольствіемъ, всѣми самообманами. И то, чего хочетъ вселенная, она всегда это навяжетъ, ибо для поддержанія своихъ желаній у нея есть невообразимыя хитрости. Самыя очевидныя разсужденія критиковъ ничего не сдѣлаютъ, чтобы разрушить эти святыя иллюзіи. Особенно женщины будутъ всегда сопротивляться: мы можемъ говорить, что̀ хотимъ, онѣ намъ не повѣрятъ,—и мы этимъ восторгаемся. То, что̀ есть въ насъ, безъ насъ и помимо насъ, словомъ, безсознательное, есть попреимуществу откровеніе. Религія—сводъ нравственныхъ потребностей человѣка, добродѣтель, цѣломудріе, безкорыстіе, жертва суть голоса вселенной. Все сводится къ акту вѣры въ инстинкты, которые обладаютъ нами, не убѣждая насъ къ повиновенію рѣчамъ идущимъ отъ безконечности, рѣчамъ совершенно яснымъ въ томъ, что̀ онѣ намъ повелѣваютъ, и темнымъ въ томъ, что̀ онѣ обѣщаютъ. Мы видимъ чары, мы не поддаемся имъ, но мы никогда ихъ не разрушимъ. Quis posuit in visceribus hominis sapientiam?“

Ошибочно отождествивъ половое влеченіе съ любовью, Ренанъ впадаетъ въ еще бо̀льшую ошибку, относя къ природнымъ инстинктамъ добродѣтель, цѣломудріе, безкорыстіе, жертву. Природа говоритъ индивидууму: „живи хотя бы въ ущербъ другому“, онъ говоритъ роду: „живи хотя бы въ ущербъ индивидууму“. Только человѣкъ, возмущенный этимъ гнетомъ одного надъ другимъ, сильнаго надъ слабымъ, создалъ фикціи равенства и свободы и бросилъ, какъ вызовъ принципамъ природы, принципы

права: honeste vivere, neminem laedere, suum cuique tribuere. Есть глубокій смыслъ въ опредѣленіи человѣка какъ животнаго политическаго, ибо начала человѣческаго общежитія изъ природы вывести нельзя. Но Ренанъ оптимистически смотритъ на природу.

„Объ этомъ верховномъ произведеніи всей вселенной, продолжаетъ онъ,—мы можемъ сказать только одно, что оно хорошо. Ибо, еслибъ оно не было хорошо, то вся вселенная, существующая отъ вѣчности, разрушилась бы. Представимъ себѣ банкирскій домъ, существующій отъ вѣчности. Еслибъ этотъ домъ имѣлъ малѣйшій недостатокъ въ своихъ основахъ, онъ бы тысячу разъ лопнулъ. Еслибы балансъ міра сводился безъ барыша въ пользу акціонеровъ, міръ давно бы уже не существовалъ. Отъ громаднаго баланса добра и зла получается всегда благопріятный остатокъ. Въ этомъ излишкѣ блага заключается смыслъ бытія вселенной и смыслъ ея сохраненія. Зачѣмъ быть, если нѣтъ выгоды быть? Вѣдь такъ легко не быть?

„Я считаю поверхностными возраженія, которыя нѣкоторые ученые дѣлаютъ противъ телеологіи, обращая вниманіе на извѣстныя несовершенства природы, на недостатки человѣческаго тѣла, напр. на то, что такой-то мускулъ представляетъ рычагъ самаго неудачнаго рода, что глазъ устроенъ съ очень странною приблизительностію. Забываютъ, что условія творенія, если можно такъ выразиться, ограничены уравновѣшеніемъ противорѣчащихъ другъ другу выгодъ и неудобствъ. Это кривая, опредѣляемая встрѣчей своихъ координатъ и выраженная заранѣе въ отвлеченномъ уравненіи. Лучшій рычагъ въ предплечіи сдѣлалъ бы насъ похожими на пеликановъ, глазъ, который не имѣлъ бы недостатковъ теперешняго глаза, представлялъ бы, вѣроятно, еще болѣе важныя неудобства; можно представить себѣ мозгъ развитый болѣе мощно, чѣмъ лучшіе человѣческіе мозги; но существа, одаренныя имъ, подвергались бы приливамъ крови, мозговымъ горячкамъ. Наоборотъ, человѣкъ, который никогда бы не былъ боленъ, былъ бы вѣроятно обреченъ на неисцѣлимую посредственность. Человѣчество, которое не было бы революціоннымъ, мучимое утопіями, походило бы на муравейникъ, на Китай, который думаетъ, что нашелъ совершенную форму и въ ней остается. Человѣчество, которое не было бы суевѣрно, отличалось бы позитивизмомъ, способнымъ ввергнуть въ отчаяніе. Но природа имѣетъ нѣчто въ родѣ предвидѣнія, она не создаетъ того, что

обречено умереть вслѣдствіе внутренняго порока. Она угадываетъ безвыходныя положенія и не вдается въ нихъ.

„Нѣкоторые недостатки тѣла суть какъ бы историческія злоупотребленія, въ исправленіи которыхъ прогрессъ эволюціи не довольно заинтересованъ Когда недостатокъ бывалъ довольно важенъ, чтобъ убить индивидуумъ и прекратить породу,—борьба бывала на смерть: смертельный порокъ бывалъ исправленъ, или же порода исчезала; но когда порокъ (напримѣръ, безполезное продолженіе слѣпой кишки) могъ вызвать лишь нѣсколько болѣзней, или причинить нѣсколько смертей, природа не считала нужнымъ изъ-за такихъ пустяковъ дѣлать государственный переворотъ. Совершенно также въ обществѣ: искорененіе крупныхъ злоупотребленій легче, чѣмъ исправленіе мелкихъ, ибо, въ первомъ случаѣ—это вопросъ жизни и смерти, во второмъ—никто достаточно сильно не заинтересованъ въ реформѣ, чтобы вступать въ радикальную борьбу. Возраженія ученыхъ, ополчающихся противъ того, что̀ они считаютъ воскрешеніемъ телеологіи, направлены противъ разумнаго и всемогущаго Создателя. Они ничѣмъ не подрываютъ нашей гипотезы глубокаго nisus'а, дѣйствующаго слѣпо въ безднахъ бытія, въ каждой точкѣ пространства побуждающаго все къ существованію. Этотъ nisus не сознателенъ, не всемогущъ; онъ наилучшимъ образомъ пользуется матеріаломъ, которымъ онъ располагаетъ. Итакъ, вполнѣ естественно, что онъ не сдѣлалъ вещей, представляющихъ противорѣчащія совершенства. Естественно также, что видимая нами часть космоса имѣетъ границы и пробѣлы, зависѣвшіе отъ недостаточности матеріаловъ, которыми въ данномъ пунктѣ располагали производительныя силы природы. Этотъ nisus, дѣйствующій во вселенной въ ея цѣлостности, станетъ, можетъ-быть, нѣкогда сознательнымъ, всевѣдущимъ, всемогущимъ. Тогда можетъ осуществиться степень сознательности, о которой теперь ничто не можетъ дать намъ понятія.

„Въ Средніе Вѣка высшій результатъ міра, по крайней мѣрѣ планеты земли, былъ хоръ монаховъ, поющій псалмы. Наука нашего времени, отвѣчая желанію, которое имѣетъ міръ, познать себя, достигаетъ несравненно превосходнѣйшихъ результатовъ. Collège de France гораздо выше самаго совершеннаго аббатства ордена Цистерціанцевъ. Будущее принесетъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе прекрасные результаты. Въ безконечности, абсолютное существо, достигнувъ вершины своихъ божественныхъ эволюцій

и совершеннаго самопознанія, осуществитъ, можетъ-быть, слѣдующіе прекрасные стихи христіанскаго мистика:

„Illic secum habitans in penetralibus
Se rex ipse suo contuitu beat.“

Оптимистическій взглядъ Ренана на природу находитъ свое объясненіе въ только-что изложенной гипотезѣ творческаго мірового nisus'a. Мы не будемъ разсматривать по существу эту гипотезу, въ которой есть отголоски и шопенгауеровской воли, и гартмановскаго безсознательнаго, и гностическаго деміурга, замѣтимъ лишь, что міровой nisus вноситъ новую путаницу въ понятія Ренана о Богѣ и Его отношеніе къ міру. Въ самомъ дѣлѣ, изъ первоначальныхъ опредѣленій Ренана вытекало, что Богъ пребываетъ внѣ предѣловъ нашей вселенной, что дѣйствіе Его въ нашемъ мірѣ ничѣмъ не обусловливается, что Богъ есть „абсолютное все“; теперь оказывается, что абсолютное существо, совершающее свои божественныя эволюціи, есть слѣпой творческій порывъ, дѣйствующій въ каждой точкѣ пространства, непосредствено устрояющій нашу вселенную, нашу природу. Если гностическое представленіе о деміургѣ *предполагало* Бога и божественную плирому, то въ теософемѣ Ренана Богъ и деміургъ исключаютъ другъ друга. Точно также непонятно одновременное и признаніе, и отрицаніе Ренаномъ телеологіи. Одно изъ двухъ: или міръ полонъ только кажущихся намѣреній и все совершается лишь потому, что число толчковъ безконечно, и тогда міровой nisus дѣйствительно слѣпъ и безсознателенъ; или же этотъ nisus наилучшимъ образомъ пользуется даннымъ матеріаломъ, ловко балансируетъ между выгодами и неудобствами, достигаетъ нѣкотораго сознанія въ человѣкѣ и стремится стать нѣкогда всевѣдущимъ и всемогущимъ,—и тогда мы должны приписать ему изначала извѣстную сознательность. Рядомъ съ творческою волей мы должны поставить и устрояющій разумъ. Иначе противорѣчіе будетъ непримиримымъ, каковымъ оно и остается у Ренана.

III.

Предъ неразрѣшеннымъ противорѣчіемъ остановиться нельзя. Мысль требуетъ какого-либо, хотя бы кажущагося, исхода. За отсутствіемъ факта—нужна гипотеза.

„Два основные догмата религіи: Богъ и безсмертіе, говоритъ

Ренанъ, не могутъ быть такимъ образомъ раціонально доказаны, но нельзя сказать, чтобы на нихъ лежалъ отпечатокъ полной невозможности. Трогательныя усилія человѣчества спасти эти два догмата не заслуживаютъ названія чистыхъ химеръ. Всеобщее сознаніе вселенной, душа міра суть вещи, которыя никогда не были доказаны опытомъ, но молекула одной изъ нашихъ костей точно также не подозрѣваетъ всеобщаго сознанія тѣла, къ которому она принадлежитъ, того, что составляетъ наше единство.

„Наиболѣе логическое положеніе, которое мыслитель можетъ принять по отношенію къ религіи—это вести себя такъ, какъ будто бы она была истинною. Слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы Богъ и душа существовали. Религія входитъ тогда въ число тѣхъ многочисленныхъ гипотезъ, какъ эѳиръ, жидкости электрическія, свѣтовыя, тепловыя, нервныя, наконецъ, самъ атомъ, о которыхъ мы знаемъ, что всѣ они суть только символы, удобныя средства для объясненія явленій и которыя мы тѣмъ не менѣе удерживаемъ. Богъ, создающій міръ въ силу глубокихъ разсчетовъ, есть формула очень грубая [1]; но все совершается приблизительно такъ, какъ будто бы это дѣйствительно было. Душа не существуетъ какъ отдѣльная субстанція; но все совершается такъ, какъ будто бы она существовала; ничто никогда не было открыто никакой человѣческой семьѣ сверхъестественными голосами, и тѣмъ не менѣе откровеніе есть метафора, безъ которой исторія религіи съ трудомъ могла бы обойтись. Вѣчный рай, обѣщанный человѣку, не имѣетъ реальности, но слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы онъ имѣлъ ее; тѣ, кто не вѣритъ въ рай, должны добротой своею и самоотверженіемъ превосходить вѣрующихъ.“

Совершенно справедливо признавъ основаніемъ религіи догматы бытія Божія и безсмертія человѣка, Ренанъ сводитъ эти догматы къ роли гипотезы, полезной пока для объясненія явленій окружающаго насъ міра. Но гипотеза имѣетъ цѣну лишь до тѣхъ поръ, пока она не впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою и съ фактами. Мы видѣли выше, что такое противорѣчіе есть въ понятіи Ренана о Богѣ, а ниже увидимъ, что онъ подрываетъ значеніе и догмата безсмертія.

[1] Чѣмъ, однако, эта формула болѣе груба, чѣмъ формула слѣпаго творческаго порыва, дѣйствующаго цѣлесообразно, формула безсознательнаго nisus'а, могущаго нѣкогда стать всевѣдущимъ? Первая формула не заключаетъ въ себѣ, по крайней мѣрѣ, логическаго противорѣчія. *Прим. мое.*

„Великіе утѣшительные догматы Бога и безсмертія представляются обыкновенно постулатами нравственной жизни человѣчества и, конечно, во многихъ отношеніяхъ это справедливо. Дѣйствовать для Бога, дѣйствовать въ присутствіи Бога—это необходимая концепція добродѣтельной жизни; мы не требуемъ, чтобы насъ вознаграждали, но мы желаемъ имѣть свидѣтеля. Вѣчная награда кирасиръ подъ Рейхсгофеномъ—слова стараго императора: „о, молодцы!“ Мы желали бы отъ Бога подобнаго же слова. Невѣдомыя жертвы, непризнанныя добродѣтели, неизбѣжныя ошибки человѣческаго правосудія, клеветы исторіи, которыхъ нельзя опровергнуть, узаконивають или скорѣе дѣлають неизбѣжнымъ воззваніе удрученнаго рокомъ сознанія къ сознанію вселенной. Это право, отъ котораго добродѣтельный человѣкъ никогда не откажется. Въ героическіе моменты революціи необходимость безсмертія души была провозглашаема всѣми, приблизительно, партіями. Забота о мемуарахъ и оправдательныхъ документахъ у людей того времени проистекала изъ того же принципа. Они писали и писали, убѣжденные, что найдется тотъ, кто прочтетъ ихъ. Желали непремѣнно имѣть судью за предѣлами могилы, требовали его отъ міроваго сознанія или отъ сознанія человѣчества. Такимъ образомъ, человѣчество поставлено въ безвыходное положеніе: чѣмъ больше оно размышляетъ, тѣмъ яснѣе видитъ нравственную необходимость Бога и безсмертія и въ то же время тѣмъ лучше видитъ затрудненія къ принятію догматовъ, необходимость коихъ оно утверждаетъ.

„Затрудненія эти въ высшей степени важны, не слѣдуетъ скрывать ихъ отъ себя. Древнія религіозныя идеи были основаны на узкомъ представленіи міра, созданнаго нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ, центръ коего есть земля и человѣкъ. Маленькая земля, помѣщающая на себѣ опредѣленное количество жителей, маленькое небо, возвышающееся надъ нею, подобно куполу въ воздухѣ, на высотѣ нѣсколькихъ верстъ, небесный дворъ, занятый человѣческими ребячествами; на западѣ острова Блаженныхъ, куда покойники приплываютъ въ ладьяхъ, или же бумажный рай, который лопнетъ при малѣйшемъ научномъ размышленіи—вотъ тотъ міръ, который Богъ—старецъ съ большою сѣдою бородой—легко покрываетъ складками своей одежды. Когда Нимвродъ пускалъ въ небо свои стрѣлы, онѣ возвращались къ нему окровавленныя; мы можемъ стрѣлять сколько намъ угодно—стрѣла къ намъ не вернется. Расширеніе понятія о мірѣ и разрушеніе

наукой древней антропоцентрической гипотезы, въ XVI столѣтіи есть капитальный моментъ въ исторіи человѣческаго ума. Аристархъ самосскій первый прозрѣлъ нѣчто въ этомъ направленіи и прослылъ за безбожника. Гнѣвъ церкви противъ основателей новаго порядка, противъ Коперника, Джордано Бруно, Галилея былъ также довольно послѣдователенъ. Маленькій міръ, въ которомъ царствовала церковь, пріуроченный къ землѣ, былъ разбитъ безвозвратно. Болѣе современные взгляды на эпохи природы и на перевороты земнаго моря, открывая человѣку перспективу безконечныхъ временъ позади, имѣли тотъ же, но еще болѣе наглядный результатъ.

„Старыхъ сновъ не воскресишь. Еслибы міровымъ закономъ былъ узкій фанатизмъ, еслибы заблужденіе было условіемъ нравственности человѣческой—не было бы никакого основанія интересоваться планетой, обреченной на невѣжество. Мы любимъ человѣчество, потому что оно создаетъ науку, мы стоимъ за нравственность, потому что однѣ честныя расы могутъ быть расами научными. Если невѣжество положено неизбѣжною границей человѣчества, у насъ нѣтъ больше никакого мотива, чтобы стоять за его существованіе. Человѣчество, которое жаждали бы видѣть наши реакціонеры, было бы столь ничтожно, что я желалъ бы, чтобъ оно погибло столько же вслѣдствіе анархіи и отсутствія нравственности, сколько же вслѣдствіе глупости. Возвращеніе человѣчества къ его старымъ убѣжденіямъ, необходимымъ якобы для его нравственности, было бы хуже, чѣмъ полная его деморализація.

„Итакъ, съ этимъ нужно примириться, и въ нашихъ воззрѣніяхъ на міръ избѣжать смѣшнаго положенія провинціаловъ, которые, не видя ничего далѣе своего прихода, воображаютъ, что весь міръ озабоченъ ихъ дѣлами, что у короля есть одна только забота объ ихъ городишкѣ, что самъ Богъ имѣетъ мнѣніе о маленькихъ партіяхъ, на которыя они дѣлятся. Въ составѣ міра человѣчество есть то же, что̀ муравейникъ въ лѣсу. Внутренніе перевороты муравейника, его упадокъ, его гибель суть вещи второстепенныя для исторіи лѣса. Пусть человѣчество погибаетъ по недостатку свѣта или добродѣтели, пусть оно измѣнитъ своему призванію, своимъ обязанностямъ—подобные факты тысячу разъ случались въ исторіи вселенной. Остережемся поэтому, думать, что наши постулаты суть мѣрила дѣйствительности. Природа не обязана подчиняться нашимъ маленькимъ удобствамъ.

Еслибы человѣкъ заявилъ: я не могу быть добродѣтельнымъ безъ такой или такой-то химеры, то Предвѣчный въ правѣ ему отвѣтить: тѣмъ хуже для васъ, ваши химеры не могутъ принудить меня измѣнить роковой порядокъ вещей.

„Апріорныя разсужденія объ этомъ пунктѣ ослабляются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ числѣ постулатовъ человѣчества есть нѣкоторые, завѣдомо невозможные. Слѣдуетъ хорошенько замѣтить, что богъ, котораго требуетъ бо́льшая часть человѣчества, не есть богъ пребывающій въ безконечности, существованіе коего мы признаемъ возможнымъ. Этотъ богъ слишкомъ отдаленъ отъ насъ, чтобы благочестіе могло къ нему примѣниться, толпа хочетъ бога, который, конечно, не существуетъ, бога, который занимается дождемъ и хорошею погодой, войной и миромъ, завистью людей другъ къ другу, бога, котораго можно заставить перемѣнить мнѣніе надоѣдливыми просьбами. Человѣчество, другими словами, желало бы бога для себя, бога, который бы интересовался его распрями, частнаго бога для своей планеты, который управлялъ бы ею, какъ хорошій губернаторъ, подобно провинціальнымъ богамъ, о которыхъ грезило язычество въ періодъ своего упадка. Каждый народъ идетъ еще дальше: онъ желалъ бы бога для себя одного.

„Идолъ удовлетворилъ бы его еще лучше, и еслибы дать свободу человѣческимъ пожеланіямъ, то люди потребовали бы власти для національныхъ реликвій, для священныхъ изображеній [1]. Сколько постулатовъ, которые совсѣмъ не будутъ приняты въ разсчетъ! Человѣку нуженъ богъ, который былъ бы въ сношеніи съ его планетой, съ его вѣкомъ, съ его страной. Слѣдуетъ ли изъ этого, что такой богъ существуетъ? Человѣку нужно личное безсмертіе. Слѣдуетъ ли отсюда, что это безсмертіе существуетъ? Другими словами, человѣкъ въ отчаяніи, что онъ составляетъ часть безконечнаго міра, въ которомъ самъ онъ есть нуль. Рай, состоящій изъ децильона существъ, вовсе не есть тотъ маленькій семейный рай, гдѣ знаютъ другъ друга, продолжаютъ имѣть сосѣдей, сплетничать и вести взаимныя

---

[1] Вотъ почему простонародье поклоняется святымъ больше чѣмъ Богу. Чистый деизмъ никогда не будетъ религіей народа; въ дѣйствительности деисты и простонародье поклоняются не одному и тому же богу, тутъ есть недоразумѣніе, которымъ извѣстнаго рода философія могла прикрываться во время своихъ войнъ, но котораго должна бы сторониться въ мирное время. *Прим. Ренана.*

интриги. Нужно потребовать отъ Бога, чтобъ онъ уменьшилъ міръ, призналъ неправымъ Коперника и вернулъ бы насъ къ Космосу изображенному въ Campo Santo въ Пизѣ, который окружаютъ девять чиновъ ангельскихъ и который Христосъ держитъ на рукахъ.

„Итакъ, приходится придти къ тому странному результату, что a priori безсмертіе есть самый необходимый догматъ, а posteriori же самый слабый. Подобно муравью и пчелѣ, мы трудимся по инстинкту надъ общимъ дѣломъ, объема котораго не видимъ. Пчелы перестали бы работать, еслибы прочли статьи, изъ которыхъ узнали бы, что у нихъ возьмутъ ихъ медъ и что въ награду за свой трудъ онѣ будутъ убиты. Человѣкъ все идетъ впередъ, несмотря на sic vos non vobis. Мы не видимъ ни того, что̀ надъ нами, ни того, что̀ подъ нами. „Мы составляемъ цѣпь", говорилъ мнѣ одинъ выдающійся по уму человѣкъ. Темны божественныя хотѣнія. Мы—одинъ изъ числа милліоновъ феллаховъ, работавшихъ надъ пирамидами. Результатъ—пирамида. Дѣло анонимно, но прочно; каждый изъ работниковъ живъ въ немъ. Поистинѣ, не было бы несправедливо, еслибы мы, какъ того требуютъ рабочіе на фабрикахъ, были участниками дѣла вселенной, имѣя долю въ барышахъ, чтобы мы, по крайней мѣрѣ, что-нибудь знали о результатѣ нашего труда. Между тѣмъ, допущенные къ работамъ, мы не имѣемъ части въ доходахъ, самъ нашъ заработокъ платится намъ довольно не аккуратно. Другіе устроили бы стачку, мы же все продолжаемъ работать.

„Въ концѣ концовъ существованіе высшаго сознанія вселенной гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ индивидуальное безсмертіе. У насъ нѣтъ другаго основанія для нашихъ надеждъ и въ этомъ отношеніи, какъ великое предположеніе о благости высшаго существа. Нѣкогда все будетъ ему возможно. Будемъ же надѣяться, что онъ пожелаетъ тогда быть справедливымъ, и тѣмъ, кто содѣйствовалъ торжеству добра, возвратитъ чувство и жизнь. Это будетъ чудо. Но это чудо, то-есть вмѣшательство высшаго существа, чего теперь нѣтъ, можетъ стать однажды, когда богъ будетъ сознателемъ—нормальнымъ порядкомъ вселенной. Іудейско-христіанскія грезы, ставя на предѣлахъ человѣчества царство Божіе, сохраняютъ здѣсь свою величественную истинность. Міръ, управляемый нынѣ сознаніемъ слѣпымъ или безсильнымъ, можетъ нѣкогда быть управляемъ сознаніемъ болѣе обдуманнымъ.

Всякая неправда будетъ тогда исправлена, всякая слеза осушена. Absterge, Deus, omnem lacrimam ab oculis eorum".

Съ объявленіемъ догмата безсмертія ненужнымъ балластомъ, старою грезой, отжившимъ заблужденіемъ, всякое значеніе религіи, даже какъ небезполезной гипотезы для объясненія нѣкоторыхъ явленій, окончательно теряется. Но Ренанъ не рѣшается признать „великіе, по его же словамъ, утѣшительные догматы" о Богѣ и безсмертіи чистыми химерами. Подорвавъ ихъ значеніе, онъ все же къ нимъ возвращается, грезитъ о раѣ съ децильономъ существъ, о грядущемъ царствѣ Божіемъ, гдѣ будетъ отерта всякая слеза съ очей тѣхъ, кто потрудился для торжества добра.

Спрашивается, однако, отличается ли чѣмъ-нибудь эта новая греза отъ старой, отвергнутой Ренаномъ? Повидимому, онъ въ этомъ увѣренъ и предпочтительность своихъ мечтаній усматриваетъ въ томъ, что они, будто бы, болѣе согласны съ современными научными свѣдѣніями, чѣмъ старыя богословскія построенія. Но мы уже имѣли случай замѣтить, что, разъ Ренанъ вообще допускаетъ возможность иныхъ порядковъ бытія, чѣмъ тотъ, къ которому мы принадлежимъ, ему незачѣмъ отодвигать свой рай на децильонъ лѣтъ отъ нашего времени. Съ такою же степенью вѣроятности можно допустить, что грезы Ренана уже сбылись, но мы этого не видимъ и не знаемъ потому же, почему клѣточка любой изъ моихъ костей не видитъ и не знаетъ, что я пишу эти строки. Все дѣло въ томъ, что Ренанъ *безсознательно раболѣпствуетъ* предъ схоластическимъ богословіемъ. Принять его „en bloc" вмѣстѣ съ „геоцентрическою гипотезой" онъ не можетъ, а расчленить его, отдѣливъ вѣчные элементы религіи отъ временныхъ порожденій ума человѣческаго, отъ дѣтскихъ фантазій младенческой науки, словомъ, отнестись къ нему *свободно*—онъ не смѣетъ. Между тѣмъ, еслибъ онъ на это рѣшился, то увидалъ бы, что *основы религіи* вовсе не зависятъ отъ тѣхъ или иныхъ космографическихъ или геологическихъ теорій.

Изо всѣхъ фактовъ религія есть самый универсальный, сущность его, при всемъ различіи формъ, одна и та же, значеніе его не менѣе сильно въ наши дни, чѣмъ въ эпоху табу и тотемовъ. Но каждому возрасту человѣчества соотвѣтствуетъ свой циклъ религіозныхъ идей и даже въ различныя эпохи христіанской эры объемъ и характеръ религіозной догматики отвѣчалъ запросамъ и степени развитія людей даннаго вѣка. Поэтому нельзя допустить, чтобы развитіе христіанской религіозно-фило-

софской мысли завершилось богословіемъ XIII вѣка. Это осмѣянное Ренаномъ богословіе было въ свое время и для своего времени удовлетворительнымъ синтезомъ религіи и науки. Наша наука далеко ушла впередъ, но вѣдь и она еще не завершила своего развитія: то, что двадцать лѣтъ назадъ считалось болѣзненнымъ бредомъ, составляетъ въ наше время предметъ плодотворныхъ изысканій, и нѣтъ сомнѣнія, что наши потомки добьются отвѣта на неразрѣшенные нами вопросы. Исканіе синтеза науки и религіи остается донынѣ и никогда не перестанетъ быть одною изъ возвышеннѣйшихъ задачъ для свободнаго ума человѣческаго. Тотъ, кто не въ силахъ найти, хотя бы лично для себя, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи, поступаетъ вполнѣ послѣдовательно, отрицая либо науку, либо религію, или же признавая область религіи для себя не познаваемою и недоступною. Можно находить, что положеніе атеиста, узкаго фанатика или агностика тяжело и печально, но это положеніе, по крайней мѣрѣ, логично; Ренанъ же предлагаетъ мыслителю положеніе совершенно невыносимое, когда онъ требуетъ, чтобы современный человѣкъ относился къ основамъ религіи такъ, *какъ будто бы онѣ были истинны.* Самообманъ не можетъ быть положенъ въ основу религіи, коль скоро по самому существу дѣла задача религіи состоитъ въ томъ, чтобы быть нормой жизни. Это значеніе религіи отлично понимаетъ то простонародье, къ вѣрѣ коего Ренанъ относится съ высокомѣріемъ и насмѣшкой. Въ основѣ народной вѣры лежитъ понятіе грѣха, [1] сознаніе противорѣчія между влеченіями природныхъ инстинктовъ и требованіями нравственнаго долга. Санкціи этого долга народъ ищетъ въ Богѣ, а потому и не можетъ удовлетвориться понятіями божества, пребывающаго гдѣ-то за предѣлами міра и равнодушнаго къ судьбѣ человѣка. [2] Неправдѣ природной, личной и общественной народъ противополагаетъ правду божью. Поэтому и вся народная этика сводится къ принципу „жить по Божьи". Несостоятельность народной вѣры Ренанъ доказываетъ тѣмъ сообра-

---

[1] Замѣчательно, что съ утратой понятія грѣха религіозное чувство въ народѣ слабѣетъ, а вмѣстѣ съ религіей исчезаетъ и нравственность. Этотъ фактъ былъ подмѣченъ и оцѣненъ по достоинству Арміей Спасенія. Въ умѣньѣ ея проповѣдниковъ вызвать въ человѣкѣ сознаніе грѣха заключается несомнѣнно одна изъ главныхъ причинъ ея необычайныхъ успѣховъ. *Прим. мое.*

[2] Еще менѣе способенъ народъ признать богомъ міровой nisus, выражающійся въ половомъ влеченіи. *Прим. мое.*

женіемъ, что наши постулаты не суть мѣрило дѣйствительности. Это соображеніе можетъ быть обращено противъ него самого, ибо и собственное его понятіе о Богѣ основано на постулатѣ: если есть богъ, то онъ долженъ быть слѣпъ и безсознателенъ, ибо ничто въ окружающей природѣ не обнаруживаетъ вѣдѣнія и сознательности. Разница будетъ лишь въ томъ, что постулатъ народной вѣры требуетъ высшаго существа, одареннаго высшимъ вѣдѣніемъ и могуществомъ, постулатъ Ренана требуетъ высшаго существа, лишеннаго этихъ свойствъ. Спрашивается, можетъ ли такое понятіе о богѣ, хотя бы сопровождаемое „великимъ предположеніемъ о благости высшаго существа“ и смутною надеждой, что „нѣкогда все будетъ ему возможно“—служить основаніемъ для какой-либо твердой этики? На этотъ самый существенный вопросъ Ренанъ не даетъ отвѣта.

Въ заключительныхъ строкахъ своей статьи Ренанъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ свое міровоззрѣніе.

„Жемчужная раковина представляется мнѣ, говоритъ онъ, лучшимъ образомъ вселенной и той степени сознанія, которую слѣдуетъ предполагать въ цѣломъ. На днѣ бездны темные зачатки создаютъ сознаніе съ замѣчательно неудачными служебными органами и однако необыкновенно искусное въ достиженіи своихъ цѣлей. То, что называется болѣзнью этого маленькаго живаго космоса, влечетъ за собою выдѣленіе, одаренное идеальною красотой, которое люди вырываютъ другъ у друга за цѣну золота. Общая жизнь вселенной, подобно жизни устрицы, смутна, темна, страннымъ образомъ стѣснена и потому медленна. Страданіе создаетъ умъ, движеніе умственное и нравственное. Болѣзнь міра, если угодно, въ дѣйствительности жемчужина міра — умъ есть цѣль, конечная причина, послѣдній и, конечно, наиболѣе блестящій результатъ обитаемаго нами міра. Весьма вѣроятно, что если есть дальнѣйшія производныя, они должны принадлежать къ порядку безконечно болѣе возвышенному.“

Приведеннымъ разсужденіемъ еще разъ обнаруживается непослѣдовательность Ренана. Если конечный результатъ мірозданія, плодъ вѣковыхъ страданій вселенной и человѣчества, міровой умъ есть такой же внѣшній для міра результатъ, какъ жемчугъ для устрицы, то ожидать отъ него воздѣйствія на вселенную, а тѣмъ болѣе пересозданія всего ея строя—нельзя. Между тѣмъ, это и есть, по представленію Ренана, конечная цѣль міроваго процесса, когда всякая неправда будетъ изглажена и всякая слеза осушена.

IV.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ разсужденія Ренана и видѣли, что онъ не установилъ ни одного понятія свободнаго отъ внутреннихъ противорѣчій и что ни одно изъ выставленныхъ имъ положеній не проведено послѣдовательно до конца. Кромѣ отрицанія старыхъ религіозныхъ концепцій и совершенно проблемматическаго предположенія, будто нѣкоторыя изъ нихъ могутъ со временемъ оказаться истинными — никакихъ другихъ философскихъ представленій въ Examen de conscience philosophique мы не находимъ. Отсюда мы съ полнымъ правомъ можемъ заключить, что итогъ того, что̀ Ренанъ называетъ своимъ философскимъ балансомъ, сводится къ нулю.

Есть, однако, въ разсмотрѣнной нами статьѣ одна положительная сторона, которая почти не поддается опредѣленію, но чувствуется все время и въ концѣ концовъ производитъ на читателя извѣстное впечатлѣніе. Мы говоримъ о томъ своеобразномъ благодушномъ *настроеніи*, которое ни на минуту не измѣняетъ Ренану, не покидаетъ его даже тогда, когда онъ подрываетъ самыя основныя и дорогія человѣку вѣрованія. Однимъ взмахомъ пера вычеркнувъ изъ міроздапія Бога, онъ не замѣчаетъ оставшагося пустаго мѣста. Онъ удовлетворяется двумя-тремя алгебраическими формулами, да нѣсколькими поэтическими мыслями по поводу красоты цвѣтка. Онъ на мгновеніе способенъ умилиться предъ невѣдомыми жертвами, непризнанными добродѣтелями, предъ печальною судьбой тѣхъ, кто пострадалъ отъ ошибокъ правосудія или отъ клеветъ исторіи; но невозмутимый взоръ его быстро скользитъ мимо страданій, благо путемъ ихъ человѣчество - устрица создаетъ свой многоцѣнный жемчугъ. Верховное произведеніе вселенной — хорошо: этого достаточно! Свое оптимистическое настроеніе Ренанъ старается передать читателю и поддержать въ немъ, пользуясь всѣми средствами: образнымъ языкомъ, увлекательнымъ изложеніемъ, удивительнымъ искусствомъ говорить полунамеками, не давать читателю сосредоточиться на предметахъ, тщательное изслѣдованіе коихъ могло бы повредить цѣльности настроенія.

Въ предисловіи къ *Разрозненнымъ Листкамъ* мы находимъ нѣсколько указаній, которыя поясняютъ тонъ разсмотрѣнной нами

статьи и служатъ прекраснымъ къ ней дополненіемъ. Изъ этихъ указаній выясняется прежде всего, почему Ренанъ такъ дорожитъ благодушнымъ настроеніемъ. Причина этого имѣетъ совершенно субъективный характеръ и заключается въ полномъ довольствѣ своею личною жизнью. „Жизнь, говоритъ Ренанъ, была для меня сладостна и драгоцѣнна.... она была тѣмъ, чего я желалъ и что̀ я считалъ наилучшимъ. Еслибы мнѣ пришлось начать ее съизнова, я немногое измѣнилъ бы въ ней.“

Оптимистъ по складу своихъ теоретическихъ воззрѣній, вполнѣ довольный своею жизнью, Ренанъ является проповѣдникомъ гедонизма, какъ практическаго принципа. „Веселитесь, говоритъ онъ, обращаясь къ юношамъ, благо вамъ двадцать лѣтъ, работайте также.“ Но хотя трудъ и нуженъ, онъ, однако, не долженъ нарушать блаженнаго душевнаго равновѣсія. Для этого Ренанъ совѣтуетъ избѣгать напряженнаго исканія истины. „Будемъ умѣть ждать: въ концѣ всего можетъ-быть ничего и нѣтъ, *да и кто знаетъ, не печальна ли истина?* Не будемъ съ такою поспѣшностью торопиться познать ее!“ Отсюда совершенно понятно, что Ренанъ предостерегаетъ главнымъ образомъ отъ занятія философіей или, какъ онъ выражается, метафизикой. „Если мы ничего не видимъ въ метафизикѣ, за то физика, астрономія, геологія, исторія полны откровеній.“ Этотъ послѣдній совѣтъ весьма характеристиченъ. Посвятивъ всю свою жизнь историческимъ изслѣдованіямъ, Ренанъ не можетъ исключить исторію изъ числа рекомендуемыхъ имъ предметовъ занятій. Между тѣмъ, плодотворное занятіе исторіей предполагаетъ изученіе всѣхъ вообще нравственныхъ наукъ, то-есть тѣхъ именно отраслей знанія, которыя касаются важнѣйшихъ для человѣка, наиболѣе трудныхъ и наиболѣе изобильныхъ противорѣчіями задачъ. Не астрономическія гипотезы, не теоріи геологическихъ формацій имѣютъ жизненное для человѣка значеніе; такое значеніе принадлежитъ вопросамъ религіи, нравственности, права. Всякій дѣйствительный шагъ впередъ въ области этихъ вопросовъ какъ для индивидуальнаго человѣческаго сознанія, такъ и для цѣлыхъ обществъ сопряженъ съ борьбой и страданіями, на которыя не долженъ пускаться тотъ, кто способенъ бояться, какъ бы истина не оказалась печальна! И тѣмъ не менѣе Ренанъ рекомендуетъ занятія исторіей. Но спрашивается, съ какого момента можемъ мы считать исторію красивымъ калейдоскопомъ, который позволительно созерцать съ болѣе или менѣе безуча-

стнымъ благодушіемъ? Вѣдь жизнь нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ подлежитъ уже научнымъ историческимъ изысканіямъ, да и наша собственная жизнь есть моментъ исторіи. Каково же должно быть наше отношеніе къ нашей собственной жизни, къ жизни нашего общества, нашего народа, всего, наконецъ, человѣчества въ переживаемую нами эпоху? Съ точки зрѣнія Ренана на этотъ вопросъ можетъ быть только одинъ логическій отвѣтъ — принимать жизнь такою, какъ она есть, и удовлетворяться ею.

Невольно раждается мысль, что Господь Богъ по неизреченной Своей благости избавляетъ подчасъ людей добрыхъ отъ вполнѣ строгой логики. Еслибы такіе добрые люди видѣли, къ какимъ выводамъ приводятъ излюбленныя ихъ положенія, они были бы способны придти въ ужасъ и, пожалуй, погрузиться въ бездну самаго мрачнаго отчаянія. Еслибъ Игнатій Лойола предвидѣлъ, до какихъ нравственныхъ принциповъ дойдетъ іезуитскій орденъ, онъ едва ли бы сталъ его основывать. Такъ и Ренанъ, излагая свою философскую исповѣдь, наврядъ ли предвидѣлъ, что она приводитъ къ проповѣди нравственнаго застоя. Принимать жизнь, такъ какъ она есть, и удовлетворяться ею человѣкъ можетъ въ двухъ случаяхъ: или если эта жизнь вполнѣ отвѣчаетъ его идеалу, или если у него совсѣмъ нѣтъ идеала. Утверждать первое не рѣшится даже Ренанъ, несмотря на весь свой оптимизмъ: совпаденіе идеала съ дѣйствительностію представляется и ему самому, если, быть-можетъ, и не концомъ міроваго процесса, то во всякомъ случаѣ отдаленнымъ отъ насъ на децильоны вѣковъ. Остается вторая возможность — жить безъ идеала. И эту возможность Ренанъ отрицаетъ, по крайней мѣрѣ, какъ *фактъ*, ибо говоритъ, что человѣчество—революціонно и движимо утопіями, а между тѣмъ изъ его же разсужденій такое отношеніе къ жизни вытекаетъ какъ *принципъ*, ибо удовлетворяться жизнію *такою, какъ она есть*, можно только, когда нѣтъ „стремленія къ утопіямъ“, когда нѣтъ идеала. Человѣчество безъ идеала, по словамъ Ренана, обратилось бы въ муравейникъ, въ Китай. Какимъ же образомъ рискуетъ онъ проповѣдывать такое отношеніе къ жизни? Очевидно, повторяемъ, онъ не предвидѣлъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ приводитъ его міровоззрѣніе.

Но дойдя до этого послѣдняго противорѣчія въ разсмотрѣнныхъ нами разсужденіяхъ Ренана, мы должны сказать въ защиту нашего автора, что онъ и *не могъ не впасть* въ это проти-

ворѣчіе, разъ онъ выступилъ сторонникомъ оптимизма, *не основаннаго на религіозномъ началѣ.* Не повторяя общеизвѣстныхъ возраженій противъ оптимизма, сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Терпѣливое перенесеніе невзгодъ жизни, благодарное пользованіе тѣми крупицами наслажденія, которыя жизнь даетъ среди множества страданій — возможны для человѣка при условіи покорности волѣ Божіей „благой и совершенной". Но это терпѣніе скорбей не есть просто оптимистическое удовлетвореніе жизнью. Оно является результатомъ того гармоническаго сочетанія двухъ противоположныхъ (но не исключающихъ другъ друга) началъ пессимизма и оптимизма, которое мы находимъ въ христіанствѣ. Исходя изъ пессимистическаго положенія, что весь міръ лежитъ во злѣ, наша религія въ оптимистическомъ идеалѣ Царствія Божія даетъ намъ, вопервыхъ, мѣрило для оцѣнки явленій дѣйствительности и, вовторыхъ, цѣль, къ которой мы должны стремиться. Христіанинъ не удовлетворяется жизнью, такою какъ она есть, онъ только терпитъ ее и терпитъ, *исправляя*, ибо знаетъ какой цѣли онъ долженъ достигнуть и вѣритъ, что эта, заранѣе предвозвѣщенная ему, цѣль въ концѣ концовъ будетъ достигнута. Кончая свое земное поприще, христіанинъ не исчезаетъ въ *анонимномъ* общемъ дѣлѣ, какъ феллахи въ примѣрѣ приведенномъ Ренаномъ, напротивъ, онъ „почіетъ отъ трудовъ своихъ", зная, что „дѣла его идутъ вслѣдъ за нимъ", а сотрудники его, въ ожиданіи своей очереди упокоенія, съ вѣрой провозглашаютъ отшедшему *вѣчную память.*

Проповѣдь безрелигіознаго оптимизма приводитъ ко внутреннимъ противорѣчіямъ, обличающимъ несостоятельность этого міровоззрѣнія. Поэтому подобная проповѣдь и не опасна, тѣмъ болѣе, что очень трудно убѣдить человѣка, которому, какъ говорится, не везетъ въ жизни, въ томъ, что все совершается къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Наоборотъ, въ высокой степени опасна проповѣдь идонизма. Если наслажденіе есть цѣль жизни, то оно же есть и норма правственныхъ дѣйствій. Не трудно представить себѣ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести подобное воззрѣніе. Люди слабые, видя, что цѣль ихъ жизни не достигается, способны будутъ впасть въ пассивное отчаяніе и не малое число ихъ станетъ искать исхода въ самоубійствѣ. Натуры же сильныя такое воззрѣніе легко приведетъ къ активному озвѣрѣнію. Стремясь во что бы то ни стало занять не принадлежащее имъ мѣсто на жизненномъ пиру, эти

люди, въ случаѣ неуспѣха, увеличатъ собою и безъ того многочисленные ряды печальныхъ героевъ уголовныхъ хроникъ. Но сколь ни велико зло приносимое этими единицами, оно почти ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ медленнымъ ядомъ, которымъ отравляется общество отъ развитія въ его членахъ страсти къ наслажденію. Наполеоновская Франція представляетъ въ этомъ отношеніи примѣръ настолько близкій Ренану, что одинъ этотъ примѣръ долженъ бы былъ удержать маститаго писателя отъ проповѣди идонизма. Но, увлекшись воспоминаніями о своей собственной жизни, Ренанъ забылъ, что эта жизнь, какъ самъ же онъ ее описываетъ, есть рѣдкое и счастливое исключеніе. Выводить изъ такого исключенія общее правило столь же ошибочно, сколь было бы ошибочно, основываясь на опытѣ одного здороваго человѣка, утверждать, что не существуетъ болѣзней. За всѣмъ тѣмъ остается еще вопросъ: можно ли признать здоровымъ и нормальнымъ душевное состояніе человѣка, который изъ долгой жизни своей вынесъ одно заключеніе, что исканіе истины есть дѣло безплодное и не желательное? Не есть ли это, скорѣе, примѣръ цвѣтка, который, блеснувъ на мгновеніе роскошными красками, опадаетъ, не оставляя по себѣ жизнеспособнаго сѣмени. Такимъ именно пустоцвѣтомъ представляется намъ философія Ренана. Прискорбно только, что ранѣе чѣмъ станетъ очевидною для всѣхъ ея несостоятельность, она во многихъ можетъ вселить то легкомысленное отношеніе къ вопросамъ знанія и жизни, которое неизмѣримо вреднѣе всякаго, самаго крайняго и непримиримаго, отрицанія.

Ал. С—нъ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

III.

Во время заграничнаго путешествія Петръ Великій далъ важную привилегію англійской табачной компаніи. По договору, заключенному московскимъ правительствомъ съ этимъ обществомъ, ему предоставлена была монополія на привозѣ и торговлѣ въ Россіи табакомъ въ продолженіе семи лѣтъ. Компанія обязалась ввозить въ Московское государство черезъ Архангельскъ не менѣе 3.000 бочекъ табаку въ годъ, т.-е. не менѣе 37.500 пудовъ; пошлины брали всего по 4 копѣйки съ фунта. За то запрещено было въ государствахъ и земляхъ царя табакъ садить и растить или привозить его кому-нибудь иному кромѣ англійской компаніи.

Петръ надѣялся пріобрѣсти такимъ образомъ расположеніе Англіи и думалъ, что она поможетъ ему заключить миръ съ Турціей. Онъ не сообразилъ, что Англичане боялись усиленія русскаго вліянія въ Босфорѣ, что они желали для пользы своей союзницы Австріи войны Россіи съ Турціей. Нашъ посланникъ Украинцевъ писалъ царю изъ Константинополя: „Послы англійскій и голландскій во всемъ держатъ крѣпко турскую сторону и больше хотятъ имъ всякаго добра, нежели тебѣ, великому государю. Торговля англійская и голландская корабельная въ Турскомъ государствѣ изстари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строеніе и плаваніе подъ Азовомъ и у Архангельскаго города, тому они завидуютъ и того ненавидятъ, чая себѣ отъ того въ морской своей торговлѣ великой помѣшки.“

Несмотря на этотъ урокъ, Петръ продолжалъ надѣяться, что Англія поможетъ ему въ его борьбѣ со Швеціей.

Въ концѣ 1704 г. англійское правительство отправило въ Москву чрезвычайнаго посланника Витворта. Въ данной ему инструкціи сказано: „Вы выразите царю, какъ глубоко мы цѣнимъ и уважаемъ дружбу царя и лично его особу, о чемъ мы и прежде заявляли ему, и васъ мы нынѣ отправили къ нему, намѣреваясь дать ему новыя, болѣе полныя увѣренія въ нашемъ расположеніи, а также въ нашемъ желаніи вступить съ нимъ въ болѣе тѣсный дружественный союзъ въ виду обоюдныхъ промышленныхъ торговыхъ выгодъ, ради пользы нашихъ подданныхъ и другихъ удобствъ, которыя несомнѣнно явятся слѣдствіемъ добрыхъ отношеній между нами.“ Витвортъ долженъ былъ ходатайствовать о томъ, чтобы табачная компанія получила возможно больше льготъ, но, кромѣ того, на него возложено было порученіе, изъ котораго видно, что со времени Петра Великаго Англія такъ же, какъ другія европейскія державы, начинаетъ придавать значеніе Россіи. „Вы возможно искусно и съ возможно меньшею оглаской, говорится въ инструкціи Витворту, постарайтесь добыть свѣдѣнія о планахъ, намѣреніяхъ русскаго двора, узнать: какія сношенія поддерживаются царемъ, каковы его финансы, его военныя силы и вообще все, способное интересовать насъ или имѣть вліяніе на наши дѣла.“

Витвортъ былъ принятъ съ большимъ почетомъ, ему устроенъ торжественный въѣздъ въ Москву. „Нашъ консулъ Гудфелло, доноситъ англійскій посланникъ, явился со всѣми англійскими купцами сопровождать меня при въѣздѣ въ городъ. Въ концѣ предмѣстья я увидѣлъ царскаго стольника съ одиннадцатью каретами; въ каждую изъ нихъ впряжено было по шести лошадей. Тутъ же стояло множество верховыхъ. При моемъ приближеніи стольникъ выслалъ ко мнѣ англійскаго переводчика сказать, что встрѣчаетъ меня по царскому повелѣнію, съ порученіемъ привѣтствовать меня и проводить въ городъ. Стольникъ спѣшился, прошелъ немного болѣе полудороги ко мнѣ на встрѣчу, затѣмъ сказалъ краткое привѣтствіе отъ имени царя. Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, мы двинулись далѣе въ слѣдующей процессіи: 1) 160 верховыхъ съ саблями наголо; 2) семь пустыхъ каретъ, принадлежащихъ главнымъ министрамъ царя; 3) четыре собственныя царскія кареты, изъ которыхъ въ послѣднихъ сидѣлъ я съ приставомъ и съ переводчикомъ; возлѣ

кареты шло шесть человѣкъ пѣшкомъ; 4) англійскіе купцы всѣ вмѣстѣ верхами; 5) три мои подручныя лошади; 6) мои двѣ кареты, запряженныя въ 6 лошадей каждая; 7) три воза, на нихъ уложено было двадцать небольшихъ санокъ, въ которыхъ прибыли мои слуги и кладь. Въ такой процессіи меня везли шагомъ черезъ весь городъ; причемъ отъ времени до времени нѣсколько разъ дѣлались, какъ мнѣ кажется, умышленныя остановки. Прошло около четырехъ часовъ, пока мы наконецъ прибыли въ нѣмецкую слободу, ко дворцу построенному покойнымъ генераломъ Лефортомъ. Тамъ приготовлено было для меня очень хорошенькое помѣщеніе и, согласно обычаю, принятому для всѣхъ посланниковъ, поручику съ 36 солдатами приказано было содержать при мнѣ постоянный караулъ. Кромѣ того, пріѣхавъ, я встрѣченъ былъ подаркомъ отъ царя: онъ прислалъ мнѣ вина, меду и другихъ угощеній. На слѣдующее утро я призванъ былъ на частную аудіенцію въ домъ Головина, гдѣ царь принялъ меня безо всякихъ церемоній; тамъ же я имѣлъ честь представить кредитивы, высказавъ при этомъ приличныя случаю увѣренія въ дружбѣ королевы (Анны) и уваженіе ея къ особѣ царя. Государь отвѣчалъ въ весьма милостивыхъ выраженіяхъ и прибавилъ, что въ тотъ же вечеръ отправляется въ Воронежъ, но что я могу обращаться со всѣмъ, что окажется нужнымъ, къ президенту Посольскаго Приказа."

Вскорѣ по пріѣздѣ Витворту пришлось исполнить такое порученіе, которое при иномъ отношеніи Петра къ Англіи легко могло повести къ разрыву. Въ Лондонѣ узнали, что въ Россіи хотятъ заняться табачнымъ производствомъ и завести собственныя табачныя фабрики. Вопросъ этотъ обсуждался въ королевскомъ совѣтѣ, которому лорды, вѣдающіе торговлю, представили слѣдующій рапортъ: „Гольдъ съ товарищами здѣсь въ Англіи заключилъ съ царемъ Московскимъ контрактъ на ввозъ извѣстнаго количества табаку въ царскія владѣнія. Этотъ контрактъ они выполняли; затѣмъ, такъ какъ продажа шла медленно, значительная часть привезеннаго табака высохла и легко могла стать непригодною для сбыта, еслибы къ ней не рѣшились примѣнить пріемовъ храненія, которые употребляются въ Англіи. Они послали за Петромъ Маршалемъ и его женой, искусными въ крошкѣ и свертываніи табака, и за всѣми инструментами и матеріалами, необходимыми для этого дѣла, намѣреваясь, говорятъ они, вернуть выписанныхъ лицъ въ Англію немедленно,

какъ скоро Маршаль и жена его окончатъ порученную работу, отнюдь не допуская ихъ притомъ примѣнять свое искусство въ крошкѣ и свертываніи къ табаку, вырощенному въ царскихъ владѣніяхъ. Мы убѣдились, что лондонскій купецъ Мартинъ, черезъ посредство сына своего и своего московскаго корреспондента Спильмена, гораздо позже заключилъ съ нѣсколькими царскими чиновниками другой контрактъ о ввозѣ изъ Англіи въ царскія владѣнія новаго запаса табаку и въ то же время объ отправкѣ туда же по желанію царя извѣстнаго числа людей, искусныхъ въ рѣзкѣ и свертываніи табака, съ инструментами, машинами, съ матеріаломъ, съ жидкостями, обыкновенно употребляемыми при этомъ производствѣ, и уже не только для обработки табака, привезеннаго изъ Англіи, но и табака, вырощеннаго въ обширной кавказской провинціи, принадлежащей государю Московскому. Такимъ путемъ подданные царя могутъ быть посвящены въ тайны табачнаго дѣла наравнѣ съ подданными королевы, промышляющими выдѣлкой табака, что отзовется крайне вредными послѣдствіями на англійской торговлѣ и на процвѣтаніи нашихъ плантацій. Позволимъ себѣ выразить мнѣніе, что упомянутыя лица, вызванныя въ Москву первыми контрагентами, должны быть немедленно призваны обратно или иными указами, высланными посланнику вашего величества въ Россію: необходимо также именемъ вашего величества приказать, чтобы машины и матеріалы, уже находящіеся въ этой странѣ, были сломаны и уничтожены въ присутствіи помянутаго посланника вашего; также необходимо, чтобы названному Мартину и его корреспондентамъ объявлено было, что ваше величество не считаете возможнымъ допустить отправку въ Московское государство лицъ, знакомыхъ съ табачныхъ производствомъ, а также отправку нужныхъ для него инструментовъ и матеріаловъ.“ Мнѣніе это было одобрено королевскимъ совѣтомъ, и сообразно съ нимъ Витвортъ получилъ приказаніе употребить всѣ усилія, чтобы съ надлежащею осторожностью уничтожить матеріалы, необходимые для табачнаго производства, и приказать лицамъ, прикосновеннымъ къ этому дѣлу, немедленно возвратиться домой.

Это порученіе было исполнено Витвортомъ безо всякихъ церемоній. „Я послалъ за г. Персономъ, писалъ англійскій посланникъ, молодымъ человѣкомъ, которому консулъ въ свое отсутствіе поручилъ здѣсь свои дѣла, и, сообщивъ ему волю королевы, пригласилъ его повиноваться и помочь мнѣ. У него какъ разъ

набрано было около двухъ сотъ русскихъ рабочихъ для обработки табака подъ руководствомъ Маршаля, мастера по скручиванію и свертыванію, и Пикока, мастера по крошкѣ табаку. Пикокъ, правда, не упоминается въ постановленіи королевскаго совѣта, но зная объ его участіи въ обработкѣ табака, я счелъ своею обязанностью обратить вниманіе на него, а такъ какъ онъ человѣкъ разсудительный и не болтливый, я познакомилъ его съ полученными инструкціями, и онъ выразилъ готовность почтительно покориться имъ. Свѣдѣнія же, собранныя мною о Маршалѣ, таковы, что я не рѣшился ему довѣриться. Разсказываютъ, будто человѣкъ этотъ и Англію-то покинулъ, главнымъ образомъ, опасаясь правительственнаго преслѣдованія за нѣкоторые неблаговидные поступки въ торговомъ дѣлѣ; кромѣ того, онъ не разъ выказывалъ склонность вступить на царскую службу; его видятъ въ нетрезвомъ положеніи и въ нескромности, потому я имѣлъ полное основаніе опасаться, какъ бы онъ не разболталъ о нашихъ намѣреніяхъ и съ помощью русскаго правительства не помѣшалъ мнѣ выполнить возложенное на меня порученіе. Въ виду всего этого я рѣшился отправить его вмѣстѣ съ Пикокомъ въ Вологду подъ предлогомъ осмотрѣть сложенную тамъ большую партію табака, принадлежащаго консулу; въ Вологдѣ же ему передадутъ письмо, какъ бы призывающее его въ Архангельскъ по тому же дѣлу. Впрочемъ, на случай еслибъ онъ почему-либо воспротивился ѣхать далѣе, я снабдилъ Пикока письмомъ, въ которомъ прямо приказываю Маршалю возвратиться въ Англію и угрожаю сильнымъ гнѣвомъ со стороны королевы въ случаѣ ослушанія."

О другой сторонѣ порученія Витвортъ сообщалъ: „Передъ отъѣздомъ мастеровъ русскіе рабочіе были распущены какъ бы только на время, а вечеромъ я явился въ мастерскую въ сопровожденіи Персона, моего секретаря, и четырехъ слугъ мы большую часть ночи провели въ разрушеніи матеріаловъ и инструментовъ, изъ которыхъ нѣкоторые оказались до того прочными, что намъ при ломкѣ ихъ пришлось поднять порядочный шумъ. Тутъ стояло одиннадцать заколоченныхъ бочекъ, до четверти наполненныхъ табачною жидкостью въ разныхъ моментахъ приготовленія; ее я приказалъ вылить, затѣмъ уничтожилъ пять пачекъ матеріаловъ, предназначенныхъ для обработки этой жидкости. Сломалъ я большой крутильный станокъ, около 60 катушекъ для свертыванія, три машины, вполнѣ установленныя для

крошки табака, съ двухъ другихъ снялъ планки и рычаги, нѣсколько большихъ машинъ для прессованія табаку разнесено въ дребезги, винты ихъ испорчены, деревянныя части поломаны, мѣдная обшивка содрана, около двадцати прекрасныхъ ситъ изрѣзано въ куски, короче—ни одна вещь не оставлена въ цѣлости, кромѣ нѣсколькихъ большихъ простыхъ деревянныхъ прессовъ и нѣсколькихъ обыкновенныхъ деревянныхъ столовъ. На слѣдующій день слуги мои возвратились и сожгли всѣ деревянные обломки, а мой кузнецъ теперь работаетъ надъ желѣзными и мѣдными остатками машинъ у меня на дому. Такимъ образомъ, я въ точности исполнилъ порученіе, которымъ королевѣ угодно было удостоить меня; искренно желаю, чтобъ этимъ достигнута была предположенная цѣль — помѣшать обработкѣ кавказскаго табаку, отбить у купцовъ охоту впредь секретно вывозить изъ Англіи подобные матеріалы и машины съ цѣлью заслужить милость царя и сдѣлать выгодное дѣло, къ чему Русскіе конечно будутъ склонять ихъ.“ [1]

Петръ отнесся снисходительно къ этому поступку Витворта, потому что разсчитывалъ при посредствѣ Англіи заключить выгодный миръ со Швеціей. Въ концѣ 1706 г. былъ посланъ въ Лондонъ Матвѣевъ, который долженъ былъ предложить англійскому правительству союзъ съ Россіей и объяснить какъ выгодно будетъ Англіи, если Петръ вступитъ въ „великую аліанцыю“, то-есть въ союзъ, заключенный между Англіей, Австріей, Голландіей, Пруссіей и Португаліей, и поможетъ имъ въ борьбѣ съ Франціей и Испаніей. Если англійскіе министры спросятъ, сказано въ инструкціи данной Матвѣеву, какая польза имъ будетъ отъ союза съ царемъ, то объявить, что царь пошлетъ войска свои, куда имъ будетъ нужно, доставитъ матеріалъ на ихъ флотъ, можетъ послать войска свои въ Венгрію для укрощенія тамошняго бунта, который такъ вреденъ союзникамъ, оттягивая силы Австріи и давая отдыхъ Франціи. Союзникамъ легко принудить Швецію къ миру: стоитъ только послать эскадру въ Балтійское море и возбудить короля Датскаго и другихъ князей имперіи, что же касается условій мира между Россіей и Швеціей, то царь отдаетъ это дѣло на волю королевы, выговаривая одно,—чтобы возвращенное въ нынѣшнюю войну его оружіемъ отеческое достояніе, то-есть Балтійское побережье, осталось за Россіей.

[1] *Сборникъ Историч. Общества*, т. I, стр. 32—33, 103—104, 135—139.

Посолъ долженъ былъ объяснить, какъ выгодно будетъ для Англичанъ, когда Россія получитъ удобныя пристани на Балтійскомъ морѣ: русскіе товары будутъ безопасно и скоро нѣсколько разъ въ годъ перевозиться въ Англію, не такъ какъ теперь изъ Архангельска; русскіе товары станутъ дешевле, потому что Балтійскія пристани близко отъ Москвы и отъ другихъ значительнѣйшихъ городовъ и водяной путь къ нимъ удобный.

Матвѣевъ долженъ былъ склонить на свою сторону всесильнаго въ то время герцога Мальборо и обѣщать ему немалые подарки. Когда до Петра дошла вѣсть, что герцогъ готовъ содѣйствовать его видамъ, если ему дано будетъ княжество въ Россіи, царь велѣлъ обѣщать ему княжество кіевское, владимірское или сибирское, какое захочетъ, съ пожизненною пенсіей въ 50 тысячъ рублей, рѣдкій по своей величинѣ камень-рубинъ и орденъ св. Андрея.

Первыя извѣстія изъ Лондона были благопріятны, Матвѣевъ писалъ, что нашелъ обхожденіе къ себѣ господъ Англичанъ пріятное. Но когда онъ подалъ государственному секретарю письменное предложеніе о союзѣ, на эту бумагу долго ничего положительнаго не отвѣчали, отговариваясь тѣмъ, что недосугъ. Затѣмъ англійское правительство стало увѣрять, что оно радо было бы принять Россію въ великій союзъ, но задержка за другими союзниками.

Посольство Матвѣева окончилось вполнѣ неудачно. Убѣдившись, что „отъ льстиваго англійскаго министерства никакой склонности къ царскому величеству нѣтъ и сердечная любовь къ Шведу со дня на день увеличивается“, Матвѣевъ просилъ, чтобъ его отозвали. За день до отъѣзда ему было нанесено оскорбленіе, въ которомъ онъ былъ виноватъ только тѣмъ, что задолжалъ въ Лондонѣ. 23 іюля Матвѣевъ назначилъ срокомъ расплаты со всѣми своими кредиторами. 21 іюля вечеромъ поѣхалъ онъ въ Соммерсетъ-гоузъ, гдѣ обыкновенно собирались иностранные министры для узнанія другъ отъ друга новостей. Но дорогой вдругъ подбѣгаютъ къ его каретѣ три человѣка, остановили лошадей, двое вломились въ карету, третій сталъ на козлы и велѣлъ кучеру мчать какъ можно скорѣе, неизвѣстно куда. Вломившіеся въ карету начали бить Матвѣева, отняли шпагу, трость, шляпу. Когда онъ сталъ громко кричать, то они снова избили его и изодрали платье, держа за воротъ. На крики Матвѣева сбѣжались люди, остановили лошадей и ввели было

избитаго Матвѣева въ ближайшую таверну, но должны были отъ него отступиться, потому что задержавшіе его объявили, что имѣютъ предписаніе арестовать его за долгъ въ 50 фунтовъ. Матвѣева въ извощичьей каретѣ привезли въ долговую тюрьму; но еще изъ таверны онъ успѣлъ дать знать иностраннымъ посламъ о страшномъ оскорбленіи, нанесенномъ всѣмъ имъ въ его лицѣ, и онъ былъ отпущенъ на поруки англійскаго купца Стайльса. Неудивительно, что Матвѣевъ называлъ Англичанъ „христоненавистнымъ народомъ и канальскаго злочестія исполненнымъ“. [1]

Дѣло объ оскорбленіи нашего посла тянулось два года и было закончено только въ 1710 г. Узнавъ о фактѣ грубаго насилія, англійское правительство испугалось, какъ бы этотъ инцидентъ не отозвался на англійской торговлѣ Статсъ-секретарь Бойль писалъ по этому поводу Витворту: „Не могу не извѣстить васъ о несчастномъ случаѣ, который въ настоящее время очень тревожитъ насъ. Въ минувшую среду ночью московскій посолъ схваченъ былъ въ своемъ экипажѣ за долги и отвезенъ въ заключеніе полицейскими служителями. Едва услыхавъ объ этомъ, я отправилъ одного изъ секретарей своихъ помочь ему и освободить его; теперь же собираю подробныя справки и произвожу слѣдствіе, чтобы доложить обо всѣмъ королевѣ и дать послу возможное удовлетвореніе по этому необычайному дѣлу. Это дерзость вопіющая, способная надѣлать много шума, и трудно предвидѣть какими грустными послѣдствіями она можетъ отозваться въ мѣстѣ вашего пребыванія, потому мнѣ приходится поручить вашей особенной осмотрительности и вашему такту заботу о томъ, какъ заявить о крайнемъ сожалѣніи королевы по поводу недостойнаго поступка съ царскимъ посломъ и увѣрить, что все возможное будетъ сдѣлано для полнѣйшаго удовлетворенія за причиненное оскорбленіе.“ Черезъ четыре дня Витворту вновь писали изъ Лондона: „Случай этотъ такъ необычаенъ, что я опасаюсь, какъ бы онъ не навлекъ серьезныхъ бѣдъ и затрудненій и вамъ и прочимъ англійскимъ подданнымъ, проживающимъ въ царскихъ владѣніяхъ. Вамъ придется употребить всѣ старанія съ цѣлью разсѣять грозу горячими увѣреніями въ дружескомъ расположеніи королевы и ея уваженіи къ царю, а также въ томъ, что королева не пренебрежетъ ничѣмъ для полнѣйшаго удовлетворенія посла. Вы также хорошо сдѣлаете, если

---

[1] Соловьевъ, *Исторіи Россіи*, т. 17.

употребите всевозможныя средства склонить лицъ, пользующихся особеннымъ расположеніемъ или довѣріемъ царя, къ тому, чтобъ они смягчили и умѣрили гнѣвъ государя по этому поводу."

Петръ потребовалъ, чтобъ оскорбители Матвѣева были преданы смертной казни, не потому чтобы казнь доставила удовольствіе царю, писалъ Витвортъ, но онъ желалъ бы смертнаго приговора надъ ними для устрашенія другихъ, а также чтобъ ему предоставлено было право помилованія ради поддержанія достоинствъ Россіи и ея представителей въ прочихъ государствахъ. На такое требованіе англійское правительство, конечно, не согласилось и дало знать, что оскорбители Матвѣева арестованы и преданы суду, участь ихъ будетъ зависѣть отъ рѣшенія судей. Затѣмъ въ парламентъ внесенъ былъ билль объ охранѣ привилегій иностранныхъ пословъ. „Я извѣстилъ графа Головкина и Шафирова, доносилъ Витвортъ, что процессъ противъ оскорбителя уже начатъ былъ прежде,чѣмъ въ Англію успѣли прійти какія бы то ни было жалобы или извѣстія о желаніяхъ русскаго двора; это достаточно убѣждаетъ въ готовности министровъ королевы дать удовлетвореніе и въ искренности ихъ увѣренія по этому поводу. Въ настоящее время ожидаю рѣшенія суда, но полагая, что законъ не допуститъ казни или вообще публичнаго наказанія полицейскихъ, осмѣливаюсь представить, не окажется ли возможнымъ путемъ какихъ-либо чрезвычайныхъ мѣръ помочь настоящей бѣдѣ и устранить всякіе поводы къ затаенному неудовольствію, которое впослѣдствіи можетъ отозваться къ невыгодѣ купцовъ, къ стѣсненію ихъ торговли и въ ущербъ нашимъ національнымъ интересамъ."

Но по мѣрѣ того какъ шли переговоры объ оскорбленіи Матвѣева, англійское правительство старалось уменьшить значеніе этого факта, а русское правительство становилось все уступчивѣе. Витвортъ говорилъ, что подобныя происшествія не въ диковинку въ странѣ, гдѣ международное право мало знакомо и мало соблюдается. Въ доказательство англійскій посланникъ сообщалъ, что ему также нанесено оскорбленіе. „Мой слуга, оскорбленный пьянымъ человѣкомъ, писалъ онъ, сталъ звать на помощь, почему и отведенъ былъ въ тюрьму вмѣстѣ съ оскорбителемъ на основаніи стараго постановленія брать подъ стражу равно лицъ призывающихъ на помощь и лицъ противъ которыхъ она понадобилась."

На предложеніе англійскаго правительства удовольствоваться

парламентскимъ биллемъ съ присылкой почетнаго лица, которое выразило бы сожалѣніе королевы, канцлеръ Головкинъ сообщилъ Витворту отъ имени Петра, что царь не можетъ принять окончательнаго рѣшенія, пока не узнаетъ, какой приговоръ будетъ произнесенъ оскорбителямъ Матвѣева, что парламентскій актъ является только защитой въ будущемъ, а не удовлетвореніемъ въ настоящемъ, что отправкой чрезвычайнаго уполномоченнаго можетъ восполниться только часть удовлетворенія, что царь несомнѣнно высоко цѣнитъ расположеніе королевы, но во вниманіе къ собственному достоинству не можетъ допустить, чтобъ оскорбители остались безнаказанными. Сообщеніе это Витвортъ снабдилъ слѣдующими комментаріями: „Со своей стороны замѣчу, что, признавая законное наказаніе оскорбителей, письмо королевы и порицаніе цѣлой націи недостаточнымъ удовлетвореніемъ за обиду, къ которой посолъ далъ несчастный поводъ неосторожнымъ веденіемъ собственныхъ частныхъ дѣлъ, русское правительство въ то же время не даетъ никакого удовлетворенія по поводу оскорбленія, нанесеннаго мнѣ: одного изъ старшихъ слугъ моихъ, безо всякой вины съ его стороны, держатъ въ тюрьмѣ двадцать четыре часа, и это остается безо всякаго удовлетворенія, даже безо всякаго вниманія. Не можетъ же невѣжество простираться до непризнанія голоса цѣлой націи удовлетвореніемъ болѣе почетнымъ, чѣмъ простая формальность судебнаго приговора, которая требуется русскимъ правительствомъ.“

Когда оскорбители нашего посла были оправданы судомъ, рѣшено было доставить царю письмо отъ королевы, въ которомъ указано было бы на начатое преслѣдованіе оскорбителей по закону и на недостаточность закона для привлеченія ихъ къ должному наказанію, и выражено было бы сожалѣніе королевы и новыя увѣренія въ ея расположеніи. Съ этою цѣлію Витвортъ былъ облеченъ саномъ чрезвычайнаго посла и былъ принятъ царемъ въ торжественной аудіенціи, которую онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „5 февраля 1710 года всѣ англійскіе купцы нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ, состоящихъ офицерами на царской службѣ, всего человѣкъ сорокъ явились ко мнѣ. Въ девять часовъ стольникъ государевъ былъ присланъ ко мнѣ предупредить, что старшій стольникъ Салтыковъ ѣдетъ съ царскими каретами и будетъ сопровождать меня на аудіенцію. Часъ спустя Салтыковъ прибылъ. Согласно церемоніалу, я проводилъ его въ свою комнату, пока мой секретарь и купцы

разсаживались по каретамъ. Процессія двинулась; менѣе сановитыя лица ѣхали впереди, ихъ было двадцать три человѣка; въ кареты ихъ впряжено было по шести лошадей; въ послѣдней, принадлежащей князю Меншикову, сидѣлъ мой секретарь съ вѣрительными грамотами и одинъ изъ царскихъ секретарей. Затѣмъ двигались: 1) мои сани, украшенныя рѣзьбой, золотыми и зелеными полосами, обитыя золотымъ галуномъ, съ богато расшитою полостью, запряженныя шестерней наемныхъ лошадей; 2) прелестный шарабанъ разрисованный, украшенный золотыми и красными полосами, запряженный шестью вороными конями въ сбрую, убранную бляхами; 3) шарабанъ, богато изукрашенный золотомъ, обитый краснымъ бархатомъ съ серебрянымъ шнуромъ, запряженный шестью вороными лошадьми въ прекрасно убранной позолоченной сбруѣ; 4) двѣнадцать пѣшихъ слугъ въ красныхъ ливреяхъ съ широкимъ золотымъ галуномъ, расшитыхъ зеленымъ и бѣлымъ шелкомъ; 5) четыре пажа верхомъ въ накидкахъ прелестнаго краснаго цвѣта, богато разукрашенныхъ золотомъ и серебромъ, въ курткахъ и рукавахъ изъ зеленой парчи съ золотыми и серебряными цвѣтами; 6) царская карета, въ которой сидѣлъ я, Салтыковъ и церемоніймейстеръ; мой конюшій ѣхалъ у дверцы. Шествіе продолжалось почти полтора часа, улицы были переполнены народомъ. Когда я подъѣхалъ ко дворцу, караулъ встрѣтилъ меня съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами; офицеры стояли впереди съ обнаженными саблями и отдавали мнѣ честь, прикладываясь къ шляпѣ.

„При выходѣ изъ кареты меня привѣтствовалъ спальникъ Нарышкинъ, родственникъ царя. На лѣстницѣ по обѣ стороны шпалерами стояли гренадеры; вверху меня принялъ князь Щербатовъ, а въ прихожей тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ царскихъ. Царь стоялъ на тронѣ съ открытою головой. Подойдя къ нему я произнесъ по-англійски прилагаемую рѣчь, которую секретарь мой прочелъ въ голландскомъ переводѣ, а затѣмъ одинъ изъ Русскихъ—въ русскомъ переводѣ. Царь отвѣчалъ мнѣ по-русски. Отвѣтъ его, переведенный тутъ же вице-канцлеромъ Шафировымъ, въ сущности былъ таковъ: царь могъ бы, конечно, ожидать, что лица, нарушившія законы международнаго права по отношенію къ послу его, будутъ наказаны согласно его желанію, но коль скоро это невозможно за неполнотою нашей конституціи, государь,

принимая на видъ вниманіе націи, выраженное въ парламентскомъ актѣ, а также честь, оказанную ему королевой настоящимъ посольствомъ, согласенъ принять предлагаемое удовлетвореніе."

Такимъ образомъ, инцидентъ былъ улаженъ, и черезъ нѣсколько дней послѣ торжественной аудіенціи Петръ обѣдалъ у англійскаго посла и провелъ у него большую часть дня. Необыкновенная уступчивость Петра объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ все еще надѣялся вступить въ европейскій союзъ и думалъ, что западныя державы помогутъ ему окончить скорѣе и на болѣе выгодныхъ условіяхъ войну со Швеціей. Пока шли переговоры объ оскорбленіи, нанесенномъ Матвѣеву, англійское правительство старалось дать понять, будто союзъ съ Россіей возможенъ. Витвортъ получилъ инструкцію слѣдующаго содержанія: „Въ нѣсколькихъ письмахъ изъ Берлина и другихъ мѣстъ дѣлается намекъ, будто царь не прочь вступить въ великій союзъ; потому королева поручаетъ вамъ приглядѣться къ этому вопросу съ возможною осторожностью и въ возможно непродолжительномъ времени. Русскій дворъ, конечно, вспомнитъ о холодности, съ которой предложеніе царя о вступленіи въ союзъ было принято королевой два года тому назадъ, когда оно предлагалось черезъ Матвѣева, но на это можно отвѣтить прямо, что холодный пріемъ вызванъ былъ не недостаткомъ уваженія къ такому великому монарху, какъ царь, и единственно соображеніемъ о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ; но королевѣ чрезвычайно пріятно воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, согласнымъ съ общею пользой союзниковъ, чтобы заявить о своемъ уваженіи къ царю Московскому." Поэтому Витвортъ сообщилъ царю, что если онъ желаетъ мира и если содѣйствіе королевы можетъ способствовать такому доброму дѣлу, на него можно разсчитывать. Царь не далъ положительнаго отвѣта, но выражая сожалѣніе по поводу отвращенія короля Шведскаго отъ всякаго соглашенія, сказалъ, что хотя вся Швеція жаждетъ мира, трудно надѣяться на миръ безъ могущественнаго посредничества и энергическаго продолженія войны. Въ другой разъ англійскій посланникъ велъ съ русскими министрами бесѣду, о которой онъ сообщаетъ слѣдующее: „Я какъ бы по собственному почину предложилъ посредничество королевы и Голландіи, изъявляя готовность изъ желанія оказать особенную услугу государю употребить всѣ старанія съ

цѣлью уладить это посредничество и выражая надежду, что при настоящихъ обстоятельствахъ старанія эти увѣнчаются успѣхомъ. Затѣмъ я упомянулъ вѣскіе мотивы, требующіе, чтобы Московскій дворъ просилъ о посредничествѣ, указалъ выгоды, вытекающія изъ того, что условія мира будутъ предъявлены ему первому и прибавилъ, что въ случаѣ если добрыя старанія Англіи и Голландіи не приведутъ къ миру, останутся безуспѣшными, они тѣмъ не менѣе могутъ дать поводъ къ большему сближенію царя съ союзниками.“ [1]

Еслибы Петръ Великій зналъ, какъ Европа смотрѣла на Россію, онъ въ своемъ великомъ дѣлѣ разсчитывалъ бы только на собственный талантъ и храбрость русскаго войска. Стремленія и цѣли царя шли въ разрѣзъ съ видами англійской политики. Петръ хлопочетъ, чтобы Россію сочли, наконецъ, европейскою державой и приняли ее въ европейскій союзъ; англійскій же посланникъ пишетъ: „На предложеніе царя вступить въ великій союзъ я всегда смотрѣлъ какъ на неудобную затѣю, невыгодную и невыполнимую, плохо обдуманную самимъ правительствомъ, которое подобно утопающему не въ состояніи оглядѣться хорошенько и жадно хватается за все, что̀ кажется пригоднымъ для спасенія; торговый договоръ, напротивъ, достоинъ полнаго вниманія и обѣщаетъ прочныя выгоды обѣимъ націямъ.“ Когда Матвѣевъ предлагалъ въ Лондонѣ принять Россію въ великую аліанцію, онъ узналъ о внушеніяхъ прусскаго и ганноверскаго дворовъ, что всѣмъ европейскимъ государямъ надо опасаться усиленія московской державы; если Москва вступитъ въ великій союзъ, вмѣшается въ европейскія дѣла, навыкнетъ воинскому искусству и сотретъ Шведа, который одинъ заслоняетъ отъ нея Европу, то нельзя будетъ ничѣмъ помѣшать ея дальнѣйшему распространенію въ Европѣ. Для предотвращенія этого союзникамъ надо удерживать царя внѣ Европы, не принимать его въ союзъ, мѣшать ему въ обученіи войска и въ войнѣ между Швеціей и Москвой помогать первой. Англійское правительство вполнѣ согласилось съ такимъ образомъ мыслей.

Петръ доказывалъ Англичанамъ, что завоеваніе Русскими Балтійскаго побережья выгодно имъ, но Англичане этого не находили. По словамъ Витворта, Англіи и Голландіи невыгодно

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 50, стр. 116, 129—130, 136—139, 163, 165—167, 212, 318—320, 264—265, 290, 294.

будетъ отворить царю дверь къ европейскимъ дѣламъ и торговлѣ, интересы Англіи требуютъ удаленія Русскихъ отъ Балтійскаго моря. Петръ считалъ, что просвѣщеніе необходимо и принесетъ выгоду Русскому народу, а для Англіи было выгодно не выводить Россію изъ невѣжества. „Въ разсчеты англійской націи, пишетъ Витвортъ, не входитъ ознакомленіе царя и его подданныхъ съ тайнами торговаго дѣла, выгоды котораго ободрятъ ихъ къ новымъ предпріятіямъ и къ развитію мореплаванія, что̀ можетъ причинить значительный убытокъ и Англичанамъ, и всѣмъ, кто до сихъ поръ пользовался невѣжествомъ Русскихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всею торговлей на сѣверѣ.“

Пренебрежительное отношеніе къ Россіи очень замѣтно въ донесеніяхъ англійскихъ посланниковъ. Вотъ что̀ мы читаемъ въ этихъ документахъ: „Можетъ-быть, царь и не считаетъ себя обязаннымъ соблюдать условіе, заключенное съ частными людьми (табачною компаніей): съ собственными подданными царь обращается совершенно произвольно, выполняя и отмѣняя данныя имъ обѣщанія, милости и грамоты по усмотрѣнію; сдѣлать необходимое, собственно говоря, отступленіе отъ этого обычая въ пользу иностранцевъ, можетъ-быть, дѣйствительно крайне непріятно и неудобно для русскаго правительства“. „Русскіе — народъ лукавый, на которыхъ положиться нельзя; великодушіе, честь и прочія добрыя качества имъ неизвѣстны“. „Опасеніе разлада, писалъ Витвортъ, всегда оказываетъ на русскій дворъ дѣйствіе болѣе сильное, чѣмъ чувства чести и благодарности, а потому, по моему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Россіей, нѣкоторая холодность будетъ не безполезна, и вы можете удобно проявить ее, отозвавъ меня безъ указанія на какой бы то ни было поводъ къ такому отзыву“. Выражая желанія покинуть свой постъ, тотъ же посланникъ писалъ своему министерству: „Вы поймете, какъ много причинъ я имѣю стремиться къ выѣзду изъ Россіи, гдѣ моя репутація зависитъ отъ минутныхъ настроеній и безсмысленныхъ инсинуацій. Здѣсь мнѣ предстоитъ грустная перспектива потерять лучшіе годы жизни, разучиться иностраннымъ языкамъ, за недостаткомъ хорошаго общества утратить порядочныя манеры, отвыкнуть отъ придворной жизни, оторваться отъ дѣловыхъ связей,—отъ всего, къ чему я было сталъ привыкать во время пребыванія моего въ Германіи.“ [1]

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 39, стр. 459. Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 15, стр. 302—303. *Сб. Ист. Общ.* т. 39, стр. 222—223, 263, 41, т. 50. стр 372, 376, 180, т. 39, стр. 475.

Отъ времени до времени, узнавъ о какомъ-нибудь предательскомъ поступкѣ западныхъ державъ, Петръ сердился. Такъ, напримѣръ, въ разговорѣ съ иностранными дипломатами царь напалъ однажды на Австрію, бывшую въ союзѣ съ Англіей. Онъ вспомнилъ, какъ Австрія старалась помѣшать его переговорамъ съ Венеціей и сказалъ: Всѣ вѣнскіе министры мошенники.— Между австрійскими министрами есть нѣсколько честныхъ людей, возразилъ Витвортъ. А Фицтумъ, саксонскій посланникъ, замѣтилъ: пора забыть прошлое и заключить прочную дружбу на будущее время. — Дружбу! воскликнулъ Петръ,—вотъ такъ друзья! въ жизнь не забуду всего, что̀ потерпѣлъ отъ нихъ, чувствую, какъ оставили меня эти друзья съ пустымъ карманомъ. Собаку побей, и та не возвратится къ тому, кто билъ! Теперь все равно: хорошо живется австрійскому дому—тѣмъ лучше для него, не хорошо—его дѣло! [1]

Но это были минутныя вспышки. Петръ все-таки возвращался къ Европѣ и разсчитывалъ на помощь великой аліанціи.

IV.

Чѣмъ больше одерживалъ успѣховъ Петръ въ войнѣ со Швеціей, тѣмъ непріязненнѣе становились отношенія Англіи къ Россіи, и дѣло дошло, наконецъ, до разрыва. Англичане чувствовали, что Россія становится первокласною и могущественною державой, и возрастаніе этого могущества возбуждало опасенія с.-джемскаго кабинета. „Конечно, писалъ секретарь англійскаго посольства, нужно еще много времени, чтобы нація эта достигла высокаго образованія и хорошаго политическаго строя, ей недостаетъ надлежащаго пониманія и опытныхъ людей въ дѣлахъ государственныхъ и военныхъ; тѣмъ не менѣе, ее уже и теперь совершенно презирать нельзя, такъ какъ, не обладая ни знаніемъ, ни искусствомъ, она все-таки каждый день умнѣетъ подъ вліяніемъ Франціи, представителей своихъ союзниковъ и собственныхъ представителей за границей, въ числѣ которыхъ много иностранцевъ; кромѣ того, царь человѣкъ глубокаго ума, здраваго смысла, одаренный прирожденными дарованіями, вполнѣ способный судить, что̀ соотвѣтствуетъ его цѣлямъ и его интересамъ.“

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 61, стр. 35.

Англіи не нравилось, что Данія помогала Россіи противъ Швеціи. „Мнѣ кажется, писалъ тотъ же англійскій секретарь, она недостаточно взвѣсила, что положеніе вещей можетъ измѣниться, что держать царя и его преемниковъ вѣчно прикованными къ союзу съ Даніей немыслимо. Она думаетъ возвысить русскаго монарха, сама готова служить орудіемъ такого возвышенія, надѣясь, что, сдѣлавъ его могущественнымъ, страшнымъ и на морѣ и на сушѣ, она подъ его покровительствомъ станетъ безопасною ото всякихъ другихъ посягательствъ, но забываетъ, что по уничтоженіи шведскаго могущества, взаимные интересы Даніи и Россіи тоже измѣнятся. Еслибы Данія захотѣла подумать о поведеніи русскаго двора и принять въ соображеніе, съ какимъ трудомъ ей выплатили субсидію, какъ грубо и небрежно обращались съ нею (!), еслибъ она помнила, что московскій дворъ придерживается трактатовъ только пока они соотвѣтствуютъ его частнымъ интересамъ и служатъ его личнымъ цѣлямъ, она легко сообразила бы, чего можно ожидать отъ царя, когда, не нуждаясь болѣе въ ея помощи, могущественный, грозный, онъ, слѣдуя правиламъ Франціи, вздумаетъ придраться къ пустѣйшей, воображаемой обидѣ, затѣять ссору и напасть на прежнихъ своихъ друзей и союзниковъ.“

Въ запискѣ „О современномъ положеніи европейскихъ дѣлъ“ секретарь англійскаго посольства выразилъ взглядъ англійскаго правительства на русско-шведскую войну. „Морскія державы, говоритъ онъ, Великобританія и Голландія, держатся совсѣмъ иныхъ началъ, чѣмъ Франція. Къ завоеваніямъ онѣ не стремятся; ихъ цѣль — собрать неисчислимыя богатства, достигнуть благосостоянія путемъ утвержденія за собою монополіи на всѣхъ рынкахъ, на которые проникаетъ ихъ торговля, то-есть почти во всемъ мірѣ. Такъ онѣ не только развили свое богатство, но еще пріобрѣли значительное могущество среди европейскихъ державъ, путемъ торговли привлекая къ себѣ всѣ деньги Европы, что ясно изъ слѣдующаго: пожелай кто-либо изъ монарховъ занять милліона два или менѣе, сумму эту не найти нигдѣ, кромѣ Англіи или Голландіи. Дѣйствительно, у двѣнадцати, пятнадцати амстердамскихъ купцовъ найдешь болѣе наличныхъ денегъ, чѣмъ во всѣхъ трехъ сѣверныхъ королевствахъ: Даніи, Норвегіи и Швеціи, отъ которыхъ собственно эти деньги получены. А разъ всѣ деньги находятся въ рукахъ упомянутыхъ державъ, онѣ, естественно, стали бы рѣшителями всѣхъ судебъ Европы, не представься

для нихъ нѣкотораго противовѣса въ могуществѣ Франціи. Возникаетъ важный политическій вопросъ: соотвѣтствуютъ ли успѣхи сѣверныхъ союзниковъ (Россіи, Польши и Даніи) интересамъ упомянутыхъ морскихъ державъ? Вопросъ этотъ разрѣшается самъ собою, если обратить вниманіе на цѣль, къ которой стремятся союзники. Касательно Россіи предсказанія могутъ быть сведены на два пункта: 1) царь, ослабивъ шведское могущество, оттѣснивъ Швецію отъ своихъ предѣловъ, обезпечитъ свой тылъ отъ нападеній этого наслѣдственнаго врага. 2) Овладѣвъ хорошими портами въ Балтійскомъ морѣ, царь въ состояніи будетъ выстроить флотъ, развить и поддержать торговлю, защищать свои владѣнія и занять видное мѣсто въ Европѣ какъ въ силу собственнаго могущества, которое значительно возрастетъ, когда установится торговля, выгодная для царскихъ подданныхъ, такъ и въ силу союза съ Даніей. Царю необходимо занять на Балтійскомъ морѣ такое прочное положеніе, чтобы Россія и Данія могли поддерживать другъ друга не только противъ Швеціи, но и противъ другихъ державъ, еслибы которая-нибудь изъ нихъ вздумала предписывать имъ свою волю. Изъ этого ясно, по сердцу ли Англіи и Голландіи успѣхи царя и Даніи въ достиженіи такихъ намѣреній?"

Болѣе категорическій отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ англійское министерство, когда говоритъ своему представителю въ Россіи: „Замыслы сѣверныхъ союзниковъ непрерывно возрастаютъ, и хотя еще нельзя подробно опредѣлить послѣдствій и неудобствъ этихъ замысловъ, уже теперь несомнѣнно, что они весьма опасны и особенно повредятъ намъ, если нарушатъ ходъ нашей войны съ Франціей. Хотя въ меньшей степени, но тоже неблагопріятны будутъ для насъ успѣхи союзниковъ, если имъ удастся значительно унизить Швецію, слѣдовательно, нарушить европейское равновѣсіе на Сѣверѣ."

Въ 1714 году резидентомъ при русскомъ дворѣ былъ назначенъ Мекензи и въ инструкціи ему данной говорится: въ виду того, что королевство Шведское, которое нѣкогда служило крѣпкимъ оплотомъ протестантскихъ интересовъ, въ настоящее время доведено до крайности, представляющей основаніе опасаться, какъ бы одна кампанія не подчинила его совершенно могуществу царя и короля Датскаго, мы не можемъ видѣть окончательнаго разоренія и уничтоженія націи, съ которою долгое время находились въ столь близкомъ союзѣ и въ охраненіи которой народъ

нашъ такъ глубоко заинтересованъ. Потому вы имѣете пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы внушить царю и его министрамъ насколько намъ пріятно было бы видѣть возстановленіе дружественныхъ отношеній между нами и королемъ Шведскимъ, а также что ничто не можетъ болѣе содѣйствовать славѣ царя, какъ мирные переговоры съ ослабленнымъ врагомъ въ разгарѣ побѣдъ.

Мекензи пробылъ въ Петербургѣ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и миссія его ознаменовалась, главнымъ образомъ, неприличнымъ поступкомъ, который онъ себѣ позволилъ. Посланникъ привезъ вѣрительныя грамоты отъ королевы Анны, но когда онъ пріѣхалъ въ Россію, королева уже умерла и вступилъ на престолъ король Георгъ. Естественно, что отъ Мекензи, согласно установившимся обычаямъ, не хотѣли принять грамоты, подписанной покойною королевой, но посланникъ по непонятной причинѣ настаивалъ на этомъ. Желая поставить на своемъ, онъ прибѣгъ къ хитрости и просилъ прощальной аудіенціи. Мекензи привезъ съ собой одинъ пакетъ, который всѣ видѣли и приняли за письмо объ отозваніи. На самомъ дѣлѣ это были вѣрительныя грамоты. Чтобы нельзя было разсмотрѣть что̀ это за грамоты, посланникъ одною рукой прикрывалъ печать, а именно держалъ надъ титуломъ. Царь принялъ его не оборачивая и передалъ канцлеру, вполнѣ убѣжденный, что ему подаютъ, согласно сдѣланному раньше условію, только письмо объ отозваніи. Затѣмъ Мекензи сказалъ рѣчь и подалъ письмо короля Георга. Царь съ удивленіемъ спросилъ у присутствующихъ министровъ, что̀ это за письмо? Тогда посланникъ довольно нахально объяснилъ ему, что онъ принялъ вѣрительныя грамоты, которыхъ не хотѣлъ принимать. Царь едва могъ удержаться отъ смѣха, увѣряетъ Мекензи въ своемъ донесеніи, но едва ли это было такъ, какъ видно изъ дальнѣйшихъ сообщеній того же посланника.

Вотъ что̀ разсказываетъ Мекензи о встрѣчѣ съ царемъ на похоронахъ адмирала Форселя: „На похороны я прибылъ за нѣсколько времени до царя. Онъ войдя, по обыкновенію, пооглядѣлся въ комнатѣ: я вмѣстѣ съ прочими иноземцами поклонился ему, но замѣтивъ, что онъ все смотритъ на меня и притомъ съ видомъ болѣе строгимъ, чѣмъ обыкновенно, я отошелъ въ уголъ. Наконецъ взявъ подъ руку генералъ-фельдцейхмейстера Брюса, царь подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: зачѣмъ я на прощальной аудіенціи подалъ ему кредитивы покойной королевы? По многимъ причинамъ, отвѣчалъ я, объясненіемъ которыхъ не стану утруж-

дать ваше величество, но которыя, если прикажете, готовъ изложить письменно или словесно передать кому угодно изъ вашихъ министровъ для доклада вамъ; позволю себѣ однако указать на одну изъ нихъ, которая быть-можетъ удовлетворитъ ваше величество: самый ходъ, самый характеръ дѣла требовалъ передачи вѣрительныхъ грамотъ въ ваши руки, такъ какъ ваши министры до тѣхъ поръ отказывались принять копію съ нихъ или сообщить, когда ваше величество позволите мнѣ вручить вамъ оригиналъ. Кромѣ того, я слишкомъ преданъ королю, чтобы допустить неуваженіе къ британской коронѣ, которое непремѣнно проявилось бы, еслибъ я предоставилъ принять или не принять отзывныя грамоты короля лицамъ, которыя, не взирая на письменные и словесные доводы мои и другихъ лицъ, знакомыхъ съ нашею конституціей, имѣли смѣлость не только презирать письмо королевы, но еще утверждать, что оно никогда принято не будетъ, что даже честь и достоинство вашего величества требуютъ не принимать его послѣ кончины великой королевы. На это царь отвѣчалъ по-голландски, что все это такъ и есть въ дѣйствительности, такъ какъ королева умерла прежде, чѣмъ я могъ въѣхать въ ея владѣнія. Престолъ Великобританіи, замѣтилъ я, никогда не можетъ быть свободнымъ. Въ силу возложеннаго на меня порученія и данныхъ мнѣ инструкцій и на основаніи конституціи и съ разрѣшенія регентства направился къ столицѣ вашего величества, чтобы тамъ дождаться и выполнить предписанія моего государя, какъ скоро онъ приметъ правленіе въ свои руки. Царь возразилъ, что о такой конституціи не слыхалъ, но готовъ повѣрить моему сообщенію о ней, и на этомъ основаніи дать мнѣ отвѣтныя грамоты къ своей матери, такъ какъ и она давно скончалась. Уже при этихъ словахъ царь принялъ тонъ нѣсколько горячій и заговорилъ громко, притомъ безъ переводчика; потому не только всѣ иностранные уполномоченные, но и всѣ присутствующіе столпились вкругъ насъ. Я съ должнымъ почтеніемъ отвѣчалъ: ея величество, родительница ваша, несомнѣнно была великою государыней, которой народъ Русскій глубоко обязанъ въ лицѣ вашего величества, но такъ какъ она не оставила такой же конституціи, ваше величество, вѣроятно, извините, что я не прошу отвѣтныхъ грамотъ на ея имя. Царь, замѣчая, что мой отвѣтъ вызвалъ улыбку и у генерала Брюса и у большинства иностранныхъ уполномоченныхъ, хорошо понялъ ихъ мысли и уже хладнокровнѣе, хотя все еще не безъ

волненія и размахивая руками, повторилъ, что дастъ мнѣ на выѣздъ письмо съ привѣтствіемъ своей матери. Я замѣтилъ, что три недѣли ожидаю распоряженій его величества и въ виду своего здоровья желалъ бы, какъ величайшаго одолженія, получить хотя бы свой паспортъ. Царь въ отвѣтъ еще нѣсколько разъ повторилъ, что можетъ дать мнѣ только письмо къ своей матери. Стараясь смягчить царя, я, обращаясь къ генералу Брюсу, тихо замѣтилъ, что царю можетъ-быть есть основаніе пользоваться всякимъ случаемъ для выраженія почтенія своей матери, не обращая вниманія на нашу конституцію, но что я, какъ Британецъ, все-таки въ посланцы къ ней не гожусь. Съ Брюсомъ я говорилъ по-англійски, царь же приказалъ перевести мои слова на голландскій языкъ. Хотя большинство окружающихъ отошло отъ насъ, царь оставался попрежнему глухъ ко всему, что̀ я ни измышлялъ, чтобъ измѣнить его настроеніе. Замѣчая, что иностранные уполномоченные какъ бы смущены, видя какъ и въ какой обстановкѣ происходитъ эта сцена (при ней присутствовали и шуты и всѣ низшіе придворные служители), замѣчая, что, не взирая на все мое терпѣніе и мои усилія придать разговору шутливый характеръ, царь, какъ къ припѣву въ пѣснѣ, возвращается къ тому, какъ онъ дастъ мнѣ порученіе къ своей матери, я рѣшился показать, что отшучиваюсь и съ возможно почтительнымъ видомъ заявилъ, что если его величеству угодно возложить на меня какую-либо должность, я какъ частное лицо счастливъ буду принять на себя менѣе почетное званіе, какъ званіе посла государева, но что имѣя честь занимать другое положеніе, я не могу принять на себя двойныхъ обязанностей. Недоумѣваю только, прибавилъ я, какъ донести объ этомъ случаѣ своему правительству, которое затруднится повѣрить, что могли возникнуть недоразумѣнія по поводу передачи кредитивныхъ грамотъ. Государь повидимому разстался со мною съ неудовольствіемъ. Виноваты въ этомъ неудовольствіи главнымъ образомъ тѣ, которые навели его на эти придирки, да еще при такой обстановкѣ. Я не желалъ показывать, что обращаю вниманіе на этотъ разговоръ, занялъ свое мѣсто за столомъ и бесѣдовалъ съ царемъ во все время торжества какъ бы ни въ чемъ ни бывало.“ [1]

Въ началѣ 1717 года случилось обстоятельство, которое

---

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 61, стр. 57—68, 259, 363—364, 373—378.

подало Петру надежду на сближеніе съ Англіей. „Четвертаго дня, доносилъ Веселовскій, нашъ резидентъ въ Лондонѣ, приключился здѣсь случай чрезвычайный и очень полезный интересамъ вашего царскаго величества, а именно по королевскому указу шведскій министръ при здѣшнемъ дворѣ Гилленборгъ въ домѣ своемъ арестованъ, вся переписка его забрана и отнесена въ главный совѣтъ. Я увѣдомился, что шведскій министръ арестованъ за то, что по указу короля своего вступилъ въ заговоръ противъ короля Георга съ партіей претендента (Іакова III Стюарта): было положено, что въ началѣ марта отъ 8 до 12.000 шведскаго войска высадятся въ Шотландіи и соединятся съ партіей претендента.“ Петръ отвѣтилъ Веселовскому: „Надлежитъ тебѣ, хотя бы пришлось употребить и нѣкоторое иждивеніе, подлинно провѣдать и намъ донесть обстоятельно, имѣетъ ли король Англійскій подлинное намѣреніе объявить войну Швеціи и можетъ ли склонить парламентъ, чтобы далъ нужныя субсидіи, и вооружа флотъ, куда намѣрены его употребить? Также, показываетъ ли дворъ англійскій теперь къ намъ какую-нибудь склонность и какъ съ тобою обращаются англійскіе министры послѣ открытія заговора въ сравненіи съ прежнимъ? Тебѣ надобно часто у нихъ бывать и вывѣдывать объ ихъ намѣреніяхъ удобнымъ образомъ. Если будутъ тебѣ говорить и обнаруживать склонность къ соглашенію съ нами, то можешь имъ объявить, что мы дружбы короля Англійскаго желаемъ и въ соглашеніе съ нимъ вступить готовность всегда имѣемъ и желаемъ.“ Надежда Петра была напрасна, въ Лондонѣ на заговоръ Гилленборга посмотрѣли какъ на случайное обстоятельство, и отношенія къ Швеціи отъ этого не измѣнились. [1]

Въ томъ же году, во время пребыванія Петра въ Голландіи, велись переговоры между англійскими уполномоченными (Норрисомъ и Витвортомъ) и нашими канцлеромъ и вице-канцлеромъ. Норрисъ объявилъ, что ему поручено заключить торговый договоръ съ Россіей, что король для общей пользы считаетъ необходимымъ прекращеніе Сѣверной войны и желалъ бы знать мнѣніе царя, какимъ бы образомъ достичь общаго мира. Норрису отвѣтили, что по извѣстной несклонности короля Шведскаго къ миру, нельзя надѣяться на общій миръ, если король Шведскій не будетъ принужденъ къ тому силой оружія, а для этого необходимо, чтобъ

---

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 17. стр. 67—68.

Англійскій король далъ царю по меньшей мѣрѣ пятнадцать линейныхъ кораблей, чтобъ эта эскадра была подъ полнымъ начальствомъ царя и оставалась въ морѣ, пока русскій флотъ будетъ въ немъ оставаться. „Главная цѣль царя, доносили англійскіе уполномоченные,—вовлечь Великобританію въ войну, въ награду же за содѣйствіе онъ предлагаетъ намъ торговый трактатъ, который не можетъ быть проченъ, пока весь рынокъ не перейдетъ въ его руки. Во всемъ этомъ онъ вѣроятно дѣйствуетъ искренно, но предвидѣть исходъ такихъ комбинацій нелегко: въ случаѣ удачи, царь можетъ повысить свои требованія сообразно со своими успѣхами, такъ что трудно даже представить себѣ, какими средствами возможно будетъ умѣрить эти требованія; онъ имѣетъ въ виду, по крайней мѣрѣ, добиться поддержки англійскаго флота впредь до окончанія Сѣверной войны, надѣясь, что мало-по-малу слѣдствіемъ такого вмѣшательства Англіи окажется разрывъ ея со Швеціей. Такимъ путемъ онъ, дѣйствительно или только для вида готовясь къ высадкѣ въ Швецію, желаетъ совершенно свободно располагать своими войсками, чтобъ, обезпечивъ торговлю и завоеванія Россіи, не торопясь укрѣпиться въ новопріобрѣтенномъ краѣ, который, опасаемся мы, въ настоящее время занимаетъ границы слишкомъ обширныя, чтобы морскія державы могли желать ихъ сохраненія во власти царя.“

Въ Лондонѣ Веселовскому объявили, что условія, предложенныя его правительствомъ, очень тяжелы: король не можетъ на нихъ согласиться по ограниченности своей власти, не можетъ отдать значительное число англійскихъ кораблей въ полное распоряженіе царя: въ этомъ сказалось бы пристрастіе короля, тогда какъ по настоящему состоянію сѣверныхъ дѣлъ, Англійскій народъ находится въ сомнѣніи, слѣдуетъ ли королю способствовать сокрушенію Швеціи или нѣтъ. Еслибы царю угодно было сообразовать свои требованія съ формами англійскаго правительства, то твердый и полезный союзъ между обоими государствами былъ бы возможенъ: Англія можетъ помогать Россіи и кораблями, только при другихъ условіяхъ. Петръ считалъ безполезнымъ придумывать другія условія, и Веселовскій, не получая никакихъ приказовъ отъ своего двора, находился въ неловкомъ положеніи. Онъ сообщалъ царю, что англійскій дворъ недоволенъ холодностью русскаго двора. „Смѣю представить, писалъ онъ,—что было бы согласно съ интересомъ вашего величества, чтобъ я отъ времени до времени давалъ здѣшнему двору хотя наружныя

обнадеживанія въ дружбѣ, и что со стороны вашего величества нѣтъ никакого противъ него враждебнаго намѣренія, какъ другіе думаютъ.“ [1]

Вслѣдствіе такихъ обнадеживаній Веселовскаго въ концѣ 1718 года, послѣ трехлѣтняго перерыва, былъ вновь назначенъ англійскій резидентъ къ русскому двору, по имени Джефферисъ. Петръ принялъ его очень холодно. На первой аудіенціи онъ сказалъ посланнику, что благодаритъ короля за его дружескія увѣренія, но не признаетъ удобнымъ входить съ нимъ въ болѣе подробные разговоры въ данную минуту. „Отъ здѣшняго двора ни на что надѣяться нельзя, доносилъ Джефферисъ.—Поведеніе его до того несогласно съ увѣреніями въ добромъ къ намъ расположеніи, что онъ не упускаетъ случая прямо показать свои недружелюбныя намѣренія: захваты нашихъ кораблей, насилія надъ подданными короля могутъ служить вѣрными, неопровержимыми доказательствами. Да русскіе министры только и говорятъ, что о силѣ и могуществѣ своего государя, полагая въ самомъ дѣлѣ, будто царь стоитъ такъ высоко, что уже ни въ комъ не нуждается. Короче, по всѣмъ ихъ поступкамъ замѣчаю, чѣмъ болѣе король старается пойти къ нимъ, тѣмъ болѣе они его сторонятся. Не хочу сказать, чтобъ эти люди не въ состояніи одуматься, особенно когда вникнутъ въ собственныя выгоды.“

Трудно было одуматься въ виду явно враждебныхъ дѣйствій англійскаго правительства. Въ это время начались уже мирные переговоры со Швеціей, и англійскіе дипломаты интригуютъ противъ насъ въ Берлинѣ, Копенгагенѣ, Вѣнѣ; они стараются, чтобы наши союзники заключили отдѣльный отъ Россіи миръ со Швеціей, чтобы Петръ очутился такимъ образомъ въ возможно невыгодномъ положеніи и долженъ былъ сдѣлать уступки Швеціи. Въ то же время англійскій посланникъ въ Константинополѣ старается поднять противъ насъ Порту.

Англійское правительство придумало еще другой способъ повредить намъ. „Позвольте обратить ваше вниманіе, писалъ Джефферисъ, на другой разрядъ лицъ, пользующійся большою милостью у царя. Говорю о корабельныхъ мастерахъ. Они, насколько могу судить, если долго останутся на службѣ царской, сдѣлаютъ царя хозяиномъ Балтійскаго моря. Одинъ изъ нихъ

[1] *Сб. Ист. Общ.* т. 61, стр. 407—408. Соловьевъ, т. 17, стр. 96—97.

недавно увѣрялъ меня, что проживи царь еще года три, у него будетъ флотъ въ сорокъ линейныхъ кораблей отъ 70 до 90 пушекъ каждый, да двадцать 30-40-пушечныхъ фрегатовъ, построенныхъ здѣсь и какъ нельзя лучше. Этихъ людей царь ласкаетъ особенно милостиво: жалованье они получаютъ большое, выплачивается оно аккуратно, они видятся съ нимъ частнымъ образомъ, ихъ царь сажаетъ за свой столъ при самыхъ многолюдныхъ собраніяхъ; гдѣ бы онъ ни бывалъ, чѣмъ ни потѣшался, кто-нибудь изъ нихъ сопутствуетъ ему. Этими ласками царь желаетъ привлечь ихъ къ себѣ, чтобъ они не покинули его. Однако, предоставляю вамъ судить, входитъ ли въ интересы Великобританіи быть зрительницей возрастающаго могущества Россіи, особенно на морѣ, къ тому же могущества, созидаемаго руками англійскихъ подданныхъ? Если позволите мнѣ высказать свое мнѣніе по этому поводу, скажу, что давно пора отозвать этихъ мастеровъ изъ царской службы. Здѣсь пять мастеровъ, кромѣ простыхъ рабочихъ; всѣ они британскіе подданные. Трое изъ мастеровъ признаются такими плотниками, что лучшихъ и въ Англіи не найдется, а такъ какъ я не сомнѣваюсь, что всѣ они вѣрные подданные короля и расположены къ правительству, не сомнѣваюсь, что они возвратятся домой, если имъ на родинѣ предоставлено будетъ положеніе сколько-нибудь вознаграждающее за то, что̀ они потеряютъ здѣсь. Если въ то же время издать строгій указъ противъ всѣхъ англійскихъ подданныхъ, которые не возвратятся, мастерамъ данъ будетъ хорошій поводъ оправдать свое поведеніе. Безъ такого указа имъ въ виду всѣхъ милостей, которыми они осыпаны, трудно найти поводъ къ отъѣзду, какъ бы они его не искали. Надѣюсь, вы извините мнѣ смѣлость моихъ предложеній; рѣшаюсь на нихъ единственно въ увѣренности, что они клонятся къ выгодѣ Великобританіи и потому, что не знаю, какіе бы еще пути могли быть найдены, чтобы воспрепятствовать утвержденію царя на Балтійскомъ морѣ.“

„Кромѣ царя (у котораго своя верфь, какъ и у прочихъ мастеровъ) и пяти Англичанъ, писалъ въ другой разъ англійскій резидентъ, здѣсь есть еще одинъ мастеръ Французъ, Голландцевъ же ни одного, такъ какъ царь не любитъ ихъ систему постройки; слѣдовательно, если мы своихъ мастеровъ отзовемъ домой и будемъ наблюдать за тѣмъ, чтобы другіе не являлись имъ на смѣну, постройка кораблей будетъ пріостановлена; если же не принять

этой или другой соотвѣтствующей мѣры противъ развитія царскаго флота, намъ придется раскаяться, хотя, быть-можетъ, уже и поздно. Еще недавно царь открыто въ обществѣ высказалъ, что его флотъ и флотъ Великобританіи — два лучшіе флота въ мірѣ. Если онъ теперь уже ставитъ свой флотъ выше флотовъ Франціи и Голландіи, отчего не предположить, что лѣтъ черезъ десять онъ не признаетъ свой флотъ равнымъ нашему или даже лучшимъ, чѣмъ нашъ? Короче—корабли строятся здѣсь не хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ, и царь принимаетъ всевозможныя мѣры къ тому, чтобы пріучить своихъ подданныхъ къ морю, чтобы создать изъ нихъ моряковъ."

Желаніе Джефферса исполнилось, сдѣлано было распоряженіе объ отозваніи англійскихъ подданныхъ съ иноземной службы. Когда резидентъ сообщилъ это извѣстіе вице-канцлеру Шафирову, онъ, по словамъ Джефферса, принялся изливать желчь на британское правительство, заявляя, будто король и его министры дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее, чтобы раздражать и мучить царя. Хорошіе министры и опытные моряки, прибавилъ онъ, найдутся и помимо Великобританіи, иноземнымъ кораблестроителямъ здѣсь предоставлены удобства и привилегіи, которыми они въ Великобританіи пользоваться не могутъ, потому они предпочтутъ остаться здѣсь, а не возвращаться на родину, королевскій указъ запоздалъ, теперь и царскіе подданные уже научились кораблестроенію, а современемъ привыкнутъ и къ морю. Дѣйствительно, англійскій резидентъ сообщалъ, что осуществить помянутое распоряженіе не такъ легко. „Прошу принять во вниманіе, писалъ онъ, затрудненія, которыя мнѣ придется встрѣтить со стороны корабельныхъ мастеровъ, состоящихъ на царской службѣ; они привезли сюда съ собою все что имѣли, въ Великобританіи у нихъ нѣтъ ни земли, ни иной недвижимости, слѣдовательно и терять имъ тамъ нечего. Они прибыли сюда съ семьями искать облегченія, и отчасти нашли его: заработки двухъ изъ нихъ достигаютъ до 2.000 рублей въ годъ на каждаго, заработки трехъ остальныхъ до 800 рублей на человѣка, кромѣ случайныхъ подарковъ и иныхъ выгодъ. Они окружены такимъ вниманіемъ, на какое не могли бы разсчитывать ни въ какой другой странѣ, даже еслибы принадлежали къ знатному роду, такъ какъ царь, а слѣдовательно и всѣ его сановники ласкаютъ ихъ болѣе, чѣмъ кого-нибудь. Между тѣмъ, независимо отъ вопроса о возвращеніи

въ Англію другихъ рабочихъ, необходимость возвратить корабельныхъ мастеровъ дѣйствительно бросается въ глаза, если сообразить, чѣмъ былъ царскій флотъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, чѣмъ онъ сталъ теперь и чего обѣщаетъ достигнуть въ ближайшемъ будущемъ. Шесть лѣтъ тому назадъ флотъ этотъ состоялъ изъ 17—18 кораблей, частью купленныхъ за границей, частью построенныхъ Голландцами въ Архангельскѣ. Большинство этихъ кораблей по разнымъ причинамъ признано негоднымъ, открыты были верфи въ Петербургѣ, на которыя и перенесена постройка линейныхъ кораблей. Завѣдуютъ этими постройками почти исключительно Англичане: только одна верфь находится въ ближайшемъ завѣдываніи самого царя, и другая въ вѣдѣніи недавно прибывшаго Француза. Стараніями нашихъ соотечественниковъ русскій флотъ состоитъ въ настоящее время болѣе чѣмъ изъ тридцати кораблей, изъ которыхъ двадцать семь или двадцать восемь линейныхъ. На верфяхъ строится въ настоящее время еще десять линейныхъ кораблей, изъ которыхъ семь, по собственнымъ словамъ царя, готовы будутъ къ спуску уже будущею весной. Продолжая тѣмъ же путемъ, царь въ нѣсколько лѣтъ создастъ могущественный флотъ: не успѣваетъ онъ спустить одинъ корабль, какъ уже на верфи закладывается новый, причемъ весь нужный матеріалъ производится въ русскихъ предѣлахъ, лѣсъ везутъ изъ Казани и обходится онъ такъ дешево, что, какъ мнѣ передавали, корабль обходится царю на ⅔ дешевле, чѣмъ такой же корабль обходился бы Великобританіи. Что касается русскихъ моряковъ, они еще невѣжественны, но совершенствуются съ каждымъ днемъ. Царь прибѣгаетъ ко всевозможнымъ средствамъ для ихъ усовершенствованія, и я не вижу почему въ царскомъ флотѣ не выработаться хорошимъ морякамъ, какъ въ его сухопутныхъ войскахъ выработались хорошіе солдаты, тѣмъ болѣе, что страсть царя къ флоту кажется преобладаетъ надо всѣми его страстями. Мнѣ, полагаю, такимъ образомъ удалось разъяснить и насколько необходимо отозваніе корабельныхъ мастеровъ изъ Россіи и съ какими затрудненіями будетъ вѣроятно сопряжено возвращеніе ихъ въ Англію, потому прошу позволенія высказать, какой путь я признавалъ бы наиболѣе удобнымъ для достиженія цѣли. Единственнымъ средствомъ склонить этихъ мастеровъ къ отъѣзду, мнѣ кажется, было бы предложить имъ сколько-нибудь соотвѣтствующее положеніе въ

Англіи. Отъ подобнаго народа едва ли можно ожидать преобладанія любви къ королю и отечеству или иного нравственнаго стимула надъ корыстью тамъ, гдѣ личная выгода затронута въ такой степени. Въ Петербургѣ пять мастеровъ, да одинъ въ Казани. Всѣ они добрые подданные короля, преданные его правительству, и я увѣренъ не затруднятся покинуть Россію, если въ Великобританіи имъ предложена будетъ хотя половина того, что̀ они получаютъ здѣсь. Напротивъ, оставаясь здѣсь, они, указавъ Русскимъ основанія хорошаго судостроенія, обучивъ ихъ своему мастерству, будутъ ежегодно приносить Англіи убытки на сумму болѣе чѣмъ въ двадцать разъ превосходящую все, что̀ царь тратитъ на нихъ. Если царь не позволитъ имъ выѣхать вопреки ихъ согласію, придется употребить средства, какія король изволитъ найти наиболѣе подходящими, только, по крайнему моему разумѣнію, имъ здѣсь оставаться никакъ не слѣдуетъ.“ [1]

Въ 1719 году Англія вступила въ союзъ со Швеціей и рѣшилась помочь ей на морѣ. Въ іюнѣ англійскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Норриса явился въ Балтійское море. Царь отправилъ къ адмиралу письмо, въ которомъ требовалъ объясненія, зачѣмъ онъ присланъ, ибо прежде при подобныхъ отправленіяхъ флота ему, царю, всегда давали знать объ этомъ заранѣе, и если теперь адмиралъ не объяснитъ письменно цѣль своего порученія, приблизится къ русскому флоту или къ русскимъ берегамъ, то съ царской стороны это будетъ почтено за знакъ злоумышленія и будутъ приняты надлежащія мѣры для безопасности. Англійскій посланникъ въ Стокгольмѣ, Картерстъ въ письмѣ на царское имя объяснилъ присылку эскадры слѣдующимъ образомъ: „Король Великобританскій, государь мой, повелѣлъ мнѣ донести вашему царскому величеству, что королева Шведская приняла его посредничество для заключенія мира между вашимъ величествомъ и короною шведскою. Королева Шведская приняла посредничество Великобританіи потому, что эта держава никогда не принимала участія въ Сѣверной войнѣ; думается, что это распоряженіе принято будетъ вашимъ величествомъ, что ваше величество соизволите повелѣть пресѣчь всѣ непріятельскія дѣйствія въ знакъ принятія посредничества и склонности къ миру. Я прошу позволенія донести

[1] *Сб. Ист. Общ.* Т. 61, стр. 461, 467—468, 515—516, 536—538, 561—565.

вашему величеству, что король, государь мой, повелѣлъ Норрису прійти съ флотомъ къ здѣшнимъ берегамъ какъ для защиты торговли его подданныхъ, такъ и для поддержанія его медіаціи, и что король принялъ мѣры, чтобъ его медіація получила ожидаемый успѣхъ и чтобы въ скоромъ времени прекращена была война, которая такъ долго тревожила Сѣверъ. „Такимъ образомъ, Англія хотѣла силою навязать Петру свое посредничество, явно клонившееся въ пользу Швеціи. Помянутое письмо прислано было нашимъ уполномоченнымъ Брюсу и Остерману, переговаривавшимъ съ шведскими уполномоченными о мирѣ. Усмотря весьма необыкновенный и гордый поступокъ англійскаго посла, они отвѣчали Картерсту, что не могутъ препроводить подобнаго письма къ царю и надѣются, что король Великобританскій свои мнѣнія и чувства въ дѣлѣ столь великой важности не оставитъ объявить царю или самъ или чрезъ своего министра, находящихся въ Петербургѣ, а такіе чрезвычайные способы и пути непотребны.

Когда открылся англійскій парламентъ, король сказалъ въ тронной рѣчи: „Одно протестантское государство (Швеція) получило нашу помощь и нашими послѣдними договорами положено такое основаніе союза между великими протестантскими державами, что безконечность нашей святой религіи можетъ считаться крѣпко обезпеченною. Наши домашнія несогласія, преувеличенныя за границей, внушили нѣкоторымъ иностраннымъ державамъ ложное мнѣніе о нашихъ силахъ, и они вздумали обходиться съ нами такимъ образомъ, какого корона Великобританіи никогда не стерпитъ, пока я ее ношу.“ Веселовскій, пересылая тронную рѣчь въ Петербургъ и указывая на послѣднее мѣсто, замѣчаетъ: „Здѣсь скрытымъ, но хитрымъ изображеніемъ даю знать о письмѣ вашего величества къ Норрису, которое выставлено какъ оскорбленіе, нанесенное коронѣ англійской. Отъ такихъ хитростей и подлоговъ, отъ пенсіи, чиновъ и подарковъ, раздаваемыхъ членамъ парламента, чего другаго можно ожидать, кромѣ всякаго снисхожденія и одобренія всему, чего дворъ желаетъ. Противная партія хотя предлагала вѣрные резоны, но все понапрасну, потому что не достоинство мнѣній, но число голосовъ преодолѣваетъ.“ Въ другой разъ Веселовскій доносилъ о неблагопріятномъ расположеніи англійской публики къ Россіи. „Вообще сожалѣютъ, писалъ онъ, о бѣдственномъ

состояніи Швеціи, а къ силѣ вашего величества такую зависть питаютъ, что никакихъ резоновъ не принимаютъ; опасаются, что ваше величество намѣрены стать повелителемъ на Балтійскомъ морѣ, и если Швецію оставить безъ помощи, то кто можетъ поручиться, что вы ея не завоюете? Эти разсужденія слышалъ я отъ членовъ парламента, доброжелательныхъ вашему величеству.“

Въ 1720 году Англія вторично прислала флотъ на помощь Швеціи, и въ этомъ же году были прерваны дипломатическія сношенія съ Англіей. Нашъ посланникъ въ Лондонѣ подалъ Англійскому королю рѣзкій меморіалъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано слѣдующее: „Предлагать медіаціи и тогда же дѣлать угрозы суть вещи противорѣчительныя и несовмѣстныя между собою; предлагать медіацію для примиренія государя съ его непріятелемъ, сіе ясно покажется, что медіація не съ тѣмъ предлагается, чтобы достигнуть примиренія, но что ищутъ причинъ ко враждѣ и разрыву. Ваше величество не посредникомъ, но судіею хотите быть и давать законы, министры вашего величества мнятъ, что его царское величество долженъ безъ противорѣчія покориться законамъ, каковые они разсудятъ ему предписать. Его царское величество не разсудилъ за благо ни малаго о семъ вниманія учинить, ибо онъ зависитъ токмо отъ Бога, отъ коего единаго имѣетъ свое священное достоинство, власть и силу. Оставить своихъ союзниковъ, соединиться съ непріятелемъ такого союзника, съ коимъ многіе вѣки въ постоянной и непріязненной дружбѣ пребывали, помощію котораго получили толь многія пользы и толь великіе прибытки, и ввести ихъ между собою въ открытый разрывъ, сіе есть неизвинительно предъ Богомъ и предъ человѣки. Добрая дружба и согласіе между Россіей и Великобританіей были всегда для торговли великобританской націи источникъ великихъ пользъ и прибытковъ, разрывъ же не можетъ неубыточенъ быть. Его царское величество не подалъ никакой причины прервать толь твердо установленную и толь полезную обоимъ націямъ дружбу. Для показанія искренняго своего благоволенія къ великобританской націи хотѣлъ дать коммерческимъ трактатомъ многія выгоды. Его царское величество еще и нынѣ склоненъ сохранить сію дружбу и учиненное имъ объявленіе англійскимъ купцамъ о позволеніи имъ свободной торговли во всѣхъ своихъ областяхъ (декларація 1719 года) очень ясное тому доказательство и

тѣмъ болѣе, что сіе онъ учинилъ въ то время, когда ваше величество и ваши министры непріятельски съ его царскимъ величествомъ поступали, посылая флотъ на помощь его непріятелю и возбуждая противъ его величества всѣ державы, не исключая и Турковъ."

Король такъ разсердился за этотъ меморіалъ, что приказалъ нашему посланнику выѣхать изъ Англіи въ восемь дней.[1] Враждебныя отношенія между Россіей и Англіей продолжались до самой смерти Петра Великаго и во все царствованіе Екатерины I.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

---

[1] Соловьевъ, *Исторія Россіи*, т. 17, стр. 325—328, 354—356.

АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ.

Романъ Марка Твэна.

(Переводъ съ англійскаго.)

VIII.

— Господи, спаси насъ! Гаукинсъ!

Утренняя газета выпала изъ дрожащихъ рукъ полковника.

— Что случилось?

— Его нѣтъ больше, нѣтъ больше этого честнѣйшаго, умнѣйшаго человѣка! Погибъ благороднѣйшій изъ всего рода юноша!

— Кто такой?

— Мой милый, мой безцѣнный родственникъ: Киркенбрайтъ Лановеръ Меркорибэнксъ Селлерсъ графъ Беркли, сынъ и наслѣдникъ узурпатора Росмора.

— Не можетъ быть!

— Къ несчастію, это правда.

— Когда?

— Сегодня ночью.

— Гдѣ?

— Здѣсь, въ Вашингтонѣ, куда онъ только-что пріѣхалъ изъ Англіи. Такъ пишутъ въ газетѣ.

— Это удивительно!

— Сгорѣла гостиница.

— Какая?

— Новый отель Гадзби.

— О, Боже! такъ мы, значитъ, оба потеряли!..

— Какъ оба?

— Да однорукій Петръ...

— О, бомбы и гранаты! Я объ этомъ совсѣмъ позабылъ. Впрочемъ, я надѣюсь...

— Ты надѣешься? Конечно, надо надѣяться... Но ужь, помоему, лучше потерять сотню графовъ, чѣмъ эту нашу единственную опору и спасеніе.

Они внимательно прочли газету и съ ужасомъ узнали, что какой-то однорукій человѣкъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ бѣгалъ въ отчаяніи по корридорамъ, очевидно, совершенно потерявъ голову. Онъ не слыхалъ того, что̀ ему кричали и не понималъ, что нужно выбираться на спасательную лѣстницу. Поэтому, его гибель надо считать совершенно неизбѣжною.

— О, несчастный! вздыхалъ Гаукинсъ.—А, между тѣмъ, другіе были такъ близко! Не уйди мы съ тобой, полковникъ, мы бы его навѣрно спасли.

Лордъ многозначительно посмотрѣлъ на своего собесѣдника и произнесъ:

— Его смерть ровно ничего не значитъ. Насколько прежде это было невѣрно, настолько теперь будетъ вѣрно. Онъ нашъ безусловно.

— Нашъ? Какъ это?

— Я его матеріализую.

— Росморъ, умоляю тебя, не шути въ такую минуту! Неужели ты хочешь этимъ сказать, что ты въ состояніи это сдѣлать?

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что ты передо мной. И я это сдѣлаю.

— Дай мнѣ твою руку и позволь ее пожать! Я былъ близокъ къ смерти съ отчаянія, ты меня воскрешаешь. Ради Бога, сдѣлай это! Умоляю тебя, сдѣлай это теперь же...

— Нѣтъ, мой другъ! На это потребуется нѣкоторое время, но это все равно: намъ спѣшить вѣдь некуда. Кромѣ того, на меня падаютъ новыя обязанности, которыя требуютъ сейчасъ моего преимущественнаго вниманія. О, мой бѣдный, благородный родственникъ!

— Господи, что̀ я за безсердечный человѣкъ. Тебя постигъ новый семейный ударъ! Разумѣется, ты долженъ прежде всего постараться матеріализовать этого... своего родственника.

— То-есть... я... я объ этомъ совсѣмъ не подумалъ! Это странно

Разумѣется, я его долженъ матеріализовать прежде всего. О, Гаукинсъ! Сколько эгоизма въ человѣческой природѣ! У меня мелькнула низкая мысль, что разъ прямой наслѣдникъ узурпатора очистилъ мѣсто... Но, неправда ли? Ты простишь мнѣ мою минутную слабость? Ради Бога, не вспоминай мнѣ никогда о томъ, что Мёльберри Селлерсъ могъ подумать когда-нибудь такую низость... Да, клянусь честью, я матеріализую его, пусть онъ состоитъ изъ цѣлой цѣпи незаконныхъ наслѣдниковъ, сплошною стѣной запиравшихъ дорогу настоящему лорду!

— Да, вотъ это говоритъ настоящій Селлерсъ. То, что̀ было сказано раньше, звучало совсѣмъ фальшиво...

— Гаукинсъ, милый мой! Знаешь, мнѣ пришло въ голову нѣчто такое, о чемъ я забылъ, кажется, упомянуть, но что̀ необыкновенно важно...

— Говори, ради Бога!

— Насчетъ этой матеріализаціи мы должны хранить глубокую тайну. Не забывай, что объ этомъ у тебя не должно выскользнуть ни намека! Вопервыхъ, это можетъ ужасно подѣйствовать на нѣжныя впечатлительныя организаціи жены и дочери, а вовторыхъ, наши негры не останутся въ домѣ ни минуты...

— Да, они всѣ большіе трусы! Хорошо, что ты меня предупредилъ. А то мой языкъ можетъ иногда меня выдать, если его во̀время не придержать...

Селлерсъ протянулъ руку и прижалъ электрическую кнопку на стѣнѣ; онъ устремилъ глаза на дверь и ждалъ. Прижалъ еще и продолжалъ ждать. Уже Гаукинсъ хотѣлъ выразить свое изумленіе, какъ такой передовой человѣкъ, идущій рука-объ-руку съ прогрессомъ и немедленно примѣняющій всякое новое открытіе къ удобствамъ своей жизни, не можетъ наладить электрическаго звонка, какъ Селлерсъ, бросивъ съ неудовольствіемъ кнопку, подошелъ къ столу и громко позвонилъ обыкновеннымъ колокольчикомъ, заявивъ, что ему окончательно надоѣла новоизобрѣтенная сухая батарея (которой, равно какъ и проволокъ не было вовсе а была только одна кнопка).

— Дальше испытывать ее совершенно напрасно. Я взялъ эту батарею единственно для того, чтобы доставить удовольствіе Грэхему Беллю. Понятно, уже одинъ тотъ фактъ, что я повѣсилъ у себя его новое изобрѣтеніе—наилучшая рекомендація его достоинствъ и полная гарантія успѣха. Я говорилъ Беллю, что его сухая батарея въ теоріи можетъ быть нѣчто превосходное,

но на практикѣ не стóитъ ничего. И вотъ, Гаукинсъ, ты видѣлъ результатъ? Развѣ я былъ неправъ? Чтò ты скажешь на это? Ты видѣлъ, что я нажималъ кнопку два раза. Спрашиваю тебя: зналъ я, чтò говорилъ, или нѣтъ?

— Ты знаешь, полковникъ, чтò я о тебѣ думаю и всегда думалъ. Мнѣ, кажется, что ты знаешь все и всегда. Еслибъ этотъ изобрѣтатель зналъ тебя такъ же, какъ я, онъ бы сразу повѣрилъ твоему приговору и пустилъ къ чорту свою сухую батарею.

— Изволили звонить, мастеръ Селлерсъ?

— Нѣтъ, мистеръ Селлерсъ не звонилъ.

— Тогда, значитъ, звонилъ мастеръ Вашингтонъ? Мы слышали звонокъ.

— Нѣтъ, мистеръ Вашингтонъ тоже не звонилъ.

— Такъ кто же звонилъ тогда?

— Это звонилъ лордъ Росморъ!

Старый негръ громко всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Ахъ, я старый дуралей, опять позабылъ, какъ зовутъ хозяина! Джинни, бѣги сюда скорѣе, старая кочерга!

Явилась Джинни.

— Слушай приказаніе господина лорда, а я пойду внизъ и буду долбить его имя, пока не выучу.

— Это я-то буду слушать приказанія? Нѣтъ, ты ошибаешься, голубчикъ! когда звонятъ, долженъ ты являться.

— Это все равно! Разъ звонятъ, долженъ же кто-нибудь служить господину...

— Очень хорошо! Такъ и будемъ знать! Я буду служить господину, а ты иди на кухню и готовь кушанье.

Споръ мало-по-малу перешелъ въ отдаленную воркотню. Лордъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Однако, это порядочное неудобство имѣть слугъ, которые когда-то были крѣпостными, а теперь стали близкими друзьями.

— И даже членами семейства, прибавилъ Гаукинсъ.

— Скажи: такими членами, которые иногда становятся попросту хозяевами дома. Это прелестные, добрые старики, честные и порядочные, но, чортъ возьми, они дѣлаютъ только то, чтò имъ нравится и постоянно мѣшаются въ разговоръ; собственно говоря, самое справедливое было бы ихъ пристрѣлить.

Замѣчаніе это не имѣло никакого значенія, но оно навело Селлерса на мысль... впрочемъ, на новыя мысли наводило его рѣшительно все.

— Видишь ли, душа моя, я собственно хотѣлъ послать сообщить эту важную новость дамамъ...

– Такъ для этого не нужно было безпокоить прислугу. Я пойду и позову ихъ сюда.

Пока Гаукинсъ уходилъ, полковникъ продолжалъ развивать блеснувшую въ его головѣ новую мысль.

„Да, размышлялъ онъ, когда вопросъ о матеріализаціи будетъ окончательно рѣшенъ, я поручу Гаукинсу ихъ пристрѣлить и матеріализую ихъ совершенно новыми людьми. Безо всякаго сомнѣнія, матеріализованный негръ можетъ быть посредствомъ гипноза приведенъ въ такое состояніе, что онъ будетъ молчать. Затѣмъ, это состояніе можно будетъ по желанію измѣнить: можно будетъ внушать ему быть совсѣмъ нѣмымъ, или только немного разговорчивымъ, болѣе или менѣе дѣятельнымъ, подвижнымъ и такъ далѣе, смотря по надобности. Это блестящая мысль, надо сумѣть ее только осуществить. Будетъ необходимо придумать какой-нибудь снарядъ.“

Дамы сошли внизъ вмѣстѣ съ Гаукинсомъ. За ними слѣдовала пара негровъ, которые тотчасъ же принялись стирать пыль и подметать комнату; они сообразили, что предстоитъ интересное сообщеніе и совершенно основательно желали его услыхать.

Селлерсъ съ достоинствомъ и торжественностью сообщилъ дамамъ прочтенное извѣстіе, подготовивъ ихъ предварительно нѣсколькими теплыми словами въ томъ смыслѣ, что ихъ еще столь недавно и тяжко раненымъ сердцамъ предстоитъ новое и особенно чувствительное горе. Затѣмъ онъ развернулъ газету и голосомъ, въ которомъ слышались слезы и волненіе, прочелъ полностью описаніе смерти героя.

Всѣ слушатели выражали искреннее горе и сочувствіе. Лэди Росморъ замѣтила, какъ должна быть счастлива мать этого героическаго юноши, если она еще жива, несмотря на ея безграничное горе. При этихъ словахъ она заплакала. Оба негра плакали также, выражая свое сочувствіе и похвалы громкими разглагольствіями, свойственными ихъ расѣ. Гвендолена была растрогана, что̀ ей было особенно легко при ея сильномъ романтизмѣ. Она замѣтила, что и помимо высокаго происхожденія, характеръ этого молодаго человѣка является необыкновеннымъ; въ связи же съ его благороднымъ происхожденіемъ, онъ представляетъ собою полное совершенство. Для подобнаго человѣка она способна была бы вынести все на свѣтѣ, принять всякія муки и

даже пожертвовать жизнью. Она мечтала бы увидать его хотя на одну минуту; даже одно мимолетное соприкосновеніе съ такою великою душой облагородило бы вполнѣ ея характеръ и застраховало бы ее на всю жизнь отъ малѣйшей низкой мысли или поступка.

— Тѣло найдено, Росморъ?

— Да, конечно... то-есть найдено нѣсколько тѣлъ; одно изъ нихъ должно быть непремѣнно его. но, къ сожалѣнію, распознать невозможно.

— Что̀ жь ты намѣренъ дѣлать?

— Я сейчасъ же отправляюсь на пожарище, постараюсь по возможности установить самоличность одного изъ труповъ и отправлю въ Англію къ несчастному отцу.

— Да, ты, папа, видѣлъ когда-нибудь молодаго Беркли?

— Нѣтъ, Гвендолена, да зачѣмъ это нужно?

— Какъ же ты опредѣлишь его трупъ?

— Я... видишь ли... вѣдь они всѣ одинаково обгорѣли... я пошлю одинъ изъ нихъ. Согласись, что другаго выбора нѣтъ.

Гвендолена знала очень хорошо, что объ этомъ дѣлѣ не сто̀итъ больше разговаривать, такъ какъ ея отецъ твердо рѣшился не упустить прекраснаго случая появиться на мѣстѣ несчастія въ качествѣ властнаго и оффиціальнаго лица. Она молчала вплоть до тѣхъ поръ, пока отецъ не потребовалъ, чтобы принесли ящикъ.

— На что̀ тебѣ ящикъ, папа?

— А можетъ-быть отъ него осталась одна зола?

IX.

Лордъ и Вашингтонъ двинулись къ пожарищу, бесѣдуя о несчастіи.

— Опять, какъ обыкновенно!

— Что̀ полковникъ?

— Ихъ было семеро въ гостиницѣ; то-есть, я разумѣю, семь актрисъ и, конечно, всѣ погорѣли.

— То-есть какъ? Совсѣмъ сгорѣли?

— Нѣтъ; сами-то онѣ ушли... Онѣ никогда не горятъ; но замѣчательное дѣло: ни одной изъ нихъ никогда не удается спасти свои драгоцѣнности.

— Какъ это удивительно!

— Да, это самое необъяснимое явленіе въ природѣ. Опытъ для нихъ не имѣетъ никакого значенія. Во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ чистый фатализмъ. Вотъ, напримѣръ, госпожа Дингсда, исполняющая сенсаціонныя и героическія роли. Она пріобрѣла себѣ огромную извѣстность, и публика сбѣгается смотрѣть на нее, какъ на собачью травлю, только вслѣдствіе ея огромныхъ потерь на пожарахъ.

— Но какимъ же образомъ можетъ это создать ей славу, какъ артисткѣ?

— Очень просто; это рекламируетъ ея имя. Публика бѣжитъ смотрѣть игру, потому что объ актрисѣ очень много говорятъ, а по какому поводу говорятъ, этого никто не помнитъ. Въ началѣ ея дѣла были очень плохи; она получала что-то тринадцать долларовъ въ недѣлю и на эти же деньги сама должна была покупать себѣ ваттоны.

— Ваттоны,—это что̀ такое?

— А это такія накладки, вслѣдствіе которыхъ ея костлявое тѣло пріобрѣтало необходимыя формы и округленность. Такъ вотъ, у этой самой Дингсды на одномъ пожарѣ въ гостиницѣ сгорѣло на̀ тридцать тысячъ долларовъ брилліантовъ.

— У ней? Откуда же они у ней были?

— А Богъ ее знаетъ! Вѣроятно отъ глупыхъ пижоновъ, или отъ тѣхъ лысыхъ стариковъ, которые сидятъ въ первомъ ряду. Всѣ газеты были тогда полны этою потерей. Вслѣдствіе этого она потребовала себѣ высшее жалованье и получила его. Скоро она опять погорѣла и снова потеряла всѣ свои брилліанты. Это подняло ее на такую высоту, что она сразу стала „звѣздой“.

— Ну, если для поддержанія ея славы необходимо, чтобы горѣли гостиницы, гдѣ она останавливается, то, по моему мнѣнію, полковникъ, это средство очень невѣрное.

— Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! У ней удивительное счастье. Каждый разъ, какъ только горитъ гостиница, она обязательно тамъ; а если почему-нибудь ея самой нѣтъ, то непремѣнно будутъ ея брилліанты. Чѣмъ же это можно объяснить себѣ кромѣ особеннаго счастья?

— Признаюсь, ничего подобнаго я не слыхалъ въ жизни. У ней сгорѣли должно-быть цѣлыя пригоршни брилліантовъ?

— Какія пригоршни,—четверики! Она до того дошла, что хозяева гостиницъ изъ предразсудка не пускаютъ ее больше оста-

навливаться; боятся пожара. Кромѣ того, страхованіе, въ случаѣ ея пребыванія, считается недѣйствительнымъ; за послѣднее время она какъ-то вышла изъ моды, но этотъ пожаръ выдвинетъ ее опять. Въ эту ночь у ней сгорѣло на шестьдесятъ тысячъ долларовъ.

— Я думаю, что она безумная! Неужели, имѣя бриллiанты на такую сумму, можно оставлять ихъ въ гостиницѣ?

— Я бы, конечно, не оставилъ. Но, что ты хочешь: актриса! Она погорала уже тридцать пять разъ; а случись, напримѣръ, пожаръ въ одной изъ гостиницъ Санъ-Франциско, ея бриллiанты опять сгорятъ. Да, она совсѣмъ сумашедшая. Говорятъ, что у ней есть бриллiанты во всѣхъ гостиницахъ Соединенныхъ Штатовъ.

Когда собесѣдники пришли на мѣсто пожара, лордъ бросилъ меланхолическій взглядъ на обгорѣлые трупы и отвернулся, какъ бы потрясенный этимъ зрѣлищемъ.

— Совершенно вѣрно, Гаукинсъ, установить личность невозможно... Эти пять труповъ не были распознаны даже близкими родственниками. Выбирай который-нибудь наудачу.

— Который же?

— О, это все равно! Бери получше!

Полицейскіе офицеры увѣряли лорда,—они знали его, какъ, впрочемъ, его знали всѣ въ Вашингтонѣ,—что положеніе, въ которомъ эти трупы были найдены, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ предположеніе, что въ ихъ числѣ находится молодой графъ. Они показали ему мѣсто, гдѣ обрушилось зданіе и гдѣ, согласно газетному сообщенію, видѣли лорда; затѣмъ они показали другое мѣсто на значительномъ разстояніи отъ перваго, гдѣ долженъ былъ погибнуть молодой человѣкъ, если онъ задохся въ своей комнатѣ. Наконецъ, было и еще третье мѣсто, гдѣ его смерть была совершенно вѣроятна, въ томъ случаѣ, если онъ думалъ искать спасенія въ задней сторонѣ дома. Полковникъ утеръ слезу и сказалъ Гаукинсу:

— Ты видишь, я былъ совершенно правъ! Мы получимъ одну лишь золу. Будь добръ, сходи въ ближайшую лавочку и купи еще двѣ корзины.

Съ надлежащимъ благоговѣніемъ нагребли наши друзья по корзинѣ пепла съ каждаго изъ трехъ священныхъ мѣстъ и понесли домой, съ намѣреніемъ отправить въ Англію, а передъ этимъ со всѣмъ торжествомъ, какое приличествовало, по мнѣнію

полковника, высокому сану почившаго, выставить эти корзины съ золой на парадномъ ложѣ.

Они поставили корзины съ золой на столъ въ комнатѣ, которая, какъ читатель помнитъ, называлась библіотекой, картинною галлереей и рабочимъ кабинетомъ Селлерса, а теперь стала, сверхъ того, и пріемной; затѣмъ они отправились на чердакъ искать британскій флагъ, долженствовавшій служить не маловажною частью украшенія. Вскорѣ въ комнату вошла лэди Росморъ, и замѣтила одновременно корзины съ золой и старую Дженни. Она вышла изъ себя и, противъ обыкновенія, воскликнула гнѣвно:

— Скажите мнѣ, чего вы еще сюда наставите? Какъ это пришло вамъ въ голову принести корзины съ золой и запачкать столъ въ гостиной?

— Зола?!

Старуха-Негритянка подошла ближе и въ патетическомъ изумленіи подняла руки кверху.

— Знать ничего не знаю!

— Да вѣдь ты же это сюда поставила?

— Господи милосердый! Я? Да я въ первый разъ ихъ вижу, мистрисъ Полли. Это вѣрно Дэниль, онъ вѣдь у насъ сумашедшій.

Но призванный къ отвѣту Дэниль столь же рѣшительно отпирался.

— Я ничего не знаю: это что-то совсѣмъ необыкновенное, тѣмъ болѣе, что здѣсь никого не было... кромѣ, можетъ-быть, кошки...

— Боже мой! воскликнула вдругъ лэди Росморъ, вздрогнувъ всѣмъ тѣломъ.—Теперь я поняла! Это его пепелъ.

— Чей, милэди?

— Того молодаго графа изъ Англіи, который сгорѣлъ. Вы можете идти отсюда.

Но напоминать объ этомъ было излишне, такъ какъ негры быстро отретировались сами, едва она успѣла произнести послѣднія слова. Затѣмъ она отправилась искать Мёльберри Селлерса съ намѣреніемъ во что̀ бы то ни стало упростить его программу, какова бы она ни была.

— Когда на него нападаетъ высокій стиль, говорила она себѣ,—то, если его не удержать, онъ можетъ надѣлать большихъ глупостей. У него въ этомъ случаѣ замѣчательно твердый черепъ.

Она застала мужа съ флагомъ въ рукахъ, изъ котораго онъ выколачивалъ пыль. Когда лордъ заявилъ, что онъ желаетъ выставить прахъ героя на парадномъ катафалкѣ и пригласить правительство и публику, она сказала:

— Твои намѣренія всегда хороши и похвальны. Ты хочешь воздать честь этимъ останкамъ и, разумѣется, осуждать этого не можетъ никто, такъ какъ это былъ твой родственникъ; но мнѣ кажется что ты не то дѣлаешь, что̀ нужно, и ты согласишься съ этимъ, если немножко подумаешь. Вѣдь не можешь же ты маршировать около лукошка съ золой и совершенно серьезнымъ образомъ дѣлать печальное лицо? Чѣмъ торжественнѣе ты все устроишь, тѣмъ выйдетъ фальшивѣе. И съ одною-то корзиной все это довольно комично, а тутъ цѣлыхъ три. Ты подумай только: если ты самъ едва ли будешь въ состояніи выдержать вполнѣ серьезный тонъ, то что̀ же остальные? А вѣдь сбѣгутся тысячи людей. Я боюсь, что изъ этого выйдетъ преглупая комедія. Вѣдь, Мёльберри, выставлять этотъ пепелъ на парадномъ катафалкѣ рѣшительно нелѣпо. Брось это и придумай что-нибудь другое!

Онъ согласился и притомъ безъ большаго сопротивленія, признавъ послѣ короткаго размышленія, что ея взглядъ совершенно вѣренъ. Онъ рѣшилъ ограничиться тѣмъ, что они вмѣстѣ съ Гаукинсомъ будутъ держать по ночамъ у пепла почетный караулъ. Хотя и это послѣднее показалось лэди Росморъ совершенно не нужнымъ, но возражать она не стала, такъ какъ было ясно, что ея супругъ былъ одушевленъ благороднымъ желаніемъ оказать честь и дружеское вниманіе этимъ бѣднымъ, всѣми позабытымъ останкамъ, не могшимъ уже ни на что̀ разсчитывать въ далекой чужой сторонѣ.

Селлерсъ водрузилъ знамена вокругъ корзинъ, привѣсилъ кусокъ крепа съ наружной стороны выходной двери, вздохнулъ и сказалъ съ извѣстнымъ удовлетвореніемъ:

— Ну... теперь мы все сдѣлали для него, что̀ при данныхъ обстоятельствахъ было возможно сдѣлать, исключая... да, на этотъ пунктъ слѣдуетъ тоже обратить вниманіе!.. Мое правило: поступай съ другими такъ, какъ ты хочешь, чтобы съ тобою поступали... да, это нужно устроить!

— Что̀ устроить еще?

— Траурные гербы.

Лэди Росморъ находила, что фасадъ дома былъ ужь и безъ

того увѣшанъ всѣмъ, чѣмъ можно и чѣмъ нельзя; поэтому ожиданіе новыхъ, отчаянныхъ декорацій въ этомъ же родѣ было ей крайне непріятно, и она была даже довольна, что онъ объ этомъ какъ будто позабылъ. Она робко возразила:

— Я думаю, мой милый, что подобныя почести воздаются лишь очень близкимъ родственникамъ.

— Совершенно справедливо, милэди; но вѣдь не слѣдуетъ забывать, что эти ближайшіе родственники узурпаторы. Да, какъ ни тяжело иногда бываетъ исполненіе обязанностей, налагаемыхъ на насъ происхожденіемъ, мы должны имъ рабски подчиняться!

Гербы были заказаны огромные, размѣромъ каждый не меньше двойнаго одѣяла; краски были тоже преувеличенно ярки; но все это отвѣчало тонкому вкусу лорда Росмора, его чувству симметріи и полноты до такой степени, что на фасадѣ дома не оставалось болѣе ни вершка свободнаго мѣста.

Лэди Росморъ съ дочерью оставались добровольно около почетной ночной стражи до полуночи, обсуждая вмѣстѣ съ обоими друзьями вопросъ, что̀ дѣлать съ останками Беркли? Лордъ былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ тотчасъ избрать почетный комитетъ, который долженъ доставить прахъ молодаго героя отцу въ Англію вмѣстѣ съ необходимыми объясненіями.

Лэди была не совсѣмъ съ этимъ согласна:

— Ты что̀ же думаешь, всѣ корзины послать?

— Разумѣется.

— Всѣ сразу?

— О, нѣтъ!.. Подумай, какое ужасное впечатлѣніе произвело бы это на отца!.. Я пошлю сначала одну, потомъ остальныя одну за другою.

— А ты думаешь, папа, что *это* произведетъ желательное впечатлѣніе?

— Да, дочь моя! Не забывай, что ты молода и сильна, а онъ слабъ; если мы пошлемъ ему все сразу, это будетъ болѣе, чѣмъ онъ въ силахъ вынести. Поэтому я и рѣшилъ раздѣлить посылку на три части съ соотвѣтственными промежутками. Пока онъ получитъ все, онъ успѣетъ свыкнуться со своею потерей. И, кромѣ того, такъ будетъ вѣрнѣе, въ смыслѣ бурь и кораблекрушеній.

— Мнѣ твой планъ не нравится, папа. Еслибъ я была его отцомъ, я бы пришла въ бѣшенство. Вѣдь это похоже на...

— На платежъ въ разсрочку, подсказалъ Гаукинсъ, чрезвычайно довольный и гордый своимъ удачнымъ сравненіемъ.

— Да, это ужасно! Постоянная неизвѣстность и ожиданіе отравятъ ему жизнь. Ты подумай только: имѣть впереди такую грустную вещь, какъ похороны, и быть вынужденнымъ ихъ постоянно откладывать и ждать, такъ какъ не все еще пришло.

— О, нѣтъ, дитя мое! сказалъ лордъ успокоительнымъ тономъ;—ничего подобнаго не случится. Старикъ не выдержитъ сразу. Поэтому похороны должны быть въ три пріема...

Лэди Росморъ взглянула на мужа съ изумленіемъ:

— Это что же, по-твоему, для облегченія? Мёльберри, ты невозможенъ. Людей хоронятъ сразу.

— Да это лучше, замѣтилъ Гаукинсъ.

— Иначе и быть не можетъ, прибавила Гвендолена.

— Вы всѣ ошибаетесь, сказалъ лордъ,—и сами въ этомъ сознаетесь, когда хорошенько подумаете.—Вѣдь прахъ-то его только въ одной корзинѣ!

— Прекрасно, сказала лэди Росморъ.—Ну, что же, дѣло очень просто: похоронить только эту одну.

— Конечно, подтвердила дочь.

— Совсѣмъ это не такъ просто, воскликнулъ лордъ,—ибо мы не знаемъ въ какой именно корзинѣ. Мы знаемъ только одно: покойникъ въ одной изъ нихъ. Убѣдились ли вы теперь, что я правъ и что кромѣ тройныхъ похоронъ иного исхода нѣтъ.

— Значитъ три могилы, три памятника, три надписи? воскликнула дочь.

— Да... непремѣнно, если ужь дѣлать все какъ слѣдуетъ; по крайней мѣрѣ, я бы такъ сдѣлалъ.

— Да нельзя же, папа, помилуй! Три надписи на трехъ памятникахъ объ одномъ и томъ же человѣкѣ. Это же совсѣмъ нелѣпость!

— А если другаго исхода нѣтъ? сказалъ лордъ, нетерпѣливо передернувшись на своемъ стулѣ.

Послѣдовало всеобщее молчаніе.

— Знаешь что, сказалъ нерѣшительно Гаукинсъ: — еслибы взять всѣ три корзины да смѣшать!

Лордъ крѣпко пожалъ руку своего друга.

— Да, вотъ исходъ! сказалъ онъ рѣшительно.—Одинъ пароходъ, одно погребеніе, одна могила, одинъ монументъ. Великолѣпно придумано! Эта мысль дѣлаетъ тебѣ честь, маіоръ Гаукинсъ; ты выводишь меня изъ огромнаго затрудненія, а несчастнаго

отца спасаешь отъ излишнихъ страданій. Да, онъ поѣдетъ домой въ одной корзинѣ.

— Когда? спросила жена.

— Какъ можно скорѣе, завтра же!

— Мёльберри, я бы съ этимъ лучше подождала...

— Ждать? Почему?

— Вѣдь ты же не хочешь убить стараго одинокаго человѣка?

— Богъ свидѣтель, что я этого не желаю.

— Такъ подожди, пока онъ самъ пришлетъ за тѣломъ сына. Если ты это сдѣлаешь, ты избавишь себя отъ необходимости наносить ему ужасный ударъ; ты не дашь ему окончательно увѣриться, что его сынъ погибъ, а самъ онъ никогда не пришлетъ.

— Но почему же?

— Потому что онъ не можетъ послать. У него еще нѣтъ полной увѣренности. Онъ еще въ глубинѣ души надѣется, что, можетъ-быть, его сынъ какимъ-нибудь чудомъ спасся и въ одинъ прекрасный день онъ его увидитъ.

— Но вѣдь, Полли, онъ же по газетамъ узнаетъ, что его сынъ сгорѣлъ?

— Да не повѣритъ онъ газетамъ; не будетъ онъ довѣрять никакимъ доказательствамъ его смерти и до самаго своего конца все еще будетъ сомнѣваться. Но когда ты ему пошлешь прахъ его сына, то эти сомнѣнія должны будутъ окончательно разсѣяться.

— О, Господи, не нужно этого! Пусть они не разсѣиваются никогда. О, Полли, ты предохранила меня отъ страшнаго преступленія, и я буду благословлять тебя до конца моихъ дней! Теперь мы знаемъ, что̀ дѣлать. Мы будемъ благоговѣйно хранить этотъ дорогой пепелъ, и несчастный отецъ никогда объ этомъ ничего не узнаетъ.

X.

Молодой лордъ Беркли, вздохнувъ свѣжимъ воздухомъ свободы, чувствовалъ себя несокрушимо сильнымъ для своего новаго пути и все-таки борьба рисовалась ему настолько серьезною и тяжелою, требовала примѣненія столь необычныхъ нравственныхъ силъ, что въ минуты раздумья въ голову юноши мимовольно закрадывалась мысль объ отступленіи. Это не было вѣроятно, но

и не невозможно. Поэтому онъ рѣшился въ своеобразномъ предусмотрительномъ отчаяніи сжечь свои корабли. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ удовольствоваться тѣмъ, что помѣститъ объявленіе и вызоветъ владѣльца денегъ; онъ долженъ сложить ихъ въ такое мѣсто, чтобы даже въ минуту крайней нужды не быть въ состояніи ими воспользоваться.

Съ этою цѣлью Беркли отправился въ нижній городъ, помѣстилъ объявленіе и зашелъ въ одинъ изъ банковъ, чтобы положить на вкладъ пятьсотъ долларовъ.

— На чье имя? спросилъ его чиновникъ.

Беркли вздрогнулъ и слегка покраснѣлъ.

Онъ позабылъ придумать себѣ имя. Поэтому онъ назвалъ первое, пришедшее ему въ голову:

— Говардъ Трэси.

Когда онъ ушелъ, чиновникъ произнесъ съ удивленіемъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Вы замѣтили, какъ степной пастухъ покраснѣлъ?

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Но деньги все же оставались за нимъ и были въ его распоряженіи. Нужно было устранить и это затрудненіе. Онъ пошелъ въ другой банкъ и выдалъ чекъ на первый банкъ въ суммѣ пятисотъ долларовъ. Деньги были вынуты и во второй разъ внесены вкладомъ на имя Говарда Трэси. Его пригласили дать образецъ своей подписи, что̀ онъ и сдѣлалъ. Затѣмъ онъ ушелъ гордый и мужественный, сказавъ себѣ:

— Теперь все кончено. Этихъ денегъ взять я не могу, не удостовѣривъ свою личность, а это для меня совершенно невозможно. Никакой помощи ждать не откуда, остается работать или голодать, но я готовъ и не боюсь ничего.

Затѣмъ онъ отправилъ слѣдующую подводную телеграмму отцу: „Спасся невредимо изъ горѣвшей гостиницы. Перемѣнилъ имя. Прощай.“

Вечеромъ, проходя по одному изъ отдаленныхъ кварталовъ города, Беркли замѣтилъ небольшую кирпичную церковь, на дверяхъ которой было наклеено слѣдующее объявленіе:

„Засѣданіе рабочаго клуба. Желающіе участвовать приглашаются.“

Онъ замѣтилъ много людей, принадлежавшихъ въ большинствѣ къ рабочему классу и шедшихъ на собраніе, вошелъ вмѣстѣ съ ними и занялъ мѣсто.

Это былъ скромный небольшой храмъ безо всякихъ украшеній.

Сидѣнье представляли ничѣмъ не обитыя простыя крашеныя скамьи. Амвона не было, вмѣсто него была устроена платформа. На ней засѣдалъ предсѣдатель, имѣя около себя человѣка съ тетрадью въ рукахъ; по напряженному выраженію его лица можно было заключить, что онъ собирается играть здѣсь не послѣднюю роль.

Скоро церковь наполнилась тихими, прилично, но скромно одѣтыми людьми. Предсѣдатель открылъ собраніе слѣдующими словами:

— Ораторомъ у насъ сегодня будетъ бывшій членъ нашего клуба и создатель газеты *Демократъ*, мистеръ Паркеръ, котораго вы всѣ знаете. Предметомъ его сообщенія будетъ американская печать, а эпиграфами взяты слова изъ новой книги мистера Арнольдса; первый гласитъ:

„Гёте сказалъ въ одномъ мѣстѣ, что чувство страха, или другими словами—почтенія, представляетъ собою лучшее изо всего, чѣмъ обладаетъ человѣчество.“

Другая фраза мистера Арнольдса такова:

„Я утверждаю, что если требуется отыскать средство убить во всемъ народѣ чувство почтенія къ чему бы ни было, то лучше всего взять для этого американскія газеты.“

Мистеръ Паркеръ всталъ и поклонился. Раздались громкіе апплодисменты. Онъ началъ читать громкимъ, звучнымъ голосомъ, ясно выговаривая каждое слово и дѣлая необходимыя ударенія и остановки.

Ораторъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что важнѣйшею задачей всякаго общественнаго органа въ странѣ должно быть воспитаніе національнаго чувства и національной гордости, укрѣпленіе въ народѣ любви къ своей родинѣ и къ ея учрежденіямъ и предостереженіе противъ чуждыхъ или ложныхъ системъ. Онъ упомянулъ, какъ относятся къ этимъ обязанностямъ журналисты другихъ странъ, гдѣ не только нѣтъ свободы печати, но иногда даже и личность самого журналиста ничѣмъ не гарантирована. Такъ, говорилъ онъ, главнымъ предметомъ почитанія само собою становится палка. Главная задача англійской газеты, какъ и всякой другой, умѣть обращать вниманіе публики на извѣстныя стороны предметовъ, тщательно отводя ея глаза отъ другихъ сторонъ. Такъ, напримѣръ, рисовать англійскую славу, освѣщающую своими лучами длинный рядъ столѣтій англійской исторіи и тщательно умалчивать о томъ обстоятельствѣ, что вся эта слава служила

лишь къ обогащенію и возвеличенію немногихъ избранныхъ на счетъ кроваваго пота и страшной бѣдности безмолвныхъ народныхъ массъ, вырабатывавшихъ англійскіе успѣхи, но не пользовавшихся отъ нихъ ничѣмъ. Взгляды публики должны всегда съ благоговѣйнымъ и любовнымъ почтеніемъ быть обращены къ королевскому трону, какъ къ нѣкоему священному мѣсту; при этомъ должно тщательно умалчивать, что едва ли существуетъ другой тронъ на свѣтѣ, который находился бы въ такой абсолютной зависимости отъ голосованія большинства, какъ англійскій, и что въ сущности королевская власть въ Англіи представляетъ лишь излюбленную, красивую декорацію, пощаженную временемъ. Вниманіе читателя должно быть съ почтеніемъ постоянно обращено на притязанія, иногда совершенно странныя, англійской торговой политики, англійской господствующей церкви, англійскаго привилегированнаго класса и т. д., дѣйствующихъ зачастую въ ущербъ самой элементарной справедливости; публика не должна догадываться, что масса народа безпощадно обирается подъ мягкимъ названіемъ разныхъ обложеній, поддерживающихъ государство и государственность, этой угнетенной массѣ совершенно ненужныя.

Ораторъ полагалъ, что Арнольдсъ впалъ въ ошибку, непростительную при его опытномъ взглядѣ и наблюдательности, выражая сожалѣнія о недостаткѣ въ нашей печати смиреннаго почтенія къ разнымъ возвышеннымъ вещамъ; это качество, дѣйствительно у насъ отсутствующее, могло бы сдѣлать нашу печать совершенно безполезною, отнявъ у нея именно ея отличительныя американскія черты сравнительно съ печатью всѣхъ другихъ странъ. Тѣмъ-то и драгоцѣнна наша американская печать, что она ровно ничему не поклоняется и считаетъ своею миссіей стоять на стражѣ народныхъ свободъ, а никакъ не глупостей и предразсудковъ.

Еслибъ учрежденія Стараго Свѣта поставить лѣтъ на пятьдесятъ подъ непрерывный огонь такой смѣлой насмѣшливой печати, какъ наша, то всякія монархическія идеи вмѣстѣ съ практическими преступленіями монархизма давно бы стали преданіемъ. Мыслители Стараго Свѣта не хотятъ съ этимъ согласиться. „Почему, говорятъ они, не попытаетесь вы убѣдить турецкаго султана согласиться на подобный опытъ?“

Въ заключеніе ораторъ сказалъ:

„Итакъ, нашу печать обвиняютъ въ томъ, что она лишена того свойства печати Стараго Свѣта, которое называютъ почти-

тельностью. Сокрушаться ли намъ объ этомъ? Едва ли! Скорѣе надлежитъ этому радоваться. Какъ ни непочтительна наша печать, она во всякомъ случаѣ почитаетъ то, что̀ чтитъ народъ, и этого совершенно достаточно. Да, наша печать относится безо всякаго почтенія къ королевской власти и къ такъ-называемому дворянству; не желаетъ она почитать также ни государственно-церковнаго рабства, ни, тѣмъ болѣе, такихъ законовъ, благодаря которымъ младшія дѣти въ семьѣ лишаются всего, ради исключительнаго положенія старшаго. Нѣтъ у нашей печати почтенія для того пустаго блеска, лжи и обмана, какъ бы они ни были древни и святы, въ силу которыхъ одинъ изъ гражданъ по случайности своего рожденія становится выше другихъ; нѣтъ у ней почтенія и для тѣхъ обветшалыхъ нравовъ и обычаевъ, которые лучшихъ людей страны отрѣзаютъ отъ общественной дѣятельности и отнимаютъ у нихъ естественное право каждаго ей себя посвятить. Въ смыслѣ Гёте, этого скромнаго поклонника тройственнаго начала, монархизма, провинціализма и сословности, наша печать по недостатку въ ней чувства страха и почтенія дѣйствительно банкротъ. Она не желаетъ почитать за серебро ни никелированныхъ, ни мельхіоровыхъ издѣлій. И будемъ надѣяться, такъ будетъ и въ будущемъ, ибо, по моему мнѣнію, благовоспитанная непочтительность есть независимость, защитница и хранительница человѣческой свободы. Противуположное ей качество, о недостаткѣ котораго такъ сокрушается нашъ авторъ, можетъ лишь порождать, питать и укрѣплять на долгія время всякіе виды человѣческаго рабства, нравственнаго и физическаго.“

Трэси, пришедшій въ восторгъ отъ этой рѣчи, чуть не воскликнулъ вслухъ:

„О, какъ я счастливъ, попавъ въ эту страну! Здѣсь въ головахъ и сердцахъ людей цвѣтутъ такіе здравые принципы и теоріи. Сколько безчисленныхъ видовъ рабства проистекаетъ изъ не надлежаще направленнаго почтенія. Какъ хорошо доказалъ онъ это и какъ это справедливо! Какая огромная сила лежитъ въ чувствѣ почтенія! Человѣкъ, котораго мы заставили поклониться нашимъ идеаламъ, есть уже нашъ рабъ. Европейскіе народы были обучаемы въ теченіе столькихъ столѣтій не задумываться надъ недостойною комедіей монархизма и сословности, что монархическіе и кастовые предразсудки вошли естественно въ ихъ плоть и кровь. Довольно представить этимъ темнымъ умамъ мысль въ противуположномъ порядкѣ вещей, чтобы

вести ихъ въ негодованіе. Еще бы, если въ теченіе цѣлыхъ столѣтій всякая непочтительность къ этимъ вещамъ разсматривалась, какъ преступленіе. Обманъ и подтасовка въ этихъ понятіяхъ обнаружатся сразу, если принять въ соображеніе, что только сама масса имѣетъ право судить, что̀ заслуживаетъ ея почтенія и что̀ нѣтъ. Чортъ возьми, объ этомъ я совсѣмъ раньше не думалъ, а вѣдь это вѣрно, безусловно вѣрно! Какое право имѣютъ Гёте, или Арнольдсъ, или кто бы тамъ ни былъ навязывать людямъ какую-то почтительность? Какое мнѣ дѣло до ихъ идеаловъ? Пока у меня есть свои идеалы, я имѣю полное право смѣяться надъ ихними. Я могу смѣяться надъ чужими идеалами сколько мнѣ угодно: это мое право, моя привилегія, и никто меня въ этомъ не переубѣдитъ"...

Трэси ждалъ, что докладъ вызоветъ пренія, но этого не случилось. Предсѣдатель, какъ бы въ объясненіе, заявилъ:

„Ради присутствующихъ здѣсь постороннихъ я позволю себѣ напомнить, что высказанное въ этомъ докладѣ будетъ обсуждаться въ слѣдующемъ собраніи нашего клуба. Дѣлается это затѣмъ, чтобы тѣ изъ господъ нашихъ членовъ, которые желаютъ сдѣлать свои замѣчанія, имѣли время приготовить ихъ письменно. Вѣдь мы, люди рабочіе, къ рѣчамъ не привыкли и должны поэтому заранѣе написать то, что̀ собираемся говорить."

Было сдѣлано еще нѣсколько маленькихъ докладовъ и произнесено нѣсколько рѣчей по предмету предшествовавшаго засѣданія; это было сообщеніе гостя-профессора о высшемъ образованіи и о пользѣ приносимой имъ націи. Одно изъ сообщеній было сдѣлано пожилымъ господиномъ, не учившимся, по его словамъ, ни въ какой школѣ и получившимъ свое воспитаніе въ наборной, откуда впослѣдствіи онъ перешелъ на службу въ бюро привилегій.

Послѣ этого вступленія докладчикъ продолжалъ:

„Ораторъ сравнилъ нынѣшнюю Америку съ прежнею и пришелъ, конечно, къ заключенію о сдѣланныхъ ею огромныхъ успѣхахъ. Но я думаю, что онъ преувеличиваетъ значеніе высшаго образованія въ этомъ дѣлѣ. Разумѣется, доказать не трудно, что высшее образованіе могущественно способствовало умственной сторонѣ нашего прогресса. Эта сторона очень велика, но сторона техническая неизмѣримо больше, и съ этимъ вы вѣроятно согласитесь. Я изучалъ списокъ изобрѣтателей,

главныхъ двигателей промышленнаго успѣха и пришелъ къ убѣжденію, что это вовсе не академически образованные люди. Разумѣется, есть и исключеніе, какъ, напримѣръ, профессоръ Генри изъ Прайнстона, изобрѣтатель телеграфа Морзе, но они крайне рѣдки. Не будетъ вовсе преувеличеніемъ, если я скажу, что невѣроятное матеріальное развитіе нашей страны въ текущемъ столѣтіи является результатомъ дѣятельности никакъ не профессоровъ. Мы думаемъ, что видимъ, что̀ сдѣлали наши изобрѣтатели, но мы ошибаемся, мы видимъ только внѣшнюю сторону ихъ труда; огромная его часть ускользаетъ отъ поверхностнаго наблюденія. Они возродили, можно сказать, возсоздали нашу страну; говоря образно, они увеличили число ея членовъ въ количествахъ неизобразимыхъ никакими цифрами. Постараюсь объяснить, что̀ я подъ этимъ разумѣю. Что̀ составляетъ населеніе страны? Неужели такое-то количество мяса и костей, которое мы изъ вѣжливости называемъ мужчинами и женщинами? Равноцѣненъ ли милліонъ унцевъ золота такому же количеству мѣди?

„Примемъ, какъ вѣрнѣйшее основаніе производительности одного человѣка для данной страны и времени,—количество производимой имъ работы. Наше нынѣшнее населеніе придется помножить на весь излишекъ того, что̀ можетъ выработать современный рабочій сравнительно съ его дѣдомъ. Съ этой точки зрѣнія, Американскій народъ два или три поколѣнія тому назадъ состоялъ, если его сравнивать съ нами, какъ бы изъ однихъ калѣкъ, паралитиковъ и мертвецовъ.

„Въ 1840 году все населеніе Штатовъ исчислялось въ семнадцать милліоновъ. Представимъ себѣ, что изъ этихъ семнадцати милліоновъ четыре были старики, дѣти и неспособные къ работѣ. Остальные тринадцать милліоновъ распредѣлялись такъ:

2.000.000	прядильщиковъ.
6.000.000	чулочницъ.
3.000.000	женщинъ-прядильщицъ.
300.000	слесарей.
400.000	косцовъ и жнецовъ.
1.000.000	молотильщиковъ.
40.000	ткачей.
1.000	кожевниковъ.

„Выводы, которые я сдѣлаю изъ этихъ цифръ, могутъ показаться совершенно невѣроятными, но они безусловно вѣрны. Я беру ихъ изъ отчетовъ 45-го засѣданія конгресса, то-есть это свѣдѣнія оффиціальныя.

„Въ наше время два милліона ручныхъ прядильщиковъ замѣняются двумя тысячами машинныхъ. Работа шести милліоновъ вязальщицъ исполняется тремя тысячами дѣтей. Вмѣсто двухъ милліоновъ прядильщицъ нитей, достаточно тысячи дѣвочекъ. При нарѣзкѣ болтовъ полмилліона слесарей замѣняются пятьюстами дѣтьми. Четыреста тысячъ косцовъ и жнецовъ сдѣлаютъ столько же, сколько четыре тысячи мальчиковъ. Вмѣсто милліона молотильщиковъ, довольно семи тысячъ пятисотъ человѣкъ. Сорокъ тысячъ ручныхъ ткачей замѣняются тысячью двумя стами, а тысяча сапожниковъ шестью, десятью человѣками.

„Сложимъ вмѣстѣ всѣ эти цифры. Семнадцать тысячъ человѣкъ исполняютъ теперь количество работы, для котораго пятьдесятъ лѣтъ назадъ требовалось тринадцать милліоновъ людей. Спрашиваю васъ, сколько потребовалось бы милліоновъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, чтобы съ ихъ примитивными методами произвести ту работу, которую мы производимъ сейчасъ? Потребовалось бы сорокъ милліардовъ людей, то-есть населеніе во сто разъ больше всего скученнаго населенія Китая и въ двадцать разъ большее всего нынѣшняго населенія земнаго шара. Вы смотрите кругомъ себя и видите народъ, считающій шестьдесятъ милліоновъ жителей. Но это вамъ только такъ кажется. Въ ихъ головахъ и рукахъ невидимо для вашего глаза скрыто истинное населеніе республики,--сорокъ милліардовъ людей. Вотъ результатъ дѣятельности нашихъ скромныхъ изобрѣтателей, среди которыхъ вы почти не найдете ученыхъ профессоровъ. Да будетъ же вѣчная слава этимъ безсмертнымъ труженикамъ!“

— О, какъ это великолѣпно! восклицалъ Трэси, возвращаясь домой;—что̀ за удивительная цивилизація и что̀ за чудные результаты! И все это сдѣлано людьми изъ народа, а не аристократами, кончившими курсъ въ Оксфордѣ, сдѣлано тѣми, кто локоть къ локтю идутъ по жизненной лѣстницѣ человѣчества и въ потѣ лица своего добываютъ свой хлѣбъ. Снова радуюсь я, что пріѣхалъ сюда. Я нашелъ, наконецъ, страну, гдѣ могу при благопріятныхъ обстоятельствахъ начать, наряду со своими ближними, честную борьбу жизни и пойду впередъ по пути труда.

Всѣмъ, чего я достигну, буду обязанъ я только моей личности, а не тому, что заграбили мои предки три столѣтія назадъ.

XI.

Въ теченіе ближайшихъ нѣсколькихъ дней Трэсп былъ твердо убѣжденъ, что попалъ въ такую страну, гдѣ „хлѣбъ и работа обезпечены для всѣхъ“. Для удобства онъ эту фразу положилъ на музыку и постоянно напѣвалъ. Но время шло, и этотъ принципъ становился сомнительнымъ, вмѣстѣ съ чѣмъ начинала путаться и мелодія, и, наконецъ, совсѣмъ прекратилась. Трэсп сначала старался получить мѣсто чиновника въ одномъ изъ департаментовъ, гдѣ вполнѣ могъ бы пригодиться пройденный имъ въ Оксфордѣ курсъ. Но поступить на службу ему рѣшительно не удалось. Здѣсь требовались не познанія, а принадлежность къ извѣстной политической партіи. Своего англійскаго происхожденія онъ не могъ скрыть, а это было очень дурною рекомендаціей въ столицѣ страны, гдѣ обѣ политическія партіи на крышахъ и въ погребахъ клянутся въ своей пламенной любви къ Ирландцамъ. По костюму это былъ пастухъ съ далекаго запада, и это обстоятельство внушало къ нему нѣкоторое уваженіе, но ничуть не помогало при пріисканіи работы. Между тѣмъ, сбросить этого платья онъ не могъ, такъ какъ необдуманно далъ себѣ слово носить его до тѣхъ поръ, пока его не признаетъ владѣлецъ платья, или кто-нибудь изъ его друзей и не спросятъ о деньгахъ.

Прошла недѣля, и Трэсп началъ безпокоиться. Онъ повсюду искалъ работы, постепенно спускаясь по лѣстницѣ своихъ притязаній внизъ, пока, наконецъ, не пріобрѣлъ рѣшимости взяться за всякую работу, доступную человѣку безо всякой опредѣленной спеціальности, исключая, разумѣется, битья камней и другихъ подобнаго рода грубыхъ занятій. Но ни работы, ни обѣщанія дать ее не было. Онъ перелистывалъ механически свою записную книгу и взглядъ его упалъ на одну изъ первыхъ замѣтокъ, сдѣланныхъ вскорѣ послѣ пожара:

„Я и самъ никогда не сомнѣвался въ моей естественной способности къ этой новой жизни; еслибы кто посмотрѣлъ, какъ я устроился съ квартирой, онъ могъ бы убѣдиться, что я такъ же ею доволенъ, какъ любая собака своею конурой. Я плачу двад-

цать пять долларовъ въ недѣлю. Я рѣшилъ, что начну съ самаго низу и сдержу мое слово."

Морозъ пробѣжалъ по кожѣ Трэси, когда онъ прочелъ эти строки.

— О чемъ я только думалъ? Это называется начинать снизу? Промечтать цѣлую недѣлю и почти истратить всѣ деньги. Надо сейчасъ же кончить эту глупость.

Онъ расплатился за квартиру и отправился искать болѣе дешеваго помѣщенія. Долго бродилъ онъ взадъ и впередъ среди усердныхъ поисковъ, пока, наконецъ, нашелъ то, что̀ ему было нужно. Съ него потребовали 4½ доллара, то-есть плату за недѣлю впередъ. Это обезпечивало ему ночлегъ и пищу. Добродушная пожилая хозяйка повела его по узенькой ничѣмъ не прикрытой лѣстницѣ на третій этажъ и показала ему его комнату. Тамъ стояли двѣ двухспальныя и одна одиночная кровать. Ему было разрѣшено спать одному на двухспальной кровати, пока не найдется второй жилецъ. Надбавки за это никакой не полагалось. Но за то каждую минуту ему могло предстоять спать на одной кровати съ кѣмъ-нибудь постороннимъ. Уже отъ одной этой мысли дѣлалось ему дурно.

Мистрисъ Маршъ, такъ звали хозяйку, была очень предупредительна и надѣялась, что ихъ домъ понравится Трэси, какъ онъ нравился всѣмъ остальнымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, она увѣряла.

— Наши жильцы ребята отличные. Шумятъ немножко, да что̀ жь подѣлаешь, коли это имъ доставляетъ удовольствіе? Вотъ эти двери ведутъ въ другую комнату; часто они компаніей собираются то здѣсь, то тамъ. А когда ночи жаркія и нѣтъ дождя, выходятъ спать на крышу. Нынче весна была такая ранняя, что они уже двѣ ночи тамъ спали. Если вы хотите идти наверхъ и поискать тамъ мѣста, то сдѣлайте это заранѣе. Мѣлъ вы найдете въ печуркѣ въ стѣнѣ. Возьмите кусокъ,—да что̀ я васъ учу! Чай, сколько разъ приходилось!

— Нѣтъ еще, не приходилось...

— Да и то, что̀ я говорю, конечно не приходилось! Тамъ, у васъ въ преріяхъ на западѣ, мѣста довольно, мѣломъ очерчивать не нужно. Такъ вотъ, вы возьмите кусокъ мѣлу, выберите себѣ мѣсто какъ лечь, тамъ, гдѣ никѣмъ не занято, конечно, очертите мѣломъ и напишите свое имя. Это будетъ ужь ваша собственность. Вы и вашъ компаніонъ по кровати будете

носить поочередно матрацъ и подушки на верхъ, или такъ устройтесь, что одинъ будетъ на верхъ носить, а другой внизъ убирать; впрочемъ, это ужь ваше дѣло, вы тамъ сговоритесь. Жильцы мои понравятся вамъ; они хорошіе товарищи всѣ, и даже наборщикъ. Онъ спитъ на одиночной кровати. Преоригинальный человѣкъ! Ни за что не согласится спать съ кѣмъ-нибудь вдвоемъ, хоть бы домъ горѣлъ. Повѣрьте, я не зря говорю, а навѣрно. Жильцы какъ-то захотѣли попробовать, взяли и вынесли его кровать. Приходитъ онъ въ три часа ночи домой—онъ работалъ тогда на утренней газетѣ, а теперь работаетъ на вечерней,—никакого другаго мѣста не было, а только вмѣстѣ съ литейщикомъ. Что же вы думаете онъ сдѣлалъ? А такъ и просидѣлъ всю ночь, ей-Богу! Вы скажете, можетъ-быть, что онъ немножко помѣшанъ? Нѣтъ, онъ попросту Англичанинъ, а эти Англичане, чортъ ихъ знаетъ, до чего... вы на меня не разсердитесь? Вы вѣдь, кажется, сами Англичанинъ?

— Да.

— Такъ я и подумала? Знаете, это у васъ замѣтно по выговору. Вы не правильно говорите тѣ слова, гдѣ слышна буква *a*. Это ужь у васъ у всѣхъ такой недостатокъ. А этотъ Англичанинъ хорошій человѣкъ; онъ дружитъ съ фотографомъ, конопатчикомъ и кузнецомъ, который работаетъ на казенныхъ верфяхъ. Съ другими онъ водится мало. Дѣло въ томъ, видите ли, что онъ считаетъ себя немножко аристократомъ, но это пожалуста между нами, — его отецъ докторъ. Въ Англіи, вы знаете, какъ это важно, ну, а у насъ, въ Америкѣ, я полагаю, ничего не стóитъ, будь человѣкъ хоть и самъ докторъ. Да, у васъ тамъ все иначе!.. Малый бросилъ своего отца и поѣхалъ въ Америку. Пришлось, знаете ли, или работать, или голодать. Онъ былъ тамъ въ университетѣ и думалъ, что попалъ сюда въ царство небесное.—Вы что-то сказали?

— Нѣтъ, я только вздохнулъ.

— Вотъ онъ и ошибся. Сильно пришлось бы ему поголодать, еслибъ имъ не занялся наборщикъ, или вообще кто-нибудь. Достали ему мѣсто въ типографіи ученикомъ. Выучился онъ, и пошло у него все хорошо. А то ужь совсѣмъ было бросилъ свою гордость и хотѣлъ писать къ отцу. Вы опять вздохнули. Вамъ не хорошо можетъ-быть, или это моя болтовня...

— Нѣтъ, продолжайте пожалуста! Я съ удовольствіемъ васъ слушаю.

— Видите ли, онъ здѣсь уже десять лѣтъ; ему теперь двадцать восемь лѣтъ, а онъ все еще не можетъ привыкнуть, что онъ простой рабочій, и долженъ жить съ простыми рабочими, между тѣмъ какъ онъ мнѣ говоритъ, онъ чувствуетъ себя джентльменомъ. Это какъ будто выходитъ, что другіе наши жильцы не джентльмены, а только онъ одинъ. Разумѣется, онъ не такъ глупъ, чтобъ это говорить открыто.

— Почему же? Что̀ же въ этомъ зазорнаго?

— Зазорнаго? Да его сейчасъ же отдули бы, еслибъ это услыхали. Развѣ бы вы сами этого не сдѣлали? Да я увѣрена! Сохрани Богъ сказать кому-нибудь въ Соединенныхъ Штатахъ, что онъ не джентльменъ. Вотъ вы, напримѣръ: да я полагаю каждый раза два подумаетъ, прежде чѣмъ сказать степному пастуху, что онъ не джентльменъ!

Красивая, стройная и живая дѣвушка лѣтъ восемнадцати вошла въ комнату совершенно непринужденно. На ней было дешевое, но очень изящно сшитое платье. Трэси всталъ, а хозяйка бросила на него быстрый взглядъ, какъ бы желая убѣдиться, какое впечатлѣніе произвела на молодаго жильца дѣвушка.

— Моя дочь Хэтти. Мы зовемъ ее короче, Пуссъ. Вотъ нашъ новый жилецъ, Пуссъ.

Молодой Англичанинъ поклонился съ неловкостью, свойственною его возрасту и странному положенію. Онъ не зналъ въ сущности, что̀ это была за личность и какого тона надлежало съ нею держаться. Простая ли это горничная, или дочь зажиточнаго гражданина? Такъ разсуждало его старое аристократическое „я“. Другое „я“, признававшее равенство всѣхъ людей, еще не успѣло въ достаточной степени окрѣпнуть и потому быстро оріентироваться не могло.

Молодая дѣвушка не обратила никакого вниманія на поклонъ, но дружески протянула руку Трэси и крѣпко ее пожала со словами:

— Ну какъ вы себя у насъ чувствуете?

Затѣмъ она подошла къ умывальнику, стоявшему въ комнатѣ, повернула голову направо и налѣво предъ ужаснѣйшимъ экземпляромъ криваго зеркала, поправила, послюнивъ палецъ, маленькій завитокъ волосъ, неправильно упадавшій на лобъ, и начала убирать комнату.

— Скоро ужинъ, надо идти, сказала хозяйка. — Устраивайтесь, мистеръ Трэси, какъ вамъ удобно. Къ ужину вы услышите звонокъ.

Хозяйка ушла совершенно спокойно, не пригласивъ ни одного изъ молодыхъ людей выйти изъ комнаты. Бывшій лордъ удивился, какъ мать, показавшаяся ему такою порядочною и достойною уваженія женщиной, такъ беззаботна относительно своей дочери и уже взялъ было шляпу, чтобъ освободить дѣвушку отъ своего присутствія, но она остановила его:

— Куда вы?

— Я собственно никуда, но я не хочу васъ стѣснять.

— А чѣмъ же вы можете меня стѣснять? Садитесь себѣ и сидите, а когда вы мнѣ будете мѣшать, я вамъ скажу.

Она начала стлать постели, а онъ сѣлъ напротивъ нея и любовался ея быстрыми и ловкими движеніями.

— Вѣдь что̀ придумаетъ человѣкъ! Что мнѣ тѣсно въ комнатѣ что ли, чтобъ убрать двѣ постели...

— Нѣтъ, конечно; но вѣдь мы здѣсь одни въ пустомъ домѣ, а ваша матушка ушла внизъ...

Дѣвушка прервала его веселымъ смѣхомъ.

— ...И никого нѣтъ, чтобы меня защитить? Не такъ ли? Право же это совсѣмъ лишнее! Да мнѣ одной было бы хуже, потому что я боюсь привидѣній и не думаю въ этомъ запираться. Я въ нихъ, конечно, не вѣрю, но все-таки боюсь ихъ...

— Какъ же вы боитесь того, во что̀ вы не вѣрите?

— Я ужь не знаю, какъ это выходитъ. Это не по моему разуму. Я знаю только, что это такъ. Вотъ и съ Меджи Лэнъ то же самое.

— Это кто такая Меджи Лэнъ?

— А это наша жилица, молодая дама; она работаетъ на фабрикѣ.

— На фабрикѣ?

— Да, на сапожной.

— Работаетъ на сапожной фабрикѣ, а вы называете ее молодая дама?

— Ей всего двадцать два года. Какъ же я должна ее называть?

— Я не о лѣтахъ говорю, а объ общественномъ положеніи. Я уѣхалъ изъ Англіи и думалъ, что уйду отъ этихъ искусственныхъ общественныхъ дѣленій, а между тѣмъ я встрѣчаю ихъ и здѣсь. Это жаль. Я думалъ, что здѣсь нѣтъ никакихъ сословій, всѣ люди равны между собою, и я буду имѣть дѣло только съ мужчинами и женщинами. Если вы фабричную работницу называете молодая дама, то какъ же вы назовете жену президента республики?

— Ну, та будетъ старая дама.

— Такъ что различіе будетъ только въ возрастѣ?

— Я думаю, больше ни въ чемъ и быть не можетъ!

— Такъ что всѣ женщины по-вашему будутъ дамы?

— Ну, конечно, всѣ... порядочныя.

— А-а! Теперь я начинаю васъ понимать. Разумѣется, нѣтъ ничего обиднаго въ такомъ титулѣ, который носятъ всѣ. Обидно и несправедливо это только тогда, когда титула носятъ нѣкоторые; но миссъ...

— Хэтти...

— Но миссъ Хэтти, будьте же откровенны и сознайтесь, что не всѣ у васъ величаютъ другъ друга подобнымъ титуломъ. Напримѣръ, богатая Американка ужъ навѣрно не называетъ свою кухарку дамой? Не правда ли?

— Не называетъ конечно; но что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

Онъ былъ удивленъ и нѣсколько разочарованъ, такъ какъ его ловкій, какъ онъ думалъ, аргументъ не произвелъ никакого впечатлѣнія.

— Какъ что̀ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что никакого равенства нѣтъ и здѣсь, и что Американцы совсѣмъ не далеко ушли отъ Англичанъ. Разницы вѣдь никакой.

— Господи, что̀ вамъ только приходитъ въ голову! Не слово важно, а важно то, какой смыслъ въ немъ заключается. Вѣдь вы же сами это говорили. Ну, напримѣръ, представьте себѣ, что вмѣсто слова „дама“, мы скажемъ „уважаемая“. Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю. Говоря о какой-нибудь женщинѣ, я, вмѣсто „дамы“, скажу „уважаемая особа“. Такъ?

— Именно такъ. Въ Англіи знатные люди вѣдь не называютъ рабочихъ джентльменами и дамами?

— Конечно нѣтъ.

— Ну, а рабочіе тоже такъ не называютъ другъ друга?

— Тоже не называютъ.

— Ну такъ вотъ я вамъ объясню. Слово вы можете взять другое, а на дѣлѣ выйдетъ разница. Знатные люди будутъ называть себя, скажемъ, „уважаемыми“, а простые все-таки такъ называть себя не станутъ. У насъ совершенно не то. Каждый называетъ себя джентльменомъ, или дамой, совершенно увѣренъ, что онъ именно таковъ и ничуть не заботится о томъ, чѣмъ считаютъ его другіе, пока это не высказывается вслухъ. Вы

думаете, что здѣсь нѣтъ никакой разницы, а разница есть. Англичане унижаютъ свое достоинство — простой человѣкъ лебезитъ передъ знатнымъ, а мы этого не дѣлаемъ. Это по-вашему одно и то же?

— Нѣтъ, разница есть. Я объ этомъ не подумалъ... Но однако все-таки, знаете ли, называть себя дамой и въ то же время... гм!

— На вашемъ мѣстѣ я бы лишняго не болталъ, раздалось сзади нихъ.

Говардъ Трэси оглянулся, чтобы посмотрѣть на того, кому принадлежали послѣднія слова. Это былъ коренастый человѣкъ лѣтъ около сорока съ пепельно-свѣтлыми волосами и пріятнымъ безбородымъ лицомъ, покрытымъ веснушками. Глаза его имѣли живое и умное выраженіе. На немъ былъ надѣтъ очень скромный костюмъ, пріобрѣтенный совсѣмъ не въ первоклассномъ магазинѣ готоваго платья и уже порядочно поношенный, но приличный и чистый. Онъ вошелъ со двора черезъ другую комнату, оставивъ тамъ шляпу. Въ рукахъ его былъ бѣлый, обитый и растрескавшійся умывальный тазъ. Дѣвушка пошла къ нему навстрѣчу и взяла тазъ.

— Я сдѣлаю за васъ, мистеръ Барроу. А вы продолжайте пожалуста и поучите его хорошенько. Рекомендую: это нашъ новый жилецъ, мистеръ Трэси. Вы пришли какъ разъ во̀время, а то ужь онъ заговорилъ со мной что-то очень по ученому.

— Очень вамъ благодаренъ, Хэтти, я пришелъ вотъ за этимъ молодцомъ.

Мистеръ Барроу усѣлся поудобнѣе на старомъ сундукѣ и сказалъ:

— Я тутъ прислушался немного, и онъ меня заинтересовалъ. Право, еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы, какъ уже сказалъ, дальше не разсуждалъ. Называть себя дамой и въ то же время не сознавать себя таковою,—вы вѣдь это хотѣли сказать? Ну такъ вотъ тутъ вамъ будетъ новое затрудненіе, о которомъ вы и не подумали: кому принадлежитъ право установлять титула? Тамъ, у васъ въ Англіи, изъ милліона людей двадцать тысячъ называютъ себя джентльменами и дамами, а остальные девятьсотъ восемьдесятъ тысячъ соглашаются съ этимъ и спокойно переносятъ стыдъ, который отсюда для нихъ вытекаетъ. Но если это имъ не нравится, они могутъ сдѣлать это очень просто, и обратить самое слово въ пустой звукъ, не имѣющій никакой цѣны. Здѣсь, напримѣръ, тоже могутъ найтись двадцать

тысячъ людей, которые съ удовольствіемъ подойдутъ къ избирательнымъ урнамъ и объявятъ себя джентльменами и дамами. Но только на этомъ дѣло вѣдь не кончится. Остальные 980 тысячъ тоже подойдутъ къ урнамъ и тоже объявятъ себя джентльменами и дамами; и это сдѣлаетъ весь народъ; а такъ какъ это сдѣлали всѣ, то ни о какомъ преимуществѣ не можетъ быть и рѣчи. Да, у насъ здѣсь безусловное равенство. Это вовсе не фантазія, тогда какъ у васъ тамъ, благодаря рѣшенію безконечно слабѣйшей части и согласію части безконечно сильнѣйшей, царствуетъ дѣйствительно безусловное неравенство.

При первыхъ же словахъ мистера Барроу Трэси, словно устрица, ушелъ въ свою англійскую раковину, несмотря на то, что онъ уже нѣсколько недѣль вращался въ низшихъ слояхъ публики и ознакомился съ ея нравами и обычаями. Но когда рѣчь Барроу подходила къ концу, створки раковины раскрылись, и онъ принудилъ себя даже безъ особенно болѣзненнаго чувства перенести безцеремонное вмѣшательство посторонняго человѣка въ свой разговоръ. Перенести это въ данномъ случаѣ было тѣмъ легче, что новый собесѣдникъ имѣлъ чрезвычайно пріятную улыбку, голосъ и манеры. Трэси онъ могъ бы понравиться сразу, еслибы, — въ этомъ онъ еще не давалъ себѣ отчета, — его признаніе равенства всѣхъ людей между собою не было только теоретическимъ. Умъ понималъ и признавалъ это равенство, но душа не чувствовала. Это было то же самое, что привидѣнія Хэтти, только наоборотъ. Въ теоріи Барроу былъ совершенно его равный, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему было крайне непріятно, что тотъ вполнѣ это сознаетъ.

Подумавъ немного, Трэси сказалъ:

— Надѣюсь ото всего сердца, что то, что̀ вы говорите, правда, поскольку дѣло идетъ объ Америкѣ, хотя объ этомъ у насъ сильно сомнѣваются. Мнѣ казалось, что и здѣсь это равенство не совсѣмъ настоящее, такъ какъ дѣленіе на классы все же существуетъ; но я радъ, по крайней мѣрѣ, въ этомъ дѣленіи нѣтъ ничего обиднаго, такъ какъ всякому предоставляется право называть себя, какъ онъ хочетъ. Я пришелъ къ убѣжденію, что никакая каста не можетъ существовать безъ согласія тѣхъ, кто остается внѣ ея границъ. Я думалъ до сихъ поръ, что сословія возникаютъ и живутъ самостоятельною жизнью, а теперь для меня ясно, что хотя создаются они сами, но живутъ только до

тѣхъ поръ, пока народныя массы не пожелаютъ ихъ уничтожить, сдѣлавъ общимъ достояніемъ исключительныя привилегіи.

— Я тоже думаю, что нѣтъ такой власти на землѣ, которая могла бы удержать тридцать милліоновъ Англійскаго народа отъ провозглашенія себя завтра же всѣхъ поголовно герцогами и герцогинями. Черезъ шесть мѣсяцевъ отъ прежнихъ герцоговъ и герцогинь не останется и воспоминанія. Я бы желалъ, чтобъ это было испытано. Мнѣ кажется, что даже королевская власть не перенесла бы подобнаго процесса. Горсть ворчащихъ противъ тридцати милліоновъ смѣющихся! Это было бы похоже на вулканическое извержені; съ сословіями случилось бы то же, что̀ съ Геркуланумомъ и Помпеей и, чего добраго, потребовалось бы еще восемнадцать столѣтій пока разыщутъ ихъ остатки. Что̀ такое, напримѣръ, чинъ полковника въ Южныхъ Штатахъ? Ниже полковника тамъ никого и нѣтъ. Нѣтъ, Трэси, въ вашей Англіи никто не сталъ бы называть васъ джентльменомъ, ни даже вы сами. Вообще я думаю, что при строго проведенномъ дѣленіи на классы получаются весьма плачевные результаты. Люди начинаютъ считать все это какъ бы прирожденнымъ и перестаютъ объ этомъ даже думать. Полагаете ли вы, что Маттергорну доставило бы большое удовольствіе смотрѣть на какой-нибудь ничтожный, но въ высшій степени самолюбивый англійскій холмъ?

— Не думаю.

— Такъ пусть же человѣкъ, у котораго всѣ пять чувствъ въ порядкѣ, сообразитъ, много ли будетъ польщенъ Дарвинъ, если ему улыбнется какая-нибудь принцесса? Все это до такой степени противуестественно, что трудно себѣ и представить; но вѣдь Мемнону была лестна даже улыбка статуи; онъ самъ объ этомъ разсказываетъ. Система, которая привела бы Бога къ отрицанію своего собственнаго божества и къ самоотреченію, во всякомъ случаѣ печальная система и должна быть отвергнута.

Упоминаніе о Дарвинѣ перевело разговоръ на литературу, и это обстоятельство до такой степени воодушевило Барроу, что онъ снялъ свой сюртукъ, чтобы чувствовать себя свободнѣе. Разговоръ продолжался вплоть до тѣхъ поръ, пока въ комнату ввалилась съ хохотомъ и пѣснями вся компанія жильцовъ, начавшихъ себя развлекать криканьемъ, борьбой, гимнастикой и т. д. Барроу остался еще на нѣсколько минутъ, чтобы гостепріимно предложить Трэси свою комнату и книги и задать ему нѣсколько личныхъ вопросовъ.

— Ваша спеціальность?

— Прежде всего я долженъ васъ предупредить, что меня хотя и принимаютъ за степнаго пастуха, но это ошибка. Ничего подобнаго я изъ себя не представляю. Никакой спеціальности у меня тоже нѣтъ.

— Но чѣмъ же, то-есть какою работой, вы кормитесь?

— Такъ себѣ, кое-чѣмъ!.. я бы съ удовольствіемъ принялъ всякую работу, какую мнѣ могли бы предложить, но до сихъ поръ ничего найти не могъ.

— Можетъ-быть, я могу вамъ въ этомъ помочь? Я попытаюсь.

— Буду вамъ очень обязанъ. Я съ ногъ сбился, искавъ работы.

— Да, если не узнаешь какого-нибудь опредѣленнаго ремесла, жить у насъ трудно. Вамъ бы нужно поменьше книжной науки, да побольше чего-нибудь практическаго. Рѣшительно не могу понять, о чемъ думалъ вашъ отецъ? Нужно было непремѣнно обучиться какому-нибудь дѣлу, хотя бы на всякій случай. А вы все-таки не безпокойтесь: какое-нибудь дѣлишко я вамъ откопаю. Вотъ только, чтобы съ вами не началась тоска по родинѣ,— тогда дѣло дрянь. Но мы еще обо всемъ этомъ поговоримъ, а вы тѣмъ временемъ осмотритесь. Дѣло сладится. Подождите меня здѣсь, мы пойдемъ вмѣстѣ ужинать.

Въ душѣ Трэси возрастало дружеское чувство къ Барроу, и онъ готовъ бы былъ назвать его уже своимъ другомъ, еслибы рѣшимость осуществить свои теоріи не явилась у молодаго лорда слишкомъ поспѣшно. Во всякомъ случаѣ, онъ былъ радъ этому знакомству, и ему стало легче на сердцѣ, чѣмъ прежде. Его интересовало также, чѣмъ могъ заниматься Барроу, котораго широкое знакомство съ литературой требовало очевидно большаго количества свободнаго времени для чтенія.

Внизу раздался звонокъ къ ужину, и этотъ звукъ возрасталъ, поднимаясь въ слѣдующіе этажи. Пронзительный тонъ колокольчика раздавался все ближе, и не хватало немного, чтобъ онъ сталъ совсѣмъ оглушительнымъ. Но тутъ вся ватага жильцовъ разомъ устремилась внизъ по лѣстницѣ. А такъ какъ знатные люди подобнымъ образомъ къ столу не ходятъ, то въ душѣ Трэси шевельнулось чувство, похожее на чувство посѣтителя зоологическаго сада во время кормленія животныхъ. Онъ долженъ былъ признаться, что въ первый разъ въ жизни пришлось ему видѣть столь невыносимо звѣрскій порывъ. Во имя собствен-

наго достоинства, онъ склоненъ былъ желать, чтобъ его товарищи бросались ѣсть менѣе стремительно.

Барроу и Трэси послѣдовали за обрушившеюся лавиной внизъ сквозь цѣлыя облака поднимавшихся запаховъ, между которыми особенно разилъ запахъ старой кислой капусты; подобные запахи составляютъ исключительную принадлежность многолюдныхъ дешевыхъ столовыхъ и однажды испытанные оставляютъ на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе; ихъ узнаютъ безошибочно и вспоминаютъ... съ большимъ неудовольствіемъ.

Трэси почти задыхался отъ этого запаха, но сдержалъ себя и молчалъ.

Спустившись внизъ, вся компанія очутилась въ большой столовой, гдѣ тридцать пять или сорокъ человѣкъ размѣщались за огромнымъ столомъ. Когда наши друзья заняли мѣста, ужинъ уже начался и оживленные разговоры велись на всѣхъ концахъ.

Скатерть была очень грубая, изобильно покрытая кофейными и жирными пятнами. Ножи и вилки были желѣзные съ костяными черенками, ложки изъ какого-то темнаго металла. Чашки и тарелки грубыя фаянсовыя, и вообще вся обстановка была самая грубая и дешевая.

Около прибора каждаго изъ жильцовъ лежалъ большой толстый кусокъ хлѣба, и нужно было видѣть, какъ аккуратно расходовалъ его каждый, очевидно не разсчитывая получить еще. Блюдечки съ масломъ были такъ распредѣлены по столу, что имѣющимъ длинныя руки ихъ можно было достать; отдѣльныхъ порцій масла для каждаго не полагалось. Самое масло имѣло очень чистый и приличный видъ и только обладало букетомъ гораздо сильнѣйшимъ, чѣмъ бы надлежало, но это обстоятельство не возбуждало ничьего неудовольствія и не вызывало никакихъ замѣчаній.

Главнымъ блюдомъ ужина было ирландское „стью", безобразно горячій запеченный на противнѣ картофель вмѣстѣ съ остатками мяса отъ предшествовавшихъ обѣдовъ и ужиновъ. Каждому накладывались обильныя порціи. Кромѣ того, на столѣ стояло нѣсколько тарелокъ съ нарѣзанными ломтиками ветчины, сыромъ, овощами и прочимъ. Не было также недостатка въ чаѣ и кофе, но и то и другое ужаснаго сорта, съ буроватаго цвѣта сахарнымъ пескомъ и сгущеннымъ молокомъ. Но распоряжаться этимъ не было предоставлено усмотрѣнію жильцовъ; наоборотъ, все тщательно раздѣлялось и разливалось въ главной квартирѣ:

ложку сахару и ложку сгущеннаго молока на каждую чашку; больше не полагалось.

Прислуживали за столомъ двѣ сильныя негритянки, бѣгавшія все время между столомъ и буфетомъ съ большимъ шумомъ и съ большою энергіей. Ихъ работѣ нѣсколько помогала молодая дѣвушка, знакомая намъ Пуссъ. Она разносила жильцамъ кофе и чай, но дѣлала это, кажется, болѣе для развлеченія. чѣмъ по обязанности. Съ нѣкоторыми изъ жильцовъ она обмѣнивалась шутками, иныхъ поддразнивала; судя по безпрерывно раздававшемуся смѣху, и то и другое находили очень остроумнымъ. Очевидно, это была любимица большей части молодыхъ людей и предметъ тайныхъ вздоховъ для остальныхъ. Всякій, къ кому она обращалась, казался осчастливленнымъ, но въ то же время было замѣтно, какъ у нѣкоторыхъ хмурились брови и скользили тѣни по лицу. Своихъ особенно близкихъ друзей она не называла „джентльменами", но обращалась къ нимъ кратко—Билли, Томъ, Джонъ и т. п., а тѣ называли ее Пуссъ или Хэтти.

Мистеръ Маршъ предсѣдалъ на одномъ концѣ стола, супруга его на другомъ. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, природный Американецъ, хотя родись онъ всего однимъ мѣсяцемъ раньше, онъ былъ бы Испанцемъ. Но испанскаго въ немъ и безъ того было достаточно: смуглое лицо, совершенно черные волосы и глаза, если и не очень черные, то, что̀ называется, пронизывающіе насквозь. По нимъ можно было заключить, что этому человѣку знакомы сильныя страсти. Онъ былъ сутуловатъ и имѣлъ очень узкое лицо; вообще вся его фигура пріятнаго впечатлѣнія не производила и заставляла думать, что это былъ жесткій и необходительный человѣкъ.

Жена его, если судить по внѣшности, была ему совершенною противоположностью. Въ ней такъ и виднѣлась материнская любовь, любовь къ ближнему, добродушіе и сообщительность; лучшее доказательство было то, что и жильцы и прислуга называли ее „тетка Рахиль".

Во время ужина внимательно наблюдавшій Трэси замѣтилъ одного изъ жильцовъ, котораго обошли горячимъ кушаньемъ. Онъ сидѣлъ блѣдный и печальный, словно больной, только-что вставшій съ постели и намѣревающійся тотчасъ же въ нее лечь опять. Глубокая меланхолія виднѣлась въ чертахъ его лица. Раскаты смѣха и общаго веселья отражались отъ него, какъ океанскія волны отъ твердой скалы. Онъ сидѣлъ, опустивъ голову, и

казался очень смущеннымъ. Женщины отъ времени до времени бросали на него украдкой сострадательные взгляды, а молодые люди видимо ему сочувствовали, что̀, впрочемъ, выражалось только въ ихъ чертахъ лица, не переходя въ слова и поступки. Большинство жильцовъ относилось, однако, къ бѣднягѣ съ полнымъ равнодушіемъ.

Мистеръ Маршъ частенько бросалъ въ его сторону злые взгляды изъ-подъ своихъ густыхъ бровей. Онъ наблюдалъ за молодымъ человѣкомъ и, какъ видно, не безъ нѣкотораго удовольствія. Обдѣлилъ онъ его кушаньемъ тоже далеко не по забывчивости. и присутствующіе хорошо это понимали.

Мистрисъ Маршъ была видимо очень опечалена этимъ зрѣлищемъ, и на ея лицѣ было замѣтно такое выраженіе, какъ будто она ждала, что вотъ, вотъ сейчасъ совершится невозможное. Но такъ какъ невозможное не совершалось, то она рѣшилась наконецъ высказаться и напомнить своему супругу, что Нэтъ Брэди не получилъ своей порціи „стью“.

Мистеръ Маршъ поднялъ голову и съ насмѣшливою вѣжливостью воскликнулъ:

— Неужели? Въ самомъ дѣлѣ не получилъ? Какая жалость! Я не знаю, что̀ это со мной случилось, что я его пропустилъ... Мистеръ... какъ васъ?.. Баркеръ, Бакстеръ... вы ужь меня пожалуста извините! Должно-быть, мое вниманіе было отвлечено чѣмъ-нибудь другимъ... И какъ это досадно: подобная разсѣянность случается со мной какъ разъ за столомъ, но ужь вы на эту мелочь, мистеръ... какъ васъ?.. Бэнкеръ, пожалуста не обращайте вниманія. Это со мной бываетъ часто, а въ особенности тогда, когда кто-нибудь изъ жильцовъ задолжаетъ недѣли этакъ за три. Вы меня поняли, неправда ли? Вотъ вамъ ваше блюдо! Очень радъ, что могу вамъ сдѣлать это одолженіе и надѣюсь, что вы примите его съ такимъ же великодушіемъ, съ какимъ я предлагаю...

На блѣдномъ лицѣ Брэди выступила легкая краска и снова исчезла, но онъ не сказалъ ни слова и началъ ѣсть подъ давленіемъ всеобщаго молчанія и устремленныхъ на него многочисленныхъ взглядовъ.

Барроу шепнулъ Трэси на ухо:

— Старикъ только этого случая и ждалъ; ужь онъ ни за что̀ такого случая не пропуститъ.

— Какъ это грубо! сказалъ Трэси и тутъ же въ его головѣ мелькнула мысль, которую онъ рѣшилъ занести въ свою записную книжку:

„Этотъ домъ представляетъ изъ себя республику въ миніатюрѣ, гдѣ царитъ всеобщая свобода и равенство, насколько это вообще возможно въ здѣшнемъ мірѣ. Я попалъ именно туда, куда желалъ попасть, и чувствую себя человѣкомъ между людьми при полномъ между ними равенствѣ. Но на самомъ порогѣ этой новой жизни я наталкиваюсь на неравенство. Тутъ же, за общимъ столомъ, есть люди, на которыхъ, по разнымъ причинамъ, смотрятъ свысока, которымъ оказываютъ равнодушіе, или даже презрѣніе. Ихъ унижаютъ безо всякой вины, если за таковую не считать обыкновенную бѣдность. Казалось бы, что равенство должно облагороживать людей. Я, по крайней мѣрѣ, этому вѣрилъ.“

Послѣ ужина Барроу предложилъ Трэси сдѣлать небольшую прогулку, и они вышли. У Барроу была цѣль помочь своему новому знакомцу, обмѣнить его предательскую шляпу. Съ такимъ головнымъ уборомъ не было возможности нигдѣ пріискать себѣ занятій.

— Если я васъ хорошо понялъ, сказалъ Барроу, когда они вышли на улицу,—вѣдь вы вовсе не пастухъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Трэси.

— Ну, такъ простите мнѣ мое любопытство; зачѣмъ вы носите эту шляпу и какимъ образомъ она къ вамъ попала?

Трэси не зналъ что̀ отвѣтить и сказалъ:

— Чтобы не разсказывать вамъ подробно, меня непогода заставила помѣняться платьемъ съ чужимъ человѣкомъ, и я былъ бы очень радъ, еслибъ удалось его встрѣтить снова и выручить мое платье обратно.

— А почему же вы его не встрѣчаете? Гдѣ онъ?

— Да я не знаю. Я именно потому и ношу его платье, чтобъ обратить на себя его вниманіе, еслибы мы случайно встрѣтились на улицѣ.

— Отлично, сказалъ Барроу.—Такъ для этого достаточно и одного костюма. Если онъ и не такъ бросается въ глаза, то все-таки же очень замѣтенъ. Шляпа совсѣмъ лишняя. Если этотъ человѣкъ съ вами встрѣтится, онъ свое платье сразу узнаетъ. Здѣсь, среди цивилизованныхъ людей, такая шляпа только помѣха. Я думаю, нарядись въ нее хоть ангелъ, въ Вашингтонѣ ему работы не достать.

Трэси согласился промѣнять свой головной уборъ на болѣе скромный: они вскочили въ проходившій мимо биткомъ набитый вагонъ конно-желѣзной дороги и стали на задней платформѣ. Переѣзжая черезъ одну улицу, они могли бы замѣтить двухъ пѣшеходовъ, которые, пропустивъ мимо себя вагонъ, вскрикнули въ одинъ голосъ:

— Вотъ онъ!

Это были Селлерсъ и Гаукинсъ. У обоихъ отъ радости словно отнялись ноги, такъ что прежде чѣмъ они успѣли сдѣлать попытку побѣжать за бѣглецомъ и остановить вагонъ, послѣдній былъ уже далеко, и имъ оставалось развѣ ждать слѣдующаго.

Они подождали съ минуту; затѣмъ Вашингтонъ замѣтилъ, что догонять однимъ вагономъ другой не практично и лучше взять извощика; но полковникъ сказалъ:

— Если ты хорошенько пораздумаешь, то найдешь, что гнаться за нимъ совершенно лишнее; такъ какъ я его матеріализовалъ, то могу распоряжаться по произволу всѣми его движеніями. Я пошлю его къ намъ домой и не успѣемъ мы вернуться, ты увидишь, онъ будетъ уже тамъ.

Въ радостномъ возбужденіи они поспѣшили домой.

Перемѣнивъ шляпу, наши друзья медленно отправились пѣшкомъ на свою квартиру. Барроу чрезвычайно интересовался молодымъ человѣкомъ и продолжалъ его разспрашивать:

— Вы никогда не были въ горахъ Рокки?

— Никогда.

— И въ преріяхъ не были?

— Нѣтъ.

— Какъ давно вы сюда пріѣхали?

— Всего нѣсколько дней.

— А раньше вы въ Америкѣ бывали?

— Ни разу.

Про себя Барроу думалъ:

„Странные, ей-Богу, эти романтики. Молодой человѣкъ начитался, вѣроятно, въ Англіи про пастушескія приключенія и про преріи, ѣдетъ сюда, покупаетъ пастушій костюмъ и воображаетъ, что можетъ разыграть „коубоя"; но его ловятъ въ этой невинной комедіи, онъ совѣстится и отступаетъ. Ясно, что онъ изъ-за этого и шляпу перемѣнилъ. Ничего не подѣлаешь: молодъ, нигдѣ не бывалъ, людей не знаетъ и, вѣроятно, очень сентименталенъ. Положимъ, что разыгрывать „коубоя" ему было

интересно, но во всякомъ случаѣ это ужасно странный выборъ, вѣрнѣе, самая глупая штука."

Оба шли нѣкоторое время молча, погруженные каждый въ свои мысли; затѣмъ Трэси сказалъ со вздохомъ:

— Мистеръ Барроу, меня этотъ молодой человѣкъ очень безпокоитъ.

— Который это? Нэтъ Брэди?

— Да Брэди, или Бакстеръ, или, какъ тамъ его зовутъ. Хозяинъ называетъ его различными именами...

— Да, онъ постоянно дѣлаетъ видъ, что забываетъ его имя, съ тѣхъ поръ, какъ тотъ задолжалъ ему за квартиру. Такая ужь у него привычка. Онъ находитъ, что это сарказмы и притомъ очень ядовитые.

— А почему собственно Брэди задолжалъ? Кто онъ и чѣмъ занимается?

— Онъ литейщикъ цинка; пока еще всего подмастерье, но работа шла у него очень хорошо, пока не заболѣлъ и не потерялъ мѣста. Раньше-то его у насъ въ домѣ всѣ очень любили, особенно хозяинъ; но вѣдь вы знаете, что когда человѣкъ потеряетъ работу и не въ состояніи платить за столъ и квартиру, дѣло совершенно измѣняется: люди относятся къ нему и смотрятъ на него совсѣмъ иначе.

— Неужели это такъ?

Барроу посмотрѣлъ на Трэси и покачалъ головой.

— Да разумѣется такъ, неужто же вы не знали? Больнаго или раненаго волка товарищи сейчасъ же загрызутъ и съѣдятъ.

Трэси почувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ и подумалъ про себя:

„Въ республикѣ животныхъ или людей, гдѣ всѣ равны, несчастіе есть преступленіе; счастливые бросаются на несчастнаго и душатъ его."

Затѣмъ онъ произнесъ вслухъ:

— Да, чтобы на нашей квартирѣ имѣть друзей и быть любимымъ, а не встрѣчать презрительныхъ или косыхъ взглядовъ, нужно имѣть деньги.

— Еще бы! отвѣчалъ Барроу;—такъ ужь устроена человѣческая природа. Они всѣ теперь косятся на Брэди, такъ какъ у него ничего нѣтъ и, разумѣется, относятся къ нему не такъ, какъ раньше. Брэди въ этомъ не виноватъ: онъ таковъ же, какъ

былъ всегда, съ тѣмъ же характеромъ и свойствами, но видите ли... онъ у нихъ теперь, какъ бѣльмо на глазу: они чувствуютъ, что должны бы были его выручить, да скупы очень и поэтому готовы себя ненавидѣть, но вмѣсто того ненавидятъ Брэди, который предъ ними совѣстится. Я говорю, что такъ уже устроена человѣческая природа, и это повсюду такъ. Наша квартира—это міръ въ миніатюрѣ. Вездѣ одно и то же, такъ какъ люди одинаковы. Есть у васъ удача, васъ любятъ, и это дѣлается очень легко, отвернулось счастье, и друзья отворачиваются въ ту же минуту.

Благороднымъ мыслямъ и высокимъ цѣлямъ Трэси былъ нанесенъ чувствительный ударъ; его энтузіазмъ замѣтно охлаждался, онъ уже начиналъ спрашивать себя, не глупость ли онъ сдѣлалъ, пустивъ по вѣтру свое счастье и возложивъ на себя крестъ несчастій чужихъ? Но онъ не хотѣлъ допускать подобныхъ мыслей и рѣшилъ выбросить все это изъ головы и твердо идти по предначертанной дорогѣ.

Вотъ что̀ заносилъ онъ, между прочимъ, въ свою записную книжку:

„Нѣсколько дней уже провелъ я въ этомъ своеобразномъ муравейникѣ. Спѣться съ товарищами все еще никакъ не удается. У нихъ есть прекрасныя и добрыя стороны, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ такія свойства и манеры, которыя выносить очень тяжело. Съ той минуты, какъ я появился въ обыкновенной шляпѣ, я сразу замѣтилъ перемѣну. Уваженіе, которое мнѣ раньше оказывали, исчезло, люди стали довѣрчивѣе и дружелюбнѣе. Но довѣрчивость эта такого рода, что возбуждаетъ во мнѣ тошноту, ибо граничитъ съ нахальствомъ. Я чувствую, что это вещь очень обыкновенная и, конечно, привыкну, но въ началѣ это страшно непріятно. Мое душевное желаніе исполнилось: я человѣкъ между людьми, на совершенно равной ступени съ этими Джонами, Томами, Диками, и все-таки это не совсѣмъ то, чего я ожидалъ.

„Мнѣ не хватаетъ... моей Англіи; я долженъ признаться, что чувствую тоску по родинѣ. Еще одно признаніе, которое я долженъ сдѣлать, хотя и дѣлаю крайне неохотно, это то, что больше и чувствительнѣе всего приходится страдать отъ недостатка уваженія, которымъ съ дѣтства была окружена моя жизнь дома и безъ котораго я въ нѣкоторой степени просто не могу жить. Я способенъ обойтись безъ роскоши, безъ богатства, даже безъ

того общества, въ которомъ я до сихъ поръ вращался, но къ недостатку уваженія привыкнуть рѣшительно не могу.

„Уваженіе и почтеніе есть и здѣсь, но, къ несчастію, не я имъ пользуюсь, а двое другихъ. Одинъ изъ нихъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, бывшій литейщикъ. Его вниманіе цѣнитъ каждый. Онъ весь состоитъ изъ хвастовства, самомнѣнія и грамматическихъ ошибокъ. За столомъ онъ ораторствуетъ. Когда онъ раскрываетъ ротъ, не смѣетъ залаять ни одна собака изо всей псарни... Другой— здѣшній нотабль, городовой изъ Капитолія; онъ представляетъ собой правительство. Уваженіе, которое оказывается этимъ людямъ — едва ли меньше того, съ которымъ у насъ въ Англіи относятся къ лордамъ. Хотя его выраженіе и нѣсколько иное: нѣтъ того подобострастнаго вѣжливаго тона, вотъ и вся разница. А между тѣмъ заискиванія и поклоненія все-таки слишкомъ достаточно, такъ что хотя это и республика, гдѣ всѣ равны, но деньги и удача сейчасъ же выдвигаютъ людей на первое мѣсто.“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Путевыя замѣтки.

7 апрѣля. Съ утра экскурсія по китайскому кварталу вмѣстѣ съ докторомъ Эйтель (Eitel), хорошимъ синологомъ и знатокомъ китайской жизни. Какъ докторъ, онъ повезъ насъ сначала въ китайскую лѣчебницу. О происхожденіи лѣчебницы разсказываютъ слѣдующее. Прежнее колоніальное правительство, зная любовь Китайцевъ къ азартнымъ играмъ, разрѣшило открытіе игорныхъ домовъ съ уплатой извѣстнаго налога въ казну. Мѣра эта, одобренная совѣтомъ, встрѣтила оппозицію со стороны трехъ миссіонеровъ, которые подняли большой шумъ въ газетахъ. Когда парламентъ не утвердилъ рѣшенія совѣта, сумма, собранная съ игорныхъ домовъ, возрасла до трехсотъ тысячъ. Тогда колоніальное правительство употребило эту сумму на разныя благотворительныя учрежденія и, между прочимъ, дало сто тысячъ на китайскую лѣчебницу, выговоривъ себѣ извѣстный контроль, то-есть наблюденіе за благоустройствомъ и чистотой, о которой Китайцы не очень заботятся. Первое впечатлѣніе очень пріятное. Вы входите въ садъ, устроенный въ китайскомъ вкусѣ. Какъ-то невольно вспоминаешь помпейскіе сады. Тутъ все въ миніатюрномъ видѣ: маленькія деревья, пруды въ аршинъ величиной, скалы, гроты, храмы, фонтаны. Въ прудахъ плаваютъ золотыя рыбки, очень любимыя Китайцами. У самаго входа доска, на которой написано, какіе паціенты находятся въ лѣчебницѣ, какіе вылѣчились. Изъ сада входъ въ залу, которая составляетъ точную копію съ залы въ Пекинѣ, въ которой

принимаютъ иностранныхъ посланниковъ. Въ глубинѣ залы находится капище, посвященное богу больныхъ. Предъ нимъ маленькія палочки изъ ладона, которыя зажигаются каждое первое и пятнадцатое число. Оттуда мы отправились въ пріемную комнату; въ стѣнѣ имѣется отверстіе, въ которое паціентъ суетъ свою руку, и врачъ по біенію пульса опредѣляетъ его болѣзнь, полъ и возрастъ. Затѣмъ врачъ на особомъ бланкѣ записываетъ свой рецептъ. Самая подробная вѣдомость ведется о ходѣ болѣзни каждаго паціента. [1]

Въ палатахъ уже нѣтъ той чистоты, которая поражаетъ въ пріемной залѣ. Докторъ даже предупредилъ насъ, что мы, если пойдемъ дальше, то можемъ набраться паразитовъ. Палата устроена такъ: громадная зала, раздѣленная на множество маленькихъ клѣтушекъ. У входа какія-то грязныя женщины съ дѣтьми. Изъ женской половины мы прошли въ отдѣленіе для умалишенныхъ и просто ужаснулись. Вообразите себѣ клѣтки въ звѣринцѣ и въ каждой изъ такихъ клѣтокъ по человѣку. Помѣщеніе грязное, совсѣмъ темное, слабый свѣтъ проникаетъ изъ крошечнаго окошка на верху. Въ каждой клѣткѣ дыра, или отхожее мѣсто, заражающее воздухъ своимъ зловоніемъ. Въ стѣнѣ продѣты кольца для цѣпей. Несчастные умалишенные никогда не видятъ солнечнаго свѣта, дышатъ зараженнымъ воздухомъ. Пищу имъ бросаютъ въ клѣтку, точно это звѣри въ зоологическомъ саду. Посади здороваго человѣка въ такую клѣтку, и онъ скоро перестанетъ быть человѣкомъ. Когда сторожъ открылъ ставни, то намъ представилось ужасное зрѣлище. На полу ползало какое-то ужасное существо, грязное, нечесаное, и рычало по звѣриному. Открыли еще клѣтку, и опять что-то ужасное, потерявшее всякое сходство съ человѣкомъ. Наши нервы были слишкомъ потрясены. Гдѣ же контроль колоніальнаго правительства?

Выходя оттуда, мы увидѣли жолобъ съ перегородками Китайцы, какъ намъ объяснилъ докторъ, до сихъ поръ лѣчатъ травами и каждому больному прописываютъ декоктъ. Въ случаѣ ухудшенія или смерти паціента самое лѣкарство вмѣстѣ съ рецептомъ доктора кладется въ одно изъ отдѣленій жолоба, такъ что весь факультетъ можетъ судить о томъ, правильно ли лѣченіе

---

[1] У каждаго больнаго есть красная книга. Надписи въ ней радостныя, обѣщающія благополучіе, счастье, здоровье.

Пока мы осматривали жолобъ, одинъ Китаецъ искалъ между водяными растеніями какую-то лѣкарственную траву. Осмотрѣли аптеку и кухню, въ которой у каждаго паціента, если онъ можетъ самъ варить себѣ кушанье, есть свой собственный котелокъ и маленькая жаровня.

Мы вернулись опять въ залу засѣданія совѣта, и докторъ прочелъ намъ китайскую надпись, гласящую о томъ, что господъ членовъ просятъ не прерывать оратора замѣчаніями и вообще не дѣлать замѣчаній вполголоса.

Послѣ этого мы очутились на площади предъ лавкой, въ которой выставлены были груды зубовъ разной формы. Были даже зубы изъ слоновой кости. Китайцы-дантисты увѣряютъ, что зубная боль происходитъ отъ червяка, который находится внутри зуба. Австраліецъ захотѣлъ купить зубы, но въ это время насъ обступила такая толпа, что я отдѣлился отъ товарищей и подождалъ, пока они кончатъ свои дѣла.

Слѣдующій нашъ визитъ былъ въ протестантскую китайскую церковь. Впереди большая доска, на которой китайскими знаками написана вся проповѣдь. Есть и надпись, предостерегающая отъ воровъ и чтобы прихожане берегли свои башмаки. Есть, видите ли, такіе артисты, которые, замѣтивъ, что у сосѣда хорошіе башмаки, начинаютъ сзади слегка щекотать ногу сосѣда. Тотъ сниметъ башмакъ и почешетъ себѣ ногу; тотъ же маневръ повторяется съ другою ногой, и стóитъ только сосѣду зазѣваться, и башмаковъ уже нѣтъ. По пути докторъ показалъ намъ китайскій театръ, который вмѣщаетъ двѣ тысячи зрителей. Есть мѣста очень дешевыя, по полторы копѣйки съ человѣка. Самыя лучшія мѣста похожи на наши ложи,—они отдѣляются другъ отъ друга рѣшетками.

Изъ театра мы отправились на фабрику опіума. Его привозятъ изъ Индіи въ шарообразномъ видѣ, въ родѣ того, какъ продается у насъ сыръ. Въ послѣднее время опіумъ производится и въ Китаѣ. Привезенный изъ Индіи, опіумъ подвергается дѣйствію огня, и изъ кругляка выходитъ масса, похожая на деготь. Тогда его складываютъ въ жестянки и разсылаютъ. Нельзя не пожалѣть бѣдныхъ рабочихъ, которые въ этомъ смрадѣ и копоти чистятъ опіумъ. Рабочихъ шестьдесятъ человѣкъ;

поденная плата 50 коп. въ день. Они обливаются потомъ и за ними стоятъ другіе рабочіе, которые обмахиваютъ ихъ вѣеромъ.

Надо сказать правду, докторъ былъ неутомимъ и мимоходомъ старался показать намъ что-нибудь интересное; то покажетъ, какъ очищаютъ рисъ отъ шелухи, то какъ выдѣлываютъ голубую бумажную матерію. Машины очень несложныя и приводятся въ движеніе человѣкомъ, который собственною тяжестью приводитъ въ движеніе наклонную плоскость.

Не замѣчая нашей усталости и жары, докторъ при палящемъ солнцѣ повелъ насъ на высокую гору и показалъ намъ сиропитательный домъ. Зашелъ разговоръ о дѣтоубійствѣ. Есть многіе, которые говорятъ, что это побасенки, выдуманныя легкомысленными туристами. Но я долженъ сказать, что большинство миссіонеровъ, людей хорошо знающихъ страну, не отрицаютъ этого факта. И нашъ провожатый говорилъ въ этомъ духѣ, только онъ отрицалъ убійство мальчиковъ. Религіозныя требованія Китайцевъ выражаются въ томъ, что глава семейства есть вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецъ въ культѣ предковъ, намѣстникъ отошедшихъ въ вѣчность предковъ, посредникъ между ними и живыми членами семьи. Онъ приноситъ предкамъ установленныя закономъ жертвы и докладываетъ о всѣхъ событіяхъ, случившихся въ семьѣ, испрашиваетъ ихъ согласія на заключеніе брака членовъ семьи. Вотъ отчего такъ важна для Китайца непрерывность рода. Безъ мужскаго потомства въ семьѣ не будетъ представителя о ея нуждахъ, не будетъ верховнаго жреца и молельщика. Китайцу, если у него нѣтъ мужскаго потомства отъ жены, разрѣшается взять себѣ другую жену и даже усыновить чужаго ребенка. Женское потомство, при населенности Китая, только лишняя обуза и, если вѣрить многимъ компетентнымъ лицамъ, бѣдные Китайцы очень часто выставляютъ своихъ дѣтей на большую дорогу, гдѣ младенцы пожираются собаками или хищными птицами. Эйтель разсказываетъ, что для новорожденнаго или новорожденной устраивается кроватка съ отверстіемъ внизу и чанъ съ водой. Если родится дѣвочка, то ее безъ дальнихъ разговоровъ опускаютъ въ чанъ и слѣды тщательно скрываются отъ властей.

Это можетъ-быть и неправда, но несомнѣнно одно, что смертность дѣвочекъ превышаетъ 40 процентовъ. Сосѣдство же сиропитательныхъ домовъ, устроенныхъ Европейцами, имѣло ту хорошую сторону, что дѣтей не бросаютъ на большую дорогу, а

кладутъ ихъ близъ сиропитательныхъ домовъ, гдѣ ихъ навѣрно возьмутъ и избавятъ отъ голодной смерти.

Въ Гонгъ-Конгѣ два католическіе сиропитательные дома и одинъ протестантскій, содержимый на счетъ императрицы Августы. Католическіе миссіонеры въ Китаѣ ходятъ въ китайскомъ костюмѣ и носятъ китайскую косу. Это даетъ имъ возможность во время путешествія по странѣ избѣжать назойливаго вниманія толпы. Устройство сиропитательныхъ заведеній образцовое. Мы видѣли этихъ дѣвочекъ, брошенныхъ безчеловѣчными родителями, весело бѣгающихъ по лужайкѣ; ихъ радостныя и оживленныя лица производили пріятное впечатлѣніе. Онѣ остаются въ заведеніи до замужества. Содержаніе каждой дѣвочки сто́итъ 80 долларовъ въ годъ. Преподаваніе происходитъ на китайскомъ языкѣ, и дѣвочки совсѣмъ не знаютъ по-англійски.

Еще одно послѣднее сказаніе, казалось, повторялъ нашъ докторъ. Еще немного, и мы окончимъ нашъ осмотръ, утѣшалъ онъ малодушныхъ, но тѣ жаловались, что у нихъ въ горлѣ пересохло.

— Вотъ видите ли, сказалъ докторъ, не обращая вниманія на наши жалобы и наши гримасы,—лавка гробовщика. Гробъ всегда дѣлается изъ одного куска дерева, выдолбленнаго въ серединѣ. Сто́итъ онъ семь долларовъ. Многіе Китайцы при жизни запасаются гробомъ.

Наконецъ мы стали спускаться по лѣстницѣ; весь Гонгъ-Конгъ состоитъ изъ такихъ лѣстницъ вмѣсто улицъ. Я говорю, конечно, о туземномъ кварталѣ. Китайскій храмъ, къ которому привелъ насъ докторъ, не былъ для меня новостью. Войдя въ храмъ, докторъ прочелъ намъ лекцію о китайскомъ богослуженіи. Прежде всего, онъ подвелъ насъ къ алтарю. Тамъ на столѣ лежали дощечки. Молящійся приходилъ, подстилалъ платокъ, становился на колѣни и, положивъ три земные поклона, вставалъ и бралъ дощечки, которыя бросалъ на полъ. Если одна дощечка упадетъ наружу своею выпуклою частью, а другая своею впадиной, то значитъ, что отвѣтъ бога благопріятный, и молящійся приступаетъ къ жертвоприношенію. Если отвѣтъ неблагопріятный, то опытъ повторяется еще два раза. Какъ разъ въ то время къ алтарю подошла женщина и продѣлала все то, что̀ говорилъ докторъ. Получивъ благопріятный отвѣтъ, она приступила къ жертвоприношенію, поставила предъ идоломъ чай, который она отнесетъ домой, когда идолъ насытится ароматомъ. Потомъ она взяла какія-то бумажки и, сдѣлавъ изъ нихъ корзину, зажгла ее

съ одного конца. Показавъ ее идолу, она бросила горящую бумагу въ урну, которая стояла тутъ сбоку. Эти бумажки, покупаемыя въ храмѣ, означаютъ бумажныя деньги, которыя были извѣстны Китайцамъ 800 лѣтъ тому назадъ. Молитвы бываютъ тоже разныя. Если у кого есть врагъ, то онъ, совершивъ молитву, ставитъ бумажную фигуру своего врага внизъ головой и произноситъ извѣстныя заклинанія.

Затѣмъ докторъ показалъ намъ гаданіе. На столѣ стоитъ большой металлическій сосудъ въ формѣ большаго стакана съ безчисленнымъ количествомъ палочекъ, снабженныхъ нумерами. Если хотите узнать свою судьбу, вертите стаканъ до тѣхъ поръ, пока одна изъ палочекъ не выскочетъ наружу. Австраліецъ попробовалъ и получилъ въ отвѣтъ, что будетъ награжденъ потомствомъ. Представьте себѣ его удивленіе, когда онъ, вернувшись въ гостиницу, получилъ телеграмму о томъ, что у него родился сынъ.

Докторъ показалъ намъ всѣхъ идоловъ, изображающихъ бога войны, мира, литературы, бога покровителя больныхъ, показалъ намъ золотые щиты, которые носятъ во время процессій, гонгъ и колокола, въ которые бьютъ, когда богъ отправляется на прогулку...

Мы такъ устали, что очень лѣниво слушали повѣствованіе доктора и очень обрадовались, когда вернулись домой.

Въ шесть часовъ вечера я отправился въ Счастливую Долину гдѣ находится протестантское кладбище. Садъ содержится въ образцовомъ порядкѣ, и въ числѣ растеній вы найдете всѣхъ представителей тропической флоры. На темной зелени особенно красиво выдѣляется изгородь изъ цвѣтущихъ розъ. Возвращаясь домой, я встрѣтилъ толпу пьяныхъ матросовъ, ѣхавшихъ съ крикомъ и гикомъ на джинрикшахъ. Китайцы съ видомъ превосходства смотрѣли на это зрѣлище и смѣялись во все горло надъ рыжими варварами.

9 апрѣля. Я выѣхалъ въ Макао. Пароходъ двухъярусный, колесный, особой конструкціи для рѣчнаго плаванія, помѣстительный и съ желѣзнымъ тентомъ надо всѣмъ пароходомъ. Китайскій жандармъ съ тесакомъ, масса огнестрѣльнаго оружія, которое красуется въ каютъ-компаніи, поражаютъ свѣжаго человѣка. Въ первый разъ послѣ длиннаго путешествія толки о какой-то опасности, о пиратахъ, которые иногда грабятъ пассажировъ. Первый классъ помѣщается на носовой части, и на этотъ

разъ былъ переполненъ пассажирами. Вскорѣ начался плясъ и обильныя возліянія. Внезапная остановка парохода въ открытомъ морѣ взволновала пассажировъ, которые выскочили на палубу съ красными и пьяными лицами. Руль не дѣйствовалъ, и мы кружили на одномъ мѣстѣ.

Къ тремъ часамъ показалась цѣлая группа зеленыхъ островов, затѣмъ показался маякъ и городъ, своею широкою набережной напомнившій мнѣ Мессину. Мы обогнули мысъ и очутились передъ цѣлымъ рядомъ невзрачныхъ строеній. Кули схватили мой багажъ, а я самъ сѣлъ въ носилки. Но тутъ начались разныя мытарства. Меня носили по лабиринту какихъ-то узкихъ улицъ съ китайскими лавчонками, европейскими домами съ португальскими надписями, по неизвѣстнымъ мнѣ лѣстницамъ и доставили, наконецъ, въ китайскую гостиницу. Но тамъ все было занято. Понесли въ другую, и такой же результатъ. Оставалось одно, вернуться на пароходъ, гдѣ мнѣ позволили переночевать и предложили даже пообѣдать, что̀ было очень кстати. За столомъ уже сидѣло одно семейство изъ Маниллы. Отецъ, метисъ съ брилліантовымъ брелокомъ, съ такою же булавкой и съ кольцомъ, усыпаннымъ брилліантами. Жена его, довольно красивая женщина, была чистокровная Испанка съ темными, выразительными глазами... За обѣдомъ мы разговорились и рѣшили послѣ обѣда проѣхаться по городу вмѣстѣ съ однимъ португальскимъ семействомъ изъ Макао.

Это было какъ-разъ наканунѣ католической Пасхи, и потому мы не нашли носильщиковъ и, выйдя съ парохода, должны были довольствоваться японскими колясочками. Мой джинрикша оказался слабѣе другихъ, и я, желая помочь ему, вышелъ изъ коляски и пошелъ въ гору пѣшкомъ. Моему примѣру послѣдовали другіе, но когда подъемъ кончился, мои товарищи усѣлись въ свои коляски и покатили дальше. Мой джинрикша съ трудомъ тащился въ гору, и когда я сѣлъ, то вся компанія уже исчезла за какимъ-то поворотомъ. На мои вопросы онъ отвѣчалъ только non sabe, то-есть я не знаю. Онъ возилъ меня по какимъ-то трущобамъ и въ концѣ концевъ завезъ уже въ такую глушь, что мнѣ ясно стало, будто мы находимся за городомъ. Какія-то лачуги съ тростниковыми крышами, а тамъ дальше что-то похожее на крѣпость. Я обратился къ часовому, но онъ не удостоилъ меня отвѣтомъ, а Китаецъ смотрѣлъ на меня безсмысленными глазами, приговаривая „ме но саве“. Что̀ тутъ

дѣлать, не лучше ли вернуться на пароходъ. Толкую ему и словомъ, и жестомъ. Онъ опять везетъ меня, но я не увѣренъ въ томъ, понялъ ли онъ меня. Предо мною какіе-то амбары и берегъ моря. Кругомъ ни живой души. Вдругъ изъ-подъ земли точно выростаютъ два дюжіе молодца, наскакиваютъ на моего возницу, отпихиваютъ его и увозятъ меня галопомъ. Мальчикъ, спутникъ моего Китайца, бѣжитъ и бранится ли, не разберу. За нимъ бѣжитъ шавка, тоже принадлежащая Китайцу, а позади всѣхъ, едва поспѣвая за нами, бѣжитъ мой Китаецъ. Что̀ можно было подумать?

Мои дюжіе молодцы везли меня съ стремительною быстротой, и когда я спросилъ ихъ по-англійски, что̀ имъ нужно, то они, запыхавшись, выговорили только „friends", то-есть друзья.

— Куда вы пропали, воскликнули всѣ хоромъ, когда меня привезли къ широкой и красивой набережной.—Мы думали, васъ завезли на китайскую границу или къ пиратамъ, и очень безпокоились.

Остальная часть прогулки была очень пріятная. При лунномъ свѣтѣ мы посѣтили одно изъ загородныхъ мѣстъ, посѣщаемое во время купальнаго сезона.

Ночью москиты, шумъ выгружаемыхъ товаровъ и петарды по случаю праздника не даютъ мнѣ спать. На другое утро я отправился въ городъ, который извѣстенъ какъ португальская колонія; но это вздоръ. Португальскаго въ немъ очень мало, и всюду царитъ китайскій элеменъ. Только по случаю Пасхи можно было видѣть нѣсколько Европейцевъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи это оказывались метисы. На дорогѣ мнѣ попалась навстрѣчу процессія. Сначала прошли Португальцы, потомъ хоръ пѣвчихъ и цѣлый отрядъ китайскихъ мальчиковъ, въ бѣлыхъ балахонахъ, въ маленькой шапочкѣ и съ косичкой. Шествіе завершалось духовенствомъ, носилками съ высокимъ балдахиномъ, въ которыхъ сидѣлъ старый и дряхлый епископъ, окруженный войскомъ и именитыми гражданами города. Вся площадь была залита народомъ, но Китайцы и тутъ составляли большинство. Въ церкви много Китаянокъ и метисовъ. Оригинальное зрѣлище представляли Китаянки съ цвѣтами на головѣ, въ національныхъ нарядахъ, сильно подрумяненныя и съ подведенными бровями, а рядомъ съ ними такія же маленькія куклы, ихъ

десятилѣтнія сестры. Много мужчинъ и женщинъ въ европейскомъ костюмѣ, но только съ очень некрасивыми лицами. Помѣсь Китайцевъ и Португальцевъ оказалась неудачною. Если хотите видѣть самыхъ некрасивыхъ женщинъ въ мірѣ, поѣзжайте въ Макао и тамъ между полукровными вы найдете такую коллекцію уродовъ, что придете въ ужасъ. Между тѣмъ, помѣсь англо-китайская даетъ очень красивый типъ. Между чистокровными Китаянками встрѣчаются очень хорошенькія, а дѣти ихъ отличаются миловидностью. Макаистки, надо отдать имъ справедливость, усердно молились, и многія все время простояли на колѣняхъ.

Въ Макао есть знаменитый гротъ, въ которомъ послѣ кораблекрушенія жилъ знаменитый Камоэнсъ и писалъ свою *Луизіаду* (1556). Теперь тамъ разведенъ обширный и красивый садъ. Недаромъ мой Китаецъ назвалъ его nambel-one-galden, то-есть number one garden [1] (Китайцы не могутъ произнести букву „р“).

Въ пять часовъ я былъ въ городскомъ саду. Пріятно было послушать хорошій оркестръ, который вдругъ заигралъ попурри изъ *Жизни за Царя*. Гуляющихъ мало, нѣсколько Китаянокъ съ дѣтьми и нѣсколько франтоватыхъ метисовъ съ тросточкой въ рукѣ. Англичане называютъ ихъ обыкновенно „евразійцами“,— слово, происшедшее изъ соединенія „Европа и Азія“. Среди некрасивыхъ метисовъ выдѣлялись изящныя и выразительныя лица губернаторской свиты. Разговорился съ однимъ португальскимъ офицеромъ, который назвалъ Макао мѣстомъ ссылки. Городъ вообще производитъ очень грустное впечатлѣніе. Въ немъ царятъ мертвенность и скука. Англичане называютъ Макао a poor place. Торговля теперь въ застоѣ и вся въ рукахъ Китайцевъ. Въ Макао нѣтъ типическихъ чертъ южнаго города: нѣтъ движенія, толкотни, шума, говора; улицы пусты, только иногда попадаются Китайцы, несущіе тяжести, Китаянки съ ребенкомъ на спинѣ. Только надписи на улицахъ Bom Iesus, S. Domingo напоминаютъ вамъ о присутствіи Португальцевъ. Было время, когда Макао процвѣталъ, ширился и развивался. Все это забыто. Появился Гонгъ-Конгъ и написалъ на своемъ знамени „свободная торговля“, а португальское правительство продолжало тянуть прежнюю

[1] Садъ первый сортъ.

таможенную канитель, придираться изъ-за всякаго вздора къ торговцамъ. Результатомъ этого было то, что порто-франко Гонгъ-Конгъ перетянулъ къ себѣ всю торговлю. Португальцы опомнились и въ 1846 г. отмѣнили у себя всѣ таможенныя стѣсненія, но было уже поздно. Макао уже не въ силахъ былъ бороться съ юнымъ соперникомъ, который, точно сказочный богатырь, росъ не по днямъ, а по часамъ. Было также время, когда Макао сосредоточилъ у себя торговлю живымъ товаромъ. Тысячи и тысячи несчастныхъ Китайцевъ, проданные въ рабство разными предпринимателями, привозились въ Макао и тамъ грузились на суда для отправки въ дальнія испанскія и португальскія колоніи. Половина ихъ погибала на пути, а другая влачила жалкое существованіе на плантаціяхъ или въ рудникахъ. Отмѣна торговли кулієвъ лишила жителей и этого выгоднаго заработка, и городъ теперь влачитъ жалкое существованіе и только оживляется съ пріѣздомъ иностранцевъ.

Гостиница, въ которой я жилъ, расположена на горѣ. Съ террасы можно любоваться живописными окрестностями города. Гостиница устроена въ бывшемъ монастырѣ. Хозяинъ, обремененный большимъ семействомъ, находилъ время присматривать за маленькимъ садикомъ и за бараномъ, который ежеминутно выскакивалъ изъ отведеннаго ему помѣщенія и врывался въ садикъ.

„Дѣти, Клара, Луиза, смотрите, баранъ опять въ саду“, раздавался крикливый голосъ хозяина; и дѣти бросали свои занятія и спасали садъ отъ непрошеннаго нашествія.

О своихъ жильцахъ онъ не заботился, и такъ какъ въ комнатахъ почти не было мебели, то жильцы волей или неволей выходили на террасу и принимали участіе въ общей вознѣ съ бараномъ, который оказывался очень неуступчивымъ и съ трудомъ водворялся на мѣсто жительства.

Въ Макао нечего смотрѣть, и если вы не хотите играть въ азартныя игры, процвѣтающія въ здѣшнихъ притонахъ, то возвращайтесь въ Гонгъ-Конгъ. Отъ нечего дѣлать я пошелъ гулять съ дѣтьми хозяина и наткнулся на китайскую лавочку, въ которой дѣлаютъ миніатюры на слоновой кости. Китайцы очень удачно копируютъ, и съ маленькой карточки сдѣлаютъ вамъ очень хорошій портретъ. Въ шелковыхъ вышивкахъ они доходятъ до рѣдкаго совершенства, но при условіи, что вы имъ дадите образецъ. Такъ, одинъ Американецъ привозилъ въ Китай образцы изъ

Японіи, и Китайцы за самую дешевую плату (заработная плата мужчины-вышивальщика 20 центовъ) вышивали шелкомъ самыя замысловатыя картинки.

Всю ночь—гроза съ молніей и громомъ, а утромъ, когда надо отправляться въ Кантонъ, дождь какъ изъ ведра. По улицѣ такъ и шмыгаютъ остроконечныя шляпы и соломенные плащи Китайцевъ. На пароходѣ я былъ единственнымъ первоклассным пассажиромъ. Былъ еще таможенный чиновникъ, который то и дѣло сновалъ по пароходу и вынюхивалъ, нѣтъ ли гдѣ контрабанды. Онъ только-что выслѣдилъ кого-то, какъ тотъ, не долго думая, бултыхъ въ воду и былъ таковъ. Остановили пароходъ, но Китаецъ съ драгоцѣннымъ опіумомъ былъ уже далеко. Ему стоило проплыть нѣсколько шаговъ, и онъ въ условленномъ мѣстѣ нашелъ джонку, которая доставитъ его куда слѣдуетъ.

Входъ въ Жемчужную рѣку укрѣпленъ многочисленными фортами. Укрѣплены тоже нѣкоторые острова. Мѣстности довольно красивыя. Точно въ панорамѣ развертываются предъ нами голубыя горы, скалистые острова въ лиловомъ освѣщеніи, рисовыя поля, джонки въ формѣ дракона, многоэтажныя пагоды, дома, построенные на рѣкѣ. Это придаетъ особую прелесть плаванію по рѣкѣ. Предъ нами Китай съ сотнями милліоновъ жителей. Вотъ онъ народъ гигантъ, который не довольствуется отведенными ему границами и какъ полная чаша переливается черезъ край. Въ Японіи, Кореѣ, Гонгъ-Конгѣ, Аннамѣ, Тонкинѣ, Камбоджѣ, Сіамѣ, Маниллѣ, Явѣ, Суматрѣ, Бирмѣ вы найдете многочисленныя китайскія колоніи. Не довольствуясь этимъ, Китайцы стремятся за океанъ, въ Америку и въ Австралію. Завоеванія Китайцы дѣлаютъ не мечемъ, а самыми мирными путями, и вездѣ, гдѣ является желтолицый, онъ удерживаетъ свою позицію. Потому пусть не удивляется читатель, что я такъ долго и много описываю китайскую жизнь. Жизнь 400 милліоновъ людей, сложившихся въ государство, существовавшее нѣсколько тысячелѣтій, перенесшее всякія невзгоды и выходившее побѣдителемъ изо всякихъ затрудненій — вещь, во всякомъ случаѣ, достойная изученія. Въ теченіе этихъ тысячелѣтій жили и погибли Египетъ съ его таинственною цивилизаціей, деспотическія монархіи Востока, палъ гордый Римъ и классическая страна искусства. Все миновало. Остался одинъ Китай со своими незыблемыми законами жизни. Этого мало, онъ наложилъ свою печать на все окружающее: Японцы, Корейцы, Аннамиты, Сіамцы, Бирманцы

приняли китайскіе письменные знаки, китайскую литературу и устроили свою жизнь на основаніи китайскихъ образцовъ. Жизнь этихъ народовъ только блѣдныя копіи съ китайскаго оригинала. Китайская цивилизація играла на Востокѣ ту же роль, какую сыграла въ Европѣ латинская и греческая образованность. Съ Бирмы начинается вліяніе Китая и кончается въ Японіи, которая хотя и приняла европейскую цивилизацію, но въ цѣломъ еще осталась вѣрна китайскимъ началамъ жизни и, вѣроятно, не скоро еще откажется отъ нихъ.

Но я увлекся. Посмотримъ лучше кругомъ. Предъ нами живописный Вампоа съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ и парусовъ, а тамъ дальше Кантонъ со своимъ полутора-милліоннымъ населеніемъ. Сначала видишь только верхушки пагодъ и крѣпостныя стѣны, окружающія городъ, потомъ цѣлый рядъ невзрачныхъ построекъ. Выше всего и въ самомъ центрѣ города возвышается католическій соборъ. Вознося свои главы къ самому небу, онъ какъ бы вызываетъ на бой все язычество и торжествующій на Востокѣ буддизмъ. Я узналъ потомъ, что соборъ еще не оконченъ, и что самая постройка его не по вкусу Китайцамъ. Они не могутъ переварить того, что соборъ выше пекинскаго дворца, и такая постройка считается большою дерзостью. Нашъ пароходъ прошелъ мимо цѣлаго полчища джонокъ, ловко обошелъ нѣкоторые пароходы и всталъ недалеко отъ европейскаго квартала. Не успѣли мы отдать якорь, какъ джонки уже нагнали насъ. За ними шли сампанги, управляемые женщинами, и смѣлыя амазонки бросились на абордажъ и взяли пароходъ приступомъ. Трудно вообразить себѣ безпорядокъ, царствовавшій на пароходѣ; вся эта китайская толпа точно очнулась послѣ летаргическаго сна и на всѣ лады упражняла свои легкія и усиленными тѣлодвиженіями заявляла о своемъ существованіи. Къ счастью, мнѣ не нужно было искать сампанга, такъ какъ вскорѣ явился посланный отъ г. Детмеринга. Сампангъ, въ который я попалъ, отличался большою чистотой. Въ углу каюты, какъ это водится у Китайцевъ, стояли идолы, трубки, чашки для чая, курильница и кое-какая посуда. Въ сампангѣ были три женщины: одна старая карга, вѣроятно бабушка, другая помоложе, и затѣмъ совсѣмъ молодая Китаянка, красивая и рослая, съ здоровымъ румянцемъ на щекахъ. Она очень ловко и граціозно управляла весломъ.

Домъ г. Детмеринга отличался комфортомъ и изяществомъ. Въ Кантонѣ нѣтъ гостиницъ, и онъ очень любезно предложилъ

мнѣ свое гостепріимство. До обѣда онъ предложилъ мнѣ пройтись по острову, на которомъ находится европейское поселеніе. Островъ Шаминъ (песчаный островъ по-китайски) прежде заливался водой и былъ необитаемъ, но въ рукахъ Европейцевъ, которые не пожалѣли денегъ на постройку набережной и на поднятіе земли, онъ обратился въ уютный и благоустроенный уголокъ. Онъ очень невеликъ, и въ полчаса мы обошли его кругомъ. Колонія маленькая, но вездѣ чистота и порядокъ. Тѣнистыя аллеи, сады и хорошенькія дачки напомнили мнѣ Царское. Только одно неудобство—безчисленное множество голубей, которые неумолкаемо воркуютъ.

Французское поселеніе еще не отстроилось и потому тамъ меньше порядка, чѣмъ у Англичанъ. Китайцамъ запрещено безъ особаго дозволенія бывать въ Шаминѣ. Пройдя на французскую сторону, я замѣтилъ какіе-то шалаши, не гармонировавшіе съ окружающею обстановкой. Въ этихъ шалашахъ живутъ китайскіе солдаты, навязанные Европейцамъ послѣ послѣднихъ безпорядковъ. Пройдя нѣсколько шаговъ дальше, мы подошли къ каналу, который отдѣляетъ островъ Шаминъ отъ города. На самомъ дѣлѣ каналъ весь запруженъ сампангами до такой степени, что можно пройти по каналу, яко по суху, переходя отъ одной лодки къ другой. Въ Кантонѣ около 300.000 людей, не имѣющихъ другихъ жилищъ, кромѣ сампанга. На этихъ пловучихъ убѣжищахъ нѣсколько поколѣній. Итакъ, каналъ, который въ сущности долженъ отдѣлять Европейцевъ отъ слишкомъ близкаго сосѣдства съ Китайцами и служить для безопасности Европейцевъ, не достигаетъ своей цѣли. Китайская чернь въ каждую минуту можетъ пройти по этому пловучему мосту и грабить Европейцевъ сколько душѣ угодно.

Послѣдніе безпорядки начались такимъ образомъ. Пароходъ, переполненный пассажирами, готовился къ уходу, и билетовъ, за неимѣніемъ мѣста, не выдавали никому, но Китайцы, не слушаясь никакихъ увѣщаній, лѣзли и лѣзли все впередъ. Капитанъ велѣлъ снять сходни, и ревизоръ толкнулъ при этомъ какого-то Китайца, который оступился, упалъ въ воду и утонулъ. Пароходъ ушелъ въ Гонгъ-Конгъ. Когда онъ вернулся, то на пристани его уже ожидала толпа. Замѣтивъ, что толпа имѣетъ намѣреніе напасть на пароходъ, капитанъ ушелъ обратно, не высадивъ пассажировъ. Тогда разъяренная толпа кинулась на

склады общества, сожгла ихъ и по пути стала грабить европейскій кварталъ.

Въ европейскомъ поселеніи есть, конечно, клубъ съ очень хорошею библіотекой. Всѣхъ Европейцевъ едва ли наберется 70 человѣкъ, - въ полномъ смыслѣ капля въ китайскомъ морѣ.

Жизнь въ европейскомъ кварталѣ не дешевая. При незнаніи языка, Европеецъ нуждается въ посредникѣ. Безъ компрадора-Китайца Европеецъ шагу ступить не можетъ. Компрадоръ нанимаетъ ему прислугу, входитъ въ сдѣлку съ поставщиками-Китайцами и ведетъ всѣ дѣла хозяина. Все это онъ дѣлаетъ не даромъ и за это, кромѣ жалованья, получаетъ хорошую коммиссію. Многіе изъ этихъ компрадоровъ богатѣютъ и самостоятельно пускаются въ крупныя аферы. Про одного шанхайскаго компрадора разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Торговой фирмѣ нужны были деньги. Поискали, и оказывается, что компрадоръ можетъ дать эту сумму. Послѣ возвращенія денегъ принципалъ призываетъ компрадора къ себѣ и держитъ ему такую рѣчь: если ты собралъ такую сумму денегъ, то, по всей вѣроятности, ты нажилъ ее незаконнымъ путемъ, обманывая фирму, и потому сумма должна быть возвращена фирмѣ. И потому выбирай одно изъ двухъ: или возьми деньги и убирайся на всѣ четыре стороны, или возврати деньги и служи намъ. Китаецъ подумалъ и сказалъ: мааски, т-е. согласился на условія хозяина. Хорошо, сказалъ хозяинъ, но я не сказалъ тебѣ еще всѣхъ условій: если ты хочешь остаться, то ты долженъ взять на свой счетъ содержаніе молодыхъ людей (прикащиковъ) и на твой же счетъ—столовое вино. Долго думалъ Китаецъ и въ концѣ концовъ согласился, Se non e vero...

Утромъ сѣлъ въ носилки и отправился въ Кантонъ. Жутко становится, когда въ первый разъ попадешь въ эти узкія, двухаршинныя улицы, кишмя-кишащія народомъ. Европеецъ рѣдко заглядываетъ въ Кантонъ; въ теченіе дня я не видѣлъ ни одного Европейца, и сколько тысячъ Китайцевъ, не очень дружелюбно поглядывающихъ на пришельца. Мой вожатый показалъ мнѣ сначала лавку съ шелковыми матеріями и вышивками, затѣмъ лавку съ издѣліями изъ камня и съ разными китайскими рѣдкостями. Надо вамъ сказать, что улицы здѣсь носятъ довольно оригинальныя названія: „улица постоянной любви“, „улица тысячи блаженствъ“, „сотни внуковъ“. Всѣ улицы запираются на ночь и къ каждой приставленъ сторожъ.

Желая, вѣроятно, познакомить меня съ китайскими порядками, вожатый показалъ мнѣ тюрьму, гдѣ я увидѣлъ преступниковъ съ цѣпями на ногахъ. У нѣкоторыхъ были деревянные станки на плечахъ. Не успѣлъ я сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ эта толпа накинулась на меня и съ угрозой требовала денегъ. Я далъ то, что̀ могъ, но вызвалъ этимъ только бо́льшую назойливость толпы. При этомъ вожатый объявилъ мнѣ, что надо дать и мандаринамъ, то-есть чиновникамъ при тюрьмѣ. На это я не согласился, и толпа прижала меня къ стѣнѣ.

Я узналъ, что правительство даетъ слишкомъ мало или почти ничего на содержаніе заключенныхъ, которые, при существующей въ Китаѣ круговой порукѣ, кормятся на счетъ своихъ родственниковъ или своей общины. Родственники, можетъ-быть, и доставляютъ то, что̀ нужно, но, при существующемъ въ Китаѣ взяточничествѣ, деньги таютъ по мѣрѣ того, какъ онѣ доходятъ до своего назначенія, и заключеннымъ приходится жить впроголодь.

Странное зрѣлище представляетъ, такъ-называемый, Городъ Мертвыхъ, состоящій изъ многихъ улицъ съ маленькими одноэтажными домами. Въ каждомъ домикѣ гробы и божница съ алтаремъ, на которомъ горятъ свѣчи, курится ладонъ. Изъ бумаги сдѣланы изображенія людей: это прислуга, которая должна служить умершему. Мертвыхъ кладутъ въ эти домики до преданія ихъ землѣ или пока бонзы не опредѣлятъ счастливаго мѣста, въ которомъ можно похоронить покойника. Такихъ домиковъ 194. Въ городѣ на тысячу покойниковъ два или три сторожа. Плата за помѣщеніе полагается въ три доллара за одинъ мѣсяцъ.

Побывавъ въ мебельномъ магазинѣ и въ лавкѣ, въ которой прелестныя филигранныя издѣлія изъ серебра, мы отправились въ храмъ пятьсотъ Геніевъ, или учениковъ Будды. Въ этомъ храмѣ пятьсотъ позолоченныхъ статуй.

Между китайскими святыми почему-то попалъ Марко Поло. Нѣкоторыя статуи сдѣланы очень хорошо, а другія смахиваютъ на карикатуру. У одного рука длиннѣе ноги и т. д. Есть и статуя трехъ буддъ, потомъ модель мраморнаго храма, подарокъ богдыхана. Храмъ этотъ, какъ и всѣ китайскіе храмы, не отличается чистотой и очень запущенъ.

Въ храмѣ Пяти сотъ Геніевъ очень высокая башня и колоколъ въ 10.000 фунтовъ, знаменитый тѣмъ, что звонъ его предвѣщаетъ несчастье. Въ 1857 году, во время бомбардировки города Французами, осколокъ гранаты попалъ въ колоколъ и онъ зазвонилъ.

Недалеко отъ Ямына командующаго войсками находится Цвѣточная пагода съ восьмиугольною башней 170 ф. Построенъ этотъ храмъ 400 лѣтъ до Р. Х. Китайская архитектура не отличается разнообразіемъ и богатствомъ замысла. Центральное зданіе съ крышей, въ которой концы приподняты кверху, въ сущности напоминаетъ палатку, поддерживаемую пиками. Этотъ типъ, какъ воспоминаніе еще кочевой жизни, служитъ прототипомъ всѣхъ построекъ. Въ этихъ границахъ допускаются, конечно, измѣненія. Иногда надъ храмомъ крыша въ два или три яруса, что̀ очень эффектно. Не измѣняя главныхъ линій, Китайцы обращаютъ большое вниманіе на детали и на отдѣлку. При храмахъ всегда находится много маленькихъ зданій; храмы отдѣлываются очень роскошно, позолоты и рѣзной работы очень много; къ храму ведутъ безконечныя лѣстницы, устраиваются террасы съ фонтанами и цвѣтами, но все это съ теченіемъ времени, безъ ремонта, постепенно приходитъ въ упадокъ и производитъ грустное впечатлѣніе. Я забылъ сказать, что при храмахъ обыкновенно имѣется пяти или девятиэтажная башня, по типу похожая на Нанкинскую фарфоровую башню.

Мы совершили очень интересную прогулку по городской стѣнѣ, которая очень широка (отъ двухъ до трехъ саженъ) и съ пятиэтажной башни любовались городомъ. Построена эта башня 366 лѣтъ до Р. Х. Во время войны Китайцевъ съ союзниками въ башнѣ квартировалъ французскій отрядъ.

На улицѣ „любви и благихъ пожеланій“ находится храмъ, въ которомъ изображены всѣ муки ада: тутъ и четвертуютъ, сажаютъ на колъ, варятъ въ горячей смолѣ и т. д.

Сегодня опять такая же утомительная прогулка по городу. На этотъ разъ мы посѣтили экзаменаціонную залу, въ которой происходятъ испытанія на ученую степень. Сначала я даже не понялъ, что длинный сарай, состоящій изъ безчисленнаго количества маленькихъ клѣтушекъ въ родѣ стойла, имѣетъ такое назначеніе. Стойла, или клѣтушки, очень маленькія (3½ — 5½ ф.). Въ стѣнѣ есть мѣсто, куда можно положить деревянную постель; тутъ же отхожее мѣсто. Въ этомъ крохотномъ помѣщеніи кандидатъ долженъ пробыть трое сутокъ, и для большей вѣрности помѣщеніе запирается на ключъ. Такихъ помѣщеній 11.616. На десять кандидатовъ полагается поваръ и слуга, которые не должны

разговаривать съ заключенными. Выдержавшіе экзаменъ (ихъ бываетъ обыкновенно не больше двухсотъ) запираются еще на три дня и должны написать сочиненіе на пять темъ. Послѣ этого испытаніе еще на три дня. Кандидатовъ кормитъ казна и выдаетъ на каждаго: свинины на шесть долларовъ, ветчины на такую же сумму, рыбы на десять долларовъ, большое количество риса, яйца и пикули. Получившій ученую степень имѣетъ право носить мундиръ, присвоенный его званію, золотой шарикъ на шапочкѣ и приглашается на обѣдъ къ губернатору. При всѣхъ строгостяхъ деньги оказываются всемогущими, и дѣло не обходится безъ подкупа.

Изъ экзаменаціонной залы переходъ на мѣсто казни покажется, можетъ-быть, слишкомъ рѣзкимъ, но виноватъ въ этомъ мой чичероне. Трущобы, черезъ которыя мнѣ пришлось проѣхать, отличались какимъ-то особеннымъ зловоніемъ. На самомъ мѣстѣ казни выставка гончарныхъ издѣлій. Къ намъ подбѣжалъ какой-то услужливый Китаецъ и изъ кучи мусора вытащилъ голову казненнаго. Я отвернулся съ отвращеніемъ и велѣлъ носильщикамъ нести меня дальше. Пока меня несли на фабрику, гдѣ шлифуютъ любимый Китайцами нефритъ, я наблюдалъ за разными уличными сценами. Въ одномъ мѣстѣ собралась толпа и слушала разсказчика, въ другомъ пожилой Китаецъ съ клѣткой въ рукѣ любовался птицей и наслаждался ея пѣніемъ. Еще немного дальше—картины, напоминающія Мурильйо: грязные нищіе, ищущіе другъ у друга паразитовъ. Тамъ Китаецъ занимается массажемъ. Затѣмъ идутъ лавки съ сапожнымъ товаромъ. Такъ и зарябило въ глазахъ отъ маленькихъ женскихъ башмачковъ и туфлей съ острыми концами. Еще нѣсколько шаговъ, и тамъ Китаецъ съ важнымъ видомъ смотритъ въ пространство, пока его бреютъ и утюжатъ ему косу. Рядомъ съ этимъ лавка, въ которой женщины разбираютъ цѣлый ворохъ волосъ и сортируютъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ. Говорятъ, что эти волосы идутъ на дамскіе шиньоны въ Европѣ. Въ одномъ маленькомъ ресторанчикѣ цѣлая коллекція крысъ, висящихъ на веревочкѣ, и самъ ресторатооъ очень усердно чиститъ черную собаку. Кошачье мясо считается дорогимъ, и его нельзя всегда достать. Непріятный запахъ тухлой рыбы заставляетъ меня торопить носильщиковъ, но это не всегда возможно. Особенно трудно разминоваться со встрѣчными носилками. Иногда вамъ попадаются навстрѣчу носилки со спущенными шторами. Это

большею частью Китаянки изъ большаго свѣта. Только жена губернатора проносится въ открытыхъ носилкахъ.

Меня кружили по улицамъ города и принесли къ высокой башнѣ въ нѣсколько этажей. Это оказалась китайская касса ссудъ. Если вы живете долго въ одномъ городѣ, то въ этихъ кассахъ можно купить по случаю очень хорошія вещи. Касса платитъ правительству извѣстный налогъ и взимаетъ 30%. Башня выстроена очень основательно и снабжена средствами защиты на случай внезапнаго нападенія. Не далеко оттуда мы зашли на фабрику, гдѣ красятъ матеріи въ голубой цвѣтъ. Для окраски требуются индиго, мѣстное вино, вода и клей. Матерію погружаютъ въ краску четырнадцать разъ. Чтобы намочить матерію, работникъ набираетъ полный ротъ воды и потомъ изображаетъ изъ себя фонтанъ. Въ табачной лавкѣ все тоже дѣлается ручною работой или, вѣрнѣе сказать, табакъ прессуютъ ногами. Прежде табакъ намазываютъ масломъ и посыпаютъ краснымъ порошкомъ. Прессованный въ видѣ лепешекъ табакъ разрѣзаютъ на маленькіе пакеты и потомъ сушатъ въ печкѣ.

Когда меня несли по одной улицѣ, то я заинтересовался длиннымъ сараемъ, предъ которымъ была большая толпа. Я думалъ, что это театръ, но мой чичероне отвѣтилъ: „chinese pigeon“ [1] и велѣлъ носильщикамъ продолжать путь. Но я воспротивился этому и велѣлъ имъ остановиться. Оказалось, что въ этомъ сараѣ идетъ азартная игра. Какъ вы думаете—на что̀? На сверчковъ, которые сражаются другъ съ другомъ. Въ серединѣ большой столъ, за которымъ сидятъ судьи, которые пробуютъ доллары, считаютъ деньги, записываютъ ставки. У играющихъ глиняная посудина, покрытая тряпкой. Они подходятъ къ столу, приподнимаютъ тряпку и берутъ сверчка и ставятъ его въ глиняный тазъ. То же дѣлаетъ и противная партія. Сверчки сначала бѣгаютъ кругомъ и потомъ съ ожесточеніемъ бросаются другъ на друга. Если одинъ убѣжитъ три раза отъ противника, то считается побѣжденнымъ. Побѣдителя уносятъ домой и берегутъ. Живутъ они не больше ста дней, и когда кончатъ жизнь, то имъ дѣлаютъ гробъ и хоронятъ на горѣ. Не правда ли, это интересно! Но подъ конецъ у меня зарябило въ глазахъ отъ множества лицъ, встрѣчаемыхъ на пути, отъ золотыхъ вывѣсокъ, отъ вызывающихъ омерзѣніе съѣстныхъ припасовъ, отъ оригиналь-

[1] Китайскія дѣла.

ныхъ пагодъ, отъ вонючихъ фабрикъ, въ которыхъ выдѣлывается парча, отъ роскошныхъ выставокъ мебели, отъ аляповато украшенныхъ ресторановъ, отъ безобразныхъ нищихъ съ слоновою болѣзнью, отъ прокаженныхъ, отъ красивыхъ мандаринскихъ носилокъ, зонтиковъ и скороходовъ. Прибавьте къ этому разные запахи или букетъ изъ тухлой рыбы, гнилыхъ яицъ, чеснока, экскрементовъ, которые проносятся въ ведрахъ около самаго носа, и вы получите нѣкоторое понятіе о томъ, какъ пахнутъ китайскіе города. Въ ушахъ звенятъ крики носильщиковъ, скороходовъ, бѣгущихъ впереди мандаринскихъ носилокъ, продавцовъ живности, театральныхъ вѣстовщиковъ и отдаленный гулъ милліонной толпы. Къ этому примѣшивались звуки тамъ-тама, барабановъ изъ какого-то ресторана. Когда пошелъ дождь, то сутолока увеличилась еще больше; громадные зонтики положительно загораживали дорогу. Въ иныхъ мѣстахъ собиралась такая толпа, такое обиліе тачекъ, носилокъ, что приходилось терпѣливо ждать очереди. Мнѣ стоило закрыть глаза и предо мною точно въ кошмарѣ мелькали головы безъ конца, лица молодыя, старыя, красивыя, безобразныя, смѣющіяся и съ какими-то особенными гримасами. Съ меня было довольно, и я вздохнулъ съ облегченіемъ, когда увидалъ зеленыя, пустынныя аллеи, лужайки и красивые домики Шампина. На другой день я уѣхалъ въ Гонгъ-Конгъ.

Кто это сказалъ, что путешествіе по Янтсе-кіангу (Ян-цзыцзяну) не интересно. Тамъ нечего смотрѣть, сказали мнѣ мои шанхайскіе знакомые, когда я послѣ четырехъ съ половиной лѣтъ опять попалъ въ Китай. Если хотите что-нибудь видѣть, то поѣзжайте до Ичана. Кстати увидите мѣста недавнихъ безпорядковъ, развалины духовныхъ миссій.

Голубая рѣка, какъ ее называли миссіонеры прошлаго столѣтія, совсѣмъ не голубая, а кофейнаго цвѣта. Къ ней скорѣе идетъ китайское названіе Великой рѣки. Около двухъ сотъ милліоновъ жителей сгруппировано въ бассейнѣ этой рѣки. У самаго устья мѣстность ровная, низменная, но уже отъ Кіянгъ-Ина начинаются холмы, и чѣмъ дальше идетъ пароходъ, тѣмъ красивѣе и живописнѣе берега Великой рѣки. Надъ городомъ Чинъ-Кіянгомъ громоздится высокая скала причудливой формы, облѣпленная со всѣхъ сторонъ постройками и имѣющая на

самомъ верху высокую пагоду. Кругомъ города красивые холмы и рисовыя поля.

Здѣсь два года тому назадъ произошли безпорядки. Одинъ изъ полицейскихъ ударилъ Китайца и убилъ его наповалъ. Въ одинъ мигъ собралась большая толпа, которая въ отместку набросилась на англійское и американское консульства и начала ихъ грабить. Удивительно, что американскій консулъ съ женой и ребенкомъ вышли изъ задней калитки и прошли нетронутые толпой. Въ городѣ небольшая европейская колонія, которая живетъ подъ защитой канонерки. Въ китайскомъ городѣ 135 тысячъ жителей. Положеніе города очень выгодное между рѣкой Янтсе-Кіангомъ и Великимъ Каналомъ. Торговые обороты города довольно значительны, ввозъ иностранныхъ товаровъ больше десяти милліоновъ долларовъ.

На пароходѣ происходилъ очень оживленный разговоръ о злобѣ дня, то-есть о недавнихъ безпорядкахъ.

Нашъ капитанъ, старый морякъ, плававшій въ этихъ мѣстахъ больше тридцати лѣтъ, видавшій возстаніе тайпинговъ, очень скептически относился къ этимъ страхамъ.

— Безпорядки, говорилъ онъ,—что̀ за вздоръ. Точно ихъ не бываетъ въ Европѣ. Тамъ они во всякомъ случаѣ серьезнѣе, чѣмъ въ Китаѣ. Что̀ тамъ не говори, а я чувствую себя вполнѣ безопаснымъ среди Китайцевъ. Никто не тронетъ меня. Вы говорите объ убійствахъ. Убили двухъ человѣкъ, и сколько шуму! Одного убили потому, что онъ очень уже любилъ палочную расправу и кормилъ палочными ударами слишкомъ щедро. А другой миссіонеръ подвернулся въ недобрый часъ, когда страсти толпы были уже возбуждены. Китайская чернь, какъ и всякая чернь,— а то Китайцы самый спокойный народъ въ мірѣ.

Американскій миссіонеръ въ Нанкинѣ заявилъ при этомъ, что народъ въ Нанкинѣ очень расположенъ къ Европейцамъ и что агитація идетъ не снизу, а сверху.

— Конечно, подтвердилъ одинъ Французъ,—мнѣ еще недавно говорили іезуиты, что агитируетъ интеллигенція или партія китайскихъ ученыхъ, которые хотятъ избавиться отъ Европейцевъ. Главный агитаторъ въ Ичанѣ занимаетъ оффиціальное положеніе. До безпорядковъ онъ ѣздилъ въ Тяньцзинъ за инструкціями, потомъ вернулся и принялся за дѣло. Предъ этимъ онъ молился и совершилъ жертвоприношенія. Кто знаетъ, можетъ-быть Ли-хунъ-чжанъ интригуетъ противъ своего собрата. Вѣдь каждый

вице-король пользуется въ своей области большою самостоятельностью, содержитъ собственное войско, свой флотъ и обязанъ только выдавать извѣстную сумму центральному правительству. Можетъ-быть, хитрый старикъ, имѣющій хорошо обученную армію, хочетъ поставить манчжурскую династію въ затруднительное положеніе и явиться вершителемъ судебъ Китая.

— Несомнѣнно одно, прервалъ его американскій миссіонеръ, — что весь Китай покрытъ сѣтью тайныхъ обществъ, и что эти тайныя общества Коола-хой враждебно относятся къ правительству и къ Европейцамъ. Впрочемъ, въ китайскихъ дѣлахъ трудно что-нибудь разобрать. Можетъ-быть, вся эта агитація, направленная якобы противъ Европейцевъ, имѣетъ цѣлью насолить правительству, вызвать войну и свергнуть династію. Японцы уже показали такой примѣръ. Поборники Микадо на своемъ знамени написали „изгнаніе иностранцевъ", и чѣмъ же ознаменовалась побѣда Микадо надъ противникомъ? Трактатами съ тѣми же ненавистными Европейцами. Грустно то, что мы, Европейцы, живущіе среди Китайцевъ, не знаемъ, что̀ у нихъ творится и что̀ подготовляется въ тиши. Всѣ эти безпорядки являются сюрпризомъ. Мы знаемъ, что авторъ брошюры противъ иностранцевъ какой-то Даотай, что брошюра разошлась въ Китаѣ въ 800.000 экземплярахъ и продается за 5 чоха. Что̀ мы можемъ сдѣлать противъ нелѣпыхъ обвиненій? Въ брошюрѣ обвиняютъ насъ, миссіонеровъ, въ томъ, что мы выкалываемъ глаза дѣтей и дѣлаемъ изъ этого лѣкарство и употребляемъ это средство для фотографіи. Вся брошюра пропитана такою злобой противъ козловъ (Европейцевъ) и совѣтуетъ убивать ихъ.

— Да, сколько лѣтъ вы работаете въ этой странѣ, закончилъ съ саркастическою улыбкой капитанъ, — а безъ канонерки обойтись не можете. Вы спите спокойно только подъ защитой пушекъ.

Оставимъ первоклассныхъ пассажировъ и посмотримъ, что̀ дѣлается на пароходѣ *Юнъ-Во*. Главный источникъ дохода, кромѣ груза, китайскіе пассажиры. Все биткомъ набито Китайцами. Между ними попадаются Манчжуры съ татарскимъ типомъ лица и съ длинными усами, жители Фокіена въ черныхъ тюрбанахъ и Кантонцы, отличающіеся красивыми чертами лица и высокимъ ростомъ. Мнѣ всегда казалось страннымъ, когда Европейцы говорили о томъ, что всѣ Китайцы на одно лицо. Всѣ, правда, носятъ косу и бреютъ голову и лицо. Но этимъ сходство и кончается. Сто̀итъ только пройтись по китайскому городу или

проѣхаться на пароходѣ, чтобъ убѣдиться въ томъ, какое здѣсь разнообразіе типовъ. Есть тутъ интересные и типическіе представители желтой расы, есть лица со сплюснутымъ носомъ и скошенными глазами, но есть и лица арійской породы,--правильныя черты, орлиный носъ и высокій ростъ. Блондиновъ, правда, въ этой толпѣ не встрѣтишь, даже въ видѣ исключенія. Если и попадется ребенокъ со свѣтлыми волосами, то это, конечно, европейскій ребенокъ отъ матери Китаянки.

Въ числѣ пассажировъ есть поселяне, прибывшіе съ верховьевъ рѣки; они сплавляютъ плоты и, прибывъ къ мѣсту назначенія, разбиваютъ ихъ и послѣ продажи возвращаются на пароходѣ.

Любимымъ развлеченіемъ этихъ дѣтей природы является машина, которую они разсматриваютъ съ большимъ вниманіемъ.

Въ У-ху мы пришли поздно вечеромъ. При лунномъ свѣтѣ можно было разглядѣть развалины католическаго собора, разрушеннаго мѣсяца два тому назадъ китайскою чернью. Китайское правительство уже выдало вознагражденіе во 110 тысячъ тэлей, и миссіонеры опять начали постройку. Въ настоящее время въ У-ху стоитъ канонерка. Изъ У-ху вывозится рисъ, строевой лѣсъ, каменный уголь и привозится туда галантерейный товаръ. Городъ соединяется каналами съ прилегающею мѣстностью, въ которой имѣются чайныя плантаціи и выдѣлываютъ шелкъ. У-ху славится ножами и бумагой.

Во ста миляхъ отъ У-ху находится городъ Нганъ-кинъ (Анкинъ)—одинъ изъ лучшихъ городовъ Великой Рѣки. Городъ окруженъ высокими стѣнами и башнями. Когда пароходъ остановился, то изъ крѣпости послышались сигналы и рожки, и китайское войско со знаменами продефилировало по берегу рѣки. При сужденіи о китайскомъ войскѣ, надо забыть европейскіе образцы и перенестись въ Средніе Вѣка. Наряды яркіе, большія знамена, обиліе флаговъ, торчащихъ изъ-за спины нѣкоторыхъ солдатъ, щиты, конница въ пестрыхъ уборахъ—все это смахиваетъ немножко на маскарадъ и вызываетъ невольную улыбку, но въ цѣломъ китайское войско представляетъ внушительное зрѣлище. Шествіе растянулось больше чѣмъ на версту Разноцвѣтные мундиры и разноцвѣтныя знамена и флаги, которые развѣвались на воздухѣ, казались мнѣ очень эффектными и живописными. Что касается крѣпости и цитадели, то онѣ, вѣроятно, съ точки зрѣнія науки не выдерживаютъ критики. Башни очень напоминаютъ японскія постройки въ этомъ родѣ, что и неудивительно, такъ

какъ Японцы только копировали во всемъ китайскую культуру. Нган-кинъ былъ послѣднимъ оплотомъ инсургентовъ во время тайпингскаго возстанія, которое можно считать реакціей китаизма противъ манчжурскаго господства. Тайпингы, какъ извѣстно, не носили косы, навязанной Китайцамъ торжествующими Манчжурами. Во главѣ движенія стоялъ человѣкъ, которому не чужды были христіанскія идеи. Не поддержи тогда европейская дипломатія пекинское правительство, судьбы Китая были бы другія.

Мать великаго Лихунъ-чжана жила въ Нган-кинѣ, и маститый Китаецъ пріѣзжалъ сюда для ея похоронъ.

Было уже десять часовъ вечера, когда мы подошли къ Кюкяну (Кю-кянгу). Мнѣ говорили, что тутъ есть высокая гора, на склонѣ которой расположены дачи Хань-коускихъ тузовъ. Когда жара въ Хань-коу становится нестерпимою, тогда Ханкоуцы пріѣзжаютъ на свои дачи, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Кю-кянгъ замѣчателенъ своими издѣліями изъ серебра, слоновой кости и своимъ фарфоромъ. Въ Кю-кянгѣ есть фабрики кирпичнаго чая, принадлежащія Русскимъ,—главные хозяева въ Хань-коу.

Крики носильщиковъ, съ какими-то особенными взвизгиваніями, мѣшали слушать музыку, которая была гдѣ-то недалеко. Агентъ пароходнаго общества прибѣжалъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ къ капитану и впопыхахъ переговорилъ съ нимъ о дѣлахъ. Видно было, что онъ торопится на *лансье.* Забыты, значитъ, всѣ страхи, и Европейцы отплясываютъ на вулканѣ. Двѣ канонерки, впрочемъ, достаточная гарантія спокойствія Европейцевъ.

Чѣмъ дальше идемъ по рѣкѣ, тѣмъ красивѣе она становится. Изъ широкаго, точно море, пространства она вдругъ суживается, и высокія скалы обступаютъ ее со всѣхъ сторонъ. А тамъ дальше холмы конической формы, остроконечныя скалы, яркая зелень и рисовыя поля. Вдругъ, изъ средины рѣки выростаетъ скала, похожая на Папенбергъ въ Нагасаки. На скалѣ лѣпится бѣлое зданіе женскаго монастыря.

По рѣкѣ много деревень. Постройка домовъ самая разнообразная. У богатыхъ кирпичные дома въ два этажа, у бѣдняковъ бамбуковыя плетенки, обмазанныя глиной. Ночью берега кажутся необитаемыми, огней не видно. Китайцы рано ложатся спать и мало тратятъ на освѣщеніе. Днемъ по рѣкѣ безпрерывное движеніе. Громадныя джонки, похожія на плавучіе дома, тянутся

бечевой вверхъ по рѣкѣ. Плоты съ дюжиной избушекъ и людьми спускаются по теченію одинъ за другимъ. Берегъ тоже оживленъ постояннымъ мельканіемъ людей. Тутъ, около шалашей, рабочіе срѣзаютъ тростникъ, тамъ несутъ тяжести. Въ другомъ мѣстѣ Китаецъ ѣдетъ на осликѣ, тамъ дальше какого-нибудь важнаго Китайца несутъ въ носилкахъ и за нимъ тянется громадная свита, между которой есть и вооруженные люди. Иногда пейзажъ оживляется присутствіемъ безчисленнаго множества птицъ, которыя на рѣкѣ заняли все видимое глазу пространство, а иногда онѣ тучами проносятся надъ головой и садятся въ рисовое поле.

Въ Хань-коу мы пришли въ пять часовъ вечера. Городъ расположенъ на мѣстѣ сліянія рѣки Хань и Янтсе-кіанга и въ прежнее время былъ только предмѣстьемъ города Ханьянъ-фу. Какъ разъ напротивъ, на южной сторонѣ Великой Рѣки, находится большой городъ Вучанъ, главный городъ провинціи. Населеніе въ Хань-коу опредѣляютъ въ 895 тысячъ. Эти три города до разоренія ихъ инсургентами были однимъ изъ самыхъ населенныхъ пунктовъ Китая. Торговля въ Хань-коу доходитъ до сотни милліоновъ долларовъ. Главный предметъ торговли, чай, который уже въ ящикахъ привозится изъ чайныхъ округовъ. Самое кипучее время въ Хань-коу лѣтомъ, когда пароходы приходятъ за новыми чаями. Тогда въ конторахъ идетъ усиленная работа. Теа taster'ы (пробователи чая) ведутъ аскетическій образъ жизни, не берутъ въ ротъ хмѣльнаго и наживаютъ, какъ говорятъ опытные люди, нервныя болѣзни. Въ Хань-коу нѣсколько большихъ фабрикъ кирпичнаго чая; и это дѣло въ рукахъ Русскихъ. Хань-коу, кромѣ того, славится своими бархатными издѣліями.

Городъ расположенъ на ровномъ, низменномъ мѣстѣ, въ прежнее время затопляемомъ водой при разливѣ рѣки. Европейская часть города можетъ похвастаться хорошею набережной, засаженною деревьями и стоившею большихъ денегъ, красивыми домами, между которыми нѣкоторые принадлежатъ Русскимъ. Русскій элементъ здѣсь играетъ видную роль, и очень пріятно видѣть соотечественниковъ, которые остались вѣрны своимъ національнымъ привычкамъ. Встрѣчая своего съ русскимъ радушіемъ и гостепріимствомъ, они приняли нѣкоторыя хорошія стороны англійской жизни. Клубъ здѣсь англійскій, но въ немъ много русскихъ газетъ и журналовъ. Русскіе участвуютъ въ разныхъ играхъ, играютъ въ теннисъ, въ гольфъ; на скачкахъ лучшія

лошади принадлежатъ Русскимъ. Живутъ Русскіе на комфортабельную, барскую ногу и поддерживаютъ дружескія отношенія съ другими Европейцами. Теперь затишье, и гордость Ханькоуцевъ „банда", или набережная (отъ англійскаго слова bund), совсѣмъ пуста, и только изрѣдка тишина нарушается пышнымъ шествіемъ китайскаго Даотая, который посѣщаетъ какого-нибудь консула. Скороходы кричатъ во все горло, за ними бѣжитъ остальная свита, и это пестрое зрѣлище пріятно прерываетъ монотонное теченіе жизни.

На пароходѣ, который долженъ былъ доставить меня до Ичана, все было переполнено. Даже въ первомъ классѣ былъ какой-то мандаринъ съ нѣсколькими женами и съ сынишкой, который все время возился съ собаками. Утромъ вся челядь мандарина вереницей стояла на палубѣ и ожидала пробужденія господина и потомъ проходила на поклонъ (кау-тау). Пароходъ принадлежалъ китайской компаніи „China Merchant Company", и китайская публика смотритъ на него какъ на свой собственный. Съ одной стороны это хорошо, вы по крайней мѣрѣ гарантированы, что васъ не сожгутъ, какъ это было съ нѣкоторыми пароходами, принадлежащими англійской компаніи. Но съ другой стороны, Китайцы стараются ввести на пароходѣ свои китайскіе порядки. Капитанъ разсказывалъ мнѣ, что мандарины пріѣзжаютъ на пароходъ съ большимъ багажомъ и съ многочисленною свитой и не хотятъ платить то, что̀ слѣдуетъ. Если капитанъ воспротивится этому, то ему же достанется отъ совѣта или правленія, которое сдѣлаетъ ему еще выговоръ за то, что онъ дѣлаетъ разныя затрудненія.

Китайцы, а въ особенности мандарины, не дорожатъ временемъ и изъ-за дождя готовы отложить свой отъѣздъ на неопредѣленное время. Китайцы вообще боятся дождя; причиной этого отчасти и непрактичная обувь на бумажной подошвѣ, которая сейчасъ намокнетъ. Но и вообще Китайцы очень не любятъ воду и очень грязны. Исключеніе составляютъ приморскіе жители и Китайцы въ жаркомъ климатѣ. Тѣ постоянно обливаются водой. Остальные же Китайцы страхъ какъ боятся воды, и тысячную толпу Китайцевъ можно усмирить пожарными трубами.

Но и кромѣ дождя у мандарина всегда найдется причина отложить свой отъѣздъ. Хорошо еще, что капитаны—Англичане, которые мало обращаютъ на это вниманіе и выходятъ въ опредѣленное время; но такой образъ дѣйствій вызываетъ нареканія

Китайцевъ, которые удивляются, что Европеецъ можетъ командовать на китайскомъ пароходѣ.

Вотъ уже два дня, какъ берега низменные и представляютъ мало интереса. Постоянныя остановки по случаю мелководья. Капитанъ на катерѣ отправляется отыскивать фарватеръ, который часто мѣняется капризною рѣкой. Идемъ часто очень тихо. „10, 9, 8!" кричитъ Китаецъ, и при послѣднемъ окрикѣ мы всѣ чувствуемъ, что пароходъ тронулъ дно. Опять „10 и 8!", и всякій разъ непріятно станетъ на душѣ. Перспектива застрять на неопредѣленное время на рѣкѣ не представляетъ ничего пріятнаго. Есть пароходы, которые по мѣсяцамъ сидѣли на мели. Сердце окрыляется надеждой, когда Китаецъ крикнетъ вдругъ „no bottom",—нѣтъ дна.

Въ городъ Шази (по-китайски песчаная ярмарка или песчаная отмель) нашъ мандаринъ долженъ былъ прибыть на свой постъ. Надъ пароходомъ взвился громадный флагъ, который долженъ былъ извѣстить населеніе о томъ, что ѣдетъ новый хозяинъ города. На каменной, высокой набережной уже ждала несмѣтная толпа народа. Голубой цвѣтъ преобладалъ въ толпѣ. Самый городъ окруженъ башнями и высокими зубчатыми стѣнами. Отъ прежнихъ временъ осталась монументальная набережная, но такъ какъ Китайцы ничего не ремонтируютъ, то эта набережная была въ ужасномъ видѣ. Какіе-то шалаши сузили ее до того, что трудно было пройти въ носилкахъ. Съ этой же набережной бросалось все, что попало, такъ что между рѣкой и набережной образовались горы навозной земли. Лѣстницы, ведущія съ рѣки въ городъ, были загрязнены и загажены до-нельзя и обратились въ какую-то клоаку.

Въ настоящее время городъ принарядился для встрѣчи важнаго сановника. Повсюду видны были флаги и знамена, на площади была сдѣлана арка изъ какой-то цвѣтной матеріи. Какъ только мы подошли къ городу, съ китайской канонерки раздался салютъ, за этимъ послѣдовалъ салютъ съ крѣпости и петарды. У берега стояли разукрашенныя разноцвѣтными флагами джонки. Самая тяжелая и громоздкая, съ гребцами въ красныхъ безрукавкахъ, медленно пошла къ намъ навстрѣчу. За нею тронулась другая, но тамъ преобладалъ зеленый цвѣтъ, потомъ третья, и всѣ онѣ встали вдоль парохода. Криковъ, безпорядка было много, но все-таки было весело смотрѣть на эти громадные красные флаги, которые окрашивали даже воду въ красный цвѣтъ, на эту

разряженную толпу и на всю эту пышную встрѣчу. Нашъ Китаецъ тоже нарядился въ богатый манчжурскій костюмъ и появился въ каютъ-компанію съ конскимъ хвостомъ на головѣ. Начались безконечныя церемоніи и поклоны со стороны властей, прибывшихъ для привѣтствія на пароходъ. Наконецъ онъ перешелъ въ помѣстительную джонку, въ которой имѣется салонъ, спальни, кухня и помѣщеніе для прислуги. Мы видѣли, какъ джонка мандарина подошла къ пристани, но проглядѣли всѣ глаза, чтобы видѣть самую высадку. Густая толпа на берегу ждала того же; слышны были звуки тамъ-тама, выстрѣлы, а китайскій генералъ все еще сидѣлъ въ своемъ помѣстительномъ ковчегѣ. Потомъ намъ объяснили, что высадки въ этотъ день и не будетъ. По китайскому этикету мандаринъ всю ночь проведетъ въ джонкѣ и только на слѣдующій день смилостивится и вступитъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Между прочимъ, намъ сказали, что этотъ постъ не изъ пріятныхъ: жители будто бы отличаются безпокойнымъ характеромъ и между ними часто бываютъ смуты.

Пароходъ уже собирался уходить, какъ вдругъ оказалось, что китайскій генералъ забылъ на немъ свой флагъ. Еще позднѣе,—и это совсѣмъ въ китайскомъ духѣ,—прислали гонцовъ за зелеными носилками, о которыхъ тоже забыли при отъѣздѣ.

Послѣ выѣзда китайскаго мандарина приступили... чуть не сказалъ, къ дезинфекціи каютъ. Трудно вообразить себѣ грязь, оставленную Китайцами. Тюфяки всѣ загажены плевками, шелухой, корками и всякою гадостью. Каюты надо провѣтривать, чтобъ избавиться отъ запаха опіума, которымъ пропитывается все окружающее. Да и вещи, одѣяла, принадлежащія Китайцамъ, не могутъ похвалиться чистотой. Китаецъ носитъ свою одежду до износа и никогда ее не чиститъ и не моетъ.

Мѣстоположеніе Ичана очень живописное. Особенно красивъ противоположный берегъ. Вдали возвышаются горы, очень мѣтко названныя пирамидами. Европейское поселеніе,—теперь только одна груда развалинъ. Дома были очень основательно построены изъ громадныхъ кирпичей, втрое больше установленныхъ въ Россіи, или изъ аршинныхъ камней, такъ что разрушить ихъ стоило труда. Въ серединѣ домовъ—черепки посуды, стекла, мраморъ; колодцы всѣ набиты падалью, растенія всѣ вырваны съ корнемъ. Никакъ не повѣришь, что это сдѣлали люди, которыхъ

теперь встрѣчаешь на улицѣ и не выказывающіе особенной непріязни къ иностранцу. Правда, теперь на рейдѣ одна англійская канонерка и одна таможенная съ англійскимъ персоналомъ. Европейскихъ дамъ и дѣтей въ Ичанѣ нѣтъ, изъ мужскаго персонала два, три миссіонера, англійскій консулъ и одинъ французскій графъ, коммиссаръ таможенный вмѣстѣ со своими помощниками. Вы, вѣроятно, знаете, что таможня организована на европейскій образецъ, и что во главѣ этого учрежденія находится знаменитый сэръ-Робертъ Гартъ. Весь персоналъ таможни европейскій. Среди служащихъ есть представители всѣхъ національностей, есть и Русскіе, но большинство, конечно, Англичане, и они же занимаютъ высшія должности. Содержаніе очень хорошее, въ высшихъ должностяхъ громадное, а глава учрежденія имѣетъ въ своемъ безконтрольномъ распоряженіи сотни тысячъ долларовъ и живетъ съ царскою роскошью. Служащіе, кромѣ жалованья, если я не ошибаюсь, получаютъ извѣстный процентъ съ доходовъ, щедрыя награды и могутъ нажить хорошій капиталъ, если останутся долго на службѣ. Знаніе китайскаго языка обязательно для служащихъ. Сэръ-Роберту Гарту предлагали нѣсколько разъ быть англійскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, но онъ не хотѣлъ оставить свой постъ, дающій ему въ руки главный доходъ пекинскаго правительства. Какъ это ни странно, но пекинское правительство очень дорожитъ своею таможней, организованною Европейцами, и по горькому опыту знаетъ, что стоитъ передать это дѣло Китайцамъ, и всѣ получаемые теперь милліоны растаютъ, какъ вешній снѣгъ, или, вѣрнѣе сказать, прилипнутъ къ рукамъ распорядителей. Европейца можно, правда, купить; голодныхъ ртовъ въ Европѣ много, но Европеецъ-наемникъ, если хорошо оплаченъ, будетъ служить вѣрой и правдой пекинскому правительству, и этимъ нельзя не дорожить правительству, которое страдаетъ хроническимъ безденежьемъ и которое должно довольствоваться жалкими крохами, доставляемыми ему отъ провинціальныхъ властей.

Но вернемся къ развалинамъ европейскаго поселенія и послушаемъ, что̀ говорятъ очевидцы этихъ безпорядковъ. 2 сентября 1891 года, по словамъ очевидцевъ, громадная толпа Китайцевъ собралась около католической миссіи и хотѣла расправиться съ сестрами, которыя будто бы выкалываютъ глаза дѣтямъ для приготовленія лѣкарства. Коммиссаръ, узнавшій объ этомъ сборищѣ, сейчасъ послалъ за мандариномъ, который и явился

вмѣстѣ со своею свитой на мѣсто происшествія. Осмотрѣвъ дѣтей, которыхъ пріютили миссіонеры, мандаринъ показалъ дѣтей китайской толпѣ, говоря ей: „вы видите, что это басня, дѣти всѣ зрячія и потому расходитесь". Толпа дѣйствительно послушалась и разошлась по домамъ. Коммиссаръ отправился къ себѣ завтракать, а мандарина патеръ угостилъ виномъ, послѣ чего мандаринъ возвратился домой.

Немного времени спустя патеру Брауну и сестрамъ сообщаютъ, что громадная толпа собралась около дома протестантскаго миссіонера. Изъ окна миссіи было видно, что толпа поджигаетъ домъ со всѣхъ концовъ. Не прошло и четверти часа, какъ эта толпа ринулась къ католической миссіи и въ одно мгновеніе разбила ворота и ворвалась въ зданіе миссіи. Патеръ Браунъ, сестры и дѣти искали спасенія въ церкви, но и тяжелыя двери не выдержали напора толпы, и миссіонеру съ сестрами пришлось идти въ ризницу. Вооруженная желѣзными полосами, бамбуками и каменьями толпа напирала на безоружныхъ. „Убейте ихъ", слышался голосъ изъ толпы, подхваченный другими голосами, и положеніе этихъ миссіонеровъ было очень критическое. Нѣкоторыя сестры были ранены, у патера Брауна была рана на головѣ и вся его сутана была въ крови. Еще одна минута, и все было бы кончено, но въ это время явился мандаринъ со своею свитой и оруженосцами. Мандаринъ грудью защитилъ ихъ, и только благодаря ему, они вышли изъ церкви и спустились къ рѣкѣ. У берега, къ счастью, ждала ихъ барка. Толпа, слѣдовавшая за ними по пятамъ и бросавшая въ нихъ камни, хотѣла помѣшать ихъ спасенію, но на пароходѣ, стоявшемъ на рейдѣ, увидали ихъ опасное положеніе и съ парохода была послана шлюпка съ вооруженными людьми. Вскорѣ затѣмъ запылала католическая миссія и другіе дома Европейцевъ. Толпа вздумала было заглянуть въ таможню, но тамъ ее ожидали десять Европейцевъ съ заряженными винчестерами, и тысячная толпа благоразумно отступила. Въ англійскомъ консульствѣ шла постройка новаго дома и потому англійскій консулъ жилъ въ другомъ домѣ, не очень далеко отъ англійскаго консульства, и надъ его временнымъ помѣщеніемъ развѣвался англійскій флагъ. Что же вы думаете: англійское консульство разграбили дотла, а къ самому консулу и не заглянули. Толпа или вожаки ея, вѣроятно, поняли, что оскорбленіе флага влечетъ за собой большія компликаціи и благоразумно воздержались.

---

20 ноября. Благодаря любезности капитана, который велѣлъ снарядить паровой катеръ, украшенный большимъ китайскимъ флагомъ, мы отправились къ первымъ порогамъ. Теченіе во многихъ мѣстахъ очень быстрое и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ есть водовороты, такъ что нашъ тяжелый катеръ поднимало, какъ щепку. На пути много тяжелыхъ джонокъ, которыя тащутъ бечевой. Вереницей идутъ эти люди и съ трудомъ пробираются по кручамъ горъ, и по всей рѣкѣ раздается одинъ только стонъ. Что̀ ни шагъ, то красивый ландшафтъ. Иногда отвѣсныя скалы, точно стѣна, загораживаютъ путь. Иногда надъ головой вдругъ выростаютъ грозныя очертанія феодальнаго за̀мка съ бойницами, башнями, и все это перевито густою сѣткой вьющихся растеній. Наша компанія, состоящая изъ нѣсколькихъ пріятелей капитана, приходитъ въ восторгъ отъ красивыхъ пейзажей, восхищается гротами изъ сталактитовъ, роскошною растительностью, среди которой блеснетъ свѣтлая струя водопада. Мы останавливаемся по временамъ, чтобы собрать папоротники, красивый мохъ или камни.

Вотъ показывается довольно большая деревушка (Пингъ-Чингъ-Па), состоящая изъ жалкихъ домовъ, но окруженныхъ цѣлою рощей апельсинныхъ деревьевъ. Все населеніе высыпаетъ на берегъ, чтобы посмотрѣть на паровой катеръ. Это—таможенная станція, и тутъ живетъ съ женой-Китаянкой таможенный чиновникъ. Въ помѣстительной джонкѣ онъ устроилъ свой рабочій кабинетъ и спальню. Его жена довольно миловидное и кроткое существо. Наша шумная толпа врывается въ это тихое пристанище и вноситъ туда нѣкоторое оживленіе. Хозяинъ суетится, чтобъ угостить получше неожиданныхъ гостей, разспрашиваетъ о новостяхъ и видимо радъ нашему пріѣзду. Капитанъ, побалагуривъ немного съ хозяйкой, торопитъ къ отъѣзду, и мы идемъ дальше.

По дорогѣ капитанъ и его друзья осуждаютъ своего знакомаго за то, что онъ вздумалъ соединиться законнымъ бракомъ съ Китаянкой.

Миновавъ красивую скалу, носящую названіе „Иглы Неба", мы добрались до Нанъ-То, гдѣ мѣстность уже не такъ хороша. Въ Нанъ-То очень красивая рѣчка вливается въ Янтсе-кіангъ. На высокихъ и обрывистыхъ берегахъ рѣчки расположилась рыбачья деревня. Мы вышли на берегъ погулять и посмотрѣть, какъ живутъ сельскіе жители, заглянули въ лачуги, въ которыхъ

люди и свиньи живутъ въ дружномъ согласіи и въ тѣсномъ сосѣдствѣ. Грязь въ домахъ невообразимая. Въ деревнѣ есть и лавки, трактиры, помѣщенія, гдѣ чистятъ рисъ, красятъ матеріи и мельницы. Деревьевъ кругомъ много, большіе пампельмусы, желтые и сочные, выдѣляются среди зелени; пальмъ не видно, хотя въ садахъ въ Ичанѣ имѣются нѣсколько экземпляровъ.

Населеніе деревушки отнеслось къ намъ очень спокойно и равнодушно, только дѣтвора слѣдовала за нами по пятамъ и передразнивала капитана и его пріятелей, которые, послѣ усиленнаго повторенія виски и соды вмѣстѣ съ портеромъ, были въ очень хорошемъ расположеніи духа.

Здѣсь практикуется очень оригинальный способъ рыбной ловли. Съ берега висятъ надъ водой бамбучины въ видѣ удочекъ и къ концу бамбучины на желѣзной цѣпи прикрѣплена выдра. Желѣзная цѣпь придерживаетъ ремень, который охватываетъ грудь и плечи выдры, которая должна, когда закинули сѣть, выгнать рыбу изъ расщелинъ скалъ или изъ илистаго грунта, въ которой скрывается рыба, и загнать ее въ сѣть. Когда это сдѣлано, то неводъ вмѣстѣ съ рыбой и выдрой вытаскивается на берегъ. Выдру освобождаютъ изъ плѣна, награждаютъ добычей и начинаютъ съизнова.

На слѣдующее утро мы въ лодкѣ поѣхали въ Санъ-Ю-Танъ (2.700 ф.), на склонѣ котораго находится очень большой гротъ. Подъемъ очень трудный и съ террасы у входа въ гротъ очень живописный видъ. Въ самомъ гротѣ кумирня.

Вечеромъ прогулка по стѣнамъ города. Это удобно во многихъ отношеніяхъ; можно съ высоты птичьяго полета наблюдать за жизнью китайскаго города и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣжать толкотни и непріятнаго хожденія по липкимъ и скользкимъ отъ грязи улицамъ. Отъ грязи, конечно, не уйдешь. Въ башняхъ такое собраніе нечистотъ, что просто удивительно. Оказывается, что башни служатъ пріютомъ для людей, не имѣющихъ пристанища.

Въ окрестностяхъ Ичана (34 тысячи жителей) произрастаетъ макъ, изъ котораго добываютъ опіумъ и выдѣлывается растительное масло. Изъ Ичана вывозятся: леопардовыя шкуры, воскъ, китайскія лѣкарства, опіумъ, ревень, рѣчная капуста, шелкъ-сырецъ и мускусъ, который цѣнится такъ дорого, что микроскопическая порція стóитъ 400—500 ланъ или тэлей (ланъ равенъ пяти шиллингамъ) и хранится въ желѣзномъ ящикѣ у капитана.

Въ Ичанъ привозятъ шертинги, ластикъ (изъ Индіи), бумажныя и шелковыя матеріи, бакалею и т. д. Торговые обороты Ичана 7 милліоновъ долларовъ.

Въ воскресенье мы отправились въ обратный путь. Наканунѣ явился опять мандаринъ, на этотъ разъ судья и rara avis, человѣкъ, какъ гласитъ молва, не берущій взятокъ. Мандаринъ, конечно, не безъ грѣха. Надо же содержать большое семейство, состоящее изъ взрослыхъ, женатыхъ сыновей, ихъ женъ, дѣтей и многочисленную челядь, которая носила голубую съ краснымъ ливрею и имѣла на спинѣ большіе китайскіе знаки. Мандаринъ прибылъ съ верховьевъ рѣки, съ Чун-кинга, на нѣсколькихъ джонкахъ, разукрашенныхъ флагами. Багажъ былъ у него изрядный (245 мѣстъ). Мандаринъ не дичился и захотѣлъ познакомиться съ европейскимъ столомъ. Китаецъ-дворецкій съ видомъ превосходства показалъ ему хлѣбъ, масло, сыръ, научилъ его, какъ надо ѣсть съ вилкой и ножомъ. Европейская кухня такъ понравилась мандарину, что онъ на слѣдующій день пришелъ къ обѣду и поѣлъ всего съ большимъ аппетитомъ и закончилъ рисомъ, которымъ заканчивается китайскій обѣдъ. Насъ всѣхъ очень забавлялъ семилѣтній сынокъ мандарина, который казался дряхлымъ старикомъ. Вскорѣ маленькій Китаецъ сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, и конфеты или апельсины давались ему щедрою рукой. Привѣтливый и ласковый, онъ совсѣмъ не дичился и притащилъ мнѣ свою книжку, потомъ сталъ показывать, что онъ знаетъ китайскіе знаки и даже написалъ мнѣ на память то, что̀ онъ знаетъ. Я далъ ему свою карточку съ китайскими знаками, и онъ былъ очень польщенъ этимъ и не хотѣлъ выпустить изъ рукъ карточку тогда, когда домашніе хотѣли съ ней ближе познакомиться.

Вечеромъ мы встали на мель и простояли цѣлыя сутки. Мандаринъ, при видѣ безуспѣшныхъ стараній капитана, пошелъ и очень торжественно, при всей публикѣ, совершилъ моленіе и бросилъ въ рѣку горсточку рису.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Г. де-Волланъ

ТИШИНА.

Бури лишь въ юности сердце плѣняютъ
Но пролетаютъ:
Сила ничтожна ихъ дикая,
И послѣ нихъ остается одна
Правда великая,
Ненарушимая—
Въ сердцѣ—покой, въ небесахъ—тишина,

Ибо лазурь
Вѣчно—безмолвная,
Недостижимая,
Такъ же, какъ истина полная,—
Выше всѣхъ бурь.

Богъ—не въ словахъ, не въ молитвахъ,
Не въ смертоносномъ огнѣ,
Не въ разрушеньи и битвахъ.
Богъ—въ тишинѣ

Небо и сердце полны тишиной:
Глубже, чѣмъ всѣ мимолетные звуки,
Глубже, чѣмъ радость и муки,
Въ сердцѣ безбурномъ,
Въ небѣ лазбурномъ—
Вѣчный покой.

Д. Мережковскій.

1892.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Отецъ Амвросій Оптинскій и его значеніе въ религіозномъ движеніи нашего общества.—Новое постриженіе въ монашество свѣтскихъ людей.—«Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви».—Движеніе къ православію въ Сѣверной Америкѣ.

10 октября исполнился годъ со дня кончины Оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія.

Путемъ долгихъ аскетическихъ подвиговъ достигши высшей степени духовнаго совершенствованія, обладая при этомъ великимъ даромъ духовнаго разсужденія, отецъ Амвросій былъ учителемъ и руководителемъ въ духовной жизни каждаго обращавшагося къ нему за этимъ и *водителемъ по пути высшаго Богопознанія*. Это и есть старчество. Тысячи лицъ разныхъ сословій, званій и состояній находились подъ постояннымъ руководствомъ отца Амвросія, десятки тысячъ другихъ шли къ нему за совѣтомъ и благословеніемъ. Его безконечная христіанская любовь къ ближнимъ покрывала всѣ недостатки людскіе, въ его любящемъ сердцѣ заключались всѣ скорби и немощи людей, прибѣгавшихъ къ его духовной опытности и помощи. Это былъ *свѣтильникъ православной вѣры и жизни*, свѣтившій неземнымъ свѣтомъ и согрѣвавшій сердца всѣхъ приближавшихся къ нему; свѣтильникъ жизни христіанской — для народа, вѣры христіанской—для нашего общества. Народъ толпами стремился къ этому свѣтильнику, спѣша воспользоваться для себя уроками истинно христіанской, святой жизни. И трудно теперь даже представить себѣ, какъ велико то вліяніе, которое оказалъ отецъ Амвросій на нравственно-религіозную жизнь народа; — это вліяніе невѣ-

сомо, тѣмъ болѣе, что оно можетъ продолжаться еще безконечно долгое время. Съ кончиной подвижника — не гаснетъ свѣтильникъ, а разжигается ярче, сильнѣе. Толпы народа двигаются доселѣ къ ракѣ преподобнаго Сергія и у нея черпаютъ благодатный запасъ силъ для нравственной жизни.

Образованнымъ людямъ старецъ Амвросій былъ почти неизвѣстенъ. И происходило это не потому, что былъ онъ изъ другаго міра, а потому, что явленія церковной жизни, какъ бы крупны они ни были, не находятъ себѣ отголоска въ печати, если не соприкасаются очень близко съ жизнью государственною или общественною. Многіе искренно религіозные люди нашего общества узнали объ отцѣ Амвросіи только послѣ его кончины, когда кое-гдѣ появились его некрологи, и какъ горько сожалѣли они, что не знали старца при жизни! Это одинъ изъ печальныхъ примѣровъ той, высказанной нами раньше, мысли, что наша свѣтская печать потому игнорируетъ церковную жизнь, что является до сихъ поръ отголоскомъ не общества, а „интеллигентныхъ“ кружковъ, чуждыхъ церкви и ея жизненныхъ явленій. Пока печать упорно не замѣчала ничего внѣ „интеллигентныхъ“ теченій, люди общества стремились въ Оптину пустынь къ отцу Амвросію, как бы слѣдуя совѣту И. В. Кирѣевскаго: „чтобы понять христіанство, надо узнать монашество, чтобъ узнать монашество, надо ѣздить въ Оптину“. За послѣднее десятилѣтіе обозначилось цѣлое движеніе образованныхъ людей къ старцу Амвросію. Писатель и публицистъ, сановникъ и молодой профессоръ, офицеръ и студентъ смѣняли другъ друга въ маленькой, уютной кельѣ старца. И это стремленіе въ Оптину не осталось безъ слѣда въ нашей общественной жизни.— Отецъ Амвросій оказалъ самое глубокое и благотворное вліяніе на современное религіозное движеніе въ нашемъ обществѣ.

Словами „религіозное движеніе“ мы обозначаемъ не тѣ умствованія на религіозныя темы, которыя расплодились особенно въ послѣднее время и указываютъ только на разнузданность современной мысли, а тотъ невидимый органическій процессъ въ жизни нашего общества, видимымъ признакомъ котораго служитъ *появленіе цѣлой группы образованныхъ людей, сознательно отдающихъ свои силы на служеніе Церкви Православной*. Въ этомъ смыслѣ видимымъ признакомъ этого скрытаго процесса является одинаково и художникъ В. Васнецовъ со своею дивною иконописью во Владимірскомъ соборѣ, и бывшій профессоръ Москов-

скаго Университета, С. А. Рачинскій, создавшій образецъ для церковныхъ школъ, и тѣ воспитанники университетовъ и лицеевъ, которые принимаютъ постриженіе въ монашество. На религіозное движеніе общества, въ этомъ смыслѣ слова, оказалъ свое благотворное вліяніе и отецъ Амвросій, такъ какъ достаточно было побывать въ Оптиной одинъ разъ, чтобы почувствовать полное духовное возрожденіе и обновленіе А молодежи бывало у отца Амвросія множество; сколько разбитыхъ нравственно натуръ онъ возсоздалъ и исцѣлилъ силою своей любви, скольким потерявшимъ вѣру въ Бога и во все святое онъ эту вѣру возвратилъ и тѣмъ самую жизнь ихъ сохранилъ; сколькихъ онъ благословилъ на трудный иноческій подвигъ или на пастырское служеніе; сколько изъ нихъ возрожденныхъ осталось тамъ же около него... все это невѣдомо міру.

О размѣрахъ незамѣтнаго, но глубокаго, вліянія отца Амвросія на общество нельзя судить теперь даже приблизительно. Это дѣло будущаго, когда посѣянное сѣмя взойдетъ и дастъ свой плодъ. Теперь же достаточно только указать на это.

* * *

Въ настоящее время какъ бы отголоскомъ вліянія отца Амвросія на жизнь общественную является совершенное 10 октября постриженіе въ монашество вольнаго слушателя Московской Духовной Академіи, бывшаго послушника старца Амвросія, Михаила Ѳедоровича Алексѣева. Новопостриженный изъ свѣтскаго званія; родомъ изъ дворянъ; образованіе получилъ сперва въ классической гимназіи, а затѣмъ въ Морскомъ училищѣ. По окончаніи курса училища, г. Алексѣевъ поступилъ на службу во флотъ, прослужилъ восемь лѣтъ, совершилъ за это время два кругосвѣтныя плаванія и въ 1890 году вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана перваго ранга. Подъ вліяніемъ совѣтовъ отца Іоанна Кронштадтскаго, Алексѣевъ поступилъ въ Оптину пустынь и *подъ руководствомъ старца отца Амвросія проходилъ послушаніе* въ теченіе года. Постриженіе г. Алексѣева совершено, конечно, не случайно, 10 октября, въ годовщину кончины отца Амвросія.

Въ тотъ же день, въ той же Духовной Академіи совершено было постриженіе другаго дворянина, Владиміра Михайловича Машкина, который, такъ же, какъ и г. Алексѣевъ, кончилъ курсъ въ Морскомъ училищѣ, а затѣмъ служилъ во флотѣ офицеромъ.

* * *

Въ числѣ многихъ нашихъ церковныхъ обществъ и братствъ, преслѣдующихъ *просвѣтительныя* задачи, Петербургское *„Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви“* занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по той замѣчательной энергіи, которую проявляетъ въ дѣлѣ. Общество это одно изъ молодыхъ, но своимъ ревностнымъ отношеніемъ къ поставленной цѣли оно успѣло уже завоевать себѣ общія симпатіи, какъ простаго народа, такъ и образованныхъ людей. Мы постараемся дать здѣсь краткій очеркъ дѣятельности Общества за все время его существованія.

Возникло Общество въ то время, когда броженіе въ русскомъ обществѣ достигло своего апогея, когда политическій развратъ и общая расшатанность умовъ заставляли серьезно задуматься о положеніи дѣла и выходѣ изъ него. Въ это время, въ началѣ 1880 года среди болѣе ревностныхъ пастырей Петербурга возникла мысль о необходимости устройства религіозно-нравственныхъ ученій и бесѣдъ въ храмахъ, общественныхъ залахъ, на заводахъ, въ тюрьмахъ и частныхъ домахъ. Это вызывалось потребностью распространять какъ можно шире среди народа и общества религіозно-нравственное просвѣщеніе. Для осуществленія этой цѣли рѣшено было основать особое общество. Ровно черезъ годъ (4 апрѣля 1881 года) организовавшееся „Общество“ получило Высочайше утвержденіе и открыло свою дѣятельность. По уставу цѣлью Общества служитъ: *утвержденіе и распространеніе во всѣхъ слояхъ Русскаго народа истинныхъ понятій о православной вѣрѣ и благочестіи.* Средствами для этого могутъ быть: а) церковныя бесѣды, б) домашнія собесѣдованія и чтенія, в) печатаніе и распространеніе самыхъ чтеній, а по мѣрѣ возможности, и другихъ книгъ, соотвѣтствующихъ цѣлямъ Общества. Въ первый же годъ своего существованія Общество въ лицѣ своихъ членовъ-дѣятелей открыло бесѣды въ 11 приходскихъ церквахъ и домовой церкви С.-Петербургской Духовной Академіи и пяти общественныхъ и частныхъ залахъ, и въ первый же годъ Общество встрѣтило въ населеніи Петербурга такое дружественное сочувствіе къ своей дѣятельности, которое показало, что успѣхъ этой дѣятельности обезпеченъ. Съ того времени внѣбогослужебныя бесѣды ведутся членами Общества почти безпрерывно въ различныхъ мѣстахъ, такъ что нѣтъ уже въ обширной столицѣ такого района, въ которомъ бы въ то или другое время не было бесѣдъ, слушателями которыхъ всегда являлись сотни, а въ

нѣкоторыхъ храмахъ — тысячи людей. Бесѣды велись и ведутся, кромѣ храмовъ и общественныхъ залъ, еще въ помѣщеніи столичныхъ фабрикъ и заводовъ, въ помѣщеніи учебныхъ заведеній, въ пріютахъ, въ ночлежныхъ домахъ, въ чайной Общества трезвости. Въ общемъ, бесѣды велись въ прошломъ году въ пятнадцати столичныхъ приходскихъ и домовыхъ церквахъ и 16 общественныхъ и частныхъ залахъ; а количество слушателей этихъ бесѣдъ въ годъ достигаетъ цифры 300 тысячъ человѣкъ.

Въ 1887 году въ ряды проповѣдниковъ Общества вступили студенты С.-Петербургской Духовной Академіи. Это сразу дало возможность Обществу расширить свою дѣятельность. Члены Общества — священнослужители въ своей проповѣднической дѣятельности связаны предѣлами своего прихода или даже одного своего приходскаго храма; они, за исключеніемъ самыхъ рѣдкихъ случаевъ, не могутъ *свободно* являться въ различныхъ концахъ столицы, удовлетворяя потребности времени.

Студенты Академіи вовремя явились помощниками пастырей въ этомъ дѣлѣ, готовые идти всюду, куда укажутъ, для проповѣди слова Божія; они сдѣлались какъ бы *застрѣльщиками* этого, по истинѣ, боеваго общества. Только благодаря ихъ содѣйствію возможно было открыть бесѣды въ такихъ мѣстахъ, какъ ночлежные дома или въ молитвенномъ домѣ при дворѣ ломовыхъ извощиковъ. Умилительно читать описаніе того, какъ ревностные студенты *отыскивали* сами мѣста для назидательнаго веденія бесѣдъ съ рабочимъ людомъ. Благодаря имъ, быть-можетъ, не одна погибающая въ столичномъ омутѣ душа спасена, благодаря имъ стало возможнымъ массовое появленіе въ столичныхъ храмахъ великимъ постомъ цѣлыхъ отрядовъ ночлежниковъ и разныхъ безпріютныхъ, желавшихъ приступить къ таинству св. причащенія. Нечего и говорить, что для самихъ студентовъ такая дѣятельность служитъ лучшею школой, возбуждающею стремленіе къ принятію пастырскаго сана и подготовляющею къ нему.

Въ 1887 году Общество устроило народный хоръ. Дѣло это возникло естественно. Предъ началомъ каждой бесѣды и по окончаніи ея уставомъ Общества предписывается пѣніе церковныхъ молитвъ. Для осуществленія этого пришлось сначала священникамъ самимъ разучивать съ народомъ наиболѣе употребительныя пѣснопѣнія; затѣмъ Общество должно было нанять спеціальное лицо для подготовленія народа къ пѣнію молитвъ и пѣснопѣній. Желающихъ пѣть явились сотни, люди самаго разнообразнаго

положенія и состоянія и обоего пола: чернорабочіе и солдаты, приказчики и разночинцы, люди образованные и только читающіе, старики и молодые, мужчины и женщины — слились въ одинъ стройный хоръ. Явилась при этомъ потребность въ изданіи нѣкоторыхъ молитвословій и пѣснопѣній. Сначала народный хоръ спѣвался въ Педагогическомъ Музеѣ, и когда разучилъ вечерню, молебенъ, панихиду и литургію, то выступилъ со своимъ пѣніемъ при отправленіи торжественныхъ панихидъ и молебствій, совершавшихся членами совѣта Общества, а также вечеренъ и раннихъ обѣденъ въ Казанскомъ соборѣ. Въ настоящее время народный хоръ состоитъ изъ 250 человѣкъ; поетъ постоянно вечерни и раннія литургіи въ Казанскомъ соборѣ.

Въ томъ же 1887 году положено было основаніе при Обществѣ безплатной библіотеки религіозно-нравственныхъ книгъ, съ читальней при ней и отдѣломъ продажи книгъ. Мысль о библіотекѣ принадлежитъ свѣтскимъ членамъ Общества; одинъ изъ нихъ самъ, посредствомъ ревностнаго слушанія и чтенія проповѣдей, нашелъ душевный миръ и теперь является незамѣнимымъ сотрудникомъ Общества по организаціи бесѣдъ и веденію книжнаго дѣла. Библіотека, составленная отчасти изъ книгъ пожертвованныхъ частными лицами, отчасти изъ купленныхъ, находится при Педагогическомъ Музеѣ военно-учебныхъ заведеній въ Соляномъ Городкѣ. Для открытой при библіотекѣ читальни выписываются почти всѣ духовные журналы. Въ настоящее время въ библіотекѣ находится около 18.000 книгъ. Кругъ читателей духовной библіотеки весьма обширенъ и разнообразенъ; книгами пользуются лица всѣхъ сословій и званій. Потребность и влеченіе къ чтенію духовно-нравственныхъ книгъ видимо развивается; развивается и знакомство образованныхъ людей съ духовною литературой, посредствомъ чтенія духовныхъ журналовъ. Многіе изъ людей простаго званія, какъ-то: крестьяне, воинскіе чины, не только читаютъ сами, но, внеся большой залогъ, получаютъ изъ библіотеки значительное число книгъ и раздаютъ ихъ среди своихъ знакомыхъ и товарищей, стараясь распространять чтеніе слова Божія въ той средѣ, въ которой сами находятся.

Съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе выяснялась необходимость для Общества имѣть свое собственное помѣщеніе для безостановочнаго и безпрепятственнаго веденія бесѣдъ въ теченіе всего года. Члены Общества ревностно стали искать средствъ для осуществленія этой мысли, и уже въ мартѣ 1890 года

неизвѣстный благотворитель пожертвовалъ въ пользу Общества 150.000 рублей со специальною цѣлью: обратить эти деньги въ фондъ на постройку для Общества, въ благодарную память о чудесномъ событіи 17 октября, трехпридѣльнаго храма для ежедневнаго богослуженія и при немъ залы для веденія религіозно-нравственныхъ бесѣдъ. Въ настоящее время началась уже постройка этого храма въ центрѣ города; храмъ будетъ на 1.500 человѣкъ и при немъ зала также на 1.500 человѣкъ. А пока Общество уже выстроило временный деревянный храмъ, въ которомъ ежедневно совершается литургія. Ежедневно же за литургіей произносится поученіе, а за всенощной—бесѣда. Пѣніе въ храмѣ всенародное.

Теперь, конечно, очень трудно говорить о количествѣ той душеспасительной пользы, которую принесло народу Общество за время своего существованія. Опредѣленнаго мѣрила здѣсь нѣтъ. Но все-таки мы имѣемъ право судить о благотворности того или другаго дѣла по нѣкоторымъ признакамъ. Такимъ опредѣляющимъ признакомъ въ данномъ случаѣ служитъ отношеніе народа къ предлагаемымъ ему Обществомъ бесѣдамъ и чтеніямъ. По единогласному свидѣтельству членовъ Общества—проповѣдниковъ, вниманіе публики къ бесѣдамъ трогаетъ до глубины души; необычайная тишина, благоговѣйное настроеніе, частое осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, иногда глубокіе вздохи и слезы умиленія, сосредоточенное вниманіе къ каждому слову проповѣдника—все это говоритъ о благотворномъ дѣйствіи бесѣдъ на слушателей. Видѣть на бесѣдахъ слушателей плачущими — нерѣдкость. Многіе по окончаніи бесѣдъ шумно выражаютъ проповѣднику благія пожеланія, многіе стараются лично его поблагодарить, пожимая руку его со слезами на глазахъ. Подъ вліяніемъ бесѣдъ были случаи почти радикальной перемѣны образа жизни. Нѣкоторые съ перваго же чтенія бросали пьянство; рабочіе стали лучше относиться къ семействамъ и болѣе прилежны къ храму Божію. Въ послѣднее время столичныя церкви стали переполняться по праздникамъ; болѣе пятнадцати новыхъ церквей построилось и строится въ послѣднее десятилѣтіе. О сочувствіи народномъ Обществу можно судить уже по тому факту, что Общество всегда находитъ себѣ матеріальную поддержку особенно среди тѣхъ лицъ, которыя обязаны Обществу своимъ духовнымъ обновленіемъ.

Намъ остается сказать теперь только *о задачахъ* дѣятельности Общества *въ ближайшемъ будущемъ*, какъ эти задачи сознаются

его членами-дѣятелями или какъ онѣ вытекаютъ изъ цѣли преслѣдуемой Обществомъ. Эти ближайшія задачи намѣчены новымъ предсѣдателемъ совѣта Общества, молодымъ энергичнымъ проповѣдникомъ отцомъ Философомъ Орнатскимъ—на общемъ собраніи членовъ Общества, бывшемъ 23 сентября. На первую очередь имъ былъ поставленъ вопросъ о взаимномъ обученіи членовъ Общества церковному ораторскому искусству, посредствомъ произнесенія проповѣдей и критическаго разбора ихъ въ закрытыхъ братскихъ собраніяхъ. Затѣмъ возбужденъ вопросъ объ устройствѣ религіозно-нравственныхъ бесѣдъ для высшаго интеллигентнаго общества; предположено организовать рядъ чтеній научно-богословскаго и апологетическаго характера. Къ участію въ этихъ бесѣдахъ рѣшено привлечь священниковъ съ высшимъ богословскимъ образованіемъ и нѣкоторыхъ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи. Точно также предположено открыть бесѣды съ пашковцами и съ раскольниками и выпустить въ большомъ количествѣ особые печатные листки-брошюры для простаго народа съ изложеніемъ христіанскаго вѣроученія, въ обличеніе пашковской ереси.

Намъ кажется, что самая главная задача, на которую слѣдуетъ обратить Обществу особенное вниманіе, это устройство религіозно-нравственныхъ бесѣдъ съ образованными людьми. Это дѣло первой важности и поставлено на очередь потребностью нашего времени. Никто не станетъ спорить съ тою мыслью, что религіозное сектантство въ нашемъ образованномъ обществѣ развито едва ли не гораздо сильнѣе, чѣмъ въ народѣ. Это фактъ общеизвѣстный; на него указывали и лучшіе наши церковные проповѣдники, какъ преосвященный Никаноръ или преосвященный Амвросій. Но на ряду съ этимъ фактомъ замѣчателенъ и другой фактъ почти полнаго отсутствія борьбы служителей слова Божія съ сектантствомъ образованныхъ классовъ. Дабы не было недоразумѣній, мы должны оговориться, что подъ борьбой мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, не столько обличеніе и критику, сколько *положительное изложеніе христіанскаго вѣроученія*, изложеніе посредствомъ ли печати, или же публичныхъ чтеній, или другимъ способомъ—это все равно. Въ этомъ положительномъ изложеніи центръ тяжести, такъ какъ сектантство въ образованномъ обществѣ имѣетъ своею причиной преимущественно *полное незнаніе* истинъ христіанскаго вѣроученія. Въ этомъ положительномъ изложеніи и заключается сущность внѣбогослужеб-

ныхъ бесѣдъ съ простымъ народомъ, и какіе прекрасные плоды оно приноситъ! Странное дѣло! Сколько существуетъ братствъ для распространенія христіанскаго просвѣщенія среди простаго народа или среди инородцевъ, сколько различныхъ обществъ поставили себѣ цѣлью борьбу съ народнымъ сектантствомъ, сколько употребляется усилій на привлеченіе къ Церкви раскольниковъ! Отчего же на ряду съ этими обществами не существуетъ не только общества, но даже кружка, съ цѣлью распространять знаніе православнаго христіанскаго вѣроученія среди образованнаго общества и тѣмъ бороться противъ индифферентизма или сектантства среди него? Неужели эта цѣль недостаточно велика, чтобъ объединить между собою нѣсколькихъ ревностныхъ православныхъ людей, которыхъ такое множество и среди общества? Мы не предрѣшаемъ здѣсь этого вопроса, но для выясненія его укажемъ на нѣсколько фактическихъ данныхъ.

Прежде всего представляется вопросъ — есть ли въ самомъ обществѣ потребность знакомиться съ православнымъ христіанскимъ вѣроученіемъ? И на этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Въ отчетахъ того же „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“ находимъ такое свѣдѣніе: въ началѣ 1891 года въ Петербургѣ состоялось братское собраніе столичныхъ пастырей для обсужденія слѣдующаго вопроса: „въ совѣтъ Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія поступаютъ заявленія свѣтскихъ лицъ, получившихъ высшее и среднее образованіе, съ просьбой дать имъ возможность въ домашнихъ кружкахъ слушать отъ имени Общества религіозныя бесѣды; какъ смотрѣть на такого рода заявленія?“ Фактъ этотъ говоритъ самъ за себя. Намъ самимъ лично извѣстны случаи, когда преподаватели нѣкоторыхъ духовныхъ семинарій устраивали рядъ публичныхъ религіозно-нравственныхъ чтеній для образованной публики и всегда съ громаднымъ успѣхомъ. Священникъ С.-Петербургской Покровской церкви отецъ Акимовъ организовалъ при своей церкви отдѣльный (кромѣ общенароднаго) хоръ любителей (изъ интеллигентныхъ исключительно мужчинъ и женщинъ, есть институтки, студенты и пр.), который собирается для спѣвокъ въ квартиру священника. Собралось пока человѣкъ 25, но сочувствіе этому слышится отовсюду и интеллигентная молодежь обѣщаетъ поддержку.

Стало-быть, потребность въ обществѣ слышать духовныя бесѣды, жить обще-церковною жизнью несомнѣнно существуетъ.

Нужно только умѣнье удовлетворить эту потребность. „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“ съ самаго начала своего существованія стремилось удовлетворить эту потребность. Не разъ оно устраивало рядъ публичныхъ чтеній для интеллигентной публики. Кромѣ того, иногда устраивались бесѣды въ нѣкоторыхъ великосвѣтскихъ домахъ для избраннаго круга людей. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ отчетахъ Общества никакихъ указаній на то, по какой программѣ велись эти бесѣды въ великосвѣтскихъ домахъ, а также, какіе видимые результаты этихъ бесѣдъ. А это очень важно. Изъ отчетовъ мы видимъ только, что дѣло проповѣдничества среди образованнаго общества до сихъ поръ поставлено на не твердую, случайную почву; оно имѣетъ характеръ только попытокъ. Почтенный отецъ предсѣдатель совѣта Общества полагаетъ, что „частью это зависѣло отъ неимѣнія удобнаго, всегда открытаго для Общества помѣщенія, которымъ оно могло бы воспользоваться для этой цѣли“. Намъ кажется, это не особенно важно. Дѣло распространенія среди образованныхъ людей религіозно-нравственнаго просвѣщенія нельзя ограничить узкими рамками только чтеній и бесѣдъ. Образованное общество наше болѣе привыкло къ печатному слову, чѣмъ къ устному, и на это надо обратить вниманіе. *Изданіе брошюръ и книгъ, изданіе даже повременнаго органа—вотъ средства наиболѣе сильныя для достиженія намѣченной цѣли.* „Общество распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“ до сихъ поръ эти средства не употребляетъ, а могло бы и въ эту сторону направить свою дѣятельность. Какъ обширна и глубока христіанская апологетическая литература! Какіе глубокіе и точные отвѣты можетъ найти въ ней каждый совопросникъ нашихъ дней! Какое великое дѣло было бы издать общедоступно лучшіе апологетическіе труды всѣхъ временъ и народовъ! Мы положительно убѣждены, что это было бы лучшимъ противоядіемъ противъ современной антицерковной литературы. Печатное слово должно идти рука объ руку съ устнымъ, и эта дѣятельность предстоитъ „Обществу распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“, если оно хочетъ достигнуть намѣченной цѣли.

Но оно ее достигнетъ непремѣнно. Мы въ это вѣримъ, видя громадные результаты только десятилѣтней дѣятельности Общества. Отъ этой дѣятельности вѣетъ такою энергіей, такимъ молодымъ одушевленіемъ и упорствомъ въ достиженіи намѣченной

цѣли, такою святою ревностью о благѣ ближнихъ, темныхъ людей, что наша увѣренность получаетъ свое оправданіе. И, самое главное, Общество не успокаивается на извѣстной, разъ достигнутой, цѣли, не удовлетворяется извѣстнымъ положеніемъ дѣла, а стремится все къ большему и къ лучшему. Это, правда, грозитъ въ будущемъ Обществу нѣкоторою разбросанностью, но въ то же время служитъ лучшею гарантіей успѣха задуманнаго дѣла и плодотворности его.

Отъ души привѣтствуемъ Петербургское Общество и желаемъ ему прогрессивно развивать свою дѣятельность въ томъ же направленіи распространенія среди народа и общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви и всѣми средствами, освященными Церковью. *Отъ души порадовались бы, еслибъ и въ другихъ центрахъ общественной и народной жизни возникли подобныя же „боевыя“ Общества съ подобными святыми задачами.*

* * *

Отрадныя вѣсти идутъ къ намъ изъ Новаго Свѣта. По сообщенію *Церковнаго Вѣстника*, въ С.-Франциско августа 16 (28) сего года въ каѳедральной церкви св. Василія Великаго происходило радостное торжество, возвращеніе въ лоно Православной Церкви цѣлаго уніатскаго прихода изъ 500 душъ со своимъ священниковъ Алексѣемъ Товтомъ во главѣ, въ городѣ Менеаполисѣ. По случаю присоединенія былъ отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ преосвященнымъ Николаемъ съ каѳедральнымъ духовенствомъ; предъ молебствіемъ былъ прочитанъ указъ Св. Синода о принятіи новаго прихода въ алясквнскую епархію. Тогда же совершено рукоположеніе во пресвитера перваго изъ уроженцевъ Соединенныхъ Штатовъ, іеродіакона Севастіана, который родился и воспитанъ въ С.-Франциско. Новопоставленный іеромонахъ Севастіанъ назначенъ миссіонеромъ Калифорніи, Орегона и Вашингтонской территоріи; на этомъ пространствѣ живутъ до 2.000 православныхъ, не имѣя даже часовни. На торжествѣ присоединенія въ церкви присутствовала масса народа: тутъ были и католики, и протестанты, и именующіеся христіанами, но не причисляющіеся пока ни къ какому обществу.

Въ свою очередь *Моск. Вѣд.* изъ вполнѣ достовѣрнаго источника сообщаютъ, что, съ прибытіемъ въ С.-Франциско епископа

Алеутскаго и Аляскинскаго преосвященнаго Николая, въ Соединенныхъ Штатахъ сильно проявляется особенный интересъ къ православію. „Старо-католическій архіепископъ Вилаттъ пригласилъ къ себѣ преосвященнаго. Пресвитеръ епископальной церкви Ореннъ, письмомъ изъ Гринбея, просилъ епископа Николая доставить ему православный катехизисъ въ понятномъ для него переводѣ, что̀ и было исполнено. Кромѣ того, 148 человѣкъ русскихъ уніатовъ штата Иллинойсъ уже подали преосвященному формальное прошеніе о принятіи ихъ въ лоно православія. Дѣлу данъ надлежащій ходъ и просьба отправлена въ Св. Синодъ съ необходимымъ заключеніемъ.“

—Ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Свиданіе Германскаго императора съ императоромъ Австрійскимъ.—Германскій военный законопроектъ. — Умныя рѣчи *Гамбургскихъ Извѣстій*. — Стачка въ Кармо.—Памяти Кольцова.

Императоръ Вильгельмъ довольно неожиданно и весьма поспѣшно собрался навѣстить своего августѣйшаго друга и союзника, императора Франца-Іосифа.

При всей живости и подвижности молодаго Германскаго императора, къ которымъ всѣ уже успѣли достаточно привыкнуть, послѣдняя поѣздка его въ Вѣну носила характеръ какой-то *особенной* спѣшности и неотложности. Въ самомъ дѣлѣ, только-что вернувшись въ Потсдамъ изъ Веймара, гдѣ присутствовалъ на празднествахъ въ честь золотой свадьбы великогерцогской четы, императоръ Вильгельмъ уже черезъ нѣсколько часовъ спѣшитъ выѣхать въ Вѣну, куда, для встрѣчи и пріема своего августѣйшаго гостя, и императору Францу-Іосифу пришлось спѣшно выѣхать изъ своей мадьярской столицы, Будапешта, гдѣ присутствіе его являлось необходимымъ, въ виду засѣдавшихъ тамъ въ то время австро-венгерскихъ делегацій, обсуждавшихъ весьма важныя дѣла имперской политики.

Чѣмъ же было вызвано столь экстренное свиданіе двухъ вѣнценосныхъ союзниковъ?

Органы офиціозной германской печати съ особеннымъ усердіемъ настаивали, что, отправляясь въ Вѣну, императоръ Вильгельмъ не имѣлъ въ виду ничего иного, кромѣ простой учтивости по отношенію къ своему маститому другу и союзнику да

желанія развлечься охотой и театральными зрѣлищами, причемъ, какъ на несомнѣнное доказательство отсутствія всякой политической подкладки, указывали на то, что среди лицъ свиты Германскаго императора не было ни одного министра.

Уже самое это усердіе и настойчивость германскихъ офиціозовъ невольно наводятъ на мысль о желаніи ихъ отвести кому слѣдуетъ глаза и замести слѣды истинной сути указаннаго событія...

И дѣйствительно, стóитъ только вдуматься въ современное политическое настроеніе важнѣйшихъ европейскихъ державъ, чтобы съ несомнѣнною очевидностью разгадать истинную цѣль поѣздки въ Вѣну Германскаго императора.

Въ *Современной Лѣтописи* прошлаго мѣсяца мы отмѣтили политическое настроеніе Италіи, ясно сказавшееся во время Генуэзскихъ празднествъ, а разбирая затѣмъ тронную рѣчь Австрійскаго императора, мы указали на современное настроеніе Австріи, позволивъ себѣ изо всего этого сдѣлать тотъ выводъ, что дѣла тройственнаго союза идутъ, повидимому, не особенно блестяще, и что прочности его начинаетъ угрожать нѣкоторая опасность. Такой порядокъ вещей, разумѣется, долженъ былъ встревожить Германію, главную создательницу и вдохновительницу этого союза, въ особенности въ виду того, что политическая дружба Франціи съ Россіей за нынѣшній годъ значительно возрасла и окрѣпла...

И вотъ, Германскій императоръ, вскорѣ послѣ указанныхъ нами событій (и притомъ *сейчасъ же* послѣ тронной рѣчи Австрійскаго императора), спѣшитъ въ Вѣну для личныхъ объясненій съ главнымъ изъ своихъ союзниковъ и его ближайшими помощниками въ дѣлахъ государственнаго управленія. Отсутствіе въ свитѣ Германскаго монарха министровъ ровно ничего не доказываетъ, кромѣ только того, что̀ давно уже всѣмъ извѣстно, а именно, что Вильгельмъ II небольшой охотникъ до совѣтчиковъ и руководителей и самъ хочетъ быть своимъ первымъ министромъ.

Главнымъ предметомъ бесѣды державныхъ союзниковъ долженъ былъ быть несомнѣнно новый германскій военный законопроектъ.

* * *

Благодаря нескромности *Кельнской Газеты*, какимъ-то образомъ узнавшей и преждевременно разгласившей (къ полному негодованію графа Каприви) текстъ новаго военнаго законопроекта, мы можемъ видѣть, что основнымъ положеніемъ его является *самое полное напряженіе германскихъ національныхъ военныхъ силъ*, то-есть созданіе такого рода организаціи, въ которой нашли бы себѣ мѣсто *всѣ дѣйствительно способные къ военной службѣ*, благодаря чему германская армія, по разсчету Нѣмцевъ, превзойдетъ количествомъ своихъ солдатъ военныя силы Франціи и почти сравняется съ военными силами Россіи. Для достиженія этой цѣли трехгодичный срокъ дѣйствительной службы нѣмецкаго солдата сокращается *до двухъ лѣтъ*, и для содержанія огромной арміи вводятся новыя, обременительныя подати.

Принося эту новую жертву цѣлямъ тройственнаго союза, Германія, повидимому, разсчитывала, что, по крайней мѣрѣ, главная союзница ея, Австро-Венгрія, пойдетъ ради общихъ интересовъ по тому же пути. Но тронная рѣчь Австрійскаго императора и послѣдовавшія за ней дальнѣйшія разъясненія его министровъ должны были совершенно разочаровать въ этомъ отношеніи его союзника. Ради личныхъ объясненій по этому поводу онъ, очевидно, и предпринялъ свою спѣшную поѣздку въ Вѣну...

Пріемъ былъ, конечно, необыкновенно предупредителенъ и любезенъ, и императору Вильгельму пришлось, вѣроятно, выслушать по своему адресу очень много лестнаго, но сущность дѣла осталась, конечно, тою же, и Австрія, вѣроятно, печально сославшись на недостатокъ средствъ, осталась при своихъ прежнихъ намѣреніяхъ и любезныхъ увѣреніяхъ въ своей непоколебимой преданности и неизмѣнной вѣрности...

По возвращеніи императора Вильгельма въ Германію, отчасти, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этой поѣздки, отчасти подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, нерасположеннаго къ новому законопроекту, чуть-было, повидимому, не рѣшено было отложить его до болѣе благопріятнаго времени, но страстное желаніе Германскаго императора обладать арміей, почти равною арміи Россіи, и стремленіе графа Каприви содѣйствовать осуществленію этого желанія одержали верхъ, и германскому рейхстагу будетъ, вѣроятно, предложено въ предстоящую сессію высказаться по поводу новаго военнаго законопроекта.

Но даже если этому законопроекту и суждено будетъ пройти

благополучно въ рейхстагѣ, дѣйствительно ли выиграетъ отъ этого Германія?

Едва ли. Не говоря уже о тяжелыхъ, крайне обременительныхъ для государства матеріальныхъ затратахъ, объ ухудшеніи качества солдатъ вслѣдствіе уменьшенія срока службы, самая мысль сравняться въ количествѣ съ арміей Россіи является крайне эфемерною, ибо, когда Германія, ради выполненія своей задачи, достигнетъ крайняго напряженія своихъ силъ, Россія въ состояніи будетъ, далеко не напрягая всѣхъ своихъ силъ, удвоить свою армію.

Увлеченіе графа Каприви представляется тѣмъ болѣе страннымъ, что не болѣе какъ годъ тому назадъ онъ же самъ подсмѣивался надъ такого рода rage des nombres, справедливо доказывая, что на войнѣ главную роль всегда будетъ играть качество солдатъ, а не ихъ количество.

Впрочемъ, паническая боязнь войны на два фронта, непобѣдимый страхъ предъ Россіей и ненависть къ ней могутъ и не до того еще довести нашихъ западныхъ сосѣдей...

* * *

Эта ненависть къ Россіи, это недовѣріе къ ней составляютъ отличительную черту большинства народовъ Запада...

Впрочемъ, въ послѣднее время и на Западѣ, и притомъ даже среди самихъ Нѣмцевъ, раздается иногда умное слово объ этой ненависти къ Россіи. Одно изъ такихъ умныхъ словъ мы приводили прошлый разъ, цитируя статью о Россіи профессора Вирхова.

Другое такое умное слово мы находимъ теперь въ передовой статьѣ *Гамбургскихъ Извѣстій*, такъ и озаглавленной *„Ненависть къ Россіи“*.

Приводимъ здѣсь эту замѣчательную нѣмецкую статью въ русскомъ переводѣ:

„Можно съ достовѣрностью утверждать, что ни про одно государство не распространяется столько неправды, сколько про Россію. *Разсказы, которые печатаются про Россію въ англійскихъ, австрійскихъ и германскихъ газетахъ изъ-года-въ-годъ, оставляютъ далеко за собою фантастическія измышленія американскихъ репортеровъ.* Случится гдѣ-нибудь какая-нибудь несправедливость, — тотчасъ же упомянутая печать пускаетъ въ ходъ

всѣ старанія, чтобы доказать, что Россія виновата въ этомъ, *Россію дѣлаютъ отвѣтственною за незаконное положеніе, господствующее въ Болгаріи.* Россія всюду ищетъ придирокъ, Россія грубо обращается и оскорбляетъ Англичанъ, Россія — это помѣха миру Европы, Россія постоянно строитъ козни и безъ ея непрекращающихся интригъ все и всѣ могли бы жить въ мирѣ и спокойствіи! Чѣмъ невѣроятнѣе всѣ эти обвиненія, чѣмъ болѣе они противорѣчатъ фактамъ, тѣмъ съ большимъ рвеніемъ они распространяются и тѣмъ болѣе должны были бы возбуждать вопросъ: откуда этотъ гнѣвъ, откуда эта ненависть? Отвѣтъ на это найти легко, но нельзя его выразить однимъ словомъ, такъ какъ ненависть происходитъ отъ сложныхъ причинъ. Съ австрійской и англійской стороны, безъ сомнѣнія, играетъ главную роль столкновеніе интересовъ: между этими государствами и Россіей идетъ постоянная, непрерывная борьба, то скрытая, то явная, въ которой пускаются въ ходъ всѣ средства и которая, конечно, находитъ свое выраженіе и въ печати. Далѣе имѣетъ значеніе тутъ и *ненависть демократизирующихъ элементовъ всей Европы противъ Россіи, являющейся до сихъ поръ стойкою преградой возникновенія въ Европѣ условій желательныхъ для упомянутыхъ элементовъ.* Затѣмъ почти все израильское населеніе всего свѣта, по понятнымъ причинамъ, питаетъ антирусскія стремленія, и мы не ошибемся, если скажемъ, что именно тутъ-то и заключается главный источникъ проявленія въ печати ненависти къ Россіи. Въ концѣ-концовъ и соболѣзнованія о балтійскихъ Нѣмцахъ партіи „Kreuzzeitung“ должны быть приняты въ соображеніе. Если сложить вмѣстѣ всѣ эти разнообразные факторы, дѣйствующіе противъ Россіи, то, конечно, нельзя удивляться постояннымъ нападкамъ и обвиненіямъ, которымъ подвергается Россія со стороны заинтересованной печати. Но тѣмъ не менѣе можно пожалѣть объ этомъ! Мы не чувствуемъ призванія выступить въ качествѣ адвоката Россіи и ея интересовъ и обѣлять ея недостатки, но мы находимъ плохою услугой, оказываемою нашимъ отношеніямъ къ Россіи, если наша печать будетъ относиться постоянно къ Россіи какъ къ дикой странѣ, относительно которой позволительны всякія выходки и которую можно унижать всевозможными подозрѣніями. Какъ аукнется, такъ и откликнется, и эта непрекращающаяся газетная полемика можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, вызвать такое непріятное положеніе, котораго можно было бы избѣжать. Небез-

опасно возбуждать ложное представленіе, путемъ намѣреннаго униженія русской силы, о той роли, которую Россія призвана будетъ играть въ политическомъ развитіи будущихъ событій. *Россія занимаетъ шестую часть земнаго шара, ея культурная работа въ Азіи имѣла поразительный успѣхъ; ея войско самое большое на свѣтѣ, а что касается финансоваго положенія, то еще никто не терялъ своихъ денегъ за Россіей, чего, однако, нельзя сказать о другихъ государствахъ. О внутреннихъ условіяхъ Россіи безпокоиться намъ нечего*: точно также намъ должно быть все равно, когда Россія приведетъ въ исполненіе свои планы на Черномъ Морѣ. Мы убѣждены, что какъ только Россія сдѣлается господиномъ воротъ своего дома, то она немедленно вынетъ изъ нихъ ключъ и окончательно повернется къ Азіи. Англію, конечно, это можетъ заботить, но насъ, Нѣмцевъ, обстоятельство это должно оставить вполнѣ равнодушными, и мы можемъ подождать, что̀ сдѣлаютъ непосредственно заинтересованныя въ этихъ вопросахъ державы. По условіямъ трактата мы обязаны лишь защищать территорію Австро-Венгріи отъ нападеній. Кто не довѣряетъ русскимъ цѣнностямъ—пусть не покупаетъ ихъ, а если владѣетъ ими, то пусть продастъ ихъ, и если нельзя заключить торговополитическаго соглашенія съ Россіей на выгодныхъ для Германіи условіяхъ, то пусть таковое остается незаключеннымъ—мы отъ этого не потерпимъ никакого ущерба. Но ради Австрійцевъ, Англичанъ и биржевой демократіи культивировать политическую и національную ненависть къ Россіи было бы не только безполезно, но даже, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, прямо вредно для насъ. Одно вѣрно: *Германія ничего не выиграетъ отъ войны, но за то многое поставитъ на карту.* Зачѣмъ же стремиться къ войнѣ? Ради какихъ интересовъ? Ужь, конечно, не ради интересовъ Германскаго государства и Германскаго народа!“

Умныя рѣчи пріятно и слушать!..

* * *

А „*демократизирующіе элементы Европы*“, о ненависти которыхъ къ Россіи говорится въ приведенной выше статьѣ, не перестаютъ давать о себѣ знать съ особенною силой, свидѣтельствуя о томъ, насколько осложнился и помутился во всеобщемъ сознаніи на Западѣ соціальный вопросъ.

Яркою иллюстраціей къ этому можетъ служить столь нашумѣвшая стачка углекоповъ въ Кармо, во Франціи.

Въ лишенныхъ здраваго смысла и логики требованіяхъ рабочихъ объ увольненіи не оскорбителей и воровъ, а оскорбляемыхъ и обокраденныхъ проглянуло такое полное пренебреженіе правъ и справедливости, возводимое съ откровеннымъ цинизмомъ въ принципъ, что дѣло, очевидно, представляется нешуточнымъ и наводитъ на грустныя размышленія...

Придуманный по этому случаю и только-что принятый французскою палатой новый законъ о третейскомъ разбирательствѣ споровъ между рабочими и хозяевами потерпѣлъ полное фіаско, ибо рѣшеніе третейскаго судьи, министра Лубе, хотя и полное всяческихъ уступокъ и компромиссовъ, не было принято рабочими, такъ какъ *не вполнѣ* удовлетворяло требованіямъ рабочихъ, чѣмъ воспользовались депутаты Клемансо, Пельтанъ и Мильеранъ, подстрекнувшіе рабочихъ Кармо нарушить слово, данное при выборѣ третейскаго судьи, сославшись на отсутствіе письменнаго обязательства. Агитаторамъ, разумѣется, не было никакого дѣла до дѣйствительныхъ нуждъ рабочихъ и до того, что тремъ тысячамъ семей придется жить впроголодь: стачка въ Кармо имъ была необходима лишь для того, чтобы подставить ногу настоящему кабинету и благодаря этому получить нѣсколько лишнихъ шансовъ къ собственному возвышенію.

Картинка эта говоритъ сама за себя и не требуетъ особыхъ комментарій...

* * *

А народный духъ Россіи, „*являющейся*,—по словамъ выше приведенной замѣчательно умной нѣмецкой статьи, — *до сихъ поръ стойкою преградой возникновенія въ Европѣ условій желательныхъ для упомянутыхъ (демократическихъ) элементовъ*“, праздновалъ на дняхъ (19 октября) свой великій поэтическій праздникъ. Мы разумѣемъ чествованіе памяти великаго истинно-народнаго поэта нашего, Кольцова, по поводу исполненія пятидесятилѣтія со дня его смерти.

Да, въ пѣсняхъ Кольцова мы имѣемъ удивительно художественное изображеніе поэтической стороны духа и быта нашего простаго народа, все еще, слава Богу, въ огромномъ большинствѣ своемъ непохожаго на демократію Западной Европы.

Отъ пѣсенъ Кольцова, этихъ истинно-народныхъ пѣсенъ, прошедшихъ чрезъ горнило души геніальнаго поэта, вѣетъ и воздухомъ полей, лѣсовъ и деревни, и поэзіей народнаго труда, народнаго горя и народнаго веселья, и трогательною нѣжностью, и—полною граціи—тихою грустью, и молодеческою удалью, широкимъ размахомъ богатырской натуры, и тонкою, остроумною ироніей, и глубиной серьезной думы, и высотой истинно-христіанскаго, православнаго міросозерцанія...

Поклонимся же глубокимъ русскимъ поклономъ великому народному поэту земли нашей за то, что онъ съумѣлъ подслушать чуткимъ сердцемъ и передать намъ вдохновеннымъ словомъ съ такою полнотой, разнообразіемъ и живостью истинную поэзію духа и быта нашего простаго народа.

Поклонимся ему и помолимся, по святому обычаю этого воспѣтаго имъ народа, объ упокоеніи души раба Божія Алексѣя, о прощеніи вольныхъ и невольныхъ грѣховъ этой страстной, впечатлительной, чуткой, многострадальной, поэтической душѣ и о водвореніи ея въ „селенія праведныхъ, идѣже нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе“...

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Исполненіе общей государственной росписи доходовъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1891 года сравнительно съ 1890 годомъ.—Слухи о внѣшнемъ займѣ и сообщеніе нашего финансоваго вѣдомства.—Окончательные выводы объ урожаѣ текущаго года.—Состояніе озимей.—Внѣшняя торговля.—*Особая коммиссія* подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Тура.

Нѣтъ сомнѣнія, что подробности исполненія росписи минувшаго голоднаго года могутъ интересовать не только спеціалиста по вопросамъ государственнаго хозяйства, но и всякаго русскаго человѣка, сознающаго, что его частное благосостояніе въ значительнѣйшей степени зависитъ отъ общаго благосостоянія его отечества, и потому мы сочли умѣстнымъ помѣстить этотъ документъ цѣликомъ, какъ онъ значится въ отчетѣ Государственнаго контролера, придавъ ему лишь нѣсколько иной внѣшній видъ, а именно расположивъ статьи прихода и расхода на двухъ противоположныхъ страницахъ, то-есть самымъ обычнымъ способомъ, принятымъ для веденія приходорасходныхъ книгъ. И вслѣдъ за нимъ помѣщаемъ сравнительную таблицу исполненія росписей 1890 и 1891 годовъ, расположивъ ихъ подобно первой таблицѣ.

Государственные расходы въ 1891 году, достигнувъ 1.115.646.703 рублей, превысили предполагавшіеся по смѣтѣ 962.302.521 руб. на 153.344.182 руб., но при этомъ надо замѣтить, что по росписи на 1891 годъ не предполагалось послѣднихъ шести статей расхода, начиная выкупомъ 1-го голландскаго займа и кончая расходами, вызванными неурожаемъ, кои въ совокупности состав ляютъ 169.346.639 руб. И въ то же время доходы, исчисленные по смѣтѣ въ 914.507.709 руб. (900.757.570 руб. обыкновенныхъ и 13.750.139 руб. чрезвычайныхъ), въ результатѣ дали болѣе противъ смѣтной суммы на 14.287.501 р., то-есть 934.669.539 р. И въ заключеніе расходы превысили доходы на 180.977.164 руб.

Исполненіе общей государственной росписи дохо

Приходъ.

	Р у б л и.	
Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ.	—	5.874.329
I. ОБЫКНОВЕННЫЕ ДОХОДЫ:		
1. Налоговъ прямыхъ.		
Подати и поземельный налогъ............	40.797.914	
За право торговли........................	34.071.619	
Сборъ съ доходовъ отъ денежн. капиталовъ.	12.151.345	87.020.878
2. Налоговъ косвенныхъ.		
Питейный доходъ........................	247.442.065	
Акцизъ съ табака........................	28.567.930	
Акцизъ съ свекло-сахарн. производства...	20.857.442	
Акцизъ съ освѣтительн. нефт. маслъ......	10.174.758	
Акцизъ съ зажигательныхъ спичекъ.......	4.690.179	
Таможенный доходъ.......................	128.438.082	
Гербовыя пошлины.......................	21.577.398	
Крѣпостныя судебныя и канцелярскія......	11.653.813	
Съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами....................	4.770 324	
Съ паспортовъ...........................	4.355.357	
Съ пассаж. ж. д., а равно съ перевозимыхъ по ж. д. грузовъ большой скорости......	8.849 177	
Съ застрахов. отъ огня имуществъ........	4.082.554	
Сборъ при увеличенiи содержанія состоящихъ на госуд. службѣ лицъ и при поступленіи на службу........................	1.442.643	
Пошлины разныхъ наименованій..........	6.354.757	503.256.480
3. Правительственныя регаліи.		
Горныя подати..........................	2.939.595	
Монетный доходъ........................	225.134	
Почтовый................................	20.744.801	
Телеграфный.............................	11.311.290	35.220.820
4. Отъ казенныхъ имуществъ.		
Съ отдѣльныхъ оброчныхъ статей.........	10.486 599	
Отъ продажи казенныхъ недвиж. имущ....	896.799	
Отъ лѣсовъ...............................	16.219.294	
Съ горныхъ заводовъ и промысловъ.......	6.500.030	
Отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.........	60.677.043	94.779.765
5. Выкупныхъ платежей.		
Съ бывш. помѣщичьихъ крестьянъ........	34.850.944	
Съ бывш. государственныхъ крестьянъ.....	34.197.960	69.048.904
6. Поступленій разнаго рода.		
Отъ техническихъ заведеній и отъ продажи книгъ, издаваемыхъ правительствомъ....	1.405.893	
Отъ продажи предметовъ казенн. хозяйства.	2.095 400	
Обязательные платежи обществъ жел. дор..	37.997.402	
Прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій.......	11.258.343	
Отъ частныхъ воспитанниковъ казенн. учебн. заведеній...........................	823.802	
Возвратъ ссудъ и др. расходовъ, отпущенныхъ изъ казны заимообразно..........	17.558.435	
Взысканія и штрафы.....................	1.369.553	
Пособіе госуд. казначейству изъ городскихъ доходовъ и другихъ источниковъ........	17.352.604	
Доходы разнаго рода.....................	9.700.905	99.562.338
Переносъ на 898 стр...		894.763.514

довъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1891 года.

Расходъ.

	Рубли.	
I. РАСХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ:		
Система государственнаго кредита	248.019.528	
Высшія государственныя учрежденія	2.647.812	
Вѣдомство Святѣйшаго Синода	11.340.407	
Министерство Императорскаго Двора	10.560.000	
Министерство Иностранныхъ Дѣлъ	4.783.501	
Военное Министерство	226.107.448	
Морское Министерство	45.468.267	
Министерство Финансовъ	113.426.571	
Министерство Государственныхъ Имуществъ	24.532.213	
Министерство Внутреннихъ Дѣлъ	80.203.205	
Министерство Народнаго Просвѣщенія	22.769.121	
Министерство Путей Сообщенія	56.148.403	
Министерство Юстиціи	23.874.338	
Государственный Контроль	4.220.319	
Главное Управленіе Госуд. Коннозаводства	1.247.699	
На покрытіе расходовъ по случаю возвышенія цѣнъ на провіантъ и фуражъ	—	
Расходы непредусмотрѣнные смѣтами на экстренныя, въ теченіе года, надобности	—	875.348.831
Переносъ на 899 стр.		875.348.831

Исполненіе общей государственной росписи дохо

Приходъ.

		Рубли.
Переносъ съ 896 стр...		894.763.514
II. ОБОРОТНЫЯ ПОСТУПЛЕНІЯ.		
Отъ приготовленія на казенныхъ горныхъ заводахъ металловъ и издѣлій, отпускаемыхъ вѣдомствамъ Военному и Морскому.	2.197.764	
Отъ отпуска по Военному и Морскому Министерствамъ провіанта, фуража и другаго казеннаго имущества посторониимъ вѣдомствамъ и въ возмѣщеніи разныхъ издержекъ, производимыхъ одними управленіями за счетъ другихъ...........	507.373	2.705.137
III. ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ РЕССУРСЫ.		
Военное вознагражденіе.................	4.276.001	
Вклады въ Госуд. Банкъ на вѣчное время.	1.843.288	
Суммы поступившія отъ жел. дорогъ въ возвратъ позаимствованій изъ Государственнаго Казначейства.....................	24.267.421	
Освободившіеся спеціальные капиталы, обращаемые въ общія средства Государственнаго Казначейства..................	6.412.188	
Въ уплату долга Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита правительству по облигаціонному займу и по возмѣщенію части вспомогательнаго капитала употребленнаго на нужды конверсіи 5% металл. листовъ Общества......................	63.340	
Свободные остатки капиталовъ жел. дор., перешедшихъ въ собственность казны....	338.651	37.200.889
		934.669.539
Превышеніе расходовъ надъ доходами		*180.977.164*
		1.115.646.703

довъ и расходовъ за смѣтный періодъ 1891 года.

		Расходъ.
		Р у б л и.
Переносъ съ 897 стр...		875.348.831
II. РАСХОДЫ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ.		
Сооруженіе желѣзн. дорогъ и портовъ........	44.297.210	
Расходы по перевооруженію	26.154.023	
Заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія	500.000	
Выкупъ перваго голландскаго займа..........	17.002.388	
Выкупъ перваго $4^1/_2$% займа	11.092.864	
Выкупъ втораго $4^1/_2$% займа................	36.038.790	
Выкупъ 5% облигацій Шуйско-Иванов. ж. д..	4.914.830	
На доплату по произведеннымъ въ 1891 году конверсіи и выкупу $4^1/_2$% консолидированныхъ облигацій Россійскихъ желѣзн. дорогъ 5 выпуска	25.261.376	
На расходы вызванные неурожаемъ.........	75.036.391	240.297.873
		1.115.646.703

Приходъ. **Сводъ заключенной росписи доходовъ и рас...**

Государственные доходы.	Суммы, поступившія въ счетъ росписей: 1890 г. Рубли.		1891 г. Рубли.	
Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ:				
а) по обыкнов. расходамъ........	7.133.470		4.187.268	
б) по чрезвыч. „	1.947.701	9.081.171	1.687.061	5.874.3[illegible]
I. Обыкновенные доходы (прямые и оборотные).				
Налоги:				
а) прямые налоги (подати и за право торговли)........	89.183.603		87.020.878	
б) косвенные налоги (сборы, акцизы и пошлины).................	535.986.351		503.256.480	
Правительственныя регаліи.......	34.228.112		35.220.820	
Отъ казенныхъ имуществъ.......	85.354.231		94.779.765	
Выкупные платежи съ бывшихъ помѣщичьихъ и государствен. крестьянъ.	88.232.197		69.048.904	
Поступленія разнаго рода........	106.959.961		99.562.337	
Оборотныя поступленія...........	3.741.315	943.685.770	2.705.137	891.594.32[illegible]
II. Чрезвычайные рессурсы.				
Военное вознагражденіе..........	8.359.726		4.276.001	
Вклады въ Государственный Банкъ на вѣчное время..................	722.082		1.843.288	
Суммы, поступившія отъ желѣзн. дорогъ въ возвратъ позаимствованій изъ Государственнаго Казначейства..	15.894.958		24.267.421	
Освободившіеся спеціальные капиталы, обращаемые въ общія средства Государственнаго Казначейства. ...	—		6.412.189	
Въ уплату долга Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита правительству по облигаціонному займу и по возмѣщенію части вспомогательнаго капитала, употребленнаго на нужды конверсіи 5% металлическ. закладныхъ листовъ Общества............	6.708.250		63.340	
Свободные остатки капиталовъ желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ собственность казны....	574.662		338.651	
Свободный остатокъ отъ реализаціи 4% золотаго займа 2-го выпуска 1890 г., произведеннаго для конверсіи 5% англо-голландскихъ займовъ 1864 и 1866 гг. и 6-го 5% займа.......	3.927.312		—	
Изъ Государствен. Банка въ счетъ суммъ по реализаціи заключеннаго на основаніи Высочайшаго указа 9 марта 1890 г. $4^1/_2$% внутренняго консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа 1-й выпускъ 1890 г. (на 75 милл. р. кр. нариц.)....	67.500.000	103.686.991	—	37.200.889
		1.056.453.932		934.669.539
Превышеніе доходовъ надъ расходами...		*57.746*		*180.977.164*
		1.056.511.678		1.115.646.703

зъ за 1891 годъ сравнительно съ 1890 годомъ. *Расходъ.*

Государственные расходы.	Изъ назначенныхъ по росписи суммъ израсходовано и подлежитъ выдачѣ.			
	1890 г.		1891 г.	
	Рубли.		Рубли.	
)быкновенные расходы (прямые и оборотные).				
Система государственнаго кред...	262.683.727		248.019.528	
Высшія государственныя учрежденія.	2.208.452		2.647.812	
Вѣдомство Святѣйшаго Синода...	12.097.978		11.340.407	
Министерство Императорск. Двора.	10.560.000		10.560.000	
Министерство Иностранныхъ Дѣлъ.	4.810.670		4.783.501	
Министерство Военное..........	228.109.842		226.107.448	
Министерство Морское..........	40.693.182		45.468.26	
Министерство Финансовъ........	109.215.911		113.426.571	
Министерство Государствен. Имуществъ........................	24.248.735		24.532.213	
Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.	76.353.728		80.203.205	
Министерство Народнаго Просвѣщенія........................	22.639.460		22.769.121	
Министерство Путей Сообщенія...	56.290.500		56.148.403	
Министерство Юстиціи..........	22.860.554		23.874.338	
Государственный Контроль.......	3.872.687		4.220.319	
Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводства..............	1.136.127	877.779.550	1.247.699	875.348.830
II. Чрезвычайные расходы.				
На сооруженіе желѣзныхъ дорогъ портовъ.........................	46.482.842		44.297.211	
На расходы по перевооруженію...	10.988.330		26.154.023	
„ заготовленіе спеціальныхъ резервовъ продовольствія............	2.000.000		500.000	
На погашеніе билетовъ Государственнаго Казначейства...........	6.000.000		—	
На погашеніе перваго голландскаго йма, перваго и втораго 4½% займовъ и 5% облигацій Шуйско-Ивановской желѣзной дороги..........	—		69.048.872	
На доплату по произведеннымъ въ 91 году конверсіи и выкупу 4½% нсолидированныхъ облигацій Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, пятый пускъ......	—		25.261.376	
На доплату по произведеннымъ въ 90 г. конверсіи и выкупу седьмаго % займа и облигацій Харьково-ременчугскаго участка и Харьково-колаевской желѣзной дороги.....	45.760.956		—	
На расходы изъ суммъ, вырученхъ отъ реализаціи 4½% внутренго консолидированнаго желѣзнорожнаго займа, первый выпускъ 90 года........................	67.500.000		—	
На расходы, вызванные неурожемъ...........................	—	178.732.128	75.036.391	240.297.873
		1.056.511.678		**1.115.646.708**

Такой необычайный недочетъ (дефицитъ) далъ поводъ иностранной печати предлагать на своихъ столбцахъ длинныя разсужденія на тему о безвыходности положенія русскихъ финансовъ и о необходимости нашей, для ради нашего собственнаго спасенія, обратиться за добрыми совѣтами къ нашимъ ближайшимъ сосѣдямъ-Нѣмцамъ, которые готовы де подѣлиться не только совѣтами, но, пожалуй, и деньгами, и разными содѣйствіями. Короткій отвѣтъ нашего финансоваго управленія положилъ предѣлъ злорадному печатному походу еврейско-нѣмецкой биржевой орды. Содержаніе отвѣта таково:

„Германская и австрійская печать силятся представить положеніе русскихъ финансовъ въ самомъ неблагопріятномъ видѣ, увѣряютъ публику, что прошлогодній неурожай сразу уничтожилъ результаты нѣсколькихъ цвѣтущихъ годовъ и сдѣланныхъ въ государственныхъ доходахъ сбереженій. Если вѣрить этимъ газетамъ, Императорское правительство вынуждено непремѣнно либо заключить заграничный заемъ, либо произвести новые выпуски кредитныхъ билетовъ. Въ опроверженіе этого стóитъ только указать, что 12 октября въ Государственномъ Банкѣ и Казначействѣ наличныхъ денегъ было 604½ милліона рублей золотомъ или 2.418 милліоновъ франковъ, что̀ значительно превышаетъ рессурсы золотомъ французскаго банка, т.-е. 1.673.250.000 фр., и англійскаго (26 милл. фунт. стерл.). Одно Казначейство имѣетъ въ наличности 12½ милл кред. и 63 милліона золотомъ. Къ тому же для покрытія многочисленныхъ нуждъ кредитными, Казначейство, вмѣсто того, чтобы произвести операцію со своимъ золотомъ, ограничилось передачей части его Банку, взамѣнъ равнаго числа кредитныхъ рублей. Еслибъ это золото было обращено въ кредитные рубли по курсу, то Казначейство располагало бы еще 100 милліонами кредитными. Наконецъ, и въ нынѣшнемъ году было обычное явленіе увеличенія за послѣдніе три мѣсяца отчетнаго года наличныхъ суммъ Казначейства, вслѣдствіе болѣе дѣятельнаго поступленія налоговъ. Такое увеличеніе соотвѣтствуетъ кредитоспособности Казначейства по отношенію къ Банку и въ свою очередь увеличиваетъ наличныя суммы Банка кредитными. Нынѣшній годъ исключенія не составляетъ: 1 октября въ Банкѣ было налицо 57.114.000 кредитными, а 15 октября уже 69.354.000. Изо всего этого явствуетъ, что финансовое управленіе Россіи можетъ смотрѣть спокойно на будущее, не сомнѣваясь ни въ своей силѣ, которая очевидна,

ни въ своемъ кредитѣ, который не переставалъ расти послѣ каждой произведенной противъ него атаки."

Недавно вышедшее изданіе департамента земледѣлія и сельской промышленности: „*1892 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи*" подводитъ итоги урожая текущаго года. Слѣдующая табличка даетъ свѣдѣнія объ урожаяхъ въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи ржи, пшеницы и овса за 13 лѣтъ, начиная 1880 годомъ и кончая текущимъ:

Въ годы.	Ржи.	Пшеницы.	Овса.	Всѣхъ хлѣбовъ.
		Въ четвертяхъ.		
1880	87.462.470	27.546.647	85.034.765	251.553.603
1881	105.923 250	44.515.370	101.980.737	311.230.282
1882	105.159.522	40.267.339	93.613.280	290.986.753
1883	89.947.092	36.764.302	93.588.004	272.305.438
1884	115.244.045	44.811.454	84.116.668	293.253.784
1885	117.817.900	29.874.900	65.248.900	247.209.300
1886	110.874.300	27.331.100	95.580.600	288.775.600
1887	124.999.400	47 645.200	103.385.600	329.771.900
1888	125.649.300	52.689.500	94.365.200	332.203.000
1889	94.844.700	34.136.600	87.136.100	260.091.300
1890	113.065.700	35.759.000	90.814.000	292.314.200
1891	83.750.000	28.331 900	72.006.400	228.782.000
1892	117.909.000	43.097.840	86.162.000	298.150.800

Такимъ образомъ, текущій годъ по урожайности можно поставить на четвертомъ мѣстѣ послѣ наиболѣе урожайнаго 1888 года, давшаго 332.203.000 четвертей, [1] и, относительно главнѣйшихъ хлѣбовъ, онъ можетъ быть признанъ, въ общемъ итогѣ, *среднимъ*. Если въ пятидесяти губерніяхъ Европейской Россіи немного не дошелъ онъ до средняго (3,2%), за то въ *Царствѣ Поль-*

[1] Распредѣляя года по урожайности получимъ слѣдующее:

1888	332.203.000
1887	329.771.000
1881	311.230.282
1892	298.150.800
1884	293.253.784
1890	292.314.200
1882	290.986.753
1886	288.775.600
1883	272.305.438
1889	260.091.300
1880	251.553.603
1885	247.209.300
1891	228.782.000

скомъ [1] сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ значительно выше средняго, и въ Предкавказьи его можно назвать даже отличнымъ.

Относительно урожая другихъ важнѣйшихъ произведеній сельскаго хозяйства можно замѣтить слѣдующее:

Ленъ, за рѣдкими исключеніями, уродился плохо и сѣменемъ и волокномъ. Хорошъ урожай на ленъ былъ только въ губерніяхъ приуральскихъ и бѣлорусскихъ.

Конопля также дала плохой урожай, исключая губерніи Виленскую, малороссійскія, частію Екатеринославскую и приуральскія, а также нѣкоторыя промышленныя.

Картофель далъ въ общемъ хорошій урожай, за рѣдкими исключеніями, кромѣ губерній приозерныхъ, гдѣ онъ пострадалъ отъ избытка влаги, а также въ Тверской и Витебской, гдѣ онъ почти весь сгнилъ.

Подсолнухъ далъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хорошіе сборы (губ. Полтавская, Черниговская, Саратовская и отчасти Воронежская), а въ другихъ не вернулъ даже сѣменъ отъ засухъ и насѣкомыхъ.

Рапсъ (озимый) пострадалъ отъ насѣкомыхъ, зимой отъ холодовъ, лѣтомъ отъ засухи до того сильно, что мѣстами не вернулъ даже сѣменъ. Яровой рапсъ и сурепка также плохи, но лучше озимаго.

Макъ почти не уродился вовсе.

Табакъ далъ вообще хорошій урожай.

Свекловица дала урожай выше средняго и даже хорошій, за исключеніемъ Кіевской и Подольской губерній, гдѣ посѣвы пострадали отъ майскаго хруща и клеонуса.

Овощи дали мѣстами отличный урожай, мѣстами никакого. Огурцовъ было мѣстами такое множество, что ихъ даже не собирали, такъ, напримѣръ, въ Калужской губерніи 20 копѣекъ за возъ. Капуста вслѣдствіе засухи уродилась повсемѣстно плохо.

Фрукты дали вообще плохой сборъ, кромѣ вишенъ; значительный вредъ нанесли фруктовымъ деревьямъ майскіе заморозки, побившіе завязи. Вредили также насѣкомыя. Много деревьевъ засохло отъ жары.

Травы вслѣдствіе засухи почти совсѣмъ выгорѣли въ степныхъ мѣстностяхъ (исключая губерній Уфимскую и Оренбург-

---

[1] Употребляемъ терминъ оффиціальнаго изданія, но почему бы и губерніи *Польскаго царства* не включить въ общее число губерній Европейской Россіи?

скую) и въ губерніяхъ новороссійскихъ и малороссійскихъ. Въ губерніяхъ пріозерныхъ получился средній урожай, а въ приволжскихъ и литовскихъ—выше средняго. На остальномъ пространствѣ сборъ получился неудовлетворительный, за исключеніемъ луговъ заливныхъ.

Состояніе озимыхъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, Сѣвернаго Кавказа и Царства Польскаго, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, поступившимъ отъ податныхъ инспекторовъ, было къ 15 октября *удовлетворительно*, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (восточная полоса Россіи, губерніи привислинскія, Волынская и сѣверная часть центрально-промышленнаго района)—*весьма хорошо*. Наименѣе удовлетворительны озимые лишь въ 47 уѣздахъ, въ томъ числѣ въ пяти уѣздахъ Рязанской губерніи, въ трехъ—Тамбовской, въ шести—Тульской и въ трехъ—Харьковской.

Слабо развились озимые въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (Вологодская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская и Эстляндская) вслѣдствіе избытка осеннихъ дождей и недоброкачественныхъ сѣменъ новаго урожая и частію вслѣдствіе появленія улитокъ.

Въ остальныхъ мѣстностяхъ оказала вредное вліяніе засуха. Въ губерніяхъ Кіевской, Полтавской, Черниговской и Харьковской нанесъ вредъ червь, а въ послѣдней, кромѣ того, гессенская муха и морозки, въ Тульской—полевыя мыши, а въ Лифляндской и Тамбовской—рано наступившіе морозы.

Съ конца сентября пошли перепадать дожди по всему югу, такъ что положеніе озимей значительно улучшилось и явилась возможность произвести посѣвы тамъ, гдѣ мѣшала засуха. Такъ что можно разсчитывать, что къ ноябрю всходы окажутся въ значительно лучшемъ видѣ, чѣмъ были къ 15 октября, тѣмъ болѣе, что нѣкоторое запозданіе посѣвами на крайнемъ югѣ не вызываетъ особенныхъ опасеній относительно будущаго урожая.

Такимъ образомъ всѣ толки и опасенія за будущій урожай оказались преждевременными.

Между тѣмъ, вывозъ нашихъ произведеній за границу продолжаетъ быть слабымъ, отставая отъ двухъ предыдущихъ лѣтъ.

Вывозъ 1890 года съ 1 января по 1 августа выразился 366.619.000 рублей, вывозъ 1891 года за тотъ же періодъ—388.270.000 руб. и текущаго года—218.438.000 руб. Цифры привоза, хотя тоже отстали отъ двухъ предыдущихъ лѣтъ, но не въ такой степени.

Въ 1890 году привозъ выразился въ 214.739.000 рублей, въ 1891—219.491.000 руб. и въ текущемъ году 212.818.000 рублей.

Хотя эта ненормальность проистекаетъ главнымъ образомъ отъ исключительныхъ условій минувшаго года и текущаго (неурожая и холеры), но тѣмъ не менѣе вопросъ объ упорядоченіи нашей хлѣбной торговли выдвигается впередъ самъ собою и напрашивается на неотложное разрѣшеніе. Два наши сильные конкуррента въ хлѣбной торговлѣ Америка и Индія, воспользовавшись минувшимъ годомъ - нашимъ неурожаемъ—расширили и укрѣпили свои связи съ европейскими потребителями и, само собою разумѣется, завязаннаго постараются не разрывать, а еще болѣе связывать, а это покуда не будетъ намъ на пользу.

Во всякомъ случаѣ можно быть увѣреннымъ, что наше финансовое управленіе сдѣлаетъ все необходимое, чтобы наше хлѣбное дѣло поставить въ надлежащее положеніе безо всякихъ *авансовъ* въ нѣмецкую сторону. Правительственное сообщеніе отъ 7 текущаго октября *(Правительственный Вѣстникъ* № 218) убѣждаетъ насъ что это именно такъ и будетъ: „*Управляющій Министерствомъ Финансовъ*, говорится въ немъ, *находя, что, вслѣдъ за принятыми уже мѣрами къ огражденію внутренняго производства отъ иностраннаго соревнованія, заботы правительства всецѣло должны быть направлены къ устраненію всякаго рода стѣсненій въ учрежденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій, призналъ необходимымъ, для разсмотрѣнія этого вопроса, образовать, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Тура, особую коммиссію изъ представителей Министерства Финансовъ, Юстиціи и Внутреннихъ Дѣлъ, съ предоставленіемъ предсѣдателю коммиссіи права привлечь къ участію въ трудахъ ея лицъ, которыя, по своимъ познаніямъ и опытности, могутъ доставить полезныя свѣдѣнія.*“

Придавая словамъ „*устраненіе всякаго рода стѣсненій въ учрежденіи и устройствѣ промышленныхъ предпріятій*“ самый широкій смыслъ, можно надѣяться, что дѣятельность этой коммиссіи коснется всѣхъ областей промышленной дѣятельности, начиная мелкой — земледѣльческой и кустарной и кончая крупною заводско-фабричною.

Но нужды всѣхъ разнообразнѣйшихъ и многочисленнѣйшихъ отраслей промышленности такъ въ свою очередь многочисленны и разнообразны, что для успѣшности и надлежащаго разрѣшенія своей задачи коммиссія по необходимости должна распасться на

подкоммиссіи, которымъ надлежитъ, быть-можетъ, имѣть свое мѣстопребываніе не въ Петербургѣ, а во Владивостокѣ, Батумѣ, Екатеринбургѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и т. п., то-есть на мѣстахъ самыхъ *„нуждъ"*, не говоря уже конечно о Москвѣ.

Такимъ только образомъ можно изучить дѣйствительныя причины, стѣсняющія нашу промышленность, и изучивъ устранить ихъ, чтобы впредь не повадно было бы иностранцамъ говорить такъ, какъ говорено было въ 1885 году Фридриху Дернбургу—главному редактору *Національной Газеты*, путешествовавшему по Россіи и написавшему сочиненіе *„Русскіе люди"*. [1] Въ этомъ сочиненіи онъ, между прочимъ, передаетъ слѣдующія слова, сказанныя ему однимъ московскимъ Нѣмцемъ:

„Запретили намъ ввозить наши товары, мы перебрались сюда сами и работаемъ съ еще большею выгодой, чѣмъ прежде. Границу забрали мы въ свои руки, тамъ процвѣтаютъ цѣлые нѣмецкіе города; но и во внутреннихъ областяхъ Россіи число наше растетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается наша сила и значеніе."

„Русскіе называютъ своею національною политикой расположеніе на своей землѣ нашихъ (то-есть нѣмецкихъ) фабрикъ! Чьи эти фабрики, кто управляетъ ими? Директора — Нѣмцы, управляющіе—Нѣмцы, мастера—Нѣмцы! А Русскій это простой чернорабочій!"

„Конечно это имъ непріятно; они вѣдь великая нація! Но что бы ни говорили ихъ Катковы и Аксаковы, имъ двѣ дороги: или быть Европейцами или Азіятами. Въ первомъ случаѣ они безъ насъ не обойдутся: мы имъ неизбѣжно нужны вездѣ, и въ правительствѣ, и въ войскѣ, и въ промышленности, и въ торговлѣ, а иначе маршъ въ Азію и тогда gute Nacht, Russland!" [2]

Эти слова говорились въ 1885 году. Можно ли поручиться что теперь, чрезъ семь лѣтъ въ матушкѣ Москвѣ ихъ снова услыхать нельзя?

20 октября 1892 года.

---

[1] *Russische Leute*, стр. 325—326.

[2] Спокойной ночи, Россія!

ЛѢТОПИСЬ ПЕЧАТИ.

Славянофилы и западники въ современныхъ отголоскахъ.

I.

Современная журналистика служитъ предметомъ общихъ жалобъ. Читатели жалуются на писателей, писатели на читателей. И, вообще говоря, нельзя не признать, что жалобы имѣютъ много основаній. Но характеристическимъ отличіемъ нашего времени является то обстоятельство, что въ безжизненности журналистики менѣе всего играютъ роли такъ-называемыя „внѣшнія обстоятельства“. На нихъ мало и жалуются. Да и не за что̀. Достаточно сказать, что именно въ области особеннаго вліянія „внѣшнихъ обстоятельствъ“, въ дѣлѣ участія печати въ разработкѣ текущихъ вопросовъ государственной жизни, современная журналистика гораздо болѣе жива, нежели въ какую-либо предыдущую эпоху. Ея вялость, наоборотъ, проявляется попреимуществу въ области разработки общихъ вопросовъ міросозерцанія, то-есть въ области традиціоннаго вліянія русской печати на общество. Тутъ всякія „независящія обстоятельства“ и въ старину были мало дѣйствительны, а нынѣ не обнаруживаютъ почти и стремленія что-нибудь навязывать обществу. И вотъ чуть ли не въ первый разъ съ сотворенія русской журналистики всѣ недовольны ея состояніемъ (что̀ бывало всегда), но жалуются на условія не „внѣшнія“, а „внутреннія“, т.-е. на самихъ себя.

Это большая новость, и даже очень утѣшительная. Изъ нея можно бы было сдѣлать заключеніе о значительномъ ростѣ нашего общественнаго сознанія, еслибы не было другихъ обстоя-

тельствъ, вносящихъ иныя объясненія современныхъ отношеній между публицистикой и читателями.

Послѣ первыхъ порывовъ реформаторской горячки 60-хъ годовъ, у насъ было пущено въ ходъ совершенно правильное, ставшее скоро избитымъ выраженіе: „мы находимся въ переходномъ состояніи“. Это правда. Теперь лучше чѣмъ прежде видно, что Россія находилась именно въ „переходномъ“ состояніи, видно даже, что она въ немъ и понынѣ находится. Вопросъ только: отъ чего и къ чему ведетъ оно? Прежде безусловно преобладавшее мнѣніе понимало „переходное“ состояніе въ томъ смыслѣ, что Россія стремится къ окончательному торжеству и увѣнчанію либеральныхъ идей, а „внѣшнія условія“ ей въ томъ до поры до времени противудѣйствуютъ. Отсюда и жалобы именно на „внѣшнія условія“, а не на „внутреннія“, смыслъ которыхъ казался не подлежащимъ сомнѣнію. Съ тѣхъ поръ утекло много воды. Положеніе все сохраняетъ видимость „переходнаго“, но содержаніе перехода приходится очень измѣнить противъ прежняго, причемъ ясно стало, что дѣло далеко не во „внѣшнихъ“ условіяхъ, а именно во „внутреннихъ“, въ понятіяхъ и желаніяхъ самого общества, уяснившихся далеко не въ банально „либеральномъ“ смыслѣ.

Если мы присмотримся къ дѣятельности правительства, къ состоянію умовъ, къ тѣмъ случаямъ личнаго почина, въ которыхъ выражаются лучше всего желанія и идеи цѣлаго общества, мы никакъ не въ состояніи приложить къ совокупному смыслу этой картины эпитета „реакція“ или „либерализмъ“. То, что у насъ дѣлается, не подходитъ подъ эти клички. Это нѣкоторое *устроеніе*, въ которомъ гораздо больше уваженія къ личности, больше человѣчности, нежели въ либеральныхъ программахъ; съ другой стороны—тутъ много энергическаго отрицанія распущенности, а это съ либеральной точки зрѣнія „реакціонно“. Общій тонъ—не укладывается ни въ то, ни въ другое понятіе. Потому-то—одни изъ старыхъ руководителей и понынѣ укоряютъ общество въ революціонности, другіе—въ господствѣ реакціи. Въ видѣ отдѣльныхъ прослоекъ—безъ сомнѣнія есть и то, и другое, но въ общемъ тутъ нѣчто особое, нѣчто „новое“, хотя въ этомъ новомъ сильно слышится именно старина, историческія русскія начала, выглядывающія изъ-подъ размытыхъ пластовъ иностраннаго „либерализма“ и „консерватизма“. Я не хочу здѣсь предрѣшать судьбы этихъ вновь выглянувшихъ на Руси *русскихъ*

стремленій. Допустимъ, чтобы не спорить,—что они опять будутъ занесены и зарыты надолго или хоть навсегда. Не въ томъ дѣло. Во всякомъ случаѣ—въ странѣ, въ общественной мысли чувствуется теперь нѣчто и нелиберальное, и неконсервативное, а просто *русское*. Тѣ элементы свободы, которые въ немъ имѣются, не позволяютъ ему отрясти отъ ногъ прахъ „либерализма", элементы дисциплины создаютъ такое же отношеніе къ „консерватизму". А чтобы быть самими собой,—слѣдовало бы именно отбросить и либерализмъ, и консерватизмъ. На это пока нѣтъ силъ, нѣтъ достаточно выработаннаго собственнаго сознанія. Тутъ-то и нужна была бы журналистика именно такого настроенія, какъ общество. Но ея нѣтъ, и въ этомъ случаѣ жалобы, выражающія инстинктивную неудовлетворенность спроса, совершенно справедливы.

Со своей стороны—что̀ можетъ дѣлать публицистика? Наша журналистика состоитъ по преимуществу изъ органовъ и дѣятелей, выработанныхъ въ совсѣмъ иную эпоху. Въ свое время—эти люди получали тѣмъ болѣе вліянія, чѣмъ лучше служили идеямъ либерализма или консерватизма. Продолжительная борьба и господство слили ихъ въ твердые слои, даже кружки, передали въ ихъ руки органы, ставшіе наиболѣе извѣстными, наконецъ, просто успѣвшіе быть уже хорошо поставленными. Эти люди—по возрасту или по кружковому воспитанію—принадлежатъ не девятидесятымъ годамъ, а шестидесятымъ — семидесятымъ. И въ ихъ-то рукахъ находятся орудія развитія общественной мысли! Это обстоятельство самое неудобное для настоящаго времени, такъ какъ новыхъ людей и новые органы общество не можетъ выдвинуть быстро. Не такъ сильны и напряженны его новыя стремленія, не такъ сознательны, чтобы произвести подобный переворотъ. Новыя вліянія въ слабой степени мы видимъ въ журналистикѣ повсюду. Но положеніе, рѣзко формулируя, все-таки таково, что общество—въ среднемъ стремится отрѣшиться отъ прошлаго, не русскаго, и найти себѣ нѣчто прочное, родное; журналистика — либеральная и консервативная,— въ среднемъ, наоборотъ, гораздо болѣе цѣпко держится за это прошлое и старается оттянуть къ нему общество. Положеніе для Россіи очень своеобразное.

Такое положеніе журналистики, естественное послѣдствіе ея прошлаго, нельзя не принять во вниманіе при оцѣнкѣ современнаго состоянія умовъ общества. Публицистика нынѣ, въ большин-

ствѣ случаевъ, не идетъ объ руку съ обществомъ, какъ сила передовая, но однородная съ работой его мысли, а старается постоянно *переубѣдить* общественную мысль, вогнать ее въ свои прежнія формулы, подогнать къ старымъ знаменамъ. Это не можетъ не ложиться тяжелымъ бременемъ на поступательное развитіе общественной мысли, съ одной стороны, не можетъ съ другой стороны не отнимать у самой журналистики той бодрости и жизненности, которыя появляются лишь тогда, когда журналисты и общество дѣлаютъ одно и то же дѣло. Само собою, въ концѣ концовъ исходъ противорѣчія не можетъ подлежать сомнѣнію. Однородность стремленій между обществомъ и печатью непремѣнно установится. Вопросъ лишь въ томъ—какимъ путемъ? Возвратится ли общество къ своимъ пережитымъ и, повидимому, покинутымъ идеямъ или серьезно и сознательно вступитъ на путь самостоятельнаго русскаго развитія? Правы ли знаменосцы шестидесятыхъ годовъ, считая современныя общественныя настроенія временною „реакціей“, или правы тѣ, кто видитъ въ настоящемъ лишь новый шагъ къ укрѣпленію общества на русскихъ историческихъ основахъ, на пути самостоятельнаго, своего собственнаго развитія?

Это едва ли не главнѣйшій пунктъ, разъясненіе котораго можетъ занимать современнаго обозрѣвателя журналистики.

II.

Окидывая общимъ взглядомъ публицистику, хотя бы настоящаго 1892 года, мы не можемъ не видѣть рѣзкаго различія въ интимныхъ интересахъ общества современнаго и общества 60—70 годовъ. Все, что было въ печати наиболѣе интереснаго, живаго, воодушевленнаго—все относится къ области мало даже понятной старому времени. Въ журналахъ и газетахъ, серьезныхъ и пустыхъ, много спорили о религіи, проявлялась идея церковнаго православія, съ одной стороны, разнаго рода реформированнаго христіанства съ другой; говорили много о народничествѣ, говорили о славянофильствѣ. Въ послѣднихъ книжкахъ журналовъ особенно останавливаютъ вниманіе статьи о славянофильствѣ старомъ и „новомъ“, „послѣднемъ словѣ“ славянофиловъ, какъ князь Трубецкой называетъ покойнаго К. Н. Леонтьева. Два солиднѣйшіе столпа прошлаго *Вѣстникъ Европы* и *Русская Мысль* выступаютъ

въ походъ противъ „мертваго" славянофильства. Въ *Русской Мысли* (сентябрь) о славянофилахъ старыхъ и новыхъ бесѣдуетъ *самъ* г. Н. Михайловскій. Не глубоки его мысли, не замѣчательна статья его, неудачно выбранъ даже самый поводъ для нея (фельетонъ г. Розонова въ № 199 *Моск. Вѣд.).* Но заслуженно или незаслуженно г. Н. Михайловскій есть представитель самаго сильнаго движенія семидесятыхъ годовъ. Это придаетъ особое значеніе его статьѣ.[1] *Вѣстн. Европы* (октябрь) выдвигаетъ молодаго князя С. Трубецкаго противъ тѣни К. Н. Леонтьева.[2] Оба автора одинаково объявляютъ своихъ противниковъ „мертвыми". „Теперь, говоритъ г. Михайловскій,—можетъ идти рѣчь не о нераспространенности славянофильства, а *о его смерти*". Уже въ шестидесятыхъ годахъ „славянофильство", какъ и „западничество", утверждаетъ онъ,—представляли „развалины", на которыхъ выросло нѣчто *новое* (представляемое г. Михайловскимъ съ товарищами). „Нельзя же въ самомъ дѣлѣ признать г. Шарапова наслѣдникомъ мысли Кирѣевскихъ, Аксаковыхъ, Хомяковыхъ" (стр. 160). Въ свою очередь князь Трубецкой объясняетъ своимъ читателямъ, что „К. Леонтьевъ, писатель недавно умершій, при жизни пользовался не большею извѣстностью, какъ и его предшественникъ Данилевскій (sic)". Онъ даже „пользовался при жизни *заслуженною* неизвѣстностью" (курсивъ князя). Онъ не имѣетъ и будущности. „Мы не думаемъ даже, чтобы наша „охранительная" пресса или остатки славянофиловъ могли особенно желать апоѳеозы Леонтьева". Славянофилы, въ до-Леонтьевскомъ смыслѣ, князю теперь представляются уничтожившимися подъ бременемъ внутреннихъ противорѣчій, поведшихъ однимъ концомъ къ В. С. Соловьеву, другимъ къ К. Леонтьеву. Съ удивленіемъ спрашиваешь себя, изъ-за чего же только хлопочетъ *Русская Мысль* съ *Вѣстн. Европы*, гг. Михайловскій и Трубецкой? Зачѣмъ мертвые тревожатъ покой ихъ, „живыхъ"? Любопытно, что князь Трубецкой, несомнѣнно, до сихъ поръ не имѣлъ понятія о К. Н. Леонтьевѣ, кромѣ можетъ-быть ходячихъ отзывовъ своего либеральнаго круга. Только теперь, по смерти К. Н. Леонтьева, князь Трубецкой удосужился прочесть, и весьма наспѣхъ, его сочиненія (не всѣ). Только теперь, къ годовщинѣ смерти К. Н. Леонтьева, онъ выступаетъ на брань противъ этого „реакціонера".

---

[1] *Литература и Жизнь.*

[2] «Разочарованный Славянофилъ".

У г. Михайловскаго чувствуется нѣчто подобное же. Онъ видимо, въ свое время, или вовсе не читалъ, или только перелистывалъ славянофиловъ и лишь теперь перечитываетъ ихъ съ тѣмъ спѣхомъ, при которомъ человѣкъ рядомъ съ мелочными подробностями, имъ свѣже замѣченными, не знаетъ несравненно болѣе важнаго въ тѣхъ же писателяхъ.

И все это для „мертвыхъ", не существующихъ. И все это не для *Русскаго Архива*, а для боевыхъ публицистическихъ цѣлей двухъ тенденціознѣйшихъ обозрѣній!

Полно, господа, съ „мертвыми" ли вы сражаетесь? Вѣрите ли сами собственнымъ увѣреніямъ объ ихъ смерти?

Еслибы мы допустили, что славянофилы и К. Н. Леонтьевъ дѣйствительно мертвы, не живутъ въ настоящей мысли Россіи, не имѣютъ мѣста въ ея будущемъ развитіи,—то о статьяхъ г. Михайловскаго и кн. Трубецкаго не стоило бы и говорить. Статья г. Михайловскаго, попреимуществу посвященная его мелкимъ счетамъ съ г. Розоновымъ, только потому интересна, что онъ борется противъ идей славянофиловъ, правильнѣе—противъ того что̀ создало славянофиловъ и современное *русское* направленіе умовъ. Статья кн. Трубецкаго, какъ *изслѣдованіе*, тоже не сто́итъ вниманія. Значеніе и интересъ ей придаетъ только то, что это статья боевая, борющаяся противъ идей, которыхъ броженіе въ обществѣ такъ неподражаемо ярко отражалось въ покойномъ К. Н. Леонтьевѣ. Только дѣйственное, созидающее существованіе этихъ „мертвецовъ" въ современной общественной мысли придаетъ значеніе полемикѣ ихъ противниковъ, силящихся выставить себя единственно „живыми". Это до такой степени вѣрно, что любой, нѣсколько талантливый писатель либеральнаго направленія, вчера невѣдомый Россіи, можетъ въ два, три мѣсяца стать общеизвѣстнымъ, выбравъ своимъ амплуа критику „заслуженно неизвѣстнаго" К. Н. Леонтьева.

Дѣйственное существованіе различныхъ отпрысковъ „славянофильства" заставляетъ и обозрѣвателя журналовъ отмѣтить статьи, самымъ своимъ появленіемъ доказывающія это, а содержаніемъ старающіяся „поворотить назадъ" уходящую отъ нихъ общественную мысль.

III.

Статья кн. Трубецкаго „Разочарованный славянофилъ“ не есть *изслѣдованіе.* Это необходимо знать читателямъ, которые могутъ быть введены въ заблужденіе докторальнымъ тономъ кн. Трубецкаго и его увѣреніями, будто бы онъ считаетъ К. Н. Леонтьева силой уже не существующею. Собственно какъ *изслѣдованіе* статья кн. Трубецкаго не имѣетъ ни одного достоинства и имѣетъ всѣ недостатки. Вопервыхъ, авторъ не знаетъ даже всѣхъ сочиненій К. Н. Леонтьева, а прочелъ только два изданные отдѣльно тома ихъ, да еще „Національную политику“. Между тѣмъ, разнаго рода статей К. Н. Леонтьева, еще неизданныхъ отдѣльно, наберется по крайней мѣрѣ еще на томъ, если не на два. Вовторыхъ, кн. Трубецкой не удовлетворяетъ самымъ азбучнымъ требованіямъ, какіе ставятся изслѣдователю какого-либо автора. К. Н. Леонтьевъ, какъ всякій другой писатель, *развивался,* въ различные фазисы развитія имѣлъ свои оттѣнки. Изслѣдователь, понятно, обязанъ знать, понимать и показать это. Кн. Трубецкой даже и не подумалъ объ этомъ. Для него К. Н. Леонтьевъ словно родился такимъ, какимъ написалъ послѣднюю въ жизни статью. Различіями, оттѣнками, какіе неизбѣжны въ разныхъ фазисахъ развитія живаго человѣка, кн. Трубецкой пользуется не для того, чтобъ уяснить намъ путь развитія этого автора,—а хватаетъ, какъ предлогъ для обвиненія его въ противорѣчіяхъ. Пріемъ — понятный у боеваго полемиста, который, въ интересахъ партіи, бьетъ противника чѣмъ попадя, но, очевидно, немыслимый даже для самаго неопытнаго *изслѣдователя.* Втретьихъ, кн. Трубецкой цитируетъ К. Н. Леонтьева съ „неточностью“ самою развязною. На это уже указывали статьи г. Южнаго въ *Гражданинѣ* и г. Ю. Николаева въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ.* [1] Зависитъ ли эта неточность отъ незнанія и невниманія или объясняется чѣмъ-нибудь похуже, во всякомъ случаѣ она доходитъ нерѣдко до полнаго искаженія мысли К. Н. Леонтьева. Такъ напримѣръ, по кн. Трубецкому, К. Н. Леонтьевъ будто бы совѣтуетъ поддерживать Россію

[1] Моя статья была уже набрана, когда появилась въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 300) вторая статья г. Ю. Николаева о князѣ Трубецкомъ, на которую могу лишь обратить вниманіе читателей.

„желѣзными крюками администраціи". Ссылка указываетъ на стр. 186. Справляемся, и что же? Оказывается, что рѣчь идетъ у К. Н. Леонтьева о Балтійскомъ краѣ. К. Н. Леонтьевъ пишетъ по поводу частнаго письма, очевидно содержавшаго выраженіе „желѣзные крючья администраціи". Во всякомъ случаѣ К. Н. Леонтьевъ *возражаетъ*. Онъ высказывается противъ разрушенія своеобразнаго внутренняго строя Балтійскаго края. Для поддержанія порядка въ немъ могутъ быть, говоритъ онъ, двѣ системы: „вопервыхъ, *какіе-то искусственные и безпощадные крюки администраціи*"; вовторыхъ—поддержаніе тѣхъ естественныхъ взаимныхъ зависимостей, которыя складываются въ „гармонически-держащійся строй". Вотъ что говоритъ К. Н. Леонтьевъ, и высказывается въ пользу *второй* системы и противъ „крюковъ". „Къ чему это однообразіе учрежденій? При разнообразіи мѣстныхъ учрежденій гораздо легче управлять... многое тогда держится самъ собой, собственнымъ скрѣпленіемъ, безъ „желѣзныхъ крюковъ администраціи". [1]

Вотъ какъ внимателенъ и точенъ кн. Трубецкой, какъ *изслѣдователь*. Такихъ мѣстъ у него черезчуръ много даже для газетнаго полемиста, иногда искаженія прямо возмутительны, и читатели хорошо сдѣлаютъ, если сами полюбопытствуютъ свѣрить цитаты кн. Трубецкаго съ дѣйствительными мѣстами подлинника.

Уже указанныя три обстоятельства показываютъ читателямъ, что статья кн. Трубецкаго не есть *изслѣдованіе*, а боевая, полемическая статья, имѣющая въ виду не понять и правильно характеризовать К. Н. Леонтьева, а бороться противъ извѣстныхъ идей и направленій, таящихся въ обществѣ. Но есть еще одно, четвертое обстоятельство, не менѣе важное, нежели предыдущія.

Еслибы князь Трубецкой внимательно изучилъ всѣ сочиненія К. Н. Леонтьева, еслибъ онъ старался добросовѣстнѣйшимъ образомъ уяснить себѣ и показать намъ эту личность, въ цѣломъ, и въ эволюціи, еслибъ онъ, наконецъ, цитировалъ его съ добросовѣстностью и вниманіемъ дѣйствительнаго изслѣдователя,—этого всего еще было бы недостаточно для успѣха задачи. Личность и идеи К. Н. Леонтьева тема богатая, но очень трудная по сложности. Это типъ въ своемъ родѣ единственный по сочетанію въ немъ историческаго, кровно-русскаго, до-Петровскаго человѣка съ передовымъ высоко-культурнымъ Европейцемъ. Въ этомъ

---

[1] Это выраженіе, какъ чужое — все время ставится у К. Н. Леонтьева въ ковычкахъ.

отношеніи у насъ совершенно *нѣтъ* другаго, столь яркаго, знаменательнаго и поучительнаго типа русскаго человѣка конца XIX вѣка, какъ К. Н. Леонтьевъ. Это тема просто *единственная*. Но нужна большая сила анализа и очень разностороннія знанія, чтобы выдѣлить въ этомъ сочетаніи то, что̀ уже *срослось*, то что̀ борется, то что̀ противурѣчиво. Я не знаю, обнаружилъ ли бы князь Трубецкой нужную силу анализа, еслибъ онъ не предпочелъ роли партійнаго полемиста. Но несомнѣнно одно: что у него нѣтъ тѣхъ знаній, безъ которыхъ никакая сила анализа не поможетъ справиться съ К. Н. Леонтьевымъ. Это одна изъ непріятнѣйшихъ сторонъ работы князя Трубецкаго. Значительную долю его статьи, напримѣръ, составляетъ полемика противъ религіозныхъ взглядовъ К. Н. Леонтьева. Смѣшно, правду сказать, и досадно читать. К. Н. Леонтьевъ не обнаруживаетъ въ своихъ сочиненіяхъ богословской *учености*. Но онъ прошелъ превосходную православную школу. Его понятія о православіи чрезвычайно точны. Для того, чтобы съ нимъ *толково* полемизировать въ этомъ отношеніи, нужно быть очень сильнымъ богословомъ, да и тогда—„полемика" выйдетъ скорѣе „объясненіемъ" и дополненіемъ, а не „опроверженіемъ". Князь Трубецкой, съ двумя-тремя цитатами изъ Евангелія, съ ходячими фразами о христіанствѣ, которыя слышалъ въ своемъ кружкѣ, храбро берется спорить противъ К. Н. Леонтьева. Онъ сознается, что „не претендуетъ знать мнѣнія всѣхъ современныхъ компетентныхъ богослововъ" по вопросу, напримѣръ, о страхѣ Божіемъ, но рѣшаетъ его съ самою печальною смѣлостью. Въ дѣйствительности—онъ не только не знаетъ „всѣхъ", но *ни одного* богослова (по крайней мѣрѣ „компетентнаго")[1] очевидно не знаетъ. Это сообщаетъ замѣчательную пустоту и легковѣсность половинѣ статьи князя Трубецкаго. Такое же очевидное незнаніе проявляетъ князь Трубецкой въ той области, гдѣ К. Н. Леонтьевъ является ультра-европейцемъ, и именно *современнымъ*, послѣднимъ словомъ культуры. К. Н. Леонтьевъ былъ, вопервыхъ, православнымъ, вовторыхъ,

---

[1] Никакихъ «мнѣній» богослововъ и почему-то непремѣнно «современныхъ», отъ Леонтьева и князя Трубецкаго никто не требуетъ. Но *церковное* ученіе обязательно знать, ужь если кто берется разсуждать. Любопытствующимъ — укажу: *митрополита Филарета* Соч. т. IV, 358; *Аввы Доровея Поученія и Посланія.* (Поуч. 4), *Василія Великаго* Творенія, т. V. Съ отеческихъ временъ, черезъ VII—VIII вѣка и до XIX столѣтія — церковное ученіе совершенно *одинаково*. К. Н. Леонтьевъ *зналъ* его, а князь Трубецкой *нѣтъ*. Вотъ вся причина спора.

онъ *зналъ*, до невозможности отдѣлаться отъ этого знанія и пониманія, результаты соціологической работы мысли Европы. Тѣ наброски, попытки объясненія органическаго роста соціальныхъ группъ, которыя дѣлалъ К. Н. Леонтьевъ — сами по себѣ не составляютъ конечно научной теоріи, но они примыкаютъ къ огромной соціологической литературѣ, знакомство съ которою никакъ не позволило бы князю Трубецкому слегка и пренебрежительно отнестись къ этимъ наброскамъ мыслей, иногда скороспѣлыхъ, иногда глубоко остроумныхъ и плодотворныхъ, и всегда стоящихъ на почвѣ крупнѣйшей работы европейской мысли. Потому-то К. Н. Леонтьевъ имѣлъ своеобразную „соціалистическую" окраску. Я лично не имѣю надобности объяснять свое несогласіе съ соціализмомъ, неизбѣжно ведущимъ къ рабскому антихристіанскому строю. Я говорилъ объ этомъ достаточно въ послѣдніе годы, въ томъ же *Русскомъ Обозрѣніи*. К. Н. Леонтьевъ такъ и умеръ, не разобравшись въ точныхъ отношеніяхъ вполнѣ правильно понимаемаго имъ „православія" и столь же правильно сознаваемаго органическаго характера соціальныхъ явленій. Но для того, чтобъ анализировать, судить и особенно *примирить* въ К. Н. Леонтьевѣ все, что въ немъ еще не успѣло гармонически слиться въ этихъ двухъ „истинахъ" — нужно знать ихъ *обѣ*, а князь Трубецкой не считаетъ интереснымъ познакомиться ***ни съ одною***.

И вотъ, по совокупности всѣхъ этихъ причинъ, статья князя Трубецкаго, какъ изслѣдованіе, какъ характеристика, какъ серьезная критика — не имѣетъ ни малѣйшаго значенія. Весь ея интересъ состоитъ въ томъ, что она есть извѣстное проявленіе современной борьбы партій.

IV.

Присматриваясь съ этой точки зрѣнія къ писаніямъ обоихъ критиковъ славянофильства, нельзя не видѣть, что ихъ дѣланая самоувѣренность не можетъ, однако, замаскировать очень плохое партійное положеніе. Видно изъ самыхъ пріемовъ и содержанія полемики, какъ много имъ пришлось сдѣлать уступокъ. Не характеристично ли слышать г. Михайловскаго, упрекающаго г. Розонова въ „кощунственномъ" упоминаніи имени Божьяго? Сотрудникъ *Вѣстника Европы* пускается въ богословскіе споры, съ

„благороднымъ негодованіемъ“ упрекаетъ К. Н. Леонтьева въ проповѣди „страха бѣсовскаго“, и восклицаетъ, что „и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ“. Вотъ какіе аргументы нынче слышатся на страницахъ *Вѣстника Европы.* Г. Михайловскій не менѣе успѣшно, нежели кн. Трубецкой, „богословствуетъ“, пока еще опредѣляя Промыслъ Божій лишь, какъ какую-то „безконечную скобку“, въ которую все включено, а потому, дескать, ничего не разберешь... Все-таки прогрессъ! Въ самомъ опредѣленіи степени „мертвенности“ своихъ противниковъ гг. „живые“ представляютъ очень любопытную градацію. Старый представитель 60—70 годовъ въ этомъ отношеніи много тверже молодаго. Г. Михайловскій восклицаетъ: „ахъ, читатели, вы себѣ не можете представить до какой степени скучно иной разъ бываетъ писать о нѣкоторыхъ явленіяхъ современной литературы. *Скучно и стыдно...* Сорокъ лѣтъ тому назадъ Константинъ Аксаковъ писалъ то же самое, что теперь пишетъ г. Розоновъ (только лучше)... Двадцать лѣтъ тому излагалъ то же самое Данилевскій (тоже лучше)... Нынѣ г. Розоновъ тѣ же слова, но не такъ молвитъ. Онъ повторяетъ эти зады какъ заученный урокъ“ и т. д. Вотъ уже дѣйствительно кстати вспомнилъ о заученныхъ урокахъ! „Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?“ Но дѣло не въ томъ. Во всякомъ случаѣ г. Михайловскій только сердится на упорныхъ мертвецовъ, не желающихъ исчезать изъ русскаго сознанія, несмотря даже на всю предшествовавшую дѣятельность г. Михайловскаго и его духовныхъ отцовъ. Кн. Трубецкой уже гораздо болѣе примирился съ фактомъ. Г. Михайловскій восклицаетъ: славянофильство умерло „вѣдь не г. Шарапова считать наслѣдникомъ мысли Кирѣевскихъ“. Князь Трубецкой находитъ наслѣдниковъ и кромѣ г. Шарапова. Онъ прослѣживаетъ славянофильство въ благополучно здравствующемъ В. С. Соловьевѣ и въ только-что умершемъ К. Н. Леонтьевѣ, хотя и называетъ его „послѣднимъ словомъ славянофильства“. Послѣднее ли—это увидитъ, кто доживетъ. Но кн. Трубецкой уже признаетъ, что „Леонтьевъ ставитъ намъ очень энергически задачу серьезную и трудную, которую во всякомъ случаѣ гораздо труднѣе рѣшить, чѣмъ то казалось нашимъ *прежнимъ* славянофиламъ и *прежнимъ* западникамъ“. A la bonne heure! И то шагъ впередъ! Онъ даже ставитъ въ заслугу К. Н. Леонтьева, что „онъ сознавалъ чрезвычайно ярко, что переживаемый нами кризисъ обусловливается *универсальными* причинами, имѣетъ *универсальный* характеръ“.

Это правда. Но „универсальность“ тоже нужно понимать достаточно „универсально“, и въ этомъ отношеніи сочиненія К. Н. Леонтьева еще многому научатъ, наведутъ еще на много, много мыслей, можетъ-быть, даже и самого кн. Трубецкаго и во всякомъ случаѣ Россію. До сихъ поръ въ лагерѣ г. Михайловскаго и кн. Трубецкаго эту „универсальность“ понимаютъ очень узко. Потому-то они такъ стремятся думать о славянофильствѣ, какъ о чемъ-то *прошломъ*, не имѣя охоты разсмотрѣть въ нихъ *существенное*, живущее и развивающееся, и временное, случайное, отжившее.

Западники и славянофилы будто бы *умерли*, и даже уже въ шестидесятыхъ годахъ, по г. Михайловскому, представляли „развалины“, на которыхъ выросло нѣчто будто бы „новое“. Это „развалины“, этотъ „конецъ“—это время, когда явились въ публицистикѣ А. С. Аксаковъ, Ѳ. М. Достоевскій, Н. Я. Данилевскій, М. Н. Катковъ, К. Н. Леонтьевъ! Хороши „развалины“. Съ другой стороны явились Н. Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, П. Лавровъ, да и самъ г. Михайловскій. Нѣтъ, никакихъ „развалинъ“ не было и нѣтъ. Князь Трубецкой болѣе способенъ это понять.

Г. Михайловскову содержаніе „новаго“, будто бы явившагося въ шестидесятыхъ годахъ, представляется въ самомъ простомъ видѣ:

„Задача наша не въ томъ, чтобы вырастить непремѣнно самобытную цивилизацію изъ собственныхъ національныхъ нѣдръ, но и не въ томъ, чтобы перенести къ себѣ западную цивилизацію со всѣми ея раздирающими противорѣчіями: *надо брать хорошее отовсюду*, откуда можно, а свое оно будетъ или чужое—это уже вопросъ не принципа, а практическаго удобства. Повидимому, это столь просто, ясно и понятно, что и разговаривать не о чемъ.“

„Повидимому“—ясно и просто, а на самомъ дѣлѣ и не ясно, и не просто. Сейчасъ же является вопросъ: „что такое *хорошее*“. Хорошъ ли парламентаризмъ, хороша ли китайская отеческая власть, хорошъ ли Аѳонскій монастырь и т. д., и т. д. Рѣшеніе всего этого есть вовсе не вопросъ „практическаго удобства“, а „общаго міросозерцанія“. Какъ прекрасно выяснилъ еще недавно П. Е. Астафьевъ въ *Русскомъ Обозрѣніи*, для личнаго творчества необходимое условіе составляетъ *національная среда*. Отвлеченно общечеловѣческое создаетъ лишь *подражательныя* произведенія духа, произведенія не имѣющія ни національнаго,

ни общечеловѣческаго значенія. Для работы живой нужно, чтобы на душу дѣйствовали непосредственныя и неустранимыя вліянія роднаго быта, традицій, привычекъ, мысли, чувствъ.[1] Такой фактъ дѣйствительной природы человѣка и общества дѣлаетъ вопросъ о „хорошемъ“ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ казалось и кажется нашимъ западникамъ, начиная со временъ Петра Великаго и кончая нашими днями. Они всегда отличались очень быстрыми рѣшеніями о „хорошемъ“, въ результатѣ чего чуть не каждое десятилѣтіе навязывали Россіи новые строи, то въ феодальномъ, то въ демократическомъ духѣ, способны навязать при случаѣ и въ „клерикальномъ“. Это „западничество“, составлявшее свои понятія объ „общечеловѣческомъ“ по „европейскому“, вовсе не умирало въ шестидесятыхъ годахъ, живо, къ сожалѣнію, и теперь. Въ свою очередь и *славянофильство*, въ основной идеѣ своей, точно также не умирало и не умерло.

Россія исторически сложилась подъ условіями, обѣщавшими особливо своеобразный народный типъ, который и дѣйствительно возникъ. Но для самосознанія необходимо *сравненіе*, котораго меньше всего было въ условіяхъ древней Россіи. Первый крупный фактъ жизни, вызвавшій необходимость самоопредѣленія--составило у насъ татарское иго. Извѣстно какою освѣженною вышла изъ него Россія, именно потому, что къ естественному развитію своего характера она тутъ присоединила *сознательный* элементъ. Она вдумалась въ то, что̀ она такое. Въ основѣ, въ самой глубинѣ своей она сознала *православіе*, и это сознаніе дало ей тысячи частныхъ указаній въ организаціи быта и дѣйствія. Второй фактъ, давшій возможность и необходимость самоопредѣленія, путемъ *сравненія*, составила Петровская реформа или, лучше сказать, сопровождавшее ее (а въ зародышѣ предшествовавшее) завоеваніе Россіи высшею культурой Европы. Это завоеваніе было гораздо глубже и страшнѣе татарскаго, такъ какъ Россія въ нѣсколько десятковъ лѣтъ уже не внѣшне, а внутренне очутилась въ рукахъ иностранцевъ или объиностраненныхъ Русскихъ. Россія увидѣла себя рядомъ съ Европой уже не издали, а на каждомъ мѣстѣ, въ каждой отрасли своей жизни, въ каждомъ городкѣ, въ каждомъ занятіи, въ каждой мысли. Это *сравненіе* не могло не кончиться актомъ *самоопредѣленія*, *самосознанія*, которое въ видѣ первыхъ *яркихъ* попытокъ явилось въ

[1] *Національное самосознаніе. Русское Обозрѣніе* 1890 г. мартъ.

славянофильствѣ. Дѣло не въ томъ, удачны ли во всемъ были ихъ первые опыты опредѣлить, что̀ такое Россія. Важно, что явилась потребность въ этомъ опредѣленіи. Важно, что этотъ процессъ не умеръ, продолжался въ Достоевскомъ, Данилевскомъ, Катковѣ, К. Леонтьевѣ, они въ разныхъ вѣтвяхъ своихъ *уже* многое выяснили, распространили, привили къ Россіи. Важнѣе же всего то, что эта новая эпоха самоопредѣленія, какъ и въ монгольскія времена, поняла въ глубинѣ, въ основѣ Россіи опять то же *православіе*...

И гг. Михайловскіе съ кн. Трубецкими хотятъ теперь себя увѣрить, будто бы этотъ процессъ заглохъ, умеръ. О нѣтъ, слава Богу!

Не умерло наше „западничество", достигшее апогея своего вліянія въ 60—70 годахъ. Но не умерло и національно-русское движеніе. Въ настоящее время нашъ главный вопросъ тотъ же, какъ былъ въ 40-хъ и 60—70 годахъ въ исходѣ борьбы этихъ двухъ направленій. „Кризисъ", нами переживаемый, обусловливается „универсальными" причинами, но *дѣйствительно* „универсальными", а не тѣми, которыя считаются универсальными на парижской сходкѣ рабочихъ, или обозначены въ книжкѣ нѣмецкаго катедеръ соціалиста. „Универсальныя" причины у насъ, какъ вездѣ, являются облеченными въ *мѣстныя* условія, и въ числѣ ихъ для насъ первое, главное значеніе представляетъ судьба начавшагося процесса національнаго самоопредѣленія, отъ успѣшности котораго зависитъ все наше соціальное творчество.

Прекратился ли этотъ процессъ, только начавшись, съ первымъ проблескомъ своимъ? Уже изъ безпокойной полемики современныхъ „западниковъ" мы видимъ, что нѣтъ и далеко нѣтъ. Мы видимъ, что многое, выясненное первыми славянофилами, вошло въ *обиходъ*, стало всѣми повторяться, возбуждая „скуку и стыдъ" въ гг. Михайловскихъ. Но самое главное—національное самоопредѣленіе Россіи не застыло на славянофилахъ. Многое, что̀ у нихъ было смутно, осложнено „западническими" вліяніями, уясняется послѣ нихъ. Государственныя идеи М. Н. Каткова. замѣчательно *русскія*, еще ждутъ своей достройки, но уже набросаны рѣзкими неизгладимыми штрихами. Въ Леонтьевѣ идея *православія* выступаетъ съ рѣдкою чистотой и ясностью. Его замѣчательныя догадки о „византизмѣ" въ основѣ русскаго строя признаются наконецъ и *Вѣстникомъ Европы*, первый же разъ какъ кн. Трубецкой, занятый до сихъ поръ, вѣроятно, чтеніемъ своихъ

гг. Слонимскихъ, Гольцевыхъ и т. п., удосужился узнать о существованіи идей Леонтьева. Пусть все это остается еще „заслуженно неизвѣстнымъ" въ томъ слоѣ, который, утративъ прежнее господство въ обществѣ, крѣпко еще держитъ въ рукахъ журналистику. „Много зла на пути", это зло не сидитъ сложа руки, и, особенно опасное въ искаженіи религіознаго движенія, не позволяетъ быть увѣреннымъ въ окончательномъ исходѣ борьбы. Но *пока*, до сихъ поръ, во всякомъ случаѣ *не* „славянофильству", а „западничеству" приходится болѣе всего безпокоиться за жизненность своего дѣла. И не однихъ „покойниковъ" приходится отмѣчать, какъ работниковъ русскаго національнаго самоопредѣленія. Въ этомъ отношеніи П. Е. Астафьевъ, по обыкновенію замалчиваемый господами журналистами, характеристиченъ въ своемъ родѣ не менѣе Достоевскихъ, Катковыхъ и Леонтьевыхъ. Его философскія работы—чрезвычайно оригинальныя, составляютъ прямое осуществленіе мечтаній Кирѣевскаго о „новой философіи", на *той самой* основѣ, которую указывалъ Кирѣевскій,—опять византійской и такъ-сказать „свято-отеческой". Но это предметъ обширный, къ которому мы еще возвратимся въ особой статьѣ.

Л. Тихомировъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

На Маломъ Театрѣ идетъ новая пятиактная драма г. Шпажинскаго, подъ названіемъ *Жертва*. Другую новинку составляетъ пятиактная же драма *Графъ де-Ризооръ*, поставленная г. Ленскимъ для своего бенефиса. Это сдѣланный г. Арбенинымъ переводъ извѣстной піесы Сарду: *Patrie!* Вмѣстѣ съ *Жертвой* дается одноактная новая піеса, написанная г-жею Куперникъ и называющаяся *Лѣтняя картинка*.

Что̀ такое *Жертва?* Это послѣдняя глава изъ исторіи человѣка, который гибнетъ жертвой непониманія его со стороны окружающихъ. Человѣкъ этотъ и есть „жертва". Почему же не понимаютъ его? Почему онъ долженъ погибнуть?

Вопросы эти гораздо легче поставить, нежели разрѣшить на основаніи того матеріала, какой даетъ намъ авторъ. Постараемся разобраться въ содержаніи драмы г. Шпажинскаго.

Въ губернскомъ городѣ живутъ два брата Ракитины. Оба женаты. Одинъ, Захаръ, старшій, имѣетъ нотаріальную контору и живетъ отдѣльно. Другой, Митрофанъ, младшій, живетъ вмѣстѣ съ матерью и служитъ чиновникомъ на небольшомъ окладѣ. Братья эти представляютъ полную противоположность между собою. Захаръ—матеріалистъ. Онъ нажилъ себѣ хорошія средства и озабоченъ исключительно животными, такъ-сказать, удобствами жизни, тѣмъ, чтобъ ему сладко поѣсть, выпить хорошаго вина, завести романъ съ хорошенькою женщиной и начать этотъ романъ прямо съ конца. Онъ всячески холитъ самого себя, въ чемъ ему усердно помогаетъ его жена, рабски предъ нимъ преклоняющаяся и поставившая цѣлью всей жизни ухаживаніе за

мужемъ. Захаръ Ракитинъ матеріалистъ и циникъ. Онъ совершенно ясенъ. Нельзя сказать того же о братѣ его Митрофанѣ, который долженъ представлять собою противоположный полюсъ. Газеты сообщали, что первоначально піеса г. Шпажинскаго называлась *Идеалистъ* и подъ этимъ заглавіемъ получила премію Вучины. Мы имѣемъ, слѣдовательно, основаніе видѣть въ Митрофанѣ Ракитинѣ изображеніе человѣка съ идеальными стремленіями. Это очень любопытно, особенно если принять въ соображеніе, что Митрофанъ гибнетъ именно вслѣдствіе того, что онъ идеалистъ, гибнетъ потому, что не таковъ, какъ всѣ окружающіе его люди.

Да, но любопытство наше не удовлетворяется. Мало того, зритель вступаетъ въ споръ съ авторомъ. Онъ, этотъ зритель, никакъ не хочетъ согласиться, чтобы Митрофанъ былъ идеалистъ. Еще менѣе соглашается онъ съ тѣмъ, чтобы Митрофанъ долженъ былъ погибнуть. Единственное его качество, ясно и опредѣленно выдѣляющееся, это—любовь къ матери, качество, несомнѣнно, высокое. Но когда Захаръ Ракитинъ, послѣ смерти брата, прямо говоритъ матери, что у покойнаго была къ ней „какая-то собачья привязанность", то, несмотря на цинизмъ этого выраженія, зритель не въ состояніи отрицать, что въ немъ есть значительная доля правды. Можно сколько угодно любить свою мать и, будучи взрослымъ человѣкомъ, съ терпѣніемъ и кротостію переносить ея постоянные и неосновательные упреки, капризы, побранки, уколы. Это превосходная черта, но только пока дѣло касается отношеній между сыномъ и матерью. Какъ скоро этотъ сынъ женатъ и мать дразнитъ и мучаетъ не его одного, но также и его жену, тогда вопросъ мѣняется. Отъ жены нельзя требовать того же терпѣнія и той же кротости. Если, благодаря совмѣстному сожительству, мать превращаетъ жизнь невѣстки въ какую-то непереносную каторгу, то отдавать жену на такое мученіе—значитъ оказывать по отношенію къ ней величайшую несправедливость, быть или эгоистомъ, или совершенно безхарактернымъ человѣкомъ. Таковъ Митрофанъ Ракитинъ. Мать не любитъ ни его, ни его жену и съ утра до вечера „пилитъ" обоихъ съ тою изобрѣтательностію придирчивости, какая свойственна капризнымъ женщинамъ. Митрофана половину дня нѣтъ дома: онъ бываетъ на службѣ. Въ остальное время онъ пилитъ, клеитъ, стучитъ, дѣлаетъ коробочки, пачкаетъ масляными красками какія-то картинки, или же уходитъ удить рыбу и гулять. А жена?

Каково женѣ? Но Митрофанъ не обращаетъ на это вниманія. Онъ, можетъ-быть, мучается за жену. Только гдѣ-то тамъ, внутри себя, не принимая никакихъ мѣръ, чтобы прекратить отраву существованія жены. И насъ хотятъ увѣрить, что онъ „идеалистъ“? Но идеализмъ есть сознательное и ясное, неуклонное и дѣятельное стремленіе къ добру, правдѣ, свѣту. Стремленіе это такъ овладѣваетъ человѣкомъ и такъ захватываетъ его, что онъ не поступится ни одною іотой своихъ убѣжденій, хотя бы ему пришлось переносить изъ-за нихъ тяжкія матеріальныя лишенія и невзгоды. Драма идеалистовъ начинается тамъ, гдѣ человѣкъ, не ради себя, а ради семьи, вступаетъ въ борьбу со своими убѣжденіями. Драма эта превращается въ трагедію, когда неумолимыя требованія жизни, неотвратимыя и неотвязчивыя, заставляютъ человѣка измѣнить лучшимъ своимъ убѣжденіямъ, вступать въ сдѣлки съ собственною совѣстью, заглушать ея голосъ. Въ чемъ же выражается идеализмъ Митрофана Ракитина? Гдѣ и въ чемъ проявляется его сознательный и дѣятельный моментъ? Предъ нами только безхарактерный и слабый человѣкъ. По крайней мѣрѣ, спросите вы,—хорошій человѣкъ? Симпатичный, душевный?—Представьте себѣ, что я не могу отвѣтить утвердительно даже на эти вопросы. Предо мною нѣтъ піесы; она еще не вышла изъ печати, и я не могу утвердительно сказать, насколько исполненіе г. Ленскаго, играющаго роль Митрофана Ракитина, совпадаетъ съ намѣреніями автора, или же передвигаетъ линіи. Я разсказываю вамъ про впечатлѣніе, какое производитъ піеса со сцены нашего Малаго Театра. Все дѣло въ этомъ сценическомъ впечатлѣніи, ибо театральныя піесы пишутся для сцены, а не для чтенія. И вотъ, по сценическому впечатлѣнію, я затрудняюсь даже сказать, хорошій ли человѣкъ Митрофанъ Ракитинъ. Онъ—не дурной человѣкъ. Онъ гораздо лучше брата. Но онъ—несносенъ. Потому что онъ натура тупая, тугая, ограниченная и самодовольная. Очень можетъ быть, что онъ глубоко чувствуетъ. Такъ глубоко, что это даже незамѣтно. Горбатенькая Фрося, молодая дѣвушка, дочь квартирной хозяйки Митрофана Ракитина, въ продолженіи всей піесы старается доказать намъ, что Митрофанъ самый превосходный человѣкъ, какого только можно себѣ представить. Но Фрося одна знаетъ его съ этой стороны и потому благоговѣетъ предъ нимъ. Мы, зрители, вѣримъ лишь тому, что̀ видимъ предъ собою.

Въ чемъ же, однако, содержаніе драмы? Оно необыкновенно просто. Измученная свекровью жена Митрофана чувствуетъ инстинктивное влеченіе къ молодому человѣку Судьбищеву, двоюродному брату жены Захара Ракитина. Этотъ молодой человѣкъ, умный, живой, искренній, часто бываетъ въ домѣ Митрофана. Въ бесѣдахъ съ нимъ жена послѣдняго отводитъ душу. Мало-по-малу между ею и Судьбищевымъ завязывается привязанность, которой оба они боятся, которая, несмотря на это, все увеличивается и разростается. Наконецъ Судьбищевъ, не будучи въ состояніи совладѣть съ собою, насильно цѣлуетъ жену Митрофана какъ разъ въ то мгновеніе, какъ послѣдній входитъ въ комнату. Митрофанъ притворяется, что ничего не видалъ, начинаетъ искать на коврѣ какой-то ключъ и, ставъ на колѣни, плачетъ, опустивъ голову на столъ.

Измѣнила ли Митрофану его жена? Нѣтъ, она не измѣнила ему. Судьбищевъ поцѣловалъ ее противъ ея воли. Она запретила ему послѣ этого когда-либо показываться въ ея домъ. Она хочетъ остаться вѣрною мужу, хочетъ побороть и преодолѣть влеченіе, зародившееся въ ней. Она и совершила бы это, еслибы Митрофанъ сдѣлалъ хотя одинъ шагъ ей навстрѣчу, объяснился бы съ нею. Пусть онъ разбранилъ бы жену: она была бы этому рада. Пусть онъ сталъ бы ее упрекать, ревновать, преслѣдовать подозрѣніями. Тѣмъ лучше. Она убѣдилась бы, что онъ ее, дѣйствительно, любитъ; произошло бы объясненіе и примиреніе. Митрофану открылись бы глаза на домашній адъ, въ которомъ съ утра до вечера кипитъ его жена. Онъ, вѣроятно, вышелъ бы изъ своего нейтралитета и принялъ бы мѣры къ огражденію жены отъ „маменьки". Точно послѣ грозы опять проглянуло бы солнце, все недоговоренное прежде было бы разъяснено, мужъ и жена стали бы ближе другъ къ другу, чѣмъ когда-либо. Жена только и жаждетъ этого. Ей хочется оправдаться, поговорить, излить свою душу. Но Митрофанъ дѣлаетъ блаженное лицо и упорно молчитъ, несмотря на то, что жена всячески вызываетъ его на объясненіе. Ибо, согласитесь сами, вѣдь нельзя же ей долго оставаться въ такомъ натянутомъ положеніи? Что же онъ, Митрофанъ Ракитинъ, окончательно порвалъ съ женой послѣ того случая, котораго былъ свидѣтелемъ? Какъ думаетъ онъ объ этомъ случаѣ? Что онъ: презираетъ жену, или только сердится на нее? Неизвѣстно. Митрофанъ молчитъ и пропадаетъ изъ дома. На всѣ рѣчи жены онъ говоритъ

лишь одно: „мы разныя натуры“. Да какая же натура у него, у Митрофана Ракитина? Допустимъ крайній случай: Митрофанъ считаетъ фактъ поцѣлуя своей жены постороннимъ человѣкомъ за такое нарушеніе супружескихъ отношеній, послѣ котораго отношенія эти порваны навсегда. Онъ не хочетъ слышать никакихъ объясненій и оправданій. Онъ опирается на фактъ. Это понятно и ясно. Но тогда онъ долженъ же сказать своей женѣ: между нами все кончено; ступай, куда хочешь, или оставайся здѣсь, но ты мнѣ болѣе не жена.—Вопросъ былъ бы тогда рѣшенъ. Жена знала бы что̀ ей дѣлать. Мы, зрители, знали бы, что̀ намъ думать. Но въ томъ-то и бѣда, что Митрофанъ молчитъ, когда ему слѣдуетъ говорить. Онъ выводитъ изъ терпѣнія жену и зрителей, которые всѣми силами своей души становятся на сторону жены, тогда какъ, по намѣреніямъ автора, они должны бы быть на сторонѣ мужа. Автору не удается доказать то, что̀ онъ хотѣлъ. Піеса разваливается.

Въ самомъ дѣлѣ: что̀ остается дѣлать женѣ Митрофана? Придирки и пиленія „маменьки“ продолжаются своимъ чередомъ, но къ этому присоединилось еще, послѣ исторіи съ поцѣлуемъ, тупое, несносное, пассивное молчаніе со стороны мужа. Единственная фраза, которой можетъ добиться отъ него жена, заключается въ трехъ словахъ: „мы разныя натуры“. Митрофанъ пересталъ клеить коробочки, ма̀зать картинки и стирать пыль со своего стола. Его совсѣмъ не бываетъ дома. Утромъ онъ на службѣ, а вернувшись съ должности уходитъ гулять. Что̀ это такое? Это фактическій разрывъ отношеній между мужемъ и женой. А въ это время Судьбищевъ уѣзжаетъ и является проститься. Происходитъ то, что̀ неизбѣжно должно было произойти. Измученная жена бросаетъ Митрофана и рѣшается уѣхать съ Судьбищевымъ. Тогда Митрофанъ идетъ и топится. Не въ порывѣ отчаянія или горя, нѣтъ, хладнокровно, систематически, до малѣйшихъ подробностей обдумавъ свой поступокъ и способъ его исполненія. Зачѣмъ же лишаетъ онъ себя жизни? Изъ любви къ женѣ, чтобъ уничтожить всякое препятствіе между ею и Судьбищевымъ? Но для этого не нужно было топиться. Митрофанъ могъ возвратить женѣ полную свободу дѣйствій и остаться живымъ. Быть-можетъ любовь къ женѣ такъ сильна въ немъ, что онъ не можетъ перенести удара, какой нанесъ ему поцѣлуй Судьбищева? Но, вопервыхъ, исторія этого несчастнаго поцѣлуя такъ и остается неразъясненною Митрофану, а, вовторыхъ, онъ, идеалистъ,

долженъ былъ бы сохранить свою жизнь для матери. Въ концѣ концовъ зритель прямо не вѣритъ въ какую-то особенную любовь Митрофана къ женѣ. Какая же это любовь, когда онъ сначала допускаетъ „маменьку" довести жену до отчаянія, а потомъ самъ доводитъ ее до умоизступленія своею тягучею пассивностію.

Митрофанъ Ракитинъ такъ хорошо обдумалъ обстановку и подробности своего самоубійства, что всѣ, начиная отъ матери, видятъ въ его смерти только несчастный случай. Онъ утонулъ ловя рыбу. Одна только Фрося видѣла, что Митрофанъ топился, бѣжала къ нему на помощь и кричала ему, но вѣтеръ относилъ ея голосъ. Что̀ могло бы быть естественнѣе со стороны Фроси, какъ не разсказать всѣмъ, что̀ она видѣла? Это была бы съ ея стороны простая и неудержимая потребность подѣлиться истиной. Но Фрося молчитъ и бережетъ свою тайну для сценическаго эффекта. Вдова Митрофана и Судьбищевъ находятся теперь въ ея рукахъ. Они не могутъ стать мужемъ и женой. Почему? Потому, что Митрофанъ не утонулъ, а—утопился. Узнавъ эту тайну отъ злорадостной Фроси, которая мститъ такимъ образомъ за Митрофана, вдова его восклицаетъ: „все кончено!" и занавѣсъ опускается.

А зритель, этотъ безпощадный представитель простаго здраваго смысла, опять недоумѣваетъ и опять споритъ. Что̀ же изъ того, что Митрофанъ—утопился? Это очень прискорбно, но виновата ли жена въ его смерти? Должна ли она всю жизнь искупать свою вину и никогда не вступать въ новый бракъ? Нѣтъ, говоритъ зритель, жена ни въ чемъ не виновата. Она не измѣнила мужу. Она только была приведена семейною обстановкой къ тому угнетенному состоянію духа, когда человѣкъ инстинктивно стремится найти въ комъ-либо опору, сочувствіе, поддержку. Еслибы мужъ, въ минуту кризиса, объяснился съ нею и поддержалъ бы ее, то она пошла бы за нимъ. Она порвала отношенія съ мужемъ лишь послѣ того, какъ онъ первый разрушилъ ихъ и сдѣлалъ ей дальнѣйшую семейную жизнь совершенно невозможною. Мужъ пересталъ для нея существовать ранѣе нежели онъ умеръ. При этихъ условіяхъ не имѣетъ значенія то обстоятельство, была ли смерть его дѣломъ случая, или же предумышленная. Фрося совершенно напрасно думаетъ, что воздвигла какую-то непреодолимую и страшную преграду между вдовой Митрофана и Судьбищевымъ, объявивъ имъ, что

Митрофанъ—утопился. Это натяжка и фальшь, противъ которой возстаетъ здравый смыслъ зрителя, простой реторическій эффектъ, не достигающій цѣли вслѣдствіе своей искусственности и дѣланности. Что касается исполненія, то г-жа Ермолова превосходно играетъ роль жены Митрофана Ракитина, а г-жи Уманецъ-Райская и Лешковская вполнѣ безупречны: первая въ роли жены Захара Ракитина, вторая — въ роли Фроси. Обѣ эти артистки дѣлаютъ замѣтные успѣхи. Г. Южинъ очень хорошъ въ небольшой роли Судьбищева, которую онъ, по обыкновенію, играетъ необыкновенно искренно и просто. Роль Захара Ракитина исполняется г. Рыбаковымъ, а роль Митрофана играетъ г. Ленскій.

Графъ де-Ризооръ—огромная, обстановочная, трескучая французская мелодрама, наполненная казнями, убійствами, выстрѣлами, барабаннымъ боемъ, звоновъ колоколовъ, смертями, рыданіями, проклятіями, пытками, разстрѣливаніями, предательствами. Это піеса совершенно внѣшняя, исключительно разсчитанная на цѣлый рядъ благодарныхъ ролей и эффектныя сценическія картины. Художественныхъ или литературныхъ достоинствъ она не имѣетъ, и это заставляетъ тѣмъ болѣе сожалѣть о трудахъ, истраченныхъ на ея постановку. Труды эти были несомнѣнно большіе, ибо постановка „слажена“ прекрасно. Но если въ другихъ случаяхъ такое „слаживаніе“ представляетъ полезный и благотворный трудъ на пользу искусства, то по отношенію къ драмѣ Сарду большой трудъ пропалъ совершенно даромъ. Я даже пойду далѣе. Я думаю, что чѣмъ красивѣе и тщательнѣе постановка такого рода внѣшнихъ піесъ, тѣмъ болѣе раздражается и питается врожденный инстинктъ толпы къ „зрѣлищамъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ притупляется чувство къ дѣйствительно-прекрасному, къ глубокимъ и тонкимъ художественнымъ произведеніямъ. Остается утѣшать себя тѣмъ, что именно вслѣдствіе большихъ требованій обстановки, трескучая мелодрама Сарду не найдетъ себѣ распространенія на русскихъ театрахъ. Это не исключаетъ сожалѣнія о томъ, что она поставлена на сценѣ государственнаго русскаго художественнаго института, призваннаго служить цѣлямъ дѣйствительнаго искусства, на сценѣ московскаго Малаго Театра.

Въ чемъ же содержаніе этой піесы? Я постараюсь быть возможно краткимъ въ его передачѣ. Дѣйствіе происходитъ въ 1568 году въ Брюсселѣ, занятомъ испанскими войсками подъ главнымъ начальствомъ герцога Альбы. Утѣсненіе гражданъ полное,

страшное, невообразимое. Ихъ хватаютъ, вѣшаютъ, разстрѣливаютъ, жгутъ на кострахъ, пытаютъ, грабятъ. Всѣ не исповѣдующіе католичества заранѣе осуждены на смерть, какъ еретики. И вотъ въ Брюсселѣ готовится возстаніе противъ испанской тиранніи, возстаніе, во главѣ котораго стоитъ доблестный патріотъ, графъ де-Ризооръ. Совершенно случайнымъ образомъ графъ узнаетъ, какъ разъ въ ту самую ночь, которая назначена для возстанія, что жена его, Долоресъ, Испанка по происхожденію, измѣняетъ ему. Долоресъ не только сознается въ этомъ, но еще объявляетъ, что ненавидитъ своего мужа. Одного только не хочетъ она сказать: имени своего сообщника. Но Ризоору не нужно имени. Онъ узнаетъ этого человѣка по свѣжей ранѣ, которая должна быть у него на рукѣ. Узнаетъ и убьетъ. Только онъ займется потомъ этими домашними дѣлами. Теперь ему нѣтъ времени. Онъ спѣшитъ къ своимъ товарищамъ. Возстаніе должно начаться черезъ нѣсколько часовъ. Тогда Долоресъ, чтобы спасти любимаго человѣка отъ руки мужа, бѣжитъ къ герцогу Альбѣ и выдаетъ ему, вмѣстѣ съ тайной заговора, графа де-Ризоора.

Между тѣмъ заговорщики собрались въ Брюссельской ратушѣ. Ризооръ поручаетъ командованіе своему другу Карлоо, какъ вдругъ замѣчаетъ на его рукѣ свѣжую рану. Несмотря на несоотвѣтствіе момента, слѣдуетъ бурное объясненіе. Карлоо не знаетъ, чѣмъ заслужить прощеніе. Тогда Ризооръ поручаетъ ему идти и вмѣсто отнятой жены возвратить ему — отечество. Но уже поздно. Со всѣхъ сторонъ врываются испанскіе солдаты. Трескъ, крикъ, пальба. Ризоора и Карлоо захватываютъ живыми вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ ихъ товарищей.

У герцога Альбы есть дочь, молодая дѣвушка. Рафаэлла, которую отецъ любитъ до безумія. Дѣвушка эта, частію отъ неблагопріятнаго для нея климата, частію отъ постоянныхъ нервныхъ потрясеній, вызываемыхъ происходящими вокругъ нея ужасами, чахнетъ и таетъ день ото дня. Она взяла съ отца слово, что казней болѣе не будетъ. И вотъ герцогъ Альба, въ виду того, что для захваченныхъ заговорщиковъ готовится торжественное сожженіе на кострѣ, отправляетъ свою дочь на этотъ день за городъ. Долоресъ, пользуясь вліяніемъ Рафаэллы на отца, выпрашиваетъ черезъ нее освобожденіе Карлоо. Послѣдній хочетъ умереть вмѣстѣ со всѣми, но Ризооръ приказываетъ ему жить для отечества и для того, чтобъ отомстить неизвѣстному

предателю, выдавшему ихъ тайну. Затѣмъ онъ прощаетъ Карлоо и закалывается. Рафаэлла, при выѣздѣ за городъ, увидала на городскихъ воротахъ трупы трехъ повѣшенныхъ. Съ нею сдѣлался нервный припадокъ. Она вернулась и попадаетъ на площадь какъ разъ въ то время, какъ тамъ должны, въ торжественной процессіи, проходить осужденные къ сожженію на кострѣ. Никто изъ приближенныхъ не хочетъ говорить правды дочери герцога Альбы и всѣ только умоляютъ ее поскорѣе удалиться. Наконецъ, она узнаетъ истину отъ какого-то мальчика и отъ потрясенія тутъ же умираетъ. Карлоо, узнавъ что предательницей была Долоресъ, закалываетъ ее, а самъ вскакиваетъ на окно, кричитъ оттуда палачу: „мѣсто мнѣ на кострѣ!"—а затѣмъ выпрыгиваетъ изъ окна и бѣжитъ умереть съ товарищами.

Я говорилъ уже, что въ піесѣ Сарду много благодарныхъ ролей; немудрено, если онѣ прекрасно исполняются нашими артистами, гг. Ленскимъ *(Ризооръ)*, Южинымъ *(Карлоо)*, Рыбаковымъ *(герцогъ Альба)*, Горевымъ *(маркизъ де ла-Тремуйль)*. Г-жа Нечаева очень мило играетъ Рафаэллу, а г-жа Ермолова отлично исполняетъ роль Долоресъ, требующую большаго напряженія. Декораціи и постановка прекрасны. Все это не можетъ, однако, искупить отсутствія художественности въ самой піесѣ. Зритель выходитъ изъ театра удрученнымъ и измученнымъ отъ этого сплошнаго зрѣлища разныхъ ужасовъ, гдѣ уже перестаютъ различаться оттѣнки и усиленія, гдѣ сплошь слышится одно *fortissimo*, а нервы одинаково теребятся и притупляются какъ жестокостью, такъ и сентиментальностью, этими двумя полюсами, между которыми вращается драма Сарду.

Одноактная піеса *Лѣтняя картинка* производитъ очень свѣжее впечатлѣніе, хотя она не чужда легкаго оттѣнка сентиментальности. Старуха-вдова Завадская не замѣчаетъ, что ея воспитанница Шурочка стала 18-лѣтнею дѣвушкой и все продолжаетъ обращаться съ нею, какъ съ ребенкомъ, водитъ въ короткихъ платьяхъ, ставитъ въ уголъ и т. д. Также смотритъ на Шурочку и братъ Завадской, молодой человѣкъ Иртеньевъ, въ котораго Шурочка тайкомъ влюблена, пока ему, наконецъ, не раскрываются случайно глаза и онъ не открываетъ въ мнимой дѣвочкѣ—прелестную молодую дѣвушку. Роль Шурочки очень мило играетъ г-жа Щепкина.

На театрѣ г. Корша поставлены въ первый разъ: *Чашка чаю*, извѣстная комедія Скриба, *Чужое имя*, передѣлка пьесы *Miss*

Milton, и переведенная съ французскаго языка комедія *Сирена*. Первая изъ этихъ піесъ, значительно уже устарѣвшая, можетъ еще имѣть нѣкоторый успѣхъ исключительно подъ условіемъ исполненія двухъ главныхъ ролей, герцогини Мальборо и графа Болингброка, французскими актерами, на свойства и игру которыхъ она прямо разсчитана. Внѣ этого условія комедія идетъ вяло и скучно. Піеса *Чужое имя* поставлена, вѣроятно, только по желанію бенефиціантки, г-жи Романовской, которой принадлежитъ тамъ главная роль. Это совершенно устарѣвшая мелодрама, построенная на томъ, что преступная мать, которую считали погибшею во время крушенія желѣзнодорожнаго поѣзда, внезапно является подъ чужимъ именемъ въ домъ своего мужа, женатаго на второй женѣ, и поселяется здѣсь въ качествѣ гувернантки при собственныхъ дѣтяхъ. Мало-по-малу она начинаетъ ревновать мужа и дѣтей и готова произвести цѣлый скандалъ въ этомъ мирномъ семействѣ, но ее, наконецъ, удается удалить угрозой разсказать дѣтямъ ея прошлое. Все это необыкновенно натянуто и неестественно, а непріятность впечатлѣнія еще усиливается тѣмъ, что мѣсто дѣйствія перенесено въ Россію и дѣйствующими лицами являются русскіе люди, русскіе, разумѣется, только по именамъ и фамиліямъ. Что касается до комедіи *Сирена*, то она принадлежитъ къ разряду тѣхъ французскихъ фарсовъ, гдѣ на тонкую нить основнаго содержанія нанизываются, какъ украшенія на елку, безконечныя эпизодическія усложненія, часто остроумныя, почти всегда забавныя. Такъ и здѣсь. Огюстъ Бернаръ, бывшій прежде капитаномъ коммерческаго судна, но вышедшій въ отставку за невозможностію привыкнуть къ морской болѣзни, продолжаетъ выдавать себя женѣ и тещѣ за состоящаго на морской службѣ и, пользуясь этимъ, отлучается на цѣлые мѣсяцы для мнимыхъ плаваній, на самомъ же дѣлѣ живетъ все это время въ Парижѣ, гдѣ у него заведено нѣчто въ родѣ второй семьи. Для поддержанія правдоподобія онъ каждый разъ, возвращаясь домой, привозитъ различныя вещи, пріобрѣтенныя будто бы въ дальнихъ странахъ и напоминающія ему о различныхъ приключеніяхъ, героемъ которыхъ ему пришлось быть. Все идетъ прекрасно, пока теща не находитъ, наконецъ, на чучелѣ какой-то птицы, будто бы убитой ея зятемъ на охотѣ, билетика съ адресомъ парижскаго магазина. Это кажется ей подозрительнымъ, и на слѣдующій разъ, когда Бернаръ объявляетъ, что долженъ опять отпра-

вится въ плаваніе на кораблѣ *Сирена*, теща, вмѣстѣ съ дочерью ѣдутъ его провожать въ Гавръ. Здѣсь-то и начинается невообразимая путаница цѣлой сѣти усложненій и эпизодовъ, переплетающихся между собою. Піеса забавна и смотрится легко.

Г. Булдинъ, преподаватель драматическаго искусства въ Московской Консерваторіи, открылъ при Московскомъ университетѣ курсъ дикціи и произношенія. Задача этого курса состоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы научить владѣнію голосомъ и распоряженію его средствами, правильному дыханію, ясному, отчетливому и выразительному произношенію. Умѣніе владѣть и распоряжаться своими голосовыми средствами такъ необходимо для многихъ профессій, что нужно искренно привѣтствовать мысль сдѣлать это умѣніе доступнымъ посредствомъ систематическаго курса теоретическаго и практическаго преподаванія.

С. Васильевъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Въ Большомъ Театрѣ все еще идутъ подготовленія къ постановкѣ новыхъ оперъ, а потому за первые полтора или почти два мѣсяца сезона успѣли только возобновить *Аиду* Верди, которою дирижируетъ У. О. Авранекъ. Сюжетъ *Аиды* напоминаетъ давно минувшія времена итальянской opera seria, когда на сценѣ являлись и Тамерланы, и Чингисханы съ языкомъ и манерами французскихъ маркизовъ XVII вѣка. Таковы и въ *Аидѣ* эфіопскіе и египетскіе монархи, принцессы и ихъ дворъ. Музыкѣ Верди нужно отдать справедливость, по отношенію ко внѣшнему богатству и роскоши она составляетъ замѣчательное произведеніе, но и со стороны драматической силы и выразительности многое отмѣчено печатью мощнаго таланта; на ряду съ этою роскошью и силой à la Мейерберъ являются иногда мѣста близкія по своему характеру къ прежнимъ итальянскимъ кабалеттамъ, но и они имѣютъ не совсѣмъ прежній обликъ. Едва ли не всего удачнѣе въ оперѣ вторая картина перваго акта, сцена въ храмѣ, гдѣ особенно хорошъ контрастъ между оригинальною, отлично гармонизованною мелодіей восточнаго характера въ сопрано и строгими, простыми аккордами въ мужскомъ хорѣ жрецовъ. *Аида* была отлично обставлена и представляла такой стройный ансабль исполненія, какого мы уже давно не слыхали на нашей сценѣ. Въ заглавной партіи оперы чередуются г-жи Маркова и Дейша-Сіоницкая. Первая изъ нихъ произвела въ *Аидѣ* еще болѣе благопріятное впечатлѣніе, нежели въ *Жизни за Царя*, и подаетъ весьма основательныя надежды сдѣлаться одною изъ лучшихъ силъ оперной труппы Большаго Театра,—для этого артистка имѣетъ

счастливое соединеніе многихъ свойствъ, обусловливающихъ сценическій успѣхъ, а именно: прекрасный, свѣжій голосъ, съ очень красивымъ теплымъ тембромъ, хорошую школу, большую музыкальность и вкусъ въ оттѣнкахъ и фразировкѣ и, наконецъ, хорошіе задатки по части сценической игры. Относительно г-жи Дейша-Сіонипкой намъ нѣтъ надобности повторять уже неоднократно высказанное нами мнѣніе о достоинствахъ этой пѣвицы, на которой въ настоящее время лежитъ едва ли не главная тяжесть репертуара нашей сцены. Партія Аиды вполнѣ отвѣчаетъ ея средствамъ и навѣрное доставитъ ей такіе же успѣхи, какъ и рядъ другихъ сильныхъ драматическихъ партій, въ которыхъ превосходная артистка являлась и является предъ московскою публикой. Очень большое впечатлѣніе произвелъ на насъ г. Донской исполненіемъ партіи Радамеса, которую онъ поетъ замѣчательно хорошо во всѣхъ отношеніяхъ. Этотъ талантливый артистъ своимъ непрерывнымъ трудомъ и талантомъ достигаетъ все большей и большей артистической высоты и въ настоящее время уже занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между русскими оперными артистами. Въ партіи Радамеса г. Донской одинаково хорошъ и въ сильныхъ, и въ нѣжныхъ сценахъ; по манерѣ давать звукъ его можно сравнивать съ лучшими пѣвцами, а по тонкости оттѣнковъ и музыкальности фразировки онъ можетъ удовлетворить требованіямъ какой угодно большой сцены. Всѣ остальные исполнители въ *Аидѣ* болѣе или менѣе хороши и, какъ мы уже сказали, по ансамблю это едва ли не лучшая опера въ теперешнемъ репертуарѣ Большаго Театра. Постановка оперы осталась прежняя, но она хороша и, сверхъ того, имѣетъ то достоинство, что перемѣны дѣлаются сравнительно скоро, такъ что *Аида*, несмотря на свои семь картинъ, кончается не поздно, что̀ составляетъ счастливое исключеніе сравнительно съ другими большими операми.

Въ скоромъ времени въ Большомъ Театрѣ ожидается постановка *Лакмэ* покойнаго Делиба. Конечно, это красивая, изящная опера, но особенно крупныхъ достоинствъ въ ней нѣтъ. Очень жаль, что первую очередь постановки отдали этой оперѣ, а не *Снѣгурочкѣ* Н. А. Римскаго-Корсакова, далеко превосходящей ее своими достоинствами, а для насъ, Русскихъ, представляющей въ особенности огромный интересъ благодаря сочетанію такихъ талантовъ, какъ Островскій и авторъ музыки оперы. *Снѣгурочка* есть одно изъ поэтичнѣйшихъ созданій нашего великаго драматурга, а Н. А. Римскій-Корсаковъ такой поэтъ музыкальной иллюстраціи,

какихъ теперь немного. Сверхъ того, мы убѣждены, что *Снѣгурочка* будетъ гораздо болѣе по средствамъ нашихъ исполнителей, нежели *Лакмэ*. Хотя первая и представляетъ несравненно болѣе трудное и сложное произведеніе нежели вторая, но по самой сущности сюжета она больше родственна русскимъ артистамъ, нежели *Лакмэ*, разсчитанная на такой сценическій навыкъ и пріемы исполнителей, которыхъ у насъ свойственны немногимъ. *Лакмэ* займетъ въ репертуарѣ мѣсто такъ себѣ, между прочимъ, и разучивать ее слѣдовало бы также между прочимъ, и не откладывать изъ-за нее въ долгій ящикъ другихъ, несравненно болѣе значительныхъ произведеній.

Русское оперное Товарищество въ театрѣ Шелапутина выступило, наконецъ, на настоящую дорогу и стало обзаводиться своимъ самостоятельнымъ и весьма интереснымъ репертуаромъ. Первое мѣсто среди новостей въ репертуарѣ Товарищества нужно отвести *Майской ночи* Н. А. Римскаго-Корсакова, шедшей въ первый разъ 8 октября и съ тѣхъ поръ дающейся едва ли не черезъ день, привлекая съ каждымъ разомъ все большее число слушателей. *Майская ночь* московской публикѣ была до сихъ поръ совершенно неизвѣстна. Въ Петербургѣ она была поставлена еще двѣнадцать лѣтъ назадъ, но имѣла успѣхъ довольно посредственный, не возбуждала особеннаго интереса, хотя все-таки держалась на сценѣ и давала сборы. Теперь, когда мы въ Москвѣ познакомились съ этою чудною оперой, намъ трудно объяснить себѣ ея слабый успѣхъ въ Петербургѣ, а еще менѣе возможно понять, какимъ образомъ нашъ Большой Театръ могъ игнорировать такое поэтическое произведеніе, составляющее одно изъ лучшихъ украшеній русской оперной литературы. Только благодаря Товариществу, Москва съ нимъ познакомилась, а иначе Богъ знаетъ еще, когда бы это случилось.

Либретто *Майской ночи* сдѣлано, если не ошибаемся, композиторомъ и держится очень близко Гоголя, сохраняя въ точности не только фабулу, но въ значительной части и языкъ повѣсти *Майская ночь или утопленница*. Когда передѣлываютъ для сцены повѣсть или романъ, оказываются обыкновенно весьма значительныя неудобства и неловкости. Съ *Майскою ночью* этого не случилось, и въ сценической обработкѣ она представляетъ

очень стройный сюжетъ и благодарную канву для музыки. Такъ какъ мы не намѣрены пускаться въ подробный разборъ оперы, то мы не будемъ разсказывать ея сюжета, достаточно извѣстнаго русской читающей публикѣ изъ повѣсти Гоголя. Мы сдѣлаемъ только короткую характеристику главныхъ моментовъ музыки и коснемся нѣсколько исполненія.

Увертюра сдѣлана изъ темъ оперы, мастерски инструментована и отлично подготовляетъ общее настроеніе пьесы. Поэтическое вступленіе увертюры рисуетъ майскую ночь, а слѣдующее за тѣмъ allegro отлично комбинируетъ различныя лирическія и юмористическія мѣста, производя цѣльное, прекрасное впечатлѣніе. При поднятіи занавѣса на сценѣ хороводная игра въ „Просо“, съ превосходнымъ хоромъ, построеннымъ на старинной народной темѣ. Вообще народныя темы играютъ въ *Майской ночи* весьма большую роль и придаютъ оперѣ особенно свѣтлый, здоровый характеръ настоящей народной жизни среди чаръ упоительной южной ночи. Послѣ хора слѣдуетъ дуэтъ между Ганной и Левкой, чрезвычайно красивый и поэтичный, написанный въ очень свободной формѣ и одинаково цѣнный, какъ по мелодіи, такъ и по интересной гармоніи, не говоря о чудесной инструментовкѣ, которая у Н. А. Римскаго-Корсакова составляетъ общее мѣсто. Въ разсказѣ Левки о заброшенномъ панскомъ домѣ и панночкѣ есть прелестныя детали, и онъ хорошъ уже сжатостью музыкальнаго изложенія, ибо въ подобныхъ случаяхъ композитору грозитъ большая опасность увлечься иллюстраціей моментовъ разсказа и сдѣлать его слишкомъ длиннымъ; композиторъ счастливо избѣжалъ этого, и разсказъ вышелъ очень хорошъ и живъ. Меньше нравится намъ сцена пьянаго Каленика, хотя въ ней много жизненности, она просто слишкомъ длинна для своего содержанія, но и въ этой сценѣ есть прекрасныя детали. Очень удачно сдѣлана сцена Головы съ Ганной, съ комическимъ важничаньемъ перваго и его ухаживаніями за молодою дивчиной. Огромный эффектъ производитъ заключительный нумеръ перваго акта, удалая пѣсня Левки съ хоромъ парубковъ и пляской. Эта сцена выхвачена необыкновенно живо и сильно изъ народной жизни и неотразимо увлекаетъ публику, такъ что во всѣхъ представленіяхъ до сихъ поръ весь этотъ нумеръ повторялся всякій разъ по единодушному требованію всей залы. Второй актъ состоитъ изъ двухъ картинъ. Въ первой дѣйствіе происходитъ въ хатѣ у головы, гдѣ идетъ бесѣда между нимъ, винокуромъ и своя-

ченицей. Чрезвычайно удаченъ здѣсь оркестровой фонъ скромнаго полонеза, связывающаго всѣ рѣчи въ одно цѣлое. Чрезвычайно живъ и комиченъ разсказъ винокура объ его тещѣ и прохожемъ, подавившемся галушкой; множество комическихъ деталей разсѣяно во всей этой сценѣ, мастерски написанной. Еще ярче комическій оттѣнокъ выступаетъ съ приходомъ писаря; особенно хорошо заключеніе этой картины, въ которомъ голова, писарь и винокуръ собираются показать парубкамъ, что̀ значитъ шутить съ властями. Необыкновенно удачно примѣнена здѣсь фугированная форма проведенія темы, сопровождаемая комически торжественнымъ сопровожденіемъ оркестра; нѣтъ возможности не смѣяться въ этой сценѣ, такъ весело и живо она написана. Вторая картина, составляющая финалъ втораго акта, также очень удачна особенно въ началѣ, гдѣ опять отличный эффектъ производитъ примѣненіе формы фугато; очень хорошъ и неудержимый потокъ брани, которымъ разражается бѣдная свояченица, которую сельскія власти чуть не спалили, принимая ее за нечистую силу. Третье дѣйствіе переноситъ слушателя въ царство грезъ тихой майской ночи нашего юга. Оркестровое вступленіе чудно-красиво, поэтично и даетъ удивительно полное впечатлѣніе упоительнаго настроенія сцены. Двѣ пѣсни Левки, слѣдующія одна за другой, прелестны, и если первая, колыбельная пѣсня, хороша, то вторая едва ли не лучше ея. Всего сильнѣе дѣйствуетъ здѣсь выдержанность колорита и настроенія, чарующаго своею неотразимою прелестью слушателя. Слѣдующая сцена съ русалками, отличная по музыкѣ, гораздо менѣе удачна въ смыслѣ вѣрности своего характера. Въ сравненіи съ тонкою поэзіей предшествующаго начала дѣйствія, русалки являются нѣсколько тяжелы, слишкомъ реальны, и вся сцена вообще слишкомъ растянута. Заключительная сцена, состоящая изъ большаго ансамбля съ хоромъ, съ формальной стороны очень хорошо заканчиваетъ оперу, хотя этотъ нумеръ мы не причисляемъ къ лучшимъ, онъ, быть-можетъ, слишкомъ помпозенъ по отношенію къ общему характеру *Майской ночи*, единственной, по нашему мнѣнію, настоящей русской комической оперы. Въ *Черевичкахъ* П. И. Чайковскаго, превосходномъ произведеніи вообще, комическій элементъ выступаетъ сравнительно рѣдко и нѣтъ такого сплошнаго непринужденнаго веселья, какое мы видимъ въ произведеніи Н. А. Римскаго-Корсакова.

Поставлена *Майская ночь* въ Москвѣ очень недурно и съ боль-

шимъ вкусомъ. Въ прошломъ нашемъ обозрѣніи мы говорили о численной слабости оркестра Опернаго Товарищества и заранѣе мирились съ этимъ недостаткомъ по отношенію къ *Майской ночи*, но оказалось, что наши опасенія были напрасны, оркестръ звучитъ прекрасно и передаетъ тонкіе эффекты инструментовки очень хорошо; это можетъ служить, между прочимъ, доказательствомъ удивительнаго мастерства композитора *Майской ночи* въ оркестровкѣ, онъ пишетъ не только эффектно, роскошно, но и доступно для сцены со средствами неособенно большими; впрочемъ, въ данномъ случаѣ огромную роль играетъ знаніе дѣла и талантъ капельмейстера Товарищества, г. Прибика, сумѣвшаго добиться вполнѣ тщательнаго и тонкаго исполненія. Вокальные солисты большею частію очень хороши, причемъ мужской персоналъ сильнѣе женскаго. Въ партіи Ганны поетъ г-жа Смирнова, артистка несомнѣнно талантливая, но не совсѣмъ подходящая по своимъ физическимъ даннымъ; величавый ростъ и фигура артистки болѣе идутъ къ сильнымъ драматическимъ ролямъ, даже голосъ ея слишкомъ крупенъ и массивенъ для партіи Ганны, хотя она поетъ хорошо все съ начала до конца. Свояченица, г-жа Правдина, хорошо выдерживаетъ свою роль, но въ пѣніи желательно бы нѣсколько большей легкости и непринужденности. Очень хорошо и тепло поетъ г-жа Цвѣткова партію панночки. Въ четвертомъ представленіи эту партію пѣла г-жа Лаубъ и ея голосъ звучалъ довольно красиво. Между мужчинами первое мѣсто нужно отвести г. Антоновскому, это превосходный голова во всѣхъ отношеніяхъ; не говоря о великолѣпномъ голосѣ и умѣньи пѣть, г. Антоновскій отлично играетъ свою роль, такъ что лучшаго исполнителя для этой партіи и желать нельзя. Соперникомъ ему является г. Михайловъ въ партіи Левки. Это такъ же отличный исполнитель и какъ пѣвецъ, и какъ сценическій артистъ; особенно удаются ему лирическія мѣста его партіи, какъ, напримѣръ, дуэтъ перваго акта, разсказъ, колыбельная пѣсня, которую всегда заставляютъ повторять,—и слѣдующая превосходная пѣсня въ третьемъ актѣ, все это, да и вообще вся партія исполняются имъ прекрасно, тонко и съ одушевленіемъ. Г. Давѣринъ-Кравченко создаетъ удивительно типичную фигуру винокура и отлично поетъ свою довольно значительную партію. Г. Волгинъ очень хорошъ въ роли писаря. Г. Гордѣевъ въ роли пьянаго Каленика если и неособенно выдается, то и не портитъ ансамбля. Въ первыхъ

четырехъ представленіяхъ *Майская ночь* шла все лучше и лучше. Непринужденная веселость и типичность исполненія въ комическихъ сценахъ дѣйствуютъ на слушателей заразительно, а поэтическая окраска лирическихъ моментовъ передается прекрасно. Вообще все исполненіе отличается такимъ изяществомъ и такою жизненностію, какія рѣдко встрѣчаются на нашихъ оперныхъ сценахъ. Большое спасибо Товариществу за *Майскую ночь:* московская публика познакомилась не только съ замѣчательнымъ художественнымъ произведеніемъ, но и познакомилась, сверхъ того, съ нимъ въ художественномъ исполненіи. Мы забыли упомянуть о хорѣ, также немало способствующемъ общему впечатлѣнію.

Вслѣдъ за *Майскою ночью* Товарищество поставило *Донъ-Жуана* Моцарта. Это геніальнѣйшее произведеніе всемірной оперной литературы въ Москвѣ удается слышать очень рѣдко, и если Товариществу удастся удержать его въ своемъ репертуарѣ, то это будетъ новою и крупною заслугой предъ московскою публикой. Мы употребляемъ вопросительную форму выраженія потому, что въ первомъ представленіи, бывшемъ 14 октября, *Донъ-Жуанъ* шелъ недостаточно гладко. Всѣ отдѣльные исполнители владѣютъ, повидимому, достаточными средствами и умѣніемъ для исполненія безсмертнаго созданія Моцарта, но не было настоящаго ансамбля, все не было достаточно срепетовано и въ общемъ отзывалось спѣшностью работы. Конечно, отъ представленія къ представленію опера будетъ идти лучше, тѣмъ не менѣе предсказать возможность дѣйствительно хорошаго исполненія *Донъ-Жуана* мы не рѣшаемся. Подобная музыка представляетъ огромную трудность своею простотой и кристальною прозрачностью, въ которой замѣтна всякая малѣйшая шероховатость исполненія. Мы не будемъ говорить о первомъ представленіи, развѣ только упомянемъ о г. Пряпишниковѣ, показавшемъ себя въ заглавной партіи оперы такимъ же превосходнымъ артистомъ, какъ и вездѣ. Товарищество работаетъ съ большою энергіей и въ скоромъ времени предполагаетъ еще поставить *Тангейзера* Вагнера, *Вражью силу* Сѣрова и *Хованщину* Мусоргскаго, изъ нихъ послѣдняя не шла еще ни разу не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ, такъ что представитъ совершенную новость для нашей публики. Пока Товарищество возобновило старую, полузабытую оперу, *Аскольдову Могилу*, Верстовскаго, нѣкогда пользовавшуюся огромною популярностію.

Русское Музыкальное Общество начало свою концертную дѣятельность въ настоящемъ сезонѣ квартетнымъ собраніемъ, бывшемъ 8 октября въ залѣ Синодальнаго Училища. Въ нынѣшнемъ году объявлена была серія четырехъ квартетныхъ собраній, и всѣ абонементные билеты были разобраны еще заранѣе, такъ что при входѣ оставалось только небольшое число разовыхъ, словомъ, зала была совершенно полна. Программа перваго собранія состояла изъ квартета C-dur Моцарта, квартета E-moll Бетховена и сонаты Шопена для віолончели и фортепьяно. Струнный квартетъ Музыкальнаго Общества остался въ прежнемъ составѣ, но по отношенію къ ансамблю исполненія онъ какъ будто сдѣлалъ еще шагъ впередъ, по крайней мѣрѣ исполненіе обоихъ квартетовъ было замѣчательно стройное и единодушное. Соната Шопена была прекрасно сыграна гг. А. Э. Фонъ-Гленомъ и П. Ю. Шлецеромъ и заслужила шумныя одобренія публики: Largo было повторено. Въ субботу, 17 октября, состоялось первое симфоническое собраніе Музыкальнаго Общества съ великолѣпною программой. Первое отдѣленіе началось 4-ю симфоніей B-dur Бетховена, превосходно сыгранною. Въ нынѣшнемъ году оркестръ симфоническихъ собраній доведенъ до такого усиленнаго состава, какимъ онъ еще никогда не бывалъ раньше. Такія роскошныя средства дали В. И. Сафонову возможность исполнить такое колоссальное по оркестровымъ размѣрамъ сочиненіе, какъ заключительная сцена изъ *Валкиріи* Вагнера, *Feuerzauber*, которую хотя и пытаются иногда исполнять съ довольно слабымъ оркестромъ, но, въ сущности, такихъ опытовъ совсѣмъ не слѣдовало бы дѣлать. *Feuerzauber* есть одно изъ грандіознѣйшихъ созданій Вагнера, въ которомъ проявляются самыя мощныя стороны его геніальнаго дарованія. Въ богатствѣ гармоніи Вагнера можно сравнивать, быть-можетъ, лишь съ С. Бахомъ, а въ произведеніи, о которомъ мы говоримъ, роскошь и могущество гармоніи Вагнера достигаютъ своихъ высшихъ предѣловъ, такъ же какъ и богатство оркестровой звучности. Большое значеніе имѣетъ въ этой сценѣ соло Вотана (баритонъ), отлично исполненное на этотъ разъ г. Верже, артистомъ Императорской Московской оперы, близко знакомымъ со стилемъ Вагнера, въ операхъ котораго ему случалось много пѣть за границей. Сравнительно съ первымъ отдѣленіемъ вечера, второе было гораздо легче по содержанію, но состояло также изъ первоклассныхъ произведеній. Фортепіанный

концертъ Шумана былъ исполненъ С. К. Познанской, еще очень молодою артисткой, но уже занимающею одно изъ высокихъ мѣстъ среди европейскихъ піанистокъ. Она имѣла огромный успѣхъ и должна была еще играть сверхъ программы. Г. Верже съ большимъ мастерствомъ спѣлъ нѣсколько романсовъ Шуберта и въ заключеніе была исполнена *Аррагонская хота* Глинки. Все было исполнено блистательно и всѣ нумера вызывали шумныя одобренія; дирижеръ В. И. Сафоновъ былъ вызванъ нѣсколько разъ.

Между тѣмъ, какъ въ Москвѣ вниманіе публики привлекаетъ *Майская ночь*, въ Петербургѣ поставлено новое произведеніе того же композитора; 20 октября тамъ на сценѣ Маріинскаго театра состоялось первое представленіе оперы-балета *Млада* Н. А. Римскаго-Корсакова. Сюжетъ *Млады* былъ уже давно задуманъ и набросанъ бывшимъ директоромъ театровъ С. А. Гедеоновымъ, но потомъ онъ измѣнилъ первоначальную мысль, и *Млада* превратилась въ простой балетъ, музыка для котораго была написана Л. Минкусомъ. Н. А. Римскій-Корсаковъ, воспользовавшись сюжетомъ и сценаріемъ г. Гедеонова, сдѣлалъ сценическую пьесу смѣшаннаго рода, гдѣ общимъ связующимъ элементомъ является музыка. Сюжетъ *Млады* состоитъ изъ цѣлаго ряда фантастическихъ картинъ и превращеній, перемежающихся съ оперными, мимическими и балетными сценами. Главное содержаніе заключается въ томъ, что тѣнь княжны Млады, погибшей жертвой своей соперницы Войславы, является препятствіемъ въ замыслахъ послѣдней привлечь къ себѣ чарами любви, съ помощію адскихъ боговъ, князя Яромира, бывшаго жениха Млады. Всѣ усилія Войславы остаются тщетными и сама она гибнетъ отъ руки Яромира, узнавшаго о ея злодѣйствѣ. Въ заключеніе свѣтлые боги славянскаго Олимпа соединяютъ души Млады и Яромира. На этомъ основномъ фонѣ быстрою чередой смѣняются реальныя и фантастическія картины, требующія чрезвычайно сложной и богатой постановки. Сцена Маріинскаго театра въ этомъ отношеніи занимаетъ въ настоящее время едва ли не первое мѣсто въ Европѣ, и потому такая задача, какъ постановка *Млады*, вполнѣ отвѣчаетъ его средствамъ, и дѣйствительно удалась прекрасно; изъ множества эффектныхъ декорацій особенно выдѣлилась египетская съ колоссальнымъ сфинксомъ, занимающимъ весь задній планъ и какъ бы господ-

ствующимъ надъ сценой. Музыка начинается граціознымъ вступленіемъ оркестра, рисующимъ княжну Младу; мотивы, на которыхъ построено вступленіе, потомъ встрѣчаются въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствія, сопровождая появленіе тѣни Млады. Вообще основой всей музыки служатъ, какъ въ послѣднихъ сочиненіяхъ Вагнера, такъ-называемые *Leitmotiv*'ы, характеризующіе отдѣльныя лица и событія, но съ тою только разницей, что у Вагнера изъ этихъ мотивовъ дѣлаются чрезвычайно сложныя комбинаціи, гармоническія и контрапунктическія, а въ музыкѣ *Млады* основные мотивы являются большею частію по одиночкѣ и съ гомофоннымъ сопровожденіемъ, что̀ даетъ возможность легко слѣдить за ихъ проведеніемъ. При поднятіи занавѣса начинается красивый хоръ сѣнныхъ дѣвушекъ Войславы, смѣняющійся ея пѣсней, изящная мелодія которой поддержана лишь очень легкимъ, прозрачнымъ аккомпаниментомъ. Въ слѣдующихъ затѣмъ сценахъ выдается своими гармоническими эффектами сцена между Войславой и подземною богиней Мореной, основной мотивъ которой напоминаетъ Наину въ *Русланѣ и Людмилѣ*: очень блестяще звучитъ маршъ, сопровождающій прибытіе Яромира. Тріо между Войславой, ея отцомъ и Яромиромъ написано благодарно для исполнителей, но само по себѣ не принадлежитъ къ сильнѣйшимъ мѣстамъ *Млады*, скорѣе наоборотъ. Очень изящна пляска *Дыня рядовая* (редова) съ близкимъ къ мазуркѣ ритмомъ. Очень замѣчательно второе дѣйствіе, начинающееся сначала сценой торга, написанною необыкновенно живо и блестяще: очень эффектно появленіе Чеховъ съ ихъ пѣвцомъ Лумиромъ, поющимъ пѣсню, носящую характеръ глубокой старины. Еще болѣе архаическій оттѣнокъ носитъ сцена гаданья жрецовъ, очень сильная, здоровая, проникнутая народнымъ духомъ и оригинальная въ высокой степени. Пропуская ближайшіе сцены и танцы, превосходно написанные, мы перейдемъ прямо къ третьему дѣйствію, представляющему смѣну эффектнѣйшихъ фантастическихъ картинъ. Дѣйствіе происходитъ въ горномъ ущельи, въ купальскую ночь. Послѣ чудеснаго оркестроваго вступленія, начинаютъ слетаться тѣни усопшихъ, образующихъ легкіе, плавные хороводы; является тѣнь Млады, за которою слѣдуетъ Яромиръ, тщетно старающійся приблизиться къ ней; она успокоиваетъ его и даетъ понять мимикой, что конецъ ихъ разлуки не далекъ; Млада и Яромиръ удаляются. Слышенъ подземный громъ, тѣни усопшихъ исчезаютъ, на сцену являются Чернобогъ, Кащей, Морена и

начинается шабашъ духовъ тьмы, которымъ принадлежитъ эта ночь до разсвѣта. Морена проситъ Чернобога помочь Войславѣ заставить Яромира забыть Младу и полюбить Войславу. Чтобъ изгнать образъ Млады изъ сердца Яромира, Чернобогъ вызываетъ его и воскрешаетъ предъ нимъ царицу Клеопатру со всѣми ея чарами любви и нѣги; Яромиръ колеблется, Млада въ отчаяніи, но въ это время поетъ пѣтухъ и все исчезаетъ, только спящій Яромиръ лежитъ подъ деревомъ; наступаетъ утро. Все это дѣйствіе представляетъ богатѣйшую канву для оркестровой иллюстраціи и авторъ *Млады* создалъ дѣйствительно нѣчто неслыханное, небывалое по блеску и роскоши оркестровыхъ красокъ. Какъ ни богаты и красивы эффекты постановки и танцы, но они блѣднѣютъ и исчезаютъ предъ ослѣпительнымъ блескомъ музыки. Четвертое дѣйствіе начинается идоложертвеннымъ хоромъ, чрезвычайно характернымъ и сильнымъ, потомъ слѣдуютъ заключительныя сцены оперы: обличеніе и смерть Войславы, буря и наводненіе, разрушающія городъ и храмъ, и, наконецъ, апоѳеозъ. По картинности своей и богатству красокъ музыка *Млады* есть нѣчто выходящее изъ ряда обыкновеннаго, она есть произведеніе образцовое по богатству и красотѣ оркестровой звучности. Спеціалистъ могъ бы написать цѣлую книгу о новыхъ комбинаціяхъ, встрѣчающихся въ ней и ранѣе не бывалыхъ ни у одного изъ композиторовъ. Что же касается до внутренняго содержанія музыки, то самый сюжетъ, приближающійся къ программѣ феерія, не допускаетъ особенной глубины, представляя необыкновенно широкую внѣшнюю поверхность. Быстрая смѣна сценъ и картинъ не допускаетъ особенно широкихъ и сильныхъ развитій. Съ чисто музыкальной стороны, пожалуй, лучше всего второе дѣйствіе, въ которомъ живая народная сцена торга смѣняется не менѣе сильною сценой поклоненія богамъ и гаданія, проникнутой духомъ глубокой старины. Партіи вокальныхъ солистовъ написаны очень благодарно для исполнителей, но г-жа Сонки, пѣвшая партію Войславы, владѣя довольно большимъ голосомъ, не надѣлена особеннымъ талантомъ и спѣла все довольно безцвѣтно, а кое-что и совсѣмъ неудачно. Г. Михайловъ былъ не совсѣмъ здоровъ и голосъ его въ партіи Яромира звучалъ недостаточно красиво. Хороши были г-жа Пильцъ въ партіи Морены и г. Стравинскій въ партіи Мстивоя, отца Войславы. Тѣнь Млады есть роль мимическая, прекрасно исполненная г-жой Петипа. Г-жа Скарсюкъ была очень характерною царицей Клеопатрой.

Главными исполнителями въ *Младѣ*, впрочемъ, являются оркестръ и хоръ, исполнившіе свое дѣло въ высшей степени блистательно. Красота инструментовки *Млады* есть, какъ мы говорили, нѣчто небывалое, и превосходный оркестръ Маріинскаго театра выполнилъ свою благодарную задачу съ такимъ совершенствомъ, какого, намъ кажется, никогда не случалось слышать въ оркестровомъ исполненіи. Въ этомъ случаѣ многое нужно отнести въ заслугу Э. Ф. Направника, одного изъ лучшихъ капельмейстеровъ въ Европѣ. Сценическая постановка сдѣлана О. О. Палечекомъ и очень хороша. Единственную сравнительно слабую сторону Маріинской сцены составляютъ эффекты освѣщенія.

По первому представленію судить объ успѣхѣ нельзя, но оно сопровождалось шумными оваціями композитору и всѣмъ исполнителямъ; было поднесено нѣсколько вѣнковъ. Нездоровье г. Михайлова заставило отложить ближайшія представленія *Млады*: жаль, что партію Яромира не дали еще другому пѣвцу, большой сценѣ въ сущности не слѣдуетъ быть въ зависимости отъ отдѣльныхъ исполнителей.

Н. Кашкинъ.

АПОКРИФИЧЕСКОЕ «СКАЗАНІЕ» ИЛИ ЛИТЕРАТУРНАЯ ФАЛЬСИФИКАЦІЯ.

(*Невинный Пруденцій.* Для взрослыхъ. (Сказаніе.) Н. С. Лѣскова. № 121 Москва. 1892.)

I.

> «Пріиде къ аввѣ Палладію князь видѣти его... и поемъ скорописца, поручи ему глаголемая старцемъ назнаменовати... Пользевався зѣло, иде во свояси, благодаря Господа.»
>
> (*Скитскій Патерикъ азбучный.*)

Замѣчательна судьба нашихъ старинныхъ книгъ! Въ то время, какъ, къ величайшему сожалѣнію, почти совершенно умолкаетъ ихъ прежнее благочестивое „почитаніе", ими все больше и больше начинаютъ пользоваться люди, повидимому, весьма далекіе отъ благочестія и церковности. Въ нихъ ищутъ уже не уроковъ богоугодной жизни, какіе выработала Святая Церковь за долгіе годы своего земнаго существованія, а оправданія морали совсѣмъ противоположной, безцерковной, или, какъ ее теперь называютъ естественной, альтруистической. Казалось бы невозможнымъ въ церковныхъ книгахъ находить отрицаніе всего того, на чемъ стоитъ сама Церковь. Нѣтъ говорятъ, что находятъ, и многимъ современнымъ тенденціямъ будто бы оттуда приводятъ документальное оправданіе. За примѣрами ходить недалеко.

Съ легкой руки *Крейцеровой Сонаты*, отрицательныя отношенія къ браку стали довольно обычными въ нашемъ обществѣ.

Обыкновенно, человѣку, какъ члену низшаго порядка существъ, дается право на одни только животныя чувства и отправленія. Если люди вступаютъ въ бракъ, то, по теперешнему, это означаетъ, что они удовлетворяютъ свои физіологическія потребности. Понятіе о высокомъ духовномъ союзѣ супруговъ все болѣе и болѣе теряется. Въ немъ уже не видятъ таинства, освящаемаго Церковію, и не понимаютъ необходимости такого освященія, находя, что бракъ, въ смыслѣ взаимнаго удовлетворенія и рожденія здоровыхъ дѣтей, не нуждается ни въ какихъ священнодѣйствіяхъ Церкви. Очевидно, такимъ путемъ стирается всякое различіе между бракомъ и любодѣяніемъ. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые наши престарѣлые литераторы сильно желаютъ перепутать эти понятія въ сознаніи общества, хотя и подходятъ къ этой цѣли разными путями. *Крейцерова Соната* совсѣмъ отрицаетъ бракъ. Въ другихъ же произведеніяхъ онъ отрицается только для тѣхъ, кто желаетъ служить „всеобщему благу", а для простыхъ смертныхъ, не задающихся въ жизни никакими альтруистическими цѣлями и ничего не видящихъ дальше своихъ личныхъ интересовъ, не только оставляется не-церковный физіологическій бракъ, вѣрнѣе сказать сожитіе, но и почитается нормальнымъ и законнымъ, и, что̀ любопытнѣе всего, такіе взгляды основываются будто бы на самихъ же церковныхъ сказаніяхъ. Честь этого послѣдняго открытія принадлежитъ Н. С. Лѣскову. Въ этомъ духѣ и предложено имъ „сказаніе для взрослыхъ № 121", подъ заглавіемъ *Невинный Пруденцій*.

II.

Сюжетъ этого „сказанія" очень простъ.

Въ первыхъ вѣкахъ христіанства, въ одномъ изъ торговыхъ поселковъ на берегу Средиземнаго моря, жили два купца. У одного изъ нихъ была молодая, красивая и цѣломудренная жена-христіанка и при ней не уступавшая по красотѣ рабыня, а у другаго престарѣлая жена и красавецъ сынъ „невинный Пруденцій". Купцы не столько занимались торговлей, сколько морскимъ разбоемъ, и скоро оба загадочно погибли во время своихъ морскихъ путешествій. Красавица Мелита осталась молодою вдовой. Общій голосъ прочилъ ее въ жены „невинному Пруденцію", до безумія влюбленному въ нее. Но Мелита рѣшила больше не быть женой, и трехдневнымъ постомъ на какой-то одинокой скалѣ

довела Пруденція до того, что онъ потерялъ всякую страсть къ ней. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Мелита куда-то исчезла, а подкрѣпившійся послѣ поста Пруденцій сошелся съ оставшеюся съ нимъ рабыней Мелиты—Маремой. „Они остались вдвоемъ и не видѣли ничьего третьяго лица до тѣхъ поръ, когда возлѣ Маремы сразу раздались два голоса двухъ новорожденныхъ близнецовъ...“ Скоро къ нимъ пріѣхала мать Пруденція. Она издали еще увидала своихъ внуковъ-близнецовъ и отъ радости закричала:

— Вотъ такъ ребята! Этакихъ я еще не встрѣчала.

Тутъ и „конецъ“ „сказанію“.

Сюжетъ очень не замысловатый и, кстати сказать, само „сказаніе“ не блещетъ литературными достоинствами. Оно растянуто, скучно, скабрёзно и написано тяжелою, какъ-будто, гекзаметрическою прозой. Но насъ интересуетъ моральная сторона „сказанія“, его нравоученіе.

Мы опускаемъ спиритическое представленіе христіанкой сказателя земной жизни человѣка, какъ „воплощенія“ (32 стр.), а равно замѣчательно точное усвоеніе ею и усердное пропагандированіе толстовскихъ уроковъ: „я не могу никому обѣщаться“... (74 стр.), „клясться нельзя“ (92 стр.). Мы остановимся на ея христіанскихъ взглядахъ на жизнь и на свою женскую долю. Мелита сама заявила своей рабынѣ, что въ постиженіи христіанскаго „святаго ученія“ она старается найти смыслъ жизни и что „это ученіе дѣлаетъ человѣка умнымъ, чтобы понять, въ чемъ смыслъ жизни“ (25 стр.). Какой же смыслъ жизни нашла Мелита въ „святомъ ученіи“? Послушаемъ, почему и для чего она отказалась отъ брака.

III.

Прежде всего въ „святомъ ученіи“ она „постигла“ рѣшительное отрицаніе брака. „Святое ученіе“, говоритъ она,—„сохранитъ меня и отъ замужества (25 стр.) и брачной жизни съ кѣмъ бы то ни было“ (58 стр.). Если же ея первое замужество можетъ показаться противорѣчіемъ съ ея христіанскимъ убѣжденіемъ о постоянномъ дѣвствѣ, то она предупреждаетъ возможность такого заключенія о полной раздвоенности ея убѣжденій. „Я стала женой Алкея (умершаго мужа) ребенкомъ, оправдывается она,—когда сама не имѣла тѣхъ мыслей о жизни, какія

имѣю теперь“ (56 стр.). „Но теперь, продолжаетъ она,—когда не по моей волѣ все это минуло, теперь, когда я свободна и вижу ясную цѣль въ моей жизни, я не хочу утомлять духъ мой въ обязательствахъ брака съ мужчиной... Я не считаю призваньемъ и долгомъ выслать нѣсколько новыхъ (?) дѣтей, чтобы было кому собирать ракушки и камни на берегу моря... Напрасно вы думаете, что я соглашусь связать съ кѣмъ-нибудь мое право отдать себя съ этимъ тѣломъ и кровью на пользу вѣчнаго духа, жизнь котораго я въ себѣ ощущаю... Мелита не можетъ... она не годится, чтобы быть подругой Пруденція“... (57 стр.). Положимъ, что эгоистичное нежеланіе убѣдить рабыню въ истинности своего смысла жизни и признаніе вполнѣ нормальнымъ для нея „утомленіе духа въ обязательствахъ брака съ мужчиной“ и даже намѣренное, съ позволенія сказать, сводничество ея съ Пруденціемъ (95 стр.); положимъ, что все это кажется очень подозрительнымъ въ Мелитѣ и набрасываетъ большую тѣнь на истинность ея смысла жизни, но не будемъ строги къ Мелитѣ: какъ женщина южная, она могла увлекаться и быть непослѣдовательною... Обратимся лучше къ мотивамъ и цѣлямъ ея будто бы христіанскаго отрицанія брака.

Бракъ, по убѣжденію Мелиты, есть „такъ-называемая радость жизни“ (31—32 стр.), „наслажденіе другъ другомъ“ (106 стр.), только рожденіе „новыхъ дѣтей“, словомъ, бракъ ничего не представляетъ такого, чего не могли бы „достичь и низшія твари, не владѣющія человѣческимъ разсудкомъ“ (106 стр.).

Не въ этомъ смыслъ человѣческой жизни, справедливо полагаетъ Мелита (хотя и не имѣетъ христіанскаго понятія о бракѣ, но не объ этомъ рѣчь). „Напротивъ“, говоритъ она,—„путь „Галилейскаго пророка“ есть путь жизни преданной благу другихъ“ (32 стр.), на которомъ бы „всѣ мы могли быть полезны другъ другу“ (106 стр.), „чтобы видѣть не свою, а общую радость“ (26 стр.). „Воля Отца, нашего Бога“, говоритъ Мелита, „въ томъ, чтобы помогать всѣмъ дѣтямъ чужимъ выростать при меньшихъ страданіяхъ“, чтобы „жить для общаго блага“ (72 и 73 стр.) и „любить всѣхъ людей въ мірѣ“ (54 стр.).

Основанія и цѣли громкія, хотя и неопредѣленныя. Къ сожалѣнію, осталось неизвѣстнымъ, въ чемъ практически выразила Мелита эту „любовь всѣхъ людей“, это служеніе всеобщему благу. Ея жизнь закончилась слѣдующимъ образомъ. Когда Пруденція, измученнаго трехдневнымъ голодомъ, принесли къ Мелитѣ, а она

къ этому времени приготовила роскошный столъ и пышную постель, чтобы Пруденцій выбиралъ по своему желанію то или другое, „онъ потянулъ къ себѣ блюда съ подливой и началъ локать ее и грызть загородки, не обращая никакого вниманія на Мелиту, которая этимъ временемъ все удалялась тихо назадъ и, наконецъ, вовсе исчезла". Больше „сказаніе для взрослыхъ № 121" не сохранило о Мелитѣ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій.

Это „сказаніе", несомнѣнно, представляетъ собою „литературное" переложеніе того разсказа, который г. Лѣсковъ нашелъ будто бы въ Прологѣ, подъ 14-мъ числомъ августа мѣсяца, и таковымъ напечаталъ его въ *Русскомъ Обозрѣніи* за февраль мѣсяцъ текущаго года, на 542—547 стр.

Но такъ думаетъ г. Лѣсковъ и, вѣроятно, надѣется, что и другіе повѣрятъ, будто отрицаніе христіанскаго брака онъ заимствовалъ изъ Пролога. Обратимся къ самому Прологу и подлиннымъ его содержаніемъ провѣримъ показаніе г. Лѣскова. Дѣйствительно ли въ Прологѣ отрицается церковный бракъ, и если нѣтъ, то вѣрно ли переданъ г. Лѣсковымъ разсказъ изъ Пролога на 14 число августа?

IV.

Въ Прологѣ, дѣйствительно, есть примѣры того, что христіанки отказывались отъ замужества, но почему и зачѣмъ? Вотъ какъ въ Прологѣ на 7 февраля отвѣчаетъ на эти вопросы „слово отъ Лимониса о черноризицѣ, бѣжавшей въ пустыню юноши ради".

„Дѣвица нѣкая, именемъ Мастридіа, добрая, говѣющи бѣ во Іерусалимѣ, и ко Господу зѣло спѣющи. Завидѣ же діаволъ дѣвицѣ той, вложи юноши нѣкоему въ сердце злую мысль. Чудная же та дѣвица разумѣвши злую мысль и погибельную юноши того, earемши сочиво мочено, въ кошницу всыпавши, иде въ пустыню. И юноши отхожденіемъ своимъ покой сотвори сердцу его, да ему не стужаетъ злая мысль, и строящи еже есть юноши тому на спасеніе". Въ пустынѣ дѣвица пребыла 17 лѣтъ, не видя лица человѣческаго, и стала великою подвижницей.

Такимъ образомъ, христіанка Пролога не отказалась отъ брака, какъ будто бы несогласнаго и противорѣчащаго ея христіанскому идеалу, а строго отличала бракъ отъ „злой и погибельной мысли", которую діаволъ иногда „вкладываетъ въ сердце" человѣка.

Служить такой „мысли“, стать предметомъ зависти діавола она дѣйствительно и справедливо считала противнымъ своему званію. Свое же христіанское званіе она исполнила не патетическимъ произнесеніемъ громкихъ, но безрезультатныхъ фразъ о служеніи „всеобщему благу“, о „любви всѣхъ людей“, о воспитаніи чужихъ дѣтей, а устроеніемъ своего спасенія и спасенія поддавшагося было діаволу юноши. Она открыто и просто ушла подвизаться въ пустыню, „и юноши отхожденіемъ своимъ покой сотвори сердцу его, строящи еже есть юноши тому на спасеніе“, и сама нашла смыслъ своей жизни въ богоугодныхъ пустынныхъ подвигахъ и совершеніемъ ихъ оправдала свое званіе.

Таковы и всѣ христіанки Пролога, и нѣтъ никакой нужды выписывать еще другіе примѣры, а въ сущности повторять то же самое. Необходимо только установить надлежащій взглядъ на общій характеръ проложныхъ сказаній. [1]

V.

Сказанія Пролога на первый взглядъ могутъ казаться совершенно односторонними. Въ нихъ, обыкновенно, извѣстный подвижникъ или подражаетъ кому-либо изъ святыхъ ветхозавѣтныхъ или новозавѣтныхъ, или исполняетъ какую-либо одну заповѣдь закона Божія, или же борется съ какою-либо одною своею страстью. Напримѣръ, о преподобномъ Онуфріи говорится, что онъ избралъ пустынную жизнь, слышавъ о подвигахъ пророка Иліи и Іоанна Предтечи (Прологъ 12 іюня). Одинъ человѣкъ, пришедшій къ отцу Сисою, подобно Аврааму, готовъ былъ пожертвовать для своего спасенія сыномъ своимъ (18 мая). Ѳеодоръ Освященный отказался отъ свиданія съ матерью (16 мая), а Пименъ Великій отказался освободить свою сестру отъ судебнаго преслѣдованія (27 августа), по заповѣди Спасителя: *иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ* (Мѳ. X, 37). Авва Серапіонъ ради нищелюбія продалъ даже Евангеліе (14 мая), исполняя заповѣдь: *продаждь имѣніе твое и даждь нищимъ* (Мѳ. XIX, 21). Илія Пустынникъ преодолѣлъ свои похоти и отказался отъ меда (10 апрѣля и 14 іюля), по

[1] Н. Петровъ, О происхожденіи и составѣ славяно-русскаго печатнаго Пролога (иноземные источники). Кіевъ, 1875, стр. 116—147.

слову Писанія: *духомъ ходите, и похоти плотскія не совершайте* (Гал. V, 16). Блаженный Дороѳей Пустынникъ никогда не ложился и всячески старался „умучить" тѣло свое (16 сентября), осуществляя апостольскій совѣтъ: *умертвите убо уды ваша* (Кол. III, 5) и т. д.

Тѣмъ не менѣе собраніе сказаній о такихъ подвигахъ и постановленіе этихъ подвиговъ въ образецъ христіанской жизни не только нельзя назвать одностороннимъ, но даже должно признать дѣломъ глубокой педагогической мудрости Церкви. Ни одинъ человѣкъ не имѣетъ гармоническаго развитія всѣхъ своихъ душевныхъ силъ и внутреннихъ помысловъ. Чтобы по возможности достигнуть этого равновѣсія, этой гармоніи во всемъ существѣ человѣка,—необходимо одни расположенія усилить, а другія ослабить, одни стремленія воспитать, а другія уничтожить. Такъ дѣлали и совѣтовали дѣлать святые подвижники. Авва Іосифъ однимъ совѣтовалъ допускать въ себя страсти и потомъ бороться съ ними, другимъ отсѣкать ихъ. „Когда войдутъ въ тебя страсти, говорилъ онъ Пимену, и ты дашь имъ мѣсто и будешь бороться съ ними, то чрезъ это дѣлаешься искуснѣе; но есть люди, для которыхъ полезно, чтобъ и не приступали къ нимъ страсти, такимъ нужно отсѣкать ихъ." Другой старецъ совѣтовалъ бороться не со всѣми помыслами, а съ однимъ главнымъ: „не борися со всѣми (мыслями), но со единою; вся бо помышленія мниси имутъ, единую главу; къ той убо главѣ потреба есть зрѣти, кая что̀ есть, и съ тою братися, и тако помышленія смирятся". При такомъ соотвѣтствіи особенно выдающихся подвиговъ древнихъ отцовъ съ ихъ внутреннимъ расположеніемъ, эти подвиги теряютъ свой кажущійся односторонній характеръ и не только гармонируютъ съ общею системой нравоученія, но и необходимо предполагаютъ ее. Какъ скоро извѣстными особенными подвигами возстановлены душевная гармонія и равновѣсіе нравственныхъ силъ, тогда уже человѣкъ можетъ исполнять всѣ заповѣди Господни. Поэтому въ сказаніяхъ Пролога даны образцы развитія какой-либо одной стороны добродѣтели. Всякій нуждающійся можетъ найти въ немъ примѣръ христіанскаго поведенія, соотвѣтственно своимъ наличнымъ, духовнымъ или физическимъ потребностямъ. И лишь изо всей совокупности нравственныхъ правилъ, данныхъ въ живыхъ сказаніяхъ Пролога, создается идеальный образъ христіанскаго житія.

Поэтому для личныхъ потребностей всякій въ правѣ держаться подходящаго проложнаго примѣра и смѣло идти къ совершенству и смѣло говорить, что онъ нашелъ смыслъ своей жизни. Но еслибы кто, на основаніи одного какого-нибудь проложнаго сказанія, задумалъ построить всю систему христіанскаго нравоученія и опредѣлить общій смыслъ христіанской жизни, то, очень понятно, такая попытка въ лучшемъ случаѣ была бы совершенно одностороння, въ худшемъ—была бы полнымъ извращеніемъ христіанства, потому что поставила бы на мѣсто цѣлаго только одну его часть.

Если такъ, если въ отдѣльныхъ сказаніяхъ Пролога рѣшаются вопросы личной жизни подвижниковъ и притомъ всегда согласно съ постояннымъ ученіемъ Церкви и ея учрежденіями, то чѣмъ же объяснить принципіальное отрицаніе брака г. Лѣсковымъ? Вѣдь онъ передаетъ только то, что̀ самъ нашелъ, по его словамъ, въ Прологѣ...

Объясненіе очень простое: перваго условія, т.-е. частнаго характера каждаго сказанія Пролога, онъ не зналъ, или намѣренно игнорировалъ его, а то, что̀ есть въ Прологѣ подъ 14-мъ числомъ августа передалъ невѣрно, придавъ разсказу свою собственную тенденцію и отбросивъ изъ него все, что̀ говоритъ или напоминаетъ о Церкви и ея исконныхъ установленіяхъ и порядкахъ. Убѣдиться въ этомъ легко. Сто̀итъ только обратиться къ Прологу.

V.

Въ Прологѣ подъ 14-мъ августа, дѣйствительно, есть весьма любопытное „слово отъ Патерика". Мы (намѣренно, какъ увидимъ ниже) приведемъ это „слово" не по Прологу, а по источнику „слова"—Патерику, и воспользуемся для этого рукописнымъ Патерикомъ XVI вѣка (изъ собранія Ундольскаго № 221). Въ изложеніи его мы будемъ держаться подлинныхъ выраженій, не прибавляя отъ себя ни одной мысли, а равно и не опуская ничего изъ подлинника.

Вотъ это „слово".

„Повѣда намъ нѣкій отецъ глаголя, яко купца, рече, два отъ единоя веси бѣста имуща любовь къ собѣ". Одинъ изъ нихъ былъ весьма богатъ, а другой „не потолику". Но послѣдній имѣлъ жену весьма красивую и цѣломудренную (какъ это будетъ видно

изъ дальнѣйшаго). — По смерти мужа, она осталась вдовой. Тогда другой купецъ, зная „добродѣтель ея и цѣломудріе, восхотѣ ея пояти собѣ жену“. Стыдясь сказать ей объ этомъ, „еда како не восхощетъ“, онъ тѣмъ не менѣе „имяше всегда помыслъ на ню“. „Она же, разумна сущи“, понимала, чего онъ хочетъ, и однажды сказала ему:

— Братъ и господинъ Сумеонъ! „Вижу тя о помышленіи смущаема“. Но скажи мнѣ безо всякой боязни, чего ты хочешь,— и если можно будетъ, „извѣщу ти“.

И онъ сначала стыдился „повѣдати вещь“, но потомъ „исповѣда и моляше сію пояти себѣ жену“. Она отвѣтила ему:

— Если ты сотворишь то, что̀ я заповѣдаю тебѣ, — „и азъ сотворю волю твою“.

И онъ сказалъ ей: что̀ заповѣдаешь мнѣ, то сотворю вскорѣ.

„Рече ему: иди въ домъ свой и ничтоже вкуси, дондеже призову тя“. И онъ обѣщался съ радостію исполнить это, а она не назначила ему срока, когда призоветъ его.

Прошелъ первый, второй и третій день, и не призвала его. Онъ же „любве ради ея“ териѣлъ „крѣпко“. („Господу сія по смотрѣнію створшу, вѣдущему, гдѣ хощетъ призвати его“). [1] Въ четвертый день послала къ нему, а онъ „гладомъ вмалѣ не исчезе“ и не могъ прийти „ногама своима“,—и его принесли другіе.

„Она же, уготовивше трапезу и постелю тако жъ, и глагола ему: се трапеза и одръ. Что̀ повелѣваеши створити прежъ“?

„И рече ей: помилуй мя! дай же ми преже вкусити, понеже исчезаю, иже помысла имамъ, что есть жена, отъ одержащаго ми глада“.

Тогда сказала ему она:

— Вотъ, когда ты взалкалъ, и меня и всякую похоть забылъ, только бы тебѣ насытиться хлѣбомъ. Когда же придутъ къ тебѣ такіе же помыслы, ты также лѣчись постомъ, „и избавишися помысла всякаго лукаваго“.—Вѣрь мнѣ, братъ. что по смерти мужа моего, ни тебѣ, ни иному кому „совокуплюся, но подъ кровомъ Христа моего сице пребуду въ чистотѣ“.

Тогда умилился мужъ и, убѣдившись „разуму ея и цѣломудрію“, сказалъ ей:

---

[1] Скобокъ въ рукописи нѣтъ.

— Такъ какъ благоволилъ Богъ спасти меня „твоего ради разума", посовѣтуй, что мнѣ дѣлать.

Она же, „юности ради и сущія ея красоты, боящеся, да не какъ и сама, времени зовущи, сицево постражетъ", и поэтому сказала ему:

— Думаю, что ты не любишь никого, „Бога ради", какъ меня. Я же воистину „Бога ради" люблю тебя. Но такъ какъ я имѣю заповѣдь Владыки Нашего, говорящую: „аще кто хочетъ по Мнѣ идти, (и)[1] не возненавидитъ отца и матерь свою, и жену свою, и чада и братію свою, и сестры и сродники своя, еще же и душу свою, — не можетъ быти Мой ученикъ". И если хочешь, чтобы я дала тебѣ совѣтъ, — „удалимъ себе другъ отъ друга Господа ради, яко да вмѣнитъ и тебѣ Господь, яко отречеся жены своея Его ради. Мнѣ же также да вмѣнится, яко отрекохся мужа моего."—Вотъ уже и „монастырь есть въ странѣ нашей". И если ты всячески желаешь отречься отъ міра, пойди туда, и тамъ „отрецыся", и истинно угодишь Богу.

„Онъ же, расточивъ богатство свое нищимъ, и иде въ монастырь онъ, и пребысть ту до смерти своея, и бысть искусенъ инокъ".

„Подобно-жь и блаженая она и цѣломудреная, шедъ въ монастырь женьскій, и угоди Богу".

„Сія же вся самый той отецъ Сумеонъ повѣда намъ, и прославихомъ Бога".[2]

---

[1] «И» въ рукописи нѣтъ.

[2] Чтобы судить о неизмѣнности „слова отъ Патерика" въ нашихъ церковно-печатныхъ книгахъ, приводимъ его въ подлинникѣ по Прологу 1802 года:

„Повѣда намъ нѣкій отецъ глаголя: яко купцы, рече, два отъ единыя веси бяху любовь имуща къ себѣ. Единъ же ею богатъ зѣло, другій же не толико: сей убо жену имѣяше зѣло краснѣйшу и цѣломудрену, якоже весь послѣжде показати хощетъ. Умерщу бо мужу ея, оста вдовствующи. Купецъ же онъ другій, вѣдый добродѣтель ея и цѣломудріе, восхотѣ пояти ю себѣ въ жену, срамляшеся же рещи ей, еда како не восхощетъ, имѣяше всегда помышленія на ню. Она же разумна сущи, разумѣ, что хощетъ сотворити, и единою глагола ему: брате и господине Сумеоне, вижу тя отъ помышленій смущаема, но рцы ми безъ всякаго сумнѣнія, яже хощеши, и аще можно будетъ, повѣмъ ти. Онъ же первѣе стыдяшеся повѣдати весь, послѣжде же исповѣда и моляше сію, еже бы ему пояти ю себѣ жену. Она же отвѣща ему: аще сотвориши, яже заповѣдаю ти, и азъ сотворю волю твою. И глагола ей: еже аще заповѣдаеши ми, сотворю вскорѣ. Рече же ему: иди въ домъ твой и ничтоже вкуси, донде же призову тя. Онъ же съ радостію обѣщася сіе сотворити: не даде же ему дни уреченна, когда призоветъ его. Минувшу же первому, и второму, и

Таково содержаніе „слово отъ Патерика“. Это „слово“ помѣщается обыкновенно въ Прологѣ подъ 14 числомъ августа мѣсяца.

Теперь припомнимъ „сказаніе“ г. Лѣскова, и намъ станетъ ясно, какъ развязно онъ окрестилъ „зѣло краснѣйшую, разумную и цѣломудренную“ вдову именемъ Мелиты, а отца Сѵмеона переименовалъ въ „невиннаго Пруденція“.

Если извинительно не знать общаго характера сказаній Пролога и ошибаться въ приписываніи каждому отдѣльному сказанію его бóльшаго значенія, чѣмъ какое оно имѣетъ въ дѣйствительности, по недостаточному ли знакомству съ Прологомъ, или по другимъ причинамъ, со злымъ умысломъ ничего общаго неимѣющимъ,—то едва ли можно подыскать какія-нибудь оправданія въ томъ случаѣ, когда самовольно расправляются съ извѣстнымъ сказаніемъ Пролога, передавая содержаніе его согласно со

третіему дни, и не призва его. Онъ же любве ради ея терпяше крѣпко, Богу сія по смотрѣнію сотворшу, вѣдящему, гдѣ хощетъ призвати его. Въ четвертый же день посла къ нему. Онъ же вмалѣ не исчезе гладомъ и не возможе ногами своими пріити отъ изнеможенія, обаче носимь нѣкіими пріиде. Она же уготовивши трапезу, и постелю такожде, и глагола ему: се трапеза и одръ, что повелѣваеши прежде сотворити? И рече ей: помилуй мя, даждь ми прежде вкусити, понеже исчезаю, ниже помысла имамъ, что есть жена, отъ одержащаго мя глада. Тогда глагола ему она: се егда взалкалъ еси, и мене, и вся́кія похоти забылъ еси, точію да хлѣба насытишися. Егда же пріидутъ ти сицевіи помыслы, такову лѣчбу поста воспріими, и избавишися всякаго помысла лукава. Вѣру же ми ими, брате, яко по смерти мужа моего ниже тебѣ, ниже иному совокуплюся, но помощію Христа моего сице пребуду въ чистотѣ. Тогда умилися мужъ, и почудися чистотѣ ея и цѣломудрію, и глагола ей: понеже благоволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совѣщаеши ми сотворити? Она же боящися юности ради, и сущія ея ради красоты, да не како и сама, времени зовущу, сицевая постраждетъ, и глагола ему: Мню, яко не любиши никого Бога ради якоже мене, яко же и азъ воистинну Бога ради люблю тя. Но понеже заповѣдь имамы владыки нашего глаголюще: аще кто хочетъ по Мнѣ ити и не возненавидитъ отца и матере своея, и жену свою и чадо, и братію свою и сестры, еще же и свою душу, не можетъ быти Мой ученикъ. И аще хощеши, совѣщаю ти: удалимъ себе другъ отъ друга Бога ради, яко да вмѣнитъ и тебѣ Господь, яко отреклся еси жены твоея Его ради; мнѣ же такоже да вмѣнится, яко отрекохся мужа моего. И се уже монастырь есть въ странѣ нашей, и аще всяко желаеши отрещися міра, тамо шедъ отрецыся, и угодиши воистинну Богу. Онъ же абіе расточи богатство свое нищимъ, и иде въ монастырь онъ, и прибысть тамо до смерти своея, и бысть искусенъ монахъ. Подобно же и блаженная она жена и цѣломудренная отъиде въ монастырь женскій, и угодивши Богу, преставися въ вѣчную жизнь. Сія же вся самъ той отецъ Сѵмеонъ исповѣда намъ, и прославихомъ Бога“.

своимъ собственнымъ предварительнымъ намѣреніемъ и выкидывая изъ этого сказанія все, что противорѣчитъ послѣднему.

Цѣломудренная вдова „слово отъ Патерика“ въ желаніи весьма богатаго купца Сумеона просто видитъ лукавый помыслъ, съ христіанскимъ бракомъ ничего общаго не имѣющій. Сумеонъ, кромѣ физіологическаго, не имѣлъ иного „помысла, что есть жена“. Мелита „сказанія № 121“ уже воображаетъ, что ей предстоитъ рѣшить вопросъ о бракѣ съ „невиннымъ Пруденціемъ“. Первая считаетъ противнымъ христіанству служеніе похоти,—вторая находитъ противнымъ „святому ученію“ самый бракъ. Первая желаетъ угодить Богу и спастись; то же она совѣтуетъ сдѣлать и Сумеону;—вторая хочетъ служить „всеобщему благу“, а „невинному Пруденцію желаетъ... здоровую, красивую любовницу, въ лицѣ своей пылкой рабыни. Первая для спасенія души своей пошла въ монастырь и здѣсь „угодила Богу“; то же по ея совѣту сдѣлалъ и Сумеонъ и сталъ „искусенъ инокъ“. Мелита для исполненія своего желанія... исчезаетъ, какъ дымъ, а „невинный Пруденцій“... родитъ близнецовъ.

Такъ до полной неузнаваемости измѣнилось „слово отъ Патерика“ въ „сказаніи для взрослыхъ № 121“ и изъ благочестиваго и строго-церковнаго „слова“ превратилось въ тенденціозный наборъ пустыхъ фразъ грубаго матеріализма. Общими у нихъ остались только два факта—голодъ и, какъ слѣдствіе его, временное прекращеніе страсти. Все остальное передѣлано и перетолковано такъ, какъ хотѣлось автору, такъ что уже подъ „сказаніемъ № 121“ нельзя было подписать, что оно взято изъ Пролога, а пришлось поставить имя его настоящаго и дѣйствительнаго сочинителя Н. С. Лѣскова. Въ этомъ случаѣ приходится жалѣть только о томъ, что фантазіи Н. С. Лѣскова называются „сказаніемъ“, то-есть такимъ именемъ, которое, обыкновенно, усвояется разсказамъ церковнаго характера.

VII.

Въ заключеніе считаю долгомъ объяснить, почему я привелъ „слово“ по рукописному Патерику, а не по печатному Прологу.

Года два, три назадъ, выдавая собственныя передѣлки за подлинныя сказанія Пролога, г. Лѣсковъ успокоивалъ неособенно довѣрчивыхъ читателей тѣмъ, что де онъ позволяетъ себѣ *только*

замѣну проложнаго языка современнымъ. Тогдашняя его „Повѣсть о богоугодномъ древоколѣ“ начиналась заявленіемъ, что, дескать, онъ, Лѣсковъ, „ради тяжести довольно неуклюжаго и для многихъ совсѣмъ непонятнаго до-Петровскаго церковнаго языка, предлагаетъ повѣсть въ своемъ пересказѣ, вполнѣ близкомъ фактически къ подлиннику“. На это профессоръ А. И. Пономаревъ въ своей рѣчи на актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1890 году замѣтилъ: „невольно изумляешься такому горделиво-заносчивому пренебреженію относительно церковнаго языка: это православному-то народу, воспитанному на церковныхъ славянскихъ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ, говорятъ что языкъ *Библіи* и церковнаго богослуженія, ежедневно слышимый въ русскихъ храмахъ—„языкъ тяжелый, неуклюжій, совсѣмъ непонятный“?! Больно, стыдно за русскаго человѣка и къ тому же русскаго писателя, который осмѣливается во всеуслышаніе провозгласить такую клевету, а тѣмъ болѣе обращается съ нею къ простому народу“...

Когда, такимъ образомъ, тайну своихъ сочиненій нельзя стало укрывать языкомъ, г. Лѣсковъ въ нынѣшнемъ году придумалъ другое средство, чтобы замаскировать предъ читателями настоящее происхожденіе своихъ „сказаній“ и увѣрить въ полномъ соотвѣтствіи послѣднихъ съ сказаніями Пролога. Онъ заявилъ, что составляетъ свои разсказы“ по *древне-печатному, переводному* [1] Прологу, редакція котораго не соотвѣтствуетъ тому, который издается послѣ Петра Великаго“.

Попробуй читатель нашихъ свѣтскихъ журналовъ разобраться въ такомъ заявленіи. Что̀ такое *древне-печатный*, да еще *переводный Прологъ?* Стало-быть, существуетъ другая редакція, особый переводный Прологъ... Должно-быть тотъ, первый, такая мудрость и рѣдкость, которой нигдѣ не достанешь... Да если повѣрить г. Лѣскову, что *древне-печатный, переводный Прологъ* не входитъ въ кругъ церковныхъ книгъ и не только не пользуется церковнымъ авторитетомъ, но представляетъ книгу „отреченную“ страшно и разыскивать его: еще отъ начальства достанется!..

Неужели же г. Лѣсковъ полагаетъ, что его заявленіе не станетъ извѣстнымъ никому, мало-мальски знакомому съ нашими старопечатными книгами?.. У насъ идетъ рѣчь о „словѣ отъ Патерика“, помѣщаемомъ въ Прологѣ подъ 14 августа. *Перво-*

[1] Курсивъ г. Лѣскова.

печатный Прологъ на августъ мѣсяцъ изданъ уже въ 1643 году; всѣхъ до-петровскихъ изданій его было такъ мало (еще бы: до 1702 года всего шесть!), что всѣ они извѣстны на перечетъ: гдѣ, въ какомъ году изданъ тотъ *древле-печатный переводный Прологъ*, въ которомъ бы подъ 14 числомъ августа мѣсяца было напечатано то, что̀ разсказываетъ г. Лѣсковъ? *Слово отъ Патерика* тождественно въ Прологѣ и 1643 года, и всѣхъ послѣдующихъ изданій, и даже новѣйшихъ, напримѣръ, 1802 года. Но мы для своихъ цѣлей рѣшили вовсе не пользоваться печатнымъ, и даже первопечатнымъ Прологомъ, а привели содержаніе *Слова* по рукописному Патерику (откуда оно и взято въ Прологъ) XVI вѣка, когда о печатномъ Прологѣ, а стало-быть и о возможныхъ измѣненіяхъ въ *Словѣ* со стороны „церковной критики"(?!), не было и рѣчи. И въ этомъ Патерикѣ содержаніе *Слова* оказывается тождественнымъ [1] съ печатаемымъ въ Прологѣ и совершенно непохожимъ на приводимое г. Лѣсковымъ...

Что̀ же это за загадка такая, *древнепечатный переводный Прологъ* г. Лѣскова? Ради науки и любителей старины пусть назоветъ г. Лѣсковъ годъ его изданія, или напечатаетъ съ пунктуальною точностью хоть одну статью изъ него. Но онъ этого не сдѣлаетъ, потому что *такой книги—древнепечатный переводный Прологъ до-петровскаго изданія—совсѣмъ на свѣтѣ нѣтъ...*

Григорій Георгіевскій.

---

[1] Полагаемъ, что разница въ языкѣ, въ родѣ: „прежде—преже", послѣжде—послѣже, имѣяше—имяше", и т. п., не можетъ идти въ расчетъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ АѲИНЫ.

Ferdinand Gregorovius: *Gecshichte der Stadt Athen im Mittelalter. Von der Zeit Iustinians bis zur türkischen Eroberung.* 2 Bände. Stuttgart. 1889.

Каждое сочиненіе Грегоровіуса составляетъ изящный и цѣнный вкладъ въ литературу и науку Германіи. Удивительное мастерство изложенія, образность и глубокое знаніе предмета, изучаемаго имъ всегда въ источникахъ, ставятъ этого историка въ разрядъ первоклассныхъ дѣятелей европейской науки. Къ сожалѣнію, русскому читателю онъ извѣстенъ только по имени. Переводъ его монументальнаго труда — исторіи города Рима въ Средніе Вѣка—страннымъ образомъ былъ начатъ съ послѣдняго тома, превосходные итальянскіе очерки, писанные имъ между дѣломъ, образцовые наброски историческихъ пейзажей и нынѣшняго состоянія посѣщенныхъ имъ малоизвѣстныхъ мѣстностей Италіи остаются совершенно неизвѣстными, хотя трудно найти болѣе завлекательное и поучительное чтеніе. Только біографія императрицы Аѳинаиды, составляющая эпизоды средневѣковой исторіи Аѳинъ, обратила на себя вниманіе переводчиковъ, была напечатана въ одномъ изъ періодическихъ изданій и прошла незамѣтно вслѣдствіе спеціальности своего содержанія.

Аѳины и Римъ являются въ жизни человѣчества двумя центрами, около которыхъ совершились важнѣйшія событія древней исторіи, опредѣлившія дальнѣйшій ходъ европейской цивилизаціи. Въ области научной мысли и художественнаго творчества Аѳины заняли такое же властительное положеніе, какъ Римъ въ сферѣ государственныхъ и юридическихъ отношеній. Приступивъ къ

исторіи средневѣковаго Рима, Грегоровіусъ почувствовалъ необходимость, исполнивъ этотъ трудъ, изложить въ одинаковой полнотѣ историческія судьбы Аѳинъ въ ту же эпоху. Но какъ различна судьба обоихъ городовъ! Римъ остается при своимъ всемірно-историческомъ значеніи, мѣняются только дѣйствующія лица міровой драмы, для которой онъ служитъ сценой. Напротивъ, Аѳины окончили свою роль, одно время совсѣмъ исчезаютъ на нѣсколько вѣковъ изъ памяти людей и вновь показываются подъ владычествомъ Франковъ въ качествѣ ничтожной области, замѣшавшейся въ круговоротъ феодальныхъ отношеній, принесенныхъ крестоносцами въ Восточную имперію. Византійскіе писатели или молчатъ объ Аѳинахъ, или касаются ихъ мимоходомъ. Въ новѣйшее время лишь недавно Аѳины стали предметомъ научно-историческихъ изслѣдованій. Свой трудъ Грегоровіусъ скромно считаетъ опытомъ, хотя, по его словамъ, собранный матеріалъ едва ли можетъ получить важное приращеніе.

Народы и государства, по мнѣнію Грегоровіуса, воплощаютъ пластически и монументально свою историческую жизнь въ стольныхъ городахъ своихъ. Столицы — портреты народнаго генія, создавшаго ихъ, и онѣ переживаютъ и народъ, и государство. Самое положеніе столицъ кажется геніальнымъ открытіемъ, которое никогда не забывается. Трудно представить себѣ, что когда-нибудь исчезнутъ и запустѣютъ такіе города, какъ Римъ, Константинополь, Іерусалимъ, Дамаскъ. Въ отдаленномъ будущемъ другіе народы поселятся въ нихъ, иныя историческія судьбы найдутъ въ нихъ свое осуществленіе, но они, обновляясь и измѣняясь, пребудутъ до конца свѣта. Аѳины принадлежатъ къ числу такихъ безсмертныхъ избранниковъ, и свидѣтельствомъ тому служитъ ихъ возрожденіе къ новой исторической жизни изъ-подъ многовѣковаго пепла.

Грегоровіусъ избралъ эпоху, начинающуюся Юстиніаномъ и оканчивающуюся турецкимъ завоеваніемъ. Почти тысячелѣтняя жизнь Аѳинъ распадается на два періода: византійскій и франкскій.

„Аѳины — училище всей Греціи“, „создавшее изъ греческихъ племенъ единую Эллинскую націю“, во время Римской имперіи сохраняли свое духовное значеніе, хотя ея знаменитое гражданство давно исчезло и городъ существовалъ благодаря наплыву иностранцевъ, щедро помогавшихъ его нуждамъ. Родина Сократа оставалась высшею школой античнаго міра. При Адріанѣ Аѳины

пережили блестящую эпоху Возрожденія. Ни одинъ изъ императоровъ не потратилъ такъ много трудовъ на украшеніе города. И до сихъ поръ остатки Адріановыхъ сооруженій принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ памятникамъ древности въ Аѳинахъ. Греческое изящество и римская пышность соединились тамъ въ полномъ блескѣ. Въ такомъ видѣ описалъ Аѳины Павсаній во II вѣкѣ. Съ этихъ поръ начинается медленный и безостановочный періодъ увяданія города. Первыми бѣдами были варварскія нашествія. Въ 267 году Готы и Герулы напали съ моря и разграбили городъ, не оказавшій никакого сопротивленія. Современный историкъ разсказываетъ, что когда Готы хотѣли сжечь библіотеку, то одинъ старый вождь остановилъ ихъ, говоря, что нужно оставить книги Аѳинянамъ, ибо книжныя занятія сдѣлали ихъ неспособными сопротивляться Готамъ.

Первое нашествіе Готовъ только временно разогнало мирную толпу риторовъ, философовъ и учениковъ ихъ. Аѳинскія школы открылись вновь, какъ скоро миновала гроза. Въ началѣ четвертаго вѣка онѣ стоятъ въ прежней славѣ. Одновременно въ числѣ слушателей были язычники и христіане, Василій Великій съ Григоріемъ Назіанзеномъ и принцъ Юліанъ. Аѳинское просвѣщенное общество и всѣ профессора образуютъ сплошную группу защитниковъ языческой религіи, какъ и вліятельное большинство римскаго сената. Христіанская община существуетъ несомнѣнно, но она слаба и значеніе ея ничтожно. На ряду съ великолѣпными храмами древнихъ боговъ, по преданію, уже въ первомъ вѣкѣ въ Аѳинахъ находилась прекрасная церковь съ иконой Богоматери, писанною св. Лукой; но чудотворная икона удалилась изъ Аѳинъ въ одинъ малоазіятскій монастырь близъ Трапезунта. Аѳинская Божія Матерь, въ видѣ оранты, постоянно изображалась на печатяхъ аѳинскихъ архіереевъ. Между тѣмъ, идолы стояли долго послѣ того. Ни прекращеніе языческаго богослуженія при Ѳеодосіи Великомъ, ни нашествіе Алариха не потревожили олимпійскихъ защитниковъ Аѳинъ. Въ послѣдній разъ Аѳина-Паллада оградила городъ отъ разоренія, появясь, по разсказамъ язычниковъ, въ полномъ вооруженіи надъ стѣнами Акрополя предъ побѣдоносными Готами и ужаснувъ ихъ своимъ величіемъ, когда, переступивъ порогъ Пропилеевъ, сѣверные варвары очутились предъ подавляющимъ величіемъ бронзовой Фидіевой статуи Аѳины-Воительницы. Рѣшительный перевѣсъ христіанства начался при Ѳеодосіи Второмъ,

женатомъ на дочери язычника-философа Леонтія изъ Аѳинъ, Аѳинаидѣ, во св. крещеніи—Евдокіи. При немъ Аѳины потеряли картины Полигнота, въ теченіе семи вѣковъ удивлявшія міръ своимъ совершенствомъ. Въ 529 году формально были закрыты языческія школы. „У васъ, Аѳиняне, говоритъ одна византійская эпиграмма, — съ языка не сходятъ имена Платона, Сократа, Ксенократа, Эпикура, Пиррона и Аристотеля, но, на самомъ дѣлѣ, у васъ не осталось ничего, кромѣ гиметскаго меда, гробницъ и тѣней мудрецовъ: „вѣру и мудрость нужно искать у насъ“. Самое имя Эллиновъ получаетъ неблагопріятное значеніе, дѣлаясь синонимомъ языческаго, нечестиваго. Для христіанъ Эллады Византійцы придумываютъ названіе Элладиковъ, чтобы не обижать ихъ названіемъ Эллиновъ. Изгнанное изъ городовъ, язычество находитъ себѣ убѣжище среди грубыхъ и суевѣрныхъ горцевъ Тайгета, и отголоски его слышатся въ новогреческихъ народныхъ пѣсняхъ. Языческое богослуженіе подвергается строгому запрещенію, вслѣдствіе чего храмы закрываются, приходятъ въ упадокъ и разбираются на другія постройки. Много мрамора и колоннъ было увезено въ Константинополь при построеніи св. Софіи и другихъ зданій при Юстиніанѣ. Главнѣйшіе храмы были обращены въ церкви. Храмъ Ѳисея сдѣлался церковью Спасителя. Знаменитый храмъ Асклепія, стоявшій на склонѣ Акропольскаго холма, былъ разрушенъ и изъ его развалинъ было сооружено нѣсколько церквей, фундаменты которыхъ были открыты при раскопкахъ въ 1876 году. Напротивъ, одно изъ колоссальнѣйшихъ зданій древности, адріановъ храмъ Зевса Олимпійскаго не поддавался разрушенію человѣческими руками и по громадности своей не могъ быть приспособленъ къ новому богослуженію: онъ обрушился отъ землетрясенія. Изъ 132 колоннъ перистиля, имѣвшихъ 60 футовъ высоты и почти сажень въ поперечникѣ, до сихъ поръ стоитъ двѣнадцать колоннъ среди пустыря, на которомъ пасутся овцы; несмѣтное количество мраморовъ и камня—все было растаскано на незначительныя новѣйшія постройки въ теченіе многихъ вѣковъ. На одной изъ уцѣлѣвшихъ колоннъ въ Средніе Вѣка подвизался христіанскій столпникъ, навлекавшій на себя насмѣшки Аѳинянъ необычайностью подвижничества. Пропилеи, маленькій храмъ Побѣды, примыкающій къ нимъ, памятникъ Лизикрата, Башня вѣтровъ, Пещера Пана—также превратились въ церкви. Наконецъ, очередь дошла до изящнѣйшаго изъ созданій древняго зодчества,

до Парѳенона. Знаменитая статуя-Аѳины Побѣдоносной, сдѣланная изъ золота и слоновой кости Фидіемъ, послѣ семисотлѣтняго пребыванія была вынесена и безслѣдно исчезла. Храмъ сталъ каѳедральнымъ соборомъ Божіей Матери. Чтобы приспособить его къ христіанскому богослуженію, восточный входъ храма былъ заложенъ; опистодомъ на западной сторонѣ былъ превращенъ въ притворъ, и въ западной стѣнѣ были пробиты двери. Всѣ скульптурныя украшенія стѣнъ и фронтоновъ были оставлены, кромѣ части фриза съ изображеніемъ Аѳины въ алтарѣ. Вмѣсто ея появилось мозаическое изображеніе Аѳинской Божіей Матери, а стѣны были покрыты живописью, часть которой уцѣлѣла въ сѣверо-западномъ углу Парѳенона.

Въ XI столѣтіи верхъ Парѳенона, открытый во всю длину, посрединѣ былъ покрытъ сводомъ, а въ боковыхъ нефахъ базилики были пристроены хоры для женщинъ. Можно думать, что переименованіе храмовъ совершалось не безъ соотвѣтствія съ прежнимъ ихъ назначеніемъ. Безсребренники Косма и Даміанъ заступали мѣсто или Асклепія-Цѣлителя или Діоскуровъ; Николай Чудотворецъ, чтимый мореходами—мѣсто Посейдона; Димитрій Великомученикъ замѣнилъ Димитру; св. Георгій—Иракла, Ѳисея или Ареса; пророкъ Илія—Зевса Громовержца (на островѣ Эгинѣ). Впрочемъ, строго выдержанной системы въ такихъ переименованіяхъ прослѣдить нельзя. Вообще, исторія аѳинскихъ церквей, много разъ въ теченіе вѣковъ мѣнявшихъ свои названія, изслѣдована недостаточно. Не довольствуясь древними храмами, боголюбивые Аѳиняне строили много новыхъ церквей, пользуясь развалинами. Аѳинаида—Евдокія одна воздвигла двѣнадцать церквей, одною изъ которыхъ считаютъ нашу посольскую св. Никодима. Иностранца могло удивить множество церквей и монастырей въ Аѳинахъ такъ же, какъ удивлялся апостолъ Павелъ благочестію Аѳинянъ, воздвигнувшихъ множество алтарей всякимъ богамъ и даже невѣдомому Богу.

Въ концѣ VI вѣка Аѳины получили совершенно христіанскій характеръ, но съ закрытіемъ философскихъ школъ потеряли значеніе центра эллинскаго просвѣщенія и главной школы философіи и краснорѣчія, въ чемъ заключалось ихъ міровое значеніе. Средоточіе умственной дѣятельности христіанскаго міра перешло въ Константинополь. Сдѣлавшись второстепеннымъ провинціальнымъ городомъ Восточной имперіи, Аѳины исчезаютъ изъ исторіи. Послѣдующая исторія Аѳинъ до того незначительна

посредствомъ организованныхъ орденовъ: сѣверные монахи-миссіонеры того времени стояли почти въ такихъ отношеніяхъ къ центру западной церковной іерархіи, какъ и на Востокѣ. Умноженіе монастырей въ Восточной имперіи обусловливалось столько же душевною потребностью въ подвижничествѣ и мистическомъ благочестіи, сколько и внѣшними историческими причинами. Не слѣдуетъ забывать что египетское, сирійское и палестинское монашество въ то время подвергалось гоненіямъ отъ мусульманъ, завоевавшихъ эти страны. Большинство сирійскихъ и палестинскихъ иноковъ было греческимъ по языку и происхожденію. Мусульманское завоеваніе прекратило притокъ иноковъ въ Сирію и Палестину изъ областей имперіи, и потому развивается монастырская жизнь въ Малой Азіи и европейскихъ провинціяхъ. Нельзя также сравнивать богатства монастырей латинскихъ и греческихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ учениками Франциска Ассизскаго и Доминика наполнились всѣ страны Западной Европы. Уже при жизни Франциска число минорitскихъ монастырей было громадно. Въ борьбѣ папъ съ императорами ордена явились страшною силой, дѣйствуя иногда противъ папъ, иногда противъ свѣтской власти. Въ силу особенностей организаціи латинскаго монашества и духовенства церковь на Западѣ стояла дальше отъ отечества и отъ государства и равнодушнѣе относилась къ политическимъ судьбамъ родины, нежели греческая церковь, никогда не имѣвшая ни такого матеріальнаго обезпеченія, ни такой отрѣшенности отъ политическихъ судебъ своего народа и государства. О вредномъ вліяніи монаховъ на народную нравственность было бы умѣстнѣе говорить относительно западныхъ монаховъ. Богатство и распущенность латинскаго клира и монашества пріобрѣли достаточно печальную извѣстность,—что̀ останавливаться на этомъ фактѣ. На Востокѣ такія обличенія монаховъ можно крайне рѣдко встрѣтить у духовныхъ писателей, напримѣръ, у Евстаѳія Солунскаго (XII в.) но историки Византіи не даютъ основаній для осужденія восточнаго монашества. Храбрый и искусный воинъ Никифоръ Фока, почему-то удостоенный названія „просвѣщенный“, былъ однимъ усерднымъ покровителемъ аѳонскаго монашества и, отправляясь въ знаменитый походъ на Критъ, взялъ съ собою монаховъ, весьма способствовавшихъ ему въ эллинизаціи этого острова и въ очищеніи его отъ мусульманъ. Что касается до просвѣтительной дѣятельности восточнаго монашества, то не слѣдуетъ

забывать, что въ Византіи, какъ впослѣдствіи и на Западѣ, философское движеніе совершалось въ видѣ богословскихъ движеній, и догматическіе споры и разногласія, не прекращавшіеся во все время существованія имперіи, были почти всегда проявленіемъ философскихъ ученій. Схоластика началась на Востокѣ и оттуда Западъ получилъ ее вмѣстѣ съ философіей Аристотеля и его византійскихъ послѣдователей. Предупреждая западную науку на нѣсколько вѣковъ, Византійцы рано выдвинули на первый планъ философію Платона, и этимъ ученіемъ объясняются многіе изъ богословскихъ споровъ, волновавшихъ восточную церковь. [1] Общіе взгляды Грегоровіуса на Восточную имперію, вообще, нельзя не признать нѣсколько устарѣвшими.

Къ сожалѣнію, недостатокъ источниковъ не далъ возможности вполнѣ выяснить важную исторію монашества въ Элладѣ и Пелопоннесѣ.

Въ 874 году созидается монастырь свв. апостоловъ Петра и Павла въ Віотіи на развалинахъ Орхомена. Въ Аттикѣ въ это же время обновляются и создаются монастыри на Гиметѣ и Пентеликонѣ. Въ половинѣ X вѣка въ Фокидѣ учреждается знаменитая обитель св. Луки Элладскаго, великаго чудотворца, а ученики его основываютъ еще нѣсколько монастырей. Во второй половинѣ X вѣка такой же подвижникъ появляется въ Элладѣ и Пелопоннесѣ — преподобный Никонъ. Армянинъ родомъ, св. Никонъ сначала успѣшно дѣйствовалъ между Арабами Крита, отвоеваннаго у мусульманъ Никифоромъ Фокой. Потрудившись затѣмъ въ греческихъ городахъ, Никонъ избралъ мѣстомъ своей постоянной дѣятельности Лаконію. Въ Спартѣ онъ нашелъ сильную родовую аристократію, купцовъ изъ Аквилеи, то-есть Венеціи, и многолюдную колонію жидовъ. Устроивъ тамъ монастырь съ прекрасною церковью, украшенною мраморомъ и живописью, онъ посвятилъ свои силы обращенію въ христіанство Езеритовъ и Мелинговъ, а также борьбѣ съ послѣдними слѣдами эллинскаго язычества въ Майнѣ, горной странѣ на югѣ Лаконіи, населенной племенемъ греческаго происхожденія, но сильно смѣшаннымъ со Славянами.

Эллинизація Славянъ Мореи происходила медленно. Въ X в. Константинъ Порфирородный называетъ населеніе ея варварскимъ. Въ XIII столѣтіи Франки-завоеватели находятъ тамъ славянское

[1] См. *Успенскій*: Очерки по исторіи византійской образованности. Спб. 1892.

населеніе и послѣ этого Славяне Лаконіи различаются отъ Пелопоннесцевъ и Византійцевъ. Принявъ греческій языкъ, какъ языкъ церкви, морейскіе Славяне не забыли своей родной рѣчи такъ быстро, какъ, напримѣръ, Лангобарды въ Италіи. Такое же явленіе представляютъ Албанцы, позже переселившіеся въ Грецію: они сохранили свой языкъ во многихъ мѣстахъ до нашего времени. Но въ то время, какъ Лангобарды въ Италіи положили основаніе исторической аристократіи въ Италіи, въ Греціи оказывается полное отсутствіе родовыхъ славянскихъ именъ среди новогреческой аристократіи. На этомъ основаніи Саѳа даже совсѣмъ отвергалъ присутствіе Славянъ въ Пелопоннесѣ и Элладѣ, но Грегоровіусъ возражаетъ ему указаніемъ на такое же отсутствіе латинскихъ именъ, хотя двухсотлѣтнее государство Франковъ въ Греціи лежитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Англійскій ученый Ликъ (Leake) пытался опредѣлить размѣръ славянской колонизаціи по географическимъ названіямъ и нашелъ, что въ Пелопоннесѣ на десять греческихъ приходится одно славянское названіе. На полуостровѣ этнологическая перемѣна была сильнѣе, чѣмъ въ Элладѣ, а въ селахъ больше, чѣмъ въ городахъ. Было бы, впрочемъ, ошибкой предполагать, что Аргосъ и Патрасъ, Коринѳъ, Лакедемонъ и Аѳины, Монемвасія и Ѳивы въ X вѣкѣ были населены чисто-греческимъ племенемъ. Если тамъ и не было Славянъ, то обильнымъ притокомъ входила въ нихъ та помѣсь всякихъ національностей, которая образовалась въ средневѣковой Византійской имперіи и составляетъ ея характерную особенность. Необыкновенная способность ромейскаго государства ассимилировать негреческіе элементы возбуждаетъ удивленіе, и въ этомъ отношеніи Константинополь не уступалъ древнему Риму. Въ столицу многоязычной имперіи стремились лучшія силы провинцій, обновляя и укрѣпляя своею свѣжею кровью государственный организмъ. Славяне, Персы, Сарацины со временъ Юстіана являются въ управленіи, войскѣ, церкви, аристократіи и царскихъ палатахъ; Армяне, Исавры, Пафлагоняне, Иллирійцы и Славяне вступаютъ на императорскій престолъ. Въ Византіи все это смѣшеніе языковъ перерабатывается въ Византійцевъ и, постоянно обновляясь, обезпечиваетъ долгую жизнь имперіи. Нельзя, впрочемъ, отрицать и вліянія этихъ чужеродныхъ элементовъ на общественную жизнь Византійской имперіи. Многія изъ темныхъ сторонъ ея: жестокость уголовнаго суда, господство евнуховъ,

безпощадные и кровавые дворцовые перевороты должны быть приписаны воздѣйствію этихъ инородныхъ примѣсей.

Ассимиляція инородныхъ племенъ удавалась, однако, не повсемѣстно въ ромейской имперіи и далеко не въ такой степени въ македонскую эпоху въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ или какъ у романскихъ народностей на Западѣ. Сербы и Болгары, тяготѣя къ Константинополю, тѣмъ не менѣе образовали самостоятельныя и враждебныя имперіи государства. Эллинизаціи вполнѣ подвергнулись только Славяне, поселившіеся въ Греціи. Эти послѣдніе, принявъ греческіе законы, религію, образъ жизни, вступая въ браки съ Эллинами, мало-по-малу огречились и обратились въ ново-Грековъ. Славянскій языкъ не оказалъ никакого вліянія на составъ новогреческаго языка и его грамматику (Миклошичъ насчиталъ въ немъ всего 129 славянскихъ словъ), тогда какъ романскій, турецкій и албанскій языки оставили въ немъ очень замѣтные слѣды. Перерожденіе грамматическаго строя древнегреческаго языка, выразившееся въ появленіи новогреческаго языка, столь же мало объясняется вліяніемъ славянскимъ, какъ образованіе новолатинскихъ языковъ—вліяніемъ германскимъ. Вообще, новогреческій языкъ можетъ служить блестящимъ доказательствомъ могущества древняго культурнаго языка: народный діалектъ, не взирая на грамматическія потери, все-таки уклонился отъ языка Гомера, Платона и Демосоена гораздо менѣе, чѣмъ итальянскій отъ языка Виргилія и Цицерона. Устоявъ неодолимо въ тяжкой многовѣковой борьбѣ съ варварскими элементами, сохранивъ свои языкъ и національность, Греческій народъ доказалъ безспорно свою замѣчательную живучесть.

Эллинизація Славянъ составляетъ едва ли не самое важное событіе въ исторіи Эллады и Мореи въ эпоху византійскую. Благодаря славянскимъ пришельцамъ, Греція не запустѣла, и оскудѣвшее эллинское племя укрѣпилось и пріобрѣло силы, дозволившія ему вынести два иноплеменныя ига, франкское и турецкое.

Славяне миновали Аттику и Аѳины. Вѣроятно, укрѣпленія, возстановленныя Юстиніаномъ, были надежною защитой для туземнаго населенія отъ варваровъ, неискусныхъ въ осадѣ укрѣпленныхъ городовъ. Начиная съ VII вѣка, нужно спуститься до XII столѣтія, чтобы найти какія-нибудь историческія свѣдѣнія объ Аѳинахъ: пятивѣковое молчаніе исторіи, богатой великими историческими событіями, само собою указываетъ, до какой политической ничтожности дошелъ городъ Ѳемистокла и Перикла.

Прекращается даже эпиграфика, весьма богатая въ языческую эпоху Аѳинъ. Въ незначительномъ количествѣ собраны замѣтки, нацарапанныя на стѣнахъ церквей, бывшихъ нѣкогда капищами идоловъ, и какъ ни скудны эти замѣтки. онѣ все-таки сообщили нѣсколько фактовъ за время XII—XVII в., не упомянутыхъ исторіей. Въ XII вѣкѣ историческій мракъ разсѣевается благодаря появленію въ Аѳинахъ замѣчательной личности—архіепископа Михаила Акомината.

Младшій братъ историка Никиты Акомината, уроженецъ фригійскаго города Хонъ, или Колоссъ, Михаилъ родился въ 1140 году и получилъ блестящее образованіе въ Константинополѣ. При Мануилѣ Комненѣ столица имперіи доживала послѣдній блестящій періодъ своего существованія. Школы краснорѣчія, философіи и богословія процвѣтали. Вокругъ геніальнаго Евстаѳія, впослѣдствіи архіепископа Солунскаго, собралась группа высокообразованныхъ Грековъ, домъ его былъ сборнымъ мѣстомъ избранныхъ ученыхъ и просвѣщенныхъ людей столицы: Евѳимій, митрополитъ Неопатрскій, сравнивалъ его съ древними аѳинскими академіями. Семейство императоровъ покровительствовало научному оживленію и само принимало въ немъ близкое участіе. Алексій I, Калоіоаннъ, Мануилъ и Анна Комнены обладали высокимъ образованіемъ. Анна и ея мужъ Вріенній занимаютъ видное мѣсто въ византійской исторіографіи, а Мануилъ съ фамильными полководческими талантами соединялъ замѣчательное искусство въ богословской полемикѣ. Изученіе классическихъ писателей не прекращалось въ Константинополѣ, изъ училищъ котораго вышло большинство тогдашнихъ греческихъ іерарховъ. Многіе изъ епископовъ Аттики и Пелопоннеса, товарищи Михаила Акомината, извѣстны своими учеными трудами. Николай Меѳонскій считалъ необходимымъ опровергать неоплатоническое ученіе Прокла, послѣдняго аѳинскаго философа, и это интересное явленіе доказываетъ, что неоплатонизмъ даже въ то время еще держался въ Греціи. [1] Для классически образованнаго Михаила Акомината ни одинъ городъ не могъ быть привлекательнѣе Аѳинъ. Назначеніе его аѳинскимъ архіепископомъ относятъ къ 1175 году. Сохранилось его вступительное слово. Онъ описываетъ, что Аѳиняне приняли его въ Пиреѣ съ ликованіемъ и

---

[1] О замѣчательной личности Николая Меѳонскаго см. сочиненіе профессора Лебедева: *Византійская Церковь и государство.* М. 1892 г.

танцами. Проходя въ торжественной процессіи городъ, архіерей отмѣчаетъ обрушенныя стѣны и лачуги, въ которыхъ жили Аѳиняне среди великолѣпныхъ развалинъ. Окрестности города были невоздѣланы и пустынны. Мѣстопребываніе епископа было въ Акрополѣ. Парѳенонъ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе. Михаилъ называетъ его „дивнопрекраснымъ и блистательнымъ храмомъ, изящнѣйшимъ царскимъ дворцомъ, священною обителью истиннаго свѣта, возсіявшаго изъ Богоматери“. Церковь была украшена живописью и снабжена богатою утварью и драгоцѣнностями, пожертвованными Василіемъ Болгаробойцей сто лѣтъ тому назадъ. „Все величественно въ этой церкви,— пишетъ Михаилъ Акоминатъ своему другу:—здѣсь видишь ты свѣтъ, для котораго не нужны ни дерево, ни солнце, и сіяніе Духа въ достолюбезномъ образѣ золотаго голубя; надъ святымъ алтаремъ онъ осѣняетъ въ золотомъ вѣнцѣ честной крестъ.“ О неугасимыхъ лампадахъ Парѳенона упоминаютъ въ началѣ XII вѣка и западные писатели. Составитель книги Гвидона (Liber Guidonis) сообщаетъ, что „въ Аѳинахъ находится божественный, неугасимый свѣтъ въ храмѣ, который называется Пропилеями и былъ нѣкогда построенъ царемъ Язономъ изъ великолѣпныхъ камней и съ удивительною пышностью въ честь Богородицы Дѣвы Маріи“. Въ языческое время въ томъ же храмѣ предъ Аѳиной-Побѣдоносной также теплилась золотая лампада, художественное произведеніе Каллимаха, которая наполнялась масломъ однажды въ годъ, свѣтильня ея была изъ асбеста. Павзаній упоминаетъ о ней въ своей книгѣ. Привѣтствуя свою паству, Акоминатъ напомнилъ Аѳинянамъ ихъ славныхъ предковъ. Онъ величаетъ городъ, какъ родину краснорѣчія и мудрости, и, вспоминая о древнемъ празднествѣ бѣга съ факелами, указываетъ, что церковь продолжаетъ этотъ бѣгъ и судьей побѣдителей является Христосъ. Всѣ вѣрующіе приглашаются участвовать въ состязаніи; изъ рукъ предшественниковъ онъ самъ принялъ факелъ, но онъ будетъ гордиться своимъ епископскимъ престоломъ „въ прославленныхъ златыхъ Аѳинахъ“ не прежде, какъ заслуживъ вѣнецъ атлета. Слово Акомината было преисполнено классическими намеками, библейскими сравненіями и реторическими метафорами. Къ сожалѣнію, слушатели понимали только народное нарѣчіе, и аттическое краснорѣчіе константинопольскаго витіи было такъ же недоступно ихъ пониманію, какъ эллинское краснорѣчіе Іоанна Златоуста Антіохій-

цамъ. Въ одной изъ послѣдующихъ рѣчей Акоминатъ печально восклицаетъ: „О градъ Аѳины! Въ какую глубину невѣжества низошла ты—матерь, матерь мудрости! Недавно привѣтствовалъ я тебя простымъ и безыскусственнымъ словомъ и все-таки оно было здѣсь непонятно, какъ будто бы я говорилъ на чужомъ языкѣ, по-персидски или по-скиѳски!“

Блистательному прошлому совсѣмъ не соотвѣтствовала жалкая дѣйствительность. Епархія Михаила была одна изъ бѣднѣйшихъ во всей Греціи. Незадолго до него засуха произвела голодъ. Михаилъ жалуется Евѳимію Малакѣ, архіепископу Неопатрскому, что престолъ его стоитъ въ юдоли плача, гдѣ отъ прежняго величія осталось одно имя; изсохшая, словно камень, почва Аттики не даетъ плода; въ масличныхъ рощахъ и садахъ источники и ручьи изсякли; не течетъ болѣе Каллирое; пчелы покинули Гиметъ, овцы оставили пастбище. Мараѳонъ потерялъ свои трофеи и плодородность. Жителей Элевзиса пираты посвящаютъ въ таинства смерти. Одно утѣшеніе остается ему и паствѣ: благодать, сіяющая изъ священнаго храма Богоматери: ею, какъ огненнымъ столпомъ, освѣщается путь къ шатрамъ, которые укроютъ ихъ и къ небесному Акрополю.

Письма М. Акомината составляютъ единственный источникъ для средневѣковой исторіи Аѳинъ. Они проникнуты глубокимъ отчаяніемъ. Онъ приравниваетъ Аѳины къ Іерусалиму, осажденному Вавилонянами, а себя къ Іереміи. Слезы подступаютъ къ его глазамъ при видѣ пустыхъ, разоренныхъ улицъ и народа, одѣтаго въ рубище и еле-еле поддерживающаго жизнь ячменнымъ хлѣбомъ. Промышленность была въ полномъ упадкѣ. Шелководства не существуетъ. Недостатокъ чувствуется въ самыхъ обыкновенныхъ ремесленникахъ. Свободныхъ земледѣльцевъ нѣтъ. Подати обременительны. Общественная безопасность исчезла. Итальянскіе, греческіе и турецкіе корсары опустошаютъ побережье Аттики невозбранно, такъ какъ царской морской охраны нѣтъ, а гарнизоны въ портовыхъ городахъ недостаточно сильны. Аѳины и Эгина въ особенности привлекали къ себѣ морскихъ разбойниковъ. Лучшіе люди бѣжали съ послѣдняго острова, а оставшіеся соединялись съ пиратами. Даже маленькій островъ Макронизи, у береговъ Аттики, на которомъ находился Георгіевскій монастырь, сдѣлался разбойничьимъ притономъ.

Духовное паденіе Аѳинянъ было еще больше, нежели матеріальное. Акоминатъ, припоминая саркастическую выходку Апол-

лонія Тіанскаго, пишетъ: „чѣмъ болѣе живу въ Аѳинахъ, тѣмъ болѣе становлюсь варваромъ“. Впрочемъ, Грегоровіусъ не допускаетъ, чтобы въ Аѳинахъ изсякла всякая память о прошломъ и чтобы тамъ совсѣмъ не было людей, знающихъ Гомера, Софокла и Платона. Современникъ Акомината, Евстаѳій Солунскій упоминаетъ о театральныхъ представленіяхъ въ Ѳессалоникѣ, содержаніе коихъ заимствовано изъ гомеровскаго цикла. Библіотекъ въ Аѳинахъ не было, но Акоминатъ привезъ съ собой рукописи Гомера, Аристотеля, Галена, Эвклида, Ѳукидида, Никандра и др. Въ алтарѣ Парѳенонскаго собора онъ нашелъ два шкафа съ книгами, составлявшіе архіерейское книгохранилище; кромѣ того, онъ покупалъ и переписывалъ другія сочиненія. Онъ жалуется, что аттическій языкъ превратился въ грубое нарѣчіе, съ которымъ онъ не можетъ освоиться. Даже древнія мѣстныя названія, за исключеніемъ немногихъ, забыты и замѣнены новыми. Образованные Греки отстаивали классическій языкъ и литературу съ такимъ же упорствомъ, какъ Романцы латинскій въ школѣ, церкви и юридическихъ актахъ, хотя классическій языкъ давно уже пересталъ быть живою рѣчью и одновременно съ латинскимъ и по одинаковымъ законамъ переживалъ эпоху перерожденія, подвергаясь вторженію чуждыхъ словесныхъ формъ. У самого Акомината оказывается 350 словъ, неизвѣстныхъ классическому языку. Михаилъ Акоминатъ возмущался простонароднымъ нарѣчіемъ, а оно между тѣмъ уже захватывало литературу. Современникъ Михаила, Ѳеодоръ Продромъ, написалъ два стихотворенія на этомъ нарѣчіи, еще ранѣе появилась дидактическая поэма Спанея, также на этомъ языкѣ. Установился даже особый стихотворный размѣръ, получившій странное названіе „политическаго“ для произведеній этого рода. Византійскіе ученые раздѣляли мнѣніе Акомината и въ продолженіе четырехъ столѣтій считали аѳинское нарѣчіе самымъ испорченнымъ среди греческихъ діалектовъ. Замѣчательно, что того же мнѣнія былъ Данте о нарѣчіи римскомъ. Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился писать свою поэму на языкѣ народа; за нимъ послѣдовали Петрарка и Боккачіо, и народный говоръ превратился въ изящный литературный языкъ. Такая судьба не была удѣломъ новогреческаго языка.

Конечно, не было ни школъ, ни литературныхъ дѣятелей, обязанныхъ Аѳинамъ своимъ развитіемъ. Слава аѳинской учености

обратилась въ легенду, которой вѣрили средневѣковые западные и восточные писатели, Грузины и Англичане, Французы и Арабы.

Почти тридцать лѣтъ провелъ Михаилъ Акоминатъ въ своемъ акропольскомъ архіерейскомъ домѣ, грустя о прошломъ и дѣятельно заботясь о своей паствѣ. Греческіе епископы занимали столь высокое положеніе въ государствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько сохранили независимость, что во все время существованія имперіи могли являться ходатаями и представителями своихъ городовъ предъ царями. Такими же защитниками городовъ (defensor civitatis) епископы были и на Западѣ въ эпоху распаденія Западной имперіи. Древнее право печалованія русскихъ іерарховъ коренится въ общественномъ положеніи византійскихъ епископовъ. До нѣкоторой степени подобное значеніе епископовъ признано также мусульманскими завоевателями. Михаилъ Акоминатъ ревностно исполнялъ эту архіерейскую обязанность и поводы къ ходатайству представлялись, къ сожалѣнію, очень часто.

Мануилъ Комненъ умеръ въ 1180 г., и панегиристъ его, Евстаѳій Солунскій, могъ сказать безъ преувеличенія, что съ нимъ закатилось солнце имперіи. Съ востока и запада Турки и Франки волчьими глазами пожирали великолѣпный остатокъ Византійскаго государства и царственно-пышную столицу ея, царицу городовъ, по словамъ Вильгардуэна. Разноплеменность имперіи, сдерживаемая администраціей, когда сія послѣдняя была въ рукахъ цѣлаго ряда искусныхъ правителей, проявлявшаяся постоянно, хотя и не всегда съ достаточною яркостью, въ антагонизмѣ западныхъ и восточныхъ элементовъ, по смерти Мануила вырвалась наружу. Переворотъ, произведенный Андроникомъ, былъ вызванъ своеволіями Франковъ, которыхъ въ одномъ Константинополѣ было болѣе 60.000 человѣкъ. Греки призвали Андроника съ его пафлагонскими полками и произвели страшное избіеніе западныхъ пришельцевъ. Но Андроникъ, репутація котораго значительно очищается новѣйшими историками, не удержался. Неспособные преемники не съумѣли найти точку опоры въ населеніи имперіи, впутали Франковъ во внутреннія дѣла имперіи и открыли двери западнымъ завоевателямъ, пока не наступила удобная минута для Востока, въ лицѣ Турокъ, окончательно сломить Византію въ ея назначеніи служить не только оплотомъ Европы противъ временнаго напора азіатскихъ варваровъ, но—и это главное—быть примиряющимъ посредникомъ между Европой и Азіей, вносить въ Азію европейскія стихіи закона и порядка.

обогащать Европу драгоцѣнными произведеніями природы и промышленности и еще болѣе важными результатами глубокаго мышленія созерцательной Азіи.

Шатаніе государственнаго порядка отразилось на положеніи провинцій, связь которыхъ съ центральною властью ослабѣла. Стратеги, преторы и пропреторы Эллады и Пелопоннеса присвоили себѣ почти такое же полунезависимое положеніе, какъ нѣкогда равеннскіе экзархи. Уже при Мануилѣ безпрерывныя войны истощили казну. Войска стали получать содержаніе не изъ государственнаго казначейства, а отъ провинцій и городовъ, въ которыхъ были расположены, и эта неудачная система разорила провинціи. Своимъ чередомъ взыскивался обременительный корабельный налогъ на содержаніе флота, котораго, однако, никогда не бывало тамъ, гдѣ въ немъ нуждались. Андроникъ тщетно старался прекратить злоупотребленія и облегчить народъ жестокими казнями изобличенныхъ преступниковъ и суровыми мѣрами противъ богатой знати. Акоминатъ обращался къ нему съ краснорѣчивымъ ходатайствомъ за Аѳины. Страшная смерть Андроника оставила Грецію въ безвыходномъ положеніи. Въ слѣдующемъ воззваніи къ претору Дриму, архіепископъ изображаетъ Аѳины такъ: „стѣны повержены, дома развалились: поселянинъ пашетъ на мѣстахъ прежнихъ жилищъ; какъ нѣкогда Ѳивы были уничтожены Македонянами, такъ теперь разорены Аѳины; время въ союзѣ съ завистью разрушили Аѳины болѣе варварскимъ образомъ, нежели Персы“. Въ жалобѣ, поданной Исааку Ангелу, безпутно прожигавшему жизнь среди крушенія своего государства, архіепископъ аѳинскій обличаетъ безсовѣстное грабительство преторовъ, вымогательство податныхъ сборщиковъ, указываетъ на бѣгства жителей изъ мѣстъ своего пребыванія и запустѣніе страны. Онъ проситъ сложить съ Аѳинянъ взысканіе за просрочку корабельнаго налога въ виду того, что налогъ собирается, но остается въ карманахъ чиновниковъ, а корабли не строятся. Состояніе Аѳинъ характеризуется тѣмъ, что всего этого налога приходилось съ нихъ 8.000 франковъ и взысканіе этой суммы ставило городъ въ безвыходное, отчаянное положеніе. Михаилъ неутомимо боролся за своихъ Аѳинянъ, обличалъ, жаловался, молилъ, писалъ и говорилъ льстивыя письма и рѣчи. Зло слишкомъ глубоко укоренилось, чтобъ этими средствами можно было сломить его. Бѣдственное положеніе архіепископа ухудшилось еще болѣе обложеніемъ церковныхъ

имуществъ. Безъ того колоны и крѣпостные воздѣлывали церковныя земли въ вѣчномъ страхѣ набѣговъ морскихъ разбойниковъ: сами по себѣ неплодородныя поля Аттики приносили скудный доходъ въ видѣ масла и вина. Архіепископъ платилъ налогъ (акростихонъ) въ казну и содержалъ повѣреннаго (мистика) при царскомъ дворѣ. При такихъ издержкахъ незаконные поборы окончательно разоряли аѳинскую архіепископію. „Единственное богатство Аѳинъ,—говоритъ Акоминатъ въ одномъ привѣтственномъ словѣ,—состоитъ въ богослуженіи въ Маріинской церкви: все остальное представляетъ груду мусора.“ Послѣ тридцатилѣтней дѣятельности, утомленный безплодною борьбой съ злоупотребленіями, благородный старецъ сталъ проситься на покой, вонъ изъ Аѳинъ. Желаніе его было исполнено, но не законными властями, а Франками, опрокинувшими тронъ недостойныхъ преемниковъ Константина и Юстиніана и перестроившими весь политическій строй Византіи по пестрымъ феодальнымъ образцамъ Западной Европы.

Какъ ни плохо было состояніе Византіи, Грегоровіусъ отдаетъ ему преимущество во всѣхъ отношеніяхъ предъ тогдашними западно-европейскими порядками и строго осуждаетъ дѣятелей четвертаго крестоваго похода, приравнивая ихъ къ Аттилѣ, Алариху и Гензериху. Ахаія (Эллада) досталась при раздѣлѣ Бонифацію, маркизу Монферратскому, вмѣстѣ съ Ѳессалоникой и королевскимъ титуломъ, но Грецію нужно было сначала завоевать. Походъ 1204 г. былъ военною прогулкой. Королю приходилось только сажать въ городахъ вассаловъ и дѣлить между ними ленныя владѣнія. Единственною властью въ Аѳинахъ оставался архіепископъ Михаилъ. Франки вступили въ Акрополь и первымъ дѣломъ—ограбили парѳенонскій соборъ, растопили металлическіе сосуды и растащили соборную библіотеку. Акрополь былъ занятъ дружиной Франковъ; греческое богослуженіе замѣнилось латинскимъ, греческое духовенство было изгнано изъ крѣпости и съ нимъ удалился также архіепископъ Михаилъ. Аттика съ Аѳинами сдѣлалась леннымъ владѣніемъ рыцаря Оттона Делароша, изъ благороднаго бургундскаго рода; ему же были отданы Ѳивы и область Віотія. Это владѣніе было простою баронiей. Въ оффиціальныхъ актахъ Деларошй именуются „господами Аѳинъ“. Sire d'Athènes, изъ Sire Греки сдѣлали *Кирь* и по привычкѣ раздувать титулы, назвали аѳинскихъ бароновъ—великимъ господиномъ, мегаскиромъ. Пока солунскій король

дѣлилъ Элладу между своими рыцарями, другая небольшая дружина, подъ начальствомъ Гильома Вильгардуэна, самостоятельно прибыла съ юга въ Морею, сначала на службу къ одному изъ греческихъ деспотовъ, а потомъ рѣшилась завоевать весь полуостровъ для себя. Вильгардуэнъ призналъ себя вассаломъ рыцаря Шанплитта, котораго Бонифацій послалъ съ дружиной въ Морею. Такимъ образомъ образовалось второе герцогство—Ахейское: первымъ овладѣли Франки, не встрѣтивъ сопротивленія; второе досталось имъ послѣ борьбы съ мѣстнымъ населеніемъ, сохранявшимъ болѣе независимости въ своихъ горахъ даже при владычествѣ Грековъ. Маркизъ Монферратскій оказался во главѣ государства, границы котораго почти совпадали съ границами Македонской монархіи при Александрѣ до завоеванія Персіи: ему принадлежала вся Ѳессалія со столицей Ѳессалоникой, Эллада или Пелопоннесъ, или Морея, какъ сталъ называться этотъ полуостровъ со времени завоеванія Франками. Но крѣпость македонскаго царства основывалась на преданности туземнаго населенія своимъ прирожденнымъ царямъ: пришлые предводители завоевателей, чуждые по нравамъ, языку и религіи покоренной странѣ, смѣло приступили къ сооруженію своего готическаго государства на почвѣ, совершенно для сего несвойственной, и непрочное зданіе, колеблемое со всѣхъ сторонъ, было осуждено на безславное паденіе.

Утвержденіе франкскаго владычества дало поводъ Грегоровіусу представить интересный очеркъ общественнаго устройства, которое застали Франки въ Греціи. Условія общественной жизни подготовили паденіе имперіи и равномѣрно не благопріятствовали новымъ, феодальнымъ порядкамъ.

Владѣнія сира аѳинскаго съ точки зрѣнія того времени были довольно значительны. Кромѣ Аттики и Віотіи ему принадлежали Локрида Опунтская и Мегарида, горная страна, служившая ключомъ къ перешейку, который находился еще во владѣніи коринѳскаго тирана Сгура. На западѣ границей былъ Эпиръ, въ составъ котораго входили Фокида и Локрида; Мегара, Таланти и Ливадостро (portus Hostae, древній Пирей) были портовыми городами бароніи.

Французскіе рыцари и Греческій народъ образовали съ самаго начала два сословія, не имѣющія между собою политической связи. Господствующій классъ управлялся франкскимъ правомъ, заключавшимъ въ себѣ личную свободу, гражданскія и полити-

ческія права. Греки составили массу несвободнаго состоянія. Франки получили то же военно-феодальное устройство, которое было введено въ Сиріи и на о. Критѣ. Гвида Лузиньянъ, первый король кипрскій, учредилъ триста рыцарскихъ и двѣсти простыхъ леновъ; у Делароша не было такой многочисленной дружины, потому многія земли остались при прежнихъ греческихъ собственникахъ. Для себя мегаскиръ оставилъ Аѳины и Ѳивы; духовенство получило значительный надѣлъ.

Переворотъ, произведенный въ землевладѣніи, коснулся, главнымъ образомъ, крупныхъ собственниковъ, магнатовъ и церкви и былъ менѣе чувствителенъ для городскихъ общинъ и въ особенности для сельскаго населенія. Послѣднее въ эту эпоху находилось въ Греціи, какъ и на Западѣ, въ несвободномъ состояніи. При Византійскомъ правительствѣ она раздѣлялась на вольныхъ землепашцевъ (хориты), владѣвшихъ землей на правѣ собственности, и на колоновъ (парики), которые такого права не имѣли. Правительство неоднократно старалось укрѣпить положеніе свободнаго крестьянства, которое платило подати, но усилія правительства разбивались о постоянную, упорную оппозицію знати и церкви. Родовая и чиновничья аристократія, епископы и монастыри захватывали крестьянскую землю посредствомъ лихвенныхъ сдѣлокъ, силой и обманомъ, или вынужденными духовными завѣщаніями. Такимъ же образомъ исчезли военные участки, которые Никифоръ Фока и др. назначали въ неотчуждаемое владѣніе воиновъ, обязанныхъ являться на службу въ кавалерію и флотъ. Андроникъ Комненъ напрасно пытался уничтожить поземельную аристократію, захватившую слишкомъ много силы. Крупное землевладѣніе задушило вольныхъ крестьянъ. Земля очутилась въ исключительномъ обладаніи духовенства, свободныхъ отъ податей придворныхъ и областныхъ сановниковъ и государства. Все сельское населеніе было прикрѣплено къ землѣ. Въ Византійскомъ царствѣ налицо оказались два сословія, юридически равноправныя, — богатые (дюнаты) и бѣдные (пéниты); къ послѣднимъ принадлежали остатки вольныхъ горожанъ и крестьянъ, съ виду еще свободные, но на самомъ дѣлѣ уже попавшіе въ рабство государству или господамъ; оставалось сдѣлать одинъ шагъ и они обращались въ колоновъ или періиковъ, отбывавшихъ барщинную повинность.

Исчезновеніе свободнаго сельскаго состоянія и закрѣпощеніе горожанъ въ куріи подорвали силу Западной имперіи и „обра-

тили ее" въ легкую добычу Германцевъ. То же самое замѣчается и въ Византійской имперіи при нашествіи Славянъ и Франковъ. Утративъ политическую свободу, высосанное казной и архонтами сельское населеніе не оказало никакого сопротивленія и даже смотрѣло на Франковъ какъ на освободителей отъ ига сборщиковъ податей, аристократіи и духовенства. Ему, въ сущности, было все равно, кому ни служить. Оно мѣняло только господина, оно продолжало отбывать тѣ же повинности, платить тѣ же сборы, какъ и прежде, только Франкамъ, съ тою разницей, что деньги уходили не въ далекую Византію, а оставались на мѣстѣ. Періпки просто перемѣнились въ вилланов и поселянъ (rustici) франкскихъ помѣщиковъ и составили живой, порабощенный инвентарь государственныхъ имуществъ, помѣстій и церкви. Съ этимъ взглядомъ Грегоровіуса нельзя согласиться. Нельзя упускать изъ вида, что прежнее *фактическое* закрѣпощеніе крестьянства сдѣлалось *юридическимъ* и возможность для правительства улучшить бытъ сельскаго населенія безъ нарушенія пріобрѣтенныхъ, хотя и осуждаемыхъ справедливостью правъ и, слѣдовательно, безъ потрясенія законнаго строя общественнаго, стало невозможнымъ. Изъ юридической личности крестьянинъ превратился, по мѣткому выраженію Грегоровіуса, въ инвентарную статью, наравнѣ съ быками и лошадьми. Феодализмъ несомнѣнно ухудшилъ положеніе подвластнаго населенія въ Греціи, какъ и повсюду, куда онъ насильственно вторгался—напримѣръ, въ Англіи, Южной Италіи, Сиріи, Прибалтійскихъ провинціяхъ. Зависимость не отъ далекаго византійскаго царя, а отъ ближайшаго барона дѣлала гнетъ подневольнаго состоянія только болѣе тягостнымъ, потому что источникъ его былъ ближе. На архонта, клирика, чиновника представлялась возможность, хотя бы только легальная, найти управу въ отдаленной столицѣ имперіи, особенно при помощи епископа; на феодальнаго господина виллану жаловаться было некуда. Немного утѣшенія также въ поступленіи податей и налоговъ къ барону, а не въ царскую казну: обогащались ими не поселяне, а горожане, торговавшіе предметами роскоши и фабрикатами; въ Элладѣ же промышленность была въ такомъ упадкѣ, что выгоды доставались не Грекамъ, а иноземнымъ купцамъ, которыми тогда была наводнена территорія бывшей Византійской имперіи.

Порабощеніе менѣе ощущалось въ городскихъ общинахъ, которыя, вообще, сдаваясь Франкамъ, выговаривали себѣ бо́льшую

или меньшую неприкосновенность своего городскаго управленія прежнихъ законовъ и обычаевъ. Вѣроятно, Өивы и Аөины пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ и производили судъ по прежнимъ царскимъ указамъ, василикамъ. Завоеватели должны были сдѣлать эту уступку вслѣдствіе незнакомства съ языкомъ и общественными отношеніями туземнаго населенія, тѣмъ болѣе, что феодальное право касалось только ленныхъ, военно-помѣстныхъ отношеній. Это право было одинаково во всей имперіи и не отличалось отъ іерусалимскаго и кипрскаго. Оно было изложено въ сводѣ законовъ, носившемъ названіе книга обычнаго права имперіи Романіи (Liber consuetudinum imperii Romaniae).

Людовикъ IX возвелъ въ 1260 году Делярошей въ званіе герцоговъ. Аөинское герцогство просуществовало болѣе 250 лѣтъ, до 1458 года, когда оно безъ борьбы было захвачено Турками. Во все это время на политической сценѣ, въ юридическихъ актахъ, даже въ церковной жизни мы видимъ Французовъ, Каталонцевъ, Венеціанъ, знатныхъ дамъ, рыцарей, трубадуровъ, прелатовъ, итальянскихъ нобилей, каталонскихъ капитановъ, турниры, феодальныя кляузничества и войны; какъ въ рыцарскихъ романахъ, дѣйствующими лицами являются только высокопоставленныя и привилегированныя особы; реальной почвы подъ ними нѣтъ; дѣйствіе происходитъ словно въ заколдованномъ мірѣ, гдѣ сами собой являются пища, наряды, деньги въ зàмкахъ, выстроенныхъ волшебною силой. Тезей, герцогъ аөинскій, въ драмѣ Шекспира, хотя и объятъ волшебнымъ сномъ въ лѣтнюю ночь, все-таки встрѣчается со своими подданными; но въ историческихъ памятникахъ греческое населеніе обходится полнымъ молчаніемъ. Оно такъ далеко отодвинуто отъ своихъ господъ, такъ принижено, что за все время франкскаго владычества ни одинъ Грекъ не вошелъ въ составъ феодальной аристократіи и не появляется въ числѣ политическихъ дѣятелей. Въ этомъ отношеніи у Норманновъ было болѣе политическаго смысла. Равнодушіе къ общественной жизни и упадокъ культуры у Грековъ были такъ велики, что не нашлось даже лѣтописца для изображенія печальныхъ судебъ родной страны. Брачные союзы съ Греками были унизительны для Франковъ. Смѣшанное населеніе, однако, все-таки возникло. Такіе Франко-Греки назывались *гасмулами*. Одному изъ такихъ, ярому стороннику Франковъ, приписывается единственная мѣстная исторія завоеванія Пелопоннеса Франками—

Livre de la Conqueste, существующая также и на греческомъ языкѣ въ стихотворной формѣ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ народнаго новогреческаго языка. Это эпическое сказаніе о подвигахъ дружины Вильгардуэновъ написано въ XIV столѣтіи (до 1346 г.) и въ томъ же вѣкѣ было переведено на каталонскій и итальянскій языки. Авторъ хроники относится къ Грекамъ съ презрѣніемъ. Только въ эпоху общаго крушенія восточныхъ христіанскихъ государствъ подъ ударами Османовъ, въ XV вѣкѣ, являются историки послѣднихъ дней Греціи: Аѳинянинъ Лаоникъ (Николай) Халкокондилъ и Монемвасіецъ Франца.

Періодъ владычества Франковъ въ Греціи, какъ въ Сиріи и на Кипрѣ, составляетъ безплоднѣйшую историческую эпоху этихъ странъ. Однѣ безформенныя развалины феодальныхъ зáмковъ на горахъ Пелопоннеса и Эллады напоминаютъ о безуспѣшной попыткѣ западнаго рыцарства и римскаго духовенства пустить корни на классической почвѣ Греціи и втянуть ее подчиненною частью въ сферу латинскаго міра. Народъ, составляющій туземное населеніе, словно замеръ въ непробудномъ летаргическомъ снѣ, длившемся 250 лѣтъ. Историкъ Аѳинъ вскорѣ послѣ появленія крестоносцевъ на классической почвѣ теряетъ изъ виду самое имя Аѳинъ. Для пришлыхъ желѣзныхъ воиновъ вся Греція была пустопорожнею землей, въ родѣ Бразиліи или Балтійскаго поморья, въ которой исторія начинается только со времени завладѣнія. Они равнодушны къ почтенному имени Аѳинъ. Уже въ 1278 году въ оффиціальныхъ актахъ Аѳины называются Сатинесъ (εἰς Ἀθῆνας), потомъ Сетинесъ или Ситинесъ. Въ договорѣ аѳинскаго герцога съ Венеціей утверждается право герцога на мѣсто Аѳинъ, „называемое въ настоящее время Ситинесъ" (locum Athenarum, moderno tempore vocatum Sythines). Турецкое завоеваніе (въ 1458 году) смело безъ слѣда герцоговъ, вассаловъ, прелатовъ и монаховъ. Населеніе, оставшееся греческимъ, ничего не потеряло и ничего не выиграло, освободившись отъ западнаго налета. Безобразное турецкое управленіе точно такъ же разоряло страну, какъ феодальное хозяйство Франковъ.

Эпохой латинскихъ государствъ ограничивается трудъ Грегоровіуса. Благодаря замѣчательному образному и остроумному изложенію, авторъ завлекаетъ читателя пестрою картиной событій, въ сущности не имѣющихъ общеисторической важности. Рыцарская жизнь французскихъ бароновъ, ихъ междоусобія, судбища, турниры внезапно смѣняются неожиданнымъ появленіемъ дружины

каталонскихъ наемниковъ, которая сокрушаетъ одною битвой всю силу аѳинскаго герцогства и водворяется на ихъ мѣсто. Но побѣжденные солдаты еще менѣе чувствуютъ подъ ногами твердую почву, чѣмъ французскіе бароны и впутываютъ въ дѣла Эллады Арагонію, Неаполь, Венецію. Героическій эпосъ Франковъ смѣняется дипломатическими дрязгами, среди которыхъ, подъ владычествомъ итальянскаго рода Аччаюоли, Греція безъ боя переходитъ во власть Турокъ. Паденіе феодальнаго зданія, столь неестественно поднявшагося на античной почвѣ, было безславно.

Съ общеисторической точки зрѣнія эпоха владычества Франковъ приводитъ къ тому выводу, что Западная Европа не можетъ утвердить свое господство въ православно-восточномъ мірѣ. Попытки Франковъ въ Сиріи, на Кипрѣ, въ Греціи потерпѣли полную неудачу. Англія должна была отказаться отъ Іоническихъ островововъ, къ тому же приведетъ и захватъ Кипра. Встрѣчаясь съ живучимъ греческимъ народонаселеніемъ, Франки не могутъ разсчитывать на прочное господство. Точно также и Сирія съ Палестиной еще болѣе Грековъ обладаютъ способностью къ пассивному сопротивленію и національною неподатливостью. Непрочно то господство, когда завоеватель не сливается съ народомъ, или не пріобщается вмѣстѣ съ туземцами къ непосредственному труду воздѣлыванія и ухода за землей посредствомъ сельскихъ колоній. Древніе Греки въ Сиріи и Египтѣ овладѣли управленіемъ, торговлей, образованіемъ и все-таки уступили Арабамъ, которые не ограничились городами, но проникли въ составъ сельскаго населенія. Нѣмецкіе колонисты германизовали Пруссію, тогда какъ наше Балтійское поморье, несмотря на жестокій гнетъ нѣмецкихъ бароновъ, не сдѣлалось нѣмецкимъ краемъ. Западъ обращается къ древнимъ культурнымъ странамъ Востока съ высокомѣрными притязаніями на политическое и духовное господство, но Востокъ и Западъ совершаютъ свою историческую миссію въ отдѣльныхъ, строго ограниченныхъ рамкахъ. Народы Востока, а къ нимъ слѣдуетъ отнести со временъ христіанства и Греческій, имѣя свои особенные историческіе идеалы, цѣли и взаимные счеты, никогда не войдутъ въ духовную сферу романо-германской Европы, и всякая попытка залучить ихъ въ эту сферу будетъ насильственною и неудачною.

М. Соловьевъ.

Поученія I. Амвросія въ общихъ праздничныхъ привѣтствіяхъ. 1870—1891 г. Изданіе Оптиной пустыни. Москва. 1892 г.

Какимъ-то особеннымъ тепломъ вѣетъ отъ этихъ безпритязательныхъ, но глубокихъ въ своей простотѣ, поученій Оптинскаго старца отца Амвросія. Написаны они всѣ по одному случаю поздравленій своихъ дѣтей духовныхъ съ праздникомъ Рождества Христова или же Пасхи. Но поздравленія эти для батюшки отца Амвросія были только внѣшнимъ побужденіемъ къ тому, чтобы сказать своимъ дѣтямъ нѣсколько назидательныхъ словъ, объясняющихъ какое-либо мѣсто изъ Св. Писанія.

Поученія отца Амвросія отличаются краткостью, но эта краткость нисколько не мѣшаетъ обширной глубинѣ содержанія Иногда здѣсь двумя, тремя словами ясно опредѣляется какое-либо важное, основное понятіе христіанской вѣры и жизни. Такъ, напримѣръ, вотъ что̀ онъ говоритъ о центральномъ пунктѣ христіанскаго вѣроученія—о любви: „любовь къ ближнему, если бываетъ не Бога ради, а по какому-либо побужденію человѣческому, то не только не приноситъ пользы, но нерѣдко причиняетъ и вредъ душевный“... (стр. 81) ...„должно знать, что если всякая добродѣтель пріобрѣтается не вдругъ, а постепенно и съ трудомъ и понужденіемъ, то кольми паче любовь, какъ начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей требуетъ къ пріобрѣтенію своему и времени, и великаго понужденія, и внутренняго подвига, и молитвы, и прежде всего требуетъ глубокаго смиренія предъ Богомъ, и предъ людьми. Смиреніе и искреннее сознаніе своего недостоинства—во всѣхъ добродѣтеляхъ скорый помощникъ, равно и въ пріобрѣтеніи любви. Итакъ, начнемъ каждый съ той степени любви, какую кто имѣетъ, и Богъ поможетъ намъ“ (стр. 82). „*Любовь раждается отъ вѣры и страха Божія* (курсивъ нашъ), возрастаетъ и укрѣпляется надеждой, приходитъ въ совершен-

ство благостію и милосердіемъ, которыми выражается подражаніе Богу... Любовь къ Богу доказывается любовью и милосердіемъ къ ближнему, а милосердіе, милость и снисхожденіе къ ближнему и прощеніе недостатковъ его пріобрѣтается чрезъ смиреніе и самоукореніе, когда во всѣхъ скорбныхъ и непріятныхъ случаяхъ будемъ возлагать вину на себя, а не на другихъ, что мы не умѣли поступить какъ слѣдуетъ, оттого произошла непріятность и скорбь, и если такъ будемъ разсуждать, то менѣе будемъ огорчаться и предаваться гнѣву, который правды Божіей не содѣлываетъ"... (стр. 111—112). Не можемъ удержаться, чтобы не сдѣлать здѣсь выписки еще одного мѣста изъ поученій, опредѣляющаго характеръ православія. „Въ Св. Писаніи сказано: *„взыщите разума да поживете и исправите разумъ въ вѣдѣніи"*, то-есть старайтесь разумѣть Св. Писаніе не кое-какъ и какъ вамъ вздумается, а разумѣть какъ слѣдуетъ, правильно и истинно. Доказательствомъ тому служитъ то, что всѣ народы читаютъ одно Евангеліе, а разумѣютъ различно. Неодинаково понимаютъ православные и католики, иначе понимаютъ Армяне, Копты и аріане, иначе реформаты и лютеране и подобные имъ. Такое различіе происходитъ отъ того, что не всѣ обращаютъ должное вниманіе на значеніе евангельскихъ словъ Самого Господа: *„Шедше, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ."* Одна Православная Церковь принимаетъ писаніе ветхое и новое все вполнѣ, а несогласные съ Православною Церковію принимаютъ по выбору изъ писанія только тѣ мѣста, которыя имъ нравятся, и за это причисляются къ еретикамъ, потому что слово „еретикъ" происходитъ отъ греческаго слова „ἐρέω" (выбираю) (стр. 112).

Поученія отца Амвросія изданы, конечно, не для однихъ только его духовныхъ дѣтей и почитателей, такъ какъ слова этого мудраго старца, воспитавшагося на святоотеческой литературѣ и достигшаго, путемъ аскетизма, высшаго духовнаго разумѣнія— цѣнны каждому православному христіанину, особенно въ наше время, богатое гордымъ пустословіемъ.

Со внѣшней стороны книга *Поученій* издана, къ сожалѣнію довольно небрежно.

Тяжелая утрата. (Оптинскій старецъ Амвросій.) Ѳ. П. Ч—нъ. Москва, 1892 г.

Эта книжка издана и имѣетъ значеніе только для почитателей отца Амвросія. Въ ней собраны статьи и замѣтки различныхъ авторовъ о почившемъ старцѣ, появившіяся въ разныхъ изданіяхъ тотчасъ же послѣ кончины старца, а также описаніе послѣднихъ дней его жизни, кончины и погребенія. Тутъ же въ концѣ приложено нѣсколько изреченій старца. Книжка выходитъ уже вторымъ изданіемъ въ пользу Шамардинской женской общины (созданной исключительно трудами и средствами отца Амвросія). Съ внѣшней стороны книжка безупречна и продается за 40 коп. въ магазинѣ Общества Распространенія Полезныхъ Книгъ.

І. Ф.

Три міра Азійско-Европейскаго материка. В. Ламанскаго. Спб. 1892.

Въ европейской наукѣ до сихъ поръ нѣтъ одного установившагося и общепринятаго взгляда на исторію двухъ, попрежнему, частей стараго свѣта — Европы и Азіи. Причиной такой неопредѣленности служатъ противорѣчивыя сужденія о Славянствѣ и, въ частности, о Россіи.

За основу географіи и исторіи стараго свѣта принимается, обыкновенно, условное дѣленіе одного огромнаго материка, лежащаго между Тихимъ океаномъ на востокѣ и Атлантическимъ — на западѣ, на двѣ части — Европу и Азію. Какой же изъ этихъ двухъ частей принадлежитъ Россія? Европѣ или Азіи? Гдѣ граница между ними? Уральскій хребетъ давно уже потерялъ свое значеніе границы между двумя мірами, европейскимъ и азіятскимъ. Россія такъ широко раскинулась по материку, что не только своими владѣніями, но вмѣстѣ и культурой давно уже перешагнула за эту границу Азіи и дошла въ ней до крайняго восточнаго пункта, а равно и на западѣ далеко врѣзалась въ предѣлы Европы. Возможно ли при такомъ условіи остаться съ старымъ дѣленіемъ материка и его исторіи на двѣ половины? Въ европейской наукѣ этотъ вопросъ рѣшается утвердительно. Тамъ до сихъ поръ твердо стоитъ двойственное дѣленіе азійско-европейскаго человѣчества на Востокъ и Западъ, какъ на двѣ противоположности, каждая со своею особою исторіей, культурой и жизнью, хотя и входившія иногда въ столкновенія между собою. При этомъ славянству и Россіи или совсѣмъ не отводится никакого мѣста въ этихъ двухъ мірахъ, или же совсѣмъ не то, какое имъ принадлежитъ по справедливости. Нѣмцы (главнымъ образомъ) считаютъ прямою противоположностью собственной Азіи одинъ только міръ романо-германскій. Греки и Славяне, по ихъ мнѣнію, „не представляютъ собою ничего самобытнаго и опредѣленнаго и, по своей исторической жизни, принадлежатъ то къ Востоку, то къ Западу, подчиняясь политически

и культурно то Азіи, то Европѣ". Французы же (по преимуществу) выдѣляютъ Грековъ и Славянъ восточныхъ отъ Славянъ западныхъ, принявшихъ римское католичество. „Одни принадлежатъ къ Востоку, вслѣдствіе де всецѣлаго возобладанія въ ихъ искаженномъ, схизматическомъ христіанствѣ началъ и формъ азіятскаго деспотизма. Другіе же, то-есть западные Славяне, вѣрныя чада Римской церкви принадлежатъ Западу и Европѣ." Эти два воззрѣнія, смѣшивающія или всецѣло, или только по частямъ греко-славянскій міръ съ собственно-азіятскимъ, являются господствующими въ современной европейской наукѣ. Лежащая въ основѣ ихъ двойственность дѣленія исторіи и культуры европейскихъ и азіятскихъ народовъ царитъ и у насъ. Вслѣдъ за Европой и мы отводимъ самостоятельное мѣсто въ наукѣ міровѣдѣнія только двумъ мірамъ—европейскому и азіятскому. Славянство же и Россію мы, разумѣется, не прочь включить въ предѣлы Европы... Лишь въ недавнее, сравнительно, время очень немногіе наши ученые стали догадываться, что славянству вмѣстѣ съ Греціей должно быть отведено отдѣльное самостоятельное мѣсто среди романо-германскихъ народовъ съ одной стороны и азіятскихъ—съ другой, что смѣшивать ихъ съ тѣми или другими нѣтъ никакой возможности. Религіозныя, историческія и этнологическія данныя со всею очевидностью подтверждаютъ эту догадку. Но и въ наукѣ, и въ обществѣ эта мысль о самостоятельности греко-славянскаго міра еще не сознана ясно и недостаточно обоснована.

Вотъ почему нельзя не привѣтствовать оригинальную попытку почтеннаго слависта В. И. Ламанскаго поставить вопросъ о славянствѣ на научную почву и данными исторіи и культуры оправдать свою мысль о самостоятельномъ третьемъ мірѣ на азіятско-европейскомъ материкѣ.

„Европа есть собственно полуостровъ Азіи, говоритъ онъ,—и потому она съ послѣднею составляетъ одно цѣлое, одну часть свѣта, которая по всей справедливости можетъ носить еще названіе Азійско-Европейскаго материка. Вглядываясь ближе во внѣшній видъ, составъ населенія и историко-культурный характеръ Азійско-Европейскаго материка, мы примѣтимъ въ немъ три крупныя части, три великіе отдѣла или міра, каждый со своими, исключительно ему свойственными, географическими, этнологическими и историко-культурными особенностями."

„Три міра эти слѣдующіе: 1) собственная Европа, 2) собственная Азія и 3) Средній міръ, то-есть не настоящая Европа и не настоящая Азія. Вступая въ предѣлы этого Средняго міра изъ Азіи, мы должны сказать, что тутъ Азія кончается, но Европа еще не начинается; точно также вступая въ него изъ Европы, мы въ правѣ сказать: здѣсь кончается Европа и еще не начинается Азія.“ Географическія границы Средняго міра въ такъ называемой Азіи совпадаютъ съ политическими границами Русскаго государства, за которыми лежитъ собственная Азія. „Западная граница Средняго міра, отдѣляющая его отъ собственной Европы, есть сухопутная русская—норвежско-шведская граница, Ботническій и Финскій заливы, далѣе ломаная пограничная линія, проходящая по прусскимъ и австрійскимъ землямъ, между Балтійскимъ и Адріатическимъ морями. Она углубляется то далеко на западъ въ Германію, то приближается на востокъ къ русскимъ предѣламъ и упирается на сѣверѣ около Данцига въ море Балтійское, а на югѣ около Тріеста въ море Адріатическое. Затѣмъ западную границу Средняго міра составляетъ Адріатическое и Іонійское моря. Южная граница Средняго міра, подобно границѣ Россіи, есть также море, только не Черное, а Средиземное, и также собственная Азія (т.-е. Азіятская Турція). При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи этнологическомъ и историко-культурномъ нѣкоторыя части Малой Азіи и Сиріи скорѣе должны быть относимы къ міру Среднему, чѣмъ къ міру собственно азіятскому.“ За ломаною линіей отъ Данцига до Тріеста, на западъ, лежитъ собственная Европа, міръ романо-германскій (съ сѣвернымъ Скандинавскимъ полуостровомъ), оригинально называемый нашимъ авторомъ Нѣмецко-Романскимъ или Альпійскимъ полуостровомъ.

Строго опредѣливъ географическія границы этихъ трехъ міровъ, почтенный профессоръ съ полнымъ правомъ, на основаніи данныхъ культуры и этнологіи, называетъ Средній міръ міромъ греко-славянскимъ, въ отличіе отъ міра романо-германскаго. Твердому, научному обоснованію весьма остроумнаго и оригинальнаго тройственнаго дѣленія огромнаго азіятско-европейскаго материка и посвящена первая часть сочиненія В. И. Ламанскаго. Замѣчательное всестороннее знаніе разсматриваемаго предмета, ясный, строго обоснованный синтезъ на ряду съ остроумными сопоставленіями и глубокимъ анализомъ даютъ не только интересъ, но и большую научную цѣнность его выводамъ. Въ высшей

степени любопытна общая, заключительная характеристика его трехъ міровъ. „Если,—говоритъ онъ,—если міръ романо-германскій или собственной Европы справедливо можетъ быть названъ попреимуществу міромъ настоящаго, міромъ наличнаго могущества и величія, міромъ зрѣлаго мужества и отчасти гдѣ наступающей, гдѣ повидимому наступившей уже старости, въ отличіе отъ міра собственно азіятскаго, этого міра прошедшаго по преимуществу, міра дряхлой древности, политической и культурной зависимости, то міръ греко-славянскій, въ отличіе отъ этихъ обоихъ міровъ, часто называется, наравнѣ съ англо-саксонскимъ міромъ Новаго Свѣта, міромъ будущаго попреимуществу, или можетъ быть названъ правильнѣе міромъ болѣе или менѣе горькаго и неприглядпаго настоящаго, исполненнымъ однако надеждъ, чаяній и упованій, далеко не безосновательныхъ, но всячески трудно осуществимыхъ, при извѣстныхъ лишь, внутреннихъ и внѣшнихъ, вообще не простыхъ, а довольно сложныхъ и частью даже весьма тяжкихъ, условіяхъ“. Подробному разбору и изложенію этихъ условій и посвящена вторая часть сочиненія В. И. Ламанскаго или заключеніе.

Сущность послѣднихъ условій, обѣщающихъ славянству и Россіи блестящую будущность, сводится къ развитію національнаго самосознанія на разумныхъ традиціонныхъ основахъ. „Недостатокъ опредѣлительнаго сознанія въ цѣльномъ народѣ и обществѣ,—говоритъ В. И. Ламанскій,—бываетъ обыкновенно источникомъ слабости, ведетъ къ печальнымъ заблужденіямъ, по ложнымъ путямъ. Это ясно сказалось въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Трудно вкратцѣ выразить все безконечно-благотворное вліяніе православной вѣры, церкви на жизнь Русскаго народа. Если наша Русь чѣмъ крѣпка и сильна, чѣмъ живетъ и движется, почему предстоитъ ей великое будущее,—то конечно благодаря ея высокому просвѣтительному началу. Все прочее, что̀ нужно людямъ, само прилагается и приложится, ибо для человѣчества нѣтъ и никогда не будетъ ничего выше исканія царства Божія, царства вѣчной истины и совершенной любви.“ Распространеніе и утвержденіе православнаго христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ подъемъ просвѣщенія и экономической жизни страны, а также и упорядоченіе ея бытовыхъ условій,—вотъ ближайшія внутреннія задачи, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ ростъ и процвѣтаніе Россіи.

Если недостаточно ясны нѣкоторыя частныя положенія почтеннаго профессора, въ родѣ неопредѣленнаго и запоздалаго пожеланія расширенія „свободы отдѣльныхъ лицъ, земствъ и городовъ на совершеніе всякаго добраго и полезнаго дѣла“, —то въ общемъ его „Три міра Азійско-Европейскаго материка“ весьма цѣнны и, по своей основной мысли о самостоятельности Средняго греко-славянскаго міра, заслуживаютъ широкаго распространенія. Всестороннее обоснованіе этого положенія — безспорная заслуга В. И. Ламанскаго предъ нашею общественною мыслью, еще до сихъ поръ не сознавшею съ достаточною опредѣленностью и ясностью настоящее мѣсто славянства во всемірной исторіи.

Г. Г.

Широкоцерковникъ. Катехизисъ христіанскаго пантеизма. The Broad Churchman. *Catechism of christian pantheism* Rev. G. E. Comerford Casey. M. A. Omon. Swen Sonnenschein etc. CO. London. 1891.

Объ этой книжкѣ не стоило бы говорить, еслибъ она не служила курьезнымъ образчикомъ того, какъ сочиняются религіи. Въ наше время этого рода фабрикація довольно въ модѣ и можетъ гордиться двумя крупными фирмами — г-жи Блаватской и гр. Толстаго. Но рядомъ съ такими общепризнанными мастерами дѣла, по извѣстной поговоркѣ: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“, выступаютъ на поприще фабрикаціи религій и мелкіе ремесленники, къ числу которыхъ смѣло можно отнести автора вышеупомянутой книжки преподобнаго (Reverend) Комерфордъ Кэзей. Въ издѣліи мелкаго ремесленника всякіе швы и склейки гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ произведеніи крупнаго мастера. Этимъ можно воспользоваться, чтобы разсмотрѣть, въ чемъ заключаются пріемы фабрикаціи религій.

Всякая положительная религія необходимо связана съ какимъ-либо фактомъ, событіемъ, лицомъ, которымъ приписывается сверхприродное, божественное значеніе. Сочинить такой фактъ, подыскать такое лицо въ наши дни, если не невозможно, то по крайней мѣрѣ довольно трудно. Поэтому изобрѣтатели новыхъ религій бываютъ вынуждены пріурочивать свои измышленія къ какой-либо изъ существующихъ. Г. Кэзей желаетъ примкнуть къ

христіанству. Но онъ, конечно, не можетъ остановиться ни на одномъ изъ существующихъ исповѣданій. Церкви греческую и римскую онъ признаетъ наиболѣе испорченными (corrupt) изо всѣхъ (стр. 88); протестантизмъ онъ осуждаетъ за библіолатрію (ст. 122). Кромѣ того, основной догматъ о Св. Троицѣ онъ называетъ печальнымъ памятникомъ человѣческаго безумія и самомнѣнія(!?) (стр. 128). Отсюда вполнѣ естественно, что своею задачей онъ считаетъ созданіе новаго очищеннаго христіанства. „Подъ широкоцерковникомъ, говоритъ онъ, я разумѣю человѣка, который держится идеализма, образующаго высшій элементъ христіанства, и отвращается отъ обезображивающаго его *матеріализма*“ (стр. 7). Необходимо, слѣдовательно, очистить христіанство отъ матеріализма. Слово это можетъ имѣть нѣсколько значеній. Въ извѣстномъ смыслѣ матеріализмъ составляетъ необходимый элементъ въ религіи. Если божество не есть отвлеченное понятіе, а существо, человѣкъ долженъ мыслить и представлять себѣ его въ извѣстномъ отношеніи къ матеріи; такъ, въ наименѣе совершенныхъ религіяхъ божество является какъ бы подъ гнетомъ матеріи, въ болѣе совершенныхъ — оно представляется борющимся съ нею, покоряющимъ и, наконецъ, преображающимъ ее. Въ христіанствѣ спиритуализмъ и матеріализмъ сочетаются въ ученіи о „Воплотившемся Словѣ“ о совершенномъ Богѣ въ нераздѣльной и несліянной связи съ *совершеннымъ человѣкомъ*. Но мистеръ Кэзей утверждаетъ, что совершенный человѣкъ существуетъ только въ нашихъ мысляхъ, что онъ никогда не ходилъ и никогда не будетъ ходить по землѣ (стр. 23); если же такъ, то воплощеніе божества должно представляться нашему автору грубымъ матеріалистическимъ заблужденіемъ, которое онъ и отвергаетъ. Христосъ, по его представленію, есть обыкновенный человѣкъ, впрочемъ, одинъ изъ великихъ и добрыхъ людей, какъ Геркулесъ, Ахиллесъ, Одиссей, Тезей, Персей, Авраамъ, Моисей, Давидъ, Митра, Будда, Вильгельмъ Телль! Словомъ—это герой. Не будемъ передавать разсужденій автора на ту тему, что евангельское повѣствованіе о Христѣ есть одна изъ переработокъ солнечнаго миѳа: все это скучно и черезчуръ банально, но необходимо для мистера Кэзей по двумъ причинамъ. Вопервыхъ, упразднивъ богочеловѣческую личность Христа, онъ воображаетъ, что преградилъ доступъ въ религію политеизму и вмѣстѣ съ тѣмъ устранилъ преграды между человѣкомъ и Богомъ. „Остерегайтесь, говоритъ онъ словами Lammenais, всѣхъ людей, которые стано-

вятся между Богомъ и вами.“ Вовторыхъ, еслибъ онъ признавалъ Христа только проповѣдникомъ нравственныхъ истинъ, то личность Христа утратила бы религіозное значеніе въ собственномъ смыслѣ слова. Религія устанавливаетъ не только нравственныя, но и существенныя отношенія между Богомъ, человѣкомъ и природой. При томъ понятіи, которое нашъ авторъ имѣетъ о Богѣ, представленіе о Христѣ, какъ о героѣ солнечнаго миѳа, ему какъ нельзя болѣе кстати. Вѣрить въ Бога значитъ, по его мнѣнію, признавать, что *природа* священна и *божественна*, что не хорошо поругать (outrage) природу, обезображивать ландшафтъ (to-desecrate the landscape), осквернять рѣки, оголять лѣсистые холмы, разрушать красоту земли (стр. 53). Вѣрить въ Бога, значитъ утверждать, что законы природы нерушимы, что сопротивляться имъ—безумно. Наконецъ, вѣрить въ Бога значитъ утверждать, что въ природѣ есть духъ родственный намъ, который все одушевляетъ и который мы называемъ Богомъ. Курьезно, что въ подтвержденіе этого понятія о Богѣ приводится проповѣдь апостола Павла въ Ареопагѣ (Дѣян. XVII, 25), въ которой говорится, что Богъ *сотворилъ* міръ, что Онъ Самъ *даетъ* всему жизнь и дыханіе, что Онъ *произвелъ* родъ человѣческій и т. д. Свое понятіе о Богѣ мистеръ Кэзей считаетъ истиной, которую нельзя доказать логикой, и полагаетъ, что безполезно разсуждать о такихъ истинахъ съ людьми, которые ихъ отрицаютъ. Какъ хорошо для нашего автора, что онъ такъ откровенно признаетъ безполезность логики. При самомъ краткомъ и легкомъ соприкосновеніи съ этою непріятною наукой онъ увидалъ бы, вопервыхъ, что между воззрѣніями Ап. Павла и его собственными нѣтъ ничего общаго и, вовторыхъ, что его вѣра въ Бога гораздо болѣе матеріалистична, чѣмъ вѣра простонароднаго „Credo“ (popular creed). Впрочемъ, я имѣю здѣсь въ виду только теоретическую сторону вопроса, практически же, я думаю, всякій согласится съ авторомъ, что нехорошо вырубать лѣса и засорять рѣки; прибавимъ, что нехорошо плевать въ колодезь: пригодится воды напиться. Это правило народной мудрости полезно напомнить нашему автору, который только и дѣлаетъ, что его нарушаетъ. Не жалѣя эпитетовъ для порицанія и уничиженія существующаго христіанскаго вѣроученія, онъ, однако, заимствуетъ у него термины и символы, изъ которыхъ онъ, выражаясь языкомъ художниковъ, „скомпановываетъ свою религію. Такъ, подъ словами вѣрить въ Христа

онъ разумѣетъ вѣрить въ то, что „человѣчество священно и божественно“. Но какое же это человѣчество? Богочеловѣчества (Ефес. IV, 11—17) нашъ авторъ не признаетъ, а природное человѣчество, къ которому въ одномъ порядкѣ явленій принадлежатъ Зулусы, Готтентоты, Папуасы, а въ другомъ порядкѣ явленій — герои уголовныхъ хроникъ,—такое человѣчество едва ли можно назвать священнымъ и божественнымъ. Столь же и по тѣмъ же самымъ причинамъ неудачно заимствованіе термина Святой Духъ для обозначенія якобы „священной и божественной“ человѣческой совѣсти. Въ одномъ мѣстѣ своей книжки, объясняя, что̀ такое матеріализмъ, авторъ замѣчаетъ, что матеріалистъ видитъ только низшій образъ каждаго вопроса. Но, спрашивается, что̀ значитъ низводить понятіе божества до понятія природы со всѣми ея противорѣчіями и несовершенствами, низводить понятіе Христа до понятія природнаго человѣчества и понятіе Духа Святаго до понятія удобопревратной человѣческой совѣсти,— что̀ значитъ все это, какъ не видѣть только низшіе образы вопросовъ? Очевидно очистка религіи отъ матеріализма совсѣмъ не удалась м-ру Кэзей.

Изобрѣтатель христіанскаго пантеизма не удовлетворяется религіей теоретическою, ему нужна практика, то-есть праздники, молитвы, таинства. Словомъ—культъ, притомъ поэтическій и красивый, съ эмблемами и символами. Эти послѣдніе онъ черпаетъ larga manu изъ христіанства, а также и изъ солнечнаго миѳа. И почему же нѣтъ? Тому, кто обоготворяетъ природу, вполнѣ естественно, прилично и даже благочестиво праздновать зимнее и лѣтнее солнцестояніе, весеннее и осеннее равноденствіе. Передавать даже въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе и формы этого культа рѣшительно не сто̀итъ. Сказаннаго достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о пріемахъ фабрикаціи религій. Эти пріемы могутъ быть кратко формулированы въ видѣ слѣдующаго рецепта. Заимствуйте у христіанства термины и символы, вложите въ нихъ чуждое христіанству содержаніе, и новая религія готова. Какъ видно, пріемы эти очень просты, они близко знакомы нашимъ святочнымъ ряженымъ, которые при извѣстномъ искусствѣ могутъ надѣлать въ домѣ порядочный переполохъ. Но, конечно, наивное „въ машкерахъ плясаніе“ м-ра Кэзей никого не введетъ въ заблужденіе.

Ал. Саломонъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Томъ пятый.

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

ОКТЯБРЬ.

Поступили въ редакцію „Русскаго Обозрѣнія" въ теченіе октября слѣдующія книги:

Розановъ Н. И. О значеніи братскаго единенія и задачахъ просвѣтительской дѣятельности. Спб. 1892 г.

Закладка святаго храма въ память чудеснаго спасенія Государя Императора и Августѣйшаго семейства 17 октября 1888 г. Спб. 1891 г.

Отчеты о дѣятельности Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви за 1887—1888, 1889—1890, 1890—1891. 1891—1892 отчетные годы.

Священникъ - философъ Орнатскій. Общество распространенія религіозно - нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви. въ С.-Петерб. 1884 г.—1891 гг. Спб., 1891.

Горбуновъ - Посадовъ И. Сборникъ „Русскимъ матерямъ". Изд. И. Д. Сытина. Москва, 1892 г.

Титовъ А. А. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія дѣйствительному члену Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества И. А. Вархамѣеву. Выпускъ третій. Сергіевъ посадъ. 1892.

Журналы перваго съѣзда агрономическихъ смотрителей Вятскаго губернскаго собранія экстренной сессіи 18 и 19 іюня, 1—18 декабря 1891 (2 тома) 25—27 іюня 1892 г.

Шенрокъ В. И. Матеріалы для біографіи Н. В. Гоголя. Москва 1892 г.

Любимовъ Н. А. Исторія физики. Т. I. Спб. 1892 г.

Покровскій. Е. А. д-ръ. Дѣтскія подвижн. игры. Москва 1892. Ц. 2 р.

Отчетъ Государственнаго Контроля по исполненію росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1891 годъ. Спб. 1892 г.

Осокинъ Н. А. Полит. движенія въ Зап. Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка. Казань, 1892 г.

Кулешовъ П. Н. проф. Петровской Академіи. Тренировка рысаковъ съ 21 полит. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Щегловъ Д. Ѳ. Исторія соціальныхъ системъ 2 тома. Спб. 1892.

Кулешовъ П. Н. проф. Петровской Акад. Крупный рогатый скотъ. Вып. IV. Спб. 1892 г. Ц. 95.

Его же Настоящее положеніе нашего тонкорунаго овцеводства. Москва. 1892 г.

Грубе В. Ѳ. проф. **Scheff** млад. доц. Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. II. вып. 2. Харьковъ, 1892 г.

Манасеина М. М. Сонъ какъ треть жизни человѣка. Москва. 1892. Ц. 2 руб.

Ивановъ Ив. Мих. Трагедія Софокла „Эдипъ царь". двѣ части. Спб. 1892. Ц. 1 р. 20 к.

Журналы Вятскаго Губернскаго Земскаго собранія:

1) Экстренной сессіи 18—19 іюня 91 г. и доклады Губ. Земской управы.

2) Очередной сессіи 3—18 дек. 1891 г.

3) Чрезвычайной сессіи 25—27 іюня 1892 г.

Кулаковскій Юліанъ. Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ. Кіевъ, 1892. Ц. 30 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ
(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на литературно-политическій и научный журналъ

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подъ новою редакціей журналъ „Русское Обозрѣніе" будетъ издаваться по прежней программѣ, *безъ предварительной цензуры*, выходя 15-го числа каждаго мѣсяца, книжками до 30 печатн. листовъ.

Въ текущемъ 1892 г. въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица:

А. Н. Апухтинъ, Н. Д. Ахшарумовъ, прив.-доц. П. В. Безобразовъ, П. В. Бертенсонъ, А. А. Борзенко, проф. Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, акад. А. Н. Веселовскій, П. И. Вейнбергъ, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, С. М. Георгіевскій, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, проф. Н. Я. Гротъ, И. И. Дубасовъ, В. П. Желиховская, Н. А. Звѣревъ, Н. Ю. Зографъ, гр. П. А. Капнистъ, проф. Н. Д. Кашкинъ, М. В. Крестовская, Котъ-Мурлыка, А. И. Кирпичниковъ, Д. А. Коропчевскій, Н. С. Лѣсковъ, акад. Л. Н. Майковъ, Е. Л. Марковъ, проф. А. И. Незеленовъ, К. Ѳ. Орловскій, Я. П. Полонскій, проф. Э. Л. Радловъ, гр. Е. А. Саліасъ, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, А. А. Смирновъ, Вл. С. Соловьевъ, М. П. Соловьевъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернъ, А. А. Фетъ, І. І. Ясинскій.

Новой редакціи обѣщали свое сотрудничество еще слѣдующія лица:

Д. В. Аверкіевъ, проф. А. Н Архангельскій, прив.-доц. П. Е. Астафьевъ, акад. Ѳ. И. Буслаевъ, кн. М. Н. Волконскій, А. П. Владиміровъ, А. В. Васильевъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, Г. П. Георгіевскій, проф. А. Н. Деревицкій, А. С. Ермоловъ, проф. Д. И. Иловайскій, кн. Н. К. Имеретинскій, гр. П. А. Капнистъ, А. А. Кирѣевъ, проф. П. Н. Кулешовъ, проф. Н. А. Любимовъ, прив.-доц. В. Н. Львовъ, А. Н. Майковъ, А. Ѳ. Марокинъ, проф. В. И. Модестовъ, прив.-доц. Муркосъ, О. А. Новикова, Ю. Николаевъ, проф. А. С. Павловъ, гр. Л. А. Растопчина, проф. С. А. Рачинскій, В. В. Розановъ, А. П. Саломонъ, Вс. С. Соловьевъ, А. Стернъ, Н. Н. Страховъ, А. А. Титовъ, Л. А. Тихомировъ, І. И. Фудель, проф. И. В. Цвѣтаевъ, Д. Ѳ. Щегловъ, И. Л. Щегловъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Москвѣ и другихъ городахъ съ пересылкой и доставкой.

На годъ.	По полугодіямъ.		По четвертямъ года.			
	Январь.	Іюль.	Январь.	Апрѣль.	Іюль.	Октябрь.
15 руб.	7 р. 50 к.	7 р. 50 к.	3 р. 25 к.	3 р. 25 к.	3 р. 25 к.	3 р. 25 к.
За границей, въ государства почтоваго союза.						
18 руб.	9 р. —	9 р. —	5 р. —	5 р. —	5 р. —	4 р. —

Отдѣльная книга журнала съ доставкой и пересылкой 1 р. 25 к.

Подписка принимается въ редакціи и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкой.

Журналъ „Русскаго Обозрѣнія" за прежніе годы продается по 12 р. Подписчикамъ дѣлается уступка 10%, а отдѣльныя книжки по 1 рублю.

Письма, телеграммы, рукописи и посылки адресуются такъ: *Москва, редакція Русскаго Обозрѣнія.*

Контора и редакція помѣщаются на Тверскомъ бул., въ д. Зыкова.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВЪ.**